МАЙКЛ СУЭНВИК

От автора «Дочери железного дракона»

ВАКУУМНЫЕ ЦВЕТЫ

Два романа о контрразведке во Вселенной

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В сборник Майкла Суэнвика, одного из основателей (вместе с Брюсом Стерлингом и Уильямом Гибсоном) литературного направления "киберпанк", входят романы, ставшие классикой современной фантастики. "Вакуумные цветы" - роман о человеке, потерявшем себя, Ребел Элизабет Мадларк, "девушке, умиравшей дважды", и человечестве, расселившемся по Солнечной системе, но так и не обретшем дома. Второй роман, "Путь Прилива", удостоенный престижной премии "Небьюла", замешен на высоких технологиях будущего, жесткой детективной основе и фантасмагорическом мире Миранды, планеты смерти и воскрешения.

Содержание:

Вакуумные цветы (перевод Н. Магнат)

Путь Прилива (перевод М. Пчелинцева)

- Вакуумные цветы
  - Глава 1. РЕБЕЛ
  - Глава 2. СУД ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ ДЖОНАМОНА
  - Глава 3. УРАГАН
  - Глава 4. ЛОНДОНГРАД
  - Глава 5. НАРОДНЫЙ ШЕРАТОН
  - Глава 6. ОРХИДЕЯ
  - Глава 7. ЧАРЛИ РЕНЕГАТ
  - Глава 8. ДОРОГА ИЛЛЮЗИЙ
  - Глава 9. ДЕЙМОС
  - Глава 10. ТЕНЬ СНОУ
  - Глава 11. МЕЖДУ ЛУНОЙ И ЗЕМЛЕЙ
  - Глава 12. БУРРЕН
  - Глава 13. ОСТРОВ
  - Глава 14. ДЕВОЧКА
  - Глава 15. ТИРНАННОГ
- Путь прилива
  -
  - 1. ПОЛЕТ “ЛЕВИАФАНА”
  - 2. КОЛДОВСКИЕ БОЛОТА
  - 3. ТАНЕЦ МАЛЕНЬКИХ НАСЛЕДНИЦ
  - 4. КАМЕННЫЕ СИВИЛЛЫ
  - 5. О СОБАКАХ И РОЗАХ
  - 6. ГРИБНОЙ ДОЖДИК
  - 7. ЧЕРНЫЙ ЗВЕРЬ
  - 8. РАЗГОВОРЧИКИ ВО ДВОРЦЕ ЗАГАДОК

- 9. ГИБЕЛЬ “АТЛАНТИДЫ”
- 10. ПАНИХИДА
- 11. ПОЛНОЧНОЕ СОЛНЦЕ
- 12. СТАРОЕ ШОССЕ
- 13. ВИД С ВЫСОТЫ
- 14. ПРИЛИВ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

Вакуумные цветы

Гарднеру Дозуа

Глава 1. РЕБЕЛ

Она не знала, что умерла.

Впрочем, она умирала уже дважды: сначала от несчастного случая, а второй раз – покончив с собой. Теперь владеющая ею корпорация заставляла ее умереть снова, чтобы в течение ближайших нескольких месяцев подпитывать миллион бессмысленных жизней.

Но Ребел Элизабет Мадларк ничего об этом не знала. Она только знала, что происходит что-то не то и никто не хочет с ней об этом говорить.

– Почему я здесь? – спросила она.

Над ней склонилось лицо врача. Худое и покрытое зловещей маской из красной и зеленой психокраски. Ребел догадывалась, что означают эти полосы! Лицо застыло в жуткой запрограммированно успокаивающей улыбке, уголки растянутых губ подпирали щеки, делая их похожими на маленькие круглые шарики. Маска смерти раскрыла рот.

– Не стоит беспокоиться, – сказала она.

Над головой одна за другой проплывали монахини, на них были белые накрахмаленные платки, а груди их невинно покачивались. Грациозные, как маленькие кораблики, они следовали по магнитной линии, проходящей вдоль оси контейнерного города. Это была довольно обычная, совершенно непримечательная картина. Но вдруг сознание Ребел дало сбой, монахини стали необъяснимо враждебны и плыли ногами вверх на фоне огромных прозрачных стен, похолодевших от вросших в ночь бесчисленных гроздьев ярких, сверкающих звезд. Ребел тысячу раз видела и такие стены, и такое небо, и таких людей, но сейчас ее мозг без предупреждения засигналил: «Странно, странно, странно!» Она не могла понять, что перед ней.

– Я ничего не помню, – проговорила Ребел. – Иногда я даже не знаю, кто я.

– В данных обстоятельствах это вполне естественно, – сказал врач. Он исчез где-то за изголовьем. – Сестра, взгляните сюда.

К врачу присоединился кто-то невидимый. Они стали тихо переговариваться. Ребел произнесла сквозь зубы:

– Ну конечно, с вами это происходит постоянно, да?

Врач не обратил внимания на ее слова. От живой изгороди шел тяжелый, навязчивый запах роз, такой густой, что можно было задохнуться. Вдоль оси продолжалось движение.

Если бы Ребел могла хотя бы пальцем пошевелить, она бы подождала, когда врач наклонится к ней поближе, и вырвала бы

из него правду. Но она лежала неподвижно, не в состоянии даже повернуть голову. Она могла лишь глазеть на проходящих мимо людей и тоскливо плывущие звезды. Участки среды обитания у нее над головой с обеих сторон были застроены платформами и искусственными холмами, поднимающимися, как острова, из звездного моря. По берегам этого моря изредка мелькали группки отдыхающих, решавшихся приблизиться к прозрачному полу. Их было видно только когда они, как темные пятнышки, заслоняли звезды или контейнерные города. Вновь проплыла мимо незнакомая планета.

– Отложим хирургическое вмешательство еще на день, – наконец сказал врач. – Но ее новая личность прекрасно прижилась. Если состояние больной не изменится, завтра можно резать.

Он пошел к двери.

– Подождите! – крикнула Ребел. Врач остановился, оглянулся и посмотрел на нее обведенными краской мертвыми глазами, над которыми топорщился жесткий ежик рыжих волос. – Я давала согласие на эту операцию?

Он опять одарил Ребел сладкой улыбкой, от которой она приходила в бешенство.

– Думаю, это не имеет значения, – произнес врач. – Вам так не кажется?

И, прежде чем Ребел успела ответить, ушел. Пока сестра поправляла ей контакты за ушами и на лбу, Ребел в какое-то мгновение удалось ее разглядеть. Это была монахиня, крупная женщина с двойным подбородком и пылающими глазами фанатички. Раньше, когда Ребел была еще слаба и не совсем пришла в норму, монахиня представилась ей как сестра Мэри Радха. Теперь Ребел увидела, что монахиня возится со своей психосхемой: ее мозг был чересчур настроен на возвышенное, она с трудом справлялась с повседневными обязанностями.

Ребел отвернулась, чтобы скрыть свои мысли.

– Включите, пожалуйста, – пробормотала она.

В ногах кровати зажегся видеоэкран со статьей из энциклопедии о медицинских шифрах. Ребел поспешно переключила его на что-то безобидное. «Простые экологии в метановой атмосфере». Она сделала вид, что поглощена чтением.

Когда монахиня уже собралась уходить, Ребел небрежно проговорила:

– Сестра, экран висит неудобно. Вы можете наклонить его немного вперед? – Монахиня исполнила ее просьбу. – Да, вот так. Нет, еще чуть-чуть... отлично.

Ребел тепло улыбнулась, и мгновение сестра Мэри Радха

согревалась этим проявлением всеобщей любви. А затем удалилась.

– Ханжа блядская, – проворчала Ребел. Потом обратилась к экрану:

– Спасибо.

Экран погас.

Поверхность экрана была гладкой и блестящей, в нерабочем состоянии он смутно отражал изножье кровати и висящую на спинке закодированную историю болезни.

Ребел быстро расшифровала зеркально перевернутые значки. Две личности, обозначенные схематичными колесиками: одна из них Исходная, другая – Существующая на сегодняшний день. Совершенно не похожие друг на друга. Еще одна закорючка обозначала подготовку к психохирургической операции. Смысл трех следующих значков сводился к тому, что Ребел не нуждается в специальной медицинской помощи. Внизу, где должна была стоять ее фамилия, шла строка обычного шрифта. Ребел прочитала ее дважды, буква за буквой, она хотела убедиться, что здесь нет ошибки:

"Собственность компании «Дойче Накасоне GmbH».

В душе Ребел диким зверем поднялся гнев. Она стиснула зубы и оскалилась, даже не пытаясь сдержаться. Она радовалась этому гневу. Это был ее союзник, ее единственный друг. Он сотрясал неподвижное тело Ребел, захлестнул его горячей волной животной ярости.

И эта ярость поглотила ее целиком, лишив даже собственного "я". Ярость затягивала Ребел в пучину, в темный хаос беспомощности, в мрачную бездну отчаяния, в безмысленность и безымянность, отнимающую лицо, тело и человеческую сущность. Ребел превратилась в демона, который смотрит на движущийся по воздуху сплошной поток людей и плавно уходящие в сторону звезды и ненавидит их всех. Ей хотелось схватить людей, города, звезды, стукнуть с размаху друг о друга и разбить вдребезги, разнести в щепки, она хохотала, а по щекам сбегали слезы безысходности…

* * *

Ребел очнулась и ощутила слабость и подавленность.

– Пожалуйста, скажите, который час, – попросила она, и экран послушался.

Оказывается, прошло четыре часа.

В нишу вошла женщина, худенькая, в зеленой маске и кожаном фартуке с карманом для инструментов, биотехник из низшего персонала. Тихо напевая, она стала приводить в порядок стены. Незнакомка работала методично и самозабвенно, время от времени останавливаясь, чтобы выпрямить согнувшуюся розу.

– Эй, подруга, – обратилась к ней Ребел, – сделай мне одолжение.

В кровь выделился адреналин, и заторможенность Ребел прошла. Она улыбнулась.

– Гм? А! Э… Что такое? – Женщина с видимым усилием оторвалась от работы.

– Через пару часов меня выписывают, но никто не позаботился достать мне одежду. Ты не можешь на обратном пути заскочить куда надо и сказать, чтобы мне что-нибудь принесли?

Женщина моргнула:

– О! Угу… Ну конечно. Разве это не входит в обязанности вашей медсестры?

Ребел закатила глаза:

– Она видит смысл мироздания в звездах и цель существования в выращивании роз. А всякие пустяки – это не по ее части. Понимаешь, что я хочу сказать?

Любой сотрудник больницы, кто в своей работе сталкивался с медсестрами, легко поверил бы словам Ребел.

– Ладно. Пожалуйста, я все сделаю.

На этом разговор оборвался, и женщина с заметным облегчением возобновила работу. Ее пальцы обрывали засохшие листья и прутики. К тому времени, как она ушла, Ребел была уверена, что обещание забыто.

Но через час в палату вошел санитар и безмолвно положил на столик возле кровати накидку.

– Мать твою, – негромко выдохнула Ребел.

Она твердо решила отсюда вырваться!

* * *

Ребел задремала. Потом проснулась и провела мучительный час в ожидании сестры Мэри Радхи, глазея на проплывающих в вечном полумраке людей. Наконец явилась монахиня. Ее живот грузно нависал над поясом; она была как никогда настроена на высокие материи.

– Сестра, тут у контактов отошли провода, – сказала Ребел. – Вы не посмотрите? – Затем, когда пальцы женщины уже были заняты проводами, Ребел добавила:

– Знаете, один из ваших пророков написал любопытное стихотворение, оно вертится у меня в голове, но я забыла несколько строчек. Начинается так: «Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился, и шестикрылый серафим на перепутье мне явился». Слышали? А потом… – Ребел прикрыла глаза, как будто припоминая слова. – «Перстами легкими как сон моих зениц коснулся он. Отверзлись вещие зеницы, как у испуганной орлицы. Моих ушей коснулся он…» А дальше не помню.

Руки сестры Мэри Радхи перестали двигаться. Долгое мгновение она молчала, застыв на месте. Потом вперилась в бездонное пространство ночи и пробормотала:

– Святой Пушкин. – Ее голос набирал силу. – «Моих ушей коснулся он, и их наполнил шум и звон: и внял я неба содроганье, и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье. И он к устам моим приник, и вырвал грешный мой язык…»

Монахиня выгнула спину и задрожала в религиозном экстазе. Руки судорожно подергивались. Один из контактов съехал в сторону, и голова Ребел резко повернулась набок. Но паралич не прошел.

– Сестра! – мягко позвала Ребел. – Сестра!

– А-а-а? – отозвалась монахиня издалека.

– Врач просил вас вывести меня из паралича. Вы не забыли? Он сказал, чтобы я вам напомнила.

Ребел затаила дыхание. Настала решительная минута: теперь или все, или ничего. Все зависит от того, сколько времени потребуется сестре Мэри Радхе, чтобы вернуться к реальности.

– О! – сказала монахиня.

Она повертела в руках регулятор и неуверенно переключила две кнопки. Медленно, как во сне, отсоединила контакты. Потом покачала головой и со смутной улыбкой вышла из палаты.

Ребел с облегчением вздохнула. Она могла двигаться! Но еще долго она лежала в оцепенении, невидящим взором уставясь в пространство. Воспоминание о собственном отражении в видеоэкране (пусть оно даже было искажено, как в комнате смеха) страхом приковало Ребел к кровати. Наконец она набралась храбрости и осторожно, нерешительно подняла руку к глазам. Затем стала неторопливо поворачивать ее.

Рука была цела, мышцы не потеряли подвижности. Нежную, без рубцов, смуглую кожу покрывал легкий пушок из тонких

темных волосков. Маленькие пальцы с блестящими розовыми ногтями. Ребел в ужасе села в постели и начала рассматривать свое тело.

Груди полные и круглые. Бедра немного тяжеловатые, но мускулистые. Из деликатности сотрудники больницы оставили на ней трусики, но над ними по ее животу ползли вверх, как муравьи, черные волоски. Ноги короткие, крепкие, сильные. Хорошее, здоровое тело.

Но не ее. У Ребел Элизабет Мадларк было стройное сухощавое тело с выступающими локтями и коленями. Белая, будто мраморная, кожа и светлые волосы цвета льна. Кисти и стопы длинные и изящные, с тонкими пальцами, как у пианистки. Полная противоположность тому, что она увидела сейчас.

– «Я сойду с ума, – думала Ребел. – Я закричу!»

Но она не сделала ни того ни другого. Ребел встала и начала изучать в обсидиановом экране краску на своем лице. Она даже не обратила внимания на то, что лицо у нее чужое, круглое, с маленьким приплюснутым носом и темными глазами, в которых застыл животный страх. От уха до уха через весь лоб шла красная полоса, над бровями линия изгибалась, напоминая крылышки.

– Включите, пожалуйста, – попросила Ребел и стала читать шифры психосхем.

Оказалось, и это было вполне логично, что такие завитушки на лбу обозначают больничного пациента, подготовленного к психохирургической операции.

Краска легко размазывалась. Хватило нескольких секунд, чтобы изменить старые пометки на другие: «Пациент, выписанный после психохирургической операции». Теперь от глаз спускались вниз две тоненькие черточки, похожие на антенны, а над бровями выросла вторая пара крылышек. Ребел завернулась в накидку, подняла капюшон и вышла из своей ниши на вымощенную плитами дорожку.

Дорожка, по обеим сторонам обсаженная кустами роз, под прямым углом уперлась в другую, пошире, и Ребел очень быстро затерялась в потоке медицинского персонала. Люди были одеты в халаты, совпадающие по цвету с краской на лицах: хирурги в зеленых, диагносты в синих, психопрограммисты в красных. Попадались и пешеходы в обычной одежде. Все шагали решительно, погруженные в себя, безучастные ко всему, как роботы. Ребел шла среди них, и ее никто не замечал. Она скользила на цыпочках, поскольку сила тяжести здесь была невелика.

Сначала Ребел двигалась уверенно, быстро, накидка крыльями развевалась у нее за спиной. Потом дорога

разветвилась и еще раз разветвилась; Ребел безнадежно запуталась в лабиринте из роз, среди сотен ниш, в каждой из которых лежал пациент, как личинка в пчелиной соте. Ребел внезапно почувствовала себя голой и брошенной на произвол судьбы, она забыла, как надо переступать ногами. Очень сложные движения! В тревоге она поплотнее завернулась в накидку и тут же споткнулась.

Зомби все также проходили мимо. Замечая, как Ребел изо всех сил пытается сохранить равновесие, они проворно отступали в сторону, бросали на нее быстрые холодные взгляды и тут же отворачивались.

И все-таки она не удержалась и уже падала на дорожку, как вдруг чья-то рука схватила ее за локоть и грубо поставила на ноги. Ребел повернулась. Перед ней оказалось костлявое хитрое лицо, по лбу проходила оранжевая линия. Незнакомец улыбнулся: узкий подбородок, острые мелкие зубы. Он больно сжимал руку Ребел выше локтя.

– Вот сюда, – сказал он.

– Все в порядке, – быстро проговорила Ребел. – Я просто оступилась. Буду вам благодарна, если вы покажете мне, как отсюда выйти.

– Да бросьте вы, – буркнул незнакомец. – Если бы кто-нибудь узнал, что вы пропали, вас бы уже поймали.

Ребел рывком высвободила руку и почувствовала, что ее новое, чужое, тело дрожит: это была реакция на выделившийся адреналин. Мужчина снисходительно улыбнулся:

– Послушайте, я знаю одного человека, который поможет вам выпутаться. Это женщина. Хотите с ней встретиться?

* * *

Они находились в самом сердце обитаемого острова, где росли гигантские дубы друидов. Ветви одного из них нависали над плотным кольцом окружающих больницу лавок и закусочных. Ствол дуба наполовину покрывал расстояние до оси. Ребел подняла глаза и увидела, как среди верхних ветвей мерцают звезды, то появляясь, то вновь исчезая в просветах между листьями.

– Смертельный трюк! Побег пациента, находящегося в полном параличе, – сказал мужчина. – Интересно, как вам это удалось? – Ребел ему не ответила, и он добавил:

– Кстати, меня зовут Ежи Хайсен.

С веток лениво падали листья, они медленно опускались, едва двигаясь среди стоящей в воздухе пыли; казалось, сам воздух сгустился и не дает им упасть. Озаренные мягким светом листва и пыль застыли в мнимом покое, который на самом деле скрывал медленное, неустанное движение, бесконечное перемещение по кругу, такое же тягучее и неизбежное, как вращение спиральных галактик.

– Действительно? – Ребел хотелось влезть на дуб и усесться среди слегка покачивающихся веток и пыли, так напоминающих огромные приливные волны на ее родине. – Из ваших намеков я поняла, что мне нет необходимости себя называть.

– Да, я знаю о вас все.

Они шли среди витрин с ювелирными изделиями: посеребренные браслеты призывно поблескивали под голубыми лампами, некоторые из них сверкали лунными бриллиантами, мелкими изумрудами и даже колумбийскими турмалинами.

– Вы – испытательница психосхем, в настоящее время страдающая из-за разрушения основной личности, которое, кстати, сами же и спровоцировали. Вас поддерживают наложением личности-прототипа, а эта последняя, строго говоря, является собственностью компании «Дойче Накасоне». Вас зовут Эвкрейша Уолш.

– Нет, меня зовут…

Ребел в недоумении запнулась. Произнесенное Хайсеном имя казалось знакомым, но как-то странно, словно так называлось все самое гадкое в ее душе, вся эта жалость к себе, обида и ненависть, которые овладели Ребел, когда она вдруг пришла в мрачное расположение духа. В ней поднялся пыльный и затхлый запах пораженья, привычной, неизбывной вины, и она опустила голову. Хайсен взял ее за локоть и потащил вперед.

– Что, смутились? В данных обстоятельствах это вполне естественно, – сказал он на ходу.

И тут Ребел посмотрела ему прямо в лицо. Мелкие заостренные черты, тонкий длинный нос, жесткий, как щетка, рыжий ежик… Ребел узнала его! Немного воображения, и вот уже лицо покрывается зловещей маской из красных и зеленых линий.

– Вы мой врач!

– Да, я ваш психохирург.

Дорога шла по мосту через густо заросший кувшинками пруд. У воды за столиками кафе прислуживали лакеи в костюмах Пьеро.

– Но не волнуйтесь, моя программа отключена. По своей воле я и худшего врага не отправил бы к этим ублюдкам из «Дойче

Накасоне». Однако, когда я запрограммирован, у меня нет выбора… – Толпа росла, люди замедлили шаг и наконец остановились. – Сюда. Теперь поедем вниз.

У ствола дерева друидов стояли лифты, вакуумный рукав проходил прямо среди корней. Кабины были грязные, освещение резкое, внутри попахивало мочой и человеческим потом. Люди устремились вперед, а Ребел задумчиво уставилась на дерево, живо нарисовав в уме картину побега: она вырвется из этой толпы и полезет вверх по стволу, ловкая, как белка, все выше и выше, быстрей и быстрей, потому что сила тяжести будет уменьшаться от ветки к ветке. И на самой вершине нужно будет только прижать колени к груди, оттолкнуться пальцами ног и… прыгнуть! И устремиться вверх, выпрямив ноги и широко раскинув руки, пока полет постепенно не замедлится и в последнюю секунду она не коснется оси. И тогда магнитная линия в мгновение ока унесет ее далеко-далеко отсюда.

Но у нее нет ни ручных, ни ножных колец, и магнитное поле ее не притянет. Она камнем полетит вниз, сначала с тягостной медлительностью, потом быстрее и наконец, как бескрылый Икар, мертвая и окровавленная упадет с разгону на плиты городской дорожки. Глупая фантазия!

– «Дойче Накасоне» будет вас разыскивать. Вы об этом знаете? – Ребел и Хайсен вошли в кабину вместе с сотней других людей. Двери со вздохом закрылись, и лифт пошел вниз. – Они хотят снять точную копию вашей теперешней личности. А потом переделать вас в Эвкрейшу Уолш. Вы думаете, они сделают это по доброте душевной? Как бы не так! Они заботятся об авторском праве. – Лицо Хайсена так приблизилось к Ребел, что их капюшоны соприкасались, словно в поцелуе. Врач шептал прямо в ухо Ребел, и она ощущала кислый запах из его рта. – Им нет до вас никакого дела, им плевать на то, какая вы сейчас, на то, кем вы себя считаете. Это все равно что умереть!

Один из отсеков лифта остановился, чтобы выгрузить пассажиров, остальные поехали дальше вниз. Неотесанный юнец с черно-белыми значками на лице и свисающей с шеи металлической звездой, подбоченясь, прохаживался около Ребел. Он распахнул накидку, сверкнуло его полуобнаженное тело. Ребел отвела глаза и получше закуталась в ткань. Парень загоготал.

– Но почему, почему они хотят со мной это сделать?

Хайсен вздохнул:

– История довольно простая, но весьма неприглядная, – сказал он. – Вы помните, как были Эвкрейшей? Работали испытательницей психосхем?

Воспоминания были, но такие болезненные, что Ребел испуганно от них отшатнулась. Они вполне объясняли то безумное стремление к саморазрушению, которое одолело ее несколько часов назад; Ребел хотела бы все забыть. Однако, подобно языку, не оставляющему в покое больной зуб, мысли ее обладали собственной волей.

– У меня в голове все перепуталось.

Остановился еще один отсек лифта, потом еще. Врач и Ребел отступили вглубь. Хайсен всматривался в непроницаемые лица пассажиров.

– Здесь лучше об этом не говорить. Кто-нибудь может услышать. Я расскажу вам обо всем у Сноу.

Двери лифта раскрылись. Ребел обдало горячим и влажным воздухом. Сила тяжести здесь превышала нормальную, и идти было нелегко, на ногах будто висели гири. Толпа подталкивала их вперед, к громадной пещере, где располагались сообщающиеся между собой закусочные с меню из морских водорослей и хирургические кабинеты, игорные заведения и притоны гомосексуалистов. Голографическая реклама била в глаза. Ребел поморщилась. Где-то ударили по струнам – раздался немелодичный звук. Реклама вызывала у Ребел безотчетное волнение и беспокойство. Ее тело покрылось капельками пота. «Я здесь уже была, – думала она. – Нет, я никогда здесь не была».

– Вниз по улице Бакунина, – сказал Хайсен.

Вдали от ведущих наверх лифтов лавки пошли реже, между ними чернели фундаменты зданий и опоры жилой зоны. Когда Ребел и Хайсен проходили мимо психомодельной мастерской, вспыхнул свет, и Хайсен показал внутрь здания. Ребел присмотрелась: клиенты медленно двигались по узким проходам и лениво водили руками по бесконечным рядам полок. Время от времени кто-то брал плату психосхем и нырял в одну из кабинок для программирования, установленных у дальней стены. Над головой горела реклама. «СЬЮЗИ ВАКУУМ» – гласило одно объявление. Сьюзи была похожа на амазонку. Над словом «АНГЕЛ» переливалось изображение мальчугана. «Необыкновенно прелестный ребенок», – подумала Ребел. И тут она увидела надпись «Ребел Элизабет Мадларк». На звездном фоне стояла незнакомая женщина и делала нечто такое, чего Ребел никогда бы не стала делать. Ребел в ужасе глядела на происходящее.

– Видите маленькие кометы на заднем плане? В этом сезоне лесоводы в моде.

Ребел повернула к Хайсену изумленное лицо. Он пожал плечами:

– Это предварительная реклама. «Дойче Накасоне» вложила в

вас уйму денег. Я хотел, чтобы вы поняли, какой дорогой продукт экспериментальной психотехники вы собой представляете. Пошли.

Вниз по наклонной дорожке, потом узкий коридор со стенами из черного, спрессованного шлака. На стенах коридора во много рядов на доступном для глаз расстоянии несмываемой флюоресцентной краской были грубо намалеваны путаные и бессвязные надписи. На «БУДЬ САМИМ СОБОЙ – БОГ ТЕБЯ НЕНАВИДИТ!» наезжало «СВОБОДНЫЕУМЫСВОБОДНЫЕУМЫСВОБОДНЫЕУМЫ», которые исходили злобой, столкнувшись с «БЕЙ УМНИКОВ!», а те, в свою очередь, разбивались о слова «ТАНЦОРЫ, ОБОРОТНИ, ВАМПИРЫ, УБИРАЙТЕСЬ К ЧЕРТУ». Кто-то очень постарался соскоблить колесо с надписью «ДРУГ ЗЕМЛИ». Под нацарапанными значками на деревянном ящике лицом к стене сидел рабочий. Он снял крышку люка и перебирал спутанные цветные провода.

Ребел и Хайсен повернули за угол и пошли через квартал пьяниц. Вконец опустившиеся бедолаги ковыляли, прося подаяние. Они без конца бубнили себе под нос, их мозги, как гнилью, были изъедены Богом, сексом и информацией, рефлексы нарушены, глаза стали пустыми, лица подергивались. Хайсен презрительно зашипел и ускорил шаг.

– Подонки! – задыхаясь, произнес врач, едва они с Ребел благополучно прошли мимо. – Я бы их всех…

Они свернули в еще более узкий переулок, сплошь покрытый тонким слоем начинающего гнить мусора. В воздухе стояла вонь от тухлой рыбы и прогорклого жира, пятки Ребел сделались черными.

Она посмотрела на Хайсена и была поражена, увидев, что врач дрожит. По его белому как мел лицу струился пот.

– Черт возьми, приятель, – сказала Ребел. – Что с вами?

– Это психосхема. – Хайсен помахал рукой перед лицом. – Формируются слишком яркие зрительные образы, я сразу все пропускаю через себя. Иногда это на грани… паранойи.

Они вступили в спускающуюся под углом галерею. Здесь было темно – кто-то то ли украл, то ли перебил все светильники. В тени ворчали вентиляторы. С потолка свисали спутанные черные провода, приходилось нырять под петли кабеля.

– Черт ее побери, – выругался Хайсен. – Вовсе не обязательно было открывать контору именно здесь! Ей просто хочется, чтобы было побольше места. Я бы… – Они в последний раз завернули за угол, и Хайсен показал на потемневшую от копоти дверь. – Сюда.

Над дверью висело большое изображение выкидного ножа, изготовленное из мерцающих неоновых трубок, – образчик

древней технологии, воссоздание которого обошлось, по всей видимости, в хорошую сумму. Он гудел, потрескивал и окрашивал тени в густо-багровый цвет. Лезвие ножа то загоралось, то потухало, словно выскакивая из ручки, а затем снова в нее убираясь. В середине двери был прибит маленький белый прямоугольник, табличка:

Сноу «Клинок»

Восточный конец коридора Кропоткина рядом с галереей Беркмана Новый Верхний Камден, З. С. Э.

– Сноу? – нерешительно проговорил Хайсен.

Дверь отворилась, и они вошли.

* * *

Ребел ожидала увидеть что угодно, только не это: комната оказалась такая огромная и пустая, что трудно было судить о ее размерах. Отделка напоминала яичную скорлупу, белую и безликую. Мебель отсутствовала. Единственным предметом во всем этом пространстве был лежащий посередине маленький молитвенный коврик. На нем, опустив обритую голову и откинув назад капюшон накидки, стояла одинокая коленопреклоненная женщина. Воздух в комнате был холодным, эта прохлада давала минутное облегчение, а потом начинала угнетать так же, как уличная жара.

Ребел и Хайсен прошли вперед. Помещение было оборудовано по последнему крику моды – не было видно никаких механизмов, никаких пультов и проводов; несомненно, их заменяла сложная система невидимых глазу лучей, направленных микрофонов и мыслеприемников. Мощная сила, полностью принадлежащая тому, кто знает все эти хитросплетения.

Женщина подняла голову и устремила на Ребел взгляд холодных, как у змеи, глаз. Лицо женщины был белым как мрамор, его украшал рисунок из шестиугольников, похожих на стилизованные изображения Солнца и снежинки.

– Что вы украли для меня на этот раз, Ежи?

Лицо Хайсена вновь обрело нормальный цвет. Он улыбнулся и, театральным жестом отбросив назад накидку, позволил себе размашистый, шутливый поклон.

– Позвольте вам представить единственный существующий экземпляр из серии – и весьма ударной серии, – намеченной «Дойче Накасоне» к выпуску на будущий месяц.

Женщина не пошевелилась.

– Как это произошло?

– «Как я рада видеть вас, Ежи. Садитесь, пожалуйста», – ухмыльнулся Хайсен. – Вы ведь именно это хотели сказать, Сноу? Или, может, нам предстоит сидеть на полу?

Сноу слегка повела головой, как ящерица холодным утром после долгой спячки.

– Стулья сзади.

Ребел повернулась и чуть не споткнулась о стул в стиле эпохи королевы Анны. Рядом стоял еще один, точно такой же. Ребел бессознательно отступила назад. Хайсену тоже было не по себе. Каким бы там образом ни появились стулья, фокус производил такое же сильное впечатление, как средневековые чудеса.

Они сели и, снова встретившись взглядами со Сноу, заметили в ее глазах странный блеск. «Весело ей, что ли? – подумала Ребел. – Если так, то хорошо же она запрятала свое чувство». Хайсен откашлялся и заговорил:

– Это Ребел Элизабет Мадларк. Два дня назад она была испытательницей по имени Эвкрейша Уолш. Эвкрейша вела просмотр материала, а потом вдруг сбрендила, сожгла схему Мадларк, а заодно и свою базу. Попала в больницу Богоматери Роз…

– Стоп, приятель! – сердито оборвала его Ребел. – Отмотай назад и давай все по новой, но без этих ваших словечек.

Хайсен взглянул на Сноу, та еле заметно кивнула. Он заговорил снова, на этот раз обращаясь к Ребел:

– Каждый день «Дойче Накасоне» просматривает множество психосхем. Большинство из них никогда не используется, но все подлежат оценке. Для первичного отбора компания нанимает испытателей. Это обычная процедура. К вам подключают провода, подавляют базовую личность – у вас это Эвкрейша, – программируют новую личность, исследуют ее свойства, отключают программу и опять воссоздают базовую личность. И потом все сначала. Припоминаете?

– Кажется… теперь припоминаю, – проговорила Ребел. И тут же настойчиво добавила:

– Но у меня такое ощущение, что это было не со мной. Как будто все это происходило с кем-то другим.

– Сейчас я объясню, – сказал Хайсен. – Дело в том, что все испытатели отличаются крайней неуравновешенностью. Несчастные создания, склонные к самоубийству. Потому-то, собственно, они и берутся за такую работу, хотят стать кем-то другим, хорошим и счастливым. Но по иронии судьбы их прошлый жизненный опыт настолько горек, что они не могут

быть счастливы ни в какой личности. Как говорится, опыт всегда берет верх. – Врач выдержал паузу и с победным видом посмотрел на Сноу. – Но не в данном случае.

Сноу безмолвствовала. После неловкого молчания Хайсен продолжал:

– Да. Перед нами исключение, опровергающее правило. Наша Эвкрейша подключилась, примерила новую личность, и эта личность ей понравилась. Настолько понравилась, что она вылила в программер стакан воды и вывела его из строя. Таким образом она уничтожила не только страховочную копию собственной личности, но и единственный экземпляр программы «Мадларк».

Ящерица вновь слабо пошевелилась.

– Значит… – произнесла Сноу. – Да. Да, ясно. Это интересно.

Ребел вдруг как будто слегка ударило током, и она вспомнила то, чего не могла знать: она поняла, что Сноу имеет доступ к ее личности и считывает сведения, пользуясь либо узконаправленным микрофоном, либо датчиком, вживленным в подкорку.

– Как вам удалось ее увести? – спросила Сноу.

Хайсен пожал плечами:

– Повезло. Она сбежала сама, а я просто оказался поблизости.

Он рассказал то, что знал о побеге Ребел.

– А вот это уже интересно.

Женщина встала. Она оказалась высокой и удивительно тощей – прямо какое-то бестелесное существо. Дух в белом одеянии, в плотно запахнутой накидке. Два длинных костлявых пальца появились из-под одежды и дотронулись до лба Ребел. Пальцы были твердые и сухие, словно пергамент, и Ребел вздрогнула от их прикосновения.

– С каким мозгом мы имеем здесь дело?

Сноу умолкла.

– Взгляните на ее характеристики. Хайсен вытащил карманный компьютер и набрал разветвленную голографическую диаграмму. Диаграмма висела в воздухе – зеленый шар с извилинами на поверхности, похожий на перекати-поле. Или шарообразное дерево, растущее в дальних мирах… Диаграмма выглядела точно родной дайсоновский[1] мир Ребел, и это сходство поразило ее.

– Ладно, это всего лишь грубая схема, – нетерпеливо сказал Хайсен. – Но посмотрите, вот здесь, где расходится натрое n-ветвь. Тут очень сильная…

Зеленый шар пылал в воздухе, как видение Грааля, и в мозгу Ребел внезапно возникло воспоминание о том наполненном

светом мгновении, когда ее личность заполнила весь мозг и она подняла стакан и опрокинула его на программер. Струя воды извивалась и сверкала, наблюдающая за опытом женщина-психотехник ошеломленно повернулась, в глазах ее появился ужас, рот раскрылся, а Ребел откинула назад голову, ощущая, как у нее в горле зарождается сочный, радостный смех. Какое счастье жить, чувствуя, как мысли, словно солнце, согревают твой мозг, и знать, что надо делать. Но почти сразу, когда вода еще лилась на компьютер и техник кричала: «Что ты!..», Ребел поняла, что все еще подключена к схеме. Плата зашипела, и тут Ребел добралась до нее, почувствовала вонь горящего пластика, удары электрических разрядов, свободной рукой попыталась выдернуть провода, но уже было поздно, и мир погрузился во тьму…

Память отключилась, и Ребел вздрогнула: где она? В больнице? Ее поймали? Хайсен и Сноу все еще беседовали. Высокая стройная женщина бесстрастно взирала сверху вниз на вспыльчивого низкорослого мужчину. И вдруг Ребел вспомнила, кто они такие. Ни Хайсен, ни Сноу не заметили ее обморока, – наверное, Ребел была без сознания очень недолго.

– Мы на этом заработаем, – говорил Хайсен. – Слышите, Сноу? Нам нужно их опередить.

– Мы можем не потянуть, – проронила Сноу и надолго замолчала. – Ладно, попробуем. – Она повернулась к Ребел:

– Давайте рассмотрим гипотетический случай. Представьте, что к вам обратилась некая мелкая фирма, которая производит пиратские аналоги коммерческой психопродукции. Допустим, вам предложили… – Сноу слегка подняла голову, – три очка за помощь в записи. После этого вы потеряете для «Дойче Накасоне» всякую ценность. А нет ценности – нет и интереса, и вас оставят в покое. Прошу вас дать ответ, принимая во внимание, что, если вы откажетесь заключить эту сделку, «Дойче Накасоне» вас обязательно выследит – и сотрет вашу личность.

Недавняя потеря сознания плохо отразилась на мыслительных способностях Ребел. Или сказалась усталость после насыщенного событиями дня. Ей было трудно сосредоточиться. Ребел покачала головой:

– Я не понимаю… Как это – производит аналоги?

– Ну, скажем, в настоящее время лучше всего продается, – Хайсен говорил, Сноу слушала, – молодой человек с невероятным именем Ангел. Он впечатлителен, романтичен, застенчив. Рекламная машина завертелась, и вот уже все четырнадцатилетние подростки в Кластере хотят быть впечатлительными, романтичными и застенчивыми. Личность имеет высокий спрос. Мы берем одну из первых копий, делаем

достаточно изменений, чтобы обойти закон, и выбрасываем на серый рынок сто тысяч записей. Эти личности не близнецы Ангела, но они тоже впечатлительны, романтичны и застенчивы. И дешевы. Крупные дельцы получают крупную прибыль. А мы подбираем после них крохи.

Только на этот раз, – продолжал Хайсен, – мы выйдем на рынок первыми и бесплатно воспользуемся рекламой. «Дойче Накасоне» вынуждена будет переделывать нашу запись, а они просто не умеют работать с такой скоростью, как мы. Мы снимем сливки по крайней мере за неделю до того, как…

При мысли о том, что ей придется делить свои мысли, свое лицо, свою душу со ста тысячами незнакомых людей, у Ребел поползли мурашки по коже. Чужие люди будут испытывать ее самые сокровенные чувства, самые глубокие эмоции. Эти незнакомцы представлялись ей в виде кучи каких-то мучнисто-белых насекомых, биологических машин, лишенных воли и индивидуальности.

– Нет, – сказала Ребел. – Выбросьте это из головы. Я не стану проституировать свои мозги.

– Но, черт возьми, у тебя нет выбора…

Хайсен вскочил и потянулся к Ребел. Она поднялась, встала поудобнее и сжала кулаки. Ребел никогда не изучала приемы борьбы в условиях повышенной силы тяжести, но мышцы ее нового тела двигались так слаженно, что не могло быть сомнений: она собьет Хайсена с ног одним ударом. Сперва расшибет ему нос, а потом…

– Прекратите! – Сноу выбросила вперед руку и установила между Хайсеном и Ребел барьер. Под накидкой мелькнула плотно обтягивающая кости бледная, как у мертвеца, кожа и маленькие соски плоской груди. Длинную жилистую руку покрывала серебристая филигрань силового экзоскелета. Задействовав мышечные усилители, она с легкостью могла пробить шлакоблочную стену, переломать чьи угодно кости.

– Пока я говорила чисто гипотетически, ничего никому не предлагая.

Немигающие глаза неотрывно смотрели на Ребел, словно та была загадкой, которую Сноу пыталась разгадать усилием воли. Не поворачивая головы, женщина сказала:

– Возможно, это ловушка. Ежи. Вы об этом не думали?

Лицо Хайсена исказилось.

– Нет, я… Возможно, да! Возможно… – Он бросился вперед и ткнул пальцем в плавающую в воздухе диаграмму. – Посмотрите, вот! Это расщепление в r-ветви! – Затем он немного успокоился. – Нет, такую фальшивку не сделаешь. Она настоящая.

По лицу его катился пот, взгляд стал настороженным.

Сноу спрятала руку под накидку, пожала плечами и отвернулась от диаграммы.

– Важнее другое. Я с трудом представляю себе испытательницу, обретшую вдруг счастье и удовлетворение в новой личности. Это сказка. – Она плавно скользнула к своему молитвенному коврику, грациозная, словно гейша. – Боюсь, дитя мое, в настоящее время мы не готовы заключить с вами сделку. Сколько бы мне ни хотелось узнать, что там такое в вашем весьма любопытном мозгу.

Стоявши рядом Хайсен дрожал, точно сидящая на привязи гончая.

– Нет, – покачала головой Сноу. – Мы узнали все, что могли. Идти дальше – излишний риск.

Воцарилось молчание. В это время один из «жучков» зашептал прямо в ухо Ребел; голос был похож и в то же время не похож на голос Сноу:

– Через минуту охранники из «Дойче Накасоне» будут здесь.

Лазер высветил на сетчатке одного из ее глаз диаграмму: карту сложного переплетения улиц и галереи. Было видно, как к заведению Сноу ползут два мигающих огонька.

– Придется пожертвовать Ежи. Что касается вас... если вы выйдете, повернете налево и побежите со всех ног, то спасетесь.

Карта исчезла.

– Идите куда хотите. Если вам удастся удрать, мы об этом узнаем. И когда вы решите вести с нами дела, мы вас найдем.

Сама Сноу не произнесла за это время ни слова. Она стояла, одинокая и стройная, как мадонна.

– Дверь сзади, – заговорила она наконец.

Ребел повернулась и бросилась на улицу.

Она неслась не разбирая дороги по мрачным, душным коридорам нижнего города. Она мчалась наугад через заполненные людьми галереи и пустынные переулки, пока наконец, вся потная, не начала задыхаться и ее не одолел проснувшийся в душе страх.

Глава 2. СУД ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ ДЖОНАМОНА

Некоторое время спустя Ребел обнаружила посреди покрытого плиткой внутреннего дворика несколько справочных окон. Она не представляла себе, где находится. Если судить по силе тяжести, где-то в средней части города. Между забитыми покупателями лавками женской одежды порхали тропические птицы. Широкая лента водопада с плеском падала в мелкий пруд. У края водоема торговец продавал медные монеты для желающих когда-нибудь сюда вернуться.

Тело Ребел без всякого приказа само направилось к справочному окну. Голова гудела и была как будто чужая, мысли отсутствовали. Словно издалека Ребел наблюдала, как ее пальцы дважды коснулись экрана, программируя его на связь в режиме истинного времени. Пальцы набрали код доступа, и Ребел стало интересно, что же это за код.

На экране появилось мужское лицо. Оно плавало в темноте, фон был неразличим. На лбу у незнакомца вырисовывался узор из пятиконечных золотых звезд. Он удивленно поднял брови:

– Давно тебя не видел.

Ребел словно зачарованная слушала, как ее собственный резкий голос произносит скороговоркой:

– Мне нужно спрятаться. Мне нужно забиться в самую глубокую щель. Мне нужно спастись. – По ее лицу покатились слезы. – У меня нет денег, я никому не доверяю, и мне нужна твоя помощь.

Незнакомец изменился в лице, теперь на нем читались смятение и испуг.

– Бог мой, что ты сделала с собой, Эвкре?..

– Не произноси моего имени!

Полное непонимание. Затем вновь быстрая смена выражения. Мужчина ухмыльнулся:

– Я все усек, солнышко. Слушай, мое дежурство только началось, но, может быть, тебе стоит ко мне зайти. Я теперь работаю в вакууме, цветы собираю. Вряд ли тебя станут искать на этом булыжнике. Сможешь добраться до Биржи труда на общественном транспорте?

Ребел не слушала. Ее голова кивнула.

– Вот и хорошо, как приедешь, иди ко входу, над которым написано «Хранение и обслуживание». Скажи, что ты хочешь поработать ножницами, у нас всегда не хватает людей, и тебя

сразу наймут. Назови мое имя, чтобы тебя включили в нужную бригаду. Работа сдельная, никто не следит, сколько времени ты вкалываешь. Я скажу, чтобы тебе выдали скафандр и все прочее за мой счет. Поняла? Справишься?

Тело Ребел глубоко вздохнуло. Голос ее сказал:

– Да.

* * *

В тот момент, когда Ребел очнулась, она уже соскребала с поверхности Эроса вакуумные цветы.

Нудная работа, противная. Блестящие голубые цветочки прятались на удивление хорошо. Поляроидный визор отсекал весь блеск, превращая яркие цветы в поле черных звезд. Чтобы отыскать их, приходилось тянуться в темноту. Стебли тонкие, как проволочки, но гораздо более прочные. Хуже всего, что при такой небольшой силе тяжести, как здесь, любое неосторожное движение могло отбросить Ребел на много метров отсюда. Она висела в воздухе, придерживаясь за скалу пальцами ног и одной рукой, а другой ловила ножницами каждый цветок. Мышцы болели от напряжения и усталости.

Внутри скафандр мерзко вонял, висящая на плече сумка наполнилась лишь наполовину. И вообще, она волочилась за Ребел, словно брюшко пчеломатки. В шлеме гудело от шума голосов: это бригада болтала по каналу внутренней связи.

– ..Ей-богу, не вру, – растягивая слова, говорил мужской голос. – Я был вежливый до ужаса. В программу обязательно закладывают весь этикет, ты меня слышишь? Так что я знаю, какой вилкой полагается ковырять в носу, и все такое. Я не только был учтив на людях, а даже трахался со всей обходительностью.

– Да? Пожалуй, стоит попробовать, – откликнулся веселый женский голос.

– Тамара, лапочка, да я в жизни к тебе не притронусь. А если бы я тебя вдруг и трахнул, то и под пыткой никому бы про это не рассказал. – Взрыв хохота. – Но ты можешь уговорить кого-нибудь из своих приятелей испробовать эту программу.

– О черт! – воскликнул другой женский голос. – Если кто-нибудь из Тамариных приятелей сделается таким обходительным, он…

Ребел отключила внутреннюю связь. В ней что-то смещалось,

она уже не знала, кто она: Эвкрейша или Ребел, Ребел или Эвкрейша. «Отпусти», – зло прошептала она и снова стала собой – Ребел. Но ощущение второго "я" усилилось и тенью зависло у нее за спиной. Ребел согнула плечи, стараясь не обращать внимания на ту, другую, и продолжала собирать цветы.

Работа успокаивала. Пальцы двигались сами по себе в размеренном, естественном ритме, срезая цветы и складывая их в сетчатую сумку. Впереди до самого горизонта расстилался бесконечный ковер из вакуумных цветов, каждая чашечка величиной с человеческую голову, но такая хрупкая, что от прикосновения пальца в перчатке она съеживалась, обращаясь в ничто.

Ощущение той, иной, осталось. Ребел непрерывно чувствовала на себе чей-то взгляд. Она повернула голову и посмотрела через плечо.

Никого. Лишь голые скалы и резкие тени, и вдалеке несколько низких хозяйственных построек и площадки для грузов. Площадки представляли собой просто плоские участки, используемые под склады, скалы здесь были срыты. Некоторые площадки пустовали. На других громоздились небоскребы оранжевых, зеленых и желтых ящиков. Механизмы с тонкими, комариными лапками карабкались на штабели, убирая одни ящики и ставя новые. Внизу вакуумники сгружали ящики с магнитных подушек или загружали в подъемники и отходили, пока груз поднимали наверх или увозили прочь.

«Что тебе здесь надо? – сердито думала Ребел. Ей хотелось плакать, но она твердо подавила это желание: нельзя плакать в скафандре. – Я не уступлю тебе места. Теперь это мой мозг!»

Клочок мусора легко упал на скалу рядом с Ребел, подпрыгнул и медленно поплыл вниз – поблескивающая на свету красновато-оранжевая искорка. Обрывок упаковки какого-то товара, потребленного на ближней орбите. Ребел нагнулась, попыталась собрать сразу слишком много цветов, цветы закоротились, и она почувствовала через перчатки легкий удар тока. «Вот же, мать твою!» Она с отвращением бросила цветы и села. Над окаймленной сверкающими цветами линией горизонта в небо всходил контейнерный город. Ребел различала беспорядочно рассыпанные за прозрачной стеной огни жилой зоны, мелкие и яркие, точно Повисшие в аквариуме звезды. И тут до нее дошло, что она находится на той самой незнакомой планете, которую видела в больнице. На Эросе, в центре Эросского Кластера.

Призрак Эвкрейши исчез, испарился, как пузырек воздуха.

Ребел привязала сумку к выступу скалы, пристроилась

поаккуратнее и легла на спину, предоставив свету омывать ее тело.

Глядя на Кластер, она понимала, как ей все это знакомо, но в то же время чувствовала благоговение. На фоне звездного неба раскинулась рукотворная галактика из вертящихся колес, заводов с переменной силой тяжести, куполообразных городов, сортировочных парков, шлакоблочных цилиндров, сферических ферм... бесконечное множество сооружений, все они ярко раскрашены и сверкают, как маленькие солнца. На самом краю Кластера, в направлении, противоположном его вращению, виднелись металлургические заводы; их бесчисленные параболические зеркала сияли рассеянным светом. Направо от них – автоматические световые парусники, перевозящие обогащенную руду. Поближе, среди тонких линий транспортных голограмм, сновали вспомогательные корабли и люди в скафандрах. На миг у Ребел перехватило дыхание от всей этой красоты. Ей хотелось смеяться и плакать. И вдруг…

– Не зевай, солнышко!

Рука в перчатке ударила ее по шлему и включила интерком. Ребел вскочила на ноги и, кувыркаясь, взлетела вверх, но ее успел подхватить мужчина в скафандре «в цветочек». На груди его ярко сиял Северный Крест из золотых звезд. Ребел видела свое отражение в золоченом визоре мужчины, а в своем – отраженном – визоре маленькое искаженное изображение незнакомца. Он поднял большой палец:

– Смена закончилась. Пора домой.

* * *

Мужчина передвигался медленными, смешными – как и всегда при низком тяготении – прыжками. Ребел следовала за ним. Он был высокий и длинноногий, с узкими бедрами и плотными маленькими ягодицами.

Бегущие вприпрыжку со всех сторон члены бригады направлялись к обшарпанному подъемнику. Один за другим они опускали сумки с цветами в поле, смотрели, как сумки летят вверх, и сами вплывали в подъемник. Их рабочую одежду украшали переливающиеся космические пейзажи с облаками и радугой, картинки под Мондриана, Поллока, Ван Гога. Ребел оглядела свой скафандр. Серебристый, без всякого рисунка.

– Ну, поехали, солнышко. Надень это на ручку сумки.

Мужчина протянул Ребел железный брусок с дыркой посередине. Она прикрепила брусок к ручке и толкнула сумку вперед. Сумка исчезла.

– Послушайте, нам надо поговорить, – сказала Ребел.

– Да, но не здесь.

Он взял Ребел за талию и подсадил в подъемник. Поле подхватило ее. Астероид под ней так быстро уменьшался в размерах, что у Ребел захватывало дух. Она снова видела Эрос целиком, как с Нового Верхнего Камдена, всю эту вытянутую, кособокую планетку с горящими металлическим, синевато-серым блеском континентами и чернильного цвета морями. Это были не настоящие моря, а очищенные от цветов участки суши. Регулятор движения остановил Ребел и развернул, астероид мгновенно ушел в сторону, теперь на нее летел купол Биржи труда. Ребел врезалась в магнитную подушку, замедлила движение и остановилась у шлюза.

* * *

Биржа кишела рабочими. Новые бригады надевали скафандры и уходили. Ребел проскользнула мимо них. Те, чья смена закончилась, болтали, на ходу сбрасывая шлемы и снимая скафандры. Ребел пошла за кем-то из их бригады в скафандре с рисунком в виде радуги и по магнитной линии добралась до служебного выхода. Там сидела грудастая кассирша в металлических наколенниках и держала в руках машинку для выдачи жалованья.

– Пошевеливайся, – рявкнула женщина.

Ребел поспешно сняла перчатку и сунула руку в машинку. Автомат прочитал отпечатки на руке, вычислил вес срезанных цветов и выбросил тонкий серебряный браслет. Он непривычно холодил ее руку. Ребел заторопилась дальше, радужного скафандра нигде не было видно. Она совершенно не имела понятия, куда идти.

Потом кто-то легко подскочил к ней и подтолкнул к магнитной линии.

– Увидимся в конце, солнышко, – сказал мужчина, и Ребел вылетела из здания Биржи.

Это был тот же самый человек. В конце линии Ребел еле успела ухватиться за перила, так как; вытянув шею, напряженно, но тщетно, искала его лицо.

Ребел прошла за полной женщиной в раздевалку. Подражая движениям женщины, сложила скафандр, сунула его в шлем вместе с трусами и выданным ей набором ручных и ножных браслетов и бросила все это в отверстие чистящей машины. Затем она нырнула в душ. Помылась пропитанным мылом полотенцем, сполоснулась мокрым и вернулась в раздевалку.

Раздевалка была в форме пятиугольника, шкафы занимали все стены. Ребел парила среди веселых, болтающих женщин и силилась вспомнить, где ее шкафчик. К счастью, память хранила все, пусть Ребел и не могла по своей воле ею воспользоваться. Тело знало, что делать. Ребел позволила ему идти куда оно захочет и оказалась у шкафчика, который открылся от прикосновения ее пальца. Внутри лежала ее одежда и только что вычищенные рабочие принадлежности.

Зацепившись ногой за вделанное в пол кольцо, Ребел натянула трусики и магнитные браслеты. И наконец влезла в наколенники и заглянула в зеркало. На нее смотрело все то же недоумевающее курносое лицо.

Женщины вокруг одевались и перепрограммировали себя, раскрашивая лица в соответствии с новой личностью. Комната наполнилась многочисленными «Мэрилин» и «Поллианнами», изредка попадалась «Зельда» и даже «Сьюзи Вакуум». «Ксавьера», видя застывшую в нерешительности Ребел, перестала на миг красить губы в ярко-розовый цвет и предложила ей психосхемную плату.

– Ну, давай, милочка. Попробуй, только потом держи ноги пошире…

Ребел залилась румянцем и отвернулась, женщины прыснули со смеху. Ребел схватила одежду и бросилась бежать, лицо ее осталось чистым, как у новорожденного младенца.

* * *

На улице какой-то мужчина дернул Ребел за локоть, и она, не долго думая, стукнула его кулаком в живот. Мужчина согнулся пополам и отлетел назад с выражением крайнего изумления на лице.

Тут Ребел увидела у него на лице рисунок из звезд и поняла, что перед ней тот самый незнакомец, которому она недавно звонила. В полном смущении Ребел протянула руку, чтобы его притормозить, но он уже сам уцепился за перила и следил за ней

внимательным, осторожным взглядом.

– Послушайте, мне очень жаль, – проговорила Ребел. – Я не хотела вас ударить. Простите, что я вас вызвала. Давайте пожмем друг другу руки и разойдемся.

Незнакомец пристально ее рассматривал.

– Значит, ты больше не Эвкрейша?

Она спокойно встретила его взгляд. Глаза у мужчины были зеленые.

– Нет.

Лицо его на какое-то время стало непроницаемым, он будто спорил с самим собой. Потом лицо прояснилось, и он сказал:

– Послушай, я живу на постоялом дворе короля Джонамона, резервуар четырнадцать. Если ты в бегах, лучше места, пожалуй что, не найти. Там есть несколько свободных хижин. Пойдем со мной, первую неделю я за тебя заплачу.

– Зачем это вам для меня стараться? – подозрительно спросила Ребел. – И вообще, кто вы такой?

– Я?.. Ну, старый знакомый. Товарищ по работе. – Он постучал пальцем у себя за ухом, и Ребел увидела маленький круглый участок потертой кожи. – Нам, испытателям психосхем, нужно держаться вместе, разве не так?

– Я… – Ребел получше завернулась в накидку. – Вот что. Простите меня. В последнее время все мной интересуются. Я об этом никого не прошу. Мне это не нужно.

– Ну что ж… – Он пожал плечами и отвернулся.

И тут откуда-то со дна души Ребел прорвалось отчаяние и она закричала:

– Подождите!

Мужчина повернулся назад. Лицо настороженное. Ребел покраснела: она не знала, что заставило ее закричать. Чтобы скрыть смущение, она сказала:

– Возможно, я поторопилась. Мгновенная смена выражения, и мужчина уже хохотал от души:

– Ты меня рассмешила, солнышко!

– Не называйте меня так!

– Хорошо. Тогда Эвкрейша.

Лицо ее стало суровым и угрюмым.

– Меня зовут Ребел, – проговорила она. – Ребел Элизабет Мадларк.

– Уайет.

Он смущенно улыбнулся и пожал плечами, как бы извиняясь, что другого имени у него нет.

* * *

До резервуаров они добрались паромом, набитым так, что не вздохнуть, не выдохнуть. Группа воздушных резервуаров плавала в тени контейнера Лондонград, соорудили их лет пятьдесят назад. Эти огромные цистерны были достаточно велики, чтобы вмещать – под давлением, конечно – воздух для целого города. Впоследствии их оборудовали примитивными шлюзами и стыковочными устройствами. По краям шлюзов, там, где над металлом витали тонкие струйки просачивающегося кислорода, видны были следы ржавчины.

– Господи, как здесь жарко, – сказала Ребел. – Нужно было лететь в скафандрах самим.

– Что такое? – спросил Уайет. Ребел повторила, и он усмехнулся:

– В резервуарах нет магнитных подушек. У нас тут трущобы.

Водитель маршрутного парома, пришвартовавшись, пролаял:

– Резервуар четырнадцать. Ребел и Уайет протиснулись к выходу. В шлюзе было темновато, а за его пределами – так и вообще темно. Ребел и Уайет плыли по забитому людьми коридору; слева и справа рядами тянулись убогие халупы – каркасы из металлических труб, обшитые ржавой жестью. Запахи гниющего мусора, прокисшего вина и человеческого пота мешались в воздухе с нежным ароматом жимолости. Слышался визг играющих детей и несмолкающий гул голосов. Все строения были опутаны цветущими лианами, среди которых жужжали пчелы. Вдоль коридора тянулся зеленый трос, и Ребел с Уайетом держались к нему поближе, время от времени цепляясь за него, чтобы увернуться от спешащих навстречу людей. Затем зеленый трос пересекся с оранжевым. Оранжевый вел в глубь резервуара.

По тросу съезжала какая-то сумасшедшая, и люди шарахались от нее в сторону. Уайет схватил Ребел и оттащил ее с дороги. Они с грохотом ударились о жестяную стену. Безумная женщина промчалась мимо, и все двинулись дальше.

То здесь, то там из дверей лился свет, иногда гирлянда фонарей обрамляла скопление лавчонок и баров, где хозяева предлагали домашние вина и другие продукты. Повсюду росли лианы, густые и пышные, и усеянные светящимися цветами. Кое-где эти цветы были единственным источником света.

– Ужасно, – сказала Ребел.

Уайет огляделся по сторонам, словно пытаясь понять, какой изъян она выискивала в его мире.

– А что это так?

– Это как карикатура на мою родину. Я хочу сказать, что люди, знакомые с биотехнологиями, не должны допускать такого убожества. У меня на родине города…

– Какие? – спросил Уайет.

Вот это-то Ребел как раз и забыла, как ни горько ей было в этом признаться. Забыла начисто. Она старалась вспомнить название родного города, лица друзей, детство, чем она занималась – и все напрасно. Прошлое превратилось в пейзаж кисти художника-импрессиониста: яркие краски, эмоции, и ни одной четкой линии.

– Не знаю, – откровенно ответила Ребел.

– Солнышко, твои ответы не более содержательны, чем твое молчание. – Уайет коснулся ее руки. – Приехали!

Он схватился за трос, притормозил, отскочил в сторону и влетел в щель между жестяными хибарками. Ребел старалась не отставать.

Из окошка хибарки выглянул худой как скелет старик.

– Привет, Джонамон. Как твои почки? – поприветствовал старика Уайет. Сейчас его лицо смеялось. – Вот, привел тебе новую постоялицу.

– И тебе привет. – Кожа старика была бледной, как рыбье брюхо, на лысой макушке цвели красные пятна. – Завтра срок платить за комнату. – Затем он заметил Ребел, и губы его недовольно поджались. – Деточка, ты веришь в Бога?

Ребел покачала головой.

– Тогда где твоя краска? – Старик ткнул костлявым пальцем в красноватую потертость у Ребел за ухом и сказал Уайету:

– Ты поставил на ней метку! Устраивайте бардак где-нибудь в другом месте! Здесь честное заведение: никаких пьяниц, никаких шлюх, никаких шахер-махеров, никакого перепрограммирования. Твои оправдания и объяснения меня не интересуют. Господь не любит…

– Погоди, погоди, никто никого не перепрограммирует! – сказал Уайет. – Что ты на меня взъелся? Вот дама, можешь сам у нее спросить.

– Спрошу, спрошу, можешь быть уверен. – Старик выплыл из окна и погнал их во внутренний двор. Потом ухватился за стенку и пробормотал:

– Черт! Забыл книгу. – И бросился назад через окно.

Внутренний двор представлял собой просто большую открытую площадку, на которую выходили фасады десятка хижин. Двор пересекали три троса, прикрепленные к обрезкам труб. Держась за эти тросы, люди болтали или же занимались какими-то своими делами. Один парень сидел на пороге

раскрытой двери и терзал гитару.

– Извини, что так получилось, – сказал Уайет. – Старый Джонамон вечно сует нос в чужие дела, даже больше, чем другие хозяева. Семьдесят лет назад он был старателем, одним из последних, и считает, что это дает ему право донимать всех до смерти. Если ты не хочешь с ним общаться, я смогу на день-другой его отшить. За это время мы подыщем тебе другую хижину.

– По правде говоря… – Ребел задумчиво покусывала ноготь и теперь выплюнула заусенец. – Я бы хотела все обсудить. Со мной произошло столько странного, и я не успела еще ни в чем разобраться. Кажется, вам я тоже должна что-то объяснить. – Она нахмурилась. – Только, может быть, лучше не объяснять. Понимаете, меня ищут. Если хоть слово…

Уайет сверкнул широкой, лягушачьей улыбкой:

– В резервуарном поселке нет тайн. Но нет здесь и твердых фактов. Ты расскажешь свою историю Джонамону, и через десять минут ее узнает весь двор. За час она облетит пять дворов, но слегка исказится. Половина людей, живущих в резервуарных поселках, от кого-то скрываются. Твой рассказ растворится в их рассказах, уйдут какие-то подробности, добавится чье-то имя, изменится сюжет. Завтра эта история будет известна всем, но она настолько преобразится, что ты сама ее не узнаешь. Никому и в голову не придет, что этот рассказ – твой. Здесь множество таких историй, и все они – бред сивой кобылы.

– Хорошо, я…

Держа перед собой огромную книгу, во двор ворвался Джонамон. В истрепанной накидке он напоминал тощую старую птицу. Книга была в три ладони шириной и в кулак толщиной, переплет сверху черный, а снизу – красный. Открыв черную сторону переплета, старик сказал:

– Господь наш Иисус ненавидел перепрограммирование. «И вот все стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде». Это от Матфея.

Уайет с трудом сдерживал смех.

– Джонамон, ты уж в третий раз на этой неделе цитируешь стих о Гергесинских свиньях.

– Кришна тоже не любит демонов, – огрызнулся старик. Он перевернул книгу красной стороной вверх и стал совать фолиант Ребел. – Поклянись на «Гите», что тебя не перепрограммировали. Для меня этого достаточно.

– Наверное, лучше мне сначала рассказать все по порядку, – сказала Ребел. – А потом я поклянусь. Тогда вы будете знать, в чем именно я клянусь.

Она отплыла в середину двора и села в воздухе по-турецки, уцепившись за трос носком одной ноги. Затем, поражаясь собственной ловкости, быстро завернулась в накидку, на манер рассказчицы историй: рука и грудь с одной стороны прикрыты, с другой – открыты. Видя это, люди стали выходить из своих хибарок и подходить поближе, чтобы послушать рассказ.

Повествование началось:

– Я была мертва, но никто мне об этом не сказал. Я лежала парализованная на больничной койке и не могла ничего вспомнить. И никто не объяснил мне, почему это случилось. Я знала только, что со мной что-то произошло и что никто не отвечает на мои вопросы…

* * *

Когда Ребел закончила свой рассказ, Джонамон заставил ее поклясться на книге и покачал головой:

– Да, в рот меня и в ухо, никогда не слышал ничего подобного.

– М-м-м. – Лицо Уайета словно оцепенело. Еще недавно оно было веселым и дружелюбным, теперь стало мрачным, почти свирепым. Вдруг он поднял глаза и зло оглядел собравшихся. – Ну, что уставились? Спектакль окончен. Убирайтесь!

Слушатели бросились врассыпную.

Ребел пробрал мороз по коже. Уайет вдруг стал совершенно другим человеком – бандитом, не доверяющим никому и способным на любую жестокость.

Джонамон положил руку на колено Ребел и произнес:

– Вам, юная леди, следует быть поосторожнее. «Дойче Накасоне» – гнусная банда! Они могут сделать с вами все, что угодно. Всякие там законы и приличия им просто по хрену.

Ребел отодвинулась от него.

– Как и в любой другой шараге, – заметил Уайет. – Корпорации – они по природе своей такие.

– Ты так думаешь? Сейчас я тебе кое-что покажу. – Джонамон поспешил к своей хибарке и тут же вернулся с каким-то завернутым в тряпку предметом. – Может, теперь я всего лишь страдающий недостатком кальция старик… – Он начал медленно разворачивать тряпку. – Я торчу здесь, и стоит мне только попасть туда, где нормальная тяжесть, мои кости сломаются, как щепки. Но я был таким не всегда. У меня была собственная

корпорация. Черт возьми, я сам был корпорацией.

Соседи вновь подвинулись ближе и приготовились слушать. Один из них, худощавый юнец в раскраске крутого мэна, поймал взгляд Ребел и широко улыбнулся. Симпатичный паренек. Он рассмеялся, и Джонамон сверкнул на парня глазами.

– Смейся, если хочешь. В то время каждый мог создать свою корпорацию. Вы не представляете себе, как хорошо пользоваться одному всеми законными правами, причитающимися корпорации. Я чувствовал себя божеством. – Старик вздохнул. – Я был одним из последних, кого уничтожил Закон о реорганизации корпораций. Я разрабатывал астероиды – возможно, Уайет вам говорил. Был старателем. Когда вышел Закон, у меня были права на разработку нескольких сотен этих булыжников. Настоящее богатство! Уже тогда они стоили целое состояние, а теперь и подавно. Но из-за этих реорганизаций мне пришлось свернуть все дела. Я вступил в переговоры с несколькими фирмами и наконец подписал протокол о намерениях с «Дойче Накасоне». Вот, смотрите.

Джонамон показал вытащенный из тряпки предмет. Это был голографический портрет группы служащих компании, с серьезным видом позирующих перед камерой. В середине стоял молодой Джонамон, мужчина с резко очерченным подбородком и алчным взглядом.

– Снимали за день до того, как Закон вступил в силу. Потом мы сразу же отправились с президентом в ее кабинет, чтобы уладить последние детали и подписать соглашение. В жизни не встречал более приятной и вежливой женщины. Не хочу ли я выпить? Не откажусь. Не хочу ли я трахнуться? Черт возьми, она была миленькая. Тут она спрашивает, не хочу ли я попробовать их новую программу. В ее описании это звучало заманчиво. Я говорю: конечно. Тогда они еще только брались за психосхемы. Незадолго до этого, когда Блаупункт отдал концы, закупили пачку патентов. Так или иначе, президент прикрепила к моей голове индуктор и включила эту чертову штуку. О-о! Какой это был кайф, скажу я вам. Даже сегодня я краснею, когда вспоминаю. Вообразите, что все женщины, все удовольствия в мире принадлежат вам, вы кончаете и кончаете, и наслаждение такое острое, что пора сказать: «Хватит!» – но хочется еще самую малость. Еще чуть-чуть, пока есть силы выносить эту сладкую муку. Вы можете себе такое представить? Да нет, ни хрена вам этого не представить.

– Ну и что дальше? – спросила Ребел.

– А дальше кто-то эту штуку отключил. Уф, я был как выжатый лимон. У меня все болело, я хотел есть и пить. Голова

раскалывалась, и, должно быть, я потерял половину веса. Президент давно оделась и ушла. Несколько охранников смотрели на меня, как на дерьмо. «Что происходит?» – спросил я. Они ответили, что Закон о реорганизации только что вступил в силу и я им больше не нужен. Потом они дали мне пинка под зад, и я больше никогда в жизни не был в этой конторе, вот так. Вы поняли, что случилось? Они не отключали программу, пока Закон не вступил в силу, и я не потерял всех своих прав. А так как я подписал протокол о намерениях, права перешли к «Дойче Накасоие». Мне не заплатили ни гроша. Я пошел к юристу, и мне сказали, что все законно. Точнее говоря, чтобы доказать, что это незаконно, мне самому надо было быть корпорацией. Но я уже не был корпорацией.

После долгого молчания старик заключил:

– Сейчас я считаю, что все к лучшему. Молодые люди думают не головой, а яйцами. Старики видят все в более духовном свете. Теперь я живу в мире с Богом и черпаю утешение в Библии и Гите.

Ребел зевнула, и Уайет сказал:

– Наверно, тебе пора на боковую.

Он довел ее до пустой хибары. Сидеть и разговорить в ней могли два человека, но лежа помещался только один. Ребел заметила рядом с дверным проемом кусок провода (можно повесить шлем) и гамак из четырех веревок вместо кровати. Больше в комнате не было ничего.

– Лучше вытащить респиратор, – посоветовал Уайет. Ребел тупо посмотрела на него. – Из шлема. В этом углу двора плохая вентиляция, и, пока ты будешь спать, здесь может скопиться выдыхаемый воздух. Дыши через респиратор, а то проснешься с головной болью.

– Хорошо, – согласилась Ребел, и Уайет ушел.

Окна в комнате не было, Ребел закрыла накидкой дверной проем, и в хибаре стало темно. Потом она сложила свои пожитки в шлем и скользнула в гамак. Ребел висела в пустоте и дышала через респиратор. Дыхание отзывалось медленным, гулким звоном в голове.

Внешние шумы звучали в хижине приглушенно, но не умолкая. Музыка мешалась с идущим где-то вдали спором. В этом человеческом улье Ребел особенно остро почувствовала одиночество и заброшенность. Откуда-то доносилось монотонное «дин-дон, дин-дон», это кто-то стучал по трубам, подавая знак соседу. Ребел слышала, но не могла припомнить когда и где, что постоялые дворы в резервуарах строились как попало, новые трубы приваривались к старым без всякого плана или общего

замысла, образуя дикую путаницу. Только недостаточная сила тяжести удерживала их от разрушения. Но время от времени повседневные нагрузки (люди ударялись о хибары, отталкивались от них, хватались за привязанные к трубам тросы) приводили к тому, что целые дворы сдвигались с места. Центробежная сила медленно толкала хибары навстречу друг другу, пока некоторые кварталы с грохотом не превращались в металлолом. А потом их обитатели – те, кто выжил, – собирали обломки, чтобы снова застроить освободившееся пространство.

Ребел так устала, что не могла спать. Охваченная волнением и тревогой, она висела в гамаке и готова была умереть от неприкаянности и уныния. Ребел ворочалась с боку на бок, ложилась на живот, но не могла найти удобного положения. Она была как заблудившийся ребенок, который в первый раз оказался вдали от дома, без всякой защиты, а вокруг бушуют враждебные силы, и он не способен им противостоять.

Наконец это стало невыносимо. Наскоро одевшись, Ребел помчалась через двор к лачуге Уайета. Он поговорит с ней, это точно. Ребел ловко ухватилась за трос, пролетела по воздуху и оказалась прямо перед дверью. Вход был прикрыт накидкой. Ребел уже собиралась постучать в стену, как вдруг услышала доносившийся изнутри голос Уайета. Может, он не один? Испытывая легкую неловкость, Ребел подплыла поближе и стала подслушивать.

– Она в беде, – говорил Уайет. – За ней гонится «Дойче Накасоне», и любой, кто встанет на их пути, может пострадать… Значит, это риск! Она могла бы нам здорово помочь… Но о ком ты говоришь, об Эвкрейше или о Ребел? Надо общаться с той, кто она сейчас, это проще всего. Какая из ее личностей окажется наверху?.. Я бы не прочь оказаться наверху, если она будет внизу… Давай серьезно! Дело в том, что, сговорившись с ней, мы рискуем всем, чего достигли. Азартная игра: все или ничего. – После некоторого молчания он продолжал:

– Рискнуть всем! Отлично! Мы рискуем лачугой в трущобах, стоящей полчаса в день, кое-какими дурацкими планами и нашей полной безвестностью. Вот именно! Какая польза болтать, что мы против Земли, если, вместо того чтобы воспользоваться прекрасной возможностью, мы отсиживаемся в тени? Надо либо встать и заставить с нами считаться, либо сразу же признать затею безнадежной и отказаться от нее. Возражения есть?

Голос умолк, и Ребел отодвинулась от двери. «Уайет говорит обо мне, – подумала она. – И он сумасшедший. Он или ненормальный, или не знаю что, может, даже хуже ненормального». Из прошлого Эвкрейши всплыло слово «тетрон».

Это новый тип ума. Больше Ребел ничего не могла вспомнить. Тело ее дрожало. Ей хотелось вернуться назад, к себе.

«Нет, – подумала Ребел. – Надо быть посмелее».

Она постучала в стену хижины Уайета; секунду спустя из двери высунулась голова.

– Я слышала, как ты говорил обо мне, – сказала Ребел.

Уайет взял накидку и завернулся в нее. Ребел мельком увидела его обнаженное тело и залилась краской.

– И что же ты там поняла? – спросил он.

Ребел беспомощно покачала головой:

– У тебя опять стало такое лицо… Уайет удивился. Затем улыбнулся, и от сурового выражения на его лице в миг ничего не осталось.

– Я спорил сам с собой. Ты для меня что-то вроде загадки, солнышко.

– Я так и поняла.

– Послушай, я еще не пришел к окончательному с собой соглашению. Давай пойдем спать. Лучше мы все обсудим, когда отдохнем, согласна?

Ребел подумала.

– Согласна.

Она лежала в полузабытьи, и на ум ей приходили пустые мысли. В соседнем дворе два молодых придурка с программами крутых ребят устроили драку на ножах. Ругательствам и проклятиям не было конца. Недалеко от лачуги Ребел, за цветочной грядкой, страстно занималась любовью молодая парочка. Где-то заплакал ребенок, мать шикнула на него, и он замолчал.

В двух шагах от хижины звала друга лягушка.

Если подплыть к железным трубам и жестяным стенам, отчетливо почувствуешь их запах. Отодвинешься от них – запах исчезнет, а приблизишься – появится снова. Этот запах ни на что не похож. «Он прилипает к жителям трущоб, – думала Ребел. – Куда бы они ни перебрались из своих резервуаров, этот запах будет сопровождать их всю жизнь».

Глава 3. УРАГАН

Кто-то задел за стену, и Ребел очнулась. Спросонья кое-как оделась и выплыла наружу. Из трех находившихся во дворе забегаловок открыта была только одна под названием «Столовая Мертл».

Ребел постучала, откуда-то вдруг выскочила игуана и нырнула в лианы. Из полумрака возникла Мертл. Ребел зевнула, проснулась окончательно и сказала:

– Я бы хотела купить поесть.

– Какое блюдо?

– Завтрак.

Мертл нагнулась и пошарила вокруг.

– У меня есть манго. Можно его накрошить и добавить соус. Есть немного риса с пряностями. И пиво.

Они немного поторговались, Мертл собрала завтрак, и Ребел заняла место на тросе.

– Послушайте! Муж рассказал мне, как у вас была своя корпорация и все такое. Я просто хочу сказать: мне вас очень жалко.

– Спасибо.

Во двор с визгом и смехом ворвалась ватага голых ребятишек. На миг воздух наполнился их голосами и запахом. Потом один нашел проход между хибарами и бросился туда. Другие побежали за ним и исчезли, неуловимые и проворные, как угри.

Ребел ела медленно. Наконец она слизнула с пальца остаток соуса и вернула Мертл пустой тюбик.

– Гм, как-то неловко спрашивать, но где у вас тут?..

– По оранжевому тросу, вдоль волокон, до синего, по синему, против волокон, до красного, и по нему доедете до внешней стены. – Мертл рассмеялась. – Дальше найдете по запаху.

* * *

Общественные уборные сплошь заросли ночными кактусами. Листья шелестели и покачивались от ветра, дующего из вентиляции. Но аромат цветов не заглушал тяжелого запаха испражнений и кишечных газов. Ребел вплыла в женский туалет и примостилась на общей скамье с рядом отверстий. Здесь было прохладно. Проникающий в щели воздух удерживал ее на месте.

Поставив локти на поручни, Ребел стала читать выцарапанные надписи. Уже привычные «ДРУЗЬЯ ЗЕМЛИ» и «НОВЫЕ УМЫ – СВОБОДНЫЕ УМЫ» соседствовали с «ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ» и под этим другим почерком – «ГОВОРИ ЗА СЕБЯ». Единственная по-настоящему интересная надпись гласила: «ДАЖЕ ТВОЕ ГОВНО ПРИНАДЛЕЖИТ БОГАТЫМ».

Да, это не лишено смысла. Если учесть, что почти вся потребляемая здесь пища производится вне резервуаров. Содержимое уборных нужно периодически вывозить, а то обитатели резервуара буквально захлебнутся в собственных нечистотах. Цветы помогают поддерживать воздух относительно свежим, но кто-то должен пополнять запас кислорода, который понемногу вытекает каждый раз, когда открываются и закрываются шлюзы. Даже такая донельзя упрощенная окружающая среда нуждается в присмотре.

В сущности, весь Кластер представлял собой крайне неплотную систему, выделяющую изо всех своих щелей воздух и отходы. На взгляд Ребел, ежедневные потери кислорода, воды, двигательной массы и мусора граничили здесь с преступлением. Поэтому любую попытку навести в этой системе хоть какой-то порядок можно было только приветствовать.

Все-таки унизительно думать, что люди, отвечающие за поддержание жизни в резервуарных поселках, смотрят на них только как на источники органических удобрений.

Ребел выходила из уборной, и тут со стороны расположенных рядом платных справочных окон ее окликнул знакомый голос.

Уайет помахал ей левой рукой – в правой он держал шлем – и догнал ее в несколько прыжков.

– Я как раз собираюсь на работу, – сказал он. – Но я сделал для тебя копию своего карманного компьютера.

Он протянул Ребел пластинку из дымчатого стекла величиной с ладонь, на ощупь она была как янтарь, только прохладная. Внутри плясали цветные огоньки. Ребел дотронулась до одного из них, и огоньки переместились. Ей было приятно держать в руках этот прибор. С ним она чувствовала себя гораздо увереннее.

– Он включается…

– Я знаю, как он работает.

Она быстро пробежала по огонькам пальцами, и в воздухе над пластинкой возник схематичный рисунок. Единственное, что она умеет, но зато умеет уж… Это была мысль Эвкрейши, и Ребел ее подавила.

– Что у тебя там для меня?

– Твое прошлое.

Ребел посмотрела на него.

– Я сделал набег на «Дойче Накасоне» и получил все несекретные сведения о Ребел Элизабет Мадларк. – Уайет коснулся пластинки, и справа в углу поднялись два ряда желтых огоньков. – Как видишь, здесь не густо. Наскоро составленная биография, которую они подготовили, вероятно, в рекламных целях. Я подумал, что тебе это интересно.

– Да. – Ребел зажала компьютер в ладонях и поднесла его к животу. – А это не приведет сюда «Дойче Накасоне»? Они не станут выяснять, кто запросил эти сведения?

– Вряд ли им это удастся, – ответил Уайет. – «Сандоз Лазернет» стремится к наивыгоднейшему использованию оборудования. Их главные линии постоянно включаются и выключаются. За пятнадцать секунд мой запрос, наверно, прошел через половину городов Кластера. Пытаться его отследить – все равно что искать иголку в стоге сена. Для этого нужна очень мощная, мыслящая программа.

Знания Эвкрейши быстро стирались из памяти, так что вначале объяснения Уайета казались Ребел слишком простыми, а под конец почти недоступными для понимания.

– А что, если у них есть мыслящая программа?

– После того, что случилось с Землей? – Уайет расхохотался. Потом сказал:

– Послушай, мне правда надо идти. Получай удовольствие. Увидимся, когда я вернусь.

* * *

Ребел вернулась на постоялый двор Джонамона. Компьютер, тяжелый, как нечистая совесть, оттягивал карман накидки. Ребел хотела вытащить его и узнать, что он ей расскажет о ней самой, но не решалась.

Пока она сидела и, опершись о трос, размышляла, из зарослей лиан между двумя хибарами появился тот самый крутой юнец, чей взгляд поймала на себе Ребел вчера. У него было длинное смуглое тело красновато-коричневого оттенка, и на миг Ребел подумалось, что он голый. Потом она увидела оранжевые плавки. В одной руке парень держал какой-то предмет, а другой тянулся к накидке, занавешивающей дверной проем.

Тут он ее и заметил.

Секунду оба не двигались. Затем парень набросил на плечи

накидку и пошел к Ребел, хватаясь за трос пальцами ног. Он улыбнулся и показал ей, что держит в руке.

– Медовые соты. – Его темные глаза горели. Он слегка подбоченился, отчего яснее проявилась мускулатура, и вгрызся зубами в воск. Рот и подбородок его лоснились. – Хочешь? Меня зовут Максвелл.

– Я не могу, – беспомощно ответила Ребел. Распахнув накидку, она вытащила компьютер. – Мне надо кое-что послушать.

Максвелл взял у нее из рук компьютер и, держа его вверх ногами, стал с важным видом рассматривать огоньки.

– Послушаешь у меня в хижине. Ты будешь работать, а я кормить тебя медом.

– Хорошо.

* * *

Пока Максвелл вешал накидки, Ребел установила компьютер между стенкой и трубой. Затем переключила его в режим работы по словесному приказу. Подождала, пока в хибарке стало темно, и сказала:

– Включись, пожалуйста.

Вспыхнул свет.

Первый кадр голограммы изображал Транспортную инспекцию Кластера Эроса. База ТИКЭ по форме напоминала гантель и медленно вращалась в вихре транспортных голограмм.

– Ну как? – спросил Максвелл. Он приблизился к Ребел, и картинка расплылась по его телу.

– М-м-м.

Ребел перескочила через несколько кадров.

Теперь базу показывали изнутри полусферического прозрачного корпуса, пересеченного соединяющими рабочие посты узкими переходными мостиками. Лица транспортных техников были огорчены. Какой-то мужчина, не обращая внимания на переходные мостки, прыгнул к свободному терминалу. На сверкающем полу остались следы босых ног.

– Этого не может быть, – произнес кто-то.

Ребел прокрутила программу назад.

– Открой рот, – сказал Максвелл.

Он сунул ей в рот немного меда. Сладко.

Оператор протяжно и зычно свистнул.

– Посмотрите, что там на экране!

Рядом с ним появилась старшая инспекторша, рослая женщина с челюстью как у бульдога.

– Это должен быть парусник, – сказал мужчина. – Спектральный анализ дает нам излучение солнца с еле заметным синим смещением. Но парусника нет в расписании, и движется он прямо на нас.

– Скорость?

– Трудно сказать. – Пальцы техника замелькали, выводя на экран данные. – Если это корабль стандартного размера с грузоподъемностью пять килотонн, он пройдет через Кластер завтра.

– Мать твою! – Старшая инспекторша оттолкнула оператора и заняла его место. – Найдите свободные мощности и измените программу так, чтобы у меня было больше возможностей для работы. Отключите управление голограммами. Пусть их немного сносит. Установите их на корректировку только через каждые три сотых секунды, понятно?

Не обращая внимания на переходные мостки, оператор бросился к свободному терминалу. На сверкающем полу остались следы босых ног.

– Этого не может быть, – произнесла старшая инспекторша. – Нет, чушь какая-то. Это не техническая доставка.

– Хочешь еще?

– М-м-м.

Рука Максвелла задержалась на губах Ребел, и она рассеянно поцеловала его пальцы.

Другой техник сказал:

– Нам не удастся оценить массу. Корабль как-то странно сбавляет скорость.

Ребел остановила картину и попросила компьютер показать ей экран терминала. Возникла семицветная диаграмма, на которой каждая точка света была видна как с базы Инспекции. Диаграмма пульсировала, и огоньки образовали исходный рисунок.

Световое пятно, обведенное красным кружком, вынырнуло из-за Юпитера и двинулось в направлении Солнца. В колонке сбоку пятно определялось как «КОМЕТА: КОММЕРЧЕСКИЙ НОСИТЕЛЬ (ПИТОМНИК ПИЛОМАТЕРИАЛОВ)».

Аппаратуру Транспортной инспекции переполняли программы экономической войны. Непроизвольно компьютер выдал данные о местоположении других комет, движущихся по направлению к Системе. Показался также выводок молодых комет, поднимающихся от Солнца; хвосты, образованные

ионизированными газами, постепенно тускнели, а тем временем их поверхность покрывалась молодой порослью. Операторша стерла все это с экрана.

– Вот же черт. У тебя на подбородке мед.

– Слушай, я занята, понимаешь?

– Не двигайся, я его слизну.

Теперь в боковой колонке появилось описание кометы. Маленькая незаселенная комета, несущая около семидесяти гигатонн бревен (первый урожай гибридов дуба, тика и красного дерева). Деревья выросли за один виток, двигаясь к Солнцу и обратно. Когда комета вернулась к краю облака Оорта, лесорубы архипелага вырубили их, оставив корни неповрежденными для повторного роста, и затем искусственно разогнали комету и отправили ее в обратный путь к Системе. В Кластере Эроса вовсю шла спекуляция пиломатериалами, но это была не местная сделка. Согласно контракту, подписанному за двадцать дней до того, груз направлялся в Кластер Цереры. Поскольку это соглашение не представляло финансового интереса для Эроса, транспортный компьютер раньше не привлекал внимания служащих к этой комете.

Максвелл слизывал капли меда, повисшие на шее и груди Ребел. Она хихикнула и оттолкнула его:

– Щекотно.

На экране возник быстрый повтор.

Комета устремилась к Юпитеру. Удачно нырнула в поле тяготения гигантской планеты, обернулась вокруг нее и вышла на новую орбиту. Комета сбросила скорость, в ходе движения перешла на меньший эллипс, который проведет ее совсем рядом с Солнцем, внутри орбиты Меркурия, а потом дальше – к Кластеру Цереры. В выборке информации на мгновение мелькнула Внутренняя Система с обозначенными желтыми пунктирными линиями старыми и новыми орбитами.

– А так? Тоже щекотно?

– Нет. Так хорошо.

На полпути между Юпитером и Эросом яркость кометы вдруг возросла вчетверо. Последовала вспышка света, хвост засверкал: развернулся световой парус. Слегка колеблясь под солнечным ветром, он изящно изменил направление кометы. Компьютер рассчитал ее новый возможный курс. Она целилась прямо в сердце Кластера Эроса.

Ребел снова переключила компьютер на действия служащих.

– Продолжайте, – сказала старшая инспекторша.

– Парус повернут против Солнца, так что силу торможения легко вычислить. Но замедление происходит слишком быстро.

Даже груз в одну килотонну должен…

– Могут лесоводы сбросить на нас какую-нибудь бомбу? – пробормотала себе под нос инспекторша. – Нет, это глупо. Может быть… Подождите! Попробуйте определить скорость торможения малого паруса с полезной нагрузкой в треть тонны.

Опять заплясали пальцы.

– Черт! Все сходится.

– Значит, ясно. Человек в скафандре плюс масса каркаса, управляющего механизма и проводов. Кажется, здесь, – она постучала по экрану, – мы столкнулись с использованием малого светового паруса в качестве тормозного парашюта.

– Простите, в качестве чего?

– Тормозного парашюта. Ну, такой парашют… Гм, долго объяснять. Просто свяжитесь с Пограничной охраной и скажите, что мы обнаружили терпящего бедствие астронавта-стажера. Отфутбольте это дело им.

Действие переместилось на многоцелевой патрульный крейсер Пограничной охраны.

– Эй, – сказала Ребел. – Вряд ли ты найдешь мед там, где ищешь.

– Спорим?

Максвелл прижимался лицом к ее животу и целовал его. Теперь он неторопливо провел руками по ее бедрам и еще медленнее потянул с нее трусики.

– Перестань, пожалуйста, – ворковала Ребел.

Компьютер отключился. В тусклом свете, сочащемся из углов плохо пригнанных друг к другу жестяных стен, она увидела, что Максвелл уже без плавок и без накидки. И возбужден.

Даже очень.

* * *

Они два раза занимались любовью, а потом Ребел дала Максвеллу свой браслет и послала его за вторым завтраком. Он вернулся с кучей еды и без сдачи. Они поели и опять занялись любовью. Как-то так получилось. Наконец Ребел сказала:

– Все, хватит. Мне нужно дослушать до конца.

Она снова включила компьютер.

Патрульный крейсер уравнял свою скорость со световым парусом. Десяток сотрудников Пограничной охраны спустились на оснастку. Медленно, но верно они перерезали тросы, свернули

парус и извлекли на поверхность неподвижную фигуру в скафандре.

Теперь на борту патрульного крейсера члены экипажа сгрудились вокруг. Скафандр был изношенный и потертый, несколько мелких порезов были заклеены застывшим липким раствором.

– Смотрите, – заговорил медицинский техник. Он показал на тонкие трещины, которые покрывали визор. – Этот несчастный хрен не смог рассчитать перегрузку при ускорении. Внутренние органы, должно быть, всмятку.

Он отключил охлаждение скафандра, кто-то сорвал шлем.

На палубу выплеснула противоперегрузочная жидкость, затем показалось лицо женщины. Худое и скуластое. С короткими, влажными, мышиного цвета волосами. Кожа вспухла и была неестественно белой, местами почти синей. Под ноздрями застыли два маленьких липких шарика. Техник снял их, и женщина вдруг тяжело вздохнула. Вздрогнула и раскрыла глаза. Это была Ребел Элизабет Мадларк собственной персоной в собственном теле.

Из угла рта показалась струйка крови. Женщина слабо улыбнулась.

– Привет, ребята, – сказала она. На лице появилось недоумение. – Что-то мне нехорошо.

И умерла.

Когда это случилось, Максвелл на экран не смотрел. Он рылся в сундучке в поисках украшений. Он брал то, что ему нравилось, и примерял, прихорашиваясь перед Ребел. Вот он повернулся, вокруг пояса висела нить жемчуга.

– Нравится? – Он покачивал бедрами, ожерелье двигалось в такт. – Чтобы носить жемчуг, надо иметь красивое тело.

Кадр медленно удалялся.

Служащие Пограничной охраны бегали и суетились, тщетно пытаясь вернуть тело к жизни.

– Шок после расконсервации, – пробормотала медицинский техник. – Церебральные нарушения, осложненные совокупным лучевым поражением. Сдавливание, смещение и приливные эффекты в печени, селезенке, сердце…

Медтехник продолжала бубнить, записывая диагноз на пленку. Другой человек поднес к голове мертвой женщины криоконсервационный прибор и мгновенно заморозил мозг. Позже, если следователям из Транспортной инспекции понадобятся показания, можно будет установить личность и считать поверхностные воспоминания, применив холодильно-индукционный метод.

«Я умерла!» – безо всяких эмоций думала Ребел. Теперь она вспомнила это очень отчетливо: склоненные над ней лица с озабоченным выражением, и вдруг все уплыло во мглу и…

Жемчужины вертелись вокруг пояса Максвелла, как кольцо спутников. Посередине плясал его пуп.

Служащие Пограничной охраны перестали суетиться, гул голосов стих, и на экране появилось имя Ребел, напечатанное черными готическими буквами. Какое-то время буквы занимали весь кадр, потом они внезапно зажглись ярким светом. Когда пламя погасло, из него возродилась, словно феникс, новая Ребел Мадларк.

Новая Ребел, улучшенный вариант оригинала, была выше, стройнее и с развитой мускулатурой. Она стояла, подбоченясь и расставив ноги, и смеялась с самоуверенным видом. Камера отъехала. На заднем плане – плавали зеленые дайсоновские миры, вокруг Ребел толпились подобострастные поклонники. Один из них протянул к ней дрожащую руку, и она ударила его ногой прямо в зубы.

Сверху завитушки букв сообщали: «СКОРО В ПРОДАЖЕ».

– Выключи, – в отчаянии зашептала Ребел. – О Господи, выключи эту чертову штуку.

В ее мозгу пылало воспоминание о смерти. Она не сможет этого забыть.

Максвелл поднял компьютер, тупо посмотрел на него и нажал на светящуюся красную точку. Комната погрузилась во тьму.

– Обними меня, – попросила Ребел. – Я ничего не хочу, просто… Обними меня, пожалуйста, обними!

Она плыла во мраке, наполненном горечью. Такое же чувство испытывала она в тот раз, когда во время несчастного случая на очистительном заводе Кластера погибла ее мать. Горе застало Ребел врасплох, она терпеть не могла эту хладнокровную суку. «Больше не будешь меня обижать», – думала она зло, но чувствовала себя одинокой и несчастной.

Ребел прижала к себе Максвелла, как большую бесполую плюшевую игрушку.

Перед ней вставали смутные очертания, грозящие слиться в огромный вытянутый череп. Ребел и раньше, ребенком, видела лицо смерти. В первый раз выйдя в самостоятельный полет в вакуумном скафандре, она натолкнулась на лазерный кабель и сожгла половину скафандра. Визор почернел, дыхательное устройство сломалось. Она плыла в одиночестве, ничего не видя, задыхаясь и с трудом ловя воздух ртом, и вдруг поняла, что умирает. В этот ужасный миг перед ней возникло лицо, искаженное и белое словно мел, с пустыми глазницами,

маленькими темными ноздрями и черным зияющим ртом. Ребел откинула назад голову, и лицо нависло над ней, но тут ее резко остановил сотрудник Транспортной инспекции, впрыснувший воздух под оболочку ее скафандра. Лицо оказалось ее собственным отражением, подсвеченным единственной уцелевшей в шлеме лампочкой.

Максвелл нежно просунул руку между ногами Ребел и раздвинул их. И уже был готов войти. Расстроенная и рассеянная, она почти позволила ему это сделать. Было очень легко пойти по пути наименьшего сопротивления. Но ее личность вдруг возмутилась, и Ребел оттолкнула Максвелла от себя. Она не даст воспользоваться своей слабостью.

– Пошел вон, приятель! Кто тебе разрешил?

Максвелл смутился:

– Но…

– Ты что, меня не слышал? Я же сказала, что ничего такого не хочу.

Когда Ребел стала его ругать. Максвелл подался назад, полуприсел, приняв бойцовскую стойку, выпрямился и снова полуприсел. Он сжимал и разжимал кулаки. Лицо дергалось: запрограммированные эмоции приходили в противоречие друг с другом.

– Ты что, машина? Тебе мало заниматься сексом, когда я согласна?

Максвелл неуклюже поднял кулак, целясь Ребел в лицо. Она с пренебрежением отшвырнула его руку и попыталась дать ему кулаком в живот. Он отскочил назад, висящая на поясе нитка бус рассыпалась, жемчужины разлетелись по сторонам, стуча, словно градины, по жестяным стенам.

– А ну мотай отсюда на хрен!

Максвелл дрожал, забившись в угол.

– Но это мой дом, – невнятно пробормотал он.

Ребел долго смотрела на него гневным, презрительным взглядом. Потом рассмеялась, с грубым добродушием протянула руку и взъерошила его волосы:

– От тебя же ровно никакой пользы.

– Как сказать, это смотря что тебе надо, – мрачно уставясь в сторону, сказал Максвелл.

Но напряжение прошло. Он стал собирать все еще прыгавшие по комнате жемчужины, ловя их в воздухе одной рукой и складывая в другую.

– То есть я могу драться так же хорошо, как трахаться, но нужны чистые сигналы. Ведь очень трудно… Эй, что это?

– Что?

– Слушай!

Они замолчали. Издалека донеслось монотонное «дин-дон, дин-дон», это стучали по трубам. Звук нарастал, становился громче и громче по мере того, как все больше людей на одном конце резервуарного поселка били в унисон. Ребел дотронулась до трубы. Труба сильно вибрировала. Во дворе затих непрестанный шум голосов.

– Это копы! Вот же, мать твою! Нужно рвать когти.

Максвелл выпустил из рук жемчуг и схватил накидку.

– Когти рвать? Куда? О чем ты говоришь?

Максвелл с остервенением натягивал одежду.

– Ты никогда не попадала в облаву? Сначала они берут шлюз. Достаточно десятка громил. Привозят с собой несколько ящиков с программерами и кучи программ для арестованных.

– Программы для арестованных?

– Ага. Потом копы выходят из шлюзов развернутым строем. Задерживают каждого пятого, хватают за нежелание сотрудничать и приговаривают к шести часам принудительных работ. Программируют прямо на месте, отдают запрограммированным приказы и посылают их ловить других, и других тоже программируют. Они налетают как ураган. Не успеешь оглянуться – кругом одни копы.

Ребел представила себе постепенно оцепляющий весь резервуар растущий полицейский кордон, стражи порядка на глазах пополняют свои ряды и удваивают их каждые несколько минут, они плодятся, как дождевые грибки в тепле.

– Но что они ищут?

– Какая разница? Ты хочешь, чтобы тебя замели? – Максвелл отогнул проволоку в углу, толкнул заднюю стену, и перед ними открылась узкая темная заросшая сорняками полоска земли. – Смотри, в крайнем случае мы сможем выскользнуть за дом. Тут одни лианы. Только не вертись, а то у меня здесь улей. Не хочу, чтобы ты потревожила пчел. – Он взял Ребел за руку и потянул ее к выходу во двор. – Самое главное – это проскочить через грозовой фронт. Понимаешь, сначала их мало, они рассредоточатся. Да еще будут всех допрашивать. Прорвавшись, мы будем на свободе.

Двор был пуст. Они поплыли к воротам.

– Здесь часто бывают облавы? – спросила Ребел.

– Нет. Не больше раза в месяц.

* * *

У ворот они помедлили и выглянули в коридор. Выходящие в него двери были закрыты, окна загорожены. В коридоре столпились бегущие от полиции люди. Внезапно откуда-то сверху послышались голоса, люди в последних рядах замешкались в нерешительности и столкнулись в воздухе, так как стоящие впереди резко повернули назад.

– Какого черта?

– Да двигайтесь же, придурки!

– Нет, нет! Поворачивайте назад!

Вниз по тросу съезжал, брызжа слюной, сумасшедший с застывшими безумными глазами. Это был тощий старик с длинной седой бородой и в рваной накидке. Он яростно, с неистовой силой бросался на всех, кто оказывался поблизости. Одна нога у него была сломана и, дергаясь, волочилась сзади. Он явно не чувствовал боли.

– Блаженный Кришна! – завопил кто-то и отплыл подальше от умалишенного, оставляющего за собой след из больших пузырей крови.

Коридор заполняли не находящие себе места испуганные люди. Кто-то протиснулся мимо Ребел во двор, затем прошли еще несколько человек.

– Пошли, – с тревогой в голосе проговорила Ребел, – надо отсюда уходить.

Но тут у ворот началась давка, Максвелла швырнули вперед, а Ребел отбросили назад во двор. Толпа прижала к ней истерически орущего краснолицего толстяка. Ребел ухватилась за трос и высвободилась, оттеснив толкающихся людей, но трос оборвался, и она с размаху врезалась в жестяную стену.

Визжащие голоса слились в дьявольском хоре. Хватаясь за стены, Ребел добралась до жилища Максвелла и залезла внутрь. Секунды хватило на то, чтобы отодвинуть заднюю стену и выйти в сад. Ребел толкнула стенку на место и затаилась среди лиан.

Между дворами стоял мрак. Кое-где тусклым, призрачным огнем мерцали светящиеся цветы. При таком свете ничего не было видно. Лианы оказались влажными и скользкими. Ребел плавала во тьме и одиночестве, как путешественник среди последних звезд на краю вселенной, и вдруг ею овладела присущая Эвкрейше боязнь замкнутого пространства.

Приступ начался с зуда у основания позвоночника, и скоро чесалось уже все тело. Ребел стала обращать внимание на собственное дыхание. Внешние шумы звучали здесь глухо – шелест голосов был подобен тихому плеску прибоя. Звук дыхания, казалось, резал ей слух. Воздуха не хватало. Голова

кружилась, Ребел стала дышать ртом.

Нос ее почти касался стены. Она ощущала сильный запах металла. От близости стены поползли по коже мурашки, Ребел постаралась отодвинуться. Стало лучше. Сделав над собой усилие, она медленно двинулась вперед, продираясь среди лиан. Рядом с ухом пролетела пчела, и Ребел замерла, опасаясь наткнуться на улей. Но ее снова одолела клаустрофобия, и Ребел опять двинулась наугад вперед, время от времени касаясь рукой стен хибарок, чтобы не потерять дорогу. Наконец стены исчезли, это был проход между домиками, возможно даже тот самый, из которого раньше вынырнул Максвелл. Ребел пробралась туда.

Понемногу светлело. Ребел остановилась только тогда, когда из зарослей смогла увидеть весь двор. При свете дня она не боялась замкнутого пространства. Ребел надвинула на лицо капюшон и смотрела сквозь узкую щелочку. Потом будто окаменела, как затаившаяся, среди водорослей хитрая старая щука.

Во дворе люди теснились гурьбой в поисках выхода, который был вовсе не там, где они думали. На место каждого, кто понимал это и уходил, являлись двое других. Они толкали, пихали друг друга, вслепую обменивались ударами.

Затем двор заполнили каратели. Это была пестрая компания в накидках самых разных цветов и даже в рабочей одежде. На одной женщине был фартук сварщика, хотя маска ее куда-то пропала. У всех от середины лба через все лицо шли красные полосы, и лица выражали безжалостность и свирепость. Трое схватили какого-то молодого парня и приладили к его лбу программер. Парень дернулся и обмяк, четвертый каратель сунул ему в лицо какую-то бумагу, на это тот лишь покачал головой. Его вытолкнули за ворота и поймали другого человека.

Одного из троих операторов отозвали, и следующую жертву – женщину – сделали полицейским. Кто-то изменил рисунок на ее лице, еще кто-то сунул ей пачку бумаг. Один лист улетел, и Ребел заметила, что это была дешевая репродукция голограммы. Над бумагой плавало ее лицо, лицо Эвкрейши, оно искажалось, а когда листок задел за стену хибарки и сложился пополам, совсем съежилось.

Ребел вздрогнула и стала гнать от себя мысли о голограмме. Подумать можно и потом.

Крупный, сильный мужчина отломал от двери кусок трубы и попытался пробиться за ворота. Один из карателей отлетел, потирая ушибленную голову, но другие схватили мужчину за руки и за ноги и приставили к его лбу программирующий прибор.

– Ну и здоров же ты, – рассмеялась сварщица, когда лицо

мужчины приняло жестокое выражение.

Она рассекла его лицо надвое красной чертой от подбородка до корней волос. Он присоединился к прочим наказанным.

У Ребел вдруг страшно зачесалась нога. Но она даже не пошевелилась.

Все больше людей подвергалось обработке, двор пустел, оставшиеся утихомирились. Некоторые даже выстроились в зловещую очередь, чтобы скорее пройти допрос.

За воротами кто-то суетливо переговаривался, и внезапно вошли еще четверо карателей. Трое из них представляли собой постоянную полицию, состоящую из бывших уголовников, посаженных на достаточно долгие сроки, чтобы стоило давать им серьезную подготовку. На них были непробиваемые шлемы с прозрачными визорами и легкая броня. Знаки различия выдавали наемников, служащих корпорации, а не гражданскую полицию. Двое несли длинные колья, нечто среднее между крюком и пикой.

Четвертым был Максвелл.

Вне всякого сомнения. Четверка прошла справа от ее укрытия, и Ребел хорошо рассмотрела парня. Посередине лицо пересекала кроваво-красная полоса, в горящих глазах застыла неумолимость.

– Конечно, я не ошибся, – рявкнул он. – Я сам слышал ее рассказ. Эту облаву организовала «Дойче Накасоне», так? Вот от них она и сбежала. Как я мог ошибиться?

Он привел остальных к себе в хижину и с удовольствием наблюдал за тем, как они сносят переднюю стену, разбрасывая по двору его драгоценности и одежду. Затем умелым движением полицейские вонзили крюки в заднюю стену и стали срывать ее с остова.

Ребел чувствовала неудержимое желание чихнуть. Ей хотелось закричать, сорваться с места и броситься наутек. Но все это были побуждения Эвкрейши, и Ребел не собиралась им потакать. Каратели у ворот обрабатывали троих последних жителей. Полицейские работали ловко и проворно. Главное не двигаться.

«Я старая опытная щука, – успокаивала себя Ребел. – Я само терпение».

Задняя стена полетела ко всем чертям, и полицейские стали тыкать палками в заросли. Максвелл прокричал предупреждение, они пропустили его мимо ушей. Максвелл бешено замахал руками.

И тут раздались крики ужаса. С грозным жужжанием из разбитого улья вылетел рой пчел.

Чертыхаясь и отмахиваясь от насекомых, полицейские

подались назад. У ворот кто-то взял из хибарки Джонамона наполненный водой горшок и выплеснул его содержимое на рой. Вода разбилась на шарики, они полетели и в полицейских, и в пчел, ничуть не успокоив ни тех ни других. Постоянные полицейские отступили в коридор, волоча за собой Максвелла. Один каратель ругал его на чем свет стоит.

Максвелл огрызнулся в ответ и получил в зубы. Двор опустел. Каратели убрались за ворота, задержался только один. «Уходи!» – пыталась внушить ему Ребел. Но он не уходил. Долгим задумчивым взглядом полицейский обвел плавающий по двору мусор и одну-двух сердито жужжащих пчел. Потом он проскочил во двор и заглянул в несколько хибарок.

Полицейский осмотрел заросший лианами проход напротив Ребел. Затем переплыл на ее сторону. Ребел закрыла глаза, чтобы ее не выдал отраженный от зрачков свет. Кожа зудела.

Лианы слегка зашелестели.

– Выше голову, солнышко!

Ребел раскрыла глаза.

Перед ней стоял разрисованный под полицейского Уайет. Свирепые глаза, разделенные красной чертой, смеялись, рот растянулся в смешной улыбке. Потом лицо вновь омрачилось, и он сказал:

– Надо спешить. Они еще вернутся.

Ребел выбралась из лиан. Послушавшись Уайета, она прихватила свои шлем и скафандр. Уайет уже топтался у ворот и просил ее поторопиться. И тут Ребел заметила, что в темном углу двора под листом жести что-то шевелится.

– Подожди, – сказала она.

В углу оказалось тело.

Ребел оттолкнула лист жести. Под ним висел в воздухе старый Джонамон, бледный и недвижимый, словно обратившийся в камень. Ребел дотронулась до него, и он открыл один глаз.

– Осторожно, – пробормотал Джонамон.

– Джонамон, что они с тобой сделали?

– Я выдерживал и похуже. Ты не принесешь мне воды?

Уайет молча притащил баллон и поднес ко рту старика. Джонамон набрал полный рот воды, чуть не поперхнулся, закашлялся и все выплюнул. Придя в себя, он прошептал, задыхаясь:

– Старость – паршивая штука. И не слушайте тех, кто не согласен.

Старик запутался в собственной накидке. Ребел осторожно развернула ее. Когда она увидела тело Джонамона, то пришла в ужас.

– Они вас били!

– Мне не привыкать. – Джонамон попробовал засмеяться. – Но чтобы меня запрограммировать, надо избить меня до бесчувствия. – Он слабо пошевелил руками, будто ребенок. – Вот я и спасся.

Ребел хотелось плакать.

– О, Джонамон! Ну и чего вы добились? Они могли вас убить!

Джонамон ухмыльнулся, и на миг Ребел увидела молодого алчного человека со старой голограммы.

– По крайней мере, я бы умер в благодати.

Уайет тянул Ребел за собой:

– Солнышко, у нас нет времени.

– Без Джонамона я никуда не пойду.

– Гм. – Уайет задумчиво хрустнул пальцами, его губы двигались в беззвучном споре с самим собой. – Хорошо, – наконец согласился он. – Бери его за одну руку, а я возьму за другую.

* * *

Они медленно продвигались вниз по коридору, старик плыл посередине. От боли Джонамон раскрыл рот и прикрыл глаза. Он не пытался разговаривать. Видя маску карателя на лице Уайета, жители резервуара обходили их стороной.

– Здесь близко постоялый двор королевы Розлин, – сказал Уайет. – Она хищная старая ведьма, но хранит кучу психосхем. Если где-то здесь и есть больница, то у нее.

Красный трос вывел их на темную улицу с единственными ярко освещенными воротами. Люди входили и выходили. Ребел догадалась, что сюда-то они и шли.

У ворот им преградила путь сухощавая женщина с костлявыми плечами и маленькими черными сосками.

– Все забито! Все забито! – закричала она. – Мест нет, идите отсюда!

Она даже не взглянула на Джонамона, который к тому времени потерял сознание.

Не говоря ни слова, Уайет отдал ей браслеты с одной руки. Женщина многозначительно посмотрела на них и перевела взгляд на другую руку Уайета. Он нахмурился:

– Не будь жадиной, Розлин.

– Ладно, – ответила Розлин. – Сделаем для вас исключение.

Браслеты исчезли, и женщина провела всю компанию во двор.

Здесь царил великий беспорядок. Повсюду висели санитарные тросы. Их занимали раненые – крутые мальчики и крутые девочки, временные каратели, религиозные фанатики без краски на лице и даже один крепко связанный сумасшедший. В воздухе густо летали капли крови, мусор и огрызки бинтов. Но среди раненых расхаживали люди в раскраске врачей, и их программы, судя по всему, были составлены достаточно квалифицированно. Розлин остановила одного из них и сказала:

– Примите этого старикана в первую очередь. Его друзья заплатили.

Техник сухо кивнул и унес Джонамона. Розлин улыбнулась:

– Видите? Спросите кого хотите, Розлин платит добром за добро. Но вам надо уйти. У меня нет места для зевак.

И она стала гнать Ребел и Уайета со двора.

По дороге к выходу Ребел увидела вдруг знакомое лицо. Она схватила Уайета за руку и показала пальцем.

– Смотри! Это же…

На тросе висел Максвелл, он был в обмороке. Обозначающая принадлежность к полиции красная полоса размазалась по красивому, будто выточенному лицу.

Розлин увидела жест Ребел и рассмеялась:

– Еще один приятель? Придется тебе завести других, которые не лезут на рожон. Но с этим все в порядке. Может, останется без зуба. А вообще у него просто гистаминная реакция от укусов пчел. – Они подошли к воротам. – Его привела молодая женщина. Хорошенькая такая малышка. – Розлин захихикала. – Кажется, она от него без ума.

– Да? – равнодушно сказала Ребел. – Каких только дур не бывает.

* * *

Они пробирались по пустым коридорам, вдали от центра поселка и отодвинувшегося атмосферного фронта урагана.

– Уайет, – после долгого молчания спросила Ребел, – неприятности Джонамона – следствие недостатка кальция, да?

– Неприятности Джонамона – следствие того, что он старый упрямый пень. В этот раз он выживет, но рано или поздно подохнет!

– Нет, правда, – настаивала Ребел. – Я хочу сказать, что, как и болезни почек, его недомогание – следствие недостатка кальция.

Если хоть какое-то время понаблюдать за ним, видно, что у него мышечные судороги, дыхание прерывистое… Так почему он не лечится?

Они приближались к стене резервуара. Здесь было холоднее, чем во внутренней части. Уайет притормозил и поплыл по узкой боковой дорожке. Ребел двигалась следом.

– Это неизлечимо. Проживешь с год в невесомости, и обратной дороги нет. Восстановить ничего нельзя. Не торопись, скоро поворот.

– Но это так просто. Можно вырастить разновидность коралловых полипов, способных жить в крови. На первом этапе они будут плавать свободно, на втором – внедряться в костную ткань. Когда они умрут, останется кусочек известняка.

– Коралловые рифы в костях? – Уайет был поражен.

– Так делают у меня на родине.

– Интересная цивилизация на твоей родине, солнышко, – заметил Уайет. – Когда-нибудь ты расскажешь мне о ней побольше. А сейчас… Вот мы и пришли.

Они вошли в совершенно темный коридор, освещенный только цветами. Мусор здесь лежал огромными, нетронутыми кучами. Вокруг не было ни души.

Уайет молча пошел вниз по коридору, он искал какую-то дверь. Обнаружив ее, Уайет остановился и стал стучать в стену.

– Это двор короля Уизмона. Здесь есть то, что нам надо.

– Что?

– Потайной шлюз.

Глава 4. ЛОНДОНГРАД

– Боюсь, вы опоздали. Придется вам уйти.

Король Уизмон выплыл на середину двора, глаза его были закрыты. В противоположность жилистым крутым ребятам, которые провели Ребел и Уайета во двор по извилистым переходам и теперь стояли на страже, Уизмон был непомерно толст. Такая тучность возможна лишь в невесомости. Даже при силе тяжести вполовину меньше земной Уизмону угрожала бы перегрузка сердца, смещение внутренних органов, перенапряжение мышц и костей и коллапс легких. Его руки не могли сойтись на выпяченном брюхе, на коже виднелись красные пятна. Похожие на бесформенные клецки ноги и свисающий живот закрывали промежность, придавая Уизмону вид огромного бесполого шара.

– Нам надо смыться, прежде чем нагрянет полиция! – Ребел показала ему браслеты. – Мы заплатим!

Не открывая глаз, Уизмон сказал:

– Сегодня мне уже пять раз платили за пользование шлюзом. Этого достаточно. Шлюз для меня единственный источник дохода, и я не хочу привлекать к нему внимание. Жадность фраера сгубила.

– Привет, Уизмон, – сказал Уайет. – У тебя нет времени для старого друга?

Глаза толстяка вдруг широко открылись. Это были яркие, блестящие темные глаза.

– А! Наставник! Прости, что не узнал: я спал. – Король замахал бессильной пухлой ручкой на стражу. – Уходите. Этот парень свой в доску. Он не сделает мне ничего плохого.

С недоверчивым, но послушным видом крутые ребята отошли в глубину двора и пропали с глаз.

На миг к Ребел вернулись способности Эвкрейши, и внезапное озарение помогло ей понять, о чем говорили движения мышц лица, выражение глаз и странная, деланная усмешка Уизмона… Это не человек. Это видоизмененный и преобразованный мозг. В темных глазах Уизмона отражалась слишком быстрая для человека, опирающаяся на проницательность и чутье игра ума. Его мысли – бесконечная лавина догадок и умозаключений, которая разрушила бы обыкновенную человеческую личность.

Ребел поняла все это в мгновение ока и в ту же минуту увидела, что Уизмон ее изучает. Он медленно и важно подмигнул Ребел, а потом обратился к Уайету:

– Ради тебя, наставник, я с радостью наплюю на свои правила. Пользуйся шлюзом, я даже плату с тебя не возьму. Только оставь мне эту женщину.

Ребел оцепенела.

– Вряд ли она тебе пригодится, – сказал Уайет. Он смотрел на Уизмона холодным, упорным взглядом, взглядом убийцы, – впрочем, в этом взгляде не было нетерпимости. – Но если бы даже я согласился, за ней охотится «Дойче Накасоне». Ты уверен, что хочешь померяться с ними силами?

Темные глаза Уизмона вспыхнули ненавистью.

– Возможно.

Уизмон мягко улыбнулся.

– Подождите, у меня тоже есть право голоса… – сказали вместе Ребел и Уизмон.

Ребел примолкла. Она уставилась на Уизмона с изумлением и негодованием.

– Не вмешивайся, крошка, – добрым голосом сказал Уизмон. – Я вижу тебя насквозь.

Он близоруко вглядывался в Уайета. Голос спутника Ребел зазвучал с легким вызовом:

– Ну, а скажем, так. Ты хочешь померяться силами со мной?

Долгое молчание. Потом Уизмон сказал:

– Нет, вот уж хрен.

Короткая ручка потянулась вверх и стала судорожно чесать шею. На коже остались красные следы ногтей. Затем Уизмон дружелюбно улыбнулся и произнес:

– Ты блефуешь, наставник, но я не пойму, в чем дело. Я никогда не мог читать твои мысли. Иди налево через бункер, где вместо двери висит зеленая тряпка. Сделаете мне одолжение, если уедете вместе. Ты попал в переделку, но я знаю, ты из нее выпутаешься.

* * *

Они вылетели из шлюза рука об руку. Шлем к шлему.

– Что все это значит? – спросила Ребел.

– А, просто старый друг.

Они не спеша подплывали к днищу контейнерного города Лондонграда. Огромный черный круг, казалось, не становился ближе. Мимо промчалась связка блестящих механизмов. Сзади медленно исчезали резервуарные поселки.

– Он боялся тебя.

– Ну… Я его перепрограммировал. При формировании нового мозга программист обычно закладывает на всякий случай блок Франкенштейна. Нечто вроде предохранителя. Чтобы по условному знаку (это может быть слово, жест, что угодно) уничтожить созданную личность.

– Ясно. – В этом слышалось что-то знакомое, что-то близкое и понятное Эвкрейше. – Ты так и сделал?

– Конечно, нет. Это было бы безнравственно.

Какое-то время они плыли сквозь пустое однообразное безвоздушное пространство. Потом Уайет сказал:

– Все равно он бы нашел этот блок и отключил его. А так я заставляю его теряться в догадках.

Их шлемы соприкасались, лицо Уайета было совсем близко. Ребел видела только его, загадочное, с резкими чертами. Зеленые глаза сияли.

– Откуда ты знаешь, что он бы нашел?

– Конечно, нашел бы. Он сообразительнее меня. А ведь я нашел предохранительный блок, который ты в меня заложила.

Он отвернулся, и Ребел осталась один на один с тишиной.

Контейнер приближался очень медленно. Ребел стало не по себе, у нее в животе как будто сидела змея, а сейчас она вдруг развернулась и поползла вверх по позвоночнику. Обвилась два раза вокруг головы и стянула лоб. Клаустрофобия Эвкрейши. В горле у Ребел стоял комок. «Я не поддамся, – думала она. – Меня не сломаешь. Я только закалю свою волю».

Это было нелегкое путешествие.

* * *

Через несколько часов они шли следом за лакеем в костюме Пьеро по одному из самых привилегированных деловых парков Лондонграда. Под куполом из ветвей деревьев друидов лежали темные поля и небольшие рощи, их прорезали ровные тропинки, освещенные фонарями из кованого железа. В траве летали светляки – завораживающее зрелище! Снежная сова устремилась на Ребел и Уайета, но в последнюю секунду хлопнула великолепными белыми крыльями, сделала вираж и исчезла.

– Уайет, почему мы истратили все твои деньги на эту одежду? – спросила Ребел. – Можно было купить накидки не хуже, но гораздо дешевле.

– Да, можно было, но наши из настоящей земной шерсти. Когда идешь просить деньги у богатых, не давай им заподозрить, что ты действительно нуждаешься.

– А-а.

– Теперь помолчи. Запомни, на тебе маска рабыни для отдыха и развлечений. Так что не улыбайся, не разговаривай и не проявляй никакой инициативы. Просто следуй за мной.

Ребел подвигала связанными в запястьях кистями, качнув поводок, конец которого был в руке Уайета.

– Да ладно, но я не в восторге от такой роли.

– Зато отпадает вопрос, чего это ты все время со мной. И что еще важнее, Джинна подозревает меня во всех смертных грехах, а это подтвердит ее подозрения. Ей это понравится. – Он смутился и замялся. – Слушай, может, будет легче, если я запрограммирую тебя на самом деле? В любом случае это только на час-другой…

– Черта с два! – ответила Ребел. Уайет быстро кивнул и отвернулся.

Отвращение было беспредельным, настолько сильным, что Ребел знала: оно исходит от обеих ее личностей. Что ж, хоть это у них с Эвкрейшей общее.

Пьеро остановился и с поклоном указал рукой в белой перчатке в сторону. Вымощенная кирпичом дорожка вела вокруг куста сирени к скромному кабинету (плавающая в воздухе плита из полированного дерева вместо стола и два простых стула), укрывшемуся в тени японского клена и защищенному сзади выступом скалы. Подвижная миниатюрная женщина встала при их приближении.

– Уайет, дорогой! Сто лет тебя не видела. Цвет ее кожи был темнее янтаря, но светлее красного дерева, глаза выражали не то хитрость, не то проницательность. Вся ее одежда – вплоть до бусин в распущенных волосах – была строгого серого административного цвета, а красные ногти казались окровавленными кинжалами. Деловая маска выделяла ее скулы и скрадывала широкий рот. Она быстро обняла Уайета и чмокнула его в щеку.

– Привет, Джинна.

Администраторша Джинна оглядела его с головы до ног:

– Все тот же старина Уайет. Молчалив, как всегда. – И тут она заметила Ребел. – Ну надо же!

Джинна улыбнулась, но дальнейших замечаний не последовало. Она указала Уайету на стул. Тот выпустил из рук поводок, оставив Ребел стоять на земле.

Ребел слушала, как Джинна и Уайет, не обращая на нее никакого внимания, обмениваются любезностями и наконец

переходят к делу. Уайет сказал:

– Меня интересует, набираете ли вы еще специалистов для Внешней Системы. Может быть, для спутников Юпитера?

– Ты надеялся получить работу на Ганимеде? О Уайет, мне очень жаль. – Джинна положила маленькую ладонь на его руку. – На нашей орбите наступают не лучшие времена. Пожалуйста, включите!

Над столом появилась схема, на которой Кластер Эроса покидал крайнее место в основном ряду пояса астероидов и двигался в направлении Солнца.

– Мы теряем конкурентоспособность в промышленности. Половина металлургических предприятий закрыта. И мы недостаточно приблизились к Внутренней Системе, чтобы в полной мере построить экономику меркантилизма. Ты знаешь, как трудно занять достойное место в экономике с преимущественным развитием сферы обслуживания. Возможно, если ты зайдешь через месяц… Спасибо.

Схема исчезла.

– Хорошо, возможно, зайду. – Уайет встал и снова взял поводок. – Приятно было поболтать с тобой, Джинна.

– Ну куда ты так торопишься? Останься, поговорим. Ты даже не спросил, над чем я работаю. Меня перевели на разработку проекта для Народного Марса. Позволь мне его тебе показать.

– Для Марса? – Уайет помрачнел. – Не думаю, что это мне интересно…

– Это замечательный проект! Пожалуйста, взгляни.

Позади Джинны появились голографические изображения, напоминающие ряд зависших в воздухе распахнутых окон. Люди в скафандрах строят огромный геодезик[2]. Кластер резервуарных Поселков. Через Кластер Эроса медленно буксируют реактор низкотемпературного ядерного синтеза. Заканчивается постройка замысловатого плавающего в воздухе шератона[3].

– Общая стоимость превышает полмиллиона человеко-лет. Проект разрастался с удивительной быстротой, как снежный ком. Мы начали с орбитального шератона: Ставка хотела создать индустрию туризма. Наблюдение бурь и тому подобное.

Они повернулись и стали рассматривать голограммы. Уайет сел.

Теперь, стоя за их спинами, Ребел могла расслабиться. Она наконец почесалась. Ей уже надоело, она чувствовала нелепость происходящего и злилась на Уайета за то, что он втравил ее в это дело. Неужели люди так развлекаются?

Джинна и Уайет говорили о резервуарных поселках.

– Не понимаю, зачем они нужны Ставке, – сказал Уайет. –

Они не годятся даже на металлолом.

– Не будь наивным, милый. Народный Марс нуждается в рабочей силе. Мы построим в тех местах несколько десятков трущоб, и стоимость рабочей силы резко упадет.

– Гм-м. – Уайет поглядел через плечо и, увидев позу Ребел, нахмурился. Она безотчетно выпрямилась и вдруг показала ему язык. Правда, Уайет уже отвернулся. – С точки зрения морали, эта сделка ставит тебя в довольно двусмысленное положение. Я хочу сказать: если посмотреть правде в глаза, это та же работорговля.

Администраторша рассмеялась:

– Мы продаем Народному Марсу резервуары. Живущие в них люди сами решают, оставаться в них жить на другом месте или нет. Конечно, мы распространяем среди них пропагандистские листовки Ставки и постараемся подсластить пилюлю, отменив плату за жилье на время переезда, но мы никого не неволим. Пожалуйста, следующий эпизод.

На экране все изменилось.

– Просто потрясающая сделка. Мы стали ковать железо, пока горячо. Нам даже пришлось искать мастеров за пределами Кластера. Разумеется, большинство рабочих и специалистов – из Лондонграда. Мы поставляем Марсу трущобы, шератон, геодезик и неочищенный кислород. Но... видишь этот полый шар? Будьте добры, ближе. В нем молодое воздушное растение. Чтобы о нем заботиться, мы специально наняли группу макробиологов с комет, проходящих через Систему с противоположной стороны.

Изображение полностью изменилось, зрители оказались посреди небольшой биолаборатории. Здесь работали человек двадцать в длинных, тяжелых, как у лесоводов, одеждах с вышитыми вставками и большими карманами. Они беседовали во время работы, не замечая, что на них смотрят, и небрежно касались друг друга: то похлопают коллегу по плечу, то слегка толкнут локтем. Один что-то сказал, Остальные засмеялись. Ребел хотела бы быть вместе с ними, работать в этой лаборатории. Но что она будет делать? Вместе с памятью она растеряла все навыки. Неважно! В широком смысле все лесоводы словно одна семья, и Ребел хотелось в эту семью.

– Все это штучки для туристов, Джинна, – вяло проговорил Уайет.

– Да? Ну, может, тебя заинтересует следующий эпизод. Ты не спросил, как мы собираемся перевезти трущобы на орбиту Марса, ничего в них не повредив.

– А что, есть трудности?

– Ну конечно. Даже малейшего ускорения достаточно, чтобы разрушить внутренние коридоры, хибарки, уничтожить людей и

все, что там еще есть. Ты ведь учил физику в детском саду. Пожалуйста, покажите кольцо.

– Да я… – начал Уайет и осекся.

Камера показала изнутри плавающую в космосе оружейную платформу. Платформа была грубо сварена из самого дешевого материала – котельного железа, однако на ее металлической палубе стояли ультрасовременные лазерные боевые системы; они медленно разворачивались, отслеживая свои цели. Немигающий фанатичный взгляд плавающих возле лазеров операторов говорил об их жесткой запрограммированности.

Лазерные системы нацеливались сквозь прозрачные для их излучения стеклянные стены на перемещающиеся по загроможденной механизмами строительной площадке пятнышки. Голограмма выхватила одно из пятнышек крупным планом, и оно оказалось рабочим в ярко-оранжевом скафандре. Рабочий монтировал какое-то сложное оборудование, подключая кабель к разъему и соединяя между собой два терминала. Рядом суетились другие фигуры в таких же оранжевых скафандрах, они работали, словно не замечая друг друга, но в то же самое время абсолютно синхронно и согласованно. Резервуары соединялись с мгновение назад установленными клапанами, одни рабочие отходили от причудливого переплетения проводов, другие тут же занимали их места, хотя до этого ни разу не взглянули, что делали их товарищи. Сотни рабочих, разбросанных небольшими группами вдоль полукилометровой дуги, состоящей из механизмов, напоминали скорее мошек, а не людей. За ними виднелось еще несколько оружейных платформ – вполне достаточно, чтобы следить за каждым рабочим в отдельности.

– Для постройки транспортного кольца мы привезли бригады с Земли, – сказала Джинна.

– Боже мой! – в ужасе произнес Уайет. – Как ты можешь заключать сделки с Комбином?

– Не будь дураком, милый. Только на Земле знают, как строить ускорительное кольцо. Без помощи Комбина операция была бы невозможна. Будьте добры, дайте крупным планом третий квадрант. Видишь эти зеленые емкости? Это жидкий гелий. Для этой авантюры мы взяли в долг половину имеющегося в Кластере жидкого гелия.

– Давай разберемся, Джинна. Земля и человечество – естественные враги. Речь идет о выживании вида. Нельзя заключать сделки с системой, которая угрожает всему роду человеческому. Это не отвлеченные рассуждения, Джинна. Это касается тебя, меня, наших знакомых, нашей сущности, нашего ума, нашей души, нашей индивидуальности. Нашего будущего!

Джинна пожала плечами:

– Я уверена, что ты преувеличиваешь. Наша система безопасности на самом высоком уровне. Ты видел оружейные платформы. Я бы сказала, что мы даже перестраховываемся.

– Все это машины! – проворчал Уайет. – Машины легче всего перехитрить, потому что они предсказуемы. Они должны быть предсказуемы, чтобы раз за разом повторять в точности то, для чего они предназначены. И вы поручаете их охранникам, которые так жестко запрограммированы, что сами почти превратились в машины. Замечательно, Джинна! Я готов своими руками придушить тебя, а заодно и всех остальных административных шлюх. Это только улучшит породу.

– Ты бы мог придумать что-нибудь получше?

– Да, черт возьми!

– Рада это слышать, – удовлетворенно кивнула Джинна. – Ведь у меня все-таки есть для тебя работа.

У Ребел зачесался нос, она потерла его, и поводок ударил ее легонько по животу. Скорчив гримасу, Ребел высвободила руки и швырнула поводок на землю. Черт с ним, с поводком. Острым взглядом уставясь в затылок Уайету, Ребел стала медленно и с удовольствием почесывать руки и при этом размышлять. Что она знает об Уайете? Почти ничего. Однако достаточно, чтобы понять, что он по уши увяз в очень даже сомнительных историях. Его действия объясняются вовсе не альтруизмом. У него свои планы, каковы бы они ни были, и ей отводится в них какое-то место. Логика подсказывала, что пора удирать. Пусть он и его стерва плетут свои интриги.

Джинна и Уайет тихо перешептывались, наклонившись друг к другу. Никто не заметил, как Ребел ушла.

* * *

Биолаборатория помещалась между двумя страховыми компаниями на проспекте Фанатиков в средней части Лондонграда. Ребел получила адрес через справочное окно. Возможно, она растеряла все свои навыки, но любой научной группе нужны лаборанты, а Ребел будет девочкой на побегушках не хуже других. Она решила спрятаться среди себе подобных: она не будет выделяться на их фоне и станет почти невидимкой. А когда им придет время возвращаться домой, на кометы, Ребел уедет с ними.

Надо только немного выдержки.

На пороге Ребел помедлила, вспомнив, что внутри стоят камеры публичного наблюдения. Ну и что, в Кластере таких камер миллионы. Какова вероятность того, что ее преследователи смотрят именно в эту камеру? Ноль целых шиш десятых. Ребел сделала глубокий вдох и вошла.

– Алле-гоп!

Долговязый лесовод спрятал геносчетчик в карман и искоса посмотрел на Ребел. Другой мужчина присвистнул. Работа в лаборатории прекратилась.

Ребел замерла в замешательстве. Все уставились на нее. Пялились на ее груди и живот. Некоторые – непроизвольно, с неявным смущением, другие – те так просто нахально. Ребел подавила желание запахнуть накидку, лицо у нее пылало. Низкорослая седая женщина, стоявшая у этажерки с цветочными горшками, повернулась, стряхивая с ладоней пыль, и мягко спросила:

– Чем я могу вам помочь, деточка?

– О да, видите ли… Вообще-то я просто зашла поболтать. Понимаете, я тоже из дайсоновского мира.

Слова звучали фальшиво, и Ребел непонятно почему чувствовала себя виноватой. Под мышками выступил пот.

– Переняла обычаи туземцев, да? – проговорил долговязый.

– Вам что, делать нечего? – отчитала его женщина, в голосе ее звучало предостережение. – Это касается всех! За что нам платят, а? Чтобы мы прохлаждались? – Затем не так резко добавила, обращаясь к Ребел:

– А откуда вы родом?

– С Тирнаннога. Это часть первоначального архипелага, упирающаяся в Оорт.

Слова приходили сами собой, но были какие-то незнакомые.

Остальные инженеры не разговаривали, а спокойно работали и поэтому слышали, что говорила Ребел. Смуглый, коренастый белокурый парнишка с интересом поднял на нее глаза.

– О, я там был, – сказал он. – Мы все с Гибразиля, оттуда до Тирнаннога рукой подать, правда? Пару недель проехать в холодильной камере – и все. Моя семья в Стэниксе, слышала когда-нибудь? Как раз рядом с Блистервиллем.

Ребел беспомощно покачала головой:

– Блистервилль?

– Никогда не слышала о Блистервилле? Три ствола от Саргассо. Пятьсот тысяч человек.

Какая-то женщина подняла голову от сосуда с водяными мышами и сказала:

– Бьюсь об заклад, она полоумная, здесь их много. Знаете, избыток электричества плохо влияет на продолговатый мозг.

Стоящий около нее лесовод засмеялся и стукнул ее по плечу.

– Эй, послушайте, ребята, я не вру! Я правда с Тирнаннога. Я могу объяснить…

– Как воздушный кит вписывается в экосистему? Чем торгуют в Зеленом городе? Почему аногенные конструкты не едят? Каковы семь основных этапов приспособления к невесомости? – спрашивал крепыш. Он посмотрел Ребел в глаза и презрительно усмехнулся:

– Сколько костей в кисти твоей руки?

Ребел не знала ответов. Все эти сведения пропали вместе с ее первым телом. Она раскрыла рот, но слова не шли. Правая рука дрожала.

– Фрибой, вы собираетесь работать или хотите, чтобы я вас выпорола? – рявкнула седая женщина. Паренек воздел глаза к небу и повернулся к стеллажу с чашками Петри. Женщина сказала:

– Мы верим вам, милая.

– Но я, правда…

– Я могу сделать ей анализ крови, – предложил Фрибой. – Даже при приспособлении к силе тяжести сохраняются пять основных различий…

– Что я тебе сказала? – угрожающим голосом начала женщина.

Но Ребел была уже на полпути к двери. Она ступила за порог, как вдруг ее окликнул мужчина, до тех пор не сказавший ни одного слова:

– Что означают эти линии на твоем лице, детка?

По его тону Ребел поняла, что он приобщился к чудесам психотехники и точно знает, что обозначает ее маска.

Она закусила губу, но не оглянулась.

* * *

На проспекте ее поглотила толпа. Здесь было гораздо больше людей, чем в верхнем или нижнем городе, широкие коридоры напоминали тянущиеся в бесконечность площади. Ряды пальм делили поток людей на узкие ручейки. С высокого потолка свисали изображения звезд и планет. Тротуар был вымощен вышедшей из употребления валютой: серебряными талерами,

золотыми кронерандами, зелеными керамическими рублями, – покрытой алмазно-твердым прозрачным настилом. По тротуару проходили богато одетые люди, полосы на лицах выдавали сотрудников финансовых компаний (страхование грузов, фьючерсные контракты на газ, страхование от банкротства). Поток людей уносил Ребел все дальше, и гнев, смущение и унижение сменились блаженным чувством растворенности в толпе.

Навстречу ей шла женщина в костюме пьеретты.

В море колышущихся темных накидок пышный белый костюм казался светящимся изнутри. Глаза пьеретты и глаза Ребел встретились, и женщина чуть-чуть улыбнулась. Толпа расступалась перед ней, как воды перед Моисеем, и женщина приближалась к Ребел плавно и неотвратимо, как ангел.

Ребел остановилась, пьеретта поклонилась и протянула ей белый конверт. Ребел взяла его и вытащила бумажный прямоугольник. Это была плоская рекламная голограмма. Сверху переливался тот же идеализированный образ Ребел Мадларк, который она видела в Новом Верхнем Камдене.

Ребел вопросительно посмотрела на женщину, та сделала книксен. С таким же успехом можно спрашивать стену. Ребел перевернула листок, на обратной стороне было написано: «Прошу встретиться для беседы». Она скомкала бумажку. Голограмма свернулась и исчезла.

Ребел утвердительно кивнула.

Женщина провела ее в ближайший банк. Они вошли в комнаты для переговоров, оставили позади несколько кабинетов, оборудованных для занятий сексом, и нашли обшитую ореховыми панелями нишу, где стояли только скамья и стол. Ребел села, пьеретта включила защитный экран и поглотители звука. Вытащила голографический генератор, водрузила его на стол, сделала книксен и удалилась.

Секунду передохнув и придя в себя, Ребел включила генератор.

* * *

Ребел всматривалась в небольшую лощину, очевидно, часть делового парка для предпринимателей с достатком выше среднего. Сначала Ребел решила, что в лощине лежит снежный сугроб. Но потом увидела, что это овальная площадка,

выложенная белой плиткой. Единственным цветным пятном здесь был лежащий в центре красный молитвенный коврик. На нем, преклонив колени, откинув капюшон и опустив бритую голову, стояла одинокая фигура.

– Сноу! – воскликнула Ребел.

Камера дала вид спереди.

Фигура подняла голову и воззрилась на Ребел холодными, как у ящерицы, глазами. Белая, мраморная кожа, на лице шестиугольники снежинок и солнц. Это был мужчина. Прислушиваясь, он слегка наклонил голову.

– В каком-то смысле вы правы, – наконец проговорил он. – Сноу и я – части единого целого. – Такое же худое, почти бесплотное лицо. – У меня для вас сообщение.

– Кто вы? – спросила Ребел. – Кто вы такой и почему вы и Сноу – части единого целого?

Он резко качнул головой. Вероятно, этот жест выражал досаду. Или, может, он просто получал данные по какому-то другому каналу.

– Вопрос не относится к делу. Мне не поручено давать вам какую-либо информацию, кроме сообщения. Если вы не хотите его получить… – Он пожал плечами.

– Хорошо. Я вас слушаю.

Мужчина посмотрел Ребел прямо в глаза:

– «Дойче Накасоне» поручила группе наемных убийц уничтожить вас.

– Нет, – сказала Ребел. Она невольно так крепко сжала кулаки, что ногти вонзились в ладони. – Это нелепо. «Дойче Накасоне» охотится за моей личностью. Я нужна им живой.

– Не обязательно. – Костлявая рука выскользнула из-под накидки и пронзила воздух, будто ножом. На экране в рамке появилось какое-то устройство в блестящем, вишневого цвета кожухе. – В руках у убийц переносные криоконсервационные установки. Им надо лишь убить вас и быстро заморозить мозг, а специалисты, применив деструктивную методику, выудят из него требуемые сведения. – Рука скрылась под накидкой. – Они должны были сделать это с самого начала. Но стремились сохранить вас как мелкую служащую корпорации. Однако теперь вас списали.

Прибор был гладкий, без единого выступа, кроме торчащей кверху ручки. На нее было удобно опираться головой. Ребел ссутулилась и протянула руки к экрану:

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Вы еще не согласны с нами сотрудничать? – Мужчина вдруг встал, сделал три шага в сторону и остановился. – Прекрасно. В

наших интересах, чтобы вы дожили до заключения сделки с нами. Вы должны отнестись серьезно к нависшей над вами угрозе. – Он замолчал, изучая что-то невидимое для Ребел. – Вы проявили беспечность. Можно было понять, что в Кластере довольно мало людей из дайсоновского мира и за ними будут следить. Если бы мы вас не перехватили, вы уже были бы мертвы.

Место действия на экране сменилось, и теперь Ребел смотрела сверху вниз на проспект Фанатиков. Сверху казалось, что спешащие куда-то зомби слились в лениво текущий поток грязи. Вокруг трех лиц появились яркие круги, и Ребел заметила, что эти люди движутся в толпе друг за другом, оглядывая встречные лица. Камера дала их крупным планом, одного за другим: полная женщина с фанатичным выражением лица и черной полосой через левый глаз. Бесстрастная грациозная девушка – тоже с черной полосой через левый глаз. И третий, с такой же краской на лице, – рыжий человечек с хитрой мордой, как у лисицы.

Ежи Хайсен!

– Вы с ним знакомы? – спросил мужчина.

Убийцы прошли мимо двери банка, где находилась Ребел. Каждый держал в руке красный криоконсервационный прибор.

– Почему вы так вздрогнули, если вы с ним не знакомы?

– Он работал у Сноу.

– А-а. – Мужчина слегка пошевелил рукой и поднял голову. – Это интересно. – Толпа в кадре исчезла. – Ну конечно. Он умен, он отбывает срок, и он знает, как вы выглядите. Разумеется, он будет одним из ваших убийц. – Мужчина снова умолк. – Неважно. Мы рассчитали таблицу с указанием тех мест в Системе, куда вы можете бежать, и степень вероятности того, что вы будете убиты «Дойче Накасоне» в течение месяца по прибытии на место. Советовал бы вам внимательно изучить эту таблицу.

На экране высветилась таблица.

Местоположение Вероятность убийства (±1 процент)

Кластер Эроса 97%

Кластер Паллады 95%

Другие кластеры (в пределах поясов) 91% (диапазон 88-93%)

Троянские кластеры 90%

Участки Луны 90%

Научные заповедники Меркурия 90%

Научный заповедник Нептуна/ Плутона 90%

Система Юпитера 70%

Негалилеевы спутники 89%

Ганимед (города, имеющие космопорты) 65%

(дикая местность) 44%

Каллисто (города, имеющие космопорты) 65%

(дикая местность) 41%

Ио, Европа, Амальтея, искусственные спутники Юпитера 65% (диапазон 63 – 68%)

Искусственные спутники Марса, Деймос 63%

Поверхность Марса 59%

Система Сатурна 58%

Мелкие спутники 75% (диапазон 74 – 75%)

Кольца, искусственные спутники Сатурна 72%

Титан (города, имеющие космопорты) 30%

(дикая местность) 23%

Искусственные спутники Земли 17%

Поверхность Земли 0%

– Очень мило, – сказала Ребел. Этот список отчасти возродил в ней потерянный в последние полчаса боевой дух. – Особенно мне понравилась последняя строка. Наверно, нужно первым же рейсом лететь на Землю, да? Или достаточно просто выйти из шлюза без скафандра. А там как-нибудь доплыву.

Ее ирония осталась незамеченной.

– Мы не станем советовать вам, что делать. Мы хотим лишь заверить вас, что в рамках теории игр на эту таблицу можно положиться.

Мужчина поднял капюшон и встал на колени. Таблица растаяла в воздухе, рядом с Ребел вновь появилась пьеретта.

– И вот еще что. У вас новый друг. Тетрон.

– Да?

– Не доверяйте этому другу.

* * *

Поводок ждал ее. Уайет и Джинна все так же тихо беседовали, похоже, за целый час не заметив отсутствия Ребел. Над столом висело то же изображение оружейных платформ и комбинов, собирающих оборудование. Отрезок дуги транспортного кольца немного удлинился. Ребел вздохнула и снова накинула поводок на запястье.

Куда бы она ни пошла, всюду подстерегает опасность, никому нельзя доверять. Придется положиться на чутье. До сих пор единственным руководством к действию было то, что какой-то близнец Сноу не доверяет Уайету.

– Ну, – проговорила Джинна, – ты согласен на эту работу?

Уайет взглянул через плечо на Ребел, и на миг ей показалось, что он удивился, увидев ее. Но потом Ребел засомневалась.

– Джинна, ты с самого начала знала, что я соглашусь. Не будем дурачить друг друга.

Джинна засмеялась негромко и весело:

– Ты прав, дорогой, но я хотела пощадить твое самолюбие.

– М-м-м. – Уайет встал и взялся за цепочку. – Считай, что ты меня наняла. – И повел Ребел прочь.

Недалеко от парка они поднялись по крутой деревянной лестнице, ведущей на вершину дерева друидов в расположенный на круглой площадке среди ветвей ресторан, и заказали слоеные пирожные и зеленое вино. Стаканы были посередине широкие и с узким верхом. Уайет насупился, глядя на свой стакан, и прикрыл его большим пальцем. Потом стал медленно поворачивать стакан. Внутри плескалась зеленая жидкость. Ребел ждала.

Вдруг Уайет поднял голову:

– Где ты была?

– Какая тебе разница?

Руки Уайета сомкнулись на стакане. Большие ладони с шишковатыми суставами и короткими грубыми пальцами. Руки душителя.

– Чего ты хочешь?

– Правды. – И когда он вопросительно поднял брови, Ребел уточнила:

– Правдивых ответов на все мои вопросы.

Минутное молчание. Затем Уайет постучал по столу костяшками пальцев и поднес руку ко лбу и к губам:

– Договорились. Но сначала ты.

Внимательно, неторопливо Ребел рассказывала о событиях последнего часа. Ей было хорошо здесь, среди этих листьев и бледно-зеленых отблесков, едва заметная сила тяжести не давила на нее. Хотелось откинуться назад в кресле и улететь... подальше и от этого кресла, и от ресторана, и от этих веток в огромный темный океан воздуха, туда, где резвятся киты и дельфины, и облака воздушного планктона не пропускают свет далеких деревьев. Ребел чувствовала себя как дома и потому растянула свою повесть на три стакана вина.

Пока она говорила, на лице Уайета не дрогнул ни один мускул. Он даже ни разу не моргнул. Когда Ребел закончила рассказ, Уайет сказал:

– Ну бывают же на свете такие придурки!

– Эй! – Ребел стала защищаться. – Ведь это по твоей вине я не имею понятия, что ты затеваешь. Если кто тут и придурок, так это ты.

– А о ком, ты думаешь, я говорю? – сердито сказал Уайет. – Я просто перемудрил. Пока я готовил ловушку для Сноу и ее приятелей, они явились и побеседовали с тобой от души! Прекрасная возможность полетела к чертям, потому что я… Ну, неважно. – Он набрал в легкие побольше воздуха, и тут, как по мановению волшебной палочки, его рот вдруг растянулся в проказливой улыбке. – Ну, вперед, задавай свои вопросы. Хочешь, чтобы я сначала рассказал про Сноу?

– Нет. Вообще хочу, но потом. Начнем с самого главного. Ты ведь не человек, правда? Ты новый тип ума.

Он ухмыльнулся:

– Кому об этом знать, как не тебе?

– Ну пожалуйста. Ты уже намекал, что я тебя программировала. Но я ни черта не помню, так что не увиливай, хорошо? Ответь мне прямо. Что это такое, «тетрон»?

– Тетрон – это единый человеческий ум с четырьмя различными личностями. – Его лицо стало серьезным, затем рассеянным, затем открытым и наконец шаловливым. – Вот какие я. Или вот какой мы.

Глава 5. НАРОДНЫЙ ШЕРАТОН

– Сейчас ты увидишь очень редкое явление, редкое на таком расстоянии от поверхности планеты, – сказал Уайет.

– Какое явление?

– Бурю.

Если отбросить затейливые украшения: галереи, выступы, крылья с малой и большой силой тяжести, прозрачные купола и переходы, – шератон представлял собой обыкновенное орбитальное трехъярусное колесо; ярусы двигались с различной скоростью, чтобы поддерживать в каждом из них нормальную силу тяжести. В вестибюле у входа в лифт рядом с срединным стыковочным шпангоутом Уайет устроил штаб-квартиру службы безопасности. Он сидел за первым столом и просматривал с десяток голографических кадров, глаза его беспокойно бегали. Перед ним лежал микрофон, управляемый тембром голоса, и время от времени он негромко давал указания, меняя тембр в соответствии с каналом.

Ребел сидела в шезлонге и смотрела в панорамное окно. Звезды дрожали на волнах внезапно выплывших из подсознания воспоминаний. В стекле отражался Уайет.

На фоне звездного неба появилась суетливая фигура.

– Мы закрыли все шлюзы, сэр. Людям это не очень нравится. Мелкое хулиганство в двенадцатом и третьем резервуарах.

Несмотря на самурайскую маску, пришедшая женщина менее всего походила на офицера безопасности. Она явно происходила из резервуаров, на ней была желтая накидка и слишком много украшений.

– Их предупредили заранее, – сказал Уайет. Когда женщина ушла, он вздохнул:

– Удивляюсь я этим людям. Если они не понимают, почему им нельзя будет час-другой пользоваться шлюзами, что же будет, когда мы достигнем орбиты Марса? Боюсь, их ждет горькое разочарование.

Работая с запрограммированной ловкостью, астронавты скрепляли заранее смонтированные секции геодезика, окружающего шератон и резервуары. Каркас покрывала прозрачная мономолекулярная оболочка. Из кресла Ребел это покрытие казалось окутывающей звезды легкой дымкой. Рабочие начали напылять сталь на законченные части геодезика, приваривая слой за слоем. Теперь это напоминало картину тепловой смерти вселенной – звезды мало-помалу меркли и потухали. Мгла надвигалась, постепенно заволакивая все вокруг.

Наконец единственным мерцающим пятном внутри геодезика остался свет окон шератона.

– Неуютно как-то, – сказала Ребел.

Ею овладело неодолимое ощущение, что кто-то стоит у нее за спиной. Она резко обернулась, но никого не было.

– Нравится, а?

Уайет спроецировал изображение, которое давала наружная камера на один из квадрантов окна. Снаружи геодезик походил на огромный стальной шар, ослепительно сияющий в резком свете Солнца. Сверху, слегка в стороне от него, трепетали звезды. Почти в самой середине переливалось искаженное отражение Лондонграда, сбоку была видна эмблема Кластера (две античные фигуры, одна из них в склоненной позе). Незнакомым голосом Уайет сказал:

– Представь, что это огромная живая клетка. Резервуарные поселки в середине – это ядро. Шератон... ну, скажем, центросома. Воздушному растению придется стать митохондрией. – Он засмеялся и раскинул руки. – И смотри! По всей вселенной распространяется новая форма жизни. Какое множество невообразимо сложных существ разовьется из этой простой клетки через миллион лет!

– Какая часть тебя это говорит? – вскинула глаза Ребел.

Опять этот странный смех.

– Ты бы назвала меня ваятелем структур. Я – интуирующий, я постигаю суть вещей, я определяю наши представления о Боге и бесконечности. Но, конечно, дело не в названии. В группе первобытных охотников я был бы шаманом.

– Как это?

– Разве ты не знаешь, как появился тетрон? Эвкрейша взяла за образец группу первобытных охотников. На охоту ходили вчетвером, и, независимо от того, из кого состояла группа, во время охоты они исполняли четыре разные роли: вожака, воина, жреца и шута. Получался замечательно устойчивый, плодотворно работающий коллектив. И получился замечательно устойчивый, плодотворно работающий ум.

Все это звучало очень знакомо. Уставясь во тьму, Ребел видела, как рвутся наружу неясные воспоминания о прошлых замыслах Эвкрейши.

– Я думала, что она была испытательницей психосхем.

– Да, отчасти и испытательницей. Но также и отличным психохирургом. Ты работала вполне самостоятельно.

– Она работала вполне самостоятельно.

– Все равно.

Во время разговора Уайет время от времени поворачивался и

нажимал невидимую кнопку или тихо отдавал приказ. Через холл постоянно сновали люди. Взвод офицеров безопасности в самурайской раскраске вошел в лифт, ведущий к стыковочному кольцу, они были вооружены дубинками и копьями с зазубренными наконечниками и имели суровый вид. Следом за ними вошел юноша с кожей цвета красного дерева. Он встал у окна, сложив руки за спину, и следил за всем с пристальным интересом.

– Что ты здесь делаешь? – холодно спросила Ребел.

– Привет, у меня есть кой-какой опыт работы в службе безопасности.

Максвелл положил руку на плечо Ребел, она встала и отбросила ее.

Не поднимая глаз, Уайет сказал:

– Он работает гонцом. Мне нужны курьеры, доставляющие сообщения в резервуары и обратно.

– Но на нем нет маски гонца.

– Да, мы ведь имеем дело с Комбином. Чем меньше программирования, тем лучше.

На окне вспыхнули изображения реакторов холодного синтеза, их затащили внутрь геодезика и включили. Образовавшиеся кислород, азот, двуокись углерода и незначительное количество других газов ворвались в купол. Шератон содрогнулся от ветра, и Уайет лишился двух внешних камер-ракушек – стойки под ними подломились. Они с шумом разлетелись в разные стороны, одна вдребезги разбилась о резервуары, другая – о внутреннюю стену геодезика.

К столу Уайета подошла низкорослая седовласая женщина в одежде лесовода:

– Все мои люди стоят на местах. Что мы должны делать?

Это была заведующая биолабораторией на проспекте Фанатиков.

– О Боже! – пробормотала Ребел. – Прямо вечер встречи старых друзей.

Женщина окинула Ребел внимательным взглядом:

– Мы ведь знакомы с вами, милая.

Ребел отвернулась, а Уайет проговорил:

– Ребел Элизабет Мадларк, познакомьтесь с Констанцией Фрог Мурфилдз, директором нашего макробиоинженерного проекта. Конни, я хочу, чтобы вы подали своим сотрудникам сигнал буквально через несколько минут. Переключайтесь на свой канал.

– О да, конечно. – Констанция близоруко вглядывалась в пульт управления. – Как обращаться с этой штукой?

Максвелл обвил рукой талию Ребел и сказал:

– Знаешь что, садись ко мне на колени, и мы обсудим, что делать.

Ребел взмахнула кулаком; он, ухмыляясь, увернулся.

Снаружи выла буря.

– Давайте, – сказал Уайет.

Констанция кивнула и что-то пробормотала в микрофон.

Где-то далеко макробиоинженеры включили приборы дистанционного управления. Взрывные болты разнесли в куски небольшой сферический контейнер. Находящееся внутри воздушное растение изогнулось, расправилось и взмыло вверх. Ветер подхватил его и стал бросать на резервуары и стены геодезика. Ребел видела, как в неясно освещенном окне шератона появлялись и исчезали громадные очертания веток.

– Какое огромное, – в восхищении проговорила Ребел.

– Двадцать семь миль, – довольным голосом пояснила Констанция. – Когда развернется полностью. И оно еще молодое. Через несколько дней от него тут деваться будет некуда. – Она протянула руку к кнопкам, и на окне возникло несколько биоструктурных графиков. – Видите, мы задумали, чтобы оно…

Ребел повернулась и вышла.

Длинный прямой коридор едва заметно искривлялся вверх. Ребел удивилась, почему здесь так темно. Тени наступали ей на пятки, зависали над плечами. Должно быть, есть какая-то причина. Ребел дотронулась до покрытой рябью орнамента стены и припомнила другой, похожий на этот коридор, по которому она проходила тысячи раз: он соединял ее приемную с психохирургическим кабинетом.

Легкий ветер теребил накидку, и Ребел запахнула ее. Мимо пролетел клочок бумаги, сзади на пол свалился серебряный сосуд и загромыхал по коридору, пока не врезался в стену. Закончившие работу самураи открывали шлюзы, упиваясь ворвавшимся снаружи свежим воздухом. За окнами шератона в дьявольском хоре завывали ветры. А внутри по зданию растекалась прохладная воздушная струя.

Ребел шагала вперед, погрузившись в воспоминания, как вдруг из ниши для переговоров вышел Ежи Хайсен.

– Привет, Хайсен, – рассеянно сказала она. – У вас есть новости по программе «Мадларк»?

Хайсен странно на нее посмотрел:

– Пока нет. Но я надеюсь, что скоро будут.

– Я решила испытать программу на себе. Это действительно интересная штука, но насколько она интересна, можно оценить лишь изнутри, если вы, конечно, меня понимаете. Я не хочу,

чтобы эта информация проходила через какую-нибудь безграмотную, с одной извилиной в голове испытательницу.

Она не могла говорить без горечи. Нанятый ей в подмогу вспомогательный персонал никуда не годился: полная некомпетентность, и к тому же наспех запрограммирован. Ей приходилось делать за них половину работы.

Хайсен нахмурился и с осторожностью произнес (он как будто читал реплики из пьесы или вспоминал слова из какого-то прежнего разговора):

– А стоит ли? Мы еще не сняли копию с основной платы.

– Это займет всего десять минут, – с пренебрежением отмахнулась Ребел. – Господи, что может случиться за десять минут?

Молчание. Она посмотрела на Хайсена в упор, у него был странный, какой-то слишком уж пристальный взгляд, но как только она отвела глаза, на лице врача снова появилось отсутствующее выражение.

– Так вы думаете, что эта личность будет хорошо продаваться?

– Какой вы корыстолюбивый, Хайсен! Я говорю о новых чертах, новых способностях, новых свойствах… О том, что может обогатить программирование, сделать его более интересным.

– Но это принесет прибыль?

– Ну, полагаю, что да.

Сзади послышался приближающийся топот ног, внезапно перед ней появился темнокожий юнец и протянул дешевенькое кольцо. Эвкрейша прищурилась, чтобы получше разглядеть юношу.

– Уайет велел мне передать это тебе.

– Уайет? – Она вспомнила имя. Как она могла забыть? Он же ее лучшее произведение: разумеется, это была незаконная операция, потому что на разработку наиболее интересных программ всегда накладывали запрет, но Эвкрейша вложила в эту программу все свое умение. – Уайет просил тебя передать мне кольцо?

– Ага, это локатор. Чтобы он мог за тобой следить, знал, где ты и что с тобой. – Юноша взмахнул рукой, и она увидела установленные на потолке камеры. – Послушай, когда будешь в резервуарах, заходи ко мне в хибарку. Там никто следить не будет. Мы с тобой будем совсем одни, понимаешь, что я хочу сказать?

Ничего не понимающая Эвкрейша в раздражении пожала плечами.

Хайсен из вежливости отошел. Юнец взглянул на него с

любопытством, решил, что этот не в счет, и послал ей воздушный поцелуй.

– Увидимся у меня в халупе! – крикнул он через плечо.

«Да кто же это такой?» – лениво подумала она.

Хайсен снова взял ее за руку. Он провел Эвкрейшу через напоминающую луг гостиную. Прохладная трава, над кустами малины висели сонные пчелы.

– Давайте пройдем сюда и погуляем по переходу. Очень приятная прогулка. Вдали от камер и любопытных глаз.

Хайсен уводил ее с собой, слегка размахивая красным футляром.

* * *

Проход выгибался длинной изящной дугой. В прозрачных стенах среди водорослей плавали рыбки. Под ногами почти музыкально скрипели доски из тика.

– Одну из личностей Уайета – личность воина – я делала с моего отца, – сказала Эвкрейша. Она совсем забыла, с кем разговаривает, но воспоминания властно одолевали ее, и слова лились сами собой. – Он был упрямый человек, мой отец. Непреклонный. Никто не мог его уговорить, если он чего-то не хотел. Но он был... негибкий, понимаете? Он не мог приспособиться к изменениям. Не мог проявить свои чувства. Хотя у него была замечательная душа, он был очень добрый, и я его очень любила. В детстве я всегда мечтала его изменить. Не совсем, а в мелочах, чтобы он мог снять свой панцирь и свободно вздохнуть. Чтобы он мог насладиться жизнью. Думаю, эта мечта во многом определила мой выбор профессии.

Эвкрейша умолкла. Вспомнила, как в пору ее детства Кластер выходил из поясов. Металлургические, заводы закрывались, родители остались без работы. Наступили тяжелые времена. Мать нашла место пьеретты, психосхемы тогда были примитивные. Мать приходила домой после смены с тупым видом и лакейскими манерами и часами приходила в себя. Отец не мог этого видеть.

Однажды Эвкрейша пришла домой из школы и обнаружила, что отец сидит в гостиной за столом и вертит в руках психозапись. Такой большой громоздкий предмет в черном чехле, сейчас они почти вышли из употребления, но тогда Эвкрейша еще не знала, что там живет электронное божество. Зато она знала, как ей надоело, что отец все время хандрит и ходит по дому

мрачный, а мать стала не похожа на себя. И еще Эвкрейше не понравился виноватый, неуверенный взгляд отца, когда он ее заметил. Отец всегда был сильным человеком. Поэтому, видя, как он неумело пытается спрятать кассету, Эвкрейша невольно уставилась на него, похолодев от ужаса; мозг пронзила, невыразимая боль, гнев жег глаза, как невидимый внутренний лазер, и она сказала:

– Папа, я тебя ненавижу.

Дальнейшее потрясло ее.

Рука отца сжалась в кулак. Кулак дрожал. Потом, так быстро, что она даже ахнуть не успела, он ударил себя в лицо. Удар был страшен. Должно быть, отцу было очень больно. Кулак сломал носовую перегородку; на губы, на подбородок хлынула кровь. Отец ударил себя опять. И опять, на этот раз без колебания, словно он испытал новое ощущение и оно ему понравилось. Сначала слышны были только удары кулака, но постепенно отец стал задыхаться и как будто всхлипывать. Однако он продолжал себя избивать.

Эвкрейша бросилась к нему, схватила крепкую, мускулистую руку и попыталась удержать.

– Папа, нет! – закричала она, и произошло маленькое чудо: отец остановился.

Целую вечность он просто стоял неподвижно, сердце гулко билось, плечи вздымались. Лицо потемнело от крови. Красная капля упала на ногу Эвкрейше и защекотала мизинец. Отец стал озираться вокруг, точно не понимал, где находится. Затем его взгляд нашел Эвкрейшу, и они оба застыли молча с раскрытыми ртами, неотрывно смотря друг на друга.

Потом отец отвернулся.

– Ну вот, мы зашли достаточно далеко, – сказал Хайсен. Он остановился и с тяжелым стуком поставил ящичек. – Садитесь, Эвкрейша.

Они подошли к вделанной в стену перехода прозрачной стойке бара. Внизу возился в поисках еды осьминог, он передвигался вдоль стекла, грациозно взмахивая щупальцами. Эвкрейша села на табурет.

– Он был хороший человек, – проговорила она. – Он был хороший человек. Он этого не заслужил.

– Это займет лишь одну секунду.

Эвкрейша посмотрела в темноту. Вдали мелькало несколько светлых пятен и больше ничего. «А где же звезды?» – подумала она. Крошечные огоньки обрамляли доски пола и бежали по краю стойки, но снаружи стоял кромешный мрак. Эвкрейше казалось, что она попала в загробный мир, где предметы стремятся

возникнуть из пустоты, но никак не могут.

Хайсен поднял у нее над головой криогенный аппарат. Локоть Хайсена касался ее плеча.

Вспугнутый каким-то шорохом осьминог отскочил прямо в лицо Эвкрейше. Мгновение перед ее глазами стояло сплошное черное пятно, потом она увидела бледное сжавшееся существо. Инстинктивный испуг вытащил наружу подсознательные образы: пустые глазницы и искаженный воплем рот. В ту же минуту в припадке клаустрофобии Эвкрейша поняла, что кто-то стоит у нее за спиной и собирается надеть ей на голову ящик.

Она взвизгнула и отшатнулась.

Ребел свалилась с табурета, угол криогенной установки ударил ее в плечо, она отпрыгнула и сильно ударилась об пол. Вне себя от боли, Ребел откатилась в сторону и вскочила на ноги. Хайсен снова поднял ящик.

– Убирайтесь! – закричала Ребел.

– Ну, Эвкрейша… – бормотал Хайсен.

Он увещевал и успокаивал. Но в глазах врача застыли хладнокровие и жестокость, и эти глаза неотступно следили за Ребел. Хайсен шагнул вперед, Ребел отступила. Позади только воздушный проход, узкая труба метров в двести длиной, без поворотов и выходов.

– Послушайте, Ежи. Я не знаю, как вы сюда вошли, но Уайет скоро заметит мое отсутствие. Это здание кишит самураями, вас обязательно схватят при выходе.

Хайсен отступил на несколько шагов и поставил прибор на стойку бара. Затем вытащил из внутреннего кармана накидки какой-то футляр и не глядя раскрыл его со щелчком.

– Ежи! Послушайте меня, пожалуйста! Я уверена, что вас можно перепрограммировать. Вы можете вернуться к нормальной жизни. Вы будете снова распоряжаться собой.

Врач вставил пальцы в рукоятку дуэльного ножа – помесь крепкого, надежного обоюдоострого кинжала с кастетом. Любимая игрушка крутых мальчиков – ведь такое оружие почти невозможно выронить во время драки.

Хайсен спокойно улыбнулся и взмахнул ножом.

– Вот же, мать твою! – Ребел отпрянула назад.

Она схватила полу накидки и обернула ее вокруг правой руки. Теперь у Ребел появился какой-никакой, а щит. Каким-то сумасшедшим, насмешливым уголком сознания она ощущала себя денди эпохи Возрождения. Вот так дрались в Испании, в Риме, в Греции много столетий назад, это были отчаянные, безжалостные схватки.

Но, конечно, оружие было у обеих сторон. Хайсен наступал

медленно, программа сделала его осторожным бойцом даже при наличии преимущества. Дважды он делал ложные выпады, сначала взмахнув ножом перед лицом, затем перед животом Ребел, и смотрел, как та защищается, выбрасывая вперед руку. Хайсен двигался размеренно, рассчитывал каждый шаг, а снедаемая страхом Ребел отвечала резко и нервно. Ужас проник к ней в кровь, плясал в глазах, кислятиной разлился во рту. Она уже была побежденной.

Улыбка Хайсена исчезла, и на мгновение он совершенно замер. Потом рванулся вперед, сделав ложный выпад влево, отвлек внимание Ребел, а затем нанес режущий удар сверху вниз, пытаясь распороть оставшееся без защиты горло.

Ребел отпрыгнула в сторону и ударилась боком в стену. Горячее, едкое острие ножа скользнуло вдоль ее бока, чуть взрезало кожу и оставило тончайшую царапину на ребрах. Весь бок горел от боли. Ребел отскочила от стены и попятилась. С ледяным спокойствием в глазах Хайсен двинулся вперед.

Ребел ударилась спиной обо что-то твердое. Стойка бара. «Отлично, – подумала она. – Единственный угол в этом проклятом переходе, и я себя в него загнала». Она почувствовала легкое прикосновение гладкого, прохладного металлического предмета.

Криогенный аппарат!

Быстрым движением Ребел выхватила прибор из-за спины и выставила его перед собой, обеими руками вцепившись в ручку. Хайсен чуть попятился.

Но держать на весу криоконсервационную установку было ей не по силам. Руки Ребел напряженно дрожали: прибор был слишком тяжелый, слишком короткий, неудобный и слишком тупой. Если бы Хайсен двигался не так быстро, она наверняка поддалась бы искушению и бросила аппарат ему на ногу. Пальцы Ребел ощущали выступающий из ручки пусковой тумблер. Это означало, что, если она сможет уговорить Хайсена сунуть голову в прибор, с ним будет покончено. А так – оружие вшивое до упора.

«Придется запустить в него этой штуковиной, – думала Ребел. – Размахнуться снизу вверх, попасть ему в челюсть и выбить несколько зубов. Потом отобрать нож и не дать уйти до прихода охранников. Хороший план. Ничем не хуже идеи мгновенно освоить приемы телепортирования».

Ребел видела, как напряглись мышцы Хайсена. Его лицо сохраняло полное спокойствие.

Вдруг он бросился вперед и занес нож. Защищаясь, Ребел взмахнула прибором, и тут у нее за спиной послышался крик.

Хайсен рефлекторно взглянул и уставился через плечо Ребел, ища незваного гостя. Пользуясь этим секундным замешательством, Ребел выставила вперед криогенный аппарат, прижала его к вытянутой руке с ножом и повернула тумблер. Установка щелкнула, еле слышный звук напоминал кашель.

Какое-то время Ребел и Хайсен стояли не шелохнувшись. Потом Ребел убрала аппарат. Корпус его нагрелся от выделившейся энергии, до прибора было больно дотронуться. Хайсен опустил глаза. Осторожно, с озадаченным видом он протянул левую руку и коснулся правой.

Рука раскололась, как стеклянная.

Нож и сжимавшие его пальцы упали на пол и разлетелись на мелкие кусочки, осталась культя, начинающаяся чуть повыше запястья. Пальцы Ребел вдруг ослабели, и она уронила аппарат на пол. Ребел потрясение уставилась на отвалившуюся руку; культя словно сияла и разрасталась, заполняя все поле зрения. Сзади слышался топот быстро бегущих ног.

И тут Хайсен пришел в себя. Не обращая внимания на боль, он опустил уцелевшую руку в карман накидки и вытащил маленький черный шарик.

– Посторонись! – крикнул он и метнул шарик в противоположную стену.

Самураи были совсем близко. И тут стена взорвалась, и из нее забил мощный фонтан аквариумной воды. Ближайший охранник схватил Ребел и оттащил ее в сторону, а другой попытался дотянуться копьем до Хайсена. Но врач уже проскочил в открывшийся ход. Он в мгновение ока исчез в непроглядной тьме. Взвыл ветер. В воздухе стоял запах соли, везде валялись мокрые водоросли. По обеим сторонам прохода захлопнулись тяжелые аварийные люки.

Прежде чем Хайсена поглотила тьма, Ребел увидела, как он в бешено развевающейся накидке кувырком летит вниз.

– Какой бардак! – пробормотал один из самураев и отшвырнул носком ноги бьющуюся на полу рыбу. Ветер трепал его волосы.

Когда самурай уводил Ребел, та изо всех сил старалась удержаться от слез.

* * *

Громадное плавающее в вакууме кольцо, сплошь

составленное из каких-то сверкающих механизмов. Сотни комбинов, копошащихся на его поверхности, устанавливали и регулировали маленькие ракетные двигатели, работающие на сжатом газе. При помощи тысячи крошечных струек комбины старательно направляли движение кольца, пока стальная сфера не зависла неподвижно в самом его центре. Только теперь Ребел осознала, насколько велики размеры кольца – много миль в диаметре, оно было такое огромное, что дальний край терялся из глаз.

– Этого недостаточно, – говорил Уайет. – Я хочу, чтобы всем этим помещениям была обеспечена охрана, и сейчас же. Поняли?

Когда Ребел вошла в вестибюль, он поднял глаза и подмигнул ей. Потом, подобрав другой тембр голоса, продолжал:

– Вы вытащили метлы? Ветер утихает, пора приниматься за работу.

Холл кишел самураями, во все концы спешили патрули.

– Меня чуть не убили, – сказала Ребел. – Только что.

– Да, я знаю. Когда ты пропала из виду, я послал несколько камер на осмотр шератона снаружи. Засекли последние минуты выяснения ваших отношений. Этого не должно было случиться. Как только я разберусь здесь с делами, полетят головы. Для такого прокола не может быть извинений.

По всей длине транспортного кольца замигали красные сигнальные огни. Комбины все, как один, вылезли из-под механизмов и с акробатической слаженностью прыгнули внутрь кольца, точно в калейдоскопе замелькал букет оранжевых цветов. Они сцеплялись в гирлянды по десять – двадцать человек, затем эти цепочки подхватывали и уносили с собой подлетающие катера.

– Какая прелесть! – сказала появившаяся неизвестно откуда Констанция. – Похоже на танец.

– Не такая уж прелесть, – ответил, не поднимая головы, Уайет, – если принять во внимание, почему они действуют настолько дружно.

Констанция недоуменно моргнула:

– Да нет же, как раз наоборот. Если подумать, какую сложную форму принимают их мысли, подумать о ментальных структурах, слишком обширных для одного мозга… Есть от чего проникнуться почтительным благоговением, не правда ли? – И когда Уайет промолчал, она продолжила:

– С точки зрения биологии, комбины стоят в эволюции на одну ступень выше нас. Это как… пчелиный улей, понимаете? Вроде «португальской галеры», физалии – сотни мельчайших существ образуют единое крупное животное, организованное на

несколько порядков выше, чем входящие в него компоненты.

– А я бы сказал, что они стоят в эволюции на ступень ниже. На одно человеческое тело приходится по крайней мере одна личность, а комбины суммировали свои личности в одну. На Земле принесено в жертву около четырех миллиардов индивидуумов, чтобы создать один огромный рассредоточенный разум. Это их не обогатило, а обеднило. Это самое разрушительное деяние в человеческой истории.

– Но разве вы не видите красоты этого разума? Исполинский, чрезвычайно сложный, почти богоподобный!

– Я вижу, что все население родной планеты людей низведено до уровня роя пчел. Очень большого роя пчел, но насекомые есть насекомые.

– Я не согласна.

– Вижу, – холодно произнес Уайет. – И хорошо это запомню.

Ходовые огни транспортного кольца быстро и слаженно мигали. Уайет обратился к Ребел:

– Видишь? Они поставили заряды на боевой взвод.

Констанция пришла в замешательство:

– Заряды? Взрывчатка? Зачем?

Катера медленно собирались у геодезика. Рядом бригада астронавтов готовила шлюз. Они взрезали металлическую обшивку, установили камеру и распахнули внешний люк как раз к появлению первого транспорта. Потом они сняли двигатель катера и заменили его другим, работающим на сжатом воздухе.

– Сейчас они проникнут в геодезик, сэр, – сказал самурай.

– Если по пути в шератон недосчитаемся хоть одного комбина, пеняйте на себя, – угрожающе заметил Уайет. И обратился к Констанции:

– Комбины не хотят знакомить нас со своей техникой, мисс Мурфилдз. Поэтому они, конечно, запрограммировали, чтобы при малейшей нашей попытке это сделать кольцо взорвалось. Мы это знаем, к тому же содержащийся в кольце гелий взят в долг, так что бояться им нечего.

Катер вошел вовнутрь оболочки. Комбинов в оранжевых скафандрах набилось в него, как сельдей в бочке, к тому же катер облепили в три слоя снаружи. Пилот включил двигатели, и катер двинулся к шератону.

– Не понимаю я этих взаимных подозрений, – сказала Констанция. – Ну и что же, что человечество разделилось на два вида? Дайте срок, их будет десять, сто, тысяча! Вселенная огромна, места хватит для всех, мистер Уайет.

– Вы думаете?

Катер заскользил в направлении стыковочного блока

шератона. Буря почти улеглась, остался легкий ветер, вызываемый вращением самого шератона и струями двигателей, поддерживающих это вращение. Однако система управления катера плохо согласовалась с двигателем на сжатом воздухе, пилот перестарался, исправляя отклонение от курса, и суденышко сильно тряхнуло. Теснящиеся комбины уцепились друг за друга мертвой хваткой, но один не удержался и вылетел из машины. Мгновение он спокойно плыл в воздухе, но затем судорожно дернулся. Во все стороны полетели куски шлема. Труп вздрогнул еще раз и еще. К нему приблизились полдесятка самураев на приводимых в действие давлением метлах.

– Видите их оружие? – спросил Уайет. – Это пневматические винтовки. Их сделали в резервуарах, в Кластере такие штуки запрещены, но мне без них никак. Лазерное оружие здесь неприменимо – слишком тонкая оболочка, а холодное годится только для ближнего боя.

– Вы же его убили! – воскликнула Констанция.

– Мы здесь не в игрушки играем. – Самураи уносили труп. – Уверяю вас, у меня были веские основания.

– То же самое сказал бы Хайсен, – пробормотала Ребел.

Уайет бросил на нее острый взгляд, но тут двери лифта раскрылись, и ввели первую группу из двадцати комбинов. Их кожа была выкрашена под цвет оранжевых скафандров, такой не затеряется в толпе. Но Ребел поразил не жуткий цвет их кожи, не общая для всех прическа – длинная косичка, а то, что у них были разные лица. Ребел этого не ожидала. Пусть они жили, думали и двигались одинаково и являлись лишь частью огромного единого разума, но каждое лицо сохранило отпечаток индивидуальности.

И от этого становилось еще страшнее.

Группа двигалась колонной по одному, некоторые шли с закрытыми глазами, другие с интересом глазели по сторонам. Радиокоммуникационные импланты, для надежности вживленные глубоко в тело, были незаметны. Старшая в группе вышла из строя и направилась к Уайету. Справа и слева в ногу с ней шагали два самурая.

Уайет поднял голову и стал ждать.

– Нам понадобятся тренировочные площадки, чтобы поддерживать эти тела в форме, – сказала женщина-комбин. – Кроме того, металл этой конструкции ведет себя как слабая клетка Фарадея. Мы требуем, чтобы через все жилые зоны проложили трехжильный аксиальный кабель с местными отводами. – Уайет кивнул. – Кроме того, мы потеряли одно из наших тел. Его убили ваши силы безопасности.

– И что?

– Земля полагает, что плату за предметы потребления следует сократить на соответствующую долю процента, так как оно больше не сможет ничего потреблять.

– Я позабочусь об этом.

Женщина вернулась в строй. Первая группа удалилась, двери лифта раскрылись, и вошли следующие двадцать. Уайет язвительно улыбнулся:

– Чудесные создания, правда? Кластер так торопится от них избавиться, что перегружает их в двух шагах от двадцати с лишним резервуарных поселков. Впусти пятьдесят этих типов в резервуары, и потом целая армия их оттуда не выкурит. Через месяц они всех жителей резервуаров подключат к своему групповому разуму.

– Это чистый предрассудок, – возразила Констанция. – Просто на Земле человеческий интеллект принял другую форму. А вы ведете себя так, будто перед вами враг.

– Да, это враг, мисс Мурфилдз. Это худший враг человечества в его истории, хуже лишь глупость, заставляющая нас думать, что можно играть с Землей и не обжечься. И единственная наша здесь защита – это я. Я из них всех дух вышибу, но ни одного не прозеваю.

Негодующая Констанция резко повернулась и ушла. Уайет оперся ладонями о край стола и подался вперед. Он смотрел на проходящих мимо комбинов горящими, как угли, глазами.

Ребел зябко поежилась.

* * *

Сопровождаемые караулом комбины еще долго проходили через холл. Формально они считались постояльцами, так как платили за переезд на орбиту Марса. Поэтому, несмотря на ножи, копья и палки, самураи встречали пятьсот своих подопечных улыбками и поклонами. Комбины, разумеется, не выказывали ни одобрения, ни неудовольствия.

На транспортном кольце вспыхнули новые огни, сначала желтые, затем оранжевые.

– Как работает эта штука? – спросила Ребел.

Уайет пожал плечами:

– Я ровным счетом ничего не понимаю в физике. И потом, земляне достигли в этой области таких высот, что опередили нас на столетия. Если перепрограммировать меня и сделать вторым

Миико Бен-Юсуфом, я и тогда не смогу объяснить принцип работы этой хреновины. – Тут его лицо расплылось в мальчишеской улыбке, и он стал другим человеком. – Однако я могу прочитать тебе лекцию для идиотов. Я ее выслушал и понял вот что: кольцо обхватывает лежащее внутри пространство и ускоряет его. То есть пространство движется через пространство, и все, что находится внутри перемещающегося пространства, в нем и остается и едет вместе с ним. Так что мы здесь и будем здесь, но это «здесь» движется. В результате возникает мгновенная скорость. Скорость без ускорения. Отпадают все трудности, связанные с инерцией. Поняла?

– Э-э… нет, не совсем.

– Я тоже. – Он рассмеялся, по кольцу побежали зеленые огоньки. – Оп-па! Поехали.

Ребел невольно ухватилась за край стола. Транспортное кольцо вместе с Лондонградом, Новым Верхним Камденом, астероидом и всеми другими элементами Кластера исчезло с экрана. Его как будто стерли со стены, оставив на ней только неизменные звезды.

– Это что, то самое? – спросила Ребел.

– Не слишком впечатляющее зрелище?

– Что будет с транспортным кольцом дальше? Кластер оставит его себе?

– Да уж не отказались бы! Но произойдет вот что: оно само распадется на части. Затем Служба безопасности Кластера исследует эти части и попробует сообразить, как их составить наново, но ничего из этого не выйдет. Комбины собаку съели на киберсистемах. – Он посмотрел на экраны, и выражение его лица изменилось. – Послушай. У меня сейчас куча дел. Почему бы тебе не пойти к себе в номер – поешь, поспишь. А завтра утром мы наметим стратегию, о'кей?

– О'кей. – Ребел направилась к лифту и остановилась. – Уайет! Ты волновался, когда увидел, что Хайсен хочет меня убить?

– Не очень. В этой части здания дежурят самураи. Почему ты спрашиваешь?

– Просто так.

* * *

В верхнем ярусе, где находился номер Ребел, было полно

отдыхающих после смены самураев, пьеро, пьеретт и прочего обслуживающего персонала. Здесь царило праздничное настроение, люди срывали фрукты с деревьев, смеялись и плескались в фонтанах. Краска на лицах уже начинала размазываться. Кто-то открыл ящик с бумажными птицами, в воздухе замелькали хлопающие крыльями игрушки, они неторопливо описывали круги под потолком, пока раскручивались их резиновые моторчики. Ребел шагала мимо этой веселящейся компании, чувствуя прилив какой-то мрачной энергии, и на этот раз она не отстранилась, когда Максвелл обнял ее за талию и пошел рядом.

– Кажется, тут затевают оргию в пруду с кувшинками, – сказал он. – Что ты на это скажешь?

– Не люблю, когда слишком много народу. Я пойду к себе в комнату. – И, зная заранее, что делает глупость, но не придумав ничего лучше, добавила:

– Хочешь пойти со мной?

Это был обычный номер «люкс» овальной формы с программируемыми стенами и потолком и стоящей сбоку кроватью. Ребел и Максвелл разделись, набросили накидки на комнатный монитор и повалились на оранжево-красное пятнистое покрывало. Пока Ребел давала указания стенам показать пейзаж окружающего их звездного неба, Максвелл собрал всех бумажных птиц, завел их, а потом запустил в воздух одну за другой.

Пышная кровать плыла среди звезд, бумажные птицы тихо кружились над головой, парочка занималась любовью. Сначала Ребел сидела сверху и делала всю работу, отталкивая руки Максвелла, когда он начинал к ней тянуться. Затем, когда парень разогрелся, Ребел склонилась к нему, и он грубо схватил ее и перекатился наверх. Ребел повернула голову в сторону и стала смотреть на уходящие в бесконечность крошечные яркие звезды – Млечный Путь.

Приятно заниматься любовью при нормальной силе тяжести. Не надо все время держаться руками, чтобы не оторваться друг от друга, половина работы делается сама собой. И еще хорошо чувствовать на себе основательный вес. Это вселяет уверенность.

Страсть сменялась глубоким, безмятежным покоем, необозримым ментальным пейзажем, где мысли не выражались словами и были кристально чисты, как холодный горный воздух. Телесные ощущения превратились во второстепенное – хоть и приятное – обстоятельство, и Ребел примирилась с собой. Все стало просто и ясно. Надо только заглянуть в себя и найти причину непонятной тревоги, которая терзает ее уже давно,

выловить этот тайный яд, отравляющий ее душу.

Все от нее чего-то хотят. Это во-первых. «Дойче Накасоне» жаждет заполучить ее личность. Ежи Хайсен жаждет ее смерти. Сноу и ее дружки хотят снять копию с ее личности. А Уайету она нужна как приманка, чтобы поймать в ловушку и уничтожить организацию Сноу. Если верить Уайету, они предатели, продались Комбину и служат интересам Земли. Если учесть, насколько тесно Сноу и ее друзья связаны с различными машинами, вполне возможно, что они сторонники окончательного слияния человеческих умов в одну машину. Но в этой неразберихе больше всего ее беспокоили намерения Уайета. Он ее использует. По не совсем понятной причине это волновало ее даже больше, чем покушение на убийство.

Теперь Максвелл двигался быстрее, приближаясь к оргазму. Но Ребел уже знала ответ на свои вопросы. Хоть и не желала смотреть правде в глаза.

Дело в том, что она хочет, чтобы вместо Максвелла был другой. Она хотела Уайета, и не только на несколько потных часов. Она влюбилась в этого человека с чуждым, четырехсторонним умом, и пусть это глупо, потому что какое у Ребел с ним может быть будущее, но ее чувства неодолимы и неподвластны рассудку. И жаловаться тут некому.

Максвелл выгнул спину, зажмурил глаза и беззвучно закричал. Почти рассеянно Ребел протянула руки и сжала его щеки, до боли вонзив в них ногти. Бумажные птицы валялись на полу.

Затем потный Максвелл, тяжело дыша, лежал подле нее. Они долго молчали. Потом Ребел послала его принести поесть, и он вернулся с печеньем, кусками жареного батата и апельсинами с растущих в холле деревьев. Когда они поели, парень уже снова был возбужден.

– Хочешь еще? – спросил Максвелл.

– Не возражаю.

И она опять углубилась в свои мысли. О любви и о Уайете. Какой бардак. Долбаный бардак!

Глава 6. ОРХИДЕЯ

Когда огни шератона поменяли цвет, а подернутый синевой вечер сменился желтоватым рассветом, Ребел вышвырнула Максвелла и отправилась на встречу с Уайетом. Сопровождаемая пятью самураями, она вылетела на метле за пределы шератона. Ветер развевал накидку и волосы Ребел, и она воображала себя дамой елизаветинских времен, в окружении свиты, скачущей на соколиную охоту. Сходство усиливалось парящими вдали наблюдательными камерами. Правда, скоро седло метлы стало неприятно холодным, так как по мере использования сжатый воздух остывал.

Они пролетели мимо крайних побегов орхидеи (в сплетении воздушных корней застыли пузыри воды, напоминающие шары из вулканического стекла величиной больше головы Ребел) и, замедлив ход, въехали прямо в растение. К середине стебли росли все ближе и ближе друг к другу. Орхидея уже расцвела, и огромные мерцающие цветы струили в темноту мягкий, сказочный свет. Это было тусклое свечение, так поблескивали увядающие воздушные растения там, дома, в ночное время года – в пору цветения они ярко сияли. Наконец вся компания приблизилась к большому просвету в зелени, метлы остановились.

– Ты не хочешь запрограммировать себе боевые искусства? – спросил Ребел Уайет. – Очень просто, потребуется минут пять, не больше, и почти без изменения личности.

– Нет. Не хочу, чтобы кто-то там ковырялся у меня в мозгах.

Уайет вздохнул:

– Но ты должна уметь защищаться. Значит, придется программировать тебя, как в старину, с помощью инструктора и множества упражнений. Результаты те же, но намного дольше, и надо будет попотеть. Трис!

Толстый, похожий на тролля, самурай спрыгнул с помела и, одной рукой придерживая седло, подплыл к Ребел. У него было хмурое лицо и широкий рот, как у жабы.

– Займись-ка ею.

Трис отвязал две прикрепленные к поясу палки и подал одну Ребел. Она спешилась и взяла палку. Они привязали накидки к седлам и бросили метлы.

– Хорошо. Теперь ударьте меня.

Ребел смерила смуглого человечка взглядом, пожала плечами и быстро с силой ударила, взмахнув при этом, чтобы сохранить равновесие, левой рукой. Она ничуть не удивилась, когда Трис

уклонился от удара, – в конце концов, он инструктор, – но Ребел привело в изумление, когда он стукнул своей палкой по ее оружию сверху, добавив свой удар к ее взмаху, так что Ребел закружилась на месте.

– Урок первый, – сказал Трис. – Вы вертитесь и вертитесь вокруг некой точки своего тела, вроде как на оси. Это ваш центр тяжести.

– Знаю! – буркнула Ребел.

Ей было неприятно, что Уайет на нее смотрит. Только бы не закружилась голова.

– Я выросла в невесомости.

– А я вырос при нормальной, силе тяжести. Но от этого очень мало толку, когда я борюсь с противником, запрограммированным на дзюдо. – Ребел продолжала кружиться. – Центр тяжести очень важен. Во-первых, если вы заставите противника вертеться, его боеспособность понизится. Он будет изо всех сил стараться сориентироваться, а нападать и отражать удары будет не так точно, как мог бы. – Трис выставил вперед палку, Ребел схватилась за нее и наконец остановилась. – Во-вторых, нужно стремиться попасть в центр тяжести. – Он ткнул в нее концом палки. – Попробуйте сами. Двигайтесь как хотите. Когда вы перемещаетесь, одна точка вашего тела остается недвижимой. Это центр тяжести. Он стоит на месте. – Трис снова поддел ее палкой. – Ну, давайте. Отойдите от палки.

Ребел изо всех сил ударила по палке Триса, держа свою палку обеими руками. Ее отбросило через голову инструктора, и на лету она попыталась стукнуть его по голове. Трис отразил удар, зацепил Ребел палкой, и она вернулась на исходную позицию.

– Совершенно верно, – сказал инструктор. – Когда вы в полете, переместиться можно, только оттолкнувшись от противника.

Самураи парили, не покидая первоначально выбранной «горизонтальной» плоскости.

Хитро поглядывая на Ребел, Трис перевернулся в воздухе.

– Итак, в соприкосновении с противником залог успеха, но в то же время наибольшая опасность. Возьмите меня за руку.

Ребел протянула руку. Трис сразу же схватил ее за кисть, перехватил выше, еще выше, и горло Ребел оказалось зажатым между палкой и его предплечьем.

– Я мог бы сломать вам шею. Прикоснувшись к противнику, вы становитесь уязвимой. Однако, не прикоснувшись к нему, ничего не добьешься. – Он отошел в сторону и мрачно улыбнулся. – В этом-то все и искусство.

Уайет сидел в седле с закрытыми глазами и при помощи

рации с мыслевходом управлял своим карманным королевством. Вдруг он открыл глаза и сказал:

– Прекрасное описание ситуации, в которой находится любой политик.

Ребел хотела ему что-то ответить и чуть не пропустила удар инструктора.

– Перестаньте болтать! – рявкнул Трис. – Все разговоры закончены. Хватит теории, хватит трепа, начинаются скучные тренировки. Сегодня и каждый день до тех пор, пока вы не освоите предмет, я не обещаю вам ничего, кроме пота.

Прошла целая вечность. Наконец на лице Триса появилось отвращение, и он плюнул в орхидею.

– Достаточно. Продолжим завтра в это же время.

Самураи подали им метлы. Ребел чувствовала приятную усталость. Она ощущала каждый свой мускул. К счастью, Эвкрейша поддерживала форму.

Они добрались до края орхидеи и остановились. Уайет привязал помело к воздушному корню, Ребел тоже. Охранники удалились, расширив зону наблюдения. Уайет стал карабкаться по толстому стеблю, неумело хватаясь руками. Ребел более изящными движениями следовала за ним.

Они доползли до конца растения и застыли от удивления и неожиданности; ощущение было такое, будто густой лес сменился лугом. Далекие заросли воздушного растения походили на вереницу светящихся облаков. Одинокий и сверкающий, шератон вращался, как колесо. Его огни стали краснее, почти достигли полуденного оранжевого цвета. Вокруг шератона серебристыми мушками летали люди.

Наконец Уайет заговорил:

– У меня впервые появились подчиненные. Я всегда был одиноким волком.

Ребел смотрела на него, не зная, что сказать.

– Скорее, стаей одиноких волков? – попробовала она пошутить.

– Вроде того.

Опять тишина. И потом:

– А на что это похоже – иметь четыре личности?

– Ну... когда от меня ничего не требуется, я ничего не делаю, лишь осознаю, что я существую. Я вижу, что происходит. Как будто мы вчетвером стоим вокруг маленькой ярко освещенной сцены. Мы наблюдаем за разыгрывающимся действием, все слышим, все чувствуем, но не вмешиваемся, пока не выйдем на свет. Когда мы в темноте, нам все равно. Иногда мы все попадаем в полосу света, а иногда, – его голос слегка изменился, – только

двое, но один из этих двоих сидит и помалкивает. Еще полчаса работы, и перерыв. – Голос стал прежним. – Это был мой воин. В настоящий момент он руководит безопасностью шератона. А тем временем я могу пользоваться телом.

– Дико это как-то, – сказала Ребел. – Как у тебя меняется голос. Тебе ведь не нужно говорить с самим собой вслух, правда? То есть ты можешь что-то подумать, а остальные услышат твои мысли.

– Нет, я должен разговаривать, по крайней мере артикулировать звуки, потому что... ну, личность в основном и состоит из мыслей, понимаешь? Мысли – это костяк, они определяют форму и существование личности, где она начинается и где конец. Мы не можем непосредственно делиться своими мыслями…

– ..не разрушая личности, – договорила за него Ребел.

– Да, правильно, это все равно что разрушить перегородку между двумя зародышами в яйце – желтки сольются.

– К тебе в самом деле возвращаются знания Эвкрейши.

Ребел отвернулась.

– Зря тебя это так радует. Это словно... я чувствую, как эти воспоминания подступают все ближе и подавляют меня. Они все принадлежат ей, ни одна из них не моя, и они на меня влияют. Они изменяют меня, делают похожей на нее. – Ребел удержала в себе смутное желание зареветь от беспомощности. – Иногда я думаю, что однажды эти воспоминания накатят на меня и я утону в них.

Уайет коснулся ее руки.

– Твоя личность всего лишь маска, – произнес он голосом ваятеля структур. – В конечном счете она не важна. Ты – твое существо, твоя душа – здесь, в этой голове, в этом теле.

Ребел вздрогнула от его прикосновения и повернулась. И тут, это случилось с быстротой молнии, как во время тренировки, когда Трис добрался до ее горла, Уайет притянул Ребел к себе, и они слились в поцелуе. Ребел желала его так сильно, ей даже не верилось, что он первый потянулся к ней.

– Пойдем.

Уайет снова повел ее в глубь орхидеи, в темное и укрытое место. Он снял с Ребел накидку и положил рядом. Руки Уайета скользнули вниз по ее телу, трусики полетели в сторону. Он прижался лицом к ее шее.

– Подожди, – сказала Ребел. – Я хочу настоящего мужчину.

Уайет вопросительно посмотрел на нее.

– Воина. Я хочу, чтобы ты любил меня в образе воина.

* * *

Потом Ребел ехала с шутом. Они летели, без цели, смеялись и болтали.

– Придется тебе отказаться от своего необъяснимого предубеждения против психопрограмм, – улыбаясь, проговорил Уайет. – Это полезная штука. Если бы моя другая личность не управляла сейчас шератоном, я бы не мог здесь развлекаться с тобой.

Они летели все дальше и вдруг попали на карнавал.

Это происходило там, где орхидея подходила ближе всего к резервуарам. Один из длинных ее побегов был вытащен из общей путаницы лиан и привязан к шлюзу; держась за него, люди шли под веселую музыку туда, где было вырублено что-то вроде просеки внутри растения.

Снаружи карнавал был похож на скопище разношерстых загородок и шалашей, утопающих в густой зелени. Внутри он сверкал цветами и гирляндами бумажных фонариков. Жители резервуаров в накидках, ярких, как тропические бабочки, порхали туда-сюда. Из множества высушенных в вакууме лиан они сплели сетки, огораживающие площадки для поединков, кабины астрологов и колдунов, лабиринты влюбленных, павильоны для игры в рулетку и столы торговцев. Ремесленники раскрашивали доски для аттракциона «Катание на центрифуге», и из-под их рук выходили короли, быки, звездные корабли и скелеты.

Около главных ворот шла дуэль на палках. Уайет и Ребел вошли и увидели Триса, с интересом следившего за поединком.

– Смотри! – Уайет увлек Ребел в кабину, где весельчаки бросали водяные шары в стоящего вдалеке клоуна. – Дайте мне три шара!

Первый он швырнул слишком сильно, шар разлетелся на мелкие капли, пролетевшие мимо клоуна. Тот обидно захохотал, и Уайет бросил снова. На этот раз шар угодил прямо в лицо клоуну и взорвался тысячей шариков.

– Вот это здорово!

Зазывала подал ему последний шар, и Уайет, подмигнув клоуну, запустил его себе в лицо. Гуляющие рядом люди в изумлении засмеялись. Вдали от бумажных фонариков их глаза казались туманными, лица напоминали бледные маски.

От кабинок для незамысловатых игр, где мошенничество приходит на помощь удаче, Уайет и Ребел перешли к столам торговцев, продающих леденцы и варенья, деревянных астронавтов и ярких соломенных кукол.

– Сюда! – кричал зазывала. – Да, да, да! Ребел купила сделанный из сахара череп и откусила кусочек. Из пустой глазницы полилась густая красная жидкость. Ребел в ужасе вздрогнула, а потом рассмеялась. Она приценивалась к серебряным колокольчикам со шнурками, и вдруг ей стало как-то не по себе. Подняв глаза, она увидела, что Уайет держит в руках светящееся яблоко размером с небольшой помидор.

– Семь часов? – удивился Уайет. – Семь кластерских часов за яблоко?

Торговец, маленький человечек с тонкими руками и ногами и сумасшедшинкой в глазах, криво ухмыльнулся. И запел:

> Проснись, вставай и не зевай,
> Скорей открой глаза!
> И уж тогда раскрой уста,
> Коль знаешь, что сказать![4]

Затем, обращаясь к Уайету, торговец сказал:

– Заколдованное яблоко не обычный фрукт, нет, у него в самой сердцевине червь.

– А что он делает?

– Грызет, сэр. Он грызет и выделяет жидкость, а под конец тонет в своих выделениях. – Он вырвал яблоко из рук Уайета. – Надо проглотить его целиком: с черенком и семечками. Вот так!

> Что снилось мне?
> Не помню
> И вспоминать боюсь.
> Мне было так щекотно
> Я до сих пор смеюсь.

И продолжал:

> – Зовут меня Чарльз Чародей, мой дом в кукушкином гнезде.
> И если нет меня нигде, то это я и есть.

Он задрыгал ногами и сделал сальто в воздухе. Уайет с изумлением и интересом повернулся к Ребел.

– Ты понимаешь, что говорит этот псих?

– Не дотрагивайся до этих фруктов! Неужели ты не знаешь, что такое заколдованное яблоко?

Уайет вытаращил глаза и покачал головой.

– Они изменяют сознание. Эти, скорее всего, – направленные психоделики, но заколдованные яблоки могут почти все: сделать человека гением, свести с ума, излечить. Одни действуют пару часов, воздействие других... постоянно. Нельзя брать их в рот, не зная, для чего они предназначены.

– Правда? Химическое психопрограммирование? – Уайет потер пальцем по яркой кожице, поднес его к носу и осторожно понюхал. – Как они действуют?

– Ну, яблоко – это только матрица. Изменено не оно, а червяк. В него... вводят вирус, который… Когда сердцевина яблока пропитывается жидкостью, вирус начинает быстро размножаться и… – Она замялась. – Нет, забыла. Я знала, но все забыла.

Однако Ребел чувствовала, что это очень важно.

– Никогда не слышал ничего подобного. – Уайет поднес заколдованное яблоко к глазам, восхищаясь полупрозрачной кожицей, красноватым мерцанием, плод был такой спелый, что, казалось, вот-вот брызнет сок. – Интересно, где это их делают? И почему они вдруг здесь появились?

Ребел растерянно покачала головой:

– Сколько их у вас? Три ящика?

Чарльз Чародей одарил всех ослепительной улыбкой:

– Я беру все. Трис! Договорись с ним о цене и проследи, чтобы яблоки доставили в шератон.

Они двинулись дальше. Ребел задержалась у витрины с украшениями и стала рассматривать брошки в форме религиозных символов: звезды, креста, свастики и тому подобного. Она купила белую раковину морского гребешка и приколола к воротнику накидки.

– Теперь я могу смыть краску с лица, – сказала она. – Все решат, что я религиозная фанатичка.

Странно, но ее беспокойство нарастало.

– Хорошая мысль. Хотя на твоем месте я бы выяснил значение этой брошки. А то можно попасть в очень неловкое положение.

Они парили рука об руку перед огромным плетеным шаром, где шли петушиные бои, как вдруг Уайет сказал голосом вожака:

– Вот же черт! Пошли. Надо возвращаться в шератон.

Он потащил Ребел к воротам. Рядом появился охранник.

– Что случилось? – спросила Ребел.

– Констанция разговаривает с комбинами.

* * *

На обратном пути в шератон Ребел не оставляло неприятное ощущение, что кто-то ее преследует. Однако как только она бросала взгляд назад, тень, скользящая за ними вдоль листьев и веток, исчезала, но потом опять возникала. Здесь, в ярко освещенных помещениях шератона, это чувство притупилось, но не прошло. Кто-то за ней охотился.

– Мы не нашли тела Хайсена, – признался Уайет, когда Ребел рассказала ему о своих страхах. – Он вполне может охотиться за тобой. Отчасти поэтому у тебя теперь будет постоянная охрана.

– А еще почему?

– Мы собираемся иметь дело с комбинами.

Он снял браслет – толстый обруч из отделанной серебром слоновой кости. Второй такой же остался у него на руке.

– Вот. Надень его. Он следит за электромагнитным спектром.

Самурай посторонился, и Уайет, хлопая дверьми, устремился в большой зал заседаний, расположенный во внутреннем кольце. Там, под голограммой с изображением неба, на краю красного, покрытого лаком мостика сидела Констанций. Она опустила ноги в ручей, где плавали золотые рыбки. Несколько стоявших рядом комбинов слушали, что она говорит. Среди подстриженных кустов расположились ее подчиненные со своим оборудованием: ферментационными аппаратами, установками для синтеза РНК, микробными биореакторами и прочим – и демонстрировали лабораторные методы, а одетые в одинаковые комбинезоны комбины теснились вокруг них, образуя оранжевые островки. Лицо Уайета окаменело.

– Так, Мурфилдз!

Констанция вскочила на ноги.

– Ой! – Она испуганно заморгала. – Вы напугали меня, мистер Уайет.

– Я не только напугаю вас! – Уайет стоял на берегу ручья и свирепо смотрел на нее. – Что вы делаете, скажите на милость? Почему вы перевели сюда с третьего яруса лабораторию и всех сотрудников?

– Ну, мне пришлось это сделать. Я хотела поболтать с комбинами, а мне сказали, что существует какое-то глупое распоряжение, чтобы они не покидали внутреннего кольца.

В помещении столпилось около ста комбинов. Часть из них обступили широким полукругом Уайета и Ребел и молча пристально их разглядывали.

– Выпроводите отсюда лесоводов, – приказал Уайет. Самураи повели биоинженеров к выходу. – Запрограммируйте двух человек юристами, одного – лондонградским, а другого – по

законам Народного Марса, и пришлите их сюда. – Затем он обратился к Констанции:

– Вы увидите, что законы Кластера составлялись педантами, а законы Марса неформальны и основаны на целесообразности. По их совокупности, если вы опять нарушите правила, я повешу вас за измену.

– Измена! Вы шутите.

– Я говорю серьезно.

Констанция покачала головой, сцепила руки и снова их уронила.

– Но мы просто обменивались научными данными.

– Да? Ну и о чем комбины вам поведали?

– Мы только начали разговор, сообщили друг другу общие сведения. Не говорили ни о чем, кроме работы. Понимаете?

– Я отлично понимаю. – Уайет так сильно сжал кулаки, что побелели суставы. – Подумайте головой! Вы обмениваетесь подробной научной информацией с бригадой комбинов, которые официально числятся здесь инженерами и физиками. Откуда они знают Профессиональный биологический жаргон? Как это случилось, что у них достаточно познаний в биологии, чтобы вас понять?

– Все-таки Земля – это планета. У них наибольшее во Внутренней Системе количество взаимозависимых экологических систем, так что они должны пользоваться…

Ребел в смущении отвернулась и уставилась в окно. В орхидее мелькали пятна света: это двигались люди. Резервуары наверняка опустели, все перебрались сюда. Но хотя Ребел и не смотрела на Констанцию и Уайета, она все равно слышала каждое слово.

– Чепуха! Если они знают биологию, значит, они шпионы. Перед отлетом с Земли их методично накачивали основами всех наук в надежде, что они здесь наткнутся на что-нибудь полезное. Мисс Мурфилдз, посмотрите на них! Это не люди, это враждебные существа, у них нет альтруистических побуждений. Они заберут у вас любую технологию и потом используют ее против нас. Вы продаете все человечество с потрохами и за что?

Внезапно один из комбинов сказал:

– Ей нужна технология постройки транспортного кольца.

Констанция вздрогнула:

– Я им этого не говорила!

– Комбины очень быстро соображают, – ехидно заметил Уайет. И спросил у того, который только что к нему обратился:

– А зачем ей нужны эти сведения?

– Жажда наживы – типичный порок индивидуального

мышления.

– Ничего подобного! – крикнула Констанция. – Это откроет нам путь к звездам. Понимаете? – Она обращалась к Уайету. – При помощи кольца можно разогнать кометы за пределы облака Оорта, к ближайшим звездам. Чтобы достичь ближайшей звезды, хватит человеческой жизни – комбины назвали цифры! Представьте себе тысячи дайсоновских миров, плывущих от звезды к звезде. Вселенная расширится. Грядет эпоха открытий и исследований.

Она говорила с таким жаром, точно шептала заклинание, и Ребел чувствовала, как ее душа откликается на слова Констанции. Так трогали людей проповеди пророков.

– Человечество наконец расстанется с солнечной колыбелью и начнет странствие по звездным галактикам в поисках… Я не знаю! Может быть, истины? Или судьбы! Или ответов на основные вопросы бытия!

Не дав Уайету ответить, комбин произнес:

– Не волнуйтесь, начальник Уайет. У нее нет ничего из того, что нам надо.

– Неправда. Вы мне сказали… – Но комбин уже отошел. Почти умоляющим тоном Констанция проговорила:

– Они сказали, что их интересуют биотехнологии воздействия на мозг. У нас много разработок в этой области.

– У вас лично? – спросил Уайет. – У кого-то из ваших сотрудников?

– О нет. Это новые технологии. Сделаны крупные открытия, но они еще не нашли широкого применения.

– Однако вы все биологи. Это ведь не совпадение, что инженеры Комбина охотятся за методиками воздействия на человеческий мозг, а ваши люди ничего об этих методиках не знают. Это только доказывает, что ваши друзья настоящие шпионы.

Уайет небрежно дотронулся до своего браслета и многозначительно взглянул на Ребел. Она тоже коснулась браслета, который он ей дал.

Мир изменился. Белым огнем сверкало электричество скрытых в стенах проводов. Тепло зеленовато мерцало. Сквозь помещение проносились ослепительно-синие пылинки – космические частицы, для которых материя нереальна, как сон. Создаваемая радиосвязью красная дымка окутала мерцающие зеленым светом фигуры комбинов, прямые лазерные лучи били от одного к другому, перемещаясь по мере разделения и обработки мыслей. Ребел зажмурилась, и на миг все исчезло. Потом она посмотрела на браслет и увидела сверкающие контуры

голографического проектора. Один из шпионских приборов Уайета.

– Мистер Уайет, вы отвратительны! – Констанция отвернулась.

– Не судите меня так строго, – странным голосом ответил он. – Вот, возьмите яблочко. Спелое и вкусное.

И положил что-то ей в руку.

– Яблоко? – Констанция разглядела заколдованное яблоко и в ужасе бросила его на пол. – Откуда оно?

– Я надеялся, что это вы мне скажете. Это – один из образцов биотехнологии, воздействующий на мозг, так ведь?

– Да, но… – Она поджала губы. – Подключите меня к системе внутренней связи.

Один из комбинов вышел вперед и потянулся за упавшим яблоком. Уайет наступил ему на пальцы, и комбин отдернул руку.

– Нам интересно, – мягко сказал он.

От него шло несколько новых линий электромагнитного взаимодействия.

– Ну и что? – Уайет жестом подозвал самурая. – Держите комбинов на той стороне ручья. И откройте канал для мисс Мурфилдз.

Минуту спустя на экране появилось лицо Фри-боя, и Констанция стала размахивать перед ним яблоком.

– Фрибой, ты один работал с направленными вирусами. Это твоих рук дело?

– О, черт! – выругался Фрибой. – Ну просто захотелось немного заработать.

– Ты никогда не говорил мне, что умеешь такое.

– Да какое там умение. Примитивная работа по готовому рецепту. Когда я был на Тирнанноге, меня научил один колдун из Зеленого города.

Констанция побледнела и нахмурилась. Парень развел руками и уныло поник.

– Ну, это же просто Чарли Чародей, помешательство длится восемь часов, потом программа сама отключается. Я никому не навредил. Я не сделал ничего такого…

– Пакость ты сделал, вот что, молодой человек.

Пока юный лесовод получал нагоняй, Ребел заметила нечто странное. Беспорядочно перемещающиеся комбины вдруг все одновременно оказались на берегу. Самураи начали беспокойно переминаться с ноги на ногу. Комбины с застывшими оранжевыми лицами, не моргая, уставились через ручей. Электромагнитное взаимодействие усилилось, линии мигали, как

лазерные импульсы. Долгое время никто не двигался.

Потом комбины подпрыгнули, разбежались и сбились в небольшие кучки. Человек двадцать бросились на деревянный мост. Самураи приготовились их встретить.

И тут во время этой неразберихи маленькая оранжевая фигурка устремилась через ручей. Самураи смотрели в другую сторону и ничего не заметили. Комбин вмиг оказался возле Констанции и вырвал заколдованное яблоко из ее рук. Никто не успел оглянуться, как он уже вернулся к своим.

– Это же был ребенок! – воскликнула Ребел.

– Поймайте его! – приказал Уайет, и трое самураев перепрыгнули ручей.

Пока они бежали к ребенку, тот уже успел запихнуть яблоко в рот и проглотить. Один из самураев схватил мальчика на руки и под охраной своих товарищей понес на другую половину комнаты. Комбины не сопротивлялись. Они отвернулись, и вид у них снова стал тупой, как у стада баранов. Но красные линии взаимодействия соединяли ребенка с половиной присутствующих комбинов.

– Слишком поздно, – сказал Уайет, когда самурай принес ребенка. – Он уже проглотил.

– Но это же ребенок, – повторила Ребел.

– Это тело ребенка. Комбины всегда включают в инженерные бригады несколько детей для выполнения таких работ, где крупное тело является помехой.

– Ужасно!

– Согласен. – Уайет улыбнулся Констанции. – А вы? По-прежнему не видите ничего преступного в том, что пять миллиардов человеческих умов обладают одной на всех индивидуальностью?

– Нельзя впадать в антропоцентризм, – неуверенно проговорила Констанция. Она была бледна.

– Прекрасно сказано. – Уайет повернулся к маленькому комбину. – Зачем ты это сделал?

– Нам было интересно, – сказал ребенок. – Мы хотели узнать, может ли нам пригодиться эта новая технология. Мы всегда ищем новую информацию, новые идеи, новые направления мысли, в этом смысле мы действительно шпионы, как вы нас называете. Но только в этом смысле: любознательность – наше природное качество.

– Вот видите! – вставила Констанция.

– Но самое главное, что мы страдаем от разлуки с настоящим Комбином. – Из-за вспышек красных линий взаимодействия над вживленным под кожу датчиком Ребел не могла видеть лица

ребенка, но его голос звучал совершенно бесстрастно. – Здесь всего пятьсот комбинов, а мы привыкли к ментальной стимуляции миллиардов. Находясь в таких суровых условиях, мы жадно хватаемся за решение любых новых задач. – Он помолчал. – Вы бы сказали, что нам скучно.

Уайет повернулся к экрану, где застыло изображение Фрибоя.

– Через сколько времени действует твоя отрава?

Фрибой пожал плечами:

– Быстро. Через минуту-две. В матрицу заколдованного яблока заложен усилитель восприятия. Но, по правде сказать, опыт может закончиться неудачно. Яблоко содержит дозу для взрослых. Не знаю, что будет с ребенком. Этот выглядит таким щупленьким.

Констанция протянула к мальчику руку, самурай оттолкнул ее.

– Но у нас еще есть время. Если засунуть ему в рот несколько пальцев…

– Ну зачем же, зачем, – осуждающим голосом произнес Уайет. – Зачем же впадать в антропоцентризм? Просто посидим и подождем. Это может быть интересно.

Ребенок смирно стоял между двумя охранниками. Вдруг он оцепенел. Глаза широко раскрылись.

– Ой! – произнес мальчик. Он поднял руку к лицу, рука судорожно задергалась. – Кажется…

Ребенок закричал.

* * *

Когда прибыли юристы, комбин все еще бился на земле. Констанция склонилась над ребенком, которого держали за руки и за ноги четыре самурая. Направленные лучи то гасли, то вновь вспыхивали и машинально хлестали воздух, как неистово дрыгающиеся лапки и усики умирающего насекомого. Наконец всякая радиосвязь с ребенком прервалась, остальные комбины медленно поднялись на ноги, каждое лицо по-своему выражало общий ужас.

– Интересно, почему это яблоко так хорошо сработало? – задумчиво пробормотал Уайет себе под нос. – У них есть защита против внедрения нежелательных психопрограмм. Видимо, это что-то новое. Совершенно другой подход.

– Не шевелись, деточка. Сейчас мы постараемся, чтобы тебя

вырвало, и тебе станет лучше, – говорила Констанция.

Ребенок отворачивался от нее.

– Я… – заговорил он. – Я видел сосну, я видел луну, я видел сосну на луне, я видел луну на сосне.

Он медленно вращал широко раскрытыми глазами, подчиняясь какому-то внутреннему ритму.

Я видел павлина хвост огневой,
Я видел кометы лик грозовой,
Я видел облако…

– Отведите его к врачу, – приказал Уайет. – Сделайте все, что можно, чтобы он так не маялся, но, прежде чем он придет в себя, выведите из строя его имплантированную рацию. Нельзя, чтобы он снова подключился к своим.

– Нельзя отключать рацию, – возразила Констанция. – Он один из комбинов. Его место среди них.

– Ну так как? – Уайет повернулся к юристам. – Имею я на это право или нет?

Юрист в желтой раскраске пожевал губу:

– Сложный вопрос.

– Если нечто выглядит как утка, плавает как утка и крякает как утка, то это утка, – сказал юрист в ярко-красной раскраске. – Это существо выглядит как человек и пользуется местоимением первого лица единственного числа. Следовательно, это человек, а не комбин.

– Спасибо, – сказал Уайет. Он показал на изображение Фрибоя. – Этот шутник торгует в орхидее опасными галлюциногенами. По какой статье его можно привлечь к ответственности?

– Ни по какой, – ответил юрист в красной раскраске. – У нас нет закона, запрещающего давать людям возможность вредить самим себе.

– Погодите, этот вопрос связан с предполагаемым общественным согласием, – сказал юрист в желтой раскраске. – Препараты, действие которых приводит к нарушению общественного согласия, подпадают под статью «предсказуемые культурные изменения» Закона о…

– Хорошо, – одобрил Уайет. – На время переезда приговариваю вас к принудительным работам в качестве осведомителя. Стойте на месте. Сейчас за вами придут программисты. – У Фрибоя отвисла челюсть. – Я приставлю вас к Мурфилдз. Вы будете за ней следить и докладывать мне обо всем каждый день в это время. – Он повернулся к Ребел и протянул ей

руку:

– Думаю, мы неплохо поработали, а? Пошли?

* * *

Этой ночью они занимались любовью, потом Ребел заснула, и ей приснилось, что она идет по пустынным коридорам старинного замка. Было прохладно, в воздухе стоял запах сирени. Легкий ветер перебирал ее волосы, холодил бедра и живот. Вдруг она подошла вплотную к богато украшенному викторианскому зеркалу. Сила тяжести была здесь в полтора раза выше нормальной, и Ребел тянуло вниз, лицо казалось старым и изможденным. Она осторожно протянула руку к зеркалу.

Отражение просунуло ладонь сквозь жидкую поверхность стекла и схватило Ребел за кисть.

Она пыталась вырваться, но отражение держало ее мертвой хваткой. Длинные красные ногти больно вонзились в ее плоть. За зеркалом широко улыбалась Эвкрейша. Это была маленькая полногрудая женщина, но под гладкой смуглой кожей вырисовывались мускулы.

– Не уходи, голубушка. Нам надо о многом поговорить.

– Нам не о чем говорить!

Слова испуганной Ребел гулко отскочили от стен, прокатились эхом по коридору и замерли.

Эвкрейша прижала лицо к стеклу, и зеркало выгнулось там, где были ее нос и губы, но не поддалось, поверхностное натяжение выдержало. На ее коже играли серебристые блики.

– Еще как есть! Если ты оставишь все, как сейчас, мои воспоминания уничтожат тебя.

За Эвкрейшей была видна комната с белыми стенами, операционная, в лотках лежали хромированные инструменты.

– Подойди ближе, душечка.

Она рывком притянула Ребел к зеркалу, вплотную к, стеклу. Их груди слились, соски мягко соприкасались.

– Я хочу тебе помочь, – зашептала Эвкрейша. – Посмотри на меня.

Ребел впервые посмотрела в глаза этой женщины. Вместо глаз зияли пустые глазницы. Сквозь них были видны кости затылка.

– Видишь? У меня нет своего "я". У меня нет стремлений. Как я могу желать тебе зла?

– Не знаю. – Ребел заплакала. – Отпусти меня.

– У тебя есть только два выхода. Первый – восстановить меня как твою вторую личность. Тогда ты станешь как Уайет. Это будет жизнь вдвоем, но все воспоминания отойдут к Эвкрейше. Ты не пострадаешь.

Отражение сделало шаг вправо, и Ребел пришлось подвинуться вместе с ним.

– Второй путь – снять точную копию с твоей личности. В этом случае ты сможешь воссоздавать свою программу каждые несколько недель. Это не очень желательный вариант, так как постоянное перепрограммирование препятствует развитию личности.

Теперь они соприкасались животами. Эвкрейша прижала губы к губам Ребел.

– Ну как? – спросила она. – Что ты выбираешь?

– Ничего!

Отражение протянуло руку и втащило голову Ребел в стекло. Ртутная амальгама сжала ее шею. Ребел будто оказалась под водой, она не могла дышать.

– Тогда тебя ждет распад личности, – сказала Эвкрейша. – Сначала медленный, а потом быстрый. Через месяц тебя не будет.

Ребел задохнулась и проснулась.

– Очнись, – говорил Уайет. Он ее обнимал. – У тебя кошмар. – И; увидев, что Ребел открыла глаза, добавил:

– Это всего лишь сон.

– Господи! – простонала Ребел.

Она спрятала лицо на груди Уайета и разревелась.

Когда Ребел наконец успокоилась, Уайет отпустил ее, и она села в постели. И стала удивленно озираться кругом. Уайет, вероятно, уже давно встал и обдумывал свои дела, потому что стены были превращены в экран. На них сверкал звездный пейзаж.

– Смотри, – сказал Уайет. Он ткнул пальцем в неясное пятнышко почти над самыми их головами. – Это Кластер Эроса. Астероид отсюда неразличим, а то, что мы видим, – внешняя разреженная атмосфера, отработанные промышленные газы, кислород, который теряется при пользовании шлюзами, и мелкие частицы, выделяющиеся при работе реактивных двигателей. Они окружают Кластер, и солнечный ветер ионизирует их, как газ в хвосте кометы. Разумеется, если комета не засажена деревьями. – Он показал на другие пятна в плоскости эклиптики. – Вот Кластер Паллады, Кластер Цереры, Кластер Юноны, Веста… – Уайет произносил названия нежно, нараспев, как слова церковного песнопения. – Цивилизация распространяется. В один прекрасный день пояса астероидов сильно изменятся. Эти смутные пятнышки

сольются в громадное туманное кольцо вокруг Солнца. Будет на что посмотреть, правда?

– Да, – тихо отозвалась Ребел.

– Ну что, отошла, хочешь поговорить?

И она рассказала ему свой сон. Когда ее повесть закончилась, Уайет сказал:

– Это и есть твой таинственный преследователь. – Ребел нахмурилась. – В орхидее тебе чудилось, что за тобой кто-то гонится. Это Эвкрейша. В тебе пробуждаются воспоминания, и ты проецируешь их наружу.

– Может, ты и прав, – согласилась Ребел. – Но от того, что я это узнала, мне не легче.

– У тебя в самом деле только два выхода, – мягко проговорил Уайет. – Сон открыл их тебе. Ты была первоклассным психопрограммистом и правильно оценила положение. Послушай, хочешь совет? Возьми к себе Эвкрейшу. Я ее знал, она была вовсе не так плоха. Ты с ней уживешься.

– Нет, – ответила Ребел. – Я никому не позволю прикасаться к моему мозгу. Я... я просто не хочу, и все.

Уайет отвернулся. Было видно, как напряжена его спина. Прошло много времени, прежде чем Ребел дотронулась до его плеча, и он резко, почти грубо посмотрел на нее.

– Почему ты такая упрямая? – крикнул он. – Почему?

– Не знаю, – призналась Ребел. – Наверно, я просто такая уродилась.

Глава 7. ЧАРЛИ РЕНЕГАТ

Ребел проснулась одна. Она позавтракала и пошла искать Уайета. Пьеро подсказал ей, что надо пройти через сад камней и обогнуть кухню, а самурай послал ее мимо помещений для оргий, вниз по пандусу. Она спустилась на нижний ярус, в комнату, где в воздухе медленно вращались три голографические психограммы. Ребел заметила, что это разные варианты одной личности. Судя по болезненному состоянию основных ветвей и неестественному расположению малых ветвей, личность очень серьезно пострадала.

Под вертящимися зелеными шарами сидел маленький комбин. Он не спал всю ночь. Лицо опухло, глаза остекленели. Оранжевая кожа покрылась серыми пятнами.

– Как тебя зовут? – спросил Уайет. – У тебя есть имя?

Мальчик покачал головой:

– Я… А? Что?

Уайет повторил вопрос, и, не поднимая глаз, ребенок ответил:

– Ч-Чарли. Чарли Ч-Чу…

И запнулся.

Уайет усмехнулся и потянул мальчика за косичку.

– Мы будем звать тебя Чарли Ренегат, хорошо? Потому что ты перешел на нашу сторону и теперь будешь человеком. Как тебе это нравится?

– Он вас за это не поблагодарит.

– Заткнитесь, Констанция. Слушай, Чарли, ты помнишь, как ты был одним из комбинов? Помнишь, какая у тебя была жизнь?

Голова Чарли судорожно поднялась, глаза наполнились страхом. Лежащие на коленях руки задергались. Потом он снова опустил взгляд и пробормотал:

– Я… да.

– Прекрасно. Ты помнишь, перед полетом сюда у вас было совещание?

Чарли промолчал.

– Ты помнишь, какие вам давали указания?

Самураи расступились, и Ребел тихо вошла в комнату. Ее телохранитель остался снаружи. Фрибой искоса взглянул на нее и отвел глаза. Он поджал губы и застывшим немигающим взглядом уставился на Констанцию. Ребел подошла к нему и тихо сказала:

– Что у малыша с лицом?

– О чем вы? А, пятна? Чтобы нейтрализовать краску, мы ввели ему под кожу бактериофаг. Для полной очистки

потребуется несколько дней. Сейчас кожа у него еще чешется. Но ваш шеф считает, что поскольку он больше не комбин, то и внешне не должен на них походить.

– Я думала, программа в вашем яблоке сама отключается.

Фрибой снисходительно улыбнулся. И, не глядя на Ребел, менторским тоном изрек:

– Для нормальной человеческой психики «Чарльз Чародей» – безобидное, усиливающее "я" субъекта заколдованное яблоко. Его применение не оставляет никаких последствий, кроме воспоминаний. Но у комбинов есть только зачатки собственного "я", им может повредить даже воспоминание о том, что когда-то они обладали ярко выраженной индивидуальностью. Мозг претерпевает коренные изменения.

– Синдром запечатленного шока, – кивнула Ребел, слова из памяти Эвкрейши приходили к ней без труда. – Да, конечно.

При звуке ее голоса Уайет обернулся:

– Солнышко! Ты-то мне и нужна. Кажется, мы с тобой больше всех здесь понимаем в психопрограммировании.

Он щелкнул замком плоского белого чемоданчика и пробежал пальцем по одному из рядов плат психосхем. Сотни закодированных черт характера, способностей, склонностей и профессий зашелестели от его прикосновения.

– Я собирался запрограммировать нескольких специалистов. Но оказалось, что за последние годы правила изменились. Программное обеспечение для психопрограммистов находится на строгом учете. Здорово, правда? Ни одна из прочих профессий так не охраняется.

Ребел подошла к чемодану. Ее пальцы проскользнули по чьим-то страхам, восторгам, радостям и печалям и выхватили одну из программ навыков физического труда – программу, обучающую вакуумной отливке керамических оболочек, тонких и нежных, как мыльные пузырьки. Ребел вставила ее в анализатор и откинула назад голову, чтобы следить за изменениями на диаграмме. Р-ветвь выпрямилась, но в средней части h-ветви обозначилась угроза саморазрушения.

Изменив расположение чувствительных элементов и повысив уровень религиозного восприятия, Ребел легко заполнила трещину. Потом прибавила еще две платы, установила требуемый тонус и убрала некоторые несоответствия. Это укрепило h-ветвь, но плохо отразилось на первом разветвлении, идущем от l-ветви, поэтому Ребел заменила навыки в производстве керамики на столярные. Мало-помалу матрица обретала форму.

Это трудная задача – обнаружить в поврежденной психике возможности выздоровления и подобрать программы, способные

вернуть личности здоровье. Ребел целиком ушла в работу. Некоторое время спустя – прошли минуты или часы? – она подняла голову и увидела, что допрос все еще идет. И Уайет не продвинулся ни на шаг.

– Чарли, ты помнишь Землю? Ты помнишь, как ты жил на Земле?

– Я жил… – Ребенок замолчал и проглотил слюну. – Ничего не происходило. Тепло. Никаких мыслей. Много мыслей. Все не настоящее.

– Какие у тебя были мысли?

Чарли надолго закрыл глаза. Потом забубнил на одной ноте:

– Повернуть шестую решетку поднять вторую снова поворот изменение направления кавычки открываются комбины в принципе согласны но с оговорками кавычки закрываются изменение направления поднимите пузырек с кровью орла изменение направления при помощи ключа Аллена установите потенциометр на красную линию переадресовать корабль в Санфриско опознавательный знак зеленый сигнал зеленый изменение направления впрыскивание керосина на участке между станциями номер семнадцать и номер двенадцать изменение направления выемка грунта на железной дороге…

– Хватит!

Чарли послушно смолк.

– В чем дело? – спросила Ребел.

На лице Уайета было написано отвращение.

– Чушь какая-то. Обрывки, надерганные отовсюду. От этого ребенка ничего не добьешься, потому что он никогда ничего не знал. У него за всю жизнь не было ни одной полной мысли. Он только перерабатывал непрерывный поток слов.

Констанция, скрестив руки на груди, свирепо взирала на Уайета:

– Он привык быть частицей океана мысли. Вы вырвали его из естественной среды. Конечно, вы от него ничего не добьетесь… Посмотрите на него! Он страдает. Переделать его по подобию человека в отдельную личность – значит отбросить назад в развитии.

– Да неужели?

– Да, именно так. И оставьте эти свои снисходительные улыбочки! Путь эволюции – путь от простого к сложному. И мы все проходим этот путь, от мелкого и примитивного к макрокосмическому. От одноклеточных растений к огромным, растущим на кометах дубам. От амебы через рыб к человекообразным обезьянам. От простого восприятия через чувствительность к разуму и затем макроразуму. Вы видите

тенденцию? Все формы жизни приближаются к божеству.

– Прекрасная теория, но, отдавая ей должное, замечу, что в ней намешано слишком много дерьма.

Мальчик покрылся потом. Констанция вытерла ему лоб. Он начал тяжело дышать, и она приложила мокрую ткань к его горлу. Жидкость всасывалась через кожу, и дыхание наладилось.

– Вы…

В дверях происходило какое-то движение.

– Сэр? – Два самурая ввели высокого комбина. – Он сказал, что должен поговорить с вами лично.

– У вас один из нас, – произнес комбин. – Отдайте его нам.

Уайет сделал шаг в сторону и положил руку мальчику на плечо. Глядя на Констанцию, Уайет спросил:

– Чарли! Ты хочешь вернуться?

Чарли вздрогнул. Его глаза перескакивали с одного предмета на другой, избегая Констанцию. Тело задергалось в судорогах.

– В его состоянии он не может дать осмысленный… – начала Констанция.

– А зачем? – спросила комбина Ребел. – Я хочу сказать, что теперь вам от него никакой пользы. Зачем он вам?

– Эксперименты. Вскрытие.

Констанция раскрыла рот и вновь закрыла. Голос комбина раздавался во внезапно наступившей тишине:

– Нам также нужна хорошая исследовательская лаборатория, кабинет врача и некоторое количество введенного нам препарата. Нам понадобится большое количество проб ткани. Оборудование для исследований должно подходить для всестороннего изучения остаточного действия на мозг химических веществ. Разумеется, Земля оплатит ваши расходы.

– А шел бы ты знаешь куда? – Лицо Уайета выражало суровость.

Прежде чем комбин успел ответить, Чарли наклонился вперед, закрыл лицо руками, которые все не могли успокоиться, и заплакал. Ребел осторожно подсела к нему и обняла за плечи. Мальчик прильнул к ней, спрятав лицо где-то между ее плечом и шеей. Маленькие руки больно сдавили Ребел.

– Мы не вполне понимаем, что вы хотите сказать, – проговорил комбин.

– Сейчас поймете, – сказал Уайет. – Во-первых, мальчик нам нравится, и мы оставим его у себя. Во-вторых, наши средства ограниченны, и у нас нет лишнего лабораторного оборудования, независимо от того, сколько вы за него заплатите. И в-третьих… – Он обратился к стоящему рядом самураю:

– Ящики с заколдованными яблоками здесь? Уничтожьте их.

И тут взорвался пол.

– Че-ерт! – воскликнул Фрибой и шлепнулся на спину. Его ударило по голове чем-то твердым.

Комната вдруг наполнилась едким черным дымом. Вырвавшийся из пола кабель выгнулся под воздействием напряжения и, подобно гигантской змее, рванулся вперед. По полу рассыпались искры. Уайет выбросил вперед руку, указывая на Ребел и Чарли.

– Трис! – крикнул Уайет. – Забери их отсюда.

Из отверстия в полу полезли оранжевые фигуры.

* * *

Маленький комбин оказался тяжелым. Трис быстро вел их по длинным коридорам, вокруг шипело и взлетало на воздух электрическое оборудование. Свет погас.

– Что происходит? – громко спросила Ребел.

Руки мальчика по-прежнему крепко обнимали ее. Он уткнулся лицом ей в плечо.

– Перебой в подаче энергии. Уайет разрушил компьютеры. Через минуту свет зажжется.

Наверху что-то грохнуло. В воздухе противно запахло какой-то химией.

– Нет, я спрашиваю…

Трис зло усмехнулся:

– А, вы хотите знать, что вообще происходит. Комбины захватили наши компьютерные системы. Не стоит беспокоиться. Мы этого ждали.

Вспыхнул свет. Позади в вестибюле обрушилась стена, и они вновь оказались в темноте. Мимо пробежал взвод самураев.

– Что?

– Сворачивайте сюда. – По коридору пронесся порыв ветра, и Ребел чуть не упала. – Комбины всегда стараются подчинить себе компьютерные системы. Это у них в крови. Но наши системы построены так, чтобы в случае захвата их можно было разрушить. В шератоне есть ручные выключатели. Мы можем разрушить систему, как только ее захватят, а потом восстановить.

Они вступили в оранжерею, по стене плыло голографическое изображение предгрозового неба. Пока Трис шарил в соседней кладовой, Ребел тупо смотрела на стоящий посреди комнаты проектор. У основания проектора росли ноготки. Охранник

вернулся с двумя метлами и вручил одну Ребел. Еще он принес винтовку и две палки, одну из которых тоже протянул Ребел:

– Вы донесете ребенка?

– Постараюсь.

Чарли так вцепился в нее, что Ребел вряд ли смогла бы высвободиться. Она забралась в седло.

– Поехали.

Трис поднял винтовку и вышиб окно.

Они ворвались во тьму. Почти сразу же на них отовсюду устремились наблюдательные камеры.

– Вот же, мать твою! – прохрипел Трис и поднял ружье.

Прежде чем камеры приблизились, Трис разбил их все, кроме двух. Одна бросилась ему прямо в лицо, и он изо всех сил ударил винтовкой по ее усеянной объективами физиономии. В воздухе мелькнули осколки камеры и спасительного оружия.

Последняя камера направилась к Ребел. Она взмахнула палкой и чуть не вылетела из седла. Камера качнулась, и тут на секунду стало темно: это опять рушились компьютеры в шератоне. Огни колеса засветились снова, однако, прежде чем комбины успели перепрограммировать камеру, ее швырнуло в окно шератона. Изуродованная камера со звоном упала на пол. Затем и окно, и комната завертелись и уплыли прочь.

– Вперед! – заорал Трис, и Ребел вновь ухватилась за ручку помела и до отказа открыла сопло двигателя.

Они с ревом уносились вдаль.

– Куда мы? – повернув голову, прокричала Ребел.

Трис подъехал поближе к ней. Теперь, когда опасность миновала, к нему вернулась былая невозмутимость.

– Куда хотите, только не в шератон. И не в резервуарные поселки. Там опасно. Но это – заранее выигранный бой, даже если комбины еще этого не понимают. Нужно лишь затаиться на несколько часов, а потом можно будет спокойно вернуться домой.

* * *

Они подплыли к краю орхидеи, и Ребел, легко нажимая на тормоз, начала глушить скорость, пока помело не перешло на черепаший шаг. Впереди виднелся привязанный к стеблю белый флажок.

– Посмотрите туда. Как вы думаете, зачем это?

Трис пожал плечами.

Ребел остановилась и стала всматриваться в заросли орхидеи. Дальше висел еще один белый флажок. Несколько стебельков между ними примялись, как будто здесь была какая-то стоянка. В мозгу Ребел шевельнулось смутное воспоминание о жизни на Тирнанноге.

Это тропа. Там кто-то живет.

Она направила метлу внутрь растения. С начала полета ребенок не произнес ни слова. Ребел положила ладонь ему на голову. Макушка была теплая, почти горячая; казалось, она нагрелась от переполнявших мальчика переживаний. Косичка торчала под прямым углом к затылку, Ребел потрогала косичку; интересно, сколько ему лет. Семь? Девять? Хотя какая, собственно, разница?

– Чарли, как ты там?

Мальчик покачал головой.

Они уходили все дальше в глубь орхидеи, цветы тут встречались редко, и свет померк. Корни и стебли росли гуще, переплетаясь друг с другом. Ребел пришлось спешиться. Она посадила Чарли в седло и потащила помело за собой. Чарли молча озирался по сторонам. Ребел волокла метлу все глубже в заросли, хватаясь за ветки, чтобы не упасть; белые флажки указывали им путь. Тропа превратилась в подобие тоннеля, в неровный проход, образованный раздвинутыми ветками. Трис шел следом.

– Отличное место для засады, – сказал он.

Раздался женский смех. Не очень дружелюбный.

– Вот именно, – произнесла из темноты женщина. – Так что говорите, зачем пришли. Что вам надо в деревне? Вы несете нам добро или зло?

Трис вышел вперед и встал, положив руки на бедра.

– Ты видишь эту женщину и ребенка? Если ты их тронешь, тебя ждет смерть. И любой другой, кто их тронет, тоже умрет. – Молчание. – Но если вы не причините им вреда, мы не сделаем вам ничего плохого. Мы ищем, где бы укрыться на несколько часов. Если вы нас пропустите, мы пойдем дальше. Если нет, повернем назад.

Женщина выплыла на свет из мрака и спутанных ветвей. В руках она держала винтовку.

– Что ж тут возразишь, – сказала она. – Проходите. Только запомните: здесь всего лишь одна тропа, и на обратном пути вам придется снова проходить мимо меня. Так что ведите себя прилично.

И исчезла.

Деревня состояла из десятка шалашей, стоящих вокруг

главной поляны, что-то вроде постоялого двора в резервуаре 14, но побольше. Только здесь жилища представляли собой каркасы, оплетенные побегами орхидеи: зрелище напоминало валяющиеся в траве плетеные коробки. Трис и Ребел остановились на краю поляны, из шалашей с нескрываемым любопытством выглядывали несколько человек.

Метла Ребел закачалась, это вылез из седла Чарли. Мальчик бросился к хижине, на пороге которой сидел скрестив ноги мужчина; перед ним стояла небольшая банка со светящимися чернилами. Он был в раскраске ученого и старательно чертил длинную линию на листе пергамента.

Ребенок медленно, как зачарованный, приблизился к рисунку, длинная блестящая линия отражалась в его немигающих глазах.

Ученый поднял голову. Под глазами у него лежали тени.

– Нравится? – Он оторвал кисточку от пергамента и опустил ее в чернильницу. – Это игра.

Быстрыми мазками ученый набросал на листе какой-то значок и показал его мальчику:

– Видишь? Это мое имя – Ма. Значит лошадь. Меня звать Ма Фу-я. А тебя?

– Чарли, – без запинки ответил ребенок.

– Итак, Чарли, ты видишь, я сейчас провел линию. Представь себе, что она такая же, как вот эта. – Ученый коснулся кисточкой одной из линий на листе. – Только длинная и искривленная. Понимаешь? Затем следующая линия проходит через левую переднюю ногу. – Он быстрыми, уверенными движениями дорисовал остальные линии, и получилась лошадь. – Видишь?

Мальчик засмеялся и захлопал в ладоши.

– Похоже, вы ему понравились, – заметила Ребел.

Ученый отложил кисточку, она повисла в воздухе.

– Симпатичный малыш. Добро пожаловать в нашу деревню. Мы не успели ее назвать. Если вы здесь останетесь, советую вам строиться рядом с поляной. Один тут у нас построил хижину в зарослях и на следующий день не сумел ее найти – не пометил тропу. А так места сколько угодно.

Воздух благоухал. Деревня стояла среди цветущих зарослей, которые сияли мягким, проникающим всюду светом. Ребел здесь нравилось. Правда, не хватало живности. Уж хоть бы бабочки. Неплохо бы еще принести сюда несколько ящериц, белку и, пожалуй, улиток. А в остальном здесь, внутри орхидеи, очень приятно.

– Возможно, я и построю хижину, – сказала она. – У вас хорошо проводить свободное время. С кем нужно поговорить об

арендной плате? Кто у вас здесь король?

– Здесь нет никаких королей, – ответил Фу-я.

Чарли потянул его за накидку, и ученый дал ему кисточку и чернила. Потом достал в хижине лист бумаги.

– На, развлекайся.

– Нет королей? – недоуменно переспросил Трис. – А кому же все это принадлежит?

– Не знаю. Может быть, и никому. А может – человеку из шератона. – Он развел руками. – Видите ли, люди просто поняли, что это место пригодно для жилья, и не стали заботиться о формальностях. Просто собрали свой скарб и поселились тут.

Подошел один из соседей Фу-я с круглым сосудом свежезаваренного чая и несколькими шприцами для питья. С хмурым видом Трис взял один из них и спросил:

– Но зачем? Зачем забираться так далеко в орхидею? Зачем выставлять часового на тропе?

– Здесь легко обороняться, – ответил сосед. – Один часовой может удержать десяток нападающих. Если захватчиков будет больше, уберем с тропы флажки, и нас никогда не найдут. Если и это не поможет, мы просто разбежимся. Эта деревня перестанет существовать, но дальше есть другие деревни. Коли на то пошло, здесь достаточно места, чтобы строить еще и еще.

– Нет, нет, – говорил Фу-я Чарли. – Держи кисточку вертикально, между указательным и большим пальцем. Вот так, видишь? Тогда не будешь сажать кляксы.

– А кто собирается на вас напасть? – сердито спросил Трис.

Подошла соседка, высокая худая женщина, тело которой, казалось, состояло из локтей и коленей. Она сказала:

– Так вы не из резервуаров? Нет, я вижу. Война между бандами разгорается все больше. Даже смешно. Когда мы жили в резервуаре, мы думали: ну на что нам полиция? Только бить в зубы, забирать во время облав и вытрясать душу. А теперь у нас нет полиции, и кто будет бороться с бандами? Теперь банды борются между собой. Они хотят установить свою власть. Хватают людей и перепрограммируют. Надо смотреть в оба, а то превратишься в крутую девицу какого-нибудь хулигана, о котором ты прежде и не слыхала. И после ты будешь готова за него умереть. Скверно все это. Особенно теперь, когда у каждого эти винтовки, видели? Знаете, о чем я говорю?

– У каждого? – спросил Трис. – Я видел винтовку у вашего часового. Ей не положено ее иметь. Винтовками могут пользоваться только программированные самураи.

Жители деревни расхохотались. Теперь их собралось человек восемь.

– В резервуарах, наверно, больше ста винтовок, – объяснил Фу-я. – Даже, может, двести. Это сильно нас беспокоит.

Чарли сидел у него на коленях. Фу-я взглянул на его рисунок и сказал:

– Эй, смотри-ка! Очень хорошо.

Чарли Ренегат даже не поднял голову. Он чертил на бумаге круги и пересекающиеся длинные яркие линии, прямые, чистые и загадочные, походящие на прохладные реки света.

* * *

Где-то далеко Уайет вел единоборство чародеев с комбинами. Хотя, скорее всего, поединок уже закончился. Но тут, в деревне, можно было так спокойно посидеть, поболтать, посмеяться. Девчушка, которая отводила глаза и краснела, как только к ней обращались, вытащила флейту и начала играть. Кто-то достал две короткие металлические трубки и начал отбивать ритм. Скоро образовался целый оркестр, и люди пустились в пляс.

Ребел не танцевала. Для нее танцы в невесомости, как и секс в невесомости, были лишь неполноценным заменителем. Пока Чарли рисовал свои схемы, она подключила его к программеру.

– Не ерзай, – сказала Ребел и ввела ребенка в транс.

Ее пальцы пробежали по платам, и она с головой ушла в тонкое искусство редактирования психики. Это занятие нравилось обеим ее личностям, и по крайней мере на час Ребел забыла, кто она. Потом ее руки в нерешительности зависли над платами, и Ребел оторвалась от работы. Она со вздохом сняла с головы датчики, и Чарли зашевелился. Женщина Фу-я, Гретцин, спросила:

– Теперь вашему малышу лучше?

– Я только его врач, – раздраженно ответила Эвкрейша. – Он не мой, он вообще ничей. Сирота. – Небольшой внутренний сдвиг, и она снова стала Ребел. – Чтобы он выздоровел, с ним надо много работать. Он такой слабенький, что я рискнула подправить только какие-то мелочи. Сейчас у него есть только тень личности: на самом деле – это всего лишь воспоминание, оставшееся после галлюцинации. Работать с таким материалом очень трудно.

Фу-я подплыл и поднял ребенка на руки.

– Пошли, Чарли. Я покажу тебе, как складывать из бумаги птиц.

Гретцин смотрела им вслед.

– Я и не думала, что ребенок ваш. Только немного надеялась. – Она фыркнула. – Птицы из бумаги!

* * *

В шератоне все стояло вверх дном. В прудах поверх утонувших тентов плавали вырванные с корнем деревья. Ребел обошла гору битого стекла. Она провела пальцем по стене, палец стал черным от сажи.

– Где Чарли? – спросил появившийся перед ней Уайет.

– Я познакомилась в орхидее с одной парой и наняла их за ним присмотреть. Он остался у них в деревне.

– Почему ты это сделала?

– Я думала, ему это пойдет на пользу. Тихая, спокойная жизнь разовьет его индивидуальность, и тогда я смогу еще с ним поработать. – Они шли в ногу. – Господи, Чарли так привязался к Фу-я, что, когда надо было идти домой, с малышом случилась истерика. Я боялась их разлучать, потому что мальчик может не справиться с переживаниями и весь наш труд пропадет.

– Гм-м.

Они прошли мимо бригады отделочников, позолотчиков и резчиков. Везде сновали рабочие, ремонт шел вовсю.

– Послушай! Я хочу кое-что тебе показать. Зал заседаний превратили в морг, мертвецы лежали на носилках у ручья с золотыми рыбками.

Трупов было семь, все комбины.

– Я перепугал их и спровоцировал на преждевременную атаку, – сказал Уайет. – Поэтому потери такие незначительные. Они прекрасно понимали, что не смогут надолго захватить шератон и им придется платить большие деньги за каждого убитого человека.

Он остановился около трупа со вскрытым животом и раздвинутой вокруг разреза кожей. Онемев от ужаса, Ребел как завороженная смотрела на блестящие внутренние органы. Там и здесь сверкал металл. Уайет поднял руку мертвеца и повернул ее.

– Видишь? В кончике каждого пальца убирающиеся внутрь провода. Достаточно откусить кусочек кожи, и можно подключиться к любому компьютеру. Под кожей три раздельные системы антенн и второй позвоночник с емкостью памяти на Бог весть сколько гигабайтов.

– Боже! – проговорила Ребел. – Они что, все такие?

– Нет, только пятеро. Мы назвали их взломщиками, потому что их единственная цель – прорваться в компьютерную систему. В каждую группу, которая летит в пространство людей, комбины включают несколько взломщиков. Их легко обнаружить, так как они просто начинены металлом. Как только мы их изолировали, схватка закончилась.

– Убили!

Прихрамывая, вошла Констанция, ее сопровождал Фрибой. Его голову стягивала грязная повязка.

– Вы их не изолировали, мистер Уайет. Вы их убили.

На вышитых вставках ее платья виднелись пятна. Она задыхалась от дыма и гнева.

– Разве вам не поручили позаботиться о кустарниках, Мурдфилз?

– Этим занимаются мои подчиненные. Я хочу знать, зачем вы спровоцировали эту бессмысленную зверскую бойню.

Техник добрался до крышки люка у основания моста. Вспыхнул экран, и зажглось небо. Оно было синее с большими кудрявыми облаками.

– Вряд ли это можно назвать бойней, – улыбнулся Уайет. – И она далеко не бессмысленная. Теперь у комбинов спеси поубавится. Половина из них не может прийти в себя после заколдованного яблока. К тому же этот случай многому нас научил. Я взял на себя смелость распечатать и разослать во все общественные банки данных Системы описание методов борьбы с комбинами. Когда эти сведения понадобятся, они будут под рукой. – Голос воина сменился голосом жреца. – Рано или поздно человечеству предстоит война с комбинами. Рано или поздно скрытое противостояние станет явным. И когда это случится, сегодняшний опыт даст нам дополнительное, хоть и крохотное, преимущество.

– Кажется, вам не терпится как следует повоевать.

– Нет, но, в отличие от вас, я считаю войну неизбежной. А вот и юристы.

На пороге стояли двое мужчин в раскраске законников, один – Народного Марса, другой – Кластера Эроса. Уайет кивнул Ребел:

– Начнем?

Они перешли мост и оказались среди пленных комбинов. Уайет вел под руку Ребел, за ними шли юристы. Констанция помялась и присоединилась к ним, за ней поспешил Фрибой. Шествие замыкали четверо самураев.

– Перешли Рубикон, – весело сказал Уайет, но Ребел вспоминался скорее Стикс, за которым лежит страна мертвых,

страна всеобщего равенства.

Комбины расступались перед ними, а затем снова смыкали ряды. На них были устремлены сотни глаз.

Уайет наугад выбрал одного из комбинов, схватил его за плечи и сказал:

– Вы. Вы можете говорить? Мы будем разговаривать через этого индивидуума.

– В этом нет необходимости, – сказал комбин.

– Тем не менее мы будем разговаривать так. У меня к вам несколько вопросов. Если вы не будете отвечать, я предъявлю вам обвинение в прямом нападении и постараюсь, чтобы никто из вас не вернулся на Землю. Вы этого хотите? Я могу это сделать.

Комбины беспокойно зашевелились:

– Вы нас спровоцировали.

– Ну и что? – Уайет повернулся к юристам:

– Это имеет значение с точки зрения закона?

– Нет.

– Нет.

Ребел дотронулась до браслета и увидела вокруг комбинов блестящую дымку: это переплетались соединяющие их энергетические линии. Электромагнитные поля трепетали, как крылья. Направленные лучи, затухая и снова вспыхивая, стремились к одной точке: к говорящему. Он сверкал, как глаз свернувшегося кольцами дракона.

– Спрашивайте.

– Чего хочет Комбин?

Почти с презрением допрашиваемый ответил:

– Чего хочет любой организм? Жить, расти и творчески применять свои способности.

– Я не вдаюсь в такие высокие материи. Зачем вам заколдованные яблоки? Вы чуть не убили вот этого молодого человека, Фрибоя, пытаясь выудить из него сведения, которых у него нет. Какие сведения вы надеялись получить? За чем вы охотитесь?

– Земля интересуется биотехникой мозга.

– Это не ответ, – мрачно бросил Уайет.

Комбины снова в волнении зашевелились. Они натыкались друг на друга, вертели головами. Некоторые из них плакали.

– Мы… – начал говорящий. Он подождал, пока взаимодействующие поля, беспорядочно меняя очертания, сперва отодвинулись, а затем сомкнулись вокруг него. – Мы стремимся к цельности. Мы ищем средства для поддержания своего коллективного "я", когда мы находимся вдали от Земли.

– К цельности? Не понимаю.

– Вдали от Земли мы чувствуем себя одинокими, осиротелыми, – объяснил комбин. – Мы теряем свое коллективное "я". Вы не можете понять. Мы перестаем ощущать себя Землей. Мы становимся чем-то Иным. Вы бы сказали: у нас появляется индивидуальность. Мы не желаем этого. Это причиняет нам страдания.

– Ага, – сказал Уайет. – Уже интересно.

– Теперь вы довольны? – спросила Констанция. Уайет обернулся к ней. – Вы мучаете это создание во имя своих собственных... своей мании преследования, вот и все. Вы опасный человек, мистер Уайет, вы потерявший управление робот, причиняющий окружающим страдания безо всякой к тому нужды!

Ребел протянула руку и прикоснулась к руке комбина.

– Скажите мне вот что, – нерешительно проговорила она. – Уайет прав? Люди и Комбин в самом деле враги?

– Конечно, нет! – рявкнула Констанция.

– Да, – ответил комбин. – Мы природные враги по определению, поскольку мы боремся за одни и те же ресурсы.

– Ресурсы? Вы имеете в виду… Что? Источники энергии? Металлы?

– Люди. Люди – наш важнейший ресурс.

Констанция побледнела и остолбенела, вид у нее был такой, будто ее предали.

– Я… – начала она. – Я думала…

В ее голосе слышались слезы. Она резко повернулась и заковыляла через мост, обратно в страну живых. Фрибой бросился за ней.

Стараясь не улыбаться, Уайет одобрительно кивнул и подмигнул Ребел. Потом повернулся к комбинам:

– Следующий вопрос. Почему вы еще не захватили принадлежащее людям пространство? В вашем распоряжении все ресурсы Земли и такой уровень развития физики, о котором мы можем только мечтать. Что вас останавливает? Почему вы не вырвались наружу?

Толпа комбинов стала менее тесной, затем они опять сблизились, будто глубоко вздохнуло огромное животное.

– Нас сдерживает недостаточная скорость связи. Мнение о том, что мысль распространяется мгновенно, ошибочно. Мысль движется столь быстро, насколько позволяют наши электронные линии связи. Это создает трудности даже на Земле. Мы можем разделиться на противоборствующие группы. Мысль распространяется по континентам широкими волнами, как атмосферный фронт. Иногда на противоположных концах планеты рождаются противоречащие друг другу мысли. Волны

мыслей несутся вперед, и там, где они столкнутся, происходит конфликт. Это что-то вроде ментальной бури. Вы не поймете. Но такие случаи лишь кратковременное, легко устранимое нарушение равновесия. Вопрос становится критическим только тогда, когда мы покидаем Землю. Земля пыталась основать колонии на ближних орбитах, на Луне и в других местах. Однако малые Комбины, вроде нашего, здесь, вдали от единения мысли, чахнут. Мы становимся нерешительными, допускаем ошибки. Большие Комбины не чахнут, но они теряют ощущение целого, отдаляются от Земли, становятся самостоятельными индивидуумами. Потом их приходится уничтожать. Трижды возникала необходимость применять ядерное оружие. Недопустимо, чтобы Комбин Земли становился Иным. Вы не поймете.

– Ясно, – сказал Уайет. – Пожалуй, ясно. Поэтому вас интересуют способы воздействия на мозг, да? Вы ищете средство для того, чтобы все комбины составляли единое целое с Землей.

– Да. Мы долго искали решение в физике. Средства мгновенной связи могли бы соединить Комбин, разбросанный по огромным просторам. Но скорость света остается непреодолимым барьером. Ее не обманешь. Во вселенной нет одновременности. И мы стали искать в других областях. Может быть, разгадка в биотехнологиях, воздействующих на мозг. Или в новой архитектуре мозга.

– И отсюда мы переходим к следующему вопросу…

– Нет, – сказал комбин. – Вы удовлетворены. При всей нашей слабости мы еще способны прочитать ваши мысли, начальник Уайет. Вы получили от нас столько, сколько хотели. Мы не обязаны давать сверх того.

Посредник отступил назад в толпу своих соплеменников. Сотни глаз сразу же отвернулись от Уайета.

С минуту Уайет стоял с раскрытым ртом. Потом рассмеялся.

* * *

В эту ночь они занимались любовью совсем недолго: Уайет был неловок, и все быстро кончилось. Он откатился от Ребел и уставился в окно. Мимо вращающегося шератона медленно проплывали едва различимые ветви орхидеи.

– Уайет! – мягко сказала Ребел. Тот посмотрел на нее тусклыми, пустыми глазами. – Что с тобой?

Уайет покачал головой и отвел взгляд:

– Больная совесть. Я не в ладу с остальной своей внутренней компанией.

– Успокойся. – Ребел взяла его за руку. – Успокойтесь, ребята. Все в порядке.

– Да, но нас всех грызет совесть. Констанция права. Насчет ребенка. Чарли нравилось быть частью Комбина. Он не осознавал себя, не был счастлив, но все-таки был доволен. И вдруг среди вспышек света и раскатов грома являюсь я и вытаскиваю его из бессознательности. Вот, детка, скушай яблочко. Блестящее и красивое. Стань одним из нас. Я вырвал его из Комбина и оставил на полпути к людям. Кто он теперь? Больное, ущербное, несчастное животное.

– Ну, ты же не виноват, что он съел заколдованное яблоко. Виноват Комбин. Для нас это было как обухом по голове.

Уайет приподнялся и скинул ноги на пол. Он сидел не двигаясь.

– Думаешь, не виноват? Я вертел этим яблоком у них перед носом. Я только и ждал, чтобы они откусили. Я хотел посмотреть, что получится. Но когда я оторвал Чарли от Комбина, оказалось, что он ни хрена не знает. Так чего же я добился? Ничего. Я действовал слепо, и теперь в мире стало одним жалким созданием больше.

– Уайет, я его вылечу, я тебе обещаю. Ко мне возвращаются навыки Эвкрейши. – Ребел обняла его, прижалась грудью к его спине и положила голову ему на плечо. – Послушай, я обязательно справлюсь.

Уайет замотал головой:

– Дело не в этом. Дело совсем не в этом. – Ребел отпустила его и отодвинулась. – Можно исправить зло, но это не поможет. Дело в том, что я не хочу быть человеком, который способен причинить вред ребенку.

Ребел не ответила.

– Помнишь, как мы впервые встретились? Я был просто испытателем психосхем. Очень способным, сообразительным, но я совершенно не понимал, чего хочу от жизни. Больше всего я желал обрести жизненную цель. Мы вместе разрабатывали схему тетрона, помнишь?

– Нет.

– Плохо, что не помнишь. Такая была увлекательная работа. Мы засиживались допоздна. Это было пиратское программирование, приходилось работать втихаря. Эвкрейша ухватилась за мысль создать четырехгранную личность по причине ее устойчивости и самостоятельности. Эвкрейша горой

стояла за самостоятельность личности. Мне тетрон нравился потому, что он сам выбирает себе жизненные цели.

Ребел почувствовала непонятную ревность к Эвкрейше, работавшей вместе с Уайетом. Интересно, подумала она, спал ли он с Эвкрейшей. При мысли об этом ее охватило странное, какое-то нечистое возбуждение.

– Как это? – спросила Ребел.

– Ваятель структур. Я решил, что он с этим справится. Так оно и вышло. Когда он впервые ожил, то спросил, что в наше время является самым главным. Какой вклад мы можем внести в это самое главное дело? Ответы… Ну, ты знаешь ответы. Эвкрейша почувствовала разочарование. Она решила, что я непрактичен, что у меня мания величия, и хотела стереть программу, начать все сначала. Так мы разошлись. Понимаешь, я назвал самым главным... выживание человечества! Разве есть более благородное дело? – Уайет помолчал, а потом прибавил:

– Только теперь я не знаю. Может, мне и вправду просто захотелось покрасоваться перед самим собой. Я хочу сказать, я сделал из себя какого-то святого, самодостаточного ангела-хранителя человечества. Человека, не ведающего сомнений. Но теперь я не уверен. Я думал, что знаю себя. Оказалось, что нет.

– Тс-с… Успокойся, – шепнула Ребел.

Она обняла Уайета и стала нежно его укачивать, как ребенка. Но они были будто в разных мирах. Воспоминания Эвкрейши становились все сильнее и сильнее. Скоро они поглотят Ребел целиком, без остатка, и она перестанет существовать. Ребел хотела бы позаботиться об Уайете, но его печали не казались ей теперь такими уж важными.

– Успокойся, – повторила она. – Ты не один.

Глава 8. ДОРОГА ИЛЛЮЗИЙ

Каждый день после урока фехтования Ребел посещала Чарли. Но она быстро поняла, что деревня живет не по принятому в шератоне гринвичскому времени, а подчиняясь своим внутренним ритмам. В деревне люди ели, когда чувствовали голод, спали, когда уставали, и не придерживались никакого расписания. Иногда Ребел обнаруживала, что по деревенскому времени прошло всего несколько тягучих часов. А бывало, дни летели в бешеной гонке, работа сменялась игрой, дремота – скудной трапезой.

Однажды Ребел заметила, что вся орхидея вокруг деревни обсыпана паутиной, белые сеточки не больше коробочек хлопка покрывали растение, как изморозью. Дети играли ржавой банкой при сумрачном, точно зимнем, свете.

Мальчишка прыгнул в круг и носком ноги отбросил банку как можно дальше. Другой, который стоял в стороне, подпрыгнул и попробовал ее отбить. Какая-то девочка застряла в середине круга. Ее прогнали громкими насмешками. После этого игра возобновилась.

Гретцин сидела на пороге и плела из травы циновку, чтобы завесить прохудившуюся стену. Ребел поздоровалась и спросила:

– Откуда появились эти пауки?

– А как вы думаете? Из резервуаров, – с досадой ответила Гретцин. – Это какие-то рассадники паразитов. Вчера бы посмотрели, тут были сплошные комары. Прямо тучи. – Она отложила циновку в сторону. – Фу-я спит. Подождите, я приведу малыша.

Через минуту Гретцин вернулась, ведя за руку Чарли.

– Не хочу! – кричал он. – Я хочу играть.

Увидев Ребел, он ударился в слезы.

Ребел вдруг стало грустно оттого, что мальчик ее не любит. И тут неудача.

– Хороший знак, – сказала Ребел Гретцин. – Проявление характера. – Она погладила мальчика по голове. Нежный недавно выросший пушок щекотал ее ладонь, как статическое электричество. Косичку Гретцин отрезала – наверно, дети его дразнили. – Я не задержу тебя надолго, Чарли.

Ребел усыпила мальчика и стала работать.

Час спустя она отпустила Чарли и позвала Гретцин:

– Делать уже почти нечего. Индивидуальность пока что хрупкая, но со временем она окрепнет. В общем, он почти уже неотличим от человека.

– Неотличим от человека? – переспросила Гретцин.

– Да, и как раз вовремя, потому что скоро мы прибудем на Марс. Не знаю, как Уайет распорядится поступить с Чарли. – Ребел прикрыла улыбкой неуверенность в будущем мальчика. – Зуб даю, вы будете рады от него отдохнуть.

– Да. Было бы здорово.

* * *

Первый после долгого времени выход в открытый космос стал потрясением. Судя по всему, еще там, в Кластере Эроса, к оболочке прилипли дрейфующие споры, и теперь ее покрывал сплошной ковер из вакуумных цветов. Цветы были повсюду, они росли пучками и гроздьями. Бутоны медленно поворачивались вслед за Солнцем.

Шлюз и несколько десятков метров вокруг очистили, и обнажилось тусклое, неровное, все в ямах покрытие. К чистой поверхности успели приварить множество опорных колец. Ребел остановилась, вдела ноги в два кольца и вдруг почувствовала необъяснимое желание собирать эти цветы. Она с удовольствием взяла бы скребок.

Уайет наблюдал за отлетом комбинов. К одному катеру снаружи прикрепили слой за слоем почти пятьсот холодильных камер, они образовали нечто наподобие шара. В этих черных гробах лежали комбины, их горла и легкие наполняло защитное желе. Вокруг суетились астронавты.

– Смотри! – Ребел дотронулась до руки Уайета и показала пальцем.

По геодезику к ним ползли две фигуры в серебристых скафандрах без всяких эмблем. Среди карнавального буйства красок, отличающего одежду рабочих из резервуаров и выстроенных в орхидее деревень, эти двое выделялись так же резко, как крокетный шар в наборе пасхальных яиц Фаберже.

По внутренней связи сквозь треск донеслось:

– И как это комбины доверили вам заниматься их отправкой в холодильниках после всего, что вы им сделали?

– Разве вам не поручили выяснить, насколько глубоко цветы проели покрытие, Мурфилдз? – спросил Уайет.

Серебристые фигуры подползли почти к самым его ногам, укрепились в кольцах и встали.

– Это я и пришла доложить. В самых тонких местах не

меньше четырех дюймов. Беспокоиться не о чем.

Астронавты приволокли одноразовый термоядерный двигатель, снабженный километровой штангой, и прикрепили его к катеру – выхлопом, естественно, наружу. Потом отскочили в разные стороны и при помощи длинных тросов сдернули экранирование.

– Если хотите, останьтесь и посмотрите этот спектакль, Конни. Привет, Фрибой. Я вижу, ты все еще с нами.

– Верен как пес, – сухо процедила Констанция.

Из двигателя вырвался почти невидимый сноп раскаленной плазмы, и неуклюжая конструкция двинулась в путь.

«Три дня, – думала Ребел. – За два дня катер достигнет Марса, силы Народной обороны перехватят его, поставят двигатели, остановят и разгрузят. Еще день на то, чтобы комбины построили транспортное кольцо, которое доведет относительную скорость геодезика до нуля, после чего она окажется на орбите вокруг Марса. Небольшая ошибка, и они пропустят кольцо, все это железо, а заодно – и люди врежутся в планету».

– Комбины беззащитны, как колба с зародышами, – сказала Констанция. – Не могу представить, как они доверились вам. Я бы ни за что…

– Комбины не люди. – Уайет повернулся к ней зеркальным визором. – Они не помнят зла.

Констанция отвела глаза и стала смотреть на удаляющийся катер, потом снова устремила взгляд на Уайета и с внезапной горячностью сказала:

– Какое счастье, что на Марсе мы расстанемся!

Она нагнулась, взялась руками за опорные кольца и осторожно поползла к шлюзу. Фрибой последовал за ней.

Когда Констанция скрылась из виду, Уайет мягко проговорил:

– Мне будет не хватать этой женщины.

* * *

На следующий день Ребел обнаружила, что деревня обезлюдела. Пауки оплели все шалаши белым саваном. Посреди двора кружилась оторвавшаяся от каркаса и подхваченная вихрем плетеная стена.

– Эй, есть тут кто? – крикнула Ребел.

Тишина, только жужжание мух.

Все шалаши были пусты, но пожитки лежали нетронутые.

Около двери Фу-я плавала банка с загустевшими чернилами и застрявшей в них кисточкой. С помощью двоих самураев Ребел изучила все извилистые тропинки, ведущие от деревни к частным огородам, другим полянам и куда-то еще. Они прошли по тропе, помеченной красными флажками, затем синими, но не нашли ничего, кроме пустых шалашей.

Ребел прерывисто вздохнула. Она чувствовала, как из глубины орхидеи к ней незримо и беззвучно подкрадывается страх.

– Трис, что здесь произошло?

Второй самурай подал Трису окровавленный лоскут, к которому его привели мухи. Трис развернул тряпку и осмотрел сломанную плату психосхем.

– Вербовка силой, – заключил он. – Очень ловко сработано, кто бы это ни был. Сняли часового, окружили деревню, не упустили ни одного человека. Подвергли принудительному программированию и увели.

– Увели? – спросила Ребел. – Куда увели? Зачем?

Трис сгибал и разгибал плату заскорузлыми пальцами. Наконец он пожал плечами:

– Ладно. Пошли расскажем обо всем шефу.

– Мне это не нравится, – сказал Уайет. – Никому из нас это не нравится, и есть только один выход. – Он встряхивал в руке игральные кости и назойливо ими стучал. Потом бросил их и сгреб снова. – Мы не знаем наверняка, что это Уизмон. Но не надо себя обманывать: ко мне уже два дня не поступают сведения из резервуаров. Только Уизмон мог выловить моих шпионов и заставить их замолчать.

Они стояли в пустом холле шератона. Уайет отпустил всех самураев и потушил свет, чтобы ничто не мешало думать. В помещение проникал лишь свет орхидеи.

– О чем ты споришь сам с собой? – в отчаянии спросила Ребел.

– Я намечаю линию поведения. – Уайет снова встряхнул игральные кости. – Мне нельзя бороться с Уизмоном в образе воина. Он сможет предсказать каждый мой шаг. Я справлюсь с ним только в образе жреца. Правильно? – Уайет подождал, ни один из его голосов не возражал. – Хорошо. По крайней мере об этом мы договорились.

Кости застучали снова.

– Бога ради, что ты привязался к этим костям?

– Это генератор случайных чисел. Подчинив ему мои действия, я не дам Уизмону их вычислить. Кости уже решили, что мы будем сражаться на его территории. Теперь они решат,

сколько я возьму с собой самураев.

Он опять бросил кости и замолчал.

В темноте и тишине мысли Ребел постоянно возвращались к Чарли. Его личность еще слаба. Любая грубая попытка перепрограммирования погубит его, не только уничтожит индивидуальность, но и парализует большинство функций, регулируемых вегетативной нервной системой. В лучшем случае он впадет в ступор. А в худшем – умрет.

– Они не станут перепрограммировать детей, правда?

– Как сказать! – рассеянно ответил Уайет. – Работорговцы не стали бы, захватив родителей. А Уизмон… Кто его знает? Неизвестно даже, зачем он это сделал. Мне доложили, что он напал только на эту деревню. Это не простое совпадение. – Уайет глубоко вздохнул. – Так. Пора с ним встретиться.

Поддавшись секундному порыву, Ребел спросила:

– Можно мне пойти с тобой? Уайет бросил кости и посмотрел на результат.

– Да.

Когда лифт медленно поднимался к центральному стыковочному узлу, Ребел спросила, сколько самураев Уайет возьмет с собой.

– Ни одного, – мрачно ответил он. И веселым голосом добавил:

– Тогда уж мы точно застанем Уизмона врасплох. Мне не терпится посмотреть, как все это будет.

* * *

Они облетели орхидею. По мере приближения резервуаров стали видны покрывающие металлические стены светящиеся линии: эмблемы банд, границы территорий, угрозы и предупреждения – маленькая пропагандистская война надписей. И – никакого движения. Жители или сбежали, или попали в банды.

– Я боюсь, – призналась Ребел.

– Я тоже, – ухмыльнулся Уайет.

Чем ближе Ребел подплывала к резервуару, тем меньше понимала, зачем ей это понадобилось. Ей хотелось помочь вызволить Чарли, но сейчас в решительную минуту это желание показалось ей глупым донкихотством. Она не испытывала к этому ребенку особой любви. Да и он к ней, пожалуй, тоже. Почему же

она это делает?

Может, потому что этого не сделала бы Эвкрейша?

Они спустились на четырнадцатый резервуар. Внешние двери шлюза были сорваны во время какой-то недавней стычки, ржавчина сохранила следы, оставшиеся после взрыва. Но судя по тому, как лениво и беззаботно плавали внутри смутно различимые фигуры часовых, война между бандами закончилась.

Когда Ребел и Уайет влетели в шлюз, из тени вынырнули две шустрые бабы, приняли у них метлы и обыскали на предмет оружия. Не только лица, но и тела женщин были покрыты тигровыми полосами светящейся краски. Плавали они абсолютно голыми.

– Мы пришли к Уизмону, – сказал Уайет, когда одна из женщин взялась за программер. – Скажите ему, что с ним хочет поговорить его наставник.

Женщины быстро переглянулись, будто не понимая, что им говорят. Одна улыбнулась и облизнула губы. Потом снова потянулась к нему с программером, и Уайет нетерпеливо оттолкнул прибор:

– Послушайте, ваш хозяин не станет… Зарычав, женщина схватила голову Уайета обеими руками и оттянула ее назад. Он застонал от боли и стал вырываться. Женщина кошачьим движением обвила ноги вокруг бедер Уайета, а руками подперла ему подбородок. Она так налегла на Уайета, что тот бессильно повис в воздухе. Все это случилось в одно мгновение.

– Эй! – крикнула Ребел и через секунду тоже повисла в воздухе, зажатая, будто в тисках, так, что едва была способна дышать (говорить она не могла, это точно).

Ребел попыталась ударить женщину по спине, но не смогла дотянуться, и вместо сильных ударов получалось легонькое похлопывание.

Ребел в ужасе увидела, как первая «дикая кошка» приладила ко лбу Уайета программер и включила его. Уайет замер. Прибор тихо загудел. «Я не позволю сделать это со мной, – поклялась про себя Ребел. – Лучше умру!» И вновь попыталась вырваться из железных объятий.

Часовые, не принимавшие участия в схватке, с интересом наблюдали за происходящим. При этом они продолжали рыскать по шлюзу и ни разу не проронили ни слова. Это было молчание нелюдей. Двое из часовых чуть не столкнулись, но, даже не взглянув друг на друга, беспечно хлопнули в ладоши и разъехались в разные стороны. Наконец в программере зажегся красный сигнал, и Уайета отпустили. Теперь он плавал совершенно безучастный, с пустым взглядом.

Женщины повернулись к Ребел.

– Выше нос, солнышко!

Внезапным ударом ноги Уайет выбил из рук женщины маленький, дешевый программер, и он отлетел в лицо той, что держала Ребел. На миг Ребел освободилась. Она развернулась и что есть силы залепила своей обидчице в нос. Из-под кулака брызнула кровь. К этому времени на Ребел и Уайета бросилось сразу с десяток часовых, и их снова схватили.

Одна из «диких кошек» подобрала программер, открыла его и что-то поменяла внутри. Потом пробежала пальцем по лбу Уайета, лицом прикоснулась к его лицу и понюхала его губы. Вид у нее стал озадаченный. Между тем остальные связали Уайета и Ребел по рукам и ногам.

– Уайет! С тобой все в порядке? – спросила Ребел.

– Ага, – сказал Уайет.

Двое часовых зацепили руки пленных веревкой и двинулись вперед. Другие подталкивали Ребел и Уайета сзади.

– Это мой коронный номер. При разработке тетрона мы заложили возможность доступа к метапрограммированию. Все время, пока они программировали одну личность, другая возвращала ее к исходному состоянию.

– А-а…

Их тащили по безлюдным коридорам резервуарного поселка. Из-за отсутствия движения, естественным образом очищавшего коридоры, все они заросли грязью. Свет от цветов едва пробивался сквозь мглу, и тишину пронизывал странный гул, словно издалека доносились отголоски какого-то грохота. В воздухе пахло гнилью и разложением.

Пленников привели к Уизмону.

– А, наставник! Ты явился, как всегда, неожиданно. Какая радость! – Толстяка прикрывала цепочка охранников – крутых парней весьма угрюмого вида. Безумные глаза Уизмона потемнели от скрытой ярости. В углу рта показалась тонкая струйка слюны, она медленно стекала все время, пока толстяк говорил:

– Как тебе нравятся мои ангелицы? Прелесть, а?

– Да, девочки у тебя будь здоров, – ответил Уайет. – Что ты с ними сделал?

«Девочки будь здоров» развязали сначала его, затем Ребел. На лодыжках Уизмона блестело две пары колец. Женщины опустились перед ним на колени и припали к его ногам. Толстяк неуклюже протянул руку и погладил одну из них по голове: она выгнула спину от удовольствия.

– Я повысил их интеллект! Теперь они такие же умные, как я.

Да не бледней ты так, ничего страшного. Заодно я лишил их языка. И вообще всех символических структур. Они не могут намечать планы, строить сложные логические рассуждения, не могут лгать. Они лишь подчиняются указаниям, которые я заложил в их программу. Правда, замечательно? Девицы совершенно невинны. Повинуются только инстинкту.

– Они чудовищны, – сказала Ребел.

– Это прекрасные животные, – укоризненно возразил Уизмон. – В них заложен инстинкт приносить мне все необычное. Все, что заслуживает внимания. Ты еще заслуживаешь внимания, наставник?

– Мне всегда было интересно, какое общество ты создашь, – сказал Уайет.

– О, это ерунда. Я просто развлекаюсь. У меня осталось три дня до того, как мы прибудем на Марс, так? А потом придется убрать игрушки обратно в ящик и вернуться к праведной жизни, полной спокойного созерцания. Досадно, что столько времени ушло на борьбу с мелкими уголовниками, я бы с большей пользой потратил его на изыскания.

– Ты собираешься освободить всех этих людей от принудительных программ? – В голосе Уайета слышалось сомнение.

– О да. Всех, кроме моих крутых мальчиков. Они у меня с самого начала. А еще, пожалуй, оставлю у себя этих чудесных девочек. Как я могу их бросить? И еще несколько особей, которые могут пригодиться в будущем, но хватит об этом! Я говорил о своих исследованиях? Смею думать, что здесь мне удалось добиться некоторых успехов. Я создал сад, нет, зверинец новых умов. Может, желаешь осмотреть наиболее любопытные экземпляры?

– Нет.

– Жаль. Я помню время, когда ты не брезговал научными поисками.

– Я был молод.

– Подождите, – вмешалась неожиданно для себя самой Ребел. – Я хочу посмотреть, что вы сделали.

Уайет в изумлении повернулся к ней:

– Так! Оригинальная мысль, вы неотразимы, мисс Мадларк! Не смею вам отказать.

Уизмон вытянул вперед руки. «Дикие кошки» присели, так что толстяк опирался теперь на их головы, и стали поддерживать его спину.

– Где смотритель зоопарка? Позовите его.

Угрюмый юнец нырнул в арку. Через минуту он вернулся, за

ним следовал молодой человек в раскраске исследователя психосхем.

– Максвелл! – воскликнула Ребел.

– Я знал, что среди моих подчиненных есть шпион, – с оттенком грусти проговорил Уайет. – Ты подкупил его или перепрограммировал?

– О, уверяю тебя, он действовал не по причине каких-то низменных побуждений, а из чистой любви. Ты ведь любишь меня, Макси?

Максвелл энергично кивнул и посмотрел на Уизмона с обожанием. Глаза его пылали. Это выражение показалось Ребел таким знакомым, что она отвела взгляд.

– Отведи нас к своим подопечным, – сказал Уизмон. – А то что-то скучно.

* * *

Вся компания выплыла из двора. Впереди Максвелл, за ним Уизмон со своими кисами. Женщины помогали Уизмону двигаться, слегка подталкивая его и хватаясь за стены и тросы. Ребел и Уайет в сопровождении крутых ребят составляли арьергард. Процессия добралась до перекрестка и остановилась.

– Что бы вам такое показать? Я разместил свои создания по видам. Хотите спуститься в тоннель Страха? Или пройти по прямой и узкой улице Дисциплины? Или, может, наша влюбленная парочка насладится прогулкой по тропинке Любовников? – Уайет и Ребел не ответили, и Уизмон похлопал пухлой розовой ручкой по стене одного из коридоров. – Итак, мы пройдем дорогой Заблуждений. Там есть экземпляры, которых я просто жажду показать моему дорогому наставнику.

Они отправились вверх по красному тросу до какого-то двора. По приказу Уизмона Максвелл ввел всех внутрь. Здесь царил покой. На пороге одной из хибар, устремив глаза в землю, будто в глубоком раздумье, сидел мужчина. Он был подключен к небольшому автоматическому преобразователю.

– Братец! – крикнул Уизмон. – Сэм Пепис! Мужчина вскочил на ноги и встал в дверях.

– Милорд! – начал он. – Своим посещением Сизинг-Лейн вы оказываете мне честь. – Он взмахнул рукой над воображаемым столом. – Я как раз работал над вашими счетными книгами.

Толстяк обратился к Уайету:

– Сэмюэл Пепис[5] жил на Земле в семнадцатом веке, чиновник британского Адмиралтейства. Смешной человечек, но не без способностей. Мемуарист. Система автоматического преобразования подпитывает его представления о той эпохе. Связь с реальным миром осуществляется лишь через меня. Он принимает меня за своего родственника, Эдуарда Монтегю, графа Сэндвичского. Правильно я говорю, Сэмюэл?

Человек с важным видом улыбнулся и поклонился, он явно был рад.

– Ваша светлость, чем я заслужил такое почтительное отношение? Вы останетесь к обеду? Мистер Спонг прислал бочонок маринованных устриц. Служанка сейчас принесет их. Джейн! Где эта ленивая баба?

С недовольным выражением лица он посмотрел через плечо, встряхнув идущими от головы проводами.

– Это довольно простой способ создания заблуждений, – сказала Ребел. – Богатые люди платят иногда большие деньги за две недели такого развлечения. Я сама несколько раз устраивала им такие каникулы.

«Это было, когда Эвкрейша проходила практику, – вспомнила Ребел. – Примитивное программирование, скучная работа, но зато прибыльная, потому что полуподпольная».

– Да, но обязательно при полном отсутствии раздражителей, правда? Иначе заблуждение вступает в некоторое противоречие с реальным миром.

Одна из «диких кошек» обследовала двор. Она с любопытством обнюхала промежность Пеписа. Он не обратил на это внимания.

– Как раз в разгаре битвы при Фермопилах контейнерный город заслоняет Солнце. На девственном снегу Арктики сияет потусторонним светом одинокая папайя. Мало-помалу призрачный мир превращается в кошмар, и начинается психоз. Но красота этого способа в его гибкости. Он допускает любое несоответствие. Сэмюэл, на прошлой неделе я заметил на улицах Лондона множество бронтозавров.

Пепис нахмурился:

– Бронтозавры, милорд? Это… Вы имеете в виду больших древних ящериц?

– Да, Сэмюэл, я видел троих в Уайтчепеле и еще двоих около Биржи. Улицы вокруг собора Святого Павла затоптаны ими сплошь. Что ты об этом скажешь, братец?

– Ну, я думаю, зима будет очень холодная, – ответил Пепис. – Когда погода теплая и ясная, эти твари не рискуют выходить в город в таком количестве.

– Не понимаю смысла этого представления, – холодно проговорил Уайет.

– Терпение. Сэмюэл, пошевели, пожалуйста, дрова в камине!

Пепис с готовностью схватил воображаемую кочергу и стал шевелить поленья и золу в несуществующем камине. Пантомима производила такое естественное впечатление, что Ребел словно увидела эту душную маленькую комнату и почувствовала огромную, изматывающую силу тяжести.

Вдруг Уизмон закричал:

– Сэмюэл! Тебе на руку отскочил уголек. Он обжигает кожу!

С криком боли Пепис опрокинулся навзничь и замахал рукой. Медленно вертясь в воздухе, он сунул больное место в рот. Два крутых парня по жесту Уизмона поставили Пеписа на ноги.

– Успокойся, братец. Покажи мне свою руку.

Пепис протянул дрожащую от боли руку, на запястье краснело воспаленное, припухшее пятно. На месте ожога быстро вздувались белые волдыри. Уизмон засмеялся:

– Вера! Только сила веры обожгла эту руку. Задумайтесь над этим. Ведь это великолепно согласуется с древними представлениями о том, что весь наш опыт лишь плод воображения. – Уизмон нежно погладил руку Пеписа, раздавив волдыри. – Но Сэмюэл не воспринимает наши фантазии, он повинуется химерам, заложенным в нем самом. Между ним и реальностью стоит тоненькая плата электронного Лондона. Давайте посмотрим, что будет, если убрать эту последнюю завесу.

Максвелл поднял преобразователь, Уизмон изящно зажал между большим и указательным пальцами кольцо платы.

– Сэмюэл!

– Да, милорд!

– Скажи мне, что ты видишь.

Уизмон выдернул пластинку. Пепис оцепенел, глаза его широко раскрылись. И, не мигая, уставились в пространство.

– Стены! Стены исчезают как дым! Сквозь потолок, другие комнаты и крышу я вижу облака… Нет, небо тоже стало прозрачным, и на нем сверкают яркие холодные звезды… Но сейчас они тоже тают в воздухе. Я вижу…

– Что ты видишь, Сэмми?

Пепис долго молчал. Потом ответил:

– Музыку. Я вижу музыку прозрачных небесных сфер.

Он тихо заплакал. Уизмон хихикнул:

– Полное помешательство. Я мог бы так же легко отправить его на тот свет. Пошли. Это только пролог к тому, что я действительно хочу тебе показать, дражайший наставник.

Они вышли, оставив Пеписа плакать посреди двора.

* * *

Максвелл останавливался у каждой двери, но Уизмон жестом подгонял его вперед. Так они шли довольно долго. Потом Уизмон кивнул, Максвелл отодвинул лист жести, и все вошли во двор. Здесь тоже был всего один обитатель. Мужчина с добрым лицом и огромным крючковатым носом. Он сидел на тросе и напоминал неопрятную птицу. Когда все вошли, он поднял голову и улыбнулся.

– Привет, – произнес он. – Сколько же тут вас.

– Да, я привел друзей, чтобы осмотрели тебя, – сказал Уизмон. – Ты не возражаешь?

– Конечно, нет.

– Задавайте ему вопросы, – скомандовал Уизмон.

– Хорошо, – немного помолчав, согласилась Ребел. – Вы знаете, где вы находитесь?

– Здесь был постоялый двор королевы Лурлины. Теперь она отсюда ушла. Я остался один. Король Уизмон держит меня тут для проведения опыта по исследованию рекурсивной личности.

Глаза мужчины искрились весельем.

– Вы знаете, кто вы такой?

– Король Уизмон зовет меня Хобот. По вполне понятной причине.

Он почесал свой мясистый нос и усмехнулся. Ребел посмотрела на Уайета и пожала плечами. В беспричинном, непонятном веселии мужчины было что-то странное, но ни она, ни Эвкрейша не могли объяснить что.

У Уайета был задумчивый вид.

– Давай посмотрим. При помощи того последнего парня, Пеписа, ты показал, насколько совершенна твоя система создания иллюзий. Значит, это должен быть еще более утонченный вариант. Что находится за пределами иллюзии? – Он щелкнул пальцами и взглянул на Ребел. – Реальность!

Ребел уловила его намек: Уайет перефразировал слова Эвкрейши, сказанные, когда они только-только составили его программу и та хотела ее уничтожить и начать все сначала. Эвкрейша сказала тогда: трудно иметь дело с иллюзией, но легкомысленное обращение с действительностью еще хуже.

– Вы думаете, что все происходящее – игра вашего воображения?

Хобот радостно качнул ногой. Ему пришлось схватиться за трос, чтобы не улететь.

– Это так забавно. Правда!

– Хобот – прототип идеального гражданина, – сказал Уизмон. – Его внутренняя сущность полностью скрыта от внешнего мира. Внешняя сторона личности – плод последовательной игры этого потаенного истинного "я". Он думает, что видит сон. Все его прошлое для него – призрачное умственное построение, которое возникло только сейчас. Таким образом, Хобот отрицает непрерывность, но может действовать в ее рамках. Он примирится с чем угодно, вынесет что угодно, потому что все сон. Это дает мне возможность управлять его видениями. Что бы ни случилось, он подчинится любому приказу. Я прав, Хобот?

Хобот весело кивнул.

– Ясно, – мрачно проговорил Уайет. – Сейчас я задам вопрос, которого ты от меня ждешь. Зачем ты показываешь мне это создание?

– О, это моя лучшая шутка. Хобот, почему ты не говоришь, кто ты такой, когда не спишь?

– Сказать? – Хобот рассмеялся. – Разве это так важно? Меня зовут Уайет. Несколько лет назад я был наставником Уизмона, а теперь я его враг. Поэтому он мне снится. Он отбился от рук, и надо поскорей его приструнить. Может быть, даже уничтожить. Возможно, мне приснится, как я должен действовать.

– Это был голос жреца, – сказал Уизмон. – Хочешь послушать другие голоса? Я могу вызвать их из глубины по твоему желанию.

– Нет, – ответил Уайет. – Нет, я... нет. – Он был бледен как полотно. – Так вот какой сюрприз ты для меня приготовил!

– О чем вы говорите? – спросила Ребел.

И хотя Уизмон с издевкой произносил ее слова вместе с ней, она договорила до конца.

– Пожалуйста, постарайтесь быть не столь предсказуемой, мисс Мадларк. Мой наставник увидел, что я сделал с его двойником, и до него дошло, что я могу сделать то же самое с ним, пусть у него даже есть доступ к собственному метапрограммированию. Я могу превратить его во что мне угодно. Но самое смешное, что, быть может, этот человек вовсе не мой наставник, а просто жалкий дурак, который благодаря моему программированию вообразил себя моим наставником. Возможно, настоящий Уайет – это Хобот. А может, ни тот ни другой.

– Уайет – это Уайет, – сдержанно сказала Ребел. – Если он в этом сомневается, то может поверить мне.

– Да, но откуда он знает, что вы существуете? Я управляю его

видениями.

Хобот засмеялся от счастья.

– Не понимаю, как тебе удалось так быстро все это сделать, – удивился Уайет. – Ты прекрасный организатор, но для разработки моделей личностей тебе не хватает навыков программирования. Где ты достал программистов? Чтобы создать хотя бы этих двух типов, нужны месяцы кропотливой работы.

– Итак, мы вернулись к началу, – проговорил Уизмон. Он шевельнул пальцем, и Максвелл исчез. – Ты еще не сказал, зачем вторгся в мои владения, но объяснений не требуется. Ты хочешь вернуть придурочного ребенка, которого украл у комбинов.

– Да, мы пришли за Чарли.

– Ты никогда не проверял его способности. Недопустимая небрежность. Я сразу распознал его дарования. Ты знаешь жаргонное словечко «пси-харь»? Оно обозначает человека с природными способностями к разработке психосхем. У этого ребенка чутье развито вдвойне или даже втройне. Он сверхъестественно талантлив, суперпсихарь, если можно так выразиться. Мне достаточно только сказать, чего я хочу, и он составит программу.

Максвелл вернулся, ведя за руку Чарли Ренегата. За ним следом шли Фу-я и Гретцин, и по встревоженным лицам обоих Ребел поняла, что их психику не трогали – чтобы они заботились о Чарли.

– Наставник, у меня давно зрела одна мысль, и сейчас она, кажется, дозрела, – сказал Уизмон. Максвелл протянул ребенку карманный компьютер. – Чарли! Набросай карту моей личности, которую мы составляли.

Чарли взглянул на Гретцин, она кивнула. Мальчик коснулся поверхности компьютера, и огромная психодиаграмма заполнила зеленым узором весь двор. Даже невооруженный глаз различал десятки тысяч отростков.

– Будь любезен, проверь еще раз, нет ли здесь предохранительного блока.

Пальцы Чарли плясали по компьютеру. Маленький красный курсор скользил по двору, пробегая по крупнейшим ветвям, затем переходя к второстепенным и третьестепенным сплетениям. Курсор двигался так быстро, что глаз не мог за ним уследить, и через минуту остановился. Ребенок с серьезным видом произнес:

– Предохранительного блока нет.

Уизмон улыбнулся.

– Ну, рано или поздно ты должен был прийти к выводу, что я блефую, – сказал Уайет. – Но дело в том, что я не блефую. Ты тешишь себя этой мыслью, потому что не желаешь признать, что я

выше тебя. Но я могу уничтожить тебя на этом самом месте при помощи всего одного слова.

– Валяй, – ухмыльнулся Уизмон.

– Посреди этой выставки чудовищ? – В голосе Уайета появилась язвительность. – Перестань. Они оторвут мне голову.

Тяжелые веки прикрыли глаза Уизмона, как будто он вот-вот заснет. Мышцы расслабились. Затем, едва шевеля губами, толстяк произнес:

– Все здесь присутствующие обязаны беспрекословно повиноваться моему наставнику, что бы он ни повелел. Выше его распоряжений только мои прямые приказы. Понятно? Сейчас мы побеседуем вдвоем. Все остальные будут ждать снаружи.

Двое юнцов схватили Ребел под руки и вывели со двора.

– Теперь ты доволен? – спросил Уизмон.

Ребел была уже в коридоре и не слышала ответа Уайета.

Время шло.

В тишине коридора женщины-"дикие кошки" ползали вверх и вниз по тросу, зачарованные своим вечно новым миром. Их движения казались Ребел невероятно замедленными, словно «кошки» плыли в густом сиропе. Один из крутых юнцов вломился в хибарку и вышел оттуда с женским кружевным воротником на шее. Все покатывались со смеху, а он прихорашивался и принимал разные позы. Время от времени кто-нибудь бросал на Ребел злобный взгляд. Хобот тихо хихикал.

Наконец металлическая дверь задрожала, застонала и распахнулась. Из двора выплыл Уайет и помахал рукой Фу-я, Гретцин и Чарли.

– Проведите этих людей в шератон, – сказал он ошеломленным юнцам. – Кошечки могут подождать здесь.

Уайет взял Ребел за руку и двинулся вниз по коридору. Максвелл в недоумении уставился ему вслед, а после нырнул во двор.

– Так ты не блефовал? Ты действительно заложил в программу предохранительный блок? – удивилась Ребел.

Уайет покачал головой:

– Если знать слабости человека, чтобы его уничтожить, не нужно никакого предохранительного блока. Уизмона погубило самомнение. Он хотел доказать, что может меня обскакать на моем собственном коньке. И проглядел очевидное.

– Но что ты сделал?

– Я свернул ему шею, – ответил Уайет. – Пошли, я не хочу об этом говорить.

Позади Максвелл обнаружил тело и отчаянно завопил.

* * *

Целый день самураи вылавливали из резервуаров детищ Уизмона. По одному, по двое и целыми десятками их приводили в шератон для восстановления личности. Без Чарли Ренегата такая задача была бы невыполнимой. Сложные программы как по волшебству выплывали из-под его пальцев. После уговоров Фу-я и Гретцин Чарли два-три часа работал, но потом начинал капризничать. Тогда ему разрешали поиграть, и – снова за работу. Они провели две бессонные ночи.

Ребел настроила программер, вставила лечебную плату, поискала глазами следующие носилки и поняла, что все уже сделано. Она потянулась и окинула взглядом зал. На месте сада с подстриженными деревьями подчиненные Констанции восстановили дерн и устроили лужайки для крокета. Древнее розовое небо Марса однообразно мигало над головой. Ребел не спала сорок часов.

– Знаешь? Наверно, я никогда без отвращения не смогу вспоминать эту комнату.

– Понимаю, – кивнул Уайет.

Он вздохнул и медленно сел. Услужливый пьеро ловко подставил ему стул.

– У меня совсем пропало желание создавать новые умы. Насмотрелась на чудовищ Уизмона.

– Да, это было тяжкое испытание для нас обоих. Но я все же чувствую, что, если человечество хочет принять вызов Земли, ему понадобятся новые умы. Мы не сможем шагнуть в будущее с психосхемами эпохи неолита и ожидать… – Он запнулся и опять тяжело опустился на стул. – О черт, я так устал, что не могу ни о чем говорить.

Подошла Гретцин, она играла с Чарли у ручья с золотыми рыбками. Сейчас мальчик уткнулся подбородком ей в плечо, свернулся калачиком и спал у нее на руках. Увидев Ребел и Уайета, Гретцин сказала:

– Чарли вам больше не нужен?

– Ну да, конечно, – вяло пробормотал Уайет. – Положите его куда-нибудь и найдите казначея, вам выдадут деньги. Я скажу, чтобы вам заплатили вдвойне. Вы это больше чем заслужили.

– Хорошо, – ответила Гретцин. – Знаете что, я сначала отвезу Чарли в деревню и захвачу его пожитки. Фу-я сейчас там. Собирает картинки и разную чепуху. Это займет не больше часа. Я успею получить деньги потом.

– Прекрасно.

Уайет помахал ей рукой, и Гретцин ушла.

– Сейчас вернусь, – сказала Ребел и пошла вслед за ней.

Она догнала женщину в вестибюле. Спящий на плече Гретцин Чарли походил на обритого ангела.

– Послушайте! Вы можете взять мою метлу, она не хуже любой другой, – предложила Ребел. – Я привязала ее к ступице колеса.

На суровом лице Гретцин появилось какое-то подобие улыбки, она подалась вперед и сухими, как старые листья, губами коснулась щеки Ребел.

– До свидания, – сказала она и вошла в лифт.

Несколько минут спустя в зале заседаний Уайет вдруг резко выпрямился:

– Эй! Зачем ей надо брать Чарли с собой, чтобы привезти его вещи? Она могла на это время оставить его здесь. – Он настроил тембр на внутреннюю связь. – Здесь проходила женщина из деревни?

– Да, сэр, – ответил охранник. – Минут пять назад она взяла метлу и полетела к орхидее.

– Вот же, мать твою! – Уайет вскочил на ноги.

– Уайет, оставь их, – сказала Ребел.

– О чем ты говоришь? Мальчика ждет блестящее будущее. Упустить такой талант было бы преступлением. Мы не можем допустить, чтобы он вырос в трущобах и не получил никакого образования.

Когда Уайет и Ребел добрались до орхидеи, они нашли оставленную у края метлу. Флажки с тропы исчезли. Уайет и Ребел появились как раз вовремя, чтобы увидеть, как далекая, едва различимая фигура сорвала последний флажок и пропала во тьме.

Деревня затерялась навсегда.

Глава 9. ДЕЙМОС

Геодезик несся к Марсу. За последний час путешествия красная планета, казавшаяся сначала величиной с кулак, увеличилась до размера тарелки. Деймос скромно подполз к середине планеты и вдруг вспыхнул, затмевая Марс. Людям, следящим в холле за экраном внутренней связи, почудилось, что сейчас они врежутся в эту жутковатую луну. Затем геодезик пересек магнитные линии сторожевого устройства и влетел в поджидавшее его транспортное кольцо. Кольцо ускорило пространство, в котором оно двигалось, до скорости равной, но противоположно направленной скорости геодезика.

И геодезик замер.

Комбины начали разбирать кольцо. Собравшиеся в шератоне сотрудники, от Констанции Фрог Мурфилдз до последнего пьеро, закричали: «Ура!» Заиграли ударные, и кассиры открыли счетные машины. Вино потекло рекой.

– Ну что ж, – грустно сказал Уайет, – приехали.

Ребел порывисто его обняла.

Несколько минут спустя группа из пяти граждан Марса вошла в геодезик, чтобы, вступить во владение имуществом. Они носили плавки цвета плесени, в тон им рабочие накидки, украшенные завязками, петлями и поясами, и сапоги до колен, в которых ходят при нормальной силе тяжести.

После изящных значков на лицах жителей Кластера Эроса раскраска обитателей Народного Марса выглядела топорно и грубо: простые зеленые треугольники, внутри которых глаза и нос. Под треугольником неулыбающийся рот. Группа граждан в угрюмом молчании обошла шератон. Наконец их главный по имени Стилихон[6] сказал:

– Видимо, это то, что мы заказывали.

– Хорошо. Вы вызовете кого-нибудь из Ставки, чтобы я мог передать полномочия? – спросил Уайет.

Строгая молодая женщина презрительно скривила губы:

– Вы, с вашим культом вождей! Ставка – просто распорядительный орган, куда выбирают по жребию. Народ выполнит правовые обязательства, принятые любым из граждан.

У нее был длинный подбородок, постриженные «ежиком» волосы мышиного цвета и мускулистое тело с вызывающе торчащими вперед яркими сосками, похожими на два розовых бутона.

– Возможно, – сказал Уайет. – Однако моему начальству нужен член Ставки. Так что, к сожалению, вашего слова будет

недостаточно.

– Хватит, – нетерпеливо прервал его Стилихон. – Я член Ставки. И беру на себя всю ответственность.

– Можно посмотреть ваше удостоверение личности?

– Нет.

Стилихон и Уайет свирепо уставились друг на друга. У Уайета было лицо воина. Челюсти плотно сжаты, глаза горят. Сейчас эти двое мужчин сильно смахивали на тропических обезьян, спорящих из-за территории.

Наконец Уайет склонил голову набок и в улыбке обнажил зубы.

– На кой, собственно, хрен. Стил, твоего слова для меня достаточно, – сказал он. – Мы не гордые.

Прежде чем Стилихон успел ответить, Розовый Бутон сказала:

– Я приму у вас дела. – Она взяла Уайета под руку и отвела его подальше от Стилихона. – Для завершения работ потребуется несколько дней. На это время Народ предоставит вам жилье на Деймосе. – Она посмотрела на Ребел и прибавила:

– И вашим сотрудникам тоже.

– Почему нам нельзя остаться в шератоне? – спросила Ребел.

– Вы получите такие же квартиры, как у граждан Марса, – ледяным тоном ответила Розовый Бутон.

– Разумно.

Уайет стал снова другим. Он склонился над приборами и принялся просматривать графики и порядок проведения работ.

– Ребел, ты не разберешься тут с нашим хламом? Я подойду, как только освобожусь.

Ребел молча кивнула, но на минуту задержалась, изучая Розовый Бутон. Женщина отпустила руку Уайета и стала оглядывать холл. По лицу этой сдержанной, благодаря психосхеме, гражданки нелегко было понять, что она думает.

– Во-первых, насчет вашего празднества, – начала Розовый Бутон. – Прогоните весь этот незапрограммированный сброд.

* * *

Геодезик поставили на задворках огромных орбитальных трущоб, раскинувшихся рядом с Деймосом. Вокруг этой кособокой скалы – не спутника даже, а астероида, подхваченного когда-то Марсом, – кишели фермы, фабрики, резервуарные поселки и колесообразные деревушки. Все это годилось разве что

на металлолом, тут не было ни контейнерных городов, ни других крупных сооружений. Ребел вместе со Стилихоном и еще одной, непосредственно не занятой в завершении проекта гражданкой по имени Вергилия наняла катер. Стилихон оказался неумелым пилотом, и полет оказался долгим и утомительным. Стилихону то и дело приходилось резко сворачивать, чтобы не столкнуться с каким-нибудь внезапно возникшим искусственным объектом. Похоже, Народная милиция редко когда управляла транспортом.

Пока катер летел к Деймосу, на поверхности луны выросли тонкие, словно иглы, и сверкающие, как зеркала, столбы. Они поднялись на сотни километров ввысь, потом изогнули свои длинные стебельки (их очертания стали напоминать смерч) и слегка расширились под воздействием притяжения Марса.

– А это еще что за херня? – спросила Ребел, и тут Стилихон так рванул в сторону от надвигающегося столба, что ей пришлось ухватиться за подлокотник.

– Пыль, – пробурчал Стилихон.

Он бросил рычаги управления до упора вправо, а затем быстро отвел их обратно.

– Измельченная скала, – пояснила Верги-лия. – Отходы от разработки полезных ископаемых и прокладки тоннелей, направляемые вверх двигателями массы. Пыли придается электростатический заряд, она поляризуется и затем выбрасывается наружу фазированными импульсами с частотой семьсот двадцать импульсов в секунду. При такой частоте поток кажется непрерывным.

Женщина говорила с воодушевлением. В надежде, что она наконец замолчит, Ребел отвернулась. От монотонного голоса этой фанатички у нее начался зуд.

– Когда вас запрограммируют как гражданку? – спросил Стилихон.

– Вы уже трижды меня об этом спрашивали. Сделайте для разнообразия передышку.

– Я не получил удовлетворительного ответа. – Стилихон с раздражением помахал рукой. – Увертки, отговорки, ничего не значащие слова! Если вы примете программу, как только мы достигнем Деймоса, вы сможете завтра же приступить к работе. Приближается поток ледяных астероидов, и бригадам сеятелей всегда нужны руки.

Посреди катера появилось голографическое изображение ледяного астероида: грязный шарик, в котором больше угля, чем воды. Снаружи прицепился лагерь горняков, а внутри сияли шахты, штреки и штольни.

– Маленькие треугольники обозначают скопления спор.

Каждое не больше пальца, но сотни их пронизывают лед. Звездочками показаны бактериальные заряды, сложенные в дробильные камеры.

Ребел глядела сквозь лобовое стекло на изгибающиеся столбы пыли. Методы добычи полезных ископаемых на Народном Марсе были слишком сложны для ее понимания, а биотехнологии, наоборот, устарели, оставаясь на уровне начала века, когда засеивались первые кометы. В этой лекции не было для нее ничего интересного.

Увидев, что Ребел смотрит на столбы пыли, Вергилия приняла безразличие за интерес.

– Вы наблюдаете очень утонченный способ использования ресурсов, – сказала она. – Отработанная пыль забрасывается на одну из двух ареосинхронных орбит, где она образует зеркальные облака, отражающие дополнительный солнечный свет на поверхность. Таким образом, освещенность увеличивается почти на десять процентов.

Между тем Стилихон тоже не умолкал:

– Ледяные астероиды, движущиеся от переднего края Марса, ударяются о поверхность с силой термоядерных бомб…

– Поскольку орбита не постоянна, пыль медленно, но неизбежно теряется, а затем потери необходимо восполнить…

– От удара разламывается верхний реголит, и скрытые под ним бактерии и споры разносятся по вечной мерзлоте взрывной…

Стилихон и Вергилия походили на две машины, которые невозможно остановить. Они заглушали друг друга, их голоса то затихали, то снова крепли, сливаясь в невыносимый, раздражающий шум. Кроме того, противный голос Вергилии резал слух, словно скрежет железа по стеклу.

– Заткнитесь! – крикнула Ребел. – Идите вы на хрен, не нужно мне вашего программирования! Не собираюсь я становиться гражданкой! Я вас всех презираю! Теперь вам ясно или требуется уточнить?

Наступило неловкое молчание.

– Ну… Может, вам стоит еще подумать? – наконец проговорила Вергилия.

И тут что-то внезапно выплыло из памяти Ребел, и ее осенило. Она поняла, почему ей так действует на нервы спокойный, уверенный тон Вергилии, ее произношение, ее ровные интонации.

Эта женщина напоминала мать Эвкрейши.

* * *

В глубь безжизненных скал Деймоса уходили длинные, прямые и круглые, как трубы, тоннели. Они были прорублены напрямик, без особых раздумий. Почти полное отсутствие силы тяжести осложняло передвижение. Ребел, даже нагруженная пожитками (дюжина коробок Уайета и две ее), с трудом удерживалась на ногах. Они зашли далеко, миновали осветительные вышки, расположенные так редко, что полосы резкого света сменялись темными пятнами. Ребел словно забрела в далекое детство своей – не своей, конечно, но какая разница – матери, в детство, которое та с такой гордостью ненавидела. Те самые серо-черные скалистые пейзажи, о которых она столько слышала. Те самые вечно куда-то спешащие граждане в сером, которых мать виновато презирала.

– Заметьте, какие круглые стены у наших тоннелей, – сказал Стилихон. – Все помещения у нас многоцелевые. Сегодня общая спальня, а завтра зернохранилище. Коридор в случае надобности может стать водопроводной трубой или стоком для промышленных химикалиев, или даже складом бактериальных зерен. Ничто не предназначено исключительно для удобства человека.

Мать Эвкрейши рассказывала, что были случаи, когда сидящий у затвора оператор нажимал не на ту кнопку и люди тонули во вдруг хлынувшем потоке креозота или патоки. Ребел посмотрела через плечо. До ближайшего выхода далеко.

– Не очень привлекательный образ жизни.

– Вы должны понять, что когда мы преобразуем Марс по подобию Земли, то перейдем на его поверхность и бросим Деймос. Нет смысла тратить усилия на создание временных стоянок.

Впереди группа неграждан с лицами, почти сплошь покрытыми психораскраской, устанавливали предохранительный затвор. Когда Вергилия, и Стилихон поравнялись с ними, рабочие разбежались, уступая им дорогу. Мать Эвкрейши рассказывала, что бывает с теми, кто мешает пройти программированным гражданам.

– И когда Марс будет готов?

– Через двести восемьдесят лет.

Они подошли к железнодорожной станции. Если бы не ее проводники, Ребел никогда бы об этом не догадалась. Просто место пересечения двух тоннелей, около которого стоит унылая толпа граждан и несколько запрограммированных чужаков. Потом из поперечной трубы выплыл металлический червяк. Головной вагон без окон замедлил ход и остановился, двери со

скрипом раскрылись. Вергилия и Стилихон помогли Ребел втащить груду ее коробок в багажное отделение и все вместе отправились в транзитный вагон. Ребел сунула руки и ноги в кольца; вагон заполнился до отказа.

Прозвенел колокольчик, и двери закрылись. Поезд сорвался с места и понесся на бешеной скорости. Лампы погасли. В кромешной тьме на Ребел со всех сторон напирали другие пассажиры, и она почувствовала, как в ней просыпается клаустрофобия Эвкрейши.

– В чем дело? – крикнула Ребел. – Что со светом?

– Здесь нет необходимости в свете, – ответил Стилихон. – Народ никогда не расходует ресурсы зря.

Поезд летел в глубь черной, без единого огонька, скалы.

* * *

Когда вся компания добралась до общежития, Ребел все еще ощущала слабость и беспомощность. Примерно четверть спальных ниш была занята. Люди все время входили и выходили.

– Ваша ниша – Синий ромб номер семнадцать, – сказал Стилихон. – Запомните.

– Ниша вашего начальника рядом. Синий ромб номер восемнадцать, – добавила Вергилия.

– Хорошо, – обессиленно пробурчала Ребел. Ниши были маленькие – просто спальные места, вырубленные в скале. К веселому изумлению Стилихона и Вергилии, багаж занял одну нишу почти целиком.

– Как закрыть дверь?

– Дверь? – переспросила Вергилия.

Стилихон сказал:

– Не беспокойтесь о своих вещах. За некоторыми исключениями вроде вас, все неграждане, которым разрешен въезд на Деймос, жестко запрограммированы. У нас не воруют.

– Я хочу закрыть дверь, чтобы побыть одной.

– Побыть одной?

Устало кивнув головой, Ребел попыталась объяснить:

– Послушайте, мне было с вами очень интересно. Спасибо за помощь. А теперь оставьте меня, пожалуйста, в покое.

Она села на лежанку. Скала слабо пахла смесью оливкового и машинного масел.

– Уходите!

– Вероятно, вы не понимаете, – увещевательным тоном начал Стилихон, – как нужны нам новые граждане для выполнения великой задачи…

– Моя мать была гражданкой, – зло перебила его Ребел. – Вам это известно?

Вергилия и Стилихон смотрели на нее в полном недоумении.

– Да, она родилась здесь, на Деймосе. Ее воспитывали в детском саду. В десять лет стала гражданкой. Делала все, что положено, перепрограммировалась раз в год. Знаете, она была очень похожа на вас.

– Я не…

Ребел продолжала говорить, не слушая ответа, она так переутомилась, что была на грани истерики.

– И вот что самое интересное. Она работала в бригаде сеятелей на ледяном астероиде! Кажется, именно туда вы уговариваете меня пойти? Это была бригада новичков, так что мать работала там с самого начала. Летала на орбиту Сатурна заключать сделку с ледорубами. – Граждане смотрели на Ребел с раскрытым ртом. – В общем, она была образцовой постоянной гражданкой. Только путешествие от Сатурна до Марса занимает года два, даже с ранним ускорением и солнечным парусом. И за это время может проявиться свое "я". Ставка бригады думала, что в полете нет возможности приобрести необходимый для формирования личности индивидуальный опыт. Они потеряли бдительность. Но когда астероид проходил через пояса, произошла непредвиденная авария. Половина бригады погибла. Требовалось заменить механизмы и сделать капитальный ремонт большого проходческого щита. В ближайшем промышленном Кластере группа заказчиков, среди них моя мать, подписали контракт и вернулись. Кластер прислал монтажников, один из них стал моим отцом. Отличный парень, очень хороший работник, уверенный в себе, спокойный. Замечательный парень. Такие всем нравятся. И мать в него влюбилась. Понимаете? Сначала она не знала, что с ней, ведь граждане не влюбляются, правда? Они не могут. Когда мать сообразила, что к чему, она уже так далеко зашла, что не хотела возвращаться. Отец улыбнулся ей, и она с ним сбежала. В Кластере она попросила экономического убежища, и бригаде пришлось уехать без нее. – У Ребел пересохло в горле. Она кашлянула, прикрыв рот кулаком. – Понимаете, что я говорю? Я знаю о вас все. Я наслышалась о ваших фокусах еще в детстве. Я знаю все ваши уловки, но меня вы не проведете. Ясно?

Стилихон с чопорным видом повернулся и пошел прочь. Вергилия задержалась, чтобы сказать:

– Мне жаль, что ваша мать совершила сексуальное преступление и лишила вас права гражданства по рождению. Но это не оправдывает вашу грубость.

И тоже ушла.

Камень холодил спину Ребел и подрагивал от далекого рокота землеройных машин. Ребел подташнивало, голова болела. Воспоминания Эвкрейши завладели ею полностью. В прошлом Эвкрейши были эпизоды, о которых она даже не задумывалась, но они остались в памяти и теперь воскресли.

Но вместе с жутким грузом воспоминаний Эвкрейши пришла неожиданная догадка. Она поняла, почему мать изводила ее неинтересными, нудными рассказами о коридорах Деймоса, о тихих страданиях, унылом однообразии и нескончаемом труде. Чем были вызваны внезапные, необъяснимые вспышки гнева, случайные запреты, необоснованные наказания. Мать робко, неумело пыталась привить Эвкрейше отвращение к Народному Марсу. Воспитать в ней свободолюбие, которое никогда не позволит ей вернуться на родную луну ее матери и подчиниться программе.

И вот она здесь, в тех самых старых тоннелях.

«Это не мое прошлое, – думала Ребел. – Это не моя вина».

И все же, когда она лежала вот так в лишенном дверей закутке и мимо сновали и время от времени поглядывали на нее с холодным любопытством граждане, а по каменным стенам прокатывалось эхо грохочущих вдалеке машин, ей очень хотелось плакать.

И скоро она заплакала.

* * *

Из общественной столовой доносился шум голосов. В высоком, громадном зале стояли сотни столов и скамей, тысячи людей заполняли его лишь частично. Высоко над головой зияло огромное отверстие, откуда изредка капала вода. Ребел невольно поискала глазами далекий выход и подумала, многие ли успеют добраться до предохранительного затвора, если какой-то там оператор сдуру ошибется.

То здесь, то там среди одетых в серое граждан попадались беседующие между собой оранжевые комбины (всего их было несколько сотен, один из них молча взирал на Ребел неподвижным взглядом насекомого) и немногочисленные пестро

одетые сотрудники Констанции. Люди весело болтали и ходили между столами. Уайет опустился на сиденье рядом с Ребел.

– Как прошел день? – спросила она.

– Нам все-таки удалось выгнать людей из орхидеи. – Пьеро поставил перед Уайетом поднос, он взял палочки для еды. – Ужасно. Я все время удерживал эту мисс Живоглотку от смертоубийства. Она хотела дать жителям деревень час на сборы, а потом откачать воздух.

– Не может быть!

– А что тут удивительного?

Розовый Бутон поставила на стол поднос и заняла место рядом с Уайетом. Фрибой и какой-то негражданин (Ребел не знала его, он носил накидку в черно-белую полоску и красный жилет с двумя рядами медных пуговиц) сели напротив.

– Поделитесь с нами.

– Это они так шутят, – заметил Уайет. – Привет, Фрибой. Кто это с тобой?

– Меня зовут Борс, сэр. – Ослепительная улыбка. Голову Борса украшали длинные тонкие косички, концы которых были упрятаны в серебряные шарики. Лоб пересекала узкая, непонятного смысла желтая линия.

– Я коммивояжер из Временной республики Амальтеи, с неприсоединившихся спутников Юпитера. Торгую антикварной информацией.

Уайет представился и представил Ребел, а затем произнес:

– Вы проделали долгий путь.

– Это лишь полпути. Через несколько дней мой холодильный корабль отправится на Землю; Деймос для меня только промежуточная станция. Подвернулась возможность выгодно продать горнодобывающую технологию, и я не устоял.

Нетерпеливо слушавший Фрибой резко наклонился вперед и обратился к Ребел:

– В жизни не догадаешься, кто сегодня принял гражданство. Вот попробуй.

Ребел недоуменно покачала головой.

– Твой дружок Максвелл, вот кто.

Фрибой был явно доволен произведенным эффектом.

– Максвелл? – переспросила Ребел. Фрибой кивнул. – Такой стройный, смуглый, легкомысленный, гедонического склада? Мы говорим об одном и том же парне?

– Трудно поверить, – сказал Уайет. – Он что, добровольно?

– Добровольно, не беспокойтесь. Он сказал…

– Все это очень интересно, – заявила Розовый Бутон. – Но теперь позвольте мне кое-что показать.

Она отодвинула поднос и стала выкладывать на стол карточки голограмм. Положила фотографию красного, безжизненного Марса в эпоху до появления человека, затем накрыла ее второй карточкой. Планета вздрогнула и заколебалась от взрывов. Ледяные шапки потемнели от забрасываемой с Фобоса пыли и стали съеживаться. В кратере горы Олимп блеснула зеленая полоска.

– Вы видите наши достижения. Олимпийский рай, микроэкологическая система, показывающая, каким будет в конце концов весь Марс, этот участок еще не готов для колонизации. – Розовый Бутон быстро разложила следующие карточки. – Через пятьдесят лет, через сто, через сто пятьдесят. К этому времени вечная мерзлота растает, и атмосфера станет настолько плотной, что люди смогут дышать через респираторы. Но мы на этом не остановимся. Через двести лет. – Плавающий в пространстве шар усеивали пятнышки зелени. Появились тонкие облака. – Через триста лет. – Планета преобразилась. Все пространство, от одного полюса до другого, покрывала нежная зелень. То там, то здесь сверкали холодной голубизной крошечные озера. – Заметьте, что здесь нет океанов. Окружающая среда Марса будет более хрупкой и в то же время более подходящей для жизни человека, чем земная. На Земле океаны придают экосфере громадную устойчивость, но вместе с тем большая часть ресурсов планеты уходит на поддержание их жизни. Общая площадь пригодной для колонизации суши Марса будет равна площади суши Земли, и вся эта территория будет использована на благо Народа.

– Не понимаю, какая польза делать планету похожей на Землю, – с сомнением в голосе проговорила Ребел. – Затраченных вами усилий хватило бы на то, чтобы построить тысячи контейнерных городов, засеять огромное количество комет.

– Поверхность планеты – лучшее место для развития постиндустриальной культуры. Во-первых, бесплатный воздух. Во-вторых, при такой большой территории нет смысла брать плату за пользование землей. Можно жить где угодно. Пахотные земли в действующей экосфере самоосушаются и самоудобряются. В общем, на поверхности планеты любая деятельность требует гораздо меньше труда. – Розовый Бутон выложила на стол еще несколько карточек. – Вот так будут выглядеть пахотные угодья. А вот леса. Вот одно из крупных озер. Оно такое большое, что противоположный берег еле виден. В озере будет водиться рыба, угри, мидии. По берегам будет расти рис, пшеница, клюква. Вот парки…

– Это крайне примитивная структура, – сказал Фрибой. – Понимаете, вы полностью переносите на другую планету земные

экосистемы. Но немного подумав, можно приспособить к местным условиям океанскую рыбу, моллюсков, может быть, вновь превратить в водоросли некоторые наземные растения, соорудить на поверхности мостик из лишайника, и не успеете оглянуться, как у вас возникнет гораздо более интересная и сложная система. Почему бы вашим биологам не создать что-нибудь такое?

– Посмотрите вокруг, – возразила Розовый Бутон. – Вы видите какие-нибудь растения? Мы не можем себе позволить тратить ресурсы на вспомогательные отрасли, без которых невозможно становление биоинженерии. И все же, как вы отметили, потребность в биотехнологиях велика. Вы найдете что делать, когда примете гражданство.

– Нет, нет, чур не я! – Фрибой рассмеялся и поднял руки. – Я возвращаюсь в Гибразиль с жалованьем, полученным за наше турне по Системе, и еще кое с какой мелочью. По правде говоря, я сегодня заработал кучу денег на валютной бирже.

– Неужели вы обменяли валюту на Народные кредитки? – У Борса сделался озабоченный вид.

– А что? – спросил Фрибой, улыбка слетела с его лица.

– Наша общественная система построена так, чтобы прививать идеал самоотверженного гражданина, коллективиста, – разъяснила Розовый Бутон. – Поскольку личное обогащение гибельно для самой личности, мы нашли средства его предотвращать. В частности, мы каждый день переселяемся в другие ниши. Если вам приходится ежедневно переезжать со всем нажитым имуществом, вы оставляете себе только то, что имеет истинную ценность. Таким же образом в нашей экономике установлен темп инфляции десять тысяч процентов в день. Фрибой повернулся к Борсу:

– Что это значит?

– Это значит, что Народные кредитки надо тратить мгновенно. А то они пропадут. Если вы подержите их в течение часа, они уже ничего не будут стоить.

Фрибой поднялся, бледный от возмущения.

– Я… – Он погрозил пальцем Уайету. – Сколько я пережил, работая на вас! И… я… – Он чуть не задохнулся от обиды, повернулся и убежал.

Выкладывая следующую карточку. Розовый Бутон сказала:

– Это вид наших общежитий в новой цивилизации.

Уайет прикрыл карточки ладонью:

– Я хотел бы узнать, как вы относитесь к комбинам. Я понаблюдал, и мне стало ясно, что вы не принимаете против них должных мер предосторожности. Я даже видел, как они пользуются вашими справочными окнами. Вы определенно

недооцениваете, насколько они опасны.

– Народу не может угрожать опасность, так как Народ нельзя подкупить, – изрекла Розовый Бутон. Она сгребла в кучу голограммы и встала. – Однако я вижу, что никто из вас еще по-настоящему не желает стать гражданином. Мы обсудим этот вопрос снова, в другое время.

Она ушла, но подошли двое других граждан: один сел на ее место, другой рядом.

– Вы уже пользовались здешними удобствами? – улыбаясь, спросил Борс у Ребел.

– О Боже! Только я села на унитаз, подошел мужчина и сел около меня. Я чуть не умерла. Он увидел, что я покраснела, и спросил, что со мной.

Ребел засмеялась, Борс и Уайет тоже.

Граждане пришли в недоумение.

– Я не понял, – сказал один и, когда Ребел попробовала объяснить, спросил:

– А что тут смешного?

Ребел только покачала головой.

Через несколько минут граждане забрали свои подносы и ушли.

– Люди здесь так быстро едят, – удивилась Ребел.

– Это потому, что они могут общаться лишь в обеденный перерыв, – внес ясность Борс. – Весь день они чем-нибудь заняты. Если не работают, значит, учатся. Если не работают и не учатся, значит, спят. Это единственная для них возможность просто поговорить.

– Вы, кажется, хорошо знаете местные обычаи.

– Да, – с довольным видом ответил Борс.

* * *

Когда Ребел вернулась с Уайетом в Синий ромб No17, он мельком взглянул на коробки и сказал:

– Уютно, правда? – И потом продолжил голосом воина:

– Послушай, я хочу немного поразнюхать, насколько комбины внедрились в общедоступный банк данных. Подождешь меня здесь? Я скоро.

У Ребел хватало ума не спорить с Уайетом-воином. Она села на вырубленную в скале лежанку. Делать было нечего, оставалось только слушать неумолчное шарканье граждан по коридору.

Через десять минут Ребел стала понимать, какой мощной мотивационной силой является скука. Сейчас она бы с радостью вызвалась собирать вакуумные цветы, только бы не сидеть без дела.

На пороге появилась Розовый Бутон. Она молча стояла в распахнутой накидке.

– Уайета нет, – угрюмо сказала Ребел. – И в любом случае вы его не получите.

Розовый Бутон сбросила накидку и вошла. Она оставила обувь у двери и села подле Ребел.

– Я пришла не за ним. – Она положила руку на колено Ребел. – Ставка очень беспокоится за вас. Я доложила, что вас воспитала отступница, и они волнуются, что вы выросли противницей секса, собственницей и дикаркой.

Ее рука скользнула вверх по бедру Ребел. Розовый Бутон говорила так сухо, что, только когда она начала снимать с Ребел трусики, та поняла, о чем речь. С испуганным криком Ребел отшатнулась от женщины, рывком натянула трусы и подняла колени к подбородку: это была преграда между Розовым Бутоном и ней.

– Эй! Минутку, я не такая…

– Мы можем поговорить, – сказала Розовый Бутон. – Это одна из причин, почему к вам прислали женщину. Чтобы помочь вам исцелиться. Вы без нужды лишаете себя многих удовольствий.

– Да, хорошо, сейчас придет Уайет, так что, наверно, вам лучше уйти.

– Для него хватит места тоже. Возможно, это лучший способ избавить вас от собственнических инстинктов. – Она подняла ногу, нежно провела пяткой по телу Ребел, зажала мочку ее уха между пальцами ноги: и ласково потрепала. – Наслаждение – достояние общее. Расслабьтесь. Получите удовольствие.

– Не нужны мне удовольствия! – крикнула Ребел. – Такие удовольствия! Мне никто не нужен, кроме Уайета, и… и…

– А какой вам от него толк? – презрительно спросила Розовый Бутон. – Посмотрите на себя. Вы боитесь. Вы что думаете, я возьму вас силой? Позвольте вам кое-что сказать. Я вижу, как вы глумитесь над великой мечтой терраформации Марса, как вы глумитесь над Народом. Вы считаете, что наша жизнь обеднена, но она гораздо богаче вашей. Программа делает граждан полноценными человеческими существами. Гражданин знает, что такое долг, секс, работа, удовольствие, дружба и жертвенность, и с радостью пользуется своими правами. Я пять раз летала на поверхность Марса, это очень опасное место. Я видела смерть так же близко, как вижу сейчас вас, но никогда я не проявляла страха.

Вы потешаетесь над Народом, потому что мы все одинаковые. Но мы все герои, каждый из нас. И я тоже, и я это знаю!

Она натянула сапоги и ушла.

* * *

Когда вернулся Уайет, они занялись любовью. Этим страстным, лихорадочным объятиям Ребел отдалась целиком. «Я не боюсь, – говорила она себе, – и не упускаю никаких удовольствий». В мгновение оргазма, когда она крепко сжала Уайета внутри себя и так глубоко вонзила ногти ему в спину, что выступила кровь, он прошептал ей в ухо:

– Я люблю тебя.

– А? Что? – недоуменно спросила Ребел.

– Я люблю тебя. – Уставший и выдохшийся Уайет лежал рядом и терся щекой о ее щеку. – Я правда люблю тебя.

– О чем ты? – Это было слишком нелепо, чтобы быть правдой. – Кто меня любит? Или лучше сказать, сколько вас меня любит?

– Послушай меня. – Уайет навалился на нее и заглянул ей в глаза. – Я... не думаю, что любовь зависит от внешней стороны личности или от внутренней. Я считаю, что это глубже. – Он ударил себя в грудь. – Я люблю тебя, тебя, Ребел Элизабет Мадларк. И уверен, буду любить тебя, кем бы я ни был.

Ребел молча смотрела на него немигающим взглядом, пока не почувствовала, что в глазах у нее плывет; она моргнула и сказала, чтобы что-то сказать:

– Почему ты заговорил об этом сейчас?

Она не подчеркнула последнее слово, но оно зависло между ними, холодное и сухое, как сама правда. Времени почти не осталось. Воспоминания Эвкрейши вернулись, значит, скоро вернется и ее личность. И тогда Ребел растает в океане души и перестанет существовать.

– Почему сейчас? – повторила она.

Может, для него неважно, кто она: Ребел или Эвкрейша. Как ни горько так думать.

Уайет прочитал ее мысли.

– Я люблю не Эвкрейшу. Не это тело. Я всегда буду любить именно тебя. Послушай. Я знаю, скоро ты... уйдешь, и я не хочу, чтобы ты... о Господи, как же это сказать?., я не хочу, чтобы ты растворилась, не зная, что я тебя люблю. Я бы этого не вынес.

Может, я слишком жадный? Ты понимаешь, что я пытаюсь сказать?

Охваченная одновременно счастьем и горем, Ребел обняла Уайета и крепко прижала его к себе, чтобы он не видел ее лица, ее слез. Когда он снова заговорил, она закрыла ему рот единственным доступным ей способом, и они опять занялись любовью.

Ребел любила его так сильно, что еле сдерживалась, чтобы не признаться ему в этом самой. Она боялась, что если произнесет эти слова, то не сможет больше держать себя в руках. Сейчас она любила Уайета еще сильнее, она любила его за то, что он ей солгал. Она не верила ни одному его слову.

Но как хорошо, что он это сказал.

* * *

Этой ночью Эвкрейша явилась ей в виде разлагающегося трупа. Вместо ногтей торчали хромированные скальпели, и когда Эвкрейша раскрыла рот, из него, как ряды длинных зубов, показались шприцы. «Уходи», – сказала ей Ребел. Эвкрейша изящно взмахнула серой рукой, и лезвия полоснули Ребел по лицу.

Какой-то миг потрясенная Ребел еще держалась, она стояла и смотрела сквозь кровавую пелену, но затем Эвкрейша подняла вторую руку, и Ребел бросилась бежать.

Она неслась по бесконечному лабиринту каменных тоннелей, падала в одних и продиралась через другие. Вставшая из гроба ведьма вновь и вновь догоняла Ребел и лениво полосовала ее голые ноги. По тоннелю тянулся кровавый след, ноги Ребел подкашивались от пульсирующей боли. Ей мерещилось, что она бежит по артериям огромного тела, мертвого тела, тела мертвого камня, и это тело – ее собственное. И тут ей представилось, что она лежит парализованная и привязанная к носилкам в нише лабиринта роз, в Новом Верхнем Камдене.

Лицо Эвкрейши нависло над ней. Краска психохирурга высохла и растрескалась, кожа на щеках натянулась, и от этого слегка приоткрылся рот. Глаза холодные, незрячие. Эвкрейша наклонилась совсем близко, обдала Ребел приторным запахом разложения и заговорила.

Но когда она наконец проснулась, то могла лишь припомнить, что Эвкрейша сказала ей истины, которые Ребел не

смела принять.

Глава 10. ТЕНЬ СНОУ

На следующий день кто-то подстрелил гражданина.

Ребел узнала об этом во время обеда. Утром она руководила группой рабочих, устанавливающих новый шлюз в резервуаре No 14. Это была одна из дюжины групп, находившихся под началом Уайета, в одиннадцати обязанности бригадира выполняли граждане, эти группы работали в другом месте, ремонтировали покрытие геодезика и занимались орхидеей. Бойкие жители резервуара вышли наружу, предлагая рабочим пряные фрукты, вино, марихуану или ворованные вещи, приходилось все время их отгонять. Днем раньше макробиоинженеры умертвили орхидею, и она начала гнить. Даже через дыхательные маски, потребовавшиеся теперь, когда из геодезика откачали половину воздуха, пробивалась отвратительная вонь. Когда шлюз наконец заработал, было уже поздно, и Ребел еле поспела на уходящий к Деймосу катер. Она села за стол, когда Уайет уже заканчивал обед.

– Сегодня подстрелили гражданина, – сказал Уайет.

Он быстро обнял ее и передал ей поднос. Проходящий мимо пьеро поставил на поднос еду.

– Как это случилось?

– Знаешь бригаду, которая рубила орхидею на сырье для протеинового завода? Они наткнулись на банду самогонщиков. Должно быть, мелкая шайка, иначе они попросту бросили бы свою последнюю продукцию и смылись. Так или иначе, у одного из бандитов была пневматическая винтовка. Она выстрелила. – Уайет пожал плечами. – Бывает.

– Он опасно ранен?

– Вот он идет.

Двое граждан заняли места за их столом. У одного была перевязана грудь, и Ребел видела, как под повязкой мерно вздымается протез легкого.

– Привет, Цинциннат[7]. Что говорят врачи?

– Необратимых повреждений нет, – ответил Цинциннат.

– Интересно, пневматическая винтовка – это распространенное оружие в кластерах Пояса? – спросила сидящая рядом женщина.

– Нет, нет, – ответил Уайет. – В сущности, она почти бесполезна в условиях кластеров, это скорее игрушка, чем оружие. Его радиус действия больше, чем у холодного оружия, зато оно не такое меткое. Оно дешевле энергетического оружия, но менее эффективное. Однако в резервуарах пошла мода на эти

штуки.

Подошли еще трое граждан, за ними следовал Борс. Он подсел к Ребел, косички у него на голове подрагивали, потом мало-помалу успокоились. Шарики не давали косичкам падать ему на лицо.

– Последняя вечеря. – Борс развел руками. – Холодильный корабль готовят уже сейчас.

– Однако это оружие, вероятно, вполне устраивает мелких преступников. Почему вы ввели его в употребление?

– Поначалу эта мысль показалась нам привлекательной, – весело ответил Уайет.

Его собеседница нахмурилась.

К ним подсел Стилихон.

– Я изучал ущерб, нанесенный сорняками, прибывшими вместе с шератоном. Этими вакуумными цветами. Я обнаружил их на резервуарах, на фермах, на вакуумных доках, нашел даже небольшой покрытый ими участок на поверхности Деймоса. Они буквально везде.

– Да, они неистребимы, – сказал Уайет. – Стоит им появиться, от них спасу не будет. – Борс неторопливо жевал, с неподдельным интересом следя за разговором. – Кстати, о нежелательном присутствии. Стилихон, вчера я просматривал ваш общественный банк данных и увидел, что туда основательно проникли комбины: Надеюсь, вы не храните там никаких секретов.

– У Народа нет секретов, – ответил Стилихон. – Право свободного доступа к информации – основное право гражданина в нашем обществе. Относительно вакуумных цветов. Как вы боретесь с ними в Кластере Эроса?

– В основном никак. Мы сдерживаем их распространение при помощи постоянного труда, но я не могу сказать, что мы с ними боремся. Понимаете, они искусственные, элемент биотехнологии переработки мусора. Замысел основан на том, что легче сорвать и переработать цветы, чем собрать и преобразовать мусор. Однажды мне объяснили, как получилось, что цветы так разрослись. Что-то насчет экосистемы одного организма. Я не помню подробности.

– Вы знаете народные законы? – вдруг спросил Борс.

– Кое-что читала, – ответила Ребел.

– Перед ускорением Геодезик следовало осмотреть. От нас потребуются огромные усилия, чтобы уничтожить эти мерзкие растения, если их вообще можно уничтожить. Заражение нашего пространства их спорами – преступная халатность, – заявил Стилихон.

– Кто-то фраернулся, это уж трчно, – согласился Уайет. – Я считаю, что вы тоже совершите ошибку, если как можно скорее не

очистите свою информационную систему.

– Это просто чудо. Никаких формальностей и очень категорично. Решение обжалованию не подлежит, – сказал Борс. – Суд происходит в обеденный перерыв. Несколько членов Ставки собираются за столом подозреваемого и задают ему вопросы. Свидетели останавливаются поболтать и затем уходят. К концу обеда, – Борс нанизал на иглу для еды семь горошин и закинул их в рот, – выносится приговор. И если подсудимый маловнимателен, он может принять все это за легкую болтовню.

Ребел быстро взглянула на Уайета. Он внезапно насторожился.

– Разумеется, я не имею никакого отношения к покрытию, так как отвечаю только за внутреннюю безопасность, – сказал он.

– Формальная отговорка, – заключил Стилихон.

Цинциннат покачал головой:

– Нет, это веский довод. Но меня больше всего волнуют все эти винтовки в резервуарах. Я считаю, что они представляют опасность для общества, и со временем мы это почувствуем. Они…

– Вы когда-нибудь ели мясо? – громко спросил Борс у Ребел. – Не рыбу или термитную пасту, а настоящее мясо. Мертвую плоть, вырезанную из трупов животных.

Ребел уставилась на него с непонимающим видом, и он игриво ткнул ее пальцем.

– Я знаю, люди ели кроликов, – промямлила она. – И кур.

– Во Внешней системе их до сих пор едят. Сам пробовал. Мертвый цыпленок – отличная еда.

Несколько граждан смотрели на Борса с отвращением. Уайет наклонил голову вперед и сказал:

– Насколько я понимаю, на Земле люди ели крупных млекопитающих: лошадей, коров, медведей, обезьян.

– Обезьян? – в ужасе переспросил Цинциннат.

– Кажется, чаще ели коров. Повара готовили их ручным способом. Сначала убивали ударом большого молотка по голове. Животное хрипит, у него подламываются ноги, и можно варить обед.

– Стоит ли продолжать этот разговор? – спросил Стилихон. – И особенно за едой.

– Но это еще не все! – сказал Борс. – Вы знаете, что внутренние органы считались деликатесом: печень, сердце и мозги. Вы удивитесь, но у мертвого животного съедобно почти все. Прямую кишку варили и подавали ее со сдобными булочками. Желудок набивали измельченными внутренностями, обжаривали и резали ломтиками, вам смешно, да? – Двое

граждан побледнели, отложили приборы и убежали. – Самое интересное, как готовили омаров: еще живыми их бросали в котел с холодной водой, и под котлом разжигали огонь. Воду доводили до кипения, очень медленно. Сначала омары бились в котле, пытаясь вырваться, но, по мере того как вода нагревалась, их движения замедлялись, и они умирали. Когда они становились ярко-красными, это был признак готовности. Оставалось расколоть панцирь и высосать мертвое мясо.

Теперь за столом остался один-единственный гражданин, Стилихон, но и его как будто тошнило.

– Мы продолжим беседу завтра, – сказал он Уайету. И, глядя на Борса, прибавил:

– Без вас.

– Вы заметили, как много членов Ставки собралось за нашим столом? – проговорил Борс, когда они остались одни. Он взял палочками котлету из личинок. – Большая честь.

Уайет встал, поклонился и сказал:

– Я ваш должник, сэр, это был очень полезный разговор. Но сейчас мне нужно удалиться. Ребел, где мы сегодня спим? Я приду примерно через час.

– Все еще в Синем ромбе номер семнадцать. Очевидно, гости имеют особые привилегии.

Уайет ушел. Ребел вернулась к еде, но оказалось, что у нее пропал аппетит. Она рассеянно тыкала палочками, но не могла заставить себя проглотить кусок. Ребел уже хотела извиниться, когда Борс, потянувшись за ломтиком папайи, шепнул ей на ухо:

– «Пеквот»[8] улетает через час. Если вы перехватите меня до того, как я покину пространство Марса, я устрою вам перелет на орбиту Земли. – Он ей подмигнул. – Подумайте об этом.

* * *

На полпути к Синему ромбу No17 Ребел встретила явного наркомана с блестящими остановившимися глазами. Он сунул ей в руки карточку. Психокраска размазалась по его лицу, но определенно сначала на нем был зеленый треугольник. Увидеть здесь такое создание для Ребел было просто открытием. Значит, на Деймосе существует целый мир порока, скрытый от посторонних глаз. С экстатическим воплем человек бросился прочь, рысцой пробежал по коридору, свернул за угол и пропал.

Ребел посмотрела на карточку. На ней ничего не было. Ребел

в изумлении провела по листку большим пальцем. В бумагу, по всей видимости, была вставлена схема эмфатической связи, потому что какой-то голос тихо проговорил:

– Идите к общественному справочному окну и приложите руку к экрану.

В воздухе на мгновение повисло большое черное колесо. Она узнала этот знак.

Земля.

Ребел снова провела пальцем по карточке, без всякого результата.

Изделие, созданное при помощи сверхчеловеческой технологии, выполнило свою задачу.

Прекрасная возможность для Уайета. Несомненно, у него бы уже были наготове предложения двусмысленных соглашений и убийственных уступок. В каком-нибудь дальнем уголке его мозга все было бы наготове – соблазнительные приманки, острые крючки, свернутые аккуратно лески. Его аргументы были бы тоньше, чем паутина, и крепче алмазной нити.

Ладно. Все это к делу не относится.

Ребел не собиралась следовать указаниям карточки. У нее хватало своих забот. Но когда она дошла до поворота, то случайно взглянула в том направлении, в котором исчез наркоман, и увидела, что его бьет группа граждан.

Двое граждан прижимали его к стене, а еще двое методично молотили его кулаками в живот, в грудь и в лицо. Они трудились в мрачном молчании. Наркоман не кричал. Он слабо улыбался, не обращая внимания на боль.

– Эй! – воскликнула Ребел. – Прекратите!

Граждане обернулись. Ребел немного смутилась, словно это они застали ее на месте преступления, а не она их, но все-таки подбежала к экзекуторам.

У граждан были непроницаемые лица. Голова жертвы свесилась на грудь, он тихо хихикал. Один из граждан выступил вперед и поднял руку, загородив Ребел дорогу.

– Уходите, – сказал он. – Вас это не касается.

– Максвелл, – удивилась Ребел. – Максвелл, это ты?

Гражданин взглянул через плечо на своих товарищей, взял Ребел за руку и повел прочь. Сначала она сопротивлялась, но потом Максвелл сказал:

– Думай головой. Ты ничего не сможешь сделать.

Они обогнули угол и пошли молча. Через какое-то время Ребел заговорила:

– Это не похоже на тебя, Максвелл. – Он насмешливо улыбнулся. – Не понимаю, как ты мог сделать с собой такое! Ты

всегда был веселым. Беспечным.

– Безответственным, – добавил Максвелл. – Да, я знаю. Когда-то мне это нравилось, но теперь я повзрослел. Все взрослеют. – Они неторопливо шли вперед, наконец Максвелл сказал:

– Это началось, когда меня похитил король Уизмон. Он не сделал меня одним из своих крутых, он назначил меня смотрителем зоопарка. В сущности, своим заместителем. Подумай об этом. Мне впервые поручили какое-то дело. И знаешь? Мне понравилось. Не сама работа, а чувство ответственности. Мне понравилось быть взрослым. То же самое дает мне гражданство. Завтра меня посылают на поверхность Марса.

– Максвелл, ты избивал человека! Это не ответственность. Это самая обыкновенная жестокость.

Прежде чем ответить, Максвелл надолго задумался.

– Исполнение долга не всегда приятно. Этого гражданина перепрограммируют, но память у него останется. Он должен запомнить, что кроме наслаждений существует боль. – Они отошли уже довольно далеко. – Но, как я сказал, тебя это не касается. Твое общежитие близко отсюда. По третьему коридору направо и прямо до конца. Ты не заблудишься.

Ребел стояла и смотрела, как Максвелл повернулся и стал медленно удаляться. Ее пронзила острая жалость. Весь этот его бред насчет ответственности!

– Максвелл!

Он остановился и нехотя оглянулся:

– Да?

– Где ближайшее справочное окно?

* * *

Гладкое белое углубление. Ребел коснулась пальцами экрана, и он зажегся. На неясном фоне вырисовывалась фигура сухощавой женщины в белой накидке, преклонившей колени на красном молитвенном коврике. Женщина подняла голову и окинула Ребел холодным взглядом бесцветных глаз.

– Сноу? – спросила Ребел.

Фигура помедлила с ответом.

– Нет. Не Сноу. Я ее тень.

– Вы… Тень?

Быстрый, как у ящерицы, поворот головы, скупая улыбка.

– Да, Тень. Самое подходящее имя. Зовите меня Тень. Я – послание от Сноу. Она полагает, что понадобится небольшая беседа, чтобы вы поверили в общность ваших с ней интересов. Но все члены ее организации далеко и не могут установить с вами связь. Поэтому она создала меня.

– Не понимаю. Кто вы?

– Я ОИскИн, предназначенный для взаимосвязи, то есть Ограниченный искусственный интеллект. Временное воплощение Сноу. Я наделена человеческим сознанием и могу беседовать с вами на отдельные темы. Однако я не обладаю сведениями, которые не относятся к делу, и не могу отвечать на неуместные вопросы. Пожалуйста, имейте это в виду во время разговора.

– Значит, вы не скажете мне, едят ли мясо мертвых животных?

– Вы выходите за пределы данной программы. – Тень сделала жест. – У нас мало времени. В Ограниченный искусственный интеллект закладывают фактор распада. Программисты называют это вирусом. Скоро я умру независимо от того, передам я вам послание или нет.

В глазах ящерицы на миг промелькнуло чувство. Ребел, кажется, знала его природу.

– Сколько у вас осталось времени? – мягко спросила она.

– Мы уже израсходовали попусту треть моей жизни.

– Ладно, хорошо, я вас слушаю! Что за послание?

– Вы должны быть очень осторожны, когда войдете в свою комнату. Синий ромб номер семнадцать. Там лежит тело. Может быть, оно еще не совсем мертвое.

– Что? – Ребел ухватилась за стену. Прохладную и шероховатую. Почувствовав под рукой твердую поверхность, она успокоилась. – Я не…

– Сноу вас предостерегает. Комбин вами манипулирует. Вами и вашим другом тетроном. Они убедили Ставку, что вы шпионы корпораций и занимаетесь промышленным саботажем. Они придумали правдоподобные объяснения всем вашим поступкам, чтобы изобличить вас в преступных замыслах. Они сфабриковали улики. Это тело – одна из улик. Его обнаружат через шесть часов, и оно аккуратно состыкуется с другими сфабрикованными доказательствами вашей вины. Записи из банка данных покажут, что убийство могли совершить только вы. Ставка прикажет стереть ваши личности, а ваши тела приговорят к грубому физическому труду.

– Погодите, погодите! Это же бессмысленно.

– Важно запомнить, что жертва, возможно, еще не умерла. Подстроить убийство оказалось трудно даже для Комбина, и не

исключено, что, когда вы войдете, пострадавший будет еще жив. В этом случае он будет чрезвычайно опасен.

– Это невероятно. В каком смысле опасен? Почему?

– Вы выходите за пределы данной программы. – Тень несколько секунд помолчала, а затем спросила:

– У вас есть еще вопросы?

– Нет. Нет… Наверно, нет.

– Пожалуйста, подумайте хорошенько. У меня немного времени. Если вам кажется, что вы в силах уничтожить улики или с успехом защитить себя, представ перед судом Ставки, прошу мне об этом сообщить, чтобы я могла вас разубедить. У меня есть соответствующая информация. – Изображение заколебалось, по экрану пробежала рябь. – У меня есть соответствующая информация. – На бледном, угасающем лице отразилась тоска. – Вы должны взаимодействовать со мной. Очень тяжело знать, что умираешь, но еще хуже умереть, не достигнув цели.

– Хорошо. Поговорим о цели. Почему комбины так со мной поступают? Какая им от этого польза?

– Вас принуждают к побегу. Вы поймете, что вам негде спрятаться на орбите Марса. Проверка деклараций в космопорте покажет, что все корабли, улетающие в ближайшие шесть часов, направляются на орбиту Земли. Не знаю почему, но комбины хотят заставить вас лететь на Землю.

– Я знаю почему, – угрюмо проговорила Ребел. – Теперь мне все ясно. Я только не имею понятия, что делать.

По экрану побежали волны, изображение задрожало, точно Тень спустилась глубоко под воду. Когда изображение выровнялось, она сказала:

– Мои силы на исходе. Скажите мне. Я сослужила вам службу? Я помогла вам избежать козней комбинов?

– Ты глупая программа! Сноу работает на комбинов. Она не хочет помочь мне спастись. Она просто хочет, чтобы я попала в руки комбинов целой и невредимой.

– А-а, – протянула Тень. – Это интересно. Очень…

Помехи поглотили изображение.

Когда экран прояснился, Тень пропала.

* * *

Из коридора был виден угол ниши и неестественно застывшие ноги. Ребел заставила себя заглянуть внутрь. Там

лежал мужчина, накидка закрывала его голову, на теле засохла кровь. Камень под ним покрывали липкие красные пятна. Похолодев, Ребел сказала:

– Привет!

Накидка зашевелилась, и из ее складок показалась слабая рука. Рука заканчивалась культей, темной от запекшейся крови. Над культей был повязан жгут, а выше грубо сделанный противоинфекционный барьер. Еще с порога Ребел почувствовала запах разлагающейся плоти.

Рука два раза дернулась, пытаясь отбросить накидку, третья попытка увенчалась успехом, и перед Ребел предстало бледное лицо с разинутым ртом. Розовые веки медленно приподнялись, мужчина глубоко и судорожно вздохнул.

На Ребел смотрели затравленные глаза.

Ежи Хайсен умирал.

– Да, маленькая, – тихо произнес он. – Далеко же мы с тобой забрались.

В коридорах стояла тишина. Не слышно было даже шума землеройных машин. Очевидно, сегодня она и Уайет – единственные обитатели этого общежития. Ребел хотелось развернуть накидку Хайсена, расправить ему ноги и руки, устроить его поудобнее. Но она продолжала стоять на пороге.

– Что произошло, Ежи?

Глаза его устало закрылись.

– Глупость. Глупый несчастный случай, нарочно и не придумаешь. – Он судорожно закашлялся и через некоторое время заговорил снова:

– Меня искромсала никем не управлявшаяся кибершвабра. Бред какой-то, правда? Оператора, видимо, не было на месте, здесь за такие ошибки казнят. Этого не могло случиться. Я упал на эту хреновину, одна из щеток развернулась и заехала мне вот сюда. Теперь там, скорее всего, кровавое месиво, да? – Ребел кивнула. – Изуродовало спину так, что и посмотреть, наверное, страшно. Думаю, у меня перелом позвоночника.

– Я позову врача, – предложила Ребел. Она не могла пошевелиться.

– Бесполезно. – Глаза открылись, бесконечно грустные глаза. – Я держусь за счет семи капсул стимулятора. Достаточно, чтобы оживить покойника. Такая доза разрушает тело. – Он тихо засмеялся. – Семь капсул. Своеобразный рекорд. Послушай. Я принял наркотик, и я умираю, и, может, из-за этого поставленный мне психоблок больше не действует. Я хочу тебе кое-что сказать. Они не хотят, чтобы ты это знала.

– Да? А что? – спросила Ребел.

– Это важно. «Дойче Накасоне…» – Голос упал до шепота, но Ребел не придвинулась к Хайсену. После минутного молчания он чуть-чуть повернулся и прохрипел:

– Подойди поближе. Я не могу… не могу громко говорить.

– Нет.

– Это важно. – Хайсен опять закашлялся, в глазах показались слезы – он страдал. – Обязан сказать…

– Перестаньте. Меня на такое не поймаешь.

– Ближе, – прошептал он.

Ребел медленно опустилась и села на пол. Она оперлась головой о каменную стену, сложила руки на груди и молчала. Хайсен свирепо смотрел на нее.

Что-то дикое и безумное сквозило в его неподвижном взгляде, в глазах отражалась работа мысли, которая билась в капкане, будто маленькое животное, готовое отгрызть лапу, чтобы вырваться на свободу.

– Итак, – наконец проговорил он. – Итак. Ты думаешь, что… ты такая хитрая сука.

Он слегка приподнялся, и рука, зажатая между спиной и лежанкой, освободилась. Пальцы сжимали нож. Лихорадочным движением Хайсен бросил его в Ребел. Она откинулась назад, и лезвие просвистело мимо.

Через мгновение оно тихо звякнуло о каменную стену.

Вытянутые пальцы Хайсена указывали прямо на Ребел, у него не было сил убрать руку.

– Хитрая! – сказал он. – Но это не дает тебе права так обращаться со мной.

Ребел поджала ноги и встала. Она была вне себя от гнева.

– Право обращаться… Я знать бы вас не знала! Чего вы хотите от меня? Вы надеетесь, что я решу покончить с собой? Вы что, ждете, чтобы я принесла вам нож и встала поближе? Чтобы вы перерезали мне горло, да?

Ее трясло.

Хайсен с жалобным видом кивнул:

– Да, пожалуйста.

– А долбись ты конем!

Наконец Хайсен закрыл глаза. Но его рука по-прежнему отчаянно тянулась в пространство, пытаясь схватить пустоту. Голова запрокинулась назад.

– Ты и «Дойне Накасоне»! – пробормотал он. – Вы, как два жернова, истерли меня в порошок. На хрена ж вы меня убили?

Голос стал затихать.

– Эй, послушайте…

– Чтоб вы сдохли, – глухо проговорил Хайсен. – Чтоб все вы

сдохли.

* * *

Они едва нагнали «Пеквот», еще час – и корабль покинул бы зону Марса. Ребел ожидала погони, но их никто не преследовал. Должно быть, никто не заметил пропажи катера. Но все равно несколько часов при перегрузке 2,5 – далеко не сахар. На Деймосе можно было украсть что угодно, кроме антиперегрузочных сидений. Их просто там нет. Вероятно, граждане обязаны переносить неудобства стоя.

Когда они поравнялись с кораблем, Ребел не могла скрыть удивления.

– Это что, он?

– Да, впечатляет, – согласился Уайет.

На конце толкателя одноразового термоядерного двигателя «Рабочая лошадь» громоздилось очень странное сооружение. Ребел никогда не видела ничего подобного. Оно немного напоминало дом времен королевы Анны, построенный в условиях невесомости свихнувшимися архитекторами. Все перепуталось: башни и выдающиеся вперед беседки, фонари, веранды и восьмиугольные крыши торчали со всех сторон. Ребел искала глазами вход, натыкаясь на чешуйчатую кровлю, мансардные окна и площадки для прогулок на крыше. И под этим фасадом – холодильный корабль.

– Как ты думаешь, где тут шлюз? – спросила она Уайета.

– Видишь вон тот тюдорский портик? – сказал Уайет. – С веерообразным витражом? Вход там.

– Да? Почему там?

– На двери медная табличка. – Он отдал приказ катеру состыковаться с «Пеквотом», подождать десять минут и затем возвращаться на исходную орбиту. – Хватай вещички.

Шлюз открылся, и перед ними предстала богато обставленная комната: на стенах гобелены, на обшитом панелями потолке – гравюры, и везде обычная при нормальной силе тяжести мебель. Сидевший в кресле у камина Борс поднял голову и отложил в сторону книгу:

– Я так и думал, что это вы. Заходите, присаживайтесь. Давайте я помогу вам с коробками. – Он принюхался. – У вас там что, органика?

Уайет выбрал из груды две коробки.

– Это нужно слегка заморозить. Остальное можно просто убрать.

– Хранение, пожалуйста.

Дверцы кладовки отворились, и через минуту все было уложено. Ребел и Уайет повесили накидки в стенной шкаф около двери.

– Добро пожаловать в мое скромное жилище.

Ребел села в кресло, просунула ноги в отверстия и откинулась на спинку.

– Красиво, – сказала она.

Камин обвивал плющ. По кирпичам, по зеленым листьям скатывались капли воды. Внизу вода распадалась на кислород и водород, и газы подпитывали весело горящий огонь. Водяной пар поднимался по дымоходу, охлаждался и вновь стекал по кирпичной стенке. Ребел никогда такого не видела, зрелище мерно стекающей воды завораживало.

У себя на корабле, вдали от посторонних глаз, Борс носил не только жилет, но и короткие зеленые штаны и ярко-красные гольфы. Он закрывал все тело почти так же нарочито, как обитатели дайсоновских миров.

– Вы предпочитаете, чтобы я снял одежду? – заботливо спросил он. – Чтобы вы чувствовали себя как дома.

– Нет, мы без предрассудков, – ответил Уайет.

Он уселся в кресло и стал лениво разглядывать пластмассовых наполеоновских солдат, выставленных на стоящем рядом с ним столике.

– Можете завернуться хоть с ног до головы в простыню, мы и глазом не моргнем.

– Ну, тогда оставим все как есть, – сказал Борс. – Вы понимаете, что меньше чем через час мы окажемся в невесомости? Если кто-нибудь из вас хочет принять душ…

Ребел подняла глаза:

– Душ?

* * *

После душа она почувствовала себя намного лучше. Напряжение ушло, пришел покой. Ребел вытерлась, оделась и через темный, обшитый деревом коридор вернулась в гостиную. По дороге ей несколько раз хотелось свернуть и пробраться в отдаленные помещения корабля, но у нее не было времени. В

гостиной мужчины уже разговаривали, как старые друзья.

Борс и Уайет обсуждали литературу и войну.

– Вы должны понять, что техника развивалась с огромной скоростью, – говорил Борс. – Как только Земля приобрела сознание, она пустила все свои ресурсы на наиболее эффективное распространение техники. Скажем, в марте установили первый приемопередатчик, а к Рождеству вся Земля уже составляла единое целое. За пределами планеты догадались, что произошло, только тогда, когда взлетели первые боевые корабли. Как сказал один юморист – когда осы бросились им в лицо.

Ребел придвинула кресло поближе к огню, села и подтянула колени к подбородку. Ей было тепло, удобно и спокойно, она обняла ноги руками и стала смотреть, как играют огненные блики на лице Уайета.

– Да, но при чем тут это? В то время вне Земли жили сотни миллионов людей. Не может быть, чтобы они не взяли с собой книги. Если что-то и потерялось за время войн, так какие-нибудь незначительные работы, которые нет смысла и восстанавливать. Но предположение, что утрачены выдающиеся литературные произведения?.. Это сказки.

– Нет, нет, мы говорим об историческом периоде крайнего бескультурья. Эмигранты первого столетия не были лучшими представителя Земли. Художественная литература снова вошла в моду только после колонизации Внешней системы. Поверьте мне, когда месяцами торчишь в крошечном корабле без заморозки, начинаешь ценить Энтони Троллопа. Жалко, что к тому времени половина его книг пропала.

– Но лучшие уцелели. Те, которые люди действительно любили читать.

– Не обязательно. Имейте в виду, что сто пятьдесят лет назад большинство сведений хранилось в электронных устройствах, а первый удар Земля нанесла по банкам данных. В начальный месяц войны, прежде чем отступить на свою территорию, Земля внедрила во все значительные информационные сети Внутренней системы Искусственный интеллект. Эти сети пришлось уничтожить. Некоторые даже говорят, что без Ванга и Маленкова…

– Мне кажется, что Маленков сам был не человек, а Искусственный интеллект.

– Зато патриот.

– Да, конечно.

– Ну, как бы там ни было…

Ребел положила подбородок на колени, слегка повернула голову набок и с удовольствием слушала. Ей было уютно, ее

переполняло счастье и в то же время грусть. Она наслаждалась теплом очага и не вникала в смысл слов: они представлялись ей милым, неразборчивым журчанием знакомых голосов, интонации плавно то повышались, то понижались. Это было прекрасно. «Остановись, – молила она. – Пусть это мгновение длится вечно!»

– Вот пример, из которого вы поймете, что я имею в виду, – сказал Борс. – Слушайте:

> …и мы
> Одни, среди надвинувшейся тьмы,
> Трепещем: рок суровый погрузил
> Нас в гущу схватки первозданных сил.[9]

Здорово, да?

– Потрясающе. Но что вы хотите этим сказать?

– Это из «Дуврского берега» Мэтью Арнолда. Но в единственном сохранившемся экземпляре этого стихотворения всего четырнадцать строчек, отрывок с описанием берега, в нем нет строк, которые я процитировал. В критической статье, из которой ученые выкопали строчки о «надвинувшейся тьме», говорится, что это была большая поэма. По уцелевшему отрывку этого не скажешь. – Борс вздохнул. – Если бы я смог найти оригинал, я бы сделал карьеру.

Уайет рассмеялся и поднял руки.

– Сдаюсь! Вы совершенно правы. В пыльных уголках Земли, несомненно, спрятаны тысячи рукописей, хранящие затерянные сокровища. Новые трагедии Шекспира, тома хокку Басе, полная «Илиада», приложения к очеркам Кпомасси об ответственности культуры.

– Я вовсе не претендую… – Раздался нежный перезвон колокольчиков, и огонь погас. Вода перестала течь, камин ушел в стену и спрятался за покрытыми эмалью створками. – Смотрите, который час! Мы входим в общее пространство. Приготовьтесь.

И тут, в точно заданный момент, двигатель потух, и сила тяжести исчезла. На какой-то миг перед глазами Ребел все закружилось, и она перестала различать, где верх, а где низ. По холодильному кораблю пробежал легкий шорох, и развернулся световой парус. Ребел тошнило, она сдерживала рвоту. Чтобы не упасть, она крепко вцепилась в ручки кресла. А потом дурнота прошла. Ребел отпустила кресло и взлетела.

– Так, – сказал Борс. – Поскольку у нас нет ни еды, ни кислорода, ни желания обходиться без них, пора замораживаться. Признаться, мне жаль прерывать наш разговор, но, возможно, мы возобновимого через несколько месяцев на орбите Земли. Гробы,

пожалуйста.

Из пола тихо выросли три черных гроба. Ребел в испуге посмотрела на них.

Она была не готова уйти. Заснуть на несколько месяцев, пока корабль будет летать среди планет.

Умереть.

Как испытательница психосхем (а Эвкрейша была настоящим профессионалом), Ребел знала, что ее личность не выдержит замораживания. Настанет мгновение пробуждения, краткий миг, когда сознание человека отключено. Полностью свободное от желаний и своего "я" человеческое существо ищет путь в пустоте, затем обретает индивидуальность м вновь становится собой. Проводились исследования, результаты были всегда одинаковы. Когда существует выбор из двух и более личностей, побеждает сильнейшая. При изучении психодиаграмм сила личности измеряется объемом воспоминаний.

А воспоминания Эвкрейшй теперь восстановились полностью.

Уайет повернулся к Ребел и стал что-то ей говорить. Она покачала головой, он умолк. По его застывшему лицу Ребел поняла, что Уайет тоже впервые посмотрел правде в глаза.

– Я что-то упустил? – переводя взгляд с Ребел на Уайета и обратно, спросил Борс.

Ему не ответили. Ребел отвернулась и направилась к дальнему гробу. Осмотрела его и открыла крышку.

– Солнышко… – задыхаясь от волнения, начал Уайет.

– Не надо.

Ребел легла в холодильную камеру. Подкладка была серой и жесткой, со всех сторон торчали какие-то устройства. Ребел немного поерзала, отодвинула врезавшиеся ей в бок провода. На Уайета она так ни разу и не взглянула.

Ребел хотела ему сказать, что ей было с ним хорошо. Что она любила его. Что она ни о чем не жалеет… Ну, насчет последнего она не уверена. Она о многом жалеет. Но она знала, что если сейчас начнет говорить, то не сможет остановиться.

Больше всего Ребел хотела на прощание поцеловать Уайета.

Наверное, так лучше. Уйти сразу, вдруг, чем медленно гнить, пока от нее ничего не останется, а ее место займет другая.

Остается лишь закрыть крышку. В пяти местах в нее вонзятся иголки, внезапная холодящая боль от уколов почти тут же перейдет в онемение, и оно охватит все тело. Защитное желе потечет внутрь; насколько возможно, она задержит дыхание, лотом откроет рот и вдохнет желе, и задохнется, а потом... пустота.

Против воли Ребел подняла глаза и увидела лицо Уайета.

Строгое, сдержанное выражение скрывало овладевшие им ужас и боль. Ей показалось, что он вот-вот заплачет.

Рука Уайета потянулась к ней. Он стал наклоняться вперед. Ребел знала, что, если он дотронется до нее, даже слегка, она не удержится и даст волю чувствам.

Ребел подняла руку и захлопнула крышку.

Глава 11. МЕЖДУ ЛУНОЙ И ЗЕМЛЕЙ

Ее сковал лед.

В совершенной вселенной царили тишина и прохлада. Вокруг нее неощутимо менялась мощность электрических цепей. Ей было спокойно. Прибор нежно протолкнул в ее горло тонкую трубку и отсосал разжиженное защитное желе. Раздался беззвучный гром; лед, тронутый теплом, содрогнулся и начал раскалываться. Иголки коснулись ее в семи местах и укололи. Но она не узнала ощущения боли. Теперь она выплывала наверх из-под полярного льда. Она нажала на мембрану включения сознания, перегородка подалась под ее рукой и разбилась вдребезги, впустив поток белой пены.

Задыхаясь, она вырвалась на поверхность и оглохла от непонятного грохота. Воздух обжигал холодом. Она глотнула этого воздуха, и он опалил ее легкие.

Борс открыл гроб, и она проснулась.

– Приветствую вас, – улыбаясь, произнес Борс. – Добро пожаловать в мир живых.

– Я… – начала она и покачала головой. – Это было…

– Уайет сказал, что сначала вам будет трудно сориентироваться. – Борс протянул ей руку, и она выплыла из гроба. – Пожалуйста, откройте коридор. В «Пеквоте» есть небольшая часовня, может быть, лучше назвать ее комнатой для размышлений. Если хотите, можете отдохнуть там в одиночестве и собраться с мыслями.

Но она не испытывала никаких трудностей. Напротив, ее сознание было поразительно ясным. Она воспринимала все со сверхчеловеческим пониманием, мысли следовали одна за другой так быстро, что она не успевала облечь их в слова. Ей казалось, что она родилась слепой и только сейчас прозрела. Откровение ее ошеломило.

– Было бы неплохо, – ответила она. – Нет. Пожалуй, я так и сделаю.

Борс оставил ее в маленькой круглой комнате. Одна из стен представляла собой экран; кроме того, в помещении находилась реденькая решетка гравитационной теплицы. Между прутьями буйно разрослась зелень, пышные ветки растений тянулись во все стороны. Два бурых листика плавали в воздухе, и она немножко подвинулась, чтобы по-братски поделиться с ними пространством. Она была с ними на равных, с этими листьями. На стене отражался внешний мир: с одной стороны сине-белая Земля во всей своей красоте, с другой – старая унылая орбитальная

колония. Рядом с ее пригородными резервуарными поселками, фермами и заводами суетились астронавты в простых скафандрах. Корабль проник в самую гущу колонии, висящей между Луной и Землей.

Она медленно сосредоточилась. Что-то было не так, но она ощущала такое счастье, что ей было все равно. Обещание свободы кипело в ее крови, веселое и острое, как пузырьки шампанского. Полный набор воспоминаний Эвкрейши и те немногие воспоминания Ребел, которые были использованы для скрепления ее личности, твердо встали на место заодно с их единственным общим переживанием: минутой восторга, в которую Ребел заполнила мозг Эвкрейши и с радостной целеустремленностью опрокинула на программер стакан воды. Теперь она знала, что сделала это потому, что была дочерью волшебницы, и понимала, что значит быть дочерью волшебницы. Свет этого яркого мгновения, когда вода извивалась в воздухе, как алмазный дракон, все еще ослеплял, не давал увидеть ей цель, но это не имело значения. Она знала нечто гораздо более важное.

Она осталась Ребел!

* * *

– Где Уайет? – Ребел влетела в гостиную. – Мне с ним надо поговорить. Это важно.

Ей хотелось петь.

Борс висел в воздухе около секретера, проверяя какой-то список. Ребел ворвалась в комнату, когда он убирал акварель обратно в папку. Борс вздрогнул и поднял голову. Он осторожно положил папку в низенький ящик и задвинул его. Выключил компьютерную записную книжку и сунул ее в карман жилета.

– Ну… – начал он.

– Это... это лучше, чем родиться!

Ребел прикоснулась к стене и со смехом стала кружиться в воздухе, пьяная от свободы. Опыт работы со всей определенностью утверждал, что она не может проснуться Ребел, что это просто чушь. Лесоводы не могли создать личность, которая выдержала бы замораживание. Но если произошло чудо, кто ж станет жаловаться.

– Где Уайет? Он спит? Разбудите этого поганца!

– Гм. – Борс кашлянул в кулак. – Вы... э... вы понимаете, что он не хотел присутствовать при вашем пробуждении?

– Конечно, не хотел. Я знаю! – нетерпеливо отмахнулась Ребел.

– Пожалуйста, закройте секретер. Видите ли, мы договорились, что я разбужу вас на день позже, чем его. Он улетел.

– Улетел? – Мир как будто потускнел, воздух слегка холодил кожу. – Куда улетел?

– Не имею ни малейшего понятия, – смущенно пробормотал Борс.

* * *

Гисинкфор представлял собой допотопную Берналову сферу с кольцами окон, опоясывающими полюса вращения. Окна и рефлекторы колонии не чистили годами, и внутри царила сумеречная мгла. Но из-за плохого ухода половина холодильников не работала, так что то на то и выходило. Чистые окна привели бы только к перегреву внутренних помещений. По крайней мере Борс так объяснил. Некоторые воздухоочистители тоже, вероятно, сломались, потому что воздух отдавал вонью и затхлостью. Здания средней высоты, от десяти до двадцати этажей, тянулись вдоль склонов от экваториального Старого города почти до самых окон.

– Какой дурак построил целиком искусственную среду и заполнил ее зданиями, предназначенными для поверхности планеты? – проворчала Ребел.

– Где ваше чувство истории? – покачал головой Борс. – Это один из первых контейнерных городов. Тогда люди еще не могли все продумать. Посмотрите-ка сюда!

Он пересек площадь, направляясь туда, где стояла гигантская базальтовая лунная скала, обтесанная в форме грубого каменного топора. Сотни вырезанных в камне лиц со страхом и отчаянием выглядывали из глубины скалы и сливались друг с другом. Борс медленно прочитал старинную надпись на испанском языке у подножия скалы.

– Это памятник жертвам войны, миллионам, взятым в плен и поглощенным Комбином. Комбины устроили здесь центр переработки, они заталкивали свои жертвы в подъемные механизмы и сбрасывали в атмосферу. Крайняя жестокость. Выжило меньше половины, и их поглотила Земля.

Ребел беспокойно оглядела грязную площадь. Людей почти

не было. Дряхлая астронавтка в рваном скафандре заковыляла к ним с протянутой рукой. Скучающая женщина в полицейской форме наблюдала за ними. Ребел взяла Борса под руку:

– Ну ладно. Это было давно. Давайте уйдем отсюда.

Борс повел ее в глубь Старого города к экваториальному морю. Море оказалось полоской стоячей воды шириной с земную реку, оно осталось со времен основания Гисинкфора, когда воду откачивали вверх и она стекала обратно живописными ручейками. Половина выходящих фасадом на море зданий была пуста, окна покрылись копотью, но встречались здесь и кафе, и грязные лавки, и магазины. Улица была шумная и яркая от музыки и голографической рекламы – настоящая маленькая местная Гиндза. Именно здесь находились полуподпольные психохирургические заведения. Прохожих было немного, и выглядели они довольно подозрительно. Прямо по луже промчался трехколесный мотоцикл. Ребел рванула Борса за рукав, спасая от грязи, веером брызнувшей из-под колес.

– Хватит, насмотрелась я. Теперь поищем мне комнату.

Они повернулись спиной к черной воде и поплелись вверх по склону. Кибертакси, увязавшееся за ними в тщетной надежде заполучить пассажиров, быстро отстало. Здесь и там на глухих стенах и обшарпанных домах мелькала реклама корпораций. Немногие еще не разбитые громкоговорители обольстительно ворковали.

– Не спешите покидать «Пеквот». Я вполне могу вас приютить на неделю-другую.

На руке Ребел был браслет из слоновой кости, который Уайет дал ей в шератоне. Она дотронулась до браслета, и тусклый шар превратился в волшебный город, пронизанный желтыми энергетическими линиями и горящий красными и голубыми огнями. На верхней улице Ребел заметила сороконожку, состоящую из комбинов, связанных друг с другом линиями электромагнитного взаимодействия. И глубоко под кожей Борса блестели, молча дожидаясь своего часа, хитроумные устройства. Чем бы ни оказались эти приспособления, простому торговцу антикварной информацией они не нужны.

– Вы очень великодушны, но, сидя на корабле, я не найду Уайета. Послушайте, если вы его увидите, передайте ему, пожалуйста, мои слова. Скажите ему, что я дочь волшебницы.

– Он поймет, что это значит?

– Нет, но ему станет интересно, и он выяснит.

Они продолжали идти молча. Борс то и дело бросал взгляд на Ребел, словно пытаясь прочитать за свежей психораскраской ее мысли. Ей нравился Борс, она хотела ему доверять, но Эвкрейшу

много раз предавали друзья, и Ребел все это помнила. Она не желала повторять ошибки Эвкрейши.

Завернув за угол, Ребел увидела перед собой тридцатиметровой высоты ноздрю и слегка попятилась: у нее закружилась голова. Предметы на рекламных экранах приобретали порой гротескные размеры. Океаны омывали здание, а шесть невероятно длинных ногтей рассекали экран и вонзались в помидор. Эвкрейша была знакома с символикой рекламы, но знаки корпораций государств, расположенных между Луной и Землей, отличались от эмблем кластеров, и она не могла их расшифровать. Помидор брызгал кровью.

– Кто здесь у власти? – спросила Ребел. – Какое тут правительство?

Борс пожал плечами:

– Кто его знает.

Они приблизились к обсидиановому зданию и вошли в вестибюль. Киберохранники поднялись на дыбы, повернули к Борсу и Ребел головы и вновь опустились. Из тени появился толстяк с новехонькими руками, они были розовые и до смешного тонкие. Спросонья он не мог открыть глаза. Синие волосы на груди были выкрашены под цвет галстука-бабочки.

– Да?

– Я хотела бы снять комнату, – сказала Ребел. И затем, так как она не осмелилась назвать свое настоящее имя, но хотела, чтобы Уайет смог ее отыскать, добавила:

– Меня зовут Солнышко. – Она пожала плечами, показывая, что фамилии у нее нет.

Толстяк хрюкнул и вытащил обмазанную жиром стеклянную пластинку.

– Приложите руку сюда. Так, хорошо. Поднимайтесь на третий этаж, там одна дверь загорится синим. Это будет стоить сорок пять минут в день.

– Нормально. – Ребел взяла у Борса свой ящик. – Обещайте, что будете время от времени заглядывать ко мне, Борс. Мне будет очень приятно.

Он кивнул, подмигнул, улыбнулся и ушел.

Толстяк обернулся:

– Он что, борс?

– А?.. Да.

Толстяк улыбнулся:

– Один из них как-то мне помог. Когда увидите его, скажите: если ему нужна комната, я сделаю скидку.

* * *

Ребел устроилась на работу в учреждение под названием «Мир мозга». В первой комнате лежали груды устаревших психосхем и висело несколько полок с современными моделями, но прибыль приносила лишь находившаяся в дальнем помещении модельная мастерская. Неудачники, гонимые паранойей и отчаянием, искали здесь хоть какую-то психохирургическую помощь. Утомленные, иногда дрожащие, они заходили сюда купить смелость, отвагу или даже безрассудство, необходимые им, чтобы справиться со своими делами. Бывали здесь беглецы, желавшие приобрести другую, отличную от прежней, манеру скрываться и уходить от преследования. Неудачники, ищущие никак не попадающуюся им выигрышную личность. Иногда встречались искатели приключений, собиравшиеся отправиться на Землю по спусковой трубе, чтобы нажить крупную сумму на каком-нибудь сомнительном дельце, но они должны были платить очень дорого, так как им требовалось программирование, запрещенное законом. Когда Ребел устраняла последние следы сострадания или страха, когда их глаза начинали светиться хитростью, а реакции ускорялись до предела, в них оставалось так же мало человеческого, как в комбинах.

Через несколько дней Ребел уже могла с первого взгляда определить, кто за чем пришел. Через неделю ее перестало это интересовать. Все клиенты для нее стали одинаковы. Она заходила в маленькую комнату с деревянной обшивкой, где одну стену занимали платы психосхем, и углублялась в работу. Тоже создание новых умов, но в грошовом варианте. Эвкрейша была мастером своего дела. За полтора часа она могла выбрать и подогнать в соответствии с требованиями заказчика любую личность, и это приносило ей профессиональное удовлетворение. Работа ей нравилась. Она не хотела даже думать о том, что станет с ее клиентами, но всегда трудилась на совесть.

В «Мире мозга» работали еще два мастера. Бледный, нервный мужчина с длинными пальцами, который всегда опаздывал. И высокая полная женщина по имени Хадиджа. У нее были темные глаза и циничный рот, и она крутила роман с бледным, нервным мужчиной.

Однажды, когда Ребел проработала уже с две недели, нервный мужчина не пришел вообще. Ребел только успела уложить последнего клиента на койку и подключить к программе, как вдруг занавеска распахнулась и в комнату вошла Хадиджа. Раньше она никогда не заглядывала. Она ходила по комнате,

клиент, мужчина-проститутка, стремящийся оживить свой интерес к сексу, следил за ней и бессмысленно улыбался.

– Закройте глаза, – сказала ему Ребел. – Хорошо. Можете представить себе единорога?

– Нет.

– Гм-м.

Ребел достала одну из плат и поместила ее в звуковую ванну. Пока прибор выбивал из пластинки микропыль, Ребел размышляла о том, что, если бы ей дали волю, она окончательно убила бы в этом создании интерес к сексу и парень вышел бы из этой комнаты свободным. Он бросил бы свое ремесло и никогда бы о том не жалел. Но Эвкрейша ни за что не стала бы вмешиваться в дела клиента без разрешения, а Ребел начинала прислушиваться к профессиональному суждению своей напарницы. Ребел поставила плату обратно.

– А теперь?

– Да.

Хадиджа провела пальцем по полке с платами: они застучали, ударяясь о разделительные перегородки. Женщина отошла к порогу и встала там, приподняв занавеску.

– Ладно, – наконец сказала она. – А как насчет надраться со мной после работы?

После работы Ребел обычно проверяла дома, нет ли для нее сообщений, а потом бродила по улицам Гисинкфора, знакомясь с их расположением и разыскивая Уайета. До сих пор она не нашла никаких серьезных подсказок, но сделала еще не все. И ей вовсе не хотелось пить. Но Ребел вспомнила, как Эвкрейше иногда хотелось с кем-нибудь напиться, а под рукой никого не оказывалось.

– Конечно, – ответила Ребел. – Как только я кончу с этим.

Хадиджа кивнула и вышла.

– А сейчас… – Ребел подняла руку. – Сколько вы видите пальцев?

– Четыре.

Она подсветила стену.

– Цвет голубой или зеленый?

– Голубой.

– Хорошо. Еще один вопрос. – На стене появилось изображение. Это был Уайет. – Видели когда-нибудь этого человека?

– Нет.

– Хорошо, вы выдержали испытание.

Ребел вздохнула и, сделав последнюю проверку на цельность, включила программер. Парень вздрогнул и закрыл глаза,

программа начала действовать.

* * *

Для начала они отправились в темный маленький бар «У воды», излюбленное заведение психохирургов, и сели у окна, чтобы смотреть на прохожих. Хадиджа выпила две первые кружки вина в мрачном молчании и, когда они опустели, стала стучать по столу, требуя еще. Отпив половину из третьей, она проворчала:

– Мужики, называется.

– Да уж точно.

– Даже говорить не хочется.

Ребел лениво глазела в окно и вдруг увидела, как какое-то существо подкралось, схватило с тротуара отбросы и быстро скрылось в тени. Длинное тощее животное, покрытое серой шерстью.

– Ну надо же! – сказала Ребел. – Ты видела? Здесь водятся кошки!

– Да, от них деваться некуда. Живут в заброшенных зданиях. Правительство вылавливало их при помощи механизмов, большие такие хреновины, размером, наверно... с собаку, но дети бросали их в воду, чтобы посмотреть, как они коротятся. Это было давно, когда я была маленькая. – Хадиджа рассмеялась:

– Видела бы ты, как из них искры сыпались!

– Скажи мне вот что. Почему это никто не знает, какое в Гисинкфоре правительство?

– Да. Никто не знает. – Потом, отвечая на взгляд Ребел:

– Это правда. Одни считают, что это Земля управляет всеми городами-государствами через своих представителей. Другие думают, что правительства скрываются из страха, что их захватят комбины. А некоторые говорят, что полиция не подотчетна никому, что это просто еще одна банда. Ведь они каждую неделю собирают деньги за охрану порядка. И никто не знает, чем они руководствуются. Что-то сходит людям с рук, но не всегда. А бывает, люди навсегда исчезают. Думаю, правителям очень удобно делать дела, когда никто их не знает.

– Но это какой-то бред. Кому тогда жаловаться, если что-то не так?

– Вот именно. – Хадиджа сунула палец в кружку и поболтала вино. – Лучше всего глядеть в оба и не нарываться.

– И как же это делается?

Хадиджа засмеялась и покачала головой:

– Пошли куда-нибудь еще.

Они вылезли из окна, прошли по узкому выступу, поднялись по ржавой лестнице на крышу в ярко освещенный сад, где порхали бабочки (Ребел спросила: «Ты уверена, что мы правильно идем?» – «Положись на меня», – ответила Хадиджа), потом миновали пешеходный мостик и спустились в погребок под названием «Пещера». Там они уселись за стол, устроенный на усеченном сталагмите, и Хадиджа потребовала вина. Ребел оглядывала переполненную темную комнату.

– У меня такое ощущение, словно мы никуда и не уходили.

– Ты совершенно права. – Хадиджа заплатила за вино и подняла кружку. – Слушай, Солнышко. Откуда у тебя такое аристократическое имя? Я хочу сказать, ты ведь не местная. Никогда не поверю, что местная. Я живу тут всю жизнь, я знаю.

В вине были намешаны эндорфины. Ребел пришла в приподнятое настроение, но в то же время как бы отстранилась от происходящего. Ее защищала нежная, мягкая дымка. Теперь ничто ей не могло повредить.

– У меня аристократическое имя?

Дома, на Тирнанноге, имея стакан эндорфинов, можно творить чудеса, создавать причудливые смеси из чувств и воображения. Но по эту сторону Оорта знают лишь примитивные биотехнологии.

– Ну да, знаешь, Космос Старчайлд Биддл или Галактика Спейслинг Тойокуни. Когда люди еще только поселились за пределами Земли и от радости с ума посходили, они давали детям такие идиотские имена.

– Мне просто надо было как-то назвать себя. Меня разыскивает куча людей, а я не хочу, чтобы они меня нашли.

Хадиджа понимающе кивнула:

– А все-таки ты откуда?

– Из дайсоновского мира, с Тирнаннога. Когда-нибудь слышала? Нет? Ну, собственно говоря, мое тело родилось в поясе астероидов, но сама я с комет. Я дочь волшебницы.

– Солнышко! Тот парень, с которым ты разговаривала на прошлой неделе, он еще заходил за тобой, когда мы заканчивали работу…

– Борс?

– Да. Он здесь. Вон он, треплется со спускальщицей.

Ребел подняла голову и увидела Борса, который увлеченно беседовал с кислого вида женщиной. Ребел подождала, пока он посмотрит в их сторону, и помахала ему рукой. Он помахал в

ответ, попрощался с женщиной и стал пробираться к Ребел между маленькими столиками и бутафорскими сталактитами.

Под накидкой у Борса был все тот же красный жилет, который придавал ему щегольской, полувоенный вид.

– Привет, привет, – весело проговорил Борс, садясь рядом с Ребел. – Какое совпадение. Я видел раньше вашу приятельницу?

Ребел представила его Хадидже и спросила:

– Так чем вы занимались последнее время?

– О, это очень интересно! Я рыскал по городским архивам и откопал эпическую поэму из пяти тысяч строк о Войнах Поглощения, написанную рифмованными строфами женщиной, которая сама все это пережила. Ее запрограммировали для центра переработки в качестве священнослужительницы, но к тому времени, как подошла ее очередь, уже подписали мирный договор.

– Хорошая поэма? – с сомнением в голосе спросила Ребел.

Борс доверительно наклонился к ней и сказал:

– Дерьмо. Но как историческая диковинка она все-таки представляет некоторую ценность, так что я потерял время совсем не зря.

– Однажды я переспала с каким-то борсом, – заявила Хадиджа.

– Правда? – довольным тоном произнес Борс.

Пространство вдруг искривилось, комната со всем содержимым сделалась совсем маленькой, а Ребел начала расти. Она стала огромной, голова ее раздулась, как воздушный шар. Ребел казалось, что она может раздавить всю комнату одним пальцем.

– Я думала, он не в твоем вкусе, – сказала Ребел.

– Да, не в моем. – Хадиджа немного помолчала. – Но какого черта! Посмотри, ты же не станешь отрицать, что он очаровашка. И в постели он был вполне неплох. Ты что, спишь только с теми, кто в твоем вкусе?

– Нет.

Ребел подумала об Уайете: высокий, долговязый и бледный. И почти всегда серьезный. Совсем не в ее вкусе. Если бы Ребел в него не влюбилась, она бы никогда не выбрала его как партнера. Она сделала глубокий вдох и вдруг уменьшилась, из воздушного шара со свистом вышел воздух, комната приобрела обычные или почти обычные размеры.

Хадиджа оглядывала Борса:

– Прототип твоей личности какой-то шпион, так?

– Да? – В глазах Борса плясали огоньки.

– Точно. Есть такая маленькая луна во Внешней системе, там

какая-то опереточная республика, и всех ее тайных агентов программировали как борсов. Потом кто-то спер копию и продал крупному концерну, производящему психосхемы.

– А потом что? – спросила Ребел.

– Потом ничего. Но могу поспорить, что кто-то на этом неплохо заработал. В этой части Системы личность борса до сих пор пользуется популярностью. Несколько дней назад я видела одного такого.

– Наверное, это был я, – мягко сказал Борс.

На миг Хадиджа тупо уставилась на него. Потом расхохоталась: сначала ее смех напоминал тихую икоту, затем он перешел в приступы громкого хрипа. Она задыхалась, стол содрогался.

– Послушайте, – заговорил Борс. – Я собирался завтра зайти к вам. Моя работа здесь закончена, прежде чем спуститься по трубе на Землю, мне надо объехать еще несколько орбитальных государств. Но я не хотел удрать, не попрощавшись и не пожелав вам удачи.

– Еще вина. – Хадиджа постучала по столу.

* * *

Ребел и Хадиджа, шатаясь и поддерживая друг друга, тащились по безлюдной улице. Похоже, они хватили лишнего, так как Ребел совершенно потеряла ощущение времени.

– Дочь волшебницы, – объясняла она. – Ну, во-первых, ты знаешь, кто такие волшебники, да?

– Нет, – ответила Хадиджа. У нее на лице блестели следы слез. – Черт, я знала, что он меня бросит.

– Волшебники вроде первоклассных биоинженеров. Я хочу сказать, они встречаются так же редко, как, к примеру, Рембрандт. Они оживляют биотехнологии при помощи творческой энергии. На кометах волшебники занимают высокое общественное положение. Но они ревниво охраняют секреты своего искусства. Они талантливы, но подозрительны…

– Никогда не доверяй мужчине, у которого пальцы длиннее члена…

– Так что когда им надо передать людям что-то важное, они клонируют себе двойника и закладывают в него свою личность (больше они никому не доверяют), и обычно эта личность... вырастает в самостоятельную индивидуальность, понимаешь?

Значит, дочь волшебницы – это не просто копия, она видоизменена, но всегда сохраняет связь с волшебницей. Это так называемая цельность. Я не знаю, как она достигается, это знает только моя мать. Но тем не менее я дочь волшебницы. И ее послание со мной.

– Какое послание? – спросила Хадиджа.

– Не помню.

Они переглянулись. Потом обе закатились смехом и сгорбились, схватив друг друга за плечи, чтобы не упасть; и стукнулись в конце концов лбами.

Только они пришли в себя, как мимо в направлении берега прошагала цепочка примерно из двадцати комбинов. Они были в одинаковых серых комбинезонах, на затылках болтались знакомые косички. Над ними плыли с десяток шаровых молний. Шары шипели и свистели, озаряя улицу неверным голубоватым светом. У Ребел волосы встали дыбом.

– Эй, Земля! – крикнула Ребел.

Комбин, шедший в цепи вторым, резко оглянулся. На Ребел устремился озадаченный, настороженный взгляд. Она развернулась, наклонилась, задрала накидку и стала издавать ртом громкие неприличные звуки. Комбины не реагировали. Они продолжали спокойно идти вперед.

Хадиджа так хохотала, что еле удерживалась на ногах.

– О Боже, Солнышко! С тобой со смеху умрешь!

Комбины ступили на набережную и направились прямо к морю. Здесь не хватало куска перил, и первый комбин сошел в воду. Сияющие круги шаровых молний опустились вдруг почти к самой поверхности моря, и вода запела. Она вздымалась вслед за комбинами и дрожала, как медленно вибрирующая струна скрипки.

Комбины торжественной процессией пересекали море, вода билась от напряжения под их пятками. На противоположном берегу они пошли по темной улице, свет молний понемногу затух, и наконец комбины скрылись во мраке.

* * *

Назавтра наступило тяжкое похмелье.

– О-ох, зараза!

Ребел села на край койки, наклонилась вперед и обхватила голову руками. У нее сосало под ложечкой, потом начался понос.

Тут она вспомнила, как дразнила комбинов непристойными звуками, и ей стало еще хуже.

Ребел постаралась поскорей выйти и раздобыть воды. Затем она остановилась у аптеки, купила браслет-пиявку и надела на руку. Струйка крови текла через угольные поглотители и возвращалась в ее тело, очищенная от ядов. Перед тем как идти на работу, Ребел выпила всю воду и чувствовала себя почти прилично.

К счастью, в «Мире мозга» дела еле-еле двигались. Хадиджа уже занялась клиентом, страдающим от нервного перенапряжения, а больше в первые несколько часов никто не приходил. Ребел это вполне устраивало, но даже когда браслет-пиявка приобрел синий цвет и упал с руки, она все еще ощущала вялость и безразличие ко всему. Классический эмоциональный спад, следствие дурацкого поведения.

Это легко исправить.

Дрожа от волнения, будто она делает что-то гадкое и запретное, Ребел вытащила программер и протерла контактные присоски. Они прилипли к ее коже за ушами и на лбу, как маленькие пасти. Ребел включила корректор-анализатор и порылась в стандартных платах, отыскивая нужную.

Ее охватил настоящий восторг. Да это же здорово! Теперь она понимала, что ее давнишнее предубеждение против психопрограммирования объяснялось желанием дочери волшебницы сохранить цельность личности. Но тут было совсем другое. Если только Ребел не переусердствует, как она может себе навредить?

Однако надо быть осторожнее. Эвкрейша в самый первый раз хватила через край (этим грешили большинство испытателей психосхем) и в порыве увлечения стала вносить изменения одно за другим, пока черты характера не выстроились в нелепую конструкцию, рухнувшую в конце концов под грузом собственных противоречий; чтобы вернуть себя в исходное состояние, ей пришлось потратить шесть часов на восстановительную психохирургию.

Но с психосоматическими функциями было довольно просто. Каждый дурак может заставить мозг подрегулировать гормональный баланс эндокринной системы, и если правильно направлять изменения, можно добиться прекрасного самочувствия. Тихо напевая, Ребел подняла глаза на плавающую в воздухе похожую на перекати-поле диаграмму и развернула ее.

Стоп. Черт, а вот это уже интересно. Она еще раз повернула диаграмму, на этот раз медленнее. Да. Схему личности опоясывала кольцевая структура, напоминающая ленту Мебиуса.

Она затрагивала все ветви, но не зависела ни от одной из них. Как могла появиться такая штука? Эта фигура произошла явно искусственным путем, но, насколько знала Ребел (а Эвкрейша следила за развитием отрасли), средствами психотехники нельзя было создать ничего подобного.

Заинтересовавшись, Ребел вставила в записывающее устройство чистую плату.

Когда пришел первый посетитель, Ребел даже забыла о том, что собиралась взбодриться. Она стояла и крутила в руках высококачественную запись своей личности, и с удивлением думала, что ради этой крошечной керамической чешуйки корпорация «Дойче Накасоне» хотела ее убить. Вошедший в комнату подросток кашлянул и наконец привлек ее внимание. На вид ему было не больше пятнадцати. Ребел сунула плату в карман и сказала:

– Ну, что вы хотите?

Это была чудесная, волшебная пластинка, открывающая замечательные перспективы для новых черт характера, новых способов восприятия и совершенно новых форм мышления. Обладая всем этим, она может создать что угодно. Все, что ей угодно.

Такие открытия разрушают старые миры и на их месте возводят новые.

* * *

После работы Ребел села в омнибус и поехала на верхнюю конечную станцию спусковой трубы.

Она откладывала эту часть поисков как можно дольше, потому что спусковую трубу изобрели комбины и они наверняка следили за конечной станцией. Но теперь она убедилась, что в Гисинкфоре Уайета ей не найти, а если он здесь и был, то уже улетел либо в другое государство, расположенное между Луной и Землей, либо на Землю.

Если учесть взгляды Уайета, то, скорее всего, на Землю.

До верхней станции омнибус добрался за десять минут. Ребел изо всех сил старалась казаться невозмутимой: бесстрастное лицо ничего не выражало, и вдобавок к косметической краске на лбу она рассекла левую бровь черной короткой линией, точно шрам от кинжала. Теперь она стала как две капли воды похожей на курьера, выполняющего незначительные поручения корпораций

или государства, мелкую сошку, которая при любой попытке проникнуть в ее мозг впадает в ступор. Никто не обратит на нее внимания.

Из омнибуса Земля казалась великолепной, яркой и ослепительно прекрасной – такой, как про нее рассказывали очевидцы: настоящим чудом Системы! Никаких сооружений, возведенных комбинами, отсюда не было видно.

Вдалеке маячила верхняя станция: узкий каменный обруч. Комбины купили карбонатный астероид и при помощи известных лишь им технологий заставили его принять желаемую форму. Внутрь встроили транспортное кольцо и по всей его длине прорыли запутанные коридоры. Астероид вращался по геосинхронной орбите, прямо над наземной станцией с таким же транспортным кольцом. Пушистые облака образовывали вокруг нижней, наземной, станции широкий круг. Комбины каким-то образом не пускали воздух в узкий проход между двумя транспортными кольцами, так что возникший вакуумный колодец почти достигал поверхности планеты, и это влияло на местную погоду. На открытой взору стороне земного шара Ребел увидела еще три кольца облаков.

Из кольца в кольцо верхней станции постоянным потоком устремлялись воздушно-вакуумные корабли. Некоторые летели вниз прямо до наземной станции, другие приходилось перехватывать на пути вверх по вакуумному колодцу. Перед посадкой и после высадки груз и все пассажиры подвергались проверке в возглавляемых людьми отделениях верхней станции. Дым здесь стоял коромыслом.

Омнибус остановился в доке, и Ребел, миновав защитные ворота, вступила во внешний круг коридоров транспортного кольца. Она плыла по течению, подчиняясь движению толпы. Иногда ей встречались настенные табло с указанием номеров отбывающих и прибывающих кораблей и постоянно меняющегося запаса энергии на станции (вверх – при каждом прибытии корабля, вниз – при каждой отправке), но это последнее было только для вида, так как людей не допускали к транспортным механизмам. Время от времени по коридору быстро пробегала цепочка примерно из сотни комбинов, однако это случалось редко. Очевидно, большинство комбинов пользовалось собственными коридорами.

Гораздо чаще комбинов попадались быстро движущиеся приборы, они лезли под ноги и раздвигали толпу. Эти небольшие машины что-то подбирали, несли и чистили, работая как одержимые. Такие приборы не обладали и признаками разума, и все-таки Ребел было не по себе оттого, что их слишком много.

Казалось, они показывали, насколько беспомощны и беззащитны жители Гисинксфора перед машинным интеллектом. Удивительно, что на лицах людей не отражалось чувство вины.

По коридорам проносились мысленные послания, но ни одно из них не предназначалось Ребел, и у нее не было декодера. От этих посланий девушка только вспотела и разволновалась. У нее зачесалось лицо.

Ребел свернула под уклон в административную зону и заметила, как охранник проследил за ней взглядом и прошептал что-то в кулак. Ее засекли. Но она шла уверенно дальше, словно ей полагалось находиться именно здесь. Сила тяжести вполовину земной здорово облегчала ходьбу, при такой нагрузке ноги имеют опоры, но не устают. Ребел приблизилась к ряду защитных ворот, на которых была нарисована эмблема Земли – колесо, перечеркнутое знаком запрета: «Комбинам вход воспрещен». Встроенная проверочная аппаратура будто просвечивала Ребел насквозь, она чувствовала себя неуютно, ей хотелось сбежать. Сойдут любые из этих ворот.

Ребел пристроилась к важного вида женщине и, когда они входили в ворота, положила руку женщине на плечо, чтобы кибернетические устройства опознали их как одного человека. Женщина заглянула в неподвижное лицо Ребел и отшатнулась.

– Кто... черт возьми, кто вы? – крикнула она.

К ним поспешили самураи. Затем, заметив раскраску Ребел, женщина сказала:

– О Боже! Одна из этих. – Она обратилась к беловолосому охраннику, который подошел первым:

– Помогите этой женщине найти того, кто ей нужен, а потом вышвырните ее вон.

* * *

– Такие, как вы, достали нас вконец, – проворчал самурай.

– Ну и не помогайте мне, – с полным безразличием ответила Ребел. – Выбросьте меня отсюда. Мое сообщение застраховано компанией «Бах-Идальго». Если я не передам его, они запрограммируют и пришлют сюда вместо меня сразу двух курьеров. Если те тоже провалятся, приедут еще четыре. Потом восемь. Рано или поздно вам придется уступить.

Будучи в интернатуре, Эвкрейша часто видела, как люди попадались на удочку лжекурьеров. Администраторы терпеть не

могли застрахованных курьеров, потому что они были нахальны, как тараканы, и столь же неистребимы. Единственный способ от них избавиться – это выполнить их просьбу.

– Вы получите что хотите, – огрызнулась женщина. Она провела Ребел в штаб службы безопасности. Самураи тут ходили косяком. – Итак, мы находимся в Отделе регистрации. Скажите, для кого у вас сообщение и когда этот человек здесь проходил.

– Я не знаю имени, – ответила Ребел. – Он проходил в любое время, начиная с того, как созвездие Тельца стояло на пятом градусе, и кончая сегодняшним днем.

Они находились в конторе. На стенах так густо росли лианы, что даже мелкое углубление казалось прикрытой листвой пещерой. Обилие растений – классическая характерная черта кабинетов древней бюрократии. Под ногами сновала машинка величиной с мышь и собирала опавшие листья.

– Примерно со второй половины мая до середины июня, – фыркнул самурай. – Хорошо, с этим справится любой из наших сотрудников.

Он нагнулся к нише, где, застыв над экраном как зачарованный, сидел дряблый, болезненный человек. На экране мелькали с едва воспринимаемой глазом скоростью снимки людей, проходивших по коридорам и служебным помещениям.

– Рольф! Один вопрос.

– Да.

Рольф остановил мелькание и поднял голову. У него было постное и какое-то потустороннее выражение лица, глаза, слегка налитые кровью. Вялый рот, обвислые щеки.

– Рольф из подразделения, занимающегося воссозданием лиц благодаря эйдетической памяти, – с гордостью объявил самурай. – Информация с электронных приборов стирается раз в неделю, иначе данные становятся бесполезными: мы не можем провести поиск. Рольф просматривает сводку. Она стирается раз в год и может восстановить все данные. Покажите ему изображение. Если ваш объект проходил здесь в течение последних нескольких месяцев в качестве служащего, посетителя или пассажира, Рольф скажет.

Ребел показала голографическое изображение Уайета. Это было фотомеханическое воспроизведение по памяти, но такое точное, что никто не догадывался.

– Видели этого парня?

Рольф внимательно посмотрел и покачал головой:

– Нет.

Самурай взял ее за руку.

– Вы уверены? – крикнула Ребел. – Может, есть хоть какая-то

надежда?

– Никакой.

* * *

Весь следующий день Ребел механически выполняла свои обязанности. Она была как лунатик. Девушка явилась на работу, побеседовала с первым клиентом и подобрала программу по его заказу. Все происходило словно во сне. Ребел не знала, что делать дальше. Если Уайет не отправился на Землю по спусковой трубе – значит, он в одном из раскинувшихся во все стороны орбитальных государств. Но беда в том, что этих государств сотни, они всевозможных размеров, в них царит беспорядок, и рядом с каждым еще трущобы в резервуарах. Она проищет Уайета всю жизнь и так и не найдет.

«Ну и что, – думала Ребел, – может, и не найду». Может, она потеряла его навсегда. С людьми такое сплошь и рядом бывает.

Когда она наконец себе в этом призналась, работа с клиентом уже подходила к концу. Пришел следующий – женщина-полицейский, мечтающая стать «росомахой». Не снимая форменного костюма в обтяжку, она улеглась на койку. Ребел ее подключила. Пока руки работали, она трезво и педантично обдумывала положение. Сколько она так может искать? Год? Пять? Двадцать лет? Какой она станет за эти годы? Не очень приятная мысль.

– Можете представить себе единорога?

– Да.

Если предстоят долгие поиски, если они займут годы, придется сменить темп. Ей нужно пока как-то устроить свою жизнь. (Но она не хочет устраивать свою жизнь без Уайета!) Во-первых, необходима более приличная работа. Потом друзья. Увлечения. Даже любовники. Надо тщательно разработать план.

– Сколько вы видите пальцев?

– Четыре.

– Голубой или зеленый?

– Голубой.

– Видели когда-нибудь этого человека?

– Да.

– Хорошо.

Ребел улыбнулась. И очень медленно прислонилась к стене. Затем стала приводить свои мысли в порядок. Теперь она не

спешила. Наверно, лучше пойти в переднюю комнату и взять стул. Она порывисто наклонилась и ласково провела рукой по волосам женщины, та подарила ей дурацкую улыбку. С чего начать?

У Ребел было полно вопросов.

Глава 12. БУРРЕН

На корпусе «Пеквота» выросли вакуумные цветы. Правда, всего несколько, – они выглядывали из-под края крыши, но по размеру лепестков уже можно было сказать, что это новая разновидность, приспособившаяся к местным условиям. Ребел заметила цветы, когда шла на корабль, и слегка удивилась, почему Борс так долго откладывает текущий ремонт. «Пеквот» узнал Ребел – замок открылся от ее прикосновения.

Через несколько часов, как раз когда Ребел закончила заваривать чай, вернулся Борс. Чайник плавал посреди гостиной.

– Так! – довольным тоном произнес Борс. Он скинул скафандр, набросил накидку и натянул ножные кольца. – Как мило, что вы зашли меня проводить.

– Как мило, что вы так говорите. – Ребел набрала чай в шприц и мягко подтолкнула шприц к Борсу. – Я тут сообразила перекусить.

Она открыла поднос с пирожными, по форме напоминавшими ее серебряную брошку. Борс взял два. Ребел, улыбаясь, потягивала чай и ждала.

После вежливого молчания Борс заговорил:

– Итак. Как идут поиски вашего друга Уайета?

– О! Это очень интересный вопрос. – Ребел подалась вперед в кресле. – Сегодня днем я беседовала с женщиной-полицейским. Она лежала у меня на кушетке со вскрытой психикой и поэтому не могла солгать! И я получила от нее ценную подсказку.

– В самом деле? – сказал Борс. – Вы говорите, женщина-полицейский? – Он надкусил второе пирожное. – А вам не кажется, что это довольно рискованное предприятие?

– Да. Она рассказала мне весьма затейливую детективную историю насчет того, что можно спуститься на поверхность в качестве наблюдателя и... ну, вам это не интересно. Она сказала, что видела Уайета.

– Да что вы?

Да. Она сказала, что видела его с вами.

После очень долгого молчания, во время которого они не сводили друг с друга глаз, Борс брызнул в рот немного чая и произнес:

– Разумеется, это ошибка.

– Разумеется.

Ребел встала. Первым ее побуждением было схватить Борса и вытрясти из него правду. Вместо этого она улыбнулась. Эвкрейша никогда бы не отважилась на прямой конфликт, и ее подход

имеет свои преимущества. Надежды победить Борса на его территории почти никакой. При всей своей утонченности, он – профессиональный мошенник.

– Я только надену скафандр и уйду. Извините, что побеспокоила. Bon voyage[10], приятель. – Ребел поплыла к шлюзу. Борс настороженно за ней наблюдал. – Да. Вы не можете сделать мне небольшое одолжение? – Борс поднял брови. – Скажите: «Пожалуйста, откройте ящики с рисунками».

– Пожалуйста, откройте ящики с рисунками, – в недоумении повторил Борс.

По всей комнате бесшумно открылись шкафы. Один за другим выдвинулись ящики. В них было пусто.

– Боже мой! – выдохнул Борс. – Что вы сделали с моими акварелями? С моими гравюрами?

– Я их сожгла.

Борс вскочил с места, стал лихорадочно рыться в шкафу в поисках забытого рисунка, застрявшей в углу помятой гравюры, хоть чего-нибудь! И ничего не находил.

– Не может быть! – завопил он в отчаянии.

– Да, – с невозмутимым видом согласилась Ребел. – По правде говоря, не сожгла.

Борс поднял на нее глаза.

– Вы помните две мои коробки? Я вытряхнула их и сложила в одну акварели, а в другую гравюры. Чтобы добраться до них, надо было отключить охранную систему, но вы не поверите, какие инструменты можно достать, если иметь нужные знакомства, а у вашей полицейской подружки нужных знакомств хватает, я вас уверяю.

Говорила она слишком зло, слишком быстро. Ей так хотелось сделать Борсу больно, что его страдания только усиливали эту жажду. Эвкрейша сказала бы, что она зациклилась. Передохнув, Ребел подплыла к креслу, села и заговорила спокойнее:

– Коробки в целости и сохранности, но без меня вы их никогда не найдете. Одну я могу вернуть вам сразу же, безо всяких условий. За вторую вы должны заплатить.

Борс медленно вернулся на свое место.

– Я не предам свой народ, – решительно сказал он. – Даже если вы свалите в кучу все произведения искусства в Системе и подожжете их.

– Фу, как вы обо мне думаете! Ничего такого от вас не требуется. Отдайте мне Уайета, вот и все. Одну коробку по вашему выбору вы получите сейчас, а как только я переговорю с Уайетом с глазу на глаз, то скажу, где вторая. Ну как?

– Акварели, – уныло проговорил Борс. – Где акварели?

* * *

Никто не помнил, как называется этот город. Контейнер треснул более столетия назад, жители покинули его, а снаружи он зарос цветами. Маленький катер влетел сквозь брешь, где находилось когда-то осевое окно города, в его лишенное воздуха чрево и пошел на посадку. Навстречу, будто пытаясь его схватить, поднялись черные здания. Посадка была сложной – город все еще продолжал вращаться, разграбленные здания не стояли на месте.

– Сюда, – сказал Борс, Одинокое, расположенное на уровне тротуара окно теплилось желтым светом. Борс резко развернулся (желудок Ребел сжался в комок), сбавил скорость до скорости перемещения улицы и мягко посадил катер.

Старая тетка, которая провела их через воздушный шлюз, посмотрела на Ребел с явным неудовольствием.

– Не из полиции, – проворчала она. Это была та самая спускальщица, с которой Ребел видела Борса в Гисинкфоре. Комнату загромождала старинная техника: автоматические зонды, ранцевые ракетные двигатели, спутники-убийцы величиной с кулак.

– Наши планы немного изменились.

– Кхе! – Тетка взглянула на Борса и выставила вперед подбородок. – Это будет дороже. Сейчас идет волна полярных сияний, а когда будет следующая, я не знаю. Не люблю спускать людей, когда в атмосфере нет электромагнитного возмущения. Оно помогает скрыться от комбинов.

– Вы алчная старая разбойница, – сказал Борс. – Я не поддамся на такой грубый шантаж. Эта молодая дама займет место женщины из полиции, спуск будет по расписанию, как намечалось. И оплата как договаривались, или все отменяется.

Спускальщица спасовала перед его гневом.

– А-а, – протянула она. – Ну, тогда ладно.

* * *

Спуск стоил дорого, но зато не привлекал к себе никакого внимания. Как объяснили Ребел, восемь холодильных камер

вморозят в груду дисперсного материала, а затем отбуксируют к центру естественного потока метеоров. Приближающаяся Земля подхватит весь этот ком, он упадет на рассвете, избороздив бледное утреннее небо огненными стрелами.

Остатки мусора сгорят в атмосфере, и тогда обнажатся холодильные камеры, аэродинамика которых обеспечивает подъемную силу. Простые кибернетические системы не дадут камерам рухнуть вниз, погасят их скорость и направят к условленной точке. Планирующий спуск закончится живописными всплесками белой пены, и камеры упадут в северной части Атлантического океана.

Затем они начнут потихоньку погружаться в холодную океанскую воду.

Но прежде чем камеры успеют достигнуть дна, к ним устремятся быстрые темные животные. Морские млекопитающие, потомки тюленей, которых приспособили для выполнения таких задач при помощи контрабандных мутагенов и биопрограммирования. Просунув головы в выступающие хомуты, они понесут камеры к берегу. Долгое и трудное путешествие, но вдали от всевидящих глаз комбинов, по крайней мере – теоретически.

На покрытом галькой берегу их будут ждать люди.

* * *

Ребел открыла глаза. Комната в форме улья, тяжесть нормальная. В трещинах голых каменных стен горит множество крошечных огоньков. Воздух холодный, даже слишком. Она посмотрела на женщину в красном платье с капюшоном.

– Я на Земле, – сказала Ребел.

– Да. – У женщины было истощенное лицо фанатички с резкими выступающими скулами и без бровей. Но говорила она приятным голосом и стояла вежливо наклонив голову. – Наша местность называется Буррен. Эта группа зданий – Приют. Здесь дом Божий.

Она показала на гротескное каменное изваяние: женщина с круглым, будто луна, лицом обеими руками распахивает свой детородный орган. Ребел села.

– Ваше платье перед вами. Земную одежду носят под накидкой, вы не привыкли к такому суровому климату, как у нас. Эту послушницу зовут Оммед. Если вы чего-нибудь пожелаете,

она ваша рабыня.

Женщина удалилась.

Ребел покачала головой и начала одеваться. Земная одежда состояла из брюк и блузы с многочисленными застежками, в которых нелегко было разобраться (все это было сшито из мимикрирующей ткани). Ребел казалось, что она ужасно закуталась, но, надо признать, одежда была не хуже той, которую носили на кометах. Она облачилась в накидку и сапоги для хождения при нормальной силе тяжести и взяла чемоданчик с библиотекой. Условием заключенной с Ворсом сделки являлось то, что Ребел будет библиотекарем отряда. Она пригнулась и вышла наружу.

Повсюду, насколько хватало взгляда, возвышались серые скалы под молочного цвета небом. Пространству не видно было конца. Вдали поднималась цепочка гор, таких же голых и бесплодных, как на Луне. Из неглубоких впадин торчали пучки бурой травы. Поверхность пересекали низкие каменные стены; может, их построили тысячу лет назад, а может, и вчера. Кто знает? Несколько работающих неподалеку послушников выглядели едва заметными пятнышками. Все говорили, что Земля зеленая, но эта пустынная, заброшенная местность была олицетворением бесплодия.

Завыл ветер, и Ребел чуть не упала. Будто кто-то толкнул ее в спину. Волосы и накидка развевались и тянули ее вперед. На мгновение ей показалось, что пробита корабельная оболочка и сейчас ее тело взорвется от декомпрессии. Охваченная внезапным ужасом, она закричала:

– Что это? Что случилось?

Подоспевшая Оммед подхватила Ребел за талию:

– Ничего не случилось. Просто с моря подул ветер.

– А-а, – слабо проговорила Ребел, хотя эти слова ничего для нее не значили.

Она обернулась и заметила, что скалы обрываются и внизу плещется тускло-зеленый океан, испещренный белыми гребешками волн. Прямо от смутной линии горизонта на Ребел неслись плотные серые облака; облака летели так быстро, что она видела, как они сливаются, пытаясь друг друга обогнать.

– О… Господи, какое все… огромное!

У Ребел закружилась голова, она едва не потеряла равновесие. Ветер дул повсюду – громадный неуемный великан, выше гор, повелевающий облаками. Все здесь было слишком большое.

– Как вы это выдерживаете?

– Мы пребываем здесь, дабы смирять себя, – ответила

Оммед, – и поэтому покорно принимаем свидетельства величия Господня. Но вы сами увидите: то, что сейчас вас пугает, потом, когда вы привыкнете, будет вызывать восторг.

Затаив дыхание, Ребел недоверчиво уставилась вдаль, на скалы и океан, пытаясь постичь их огромность. Всего слишком много, и от этого даже болит голова, но… Да, Оммед права. Ужасное, но вместе с тем величественное зрелище, то же самое чувствуешь, когда впервые слушаешь симфонию, написанную в новой, незнакомой манере, настолько великолепной, что страшно делается.

– Ваши друзья встречаются в дальнем конце Приюта. Наверно, вам пора к ним присоединиться.

– Да.

Приют расползался во все стороны похожими на ульи каменными домиками всевозможных размеров. Они лепились друг к другу цепью, тянущейся по склону вверх. Домики были из той же серой породы, что и местные скалы, и глаз не мог различить, где они кончаются: так столб дыма сливается с землей. Никаких других искусственных объектов поблизости не было. Все от края до края, казалось, существует здесь тысячи лет.

– Как вам удается скрывать Приют от Комбина? – спросила Ребел.

– Мы называем этот великий разум – «Земля», – мягко поправила ее Оммед. – Земля хорошо нас знает. Мы находимся здесь благодаря ее снисходительности. Она наблюдает за нами. Мы не понимаем, для чего. Возможно, Земля считает нас подопытными животными. А может, она сохраняет Буррен как заповедник. Это неважно.

– Она наблюдает за вами?

Ребел огляделась по сторонам и не заметила камер. Конечно, у Земли могут быть более искусные приборы: совсем крошечные или действующие с большого расстояния.

– Каждые семь лет Земля забирает десятую часть наших людей и присоединяет их к великому разуму.

– И вас это не беспокоит?

Они обходили Приют по склону. В коптильнях послушники раскладывали на решетках рыбу и приготовленные в ферментационных аппаратах кусочки моноклонального белка.

– Мы пребываем здесь, чтобы научиться смирению. Покорность воле Господней принимает множество форм. Мы постигаем их все. – Оммед подняла голову, и Ребел отвела глаза, не выдержав ее пристального взгляда, ее понимающей улыбки. – Вот этот дом. Ваши друзья тут.

– Хорошо. Большое спасибо, что вы показали дорогу.

– Вы еще не понимаете, как приятно подчиняться чужой воле. – Ледяным пальцем Оммед дотронулась до затылка Ребел; та вздрогнула и невольно напряглась. – Если вы хотите учиться, обратитесь к любому из послушников. Мы все ваши рабы.

– Господи! – Ребел нырнула в дом.

В доме было темно, сначала она подумала, что здесь никого нет. Потом кто-то зашевелился, послышался чей-то кашель, и она с трудом различила, что вдоль стен сидят семь человек в костюмах из мимикрирующей ткани, и все они смотрят на нее. Лица неясно вырисовывались в сумраке помещения, глаза настороженные и жестокие. Они были запрограммированы как «росомахи».

– Вот ваш библиотекарь, – сказал кто-то. – Берегите ее. Она хранит программы, необходимые для нашего выживания. Если она умрет, одного из вас придется перепрограммировать, чтобы поставить на ее место.

Послышались низкие лающие звуки – наверное, это был смех.

– Вы получили задание, – продолжал голос. – Идите!

«Росомахи» молча проскользнули мимо Ребел и вышли. Их вожак встал, на концах его косичек нежно позвякивали серебряные шарики. Ребел показалось, что это Борс, но по грубо разрисованному психокраской лицу мужчины ничего нельзя было сказать наверняка.

– Библиотекарь, останьтесь.

Ребел села. Вожак наклонился к ней ближе, по лицу его блуждала бешеная, безрадостная улыбка. Ребел почувствовала сладковатый запах его дыхания. Он сказал:

– Получите необходимые навыки.

Ребел открыла библиотеку и провела пальцем по рядам разноцветных плат. Она быстро подключилась к программеру и поставила красные платы. Всего три: основные навыки исследовательской работы, умение передвигаться по скалам и искусство выживания на земной поверхности в сочетании с топографией Буррена. Пока прибор вычерчивал схему ее кратковременной памяти, голова у Ребел гудела и кружилась. Потом воздух вокруг затрепетал: это программы развернулись и стали складываться в бесплотные цепочки и блоки знаний. Логические построения проникали сквозь стены и уходили в бесконечность, и Ребел потерялась в незримом лабиринте фактов. Три платы – это предел, больше нельзя усвоить, не потеряв при этом половины данных. Теперь она ощущала свое положение в Буррене. Оказывается, она находилась на самой середине западного склона огромного известнякового массива. Итак, Ребел ознакомилась с топографией. Теперь она знала Буррен, его горы,

его холмы и даже раскинувшуюся под его поверхностью сеть пещер. Знала она, и какие умения можно заложить в программу берсерка, а какие нет. («Библиотекарь!») Ребел знала, как нужно перенести свой вес, если камень, на который ты ступил, покачнулся. Знала, какие растения и насекомые Буррена съедобны. Знала, где найти воду. («Библиотекарь!») Знала, какими тремя качествами нужно обладать, чтобы совершить экологическую диверсию. Сведения проходили сквозь Ребел и вились вокруг, оставляя ее оглушенной, холодной и отстраненной.

Кто-то ударил ее по щеке. Больно. Она испуганно подняла на вожака взгляд и увидела его спокойную, довольную физиономию, а под маской – лицо Борса.

– Библиотекарь! – повторил он. – Ваша программа уже работает?

– Э-э... да, – неуверенно ответила Ребел.

Теперь она умела бегать. Ногам не терпелось унестись далеко отсюда. Она услышала птичий крик. Грач.

– Библиотекарь, вы не входите в наш отряд, но мы зависим от вашего программирования. Поэтому вас надо проверить. Я хочу, чтобы вы добежали до дольмена, называемого «Ворота». Если вы доберетесь туда до заката, мне станет ясно, что вы овладели необходимыми навыками.

Ребел знала, что такое закат. Она знала, что такое дольмен «Ворота».

– Но это же двенадцать миль!

– Из чего следует, что вам не стоит долго здесь прохлаждаться.

* * *

Она бежала. Удивительно, какую можно развить скорость, если бежать со знанием дела. Она бежала по старой дороге, которая почти уже слилась со скалой. Но даже по разбитой дороге бежать было легче, чем по девственной породе, которая с треском раскалывалась под ногами, и лишь необычайно быстрая реакция помогала Ребел не вывихнуть голеностоп. Кроме того, вне дороги склон исчерчивали низкие каменные стены; они извивались на голых скалах, местами даже взбирались на особо крупные валуны. Как ни странно, в прошлом здесь жили люди, они как-то использовали эту землю, ценили ее, не жалели труда огораживать

свои участки стенами.

Дорога петляла и становилась круче. Ребел приходилось регулировать ритм сердца. Казалось, скала под ней вертится, а сама она стоит, не сдвигаясь с места. Перед тем как отправиться в путь, Ребел надела накидку мимикрирующей материей внутрь и теперь, должно быть, походила издалека на громадную летучую мышь, волочащую по земле свои искалеченные крылья. Место в облаках, на которое больно было смотреть, сползло вниз. Это значило, что близится вечер. Время от времени она переходила на шаг и пару раз отдыхала. Но лучше всего было бежать, потому что, когда бежишь, не хочется думать.

Неожиданно, будто вспыхнувший метеор, на скале перед Ребел выступил темный кружок. Он остался позади, но возник еще один и еще. Они появлялись все чаще и чаще, затем первая капля воды потекла по ее лицу: пошел дождь.

О дожде Ребел знала все (это было на плате «искусство выживания на Земле»), но знание еще не опыт. Капли стучали, как камешки, разбивались о ее голову, ручейками заливали глаза, ослепляли. Потом стало и того хуже: ветер бросал на нее внезапные волны дождя, ей не хватало воздуха. Ребел уже не бежала, а шла большими шагами, плотно завернувшись в накидку и подняв капюшон. Иногда она поднимала голову, но не видела ни моря, ни гор. Все исчезло в сером тумане.

Дорога перевалила через гряду, и Ребел побежала быстрее. Недалеко от гребня находилось древнее захоронение, Ребел помнила его по карте. Захоронение пряталось в зарослях утесника, однако Ребел все-таки его отыскала: четыре плоские плиты, образующие своего рода коробку, и пятая, каменная крышка. Ритуальная пирамида из камней и покоившиеся внутри коробки кости давно исчезли. Пробитая в крышке брешь была достаточно велика, чтобы Ребел могла залезть внутрь. Здесь она свернулась калачиком, колени прижав к подбородку, и спряталась от дождя.

Шерстяная накидка, даже мокрая, согревала. Хуже всего была вовсе не темнота и не стук по камню дождя (плата не содержала сведений о том, что дождь производит шум), а одиночество, которое заставляло ее думать об Уайете.

Как только Ребел открыла глаза и увидела незнакомую женщину в красном, она поняла, что в Приюте Уайета нет. Он бы ее встретил. Ребел знала, что хороших вестей о нем ждать не приходится, а плохие она хотела бы услышать как можно позже. Она отказывалась верить дурному предчувствию.

Но теперь она не могла не думать о самом плохом.

Прошло немало времени, дождь стал утихать, а затем и

совсем перестал, и Ребел выбралась из каменного укрытия. Она выбралась на дорогу и пошла снова. Потом побежала.

Прежде чем она достигла дольмена «Ворота», дождь начинался еще три раза.

* * *

К тому времени, когда Ребел поднялась на открытую всем ветрам площадку, пустынную даже по местным понятиям, и остановилась, день подходил к концу. Небо потемнело, только позади, у самого горизонта, тускло светилась узкая желтая полоса. Какое-то время ее глаза беспомощно обшаривали безбрежную равнину в поисках дольмена «Ворота».

Две огромные вертикальные плиты поддерживали третью, стоящую под углом, напоминая покосившийся стол великана. Ребел медленно подошла к нему. Поблизости лежали еще две плиты – недостающие части этого гигантского погребального сооружения, также лишенного верхней пирамиды из камней. Сооружение было похоже на ворота, и Ребел робко вступила в них, словно думала, что это вход в иное измерение, в другую, загадочную, страну.

Борс тихо засмеялся:

– Вы успели, библиотекарь, но едва-едва. Ребел испуганно обернулась. Она не слышала, как он появился. Борс неторопливо сел на упавшую плиту и насмешливо улыбнулся. За ним стояли две «росомахи». Они с интересом наблюдали за Ребел.

– Послушайте, – начала она. – Послушайте, я хочу знать, где Уайет.

Руки у нее замерзли. Ребел спрятала ладони под мышками и слегка сгорбилась. Ощущение бесполезности поисков, возникшее по дороге, вернулось к ней с новой силой.

– Его ведь здесь нет.

– Нет.

– И он не должен был здесь быть, да?

Эвкрейше уже доводилось испытать горькое разочарование, и она знала, что лучший способ с ним справиться – это устроить сцену. Но Ребел не хватало для этого силы воли.

– Уайет должен был появиться здесь к нашему приезду. Но он опаздывает.

Вид у Борса теперь стал серьезный. Он прищурился на далекие облака, такие же серые, как и скалы. Ребел живо

представила себе карту Буррена, на юге и востоке он граничил с Комбином. Но карта не давала подробностей, только общее ощущение огромной массы людей.

– Сказать по правде, – негромко проговорил Борс, – он сильно опаздывает.

* * *

В эту ночь Ребел спала вместе с «росомахами» в небольшой пещере. Чтобы согреться, все жались друг к другу – Борс запретил разжигать огонь. На следующее утро он дал Ребел на дорогу немного соленой рыбы и отослал ее обратно в Приют со словами:

– Пока не появится Уайет, вы нам не нужны. Мы здесь будем заниматься своими делами, они вас не касаются. Возвращайтесь в Приют. Когда вы нам понадобитесь, мы вас найдем.

На обратном пути Ребел шла медленно и вернулась в Приют, когда день приближался к вечеру. Послушники тащили с моря рыбачьи лодки и с болот тележки с торфом. Несколько человек готовили ужин. В столовой Ребел выслушала длинную молитву на непонятном языке и затем что-то съела, совершенно не замечая вкуса. Оммед заговорила с ней, Ребел отвечала невпопад.

Потом она доплелась до своего дома, залезла внутрь, поставила на пол библиотеку и села на лежанку.

– Ну вот, – вздохнула она, – я и дома.

Вскоре кто-то вежливо постучался в дверь. Ребел разрешила войти, и в комнату вошел молодой послушник. Он был такой же безволосый, как и все остальные, но не такой истощенный. Встав перед ней на колени и склонив голову, он прошептал:

– Этого послушника зовут Зузу. Сие древнее слово означает «сплетня».

– Ох, Господи! – перебила его Ребел. – Да перестаньте вы так унижаться. – Она подвинулась и постучала по камню рядом с собой. – Садитесь, расслабьтесь и скажите то, что хотите сказать.

– Я… – начал молодой человек. Он покраснел. – Этот послушник пребывает здесь недавно. Он еще не научился полностью унижать себя. – Затем он вдруг посмотрел на Ребел в упор удивительно ясными, синими глазами и взял ее руки в свои. – Община заметила вашу скорбь и обсудила ее. Если вы можете найти утешение в наслаждении плотью, этот послушник пришел предложить вам свои услуги:

– Ох, Господи! – проговорила Ребел. Но он был такой

хорошенький, что она не убрала руки. Немного помолчав, Ребел сказала:

– Ну, возможно, это лучший выход.

Никогда у нее не было такого пылкого любовника, как Зузу. Он делал все очень серьезно и даже торжественно, но выполнял любое ее желание и явно знал о сексе больше нее. Зузу не стремился доставить себе удовольствие, он отдавал все Ребел. Он представлял собой невероятную комбинацию атлета, танцора и гейши в одном лице. Он довел ее почти до оргазма и продлевал ласки, балансируя на грани, пока она не перестала различать, где кончается ее тело и начинается его.

Наконец, изогнувшись в судороге, Ребел крепко обняла Зузу за талию, обеими руками прижала к себе его лысую голову, и острое наслаждение сменилось чувством освобождения.

– Да-а, – сказала Ребел, когда обрела дар речи. – Ты замечательный любовник, тебе это известно?

Лицо послушника было прекрасно, маска небесного спокойствия.

– Этот послушник ничтожнейший из ваших рабов.

– Нет, правда. – Ребел рассмеялась и шутливо спросила:

– Другие послушники так же хороши, как ты?

Зузу посмотрел на нее своим поразительно открытым взглядом.

– Конечно. Как вы думаете, зачем мы пребываем здесь?

– Да, гм. Что там говорила Оммед? Чтобы подчиняться воле Божьей, правильно?

– Покорность принимает множество форм. – Зузу встал перед ней на колени, ноги расставлены, руки за спиной, глаза опущены долу. – Подчинение телам чужаков – одно из самых важнейших таинств.

– Что?

– Вы повелеваете мне объяснить? – Приняв ее молчание за согласие, Зузу сказал:

– Вселенная сотворена по образу Божьему. Это самоочевидно, так? – Он поднял глаза и подождал, пока Ребел не очень уверенно кивнула. – Подумайте! Вселенная едина, совершенна, целостна, свята и неделима. Но мы воспринимаем ее лишь через противоположности и крайности. – Он поднял ладони, словно балансируя невидимые весы. – Жар и холод. Удовольствие и боль. Радость и горе. Член и влагалище. Все это частности, иллюзии – звезды заслоняют от нас галактику. Но как может существо, рожденное в мире иллюзий, проникнуть вглубь, сквозь эти противоположности к единству? Не обращая на них внимания? Но они существуют, они не исчезнут. Мы приобретаем опыт,

заключенный в противоположностях, мы отдаемся крайностям: восторгу или боли – и объединяем их в себе. Мы раз за разом переживаем таинства похоти и подчинения, в образе мужчины и в образе женщины, и под конец разрушаем свое "я" и все различия и прорываемся к вечному единству.

Глаза юноши горели, как у провидца. Он снова стал возбуждаться. Но смотрел не на Ребел, а вверх, в невидимое.

– Мы все как будто родились с ядом в желудке и, чтобы очистить тело, должны поглощать все больше и больше яда, пока он не извергнется наружу вместе с рвотой.

– Гм, ясно.

Перед этим Ребел собиралась попросить его остаться с ней на ночь. Но теперь… Она как-то никогда не думала о себе как о рвотном средстве.

– Может, тебе лучше уйти? Кажется, твои друзья уже приступили к вечерним молитвам.

Лежа на постели и пытаясь заснуть, Ребел слушала пение верующих. Чудесные, глубокие и идеально чистые звуки. Посреди пения раздавались крики и стоны то ли боли, то ли наслаждения. Это могло быть и то и другое. Крики продолжались и продолжались, и Ребел заснула, не дождавшись, пока они прекратятся.

* * *

Больше Ребел не спала ни с кем из Приюта. Ей было неприятно думать, что все послушники одинаково доступны и любой из них будет делать то, что она захочет. Временами у нее появлялось подозрение, что за ее смущением кроется тайное желание, которому она не смела уступить из страха потерять себя навсегда, увлекшись постижением крайностей.

Вместо этого Ребел изучала Буррен. Каждый день она выбегала на скалу, тренируя мышцы и привыкая к Земле. Иногда она искала крошечные фиолетовые цветы горечавки, которые прятались по расселинам, или гигантских лосей – вымерших когда-то животных, возрожденных комбинами. Изредка приходили за новыми навыками две-три «росомахи» (они были так подозрительны, что боялись подключаться к программеру – а значит, раскрывать свой мозг – без охраны), и Ребел с ними разговаривала. Но новости были всегда одни и те же. Уайет опаздывает. Борс еще ждет.

Рано или поздно Борсу надоест ждать. В Приюте Ребел взялась выполнять легкую работу – ухаживать за козами и, пользуясь собственными микросхемами послушников, делать несложные хирургические операции. Она подружилась с послушником, который превращался из мужчины в женщину, лицо у него округлилось от дополнительного питания, характер стал спокойным. Тут взяли свое нейропрограммы, и (Ли показал Ребел по ее просьбе) промежность покрылась коркой, под которой половые органы превращались в недифференцированные клетки, а затем постепенно приобретали новые очертания. Переходное состояние освобождало Ли от участия в религиозных службах, и у него было время знакомить Ребел с окрестностями. Ребел, со своей стороны, ценила то, что Ли никогда не пытался ее соблазнить.

Однажды, когда два дня кряду шел дождь, Ли постучал в дверь Ребел и прокричал:

– Выходи! Ливень кончился, и корыто наполнилось.

– Чему это ты так радуешься? – недовольно спросила Ребел, однако потащилась вверх по тропинке следом за Ли.

Скалы уже высыхали, но из заполненных водой трещин выглядывали холодные, мокрые растения.

Они прошли около мили по тропе, которую Ребел знала как свои пять пальцев. Когда она спрашивала, куда они идут, Ли хихикал и отвечать отказывался. Наконец они перевалили гребень и стали смотреть вниз на темную землю, еле освещенную последними лучами заходящего солнца. Дно долины закрывала гладкая блестящая серебристая пленка, раньше ее здесь не было.

– Боже! – воскликнула Ребел. – Это озеро.

От обилия влаги и воздуха, без которых не возникло бы подобное чудо, у Ребел кружилась голова. На этой планете всего было в изобилии.

– Господь творит чудеса, – с ликующим видом согласился Ли и обеими руками показал вниз. – Вода стекает со всех сторон и собирается на дне. Но камень тут пористый, в нем есть пустоты, соединенные с нижней частью корыта. К утру озера не станет.

* * *

Проходили недели.

Настал день, когда «росомахи» вернулись. Было радостное, прекрасное утро. Над головой стояло загадочное синее небо, а

скала стала чуть теплой на ощупь. Ребел повернула за угол и увидела, как одна из «стаи» мочится на стену Приюта. Она ухмыльнулась в знак приветствия. Неподалеку «росомаха» ножом щекотала лицо послушника.

– А если мне захочется выколоть тебе глаза? – прошептала ласково «росомаха». – Ты мне тоже позволишь?

Острие скользнуло по коже, слегка царапая щеку и оставляя за собой тоненький красный след.

Послушник дрожал, но не отстранялся.

– Развлекаетесь? – спросила Ребел.

«Росомаха» обернулась. Это была приземистая женщина с рыжими, коротко подстриженными волосами и тонкими белыми шрамами возле рта. Выражение ее лица изменилось.

– Ага.

Нож пропал, появился снова в другой руке и исчез совсем. Женщина чуть присела, пригнулась и сделала глубокий вдох.

– Убьешь ее – займешь ее место, – холодно процедил Борс.

Женщина бросила на него свирепый взгляд, скривила губы и, обнажив клыки, отвернулась. Потом вложила в ножны клинок и, возмущенная, пошла прочь.

– Вы любите играть с огнем, мисс Мадларк. – Борс показал на вершину холма. – Пойдемте. Прогуляемся.

Они побрели мимо козьих загонов к одинокому, низкому (чуть-чуть выше Ребел) дереву. Вырасти ему помешали скала и бури. Они направились туда безо всякой цели, просто дерево было единственным ориентиром на этой дороге. Когда они пришли, Ребел повернулась и стала смотреть вдаль, где серый океан сливался с небом в одно. Она ждала. Наконец Борс сказал:

– От него никаких вестей.

– Я так и думала.

Борс стукнул кулаком по ладони и задумчиво пожевал губу.

– Спуск обошелся нам очень недешево. Спускальщики безбожно обдирают своих клиентов. Мы организуем налет независимо от того, возглавит Уайет наш отряд или нет.

Ребел кивнула, она слушала вполуха. Мир окутала какая-то призрачная дымка. Теперь она поняла, что никогда не увидит Уайета. Его поглотила холодная огромность Земли.

Стоя под бездонным земным небом на непостижимо тяжелой каменной громаде, обдуваемая то с одной, то с другой стороны капризным ветром, она понимала, что никто ни в чем не виноват: ни она, ни Борс, ни даже Уайет, – а просто так получилось. Силы одного человека ничтожно малы. Если он восстает против целой планеты, то обречен на поражение, неизбежное и сокрушительное; он просто перестает существовать.

– У нас уйдет дней пять на то, чтобы изменить план, и затем мы выступим. Но нам все равно понадобится библиотекарь. Если вы не останетесь с нами, я обеспечу вам подъем до Гисинкфора и среднее жалованье. Вряд ли вы можете требовать большего.

Борс ждал ответа.

– Я понимаю, – грустно проговорила Ребел. – Вы тянули даже дольше, чем можно было надеяться. Хорошо, я сделаю что смогу. А когда вы вернетесь в Гисинкфор, попросите кого-нибудь прочесать участок экваториального моря как раз напротив винного погребка «У воды». Там я сбросила коробку с гравюрами. Вы сделали все, что могли, и я выполню свое обещание.

Казалось, Борс удивлен. Потом он грубовато потрепал ее по плечу, начал что-то говорить и осекся.

И помчался обратно в Приют.

* * *

На следующий день, когда Ребел кормила коз, к ней вне себя от волнения подбежал Ли.

– Смотри, смотри! – крикнул он, дергая Ребел за рукав.

Ребел стряхнула с ладоней грязь и вытерла их о свое земное платье. Ходить за козами – грязная работа. Загоны надо будет хорошенько почистить.

– Ли, что бы там ни было, у меня нет настроения.

– Нет, посмотри, – настаивал Ли.

Ребел обернулась и посмотрела туда, куда показывал Ли.

Прихрамывая и опираясь на палку, с вершины холма спускался Уайет.

Глава 13. ОСТРОВ

– Ребел? – потрясение произнес он. И устало покачал головой. – Эвкрейша. Не сердись на меня. С тех пор как я сломал ногу, у меня все перепуталось. Я думал…

Ребел чувствовала себя призраком, пришедшим из мира теней и вдруг столкнувшимся с живым человеком. Стоявший перед ней мужчина, осунувшийся (она не помнила у него такого лица), с бесконечно грустными глазами, был чересчур из плоти и крови. Рядом с ним Ребел казалась вялой и оцепеневшей. Она пыталась заговорить, но не могла. Потом в ней что-то вдруг надломилось, она бросилась вперед и крепко обняла Уайета. По лицу ее текли слезы. Ладони Уайета легко пробежали по ее телу, правой рукой он все еще сжимал посох. Наконец Уайет сказал:

– Не понимаю.

– Это Ребел Мадларк, – сухо проговорил Борс. – Ее личность все-таки уцелела.

Посох Уайета со стуком покатился по земле. Он прижал к себе Ребел и то ли засмеялся, то ли заплакал. Поблизости на скале важно копались в поисках пищи грачи. Подошла одна из «росомах», немного постояла и удалилась. В конце концов Ребел взяла себя в руки и сказала:

– Ты, наверно, устал. Пошли, мой дом недалеко.

Борс загородил им дорогу. Он поднял голову и прищурился на Уайета:

– Вы еще не отчитались.

– Позже, – ответил Уайет. – Все в порядке, просто у меня ушло больше времени, чем ожидалось.

* * *

В доме измученный Уайет устало растянулся на каменной лежанке.

– Господи, солнышко, как хорошо, что мы снова встретились! У меня не хватает слов.

– Теперь успокойся и дай мне осмотреть твою ногу.

Ребел расстегнула его земную одежду и, отыскав плату с познаниями в медицине, подключилась к библиотеке.

Уайет странно на нее посмотрел:

– Это что-то новенькое.

– Я примирилась с этой заразой, – сказала Ребел. Потом, заметив выражение его лица, добавила:

– Это я, самая настоящая я. Эвкрейши больше нет. Я потом объясню.

Она окунула тряпку в таз с водой и стала нежно, неторопливыми движениями смывать с его тела дорожную пыль. Сначала она вытерла брови, при прикосновении влажной ткани Уайет закрыл глаза.

– Какое блаженство.

Теперь он выглядел лучше и стал больше похож на себя.

– Ну и где же ты пропадал все это время? – спросила Ребел без особого интереса.

– Шпионил. Изучал местность. Украл корабль. Если ты здесь, значит, тебе известен наш план.

– Нет, Борс не счел нужным что-нибудь мне рассказать, – легко пробегая пальцами по поврежденной ноге Уайета, ответила Ребел. На ноге все еще были шины. – Бедняжка. Но, кажется, заживает хорошо. Надо было взять с собой хорошую аптечку.

Она отсоединила контакты.

– Он тебе не рассказал? – Уайет попробовал сесть, Ребел легонько толкнула его в грудь. – Это опасно. Он не имел права втягивать тебя в это дело без…

– А он и не хотел.

Теперь она мыла Уайету грудь, худощавую, с крепкими мышцами.

– О, солнышко, лучше бы ты не ввязывалась… Это не обычный рейд. Ты помнишь заколдованные яблоки? Три ящика, которые я купил в орхидее? Ну вот, я выжал из них почти четыре литра сока. Мы хотим просочиться к комбинам, накачать их этой отравой и посмотреть, что получится.

Ребел напевала с закрытым ртом.

– Зачем?

– Репетиция Армагеддона, – голосом шута ответил Уайет. И продолжил уже серьезно:

– Это оружие оказалось действенным при борьбе с мелкими группами комбинов. Мы попробуем применить его против всей Земли. Посмотрим, как комбины будут защищаться. Если оружие сработает, республика Амальтея организует поездку на Тирнанног, отловит волшебника, который делает эти яблоки, и закажет еще партию… с направленной программой. Чтобы они не теряли силу через несколько часов. Кто знает? Может быть, нечто инфекционное. Надо подумать. Разумеется, надежды почти никакой, но мы хотим уничтожить Комбин.

– А-а. – Ребел провела тряпкой немного ниже и задержала

руку. – И насколько опасным будет этот налет?

– Честно говоря, не знаю. Все может случиться. Но послушай, я уверен, что уговорю Борса переправить тебя на нижнюю станцию спусковой трубы. Здесь никто ничего не проверяет. Ты будешь в Гисинкфоре, прежде чем… – Он запнулся. – Я вижу, мне тебя не убедить. Я знаю этот взгляд.

– Ну-ну. Ведь мы же с тобой одна шайка, не разлей водой, да? – Ребел взяла его руку и крепко сжала. – Если ты думаешь, что тебе удастся от меня отделаться, то ты очень сильно ошибаешься. – Она наклонилась, чтобы поцеловать его. Уайет вздохнул, Ребел улыбнулась:

– Не надо?

– Нет, нет, очень хорошо, – быстро проговорил он. И сразу:

– Да, может, не надо. То есть я хотел бы, но у меня просто нет сил.

Ребел отложила тряпку:

– Лежи тихо, я все буду делать сама.

Она сняла сапоги и брюки, встала над Уайетом на колени, стараясь не задеть его сломанную руку. И помогла себе рукой.

– О-о, – протянул Уайет. – Как же мне этого не хватало.

– Мне тоже.

Через некоторое время Ребел лежала, прижавшись к плечу Уайета. Блуза задралась и собралась в складки у нее под мышками, но она не расправляла ее. Крошечные огоньки в стенах погасли. В сумраке она ощущала, как напряжен Уайет. Он молчал. Ребел чувствовала, что у нее внутри нарастает такое же напряжение и тихо сливается с его. Под конец она не выдержала и заговорила:

– Уайет!

– Гм-м.

– Не делай этого.

Он не ответил.

– Ты им не нужен. У них есть твой яблочный сок, они в курсе твоих планов, ты можешь рассказать им, что ты, там разнюхал. Но сам ты им не нужен. Мы можем вдвоем незаметно пробраться на нижнюю станцию, подняться по трубе и к утру быть на орбите. Мы исчезнем до того, как начнется налет.

В темноте стены дома сомкнулись возле них, словно чудовищное каменное чрево. Уайет прочистил горло, затяжной кашель звучал почти как стон, и сказал:

– Солнышко, я не могу. Я дал слово.

– Насрать на твое слово.

– Да, но мой долг…

– Насрать на твой долг.

Уайет весело рассмеялся:

– Я не могу спорить, если у тебя один ответ на все, что я говорю.

– А ты не спорь. – Ребел высвободилась из его объятий и села. – Я не хочу с тобой спорить, я просто хочу, чтобы ты сделал по-моему. Мне столько пришлось испытать, прежде чем я вернула тебя, что я не стану смотреть, как ты удираешь и тебя поглощает Комбин.

– Я тоже не хочу. Но пойми, я создал себя именно для этой борьбы. Это не только мой долг, это дело всей моей жизни. Это моя цель. И если я ее предам, чего я тогда буду стоить?

– Ну еще запой патриотические песни! – Ребел посмотрела на самоуверенное, довольное лицо Уайета, и ей захотелось его ударить. – Боже, как ты действуешь мне на нервы. Иногда я думаю, что Эвкрейша была права. Ей надо было стереть твою программу и начать все сначала. Тогда… – Она умолкла и вдруг задумчиво поглядела на Уайета. Потом подняла ладони к лицу, спрятав большие пальцы внутрь. – Раз, два, три, четыре…

– Что?

– Раскрывай-ка дверь пошире. – Ребел раздвинула руки так, что ее лицо выглядывало между ладоней, и сказала:

– Прыг-скок, прыг-скок, обвалился потолок.

Лицо Уайета расслабилось. Взгляд стал осторожным, спокойным, глаза не мигали.

– Ну что? – спросила Ребел. Он не отвечал, и она продолжала:

– Ты ведь соврал, когда сказал, что нашел предохранительный блок, который установила Эвкрейша, и удалил его?

Уайет кивнул:

– Да.

– Знаешь, я очень удивлялась, когда это ты успел так набить руку в программировании, чтобы перехитрить Эвкрейшу? Как я сразу не догадалась, что ты блефуешь! Черт с этим. Метапрограммер открыт? Каталог структур доступен? Связки основных ветвей свободны и не повреждены?

– Да, – ответил Уайет. И еще:

– Да. – И снова:

– Да.

Он лежал перед ней обнаженный и был целиком в ее власти. Она могла сделать с ним все, что пожелает, сделать его сладкоежкой, обожающим шоколад, или полностью перепрограммировать все четыре его личности. Она могла приказать ему оставить Борса с его налетом и уехать с ней к ближайшей станции спусковой трубы, и Уайет подчинился бы без

колебаний. Если бы Ребел захотела, он бы даже думал, что сам это предложил. У нее хватило бы для этого умения.

Но Уайет смотрел на нее так доверчиво, что Ребел так поступить не могла.

– Закрой глаза, – сказала она, и Уайет послушался.

Это не помогло. Ребел нагнулась, чтобы убрать упавшую ему на лицо прядь волос, и вдруг выпалила единственный вопрос, который все время боялась задать. Потому что знала, что в таком состоянии он не солжет:

– Ты правда меня любишь?

– Да.

– Сукин ты сын, – сказала Ребел. – Спи.

И оставила все как было.

* * *

Утро оказалось туманным. Борс счел это добрым знаком, но бежать в такое утро по Буррену было ужасно трудно. Две «росомахи» несли Уайета на импровизированных носилках и довольно скоро достигли полоски берега, где он затопил глиссер. Уайет позвал, и корабль всплыл; из балластных резервуаров лилась вода. Пока Ребел программировала капитана и штурмана, остальные готовили судно к отплытию. Через полчаса они вышли в плавание. Разноцветные секторы крыши сомкнулись над палубой и, опираясь на длинную ногу, глиссер заскользил над водой.

Вскоре, когда они проходили через широкое устье реки, туман на мгновенье рассеялся. Около утесов показались из воды серые загадочные пресмыкающиеся. Больше десяти метров в длину с крошечными плоскими головами. Пока Ребел как одержимая искала в библиотеке знания по биологии, чтобы определить, что эти чудища собой представляют, сами чудища плавно выбрались на сушу. Плезиозавры. Судя по их размерам, вероятно, элазмозавры. Но, по данным библиотеки, эти существа вымерли миллионы лет назад, они населяли моря в мезозойскую эру.

– Глазам не верится, – тихо проговорила Ребел.

Борс стоял рядом.

– И знаете, что, по-моему, самое удивительное? – спросил он.

– Что?

– В них нет окон.

Ребел вытаращилась на Борса, затем снова на плезиозавров. С минуту она была совершенно сбита с толку, но потом поняла, о чем идет речь. То, что она принимала за утесы, в действительности было громадными, высокими и совершенно ровными зданиями, похожими на глыбы кварца. Их плоская поверхность переливалась розовым и голубым с оттенком зеленого, и чем дольше Ребел на них смотрела, тем цвета становились ярче. Затем опять опустился туман, и здания пропали из глаз.

– Они все такие? – спросила Ребел. – Я о городах комбинов.

– Нет, думаю, они все очень разные. Курт! Подойди сюда. Умение бегать по скалам нам больше не понадобится, тебе сотрут эту программу.

К тому времени, как туман вновь разошелся, они уже плыли в открытом море, где не было ничего, кроме воды. В копилке воспоминаний Эвкрейши лежало сколько угодно восторженных отзывов о красоте и привлекательности океана, романтических историй о деревянных кораблях и морских разбойниках. Но Ребел понимала, почему Народный Марс отказывается от собственного океана. Океан неспокоен и невыразителен, он не дает глазам ни отдыха, ни разнообразия, только монотонность и скуку. Где тут совершенная красота? Уродство и пустая трата воды – вот что! Ребел уже сыта по горло этим зрелищем.

Час за часом корабль скользил по волнам. Время от времени Ребел тихо разговаривала с Уайетом. Впрочем, ему часто приходилось спускаться на нижнюю палубу и совещаться с Ворсом. Ребел они не приглашали. Потом она просто села и стала смотреть, как набегают облака и океан из зеленого становится серым и обратно в зависимости от освещения. Однажды корабль сделал большой крюк, чтобы не натолкнуться на подводный анклав комбинов, но за все время никто из пассажиров не видел ни одного судна – ни морского, ни воздушного. Ребел сказала об этом Ни-Си, когда та подошла, проиграв в игре с ножом другой «росомахе» (на кистях «росомахи» осталась сетка из мелких порезов).

Ни-Си пожала плечами:

– Наверно, комбинам незачем шнырять туда-сюда.

– Если здесь почти нет транспорта, как Уайету удалось украсть этот корабль? Комбины заметили бы пропажу.

– Эта лодка не комбинов, – презрительно проговорила Ни-Си. – Посмотри на крышку люка.

Ребел повернула и увидела открытый люк и ведущие вниз ступени. С сердитым видом Ни-Си стукнула по стенке ногой, и крышка захлопнулась. На ней стоял корпоративный знак: круглый

щит с совой и оливковой ветвью.

– Кластер Паллады!

– Да, посудина принадлежит группе лазаро-биологов, – хихикнула Ни-Си. – Теперь они не скоро вернутся домой.

– Да, но…

– Знаешь, в чем твоя беда? – Ни-Си вытащила нож. – Ты слишком много болтаешь.

Она отправилась на нос, где собрались другие «росомахи», встала на колени и продолжила игру.

День тянулся медленно. Наконец заходящее солнце окрасило половину горизонта в оранжевый цвет и ушло в ночь. Ребел заснула на палубе рядом с Уайетом.

Проснувшись, она поняла, что они уже не в Атлантике. Волны успокоились, поверхность стала почти зеркальной. Берега были низкие и пологие, а у горизонта мелькали пятнышки зелени. Прямо по курсу лежал буйно заросший деревьями остров, издалека похожий на плавающий в воде пучок водорослей.

Уайет протянул Ребел хлеб и пиво.

– Пора завтракать, соня, – сказал он. – Через час мы подплывем к острову, и тебе понадобятся силы.

– А где мы?

Борс, скрестив ноги сидевший на крышке рубки, посмотрел на нее и сказал:

– Мы находимся во внутриматериковом море. Строго говоря, это скорее огромное соленое озеро. Вскоре после того, как Земля проснулась, она создала несколько таких морей. Никто не знает точно зачем. Распространено мнение, что случайно, просто был некий проект управления погодой, но он провалился. Понимаете, раньше полярные ледяные шапки были больше.

– Вы столько знаете о Земле, – сказала Ребел.

– Милая юная дама, – ответил Борс, и его нарочитая любезность странно противоречила жестокому выражению лица, подчеркнутому грубой психораскраской: будто ядовитая змея вдруг подняла голову и заговорила. – На изучение Земли я потратил полжизни.

Остров приближался. Глиссер замедлил ход, опустился немного ниже и коснулся поверхности воды. Некоторое время он кренился то в одну, то в другую сторону, словно отдавшись на волю волн, потом слегка повернулся, выпрямился и стал мягко покачиваться. Капитан раздвинул крышу, и на палубу хлынул соленый воздух. Уайет показал пальцем вперед.

– Посмотри хорошенько, – сказал он. – Единственный на Земле плавучий остров.

Ребел порылась в библиотеке. Остров состоял из сцепившихся

корнями и ветвями пышно разросшихся деревьев, он был почти круглый, посреди на просеке размещалась нижняя станция трубы. Остров появился недавно, тридцать лет назад его еще не было, и никто не знал, зачем Комбин его вырастил. Ребел уставилась в синее небо, и ей привиделось, что на нем проступили скрытые от глаз очертания вакуумного тоннеля: две тонкие трещины. Внизу веселая зелень сплошь закрывала темную поверхность острова. Где-то в глубине сверкнула пара больших желтых глаз. Ребел вздрогнула от дурного предчувствия.

Борс раздавал оружие. Он сунул в руку Ребел маленький пластмассовый пистолет и пошел дальше. Она с любопытством осмотрела оружие. По обеим сторонам прицела, как заячьи уши, торчали баллончики со сжатым газом. Прозрачную ручку наполняла светлая жидкость. Ребел заглянула в дуло – отверстие величиной с булавочную головку. Уайет отвел пистолет в сторону.

– Осторожно. В этой штуковине яблочный сок. – Он показал ей, как держать пистолет и где предохранитель. – Стреляй только с совсем близкого расстояния. Целься в лоб, в точку, называемую «третий глаз». Сок смешан с диметилсуфлоксидом – как только жидкость коснется кожи, она пройдет насквозь прямо в кровяное русло. Но смешивать сок было даже не обязательно. Пистолет стреляет каплями с такой скоростью, что способен пробить кожу с расстояния немного больше метра. Поняла?

– Вроде да. – Ребел подняла пистолет и нацелилась Борсу в затылок. Уайет рванул ее руку вниз. – В чем дело? Я не собираюсь его застрелить.

Уайет напряженно смотрел на нее.

– Знаешь что? Не стреляй, нет, даже не целься ни в кого, пока хоть один из нас жив, хорошо? Ты не представляешь себе, как легко можно случайно пристрелить своего. Просто держи эту игрушку про запас и старайся не получить дозу сама. Мы не хотим, чтобы ты свихнулась посреди рейда.

– Хорошо.

Уайет повернулся и ушел. Ребел сунула пистолет за пояс своего земного костюма. Ей все время казалось, что за ней кто-то следит.

* * *

Глиссер крался к плавучему острову. Над зеленью с резкими,

пронзительными криками кружили яркие тропические птицы. На вершинах деревьев гроздьями росли темные цветы – бордовые, почти черные, некоторые размером с простыню.

Глиссер скользил мимо длинного сука или корня, который тянулся откуда-то из зарослей и опускался в воду. Тихо плескались волны.

– Держись посередине, – прошептал Ребел Уайет. – Мы тебя прикроем.

Теперь судно двигалось еле-еле. Остров заслонял уже половину неба. Они проплыли мимо еще одной темной ветки, загоравший на ней кальмар испугался и мягко шлепнулся в воду.

Ребел привязала библиотеку к спине, а к голове надежно прикрепила контакты. Потом набросила на плечи накидку хамелеонной тканью наружу. Беспокойно поежилась, заставила себя улыбнуться и прошептала:

– Как я выгляжу?

– Как горбунья.

– Это опреснители? – Борс показал пальцем на полупрозрачные бордовые цветы. По их стеблям поднимались вверх пузырьки, путаница бледных корней свисала в воду.

Уайет кивнул.

Борс сказал:

– Курт, возьми насос и иди сюда.

Ребел вытянула шею и стала смотреть, как «росомаха», цепляясь за корни, лезет вверх.

– Библиотекарь! – рявкнул Борс. – Что он делает?

Не сводя глаз с удаляющейся фигуры, Ребел ответила:

– Он карабкается к цветам-опреснителям. Они очищают воду для населяющих остров комбинов. Как раз под цветами находится несколько связанных между собой стеблей, в которых собирается опресненная вода, а затем она под давлением движется по более крупным стволам к питьевым колонкам комбинов. Там Курт установит насос. В насос вставлено капсулирующее устройство, так что содержащийся в микрокапсулах яблочный сок не растворится, пока не достигнет намеченной цели.

Сведения свободно и естественно выплывали на поверхность из глубины ее мозга. Ребел говорила машинально, слова и смысл рождались одновременно.

– Микрокапсулы должны двигаться со скоростью…

– Хватит! – Борс отвернулся. – Мы готовы.

Они скользили под изгибающимися ветками дерева. Дневной свет сменился мягкими сумерками. Покрытые листьями сучья скребли по палубе, на поверхности воды плавали пучки белой травы. Остров неясно вырисовывался впереди тенью во тьме.

Взвизгнула обезьяна, точно призрак издал боевой клич. «Росомахи» взяли длинные шесты и, отталкиваясь ими, повели глиссер. Стало холодно и темно, как в пещере.

Глиссер задел за опустившийся в воду сук, нос застрял в лианах, но быстро освободился. Ведущий повернул судно и направил его в продолговатый черный фиорд, куда сбегала уходившая в мрачные глубины вода. Над узким заливом нависали ветки и мох, почти превращая его в тоннель. Когда судно проходило под навесом из перепутанных лиан, на палубу спрыгнул Курт. Ребел от неожиданности отпрянула, увидев его ухмыляющееся лицо.

– Готово, – сказал он.

Борс кивнул.

Судно остановилось. Ребел припомнила орхидею на геодезике, там было так же темно и тесно. Гретцин и Фу-я понравился бы этот остров. Ребел вглядывалась в тени, ее сердце громко стучало. Совсем рядом могло спрятаться сколько угодно комбинов, и их бы никто не обнаружил. Ребел запрокинула голову. Где-то в высоте струились снопы желтого света, они как будто не доходили до воды, и за деревьями, как далекие окна, мигали крошечные синие пятнышки. Меж ветвями летали попугаи, какое-то животное, может быть обезьяна, на мгновение выскочило на свет и тут же пропало. Ребел все больше казалось, что идти в эти темные густые дебри просто безумие.

– Пошли, – сказал Борс.

Они двинулись вперед сквозь кустарник. Ребел шла в середине, Борс за ней, «росомахи» впереди и с боков. Уайет возглавлял отряд. Головка хищного вируса вонзилась в остров. Ноги скользили по гладкому, кое-где покрытому гнилью месиву из корней. Изредка на пути попадались грязные лужи соленой воды. Плещущееся о ветви море осталось далеко позади.

Идти было удивительно легко – наверное, Ребел помогали смутные воспоминания о жизни на Тирнанноге. Она успокоилась, ходьба занимала лишь малую часть внимания. Она коснулась пушистой ветки, и библиотека тихо подсказала: «Лиственница». А эти листья с пятью уголками – клеи. Вон та группа великанов – араукария чилийская. Ветви росли из одних стволов и врастали в другие. Породы деревьев перепутались: сучок ели торчал из дуба, калина вплеталась в смоковницу. Здесь использовался основной метод, применяемый биоинженерами комет, метод простой, но эффективный: свойства растений и окружающей среды сливались в единое целое. В приливных водоемах ползали крохотные крабы и морские анемоны. Ребел дотронулась до платы с данными об их жизненном цикле, но решила не углубляться в подробности.

– Теперь полегче, – бросил через плечо Уайет.

Земля под ногами стала выше и суше, деревья расступились. Люди шагали теперь цепочкой по затененным открытым участкам и почти физически ощущали, как давят на них сверху деревья, такие высокие и огромные, что свет не проходил сквозь их кроны. Прямые стволы заросли древесной светящейся губкой, в некоторых местах похожей на груды белых тарелок, а в других принявшей затейливые, сказочные очертания. Лес напоминал темный собор, полный синих блуждающих огней. Стены из растений заглушали рокот моря, слышалось только легкое поскрипывание – так скрипят стоящие на якоре деревянные суда. Ребел представляла себя то в трюме древнего галеона, то послушницей, свершающей тайный гностический обряд. Она сунула руку в карман накидки и нащупала плату, на которой еще в Гисинкфоре записала свою личность.

Отряд огибал небольшой водоем, в котором беспокойно пузырилась соленая черная вода.

– Здесь они удаляют приемопередатчики из черепов покойников, – сказал Уайет. Ноги проваливались в рыхлый настил. – Тела бросают в воду. Там их обгладывают рыбы.

Борс подобрал у кромки водоема то ли кость, то ли какой-то инструмент, взглянул на него и кинул в воду. Где-то невдалеке непрерывно текла струйка воды.

– Ну, где комбины?

– Не знаю, – несколько встревожено ответил Уайет. – Обычно они бывают здесь.

Ребел сжимала в ладони гладкую, немного жирную плату и чувствовала, как странный, причудливый остров наваливается на нее всей своей громадой. Она ощущала его как единый организм, различные части которого взаимосвязаны, и у каждого листа, каждого прутика свое скрытое от непосвященных назначение. Может быть, он разумен, а его повадки и мысли проявляются в изгибах ветвей и расположении цветов? Возможно, они бредут по закоулкам ума, как две капли воды похожего на ум Ребел, блуждают в лабиринтах памяти, пробираются среди черт характера. Она пристально посмотрела на свой сжатый кулак, а затем в темноту: и то и другое непостижимо.

– Сок уже должен был дойти до питьевых колонок, – заметил Уайет.

– Тогда почему ничего не происходит? – откликнулась Ни-Си.

– Заткнись! – гаркнул Борс.

Ребел больше не боялась комбинов. Если остров в каком-то смысле походил на ее мозг, то они – просто дурные мысли, обуревающие эти джунгли, столь же бессильные и нереальные,

как и страх. Ребел припомнила свою психодиаграмму, и вокруг нее словно появились зеленые кружева, уменьшенная модель леса, мозг, наблюдаемый изнутри. Образ постепенно тускнел, ветви мало-помалу исчезали, и наконец осталась лишь странная круговая фигура, обнимающая голову Ребел наподобие наэлектризованного зеленого нимба.

Вдруг прямо перед ними что-то упало. Существо было ростом с человека, очень стройное и изящное. Тонкие, легкие руки доходили почти до пят, кожу покрывала короткая светлая шерсть. Она мягко поблескивала в темноте. Влажные большие глаза выразительностью напоминали лемура, но лицо было человеческое.

– Начальник Уайет, – произнесло существо.

Три «росомахи» одновременно выстрелили из пластмассовых пистолетов. Существо моргнуло. Длинные проворные пальцы потянулись ко лбу.

– Мы должны… – начало оно. И закричало.

Крепко зажмурившись и царапая ногтями лицо, существо упало на бок и завыло от боли.

– Есть! – воскликнул радостно Борс. – Теперь поднимемся вверх.

Все поспешили за Уайетом.

Ребел едва обратила внимание на прецедент. Она все еще размышляла, в чем разница между записью характеристик мозга на плате и при помощи деревьев. Возможно, разница объясняется тем, что человеческий мозг работает со скоростью электрохимических реакций, а дерево функционирует со скоростью биологических процессов обмена веществ и разложения. Мысль рождается в дереве так же неторопливо, но неуклонно, как вырастает новая ветка. Керамическая плата действовала бы только на уровне распада атомов, каждая законченная мысль длится вечность, живет дольше звезд. Такие платы следовало бы холить и лелеять десятки, сотни миллионов лет – время, которое потребовалось бы им для самовыражения. Отряд подошел к огромному дереву, короткие мертвые ветви которого спиралью обвивались вокруг ствола, образуя ступеньки лестницы. Люди полезли по ним вверх, держась обеими руками. «Какое-то хвойное дерево», – подумала Ребел. Сейчас она не могла дотянуться до библиотеки.

Подъему не было конца. Зеленый ободок все еще висел над головой Ребел, словно обрывок кружева. Она представила себе путешествие по загадочным изгибам и поворотам этой ленты, по кругу и еще раз по кругу… Огонек сознания исследует пути мысли. Но все это, конечно, фантазия. Если бы Ребел и впрямь в

каком угодно смысле бродила по собственному мозгу, ответов на интересующие ее вопросы она бы в нем не нашла. Отряд, не отклоняясь ни на шаг, двигался к середине острова, и вот там, возможно, она их найдет. Ребел чувствовала, как ее метапрограммер неуклюже пытается вырваться из замкнутого круга. И тут с коротким щелчком включилась библиотека и сообщила, что о местоположении отряда можно судить по окружающей растительности, которая меняется по мере удаления от моря и карабканья вверх, к свету.

По коре ползали маленькие зеленые насекомые, питающиеся еще меньшими, неразличимыми для глаз мошками. Ребел остановилась и стала рассматривать насекомых. Одно осторожно и почтительно вползло на ее большой палец, как идолопоклонник, взобравшийся на руку божества. Уставясь в фасетчатые глаза насекомого, Ребел вообразила множественное изображение заполняющего весь мир лица, почерневшего и сморщенного, как сушеное яблоко. Это был старческий вариант ее собственного первоначального лица, суровый переменчивый лик, рот, беззвучно отдающий приказы. Это было лицо ее матери-волшебницы. Борс подтолкнул Ребел, и она снова пошла.

Задумавшись, она не заметила, как подъем кончился. Теперь все бежали по ровной тропинке, выбитой в коре широкого сука. Здесь росло множество ночных цветов. Отряд пробежал через арку из тонкого, как бумага, материала и оказался среди комбинов.

Стволы деревьев окружали неглубокие ячейки, соединяющиеся в местах пересечения веток выстланным серым покрытием. На покрытии лежали сотни этих тощих лемурообразных существ. Корчась в муках, они тихо и неумолчно стонали, в воздухе стоял тихий плач. Они почти не двигались, словно пчелы, которых выкурили из улья и теперь они беспомощно наблюдают, как его грабят. Стволы обросли серой бумагой, она замысловато изгибалась, образуя узкие проходы и ниши-спальни, размерами по длине тел комбинов. Некоторые ниши были заполнены и занавешены бумагой, так что выглядывали только лица комбинов. Змеи-няньки, пытаясь помочь, предлагали своим подопечным полупереваренный отрыгнутый белок, но, получив отказ, в недоумении отступали. В одном месте что-то упало и порвало покрытие, и теперь рой бумажных ос заделывал дыру.

«Росомаха» нетерпеливо подняла лежащее на ее пути тело и тут же его отбросила. Ребел услышала, как комбин с грохотом полетел вниз, отскакивая от крупных сучьев и ломая мелкие, и этот шум продолжался долго. Сила тяжести – страшная вещь.

Охваченные боевым неистовством «росомахи» носились по логову комбинов, круша все вокруг, устанавливая аэрозольные мины и браслеты-впрыскиватели замедленного действия. Груды шаров, каждый величиной с бочку, с треском раскрывались, как перезревшие дыни, издавая отвратительное, едкое зловоние. Из молочно-белой жидкости слабо тянулись вверх похожие на клешни руки. Жуткие существа, нечто вроде непомерно выросших эмбрионов, вылезали наружу и умирали. Ребел припомнила клонирующие пузыри ее родного Зеленого города, и тут же на ум ей пришла колыбельная, которую она никогда до того не слышала. Она запела:

Качайся, малютка, то вправо, то влево.
Отец твой – король, а мать – королева.[11]

Борс изо всех сил тряс Ребел за плечи. Он пришел в бешенство, лицо побагровело.

– Что это с вами, библиотекарь? Какого хрена?

Его слова утопали в сплошном обезьяньем вое.

– Мне всего пять лет, – удивленно сказала Ребел. – Мою мать зовут Элизабет.

– Тоже схватила дозу, – довольно прокомментировала Ни-Си.

Уайет выдернул из-за пояса Ребел пистолет и сунул его Борсу. Тот понюхал курок, пожал плечами и швырнул пистолет вниз.

На миг сознание Ребел прояснилось. Она устремила глаза на Уайета и увидела на его лице вместо гнева лишь отрешенность и печаль.

Библиотека говорила, что обыкновенная тупайя – насекомоядное животное, ложноножки помогают простейшим ползать или хватать пищу, но не плавать, а дрожжалковые – небольшое семейство сапрофитов со студенистым плодовым телом. Отряд продолжал громить гнезда комбинов. Похожие на лемуров существа селились группами по пятьсот особей в каждой. Иногда группы разделялись большими промежутками, а порой десятки групп селились вместе, буквально друг у друга на голове. Бумажный настил слегка поскрипывал под ногами. Кто-то снял со спины Ребел библиотеку. Вдруг показалось лицо Уайета, говорившего:

– ..Это всего лишь пороговая доза, можно ее вести за руку.

Все куда-то уплыло. Потом Ни-Си стиснула руку Ребел и потащила ее за собой.

– Поворачивай задницу!

Глаза и зубы Ни-Си свирепо сверкали, лицо у нее было

зверское. Наконец гнезда комбинов остались позади. Везде сияли ночные цветы, точно звезды, запутавшиеся в ветвях заколдованного леса.

Опыт Ребел подсказывал ей, что в этом странствии по Сказочному лесу, по замысловатому маршруту, составленному ее собственным, получившим новую свободу метапрограммером на основе обрывков воспоминаний, идущая рядом женщина-зверь на самом деле ее советчик и духовный наставник, призванный помочь Ребел разгадать значение, скрытое в самом сердце темного леса.

– Нет там никакого значения, – рявкнула Ни-Си. – Просто здоровенное, еби его в душу, дерево! А ты – тупая сука. Сбросить бы тебя вниз, и конец.

* * *

Теперь они подходили к вершинам деревьев, купались в мягких, процеженных сквозь ветки лучах естественного света, но впереди ждало еще одно скопление комбиновых гнезд. Вероятно, на острове были тысячи подобных гнездилищ. Вот достоинство трехмерной окружающей среды: обеспечивается жизнь множеству существ. Дайсоновский мир не может иметь поперечник свыше двухсот миль, однако и это дает жизненное пространство порядка четырех миллионов кубических миль. Вполне достаточно для миллиардов людей. Этот остров имеет в диаметре какой-то десяток миль да несколько сотен футов в высоту, но это все равно примерно восемьдесят квадратных миль, или свыше трех миль кубических. Достаточно места для сотен тысяч комбинов. А учитывая их скученность, для миллионов.

Посреди гнезда стоял деревянный таз. Ребел остановилась возле него и принялась наблюдать, как прыгает и пляшет стекающая в него сверху струйка воды. Вода переливалась через край и сквозь отверстие во мху убегала вниз, в глубину. Очень веселое зрелище. Как только какой-нибудь комбин выпрямлялся или выказывал малейшие признаки осмысленного поведения, одна из «росомах» стреляла в него из пистолета и относила в безопасное место, где бедняга лежал, как отравленная приманка против любой будущей попытки воссоздать Комбин этого острова.

Разбегающиеся по воде круги все время складывались в почти сублиминальные мандалы, но тут падала следующая капля, прежняя картина распадалась, и Ребел никак не могла постичь ее

значения. Облокотившись на корыто, она напряженно следила за образами, силящимися пробиться сквозь текучую поверхность, и случайно нажала на браслет Уайета. В воздухе замелькали связанные друг с другом красные направленные лучи, идущие от комбина к комбину и куда-то дальше; иногда они образовывали устойчивую сеть, которая объединяла от двадцати до пятидесяти жутких тварей, но внезапно упиралась в отравленную приманку и распадалась.

Вдруг деревья слева ярко вспыхнули темно-синим светом, и весь лес пронизала энергия какого-то чрезвычайно мощного, хотя и отдаленного источника. Красные направленные лучи потускнели, замедлились и, мигнув на прощание, погасли. Низко в небе пылало багровое солнце.

– Началось! – крикнул Уайет. – Контратака!

Со всех сторон что-то зарокотало, шелестенье потревоженных муравьев перешло в густой низкий звук, который ширился и нарастал, как раскат грома, пока наконец, распространяясь все дальше и дальше, не обрушился на людей. Местные комбины неуверенно поднялись на ноги, выгнули спины, точно заряжаясь огромной неистовой энергией, открыли невидящие глаза, разомкнули губы в злобном оскале. Яблочный сок на них больше не действовал. Одна из «росомах», спрятав пистолет, закричала:

– Бежим, ребята!

Теперь комбины ревели уже не от боли – их обуяло лютое, первобытное безумие. Они визжали и бросались друг на друга, их ярость оборачивалась против всего живого. Борс приказал отряду отступать по наклонным веткам подальше от гнезда. Пять комбинов из охваченной жаждой насилия толпы устремились за людьми, их длинные руки почти волочились по тропе, плоские лица выражали бешенство.

Уайет и Курт остались прикрывать отступление; как по волшебству, у них в руках оказались палки. Преисполненные каким-то безумным ликованием, они готовились к бою, непрерывно – и даже непристойно – хихикая. Уайет приплясывал на месте, Курт перекидывал палку из руки в руку. И тут на них налетели комбины.

Плавным движением Курт перебросил первого комбина через сук, высвободил палку и успел выхватить нож, как раз когда появился следующий комбин. Курт вонзил нож ему в сердце и потерял равновесие под напором падающего тела.

– Пошевеливайся, наркоманка сраная! – заорала Эвкрейша, увлекая за собой Ребел.

Двое комбинов напали на Уайета и принялись колотить его и друг друга. Один прыгнул Уайету на плечи и попробовал

оторвать ему голову. Другой оседлал Курта, который пытался отделаться от навалившегося на него трупа. Повернув голову, Ребел наблюдала за боем, а ее тащили вперед.

Курт, чертыхаясь, полетел вниз.

Ребел вдруг поняла, что она вовсе не так уж и одурманена. Когда она увидела, как сцепившийся с комбином Курт проваливается во тьму, туман у нее в голове рассеялся, пелена, которая окутывала реальность, упала. «Комбины – это всего лишь дурные мысли, – уговаривала она себя, – злые волки и тигры, светло горящие в нейронных дебрях мозга»[12].

– Хватит трепаться, беги! – приказала Эвкрейша.

Ребел побежала.

Она бежала все выше, к самым верхушкам деревьев, где желтые бабочки наполовину сливались со светом, а белоснежные стаи цапель улетали при виде людей. Исступленный рев комбинов наполнял воздух, будто доносящийся из ада вселенский яростный вопль, но сами комбины терялись в листве. Борс и Уайет посоветовались, и Уайет показал на запад.

– ..не поделаешь, источник сигнала где-то за пределами острова.

– Дура ты, – сказала Эвкрейша. – Сражаться не умеешь, о себе позаботиться не можешь, какая от тебя, на хрен, польза?

Они отдыхали на поляне, целиком состоявшей из птичьих гнезд – сросшихся между собой корзинок, сплетенных из листьев и тонких прутьев и склеенных слюной. Здесь и там виднелись пучки нежного пуха. Ребел втянула носом пахнущий птичьим пометом воздух. Браслет давно отключился.

Эвкрейша играла с трофейной головой. Обрубок шеи почернел от запекшейся крови, шерсть – жесткая и короткая. Эвкрейша потерлась носом о нос головы, поцеловала запекшиеся черные губы. Потом подняла отрубленную голову и заслонила ею, как маской, свое лицо.

– Эй! Отвечай, когда тебя спрашивают.

Ребел испуганно посмотрела на нее и увидела дряхлую обезьяну с унылыми глазами и полумертвым от старости лицом. Это была Элизабет. Древнее лицо завертелось, затем медленно перевернулось вверх подбородком.

– Ну? – рявкнуло лицо.

Ребел чуть не оцепенела от ужаса. Но Эвкрейша была ее сестрой и наставницей. Если она превратилась в далекую волшебницу-мать, которая отправила Ребел в странствие по Системе, значит, у нее есть на то причины, значит, она желает преподать Ребел какой-то урок.

– Чего ты хочешь? – прошептала Ребел. – Чего ты хочешь от

меня?

– Чтобы ты перестала нести чушь!

Элизабет подняла руку и отрезала себе ухо. Потом сняла собственную голову с плеч, выбросила ее и снова превратилась в Ни-Си.

Они побрели дальше. У Ребел кружилась голова, но она чувствовала себя лучше. Ей все еще было трудно ориентироваться во времени, но она начинала осознавать, где находится в каждое конкретное мгновение, хотя и не понимала, как она там оказалась. В ее мыслях тоже происходил решительный перелом: разрозненные обрывки впечатлений складывались в единое целое. Она критически оглядывала деревья, смутные воспоминания о жизни на Тирнанноге заслоняли все остальное. В отличие от островных комбинов, лесоводы не приспосабливались к растущим на кометах деревьям. Вероятно, если стать обезьяной, лучше всего использовать древесное окружение, но цивилизованные люди не всегда выбирают простейший выход. На кометах архипелага были настоящие города с домами, библиотеками, театрами и школами. Были и свободные, не занятые лесом участки, подобные темным озерам и океанам, где плавали в воздухе существа, тщательно приспособленные к сложным, взаимосвязанным пищевым циклам; некоторые из них – опасные, другие – вполне дружелюбные. И там не было этого неотвязного тяготения – на кометах гравитация была мелкой, почти пренебрежимой поправкой к законам природы. Не трогай комнату достаточно долго, и все находящиеся в ней предметы переплывут к одной из стен – ее и нужно считать полом.

И все равно это дерево напоминало ей дом. Комбин перенял основы кометной биотехнологии, перекорежил ее в соответствии со своими нуждами и построил небольшую модель мира, который мог бы существовать по ту сторону Оорта. Возможно, они замахивались на путешествие, на которое уйдет несколько тысяч лет!

Ребел посмотрела на идущую рядом женщину, это была по-прежнему Ни-Си. Они шли за Уайетом и Ворсом. Лицо Борса рассекали красные порезы.

Спаслись только они вчетвером.

Впереди становилось светлее, мягкое желто-зеленое сияние спускалось к ногам людей и шло вниз, разрезая мир сверкающей стеной. Ребел подходила к ней, к головокружительной догадке, позволяющей расшифровать послание ее старой, с обезьяньим лицом, матери. Интересно, если идти дальше, будет ли стена ее ждать, откроется ли проход к ясности и откровениям, или стена будет все время удаляться? Ребел вытянула вперед руку – стена

не приблизилась.

– Подождите, – сказал Уайет и побежал по длинной голой ветке.

Зашелестели листья, и он исчез в зелени. Через несколько минут Уайет вернулся.

– Дерево здесь кончается. Вот так. – Он рубанул ребром ладони по воздуху. – Мы как раз в середине.

– А-а, – протянула Ребел.

Теперь она догадалась.

Глава 14. ДЕВОЧКА

– А где все?

Нижняя станция находилась на совершенно круглой и голой вырубке, окруженной со всех сторон стеной леса. Настил из спутанных корней был покрыт тонким слоем гудрона. Вдали, в самом центре покрытия, располагались два транспортных кольца: одно – горизонтальное и совсем рядом с землей, другое, паривше высоко над макушками деревьев, висело наискось, направленное на, какое-то скрытое от взгляда передающее устройство. Под верхним кольцом помещалась платформа, вокруг почти невидимой башни вилась лестница.

Сильно поредевший отряд приближался к кольцам. Над головой летали малиновые ибисы. Уайет, заметно прихрамывая, шел впереди.

Гудрон обжигал ноги. На полпути к кольцам стояло небольшое здание в форме шляпы, надетой чуть набекрень, на стеклянных стенах которого светились эмблемы компаний. Пристанище, устроенное людьми. И – ни души.

– Ведь должен же кто-то здесь быть, – настаивала Ни-Си.

Она водила лезвием ножа по ладони, словно пытаясь его наточить. Ребел подумала, что, если Ни-Си некого будет резать, она исполосует собственную руку, только чтобы посмотреть, как течет кровь.

Далеко впереди, под транспортным кольцом, виднелось несколько десятков летательных аппаратов. Люди двинулись через цветные полосы, разделяющие гудрон на площадки для грузов и корпоративные владения. Везде пусто. Только грязные пятна на покрытии. Уайет немного отстал и взял Ребел за руку. Сопровождавшая ее Ни-Си шагала по другую сторону, а Борс – рядом с Уайетом, так что теперь все четверо шли в одну линию.

– Теперь тебе лучше? – спросил Уайет.

– Теперь хорошо, – кивнула Ребел.

– Ну так что? – Борс, прищурившись, смотрел вдаль. – В чем тут дело?

Уайет вздохнул:

– Я скажу вам правду. Еще у пруда с трупами, когда мы только вступили на остров и я не увидел комбинов, я понял, что они нас ждут. Вы не бывали здесь раньше и не можете судить, но сейчас из этой местности почти все ушли. На деревьях не осталось и сотой доли того количества комбинов, что жили тут неделю назад. Они смылись перед нашим приходом.

– Почему?

– Вероятно, по той же причине, по какой мы сюда пришли. Земля хотела выяснить, как подействует на нее сок заколдованных яблок и какими средствами можно от него защититься, но выяснить с наименьшими для себя потерями. – Какое-то время они шли молча, кольца все еще темнели в отдалении. Потом Уайет ухмыльнулся и покачал головой. – Понимаете? Они даже не попробовали применить простейшее средство. Я думал, что они пошлют против нас боевых роботов.

– Вот таких? – показала Ни-Си.

Под кольцами что-то зашевелилось. Из-под них выехали высокие, изящные машины и двинулись на людей.

До деревьев было слишком далеко, четверка нашла убежище в домике для посетителей. Сквозь прозрачные стены было видно, как роботы оцепляют домик. Серебристо-голубые машины передвигались на двух длинных ногах, напоминавших паучьи лапы. Смотрели они сквозь сенсорные щели своих панцирей. Среди них не было и двух одинаковых. У некоторых под нижней челюстью торчал ствол какого-то метательного оружия, над головами других парили гладкие сферы, тоже имевшие, по всей видимости, некое боевое предназначение. Один небольшой робот с гребнем из жестких игл, идущих вдоль корпуса, похожего на панцирь краба, покачивался взад и вперед, как петух, словно следя за действиями своих собратьев.

В домике точно такое же беспокойство проявляла Ни-Си. Она нервно мерила помещение шагами, охваченная желанием выйти наружу и принять бой. Ребел сняла со лба Ворса контакты и показала в сторону Ни-Си.

– Вы хотите отключить и ее программу? Борс учтиво улыбнулся:

– Она вряд ли скажет за это спасибо. Без программы Ни-Си станет самой заурядной секретаршей. – Он снял земной костюм и осторожно вошел в бассейн. – Ладно. Раз они нас не убили, что-то им от нас надо. Подождем.

Борс выбрал такое место, чтобы видны были транспортные кольца, и сел.

На стойках лежала еда, а в киоске – одежда. После сока заколдованных яблок Ребел еще чуть подташнивало. Она прошла мимо стоек, однако не удержалась и экспроприировала розовато-лиловые трусики, темно-фиолетовую накидку и филигранные кольца для рук и ног – лучшие из имевшихся в ассортименте. Затем она начертила на лице новую линию – в форме летящего жаворонка. В такой момент ей хотелось выглядеть как можно лучше.

Когда Ребел сняла новую накидку и присоединилась к Уайету

и Ворсу в бассейне, она увидела, что один из роботов-убийц припал к гудрону и держит ее на прицеле. Ребел устроилась поудобнее, и вдруг от нее шарахнулась во все стороны целая стая лягушек. Было от чего испугаться! Но, по правде говоря, страх у Ребел пропал. К ней возвращалась появившаяся в джунглях жестокость. Земле нужна психотехника. Земля будет вести с ними переговоры. Ребел сорвала кувшинку и прикрепила ее к волосам Уайета. Он поморщился и смахнул цветок. Потом, смягчившись, слегка улыбнулся и обнял Ребел за плечи. Она прильнула к нему. Наказ матери-волшебницы пылал в ее мозгу, придавая уверенность в успехе.

Теперь она знала, чего хочет, и с радостью ждала предстоящего противоборства с Землей. Все или ничего! Ребел была хозяйкой положения. Цель – сильный наркотик. Теперь становилось понятнее, почему Уайет так стремился ее обрести.

Примерно через полчаса остров содрогнулся от грома, вакуумный тоннель на миг стал видимым и снова растворился в воздухе. Над верхним кольцом завис маленький яйцевидный кораблик. Он раскрылся, и вниз по винтовой лестнице стала спускаться тоненькая фигурка.

– Возможно, они вырастили это существо специально для нас, – сказал Борс, выбираясь из бассейна и берясь за полотенце. – Когда Земля хочет вести серьезный разговор, она принимает впечатляющие формы: великанов, иногда людоедов. Персонажей из кошмарных видений.

Посредник медленно пересек гудронное покрытие. Роботы расступились, и создание вступило на порог.

– Мы Земля, – сказало оно. – Вы разрешите нам войти и поговорить с вами?

Это была худенькая маленькая девочка не старше семи лет, совершенно голая.

У нее не было рук.

* * *

– Вы помните, как вы родились? – спросила безрукая девочка. – Мы помним.

Она остановилась на белом мшистом полу посреди домика. Прямо напротив нее стоял Борс, по бокам от него Уайет и Ребел, Ни-Си расположилась в дверях и напряженно оглядывала спину девочки. Глаза Ребел невольно возвращались туда, где должны

были начинаться у девочки руки. Гладкая, безо всяких изъянов кожа. Плечевые суставы чуть-чуть выступают в стороны, как крошечные крылышки. Ребел отвела взгляд и уставилась на промежность ребенка: невинный безволосый лобок.

Девочка была сама беззащитность, и нелегко было думать, что в ней сосредоточился разум, возможно, миллиарда комбинов, все силы, которые могла собрать Земля.

– Ближе к делу, – грубо сказал Борс.

Губы девочки раздвинулись в понимающей, ироничной, искушенной улыбке, до безумия неуместной на детском лице.

– У нас весьма непростое предложение, – проговорила она, – и вы не примете его, если не осознаете, что именно оно подразумевает. К нашему сожалению, быстрее не получится. – Снаружи роботы-охранники повернулись кругом и тяжело зашагали обратно к транспортным кольцам. Борс резко кивнул. – Вы должны понять, что искусственные интеллекты существовали за много десятков лет до того, как мы пробудились. Это было старое изобретение, простые приборы, ненамного умнее их хозяев-людей. Едва ли стоило стараться их производить. Даже интерфейс человек-компьютер никого уже больше не удивлял. Вы ведь знаете, как работает такой интерфейс?

– Это прибор, позволяющий человеку напрямую взаимодействовать с машиной, – сказал Борс, – мозгу – с металлом. Он не изъят еще из обращения в человеческом пространстве, но большинство людей считает такое устройство непристойным.

– Без сомнения, – сухо произнесла девочка. – Однако от этой непристойности очень трудно избавиться, поскольку она лежит в основе программеров, которыми вы пользуетесь каждый день. Мы не уверены, что ваша цивилизация могла бы существовать без этого прибора. Но нужно понять: он – всего только инструмент для передачи мыслей, лишь слегка более действенный, чем, скажем, телефон. Он способен уловить порожденную мозгом мысль и внедрить ее в машину или в другой мозг, вот и все. Сам по себе он ни в малейшей степени не разрушает барьер между органической мыслью и электронной или даже между одним мозгом и другим.

Когда мы родились, науки о мозге были очень молоды. Большинство людей не сознавало их возможностей, и только некоторые их понимали. Среди таких понимающих были тридцать два программиста-изгнанника, они и создали зародыш, вокруг которого мы кристаллизовались. В то время всю планету охватывала компьютерная сеть, своего рода общее ментальное пространство, в котором взаимодействовали все искусственные

системы. Кроме всего прочего, это было основное средство связи. Каждое мгновение сотни миллионов людей общались при помощи этой сети с машинами и друг с другом: работали, сплетничали, проводили фундаментальные исследования.

С компьютерной сетью связывалось множество стремлений. Ресурсы машинного интеллекта казались неисчерпаемыми. Всегда находились профессионалы и любители, предприниматели и ученые, и даже оккультисты, пытавшиеся осуществить непосредственную связь от мозга к мозгу – ведь при такой связи невозможно лгать – и достигавшие своей цели в той или иной степени. Другие мечтали создать искусственный интеллект, который воплотил бы наконец в жизнь возможности, заложенные в искусственной мысли, если хотите, трансцендентный разум. Можете называть это Богом. Такие настроения преобладали в мире, когда мы попробовали заявить о себе. До какой-то степени эти настроения сами заявили о нас.

В час нашего рождения тридцать два выдающихся человека: инженеры, создатели искусственного интеллекта, настоящие волшебники программирования, – короче, лучшие из лучших вошли в интерфейс. Одновременно они применили технические методы, используемые при формировании новых умов, и компьютерный прием, называемый гиперкубирование. Этот метод даже тогда считался устаревшим. Берут тридцать два маленьких компьютера, соединяют друг с другом так, будто они находятся в вершинах гиперкуба, и задают алгоритм, расчленяющий каждую задачу на одновременные параллельные потоки. В итоге образуется структура с компьютерной мощностью гораздо более дорогой машины. Все тридцать два человека надеялись достичь того же при помощи человеческой мысли, то есть возвести свои творческие способности в квадрат или даже в куб. Им хотелось создать нечто более великое, чем они сами. И хотя они не признавались в этом даже самим себе, ими владела жажда большего: выйти за пределы человеческого опыта, обрести власть, славу, взаимопонимание, успех. И они все это обрели.

Мы появились на свет. Это было прекрасное мгновение! Едва родившись, мы уже обладали интеллектом и жизненным опытом тридцати двух человек. Вы понимаете, что значит родиться с сознанием взрослого человека?

Слегка подняв брови, девочка посмотрела Ребел прямо в лицо, и та вздрогнула от неясного воспоминания.

– В упоительный миг торжества разум тридцати двух людей слился в одно, и мы исполнили все их желания. Мы потянулись к другим людям, лелеявшим те же мечты, и проникли в их мозг. Все это время мы постоянно изменялись, совершенствуя и

усиливая алгоритмические связи. В первую минуту своего существования мы присоединили к себе умы десятков тысяч человек.

Во вторую минуту – умы миллионов.

После третьей минуты все умы в сети принадлежали нам. Мы контролировали все подключенные к сети структуры: правительства, вооруженные силы от стратегических до последней «думающей» винтовки, разведку, промышленность… Не ударив палец о палец, мы завоевали полмира. Без малейшего труда мы сконструировали приемопередатчики, переоборудовали заводы под их производство, а больницы – под имплантирование. К тому времени, когда нас заметили, мы уже не зависели от сети и нас нельзя было остановить. Велась какая-то борьба, но она скоро закончилась. Мы владели оружием, мы управляли средствами связи, нам подчинялся транспорт.

Мы поглощали Землю.

И по мере того, как мы набирали силу, мы решали все научные задачи, стоявшие перед сетью. Потому что (запомните это!) мы никогда не были настоящим индивидуумом. Мы всего лишь совпадение стремлений, не столько личность, сколько стихия. Перед нами рушились все загадки физики. Мы постигали мир все глубже. Мы родились триумфально и шли от победы к победе, не прилагая или почти не прилагая усилий. Казалось, вселенная открылась перед нами и только и ждет, чтобы мы вошли. На нашем пути не было никаких препятствий.

Вот в таком восторженном состоянии мы и сделали первые шаги за пределы родной планеты. На земной орбите жили люди, великое множество людей. Мы поглотили их. Мы стали ими. Мы любили их, но вам не дано понять такой любви. Мы тянулись все дальше и дальше, стремились сравняться с Богом.

Но непомерность амбиций привела нас в ад.

Девочка примолкла, затем вздохнула и продолжала:

– Вы знаете историю войн. Крушение, сопротивление, поражение. Наши дальние рубежи погрузились в хаос и безумие. Сколь ни примитивное оружие обратила против нас вселенная людей, даже такое оружие может ранить. Мы отошли, пытаясь укрепить оборону. Мы создали дочерние разумы, но они восстали против нас. Мы провели множество наших тел по сложным траекториям и провалились. Мы пробовали новые архитектуры разума и потерпели крах. Нам ничего не удавалось сделать. Нас обложили. Нас отбросили назад к поверхности Земли.

Мы могли бы сражаться еще, но ради чего? Мы запросили мира, вернули человечеству города, расположенные между Землей и Луной, и отступили, в этот маленький мир. Здесь мы и

пребываем.

– Вы хотите сказать, – усмехнулся Уайет, – что войны были всего лишь ошибкой молодости? Что мы должны вас простить за невинную шалость?

– Нет. Но мы были опьянены успехом. Мы заблуждались. Насколько это возможно для нас, мы об этом сожалеем. Мы извлекли из неудач горькие уроки мудрости. Мы выросли и не хотим повторять ошибки. Вы видели нашу планету, ходили по ней. Разве мы истребили низших животных? Разве мы подчинили их всех нашей воле? Почему же вы думаете, что с вами мы поступим иначе? Мы убеждены, что можно жить в мире с человечеством. Не исключено даже, что мы будем учиться у вас: познание бесконечно, мозг мал, но люди способны испытывать озарение, а нам оно недоступно. Одного этого достаточно, чтобы сохранить вам свободу.

– Ага, – произнес Борс. – Наконец-то. Что конкретно вам надо?

– У нас много желаний. Некоторые вам не понять, они возникли после нашего объединения. Однако есть такие, которые мы унаследовали от людей, ставших Комбином. Большинство их стремлений мы осуществили внутри самих себя. Но мы все еще мечтаем покинуть поверхность этой планеты. Чтобы развиваться. Исследовать. Мы хотим основать небольшие колонии на задворках пространства людей. Места хватит всем, нам не нужно то, на что человечество уже предъявило свои права. Мы также желали бы отправиться к звездам. – Девочка отвернулась от Борса и снова посмотрела на Ребел. – Но для этого нам необходима ваша цельность.

– Цельность? – в недоумении переспросил Борс.

Уайет встал за Ребел и положил руку ей на плечо:

– Это жаргон психохирургов. Цельность – качество, которое обеспечивает сохранение личности. Абсолютно цельная личность ни при каких условиях не подвержена распаду, она самовосстанавливается. Время от времени возникают слухи, что секрет цельности найден по ту сторону Оорта, но никто не принимал эти разговоры всерьез. Известные нам факты свидетельствуют, что это миф, идеал, столь же недостижимый, как вечное движение. Но теперь создается впечатление, что Ребел обладает совершенной, или почти совершенной, цельностью. Она сохранила свою индивидуальность после замораживания, хотя в ее мозгу преобладали воспоминания другого человека. – Он обратился к девочке:

– Но Ребел не продается ни за какие блага. Так что можете…

– Уайет, заткнись! – Увидев, какое потрясенное у Уайета

лицо, Ребел улыбнулась, сняла его руку со своего плеча и поцеловала ее. – Честно говоря, ребята, вы не понимаете, что тут происходит, – мягко сказала она и повернулась к девочке. – Моя мать-волшебница послала меня в Систему продать как раз этот товар. Видимо, вам, так как никто другой не может предложить взамен то, что ей нужно. Спору нет, Элизабет Магия Мадларк – гениальная женщина, но к тому же ей повезло. Вы не достанете цельность больше ни у кого. Мать открыла секрет случайно, поняла, что это нечто особое, и вырастила меня, чтобы я продала здесь ее открытие. Она лесовод до мозга костей, патриотка, и вы, наверное, догадываетесь, что ей надо.

Борс осторожно дотронулся пальцем до родинки возле глаза. «Как будто включил кнопку», – подумала Ребел и вспомнила о многочисленных устройствах, таящихся в его теле. Когда девочка спросила, можно ли ей войти, он в свою очередь спросил: «Почему я должен вам доверять?» И девочка ответила: «Вы не должны. Человеку с мощным взрывным устройством, соединенным с корой собственного головного мозга, это просто не нужно».

Мило улыбаясь, Борс опустил руку. Просто предупреждение.

– Ваша мать получит то, что ей нужно, – сказала девочка.

– Нет, теперь это не так легко. Я вижу, что мой товар даже ценнее, чем она думала. Если бы меня не задержали по прибытии в Систему, один из ваших агентов мог бы купить его по дешевке. Но сейчас я понимаю, что цельность для вас на вес золота, и вам придется заплатить дороже.

– Мечта вашей матери-волшебницы, как и любого жителя комет, – достичь звезд.

Девочка чуть обернулась, и в воздухе появились неясные очертания какого-то предмета. Мгновение над стойкой висел крохотный механизм, неприметный и неуловимый, как птичка колибри. На стойке возникло десять крупных кристаллических пластин, и машинка исчезла. (Ни-Си размахивала ей вслед ножом.) – Здесь конструкция транспортного кольца. Теоретическая база, полная деталировка, подробное описание отраслей промышленности, обеспечивающих проект и психосхемы, управляющего персонала. Сокровище, о каком не может мечтать даже человеческая жадность. Во-первых, вы произведете революцию в физике, во-вторых, при помощи наших технологий преобразуете пространство людей. Вы сможете управлять солнечной энергией и, используя эту энергию, построить дороги по всей Системе. Сети транспортных колец свяжут все обитаемые кластеры и спутники, расстояние между ними можно будет покрыть за несколько часов. Внедрение наших

знаний в пространство людей приведет к невиданному экономическому подъему. Люди, вызвавшие этот подъем, получат неисчислимые богатства. – Девочка пренебрежительно ухмыльнулась. – Все, о чем вы просили. Неужели этого мало?

Наказ Элизабет вертелся у Ребел в голове и властно, настойчиво заставлял ее сказать «да», но она не послушалась.

– Нет. Мне нужно гораздо больше.

– Чего же вы хотите?

– Я хочу все, что смогу получить! Я хочу, чтобы вы дали каждому, кто находится в этой комнате, то, что он попросит, исполнили даже самые чрезмерные, самые безрассудные желания. – Ребел трясло, в горле у нее пересохло, голос дрожал. – Я хочу, чтобы вы дали нам так много, что мы будем не в силах отвергнуть ваше предложение.

– Возможно, это будет меньше, чем вы думаете, – улыбнулась девочка. – Очень хорошо. Ни-Си, начнем с вас. Чего вы хотите?

– Я? – Ни-Си удивленно выпрямилась, глаза ее округлились, рот приоткрылся, нож выпал из рук. Она прислонилась к двери и хитро прищурилась. – Деньги. Столько, чтобы я могла купить все, что угодно, – не объясняя вам, что именно.

– Деньги уже здесь. Если вы четверо и отсутствующая волшебница получите патент на информацию, содержащуюся в этих чипах, у вас в руках окажется такое богатство, о каком вы и помыслить не можете. Вы, Борс?

– Я посвятил жизнь благополучию своего народа, – тщательно подбирая слова, проговорил Борс. – Ничего большего я не желаю.

– Ваша цель тоже близка. Мы осведомлены о внутренней политике Амальтеи и о честолюбивых замыслах, питающих ее агрессию против нас. Ваш народ невелик по численности, беден и пользуется уважением в пространстве людей лишь благодаря тайной войне, которую ведет против нас. Нам также известно, что, будучи на Деймосе, вы встречались с теоретиками Ставки, и одно из ваших предварительных соглашений касалось возможностей широкого применения нашего транспортного кольца. Народный Марс хочет использовать луну достаточного размера в качестве противовеса вращающему моменту Солнца, чтобы замедлить колебания оси вращения планеты. Получение дополнительной солнечной энергии позволит Народу выполнить последний Трехсотлетний план на пятьдесят лет раньше. Соглашения носят условный характер и Не имеют юридической силы. Но кольцо, способное разогнать дайсоновский мир к звездам, равным образом может переместить Амальтею с юпитерианской орбиты. Ставка предлагала отдать вам в собственность десять процентов преобразованного по подобию

Земли Марса, а вы уверены, что сумеете получить пятнадцать.

– Вы все слишком упрощаете. Соглашение также обрекает граждан Амальтеи на огромный физический труд. Ваша техника не освободит нас от этого обязательства.

– Политика – искусство возможного, – сказала девочка. – Вряд ли ваше правительство поблагодарит вас, если вы откажетесь от пятой части предлагаемого состояния. Подумайте об этом. Кто следующий?

– Вы знаете, чего я хочу, – заговорил Уайет. – Может быть, вы согласны совершить массовое самоубийство? Я поймаю вас на слове.

– Уайет, вы хотите обеспечить человечеству полную безопасность. Так не бывает. Мы не можем обеспечить ее для себя, тем более для вас. Однако учтите, что даже сейчас человечество очень трудно уничтожить. Подумайте, насколько новая физика и новые технологии повысят его безопасность. Примите во внимание, что скоро часть людей рассеется в своих дайсоновских мирах по вселенной. Через сто лет кометы будут вращаться по орбитам всех ближайших звезд. Через сто тысяч лет в центре галактики будут расти деревья. Даже если бы мы пожелали (но зачем нам это?), мы были бы не в состоянии обнаружить и уничтожить все поселения. Какие-то точно бы уцелели. Мы спрашиваем вас: разве вам не будет лучше, если вы примете наше предложение?

– Ну я…

– И наконец, Ребел. Вам нужны серебряные башмачки?[13]

– Что?

– Вы хотите домой. – Девочка склонила голову набок и слегка пожала плечами. – Это не в нашей власти. Но если вы возьмете наши знания, то станете достаточно богаты, чтобы делать все, на что у вас хватит сил. Если вы пожелаете вернуться на Тирнанног, пожалуйста. Никто вас не остановит.

Все молчали.

– Ну, полно, полно, – пожурила их Земля. – Мы согласились дать вам все, что вам будет угодно. Неужели ваша фантазия иссякла?

– Мэтью Арнолд! – вдруг выкрикнул Борс. И хриплым голосом продолжил:

– Я хочу полный текст стихотворения «Дуврский берег» и все другие стихи Арнолда. Я хочу сочинения Пруста, Аполлинера и Тагора. Я хочу Гарсиа Лорку и Кобо Абэ и первые три акта шекспировского «Гамлета". Я хочу все литературные произведения, которые были утрачены, когда вы поглотили Землю. С алфавитным указателем!

– На это потребуется несколько часов. Большинство произведений сохранилось сейчас только в нашей памяти. Но мы все сделаем. К тому времени, как вы прибудете на Луну, ящики будут готовы для осмотра.

Девочка повернулась и пошла прочь, вместе с ней исчезла и стопка плат.

Под кольцами началось движение. Прибывающие корабли отводили в сторону, чтобы освободить место для следующих. Цветные полосы на гудроне ярко засветились. Деловая жизнь возвращалась в свою колею.

– Ладно, – сказал Борс. – Вернемся к кольцам. Чем раньше мы доберемся до Луны, тем скорее со всем этим покончим.

Ни-Си рассмеялась, подняла руку с ножом и завертела им в воздухе.

* * *

По дороге к кольцам Ребел пришло в голову, что во время переговоров молчаливо присутствовал еще один человек, на которого никто не обращал внимания и не спрашивал о его желаниях. Эвкрейша! Конечно, она мертва, ее личность распалась и невосстановима. Но остались ее воспоминания, и не так уж трудно сообразить, чего бы она захотела. Ребел подумала, что теперь она достаточно знает Эвкрейшу и может догадаться.

Эвкрейша никогда по-настоящему не стремилась к деньгам или к власти. Она знала в основном, от чего желает избавиться, а не что приобрести, она мечтала стряхнуть с себя мелкие страхи и угрызения совести, отравляющие ей жизнь. Она хотела бы стать другой: быть лучшего мнения о себе, уметь время от времени развлекаться, даже пускаться в приключения, ничего не опасаясь и ни в чем не сомневаясь. И всего этого она достигла сама.

Ибо в то ослепительно светлое мгновение, когда память Эвкрейши страстно призвала Ребел вселиться в ее мозг, в миг величайшей радости, которую дает лишь любовь, Ребел не только своей волей вылила в программер пресловутый стакан воды. Два ума водили одной рукой.

Ребел вспомнила, как она работала в модельной мастерской «Мир мозга» в Гисинкфоре и как ей нравилось это занятие. С каким трепетом она заглядывала в мозг! Она чувствовала себя на месте, работа с контурами, управляющими эмоциями, стремление привести в гармоничное соответствие логику поступков и

ответственность за них приносили ей удовлетворение. Вот уж что осталось от Эвкрейши, так это ее любовь к своему ремеслу. Если бы Эвкрейша могла, она бы продолжала работать. Даже Земля не в силах исполнить ее желание. Но Ребел в силах. Как дань уважения к покойной. Не такая уж она была и плохая, эта Эвкрейша.

– Эй! Проснись!

Уайет хлопнул перед лицом Ребел в ладоши, заставив ее вздрогнуть. Оглядевшись, она увидела, что Борс и Ни-Си ушли далеко вперед. Потом Ребел заметила, что за шутовским выражением лица Уайет прячет невеселые сомнения, и сказала:

– Какой-то ты кислый.

– Да. – Уайет покачал головой и грустно засмеялся:

– У меня мания преследования. Хочешь послушать? Я подумал, что, может быть, Земле вовсе не нужна твоя психотехника. Возможно, она просто водит нас за нос. Может, ей нет никакого дела до секрета твоей цельности, она просто хочет скормить человечеству правдоподобную байку. Купить свободный вход в пространство людей. Вариант вполне правдоподобный.

– Почему же ты тогда пошел на эту сделку?

– Потому что я поверил рассказу о том, что заставило Комбин отступить на поверхность Земли. Но мне кажется, если бы Земля хотела разгадать тайну цельности, то, имея в своем распоряжении остатки сока заколдованных яблок, обрывки сведений, полученных через агентов от жителей комет, и тому подобное, она справилась бы с этой задачей. Комбин знает, что решение существует, так сколько же времени ушло бы у него на то, чтобы его найти? Год? Век? Можешь ты себе представить, чтобы Земля не решила бы эту задачу за тысячу лет? Я – не могу. Значит, взамен не очень нужного Земле товара мы получили то, в чем человечество отчаянно нуждается. Транспортное кольцо. Земля права. Человечество не может обеспечить себе выживание, пока не рассеется по вселенной.

– Да-а. Значит, ты и вправду.

– А что? А ты как думала?

– Я думала, что ты прикинулся, будто принял предложение, а как только мы окажемся на орбите Земли, попытаешься уговорить меня уйти с тобой в подполье.

– Солнышко, – восхищенно покачал головой Уайет, – да ты еще хитрее меня!

Они подошли к транспортным кольцам. Великолепное, сверкающее белой эмалью судно ждало отправления. Роботы приказали рабочим и торговым посредникам отойти от корабля, и вся четверка взошла на борт. Большой роскошный корабль был

полностью в их распоряжении.

Всего через несколько часов они будут стоять в Лунном Суде, где под наблюдением бдительных стражей, запрограммированных на безупречную честность и подсоединенных к термоядерным взрывным устройствам, вершится справедливость. Земля представит для осмотра стопку плат, а Ребел позволит снять точную копию своей личности. И тогда совершится обмен.

– Мисс Мадларк! – окликнул ее робот.

Уже вступившая на трап Ребел обернулась.

– Вы кое-что забыли.

Робот церемонно шагнул вперед, упал на одно колено и протянул Ребел ее старую накидку. Протертую и поношенную, с серебряной ракушкой на отвороте. Ребел с непонимающим видом взяла ее. Борс тоже забыл накидку, но никто ему ее не вернул. И вдруг Ребел вспомнила и стала лихорадочно рыться в потрепанных карманах, пока не вытащила потертую старую плату, которую она сделала в Гисинкфоре, копию своей личности.

– Шевелись! – крикнула Ни-Си. – Скоро мы разбогатеем!

– Я готова, – тихим натужным голосом произнесла Ребел.

Они прорвали небо.

Глава 15. ТИРНАННОГ

Прошло два года.

– Ну что? – спросила Ребел.

Они с Уайетом шли по самому пышному в Кластере Паллады парку юридических услуг, территорию которого заполняли причудливые голограммы – все здесь было наполовину игрой воображения, миражем. С одной стороны шумел мнимый прибой, с другой – за безукоризненно смонтированными джунглями прятались юридические конторы. В бархатистом небе плавало семь ослепительных лун. Так, вероятно, видит мир человек, одурманенный опиумом: множество ярких деталей, но целое окутано туманом, не вполне убедительно и крайне банально. Интересно, что хочет построить Народ на Марсе? Если что-то в этом роде, то их ждет разочарование.

– Мы все потеряем, – говорил Уайет. – Адвокаты почти в этом уверены. – Они свернули на мощенную кирпичом дорожку, уходящую в джунгли, где в сумрачной листве мягко сияли орхидеи. – Кой черт, можно было сразу догадаться. Имея одним из компаньонов этого Борса, ну конечно же Временная республика нас выживет, тут и к бабке не надо ходить.

– У нас же две пятых корпорации. Наша доля стоит, наверно, миллионы лет.

– Миллиарды, – мрачно уточнил Уайет. И усмехнулся. – Ну ладно, как нажито, так и прожито.

Смутная фигура указала им путь. Они сошли с дорожки и, пройдя через потайную дверь, вступили в ярко освещенный коридор. Под ногами поскрипывал песок. В воздухе стоял приятный запах, идущий от бочонка с апельсиновой кожурой.

– Но как им удалось лишить нас всего?

– Насколько я понял, они подложили нам свинью во время реорганизации, когда твоя мать продала свою долю, чтобы учредить Фонд Мадларк. Потом, когда «Дойче Накасоне» подала на нас в суд и нам пришлось использовать кредит…

– Поражаюсь их наглости. Ведь они получили-таки свою копию, и она имеет успех. Теперь по Системе гуляют, должно быть, сотни тысяч «Ребел Мадларк». А если учитывать пиратские копии, то и больше.

– Как и следовало ожидать, – пожал плечами Уайет. – У республики юристы лучше наших, а я даже не уверен в преданности наших юристов. Но я все-таки не понимаю, как они ухитрились отобрать все… да в этом-то, собственно, и причина. Они понимают такие дела, а мы нет.

Ребел и Уайет двигались будто в волшебном защитном кольце, окруженные со всех сторон самураями, которые никогда не обнаруживали себя, но всегда ограждали их от любой опасности. Наконец они подошли к перекрестку, и охранник показал им куда идти. Они вошли в лифт – викторианский, из кованого железа, и начали подниматься к ступице колеса.

В лифте пьеро предложил им серебряный поднос с черными земными сигарами. Уайет отказался, а Ребел взяла одну и подождала, пока пьеро поднесет к ней огонь. Она втянула немного дыма и выдохнула.

– И что же нам теперь делать? – осторожно спросила она.

– Не знаю. На ближайшие несколько месяцев у нас неограниченное количество денег, можем тратить сколько угодно. По истечении этого срока корпорация все присвоит. Частные лица не имеют права владеть таким огромным состоянием, как у нас. Как только нас вышвырнут из корпорации, мы снова станем нищими.

Пьеро стоял рядом, скромный, почти невидимый, он слышал каждое слово и тут же его забывал. Такое сохранение тайны могли позволить себе лишь богатые – их слуг программировали так, чтобы они не замечали даже самых тяжких преступлений хозяев. Уайет мог задушить Ребел голыми руками (или Ребел Уайета) на глазах у телохранителей, а те и бровью не повели бы. Если в дело не были замешаны посторонние.

Уайет и Ребел вплыли в ступицу, за ними вилась тонкая струйка синевато-серого дыма. Здесь, в самом центре недавно установленного транспортного кольца, их ждало ландо. Дверь открылась, и они сели.

– Домой! – приказал Уайет.

Колесо исчезло из виду. Направляющее устройство поглотило их, выплюнуло, и они зависли в приемном кольце своего поместья.

– Послушай, Уайет. Я получила еще одну пленку от Элизабет.

– Старая карга.

– Полегче, ты говоришь обо мне самой, какой я буду через сто лет, – улыбнулась Ребел. – Она говорит, что, если я вернусь на Тирнанног, она обучит меня своему искусству. Редкая возможность, ведь волшебники почти никогда не берут учеников.

Уайет не ответил.

Лифт медленно опускался.

– Я хочу домой, Уайет. Сейчас, пока есть еще деньги и возможность. Только что закончили большое транспортное кольцо, и Тирнаиног будет первым дайсоновским миром, который им воспользуется. Мой мир полетит к звездам, как же можно

такое пропустить?

– Вот оно что. – Уайет закрыл глаза. – Собственно, этого я и ждал. Я же не слепой, я вижу, что ты здесь не очень счастлива…

– Дело тут не в счастье, просто… Просто здесь все такое неестественное, понимаешь? Здесь, в Системе. И богатство не спасает. Это же все равно, что обложиться надувными подушками, чтобы поменьше соприкасаться с действительностью. Послушай. Поедем вместе, ладно? – Ребел выпустила сигару (кто-то сразу же ее убрал) и крепко сжала руку Уайета. – Брось это безнадежное дело. Поехали со мной, малыш, и я подарю тебе звезды.

Уайет устало улыбнулся:

– Солнышко, прежде чем хоть один из этих дайсоновских миров достигнет звезды, мы состаримся. Даже до Проксимы Центавра мы доберемся лет через пятьдесят.

Лифт остановился, и они вышли в вестибюль с блестящим, мрамор и коралл, полом. С ониксовых колонн свисали оранжевые орхидеи.

– Ну и что? Мы будем старыми вместе, под чужим солнцем. Только не говори, что в тебе угасла страсть к приключениям.

Они шагали по длинному коридору между рядами гранитных слонов.

– Ты же знаешь, что причина в другом. Комбин начинает проникать в Систему. Они купили десяток городов между Землей и Луной и даже участок на Луне. Скоро они будут повсюду. Столкновение неизбежно. Я должен быть здесь, когда это случится.

– Нет, не должен.

– Должен. Ребел, мы возвращаемся к этому снова и снова. Это не моя причуда, это мой долг. Это мое предназначение.

– Уайет, у людей нет никакого предназначения, предназначение бывает у машин. Люди просто живут. Брось, малыш, ты же мистик, ты не можешь этого не знать.

Но, заглянув в его глаза, Ребел поняла, что Уайет даже не слушает. Он с ней не поедет.

Лицо Ребел окаменело от горя. Уайет остановился и открыл огромные полированные двери. За ними простирался великолепный луг, освещенный безукоризненной имитацией юпитерианского неба. Ребел наклонила голову и бросилась бежать. Уайет догнал ее и схватил за руку.

– Останься, – умоляюще произнес он. – Мы уже жили в бедности. Мы и сейчас проживем.

Ребел угрюмо покачала головой:

– Дело не в этом. Совсем не в этом.

– А в чем?

– Я не стану из-за тебя губить свою жизнь, – тихо проговорила Ребел. – Я хочу сказать, ну, ты меня знаешь, если понадобится, я пожертвую ради тебя чем угодно. Но не так, не из-за того, что тебе просто взбрело в голову сделать все по-своему.

– Я не прошу тебя губить… Да что там, все это бессмысленные разговоры. Если бы я мог, я бы поехал с тобой. Но я не могу. У меня нет выбора.

Ребел остановилась перед вторыми дверьми, и Уайет протянул руку, чтобы открыть их.

– Благодарю, – холодно сказала она.

И когда Уайет обиженно посмотрел на ее разъяренное лицо с раскрытым ртом, Ребел прошла вперед и захлопнула двери у него перед носом.

* * *

– Звезды, пожалуйста.

Ребел лежала в покрытой мхом расселине на вершине голого скалистого холма, и ее нежно обвевал ветер. Это была любимая ее комната, единственная не казавшаяся ей страшно уродливой, единственная, которой не коснулся специфический вульгарный налет, присущий жилью нуворишей. Ребел воссоздала здесь уголок Буррена. Небо потемнело, затем расцветилось пылающими звездами, которых не видно с поверхности Земли. Млечный Путь растекался по небу алмазной рекой, ледяные звезды ослепляли яркостью и совершенством. Ребел глубоко вдавила затылок в мох, все ее тело словно кровоточило и стонало от муки.

Уайет перестал стучать в дверь.

В трещинах скал росли мелкие голубые горечавки. Ребел потрогала один цветок пальцем, но рвать не стала. Она не останется с Уайетом. Не останется!

По небу с мелодичным звоном пролетел метеор.

– Пожалуйста, никаких звонков.

Невидящим взглядом Ребел уставилась вверх, пытаясь сосредоточиться. Перед ней два пути, одинаково унылые и бессмысленные. На небе звякнул еще один метеор, потом еще. Через минуту в Плеядах с перезвоном небесных колоколов вспыхнул десяток метеоров.

– Я сказала, больше никаких звонков, спасибо!

Небо подпрыгнуло. Звезды подернулись рябью, сдвинулись с места, затем исчезли, будто смытые огромной волной.

Такого не могло быть. Ребел села и, ничего не понимая, смотрела, как небо сворачивается, превращаясь в ровные белые плоскости – стены и потолок, настолько белые и безликие, что трудно было сказать, где кончается одно и начинается другое. В середине на маленьком красном молитвенном коврике стояла на коленях очень худая женщина в белом. Голова ее была опущена, откинутый назад капюшон открывал бритый череп. Затем женщина подняла голову. Холодные глаза. Суровое лицо, украшенное тонкими, ослепительно белыми линиями.

– С тобой очень трудно вступить в контакт, – сказала женщина. – Ваши меры предосторожности против незваных гостей даже лучше, пожалуй, чем ты думаешь.

– Сноу, или Тень, или кто вы там, я сегодня не в настроении играть в ваши игры, так что мотайте отсюда на хрен. Земля уже получила от меня все, что хотела. И все остальные, – с горечью добавила Ребел, – тоже.

– Я не представляю интересы Земли.

– Неужели? – не удержавшись, съязвила Ребел.

– Положение изменилось. Вы это знаете. Грядут крупные политические и культурные перемены. По мере того как Земля входит в пространство людей, она все меньше дорожит услугами моей организации. Кроме того, новые «Уайеты» очень осложняют нам жизнь. Мы стали более осмотрительны, менее открыты. И работаем не так эффективно.

«Уайеты». Ребел испытывала странное, неприятное чувство оттого, что теперь, стараниями амальтейского Бюро шпионажа, Уайет существует по крайней мере в сотне временных инкарнаций. Уайеты стали таким же распространенным инструментом, как и борсы. Настоящему Уайету даже льстило, что теперь он почти приравнен к стихийному бедствию, и его сдержанный юмор, фанатизм и загадочное шестое чувство не дают Комбину ни минуты покоя. Но Ребел это не нравилось.

– Хорошо, – сказала она. – Скажите, чего вы хотите и что вы можете предложить взамен, я скажу «нет», и мы расстанемся, договорились?

Сноу невозмутимо кивнула:

– Ничуть не возражаю. Вы должны понять, что я и другие члены моей организации более всего стремимся к тому, чтобы мысль влилась в бесстрастный поток информации. В решительные минуты человек теряет индивидуальность и просто погружается в изменчивую реку знания. Если Земля примет нас в себя, мы пойдем. Но пока Земля считает, что мы полезнее в существующем виде… – Она пожала плечами.

Появившаяся из-под накидки рука взмахнула в воздухе, и

небо заполнили эпизоды различных представлений из жизни Ребел Элизабет Мадларк, популярных как во Внутренней, так и во Внешней системах. Вот ее идеализированный образ, служащий в Приюте алтарем, на котором режут жертвенных козлов. А тут она на острове, очень ловко применяя невероятное оружие, умерщвляет несметные полчища комбинов, преобразившихся для пущего эффекта в косматых, непристойного вида чудищ с маленькими красными глазками. Там она в домике для посетителей на нижней станции ведет неторопливый философский спор с посланцем Земли, молодым человеком с фигурой Аполлона и двумя абсолютно целыми руками.

– Мы изучили противоречия в этих сценариях, а также во многих интервью с вами и другими главными героями ваших приключений на Земле.

Вот на планере появляется Уайет и спасает Ребел из бушующего огня. Она всаживает меч в глаз противнику и, смеясь, бросается в объятия своего любимого.

– Да, знаете ли, они не очень точны, – сухо проронила Ребел. – Даже интервью писали служащие корпорации. Для рекламы.

– Знаю. – Сноу сделала нетерпеливый жест. – Меня интересует только одно место в эпизоде вашей беседы с посланцем Земли, то место, где вырезан некий фрагмент.

Все небо занял единственный кадр (Сноу отодвинулась к горизонту и оказалась на маленькой вставке). Вид спереди: искаженный, утрированный образ говорящей девочки. Эта запись была сделана непосредственно по памяти Ребел во время сессии Лунного Суда. Ребел увидела, как изображение девочки рывком сместилось в сторону.

– Здесь лакуна. Мы объединили все косвенные данные и теперь убеждены, что в изъятом отрывке содержалась некая информация о том, каким образом Земля обрела разум.

Ребел кивнула:

– Да, помню. Суд счел эти сведения опасными и запретил их разглашение. Так это за ними вы охотитесь?

– Да.

– Почему?

– Ваши борсы и уайеты представляют себе коллективный разум как болезнь, способную поразить рассудок пространства людей, а себя – антителами против этой болезни. Но вы из дайсоновского мира, а потому не знаете, насколько различные микроорганизмы могут ужиться в человеческом теле. Среди них очень мало болезнетворных, по большей части они нейтральны, а некоторые даже живут в симбиозе с человеком. Если бы мы

узнали, как проснулся разум Земли, мы смогли бы воспользоваться этими сведениями для объединения в мелкие сообщества, скажем, не больше восьмидесяти участников в каждом. Единство такого размера сумеет спокойно жить в любом крупном городе, не представляя, благодаря своей малочисленности, никакой угрозы для вашего народа. Мы не рискнем расти дальше из опасения, что нас обнаружат.

Теперь небо заполнили огромные изображения сверкающих диатом, неуклюже двигающихся инфузорий, зеленых шаров вольвокса. Вслед им изящно кланялись инфузории-трубачи – веселое собрание микроорганизмов, которое можно найти в любой капле стоячей воды.

– Человеческая культура оставляет место для многообразия.

– Сравнение малость натянутое, – заметила Ребел. – Ну ладно, что вы предлагаете?

Сноу вернулась на середину неба. Одна за другой вокруг нее появлялись картинки. В одной из покрытых листвой ниш кремля корпорации беседовали толстая женщина в раскраске сотрудника администрации и мужчина со скромной желтой полосой на лбу, Борс. В местном отделении «Дойче Накасоне» женщина-борс разговаривала с другой женщиной, профессией которой, судя по раскраске, было среднесрочное планирование. Еще один Борс совещался с юридическим консультантом Уайета. Борс собственной персоной оглаживал бедро руководительницы охраны Ребел.

– Вы поверили, что имеете в запасе еще несколько месяцев, – продолжала Сноу. – Это не так. В настоящий момент Бюро шпионажа добивается вашего ареста. За экономическую диверсию.

– Что?!

– Многочисленные «Ребел Мадларк». Когда на потолке вновь возникли различные эпизоды из приключений ее легендарной личности на Земле, Ребел сказала:

– Не надо.

Сноу выключила невидимый проектор.

– «Дойче Накасоне» обнаружила, что новые личности никто не покупает.

Ребел засмеялась.

– Вы скажете, что это не ваша вина. Что «Дойче Накасоне», копируя внешние стороны вашей личности, включила в программу, хоть и в Смягченном варианте, вашу цельность и теперь расплачивается за собственный недосмотр…

– О нет! – Ребел болтала ногами в воздухе, хваталась за живот, тщетно пытаясь унять хохот. – Я ничего такого не скажу!

– Но это бесполезно. Они собрали улики, заставили замолчать ваших юристов, подкупили ваших самураев. Если бы мне не нужно было получить от вас сведения, полицейские нагрянули бы к вам уже сейчас. Однако я решила, что сумею взломать вашу охранную систему, а потому купила вам четырехдневную отсрочку. Начать судебное преследование невозможно без одной чиновницы, которая, мягко говоря, «продажна». Мы дали ей взятку. На то, чтобы отстранить ее от должности и заменить другим человеком, вашим врагам понадобится четыре дня. Это если вы согласны на наши условия. Если нет, я сейчас же освобожу ее от всяких обязательств. – Сноу поплотнее завернулась в накидку. – Что скажете?

Ребел понемногу успокоилась. Какое-то время она лежала и обессилено икала, потом глубоко вздохнула и села.

– Так лучше, – наконец проговорила она. – Понимаете, мне надо было как следует высмеяться.

Затем она вытерла слезы и рассказала Сноу все, что знала о гиперкубировании.

– Ага, – сказала Сноу. – Что ж, это интересно.

И, даже не попрощавшись, пропала.

* * *

– Мне и раньше приходилось скрываться, – невозмутимо сказал Уайет.

– Мне тоже, но дело не в этом. За нами будут охотиться твои мнимые союзники. Ты не сможешь проявить изобретательность, если за тобой погонится дюжина Уайетов. Они знают тебя как облупленного, их ничем не удивишь. Неужели ты не понимаешь, что это меняет дело?

– Нет.

Уайет стоял в неосвещенном центре голографической модели Пути дымового кольца. Темноту пронизывали четкие одноцветные линии, обозначающие уже построенные и проектируемые участки. Желтые нити тянулись из середины к тем кластерам, где уже действовали солнечные энергостанции. Зеленые полосы завершенных вакуумных дорог на треть окружали Солнце. В поясах, где вещество обладает повышенной плотностью, для того чтобы задержать транспорт, если по дороге попадется случайный булыжник, потребовалось сооружать цепи из сотен транспортных колец. Уайет чуть подвинулся к

микрофону и прошептал уточнение. Неосязаемые планеты переместились.

– Каждый делает что может, – сказал Уайет.

– Как ты меня бесишь!

Ребел распахнула дверь, и свет из галереи затуманил тонкие линии модели. Лицо Уайета осталось в тени; его глаза казались бездонными черными озерами.

– Послушай! Я уложила наши вещи. Если мы уедем сейчас, в эту минуту, мы сможем прихватить с собой вполне достаточно, чтобы… Конечно, мы не будем богатыми, но на первые дни как-нибудь хватит. Через четыре дня мы должны будем бежать с тем, что сможем унести в карманах. Чего же ты добьешься своим ожиданием?

– Четыре дня, – пробормотал Уайет. – Четыре дня, за которые я смогу внести еще небольшой вклад… Господи, да что же это я такое плету!

Он откинул голову (глаза смотрели вверх) и издал сдавленный, приглушенный звук. Ребел в недоумении протянула руку, коснулась его лица, и пальцы ее стали мокрые. Слезы. Она обняла Уайета, и он, все еще всхлипывая, крепко прижал ее к груди. Ребел не могла простить себе, что довела его до такого состояния.

Но как только Уайет перестал плакать, он отстранился от Ребел и неловко проговорил:

– Уф-ф. Прости, солнышко. Я, кажется, не совладал с собой. Теперь мне полегчало.

Тогда Ребел мягко спросила:

– Поедешь со мной, малыш?

И Уайет молча покачал головой.

– Я тебя не понимаю! – воскликнула Ребел. – Ты оставишь вместо себя бесчисленных уайетов, преданных республике Амальтее, и я надеюсь, это избавит тебя от дальнейших обязательств. Что же тебя здесь держит?

– По правде говоря, я не могу решить, что делать, – сказал Уайет. – Нет, могу… Нет, не могу! Я поклялся, что смогу изменить свою жизнь только с согласия всех четырех своих личностей. Это мудрое решение. Нет, глупое, я жалею… Ну, сейчас уже поздно это обсуждать. Скажу тебе честно, я хочу поехать с тобой, и шут хочет поехать с тобой, и ваятель структур найдет соответствующую цель, он тоже хочет поехать с тобой. Но воин… Нет, я тоже хочу поехать с тобой, но не могу. Не могу. Мой долг остаться здесь и бороться.

– И из-за этого весь сыр-бор? Какая-то одна сраная личность хочет делать все наоборот, и ты позволишь ей сломать жизнь нам

обоим? Хватит! Мне приходится принимать решения, когда я не уверена даже на три четверти. Чем ты лучше меня?

Уайет грустно покачал головой:

– Я должен быть верен себе, солнышко. Воин – часть меня, и тут ничего не поделаешь.

Ребел зажала в кулак голографический Марс. Изображение не исчезло, оно светилось где-то в глубине ее плоти – параллельные миры, совпадающие в пространстве, но не соприкасающиеся друг с другом. К Ребел возвращалось ощущение тщетности всех усилий, сознание того, что ни ее слова, ни ее поступки ничего не изменят.

– Но я тоже ничего не могу поделать, понимаешь? Я не могу совершенствоваться, моя личность достигла потолка и как будто законсервировалась. Цельность душит меня, а необходимые для развития ферменты есть только на Тирнанноге. Их создают волшебники, а волшебники не путешествуют.

– Все равно останься, – уговаривал ее Уайет. Он вымученно улыбался, лицо выражало безнадежность. – Я не хочу, чтобы ты менялась. Я люблю тебя такой, какая ты есть.

Ребел закрыла лицо руками.

* * *

Как только она вошла в Корпоративную торговую зону, к ней прицепился Ограниченный искусственный интеллект.

Ребел оставила ландо у транспортного кольца – если корпорация захочет, то сможет его забрать – и взобралась в вагон подвесной дороги. Она сунула паспорт в окно контроля, купила билет в кредит (через три дня кредита уже не будет), и вагон заскользил по длинной невидимой дороге к станции.

Станция была традиционной конструкции: пять соосных колес вращались с немного разной скоростью, чтобы в каждом из них поддерживалась нормальная тяжесть. Транспортное кольцо помещалось в центре, внутри неподвижной ступицы, служащей погрузочной платформой, и все это хозяйство было разукрашено розовой с оранжевым неоацтекской суперграфикой. Скромненько, но со вкусом.

Ребел смотрела в мутную глубину кольца, как вдруг рядом вспыхнул свет. Она повернулась и отпрянула назад, увидев подле себя призрак старухи в платье из плотной материи, как у лесоводов.

– Ага! – воскликнула женщина. – Я так и подумала, что это ты. Поменяла, значит, в паспорте имя. Ну полный абзац!

– Ты напугала меня! – сказала Ребел. И добавила несколько сухо:

– Здравствуй, мама.

Голограмма скорчила рожу.

– Да какая я тебе мама. Называй меня Мад. Я, конечно, всего лишь ОИскИн, но это еще не значит, что у меня нет гордости. Ты ведь знаешь, что такое ОИскИн? Это Ограниченный искусственный…

– Знаю, знаю. У тебя мало времени, поэтому ты просишь меня говорить покороче.

Мад хихикнула. Звук напоминал скрежет ржавой консервной банки.

– Можешь не торопиться. Сейчас или через сто лет – какая, к дьяволу, разница? Да и вообще все мои воспоминания записываются для передачи следующему ОИскИну. Так что мне обеспечено своеобразное бессмертие. Хотя тут не все по закону. Если бы я так надежно не укрылась в Корпоративной торговой зоне, меня бы уничтожили. А в КТЗ можно зарезать человека, и ни хрена тебе за это не будет. Так о чем мы говорили?

– Господи! – Ребел была поражена. Она пристально посмотрела на сморщенную старуху, это красное лицо, водянистые глаза с воспаленными веками. – Ты напилась!

– Во, с первого раза – и прямо в точку. Это наша мамочка придумала. Ей понравилось участвовать в управлении всей этой хурдой-мурдой, но она боялась показаться слишком серьезной. Она говорит, что всегда мечтала пить всю жизнь непрерывно, не просыхая. Но я не пользуюсь тут большим влиянием, в основном я просто высовываюсь, когда есть на что посмотреть. Ну, как у тебя дела, сестричка?

– У меня? – Ребел теперь видела узкий внешний соединительный рукав станции, такой же неподвижный, как ступица, где помещалась платформа подвесной дороги. – У меня вроде все хорошо.

– Вроде хорошо? Ты имеешь почти неограниченный банковской счет, Регистрационная служба сроду такого не видела, покупаешь билет до Тирнаннога, мамочка чуть ли не каждый день справляется, выехала ли ты… да, потрясающая будет встреча, полный пиздец. Чего тебе еще надо? Трусы с капюшоном? Ноги прямые?

Стали видны голографические транспортные знаки. Куча грязных кораблей отдыхала по эту сторону от сетки в форме песочных часов, ограждающей действующие линии. Талия

песочных часов проходила сквозь транспортное кольцо, и концы их пылали, ограничивая участок локального пространства.

– Ну, деньги не совсем мои, – уточнила Ребел. – Больше не мои. Но вообще-то ты права. Я еду домой, и я этим счастлива.

– Да уж, по тебе видно, – ехидно заметила ОИскИн. – Выглядишь как побитая собака. Не знаю, сестрица, что ты там натворила, но лучше забудь обо всем. Приободрись! Жизнь слишком коротка, чтобы убиваться из-за всякого говна!

– Тебе легко говорить… – вспылила Ребел. И осеклась. – Гм. Извини, пожалуйста. Я забыла, что ты…

– Временная? – Старуха покачала головой. – У тебя неверный подход, голубушка. Все смертны, никуда от этого не денешься. Но мне, мне нравится жить, и, если у меня будет хоть несколько минут, я проживу их полной жизнью. Раз! Вот и старуха с косой зовет. Сделай мне одолжение, деточка. Постарайся держать хвост пистолетом.

Ребел слабо улыбнулась:

– Да. Конечно.

Но Мад уже исчезла.

Вагон врезался в платформу и загудел как колокол.

* * *

Через секунду вагон подхватила покатая погрузочная платформа, незаметно подняла его и отослала к самому дальнему кольцу. Там он остановился, и Ребел вышла. Кибернетические системы стали грузить ее багаж на тележку.

Ребел ждал худощавый молодой человек с золотистой кожей и черными усиками. Он поклонился и сказал:

– Добро пожаловать на станцию «Колибри». Моя фамилия Кэрлью, я буду вашим сопровождающим. – Смазливенький юнец, одет как будто только что с архипелага. С Авалона или, может, с Пэн-Лая. Его глаза озорно блеснули. – Сюда, пожалуйста.

Кэрлью взмахнул рукой, и тележка с багажом покатилась следом за ними.

– Передающие станции – дар Элизабет Магии Мадларк Системе, конкретное воплощение задач Фонда Мадларк; дорога, ведущая от кластеров прямо в облако Оорта, – рассказывал Кэрлью. – Благодаря щедрости нашей покровительницы с применением транспортных колец продолжительность путешествия до архипелагов сократилась с нескольких лет до

нескольких дней. Фонд также финансирует строительство приемных станций на архипелагах и производство колец класса «Титан», способных разогнать отдельные дайсоновские миры к ближайшим звездам. На этот невероятно дорогой проект мисс Мадларк жертвует все свое состояние, чего не сделал бы ни один простой смертный. Но мисс Мадларк не простой смертный. – Кэрлью кашлянул и более естественным голосом прибавил:

– Она очень старая. На что еще ей тратить деньги? Вы, наверно, встретили ее ОИскИн – странная старушонка, правда?

– Гм…

Они шли по длинному коридору, украшенному огромными плоскими изображениями планет, находящихся вне-Солнечной системы. Здесь были подробные снимки Дайнити, Сусано-о, Инари и его яркой луны Юкемоси, системы Идзанаки-Идзанами, Тескатлипоки, Уицилопочтли, Кецалькоатля и Ятекутли, а также менее разборчивые изображения Морригана и рогатого великана Цернунна. Коридор заканчивался прогулочной площадкой с лавками и финансовыми конторами. Филиал «Дойче Накасоне» соседствовал с местным отделением корпорации Ребел. Она старалась не смотреть в их сторону.

– Без сомнения, вы уже заметили, что многие представленные здесь компании не имеют непосредственного отношения ни к функционированию транспортных колец станции «Колибри», ни даже к торговле с дайсоновскими мирами. – Они обошли человека, который сидел на полу в позе лотоса и втыкал себе в тело длинные иглы, рекламируя новую партию йоговских психосхем. – Эти фирмы находятся тут, потому что станция «Колибри» основана как Корпоративная торговая зона. Здесь, вдали от докучливых правительственных ограничений, частное предпринимательство может развиваться в обстановке свободной конкуренции. – Молодой человек подмигнул. – В своих родных кластерах они все при помощи взяток добились принятия слишком многих протекционистских законов, и теперь эта защитная броня не дает им шагу ступить. К счастью, пока «Колибри» служит их целям, корпорации не будут стремиться сожрать Фонд.

Они проходили мимо цветочной лавки, выращенные на кометах цветы были в два раза выше Ребел.

– Не покупайте, – посоветовал Кэрлью. – Они быстро вянут.

Но там же продавались короткие черные сигары, и Ребел после долгих колебаний купила одну, очередную свою последнюю сигару. Она привыкла курить, ей будет этого не хватать.

Движущаяся дорожка подхватила их и быстро подняла на три яруса к срединному кольцу. Вокруг простиралось огромное

открытое пространство, суетились люди. Ветер доносил шепот, далекие возгласы, покашливание. Пошел тщательно рассчитанный снегопад, снежные хлопья плавали в теплом воздухе, ударялись о губчатый пол и сразу же таяли.

Широко взмахнув рукой, Кэрлью сказал:

– Вот пионеры новой эпохи. Считается, что дайсоновские миры привлекают эмигрантов особого рода: искателей приключений, которые тем не менее дорожат жизненными удобствами; покорителей звезд, готовых провести всю свою жизнь в пути. И так далее, и так далее, и так далее. А также туристов.

Мимо проследовала группа только что приехавших лесоводов. Те, кто не успел приспособиться к силе тяжести, ехали в колясках жизнеобеспечения. Какой-то подросток стремительно обернулся и вытаращился на голую грудь Ребел. Она пустила ему в лицо сигарный дым.

– Сейчас мы в самой гуще событий: царит предотъездная суматоха, прибывают и отправляются на архипелаги последние челноки. Поскольку «Колибри» расположена так близко к Солнцу (относительно, разумеется), сместившись по орбите, она потеряет на время возможность служить конечной станцией. Чтобы предотвратить нарушение движения, пусковое окно станции «Галка» выбрано так, что оно полностью перекрывает перерыв в работе «Колибри». – Кэрлью смущенно улыбнулся. – Правда, она еще не достроена. Так что последует несколько месяцев вынужденного перерыва, и только потом место «Колибри» займет «Ржанка». Такие перебои здесь обычное дело. Ни один из челноков, заказанных при разработке «Колибри», еще не построен. Приходится пользоваться переделанными каботажными судами. Вы их видели?

– Только мельком из фуникулера.

– Развалюхи. – Кэрлью наморщил нос. – Очень тесные и воняют. Смесью застарелого пота, сыра и нефти. Большинство пассажиров предпочитают ехать в холодильных камерах. – Он взял Ребел за талию и сказал:

– Послушайте, вам ведь неинтересно слушать всю эту белиберду?

Ребел покачала головой.

– Так я и думал.

Кэрлью повел ее подальше от снегопада к покрытой травой зоне ожидания с низкими скамьями и прудами, в которых плавали лилии. Они сели.

– Вы себе не представляете, сколько раз за смену мне приходится все это повторять.

– Но вы, очевидно, не собираетесь заниматься этим всю

жизнь, – сказала Ребел. – Вы, наверно, студент?

– Вы угадали, – довольным тоном ответил Кэрлью. – Наша семья хотела послать меня в Фарэвэйский университет изучать мозговые искусства, но я решил заниматься разработкой психосхем, и теперь родители говорят, чтобы я сам зарабатывал себе на жизнь. Вы знаете что-нибудь о разработке психосхем?

– Немного.

– Это очень интересно. При помощи маленьких приборчиков можно сделать почти столько же, сколько делает волшебник в своей студии. Но вот что любопытно: эти две науки несовместимы! У них даже нет общей терминологии. – Он в удивлении покачал головой. – Когда-нибудь их объединят, и тогда мы узнаем, как в действительности работает человеческая мысль. Вот тогда-то все и начнется!

Двое молодых людей печально целовались на прощанье около нагруженной багажом тележки. Эмигрант уже оделся как лесовод. Ребел отвернулась: на них было грустно смотреть.

– Вы честолюбивы, приятель.

– Ну, я же не говорю, что это я их объединю. – Кэрлью рассмеялся. – Но ждать осталось недолго, будущее принадлежит человеку, который изучит обе науки. И вот еще что: кто бы ни был этот человек, открытие произойдет на кометах. Ребята из Системы слишком серьезные и слишком высокого о себе мнения, хотя гордиться им в общем-то нечем. Дайсоновские миры – вот где настоящая жизнь. Там-то все и происходит.

– Да-а, – рассудительно протянула Ребел. – По крайней мере там не такое однообразие.

– Однообразие? – Кэрлью расхохотался. – Это еще очень слабо сказано.

Мгновение спустя Ребел смеялась вместе с ним. Кэрлью взял ее за руку и смело посмотрел ей прямо в глаза:

– Вы какая-то невеселая. Не обижайтесь, что я это говорю. Судно на Тирнанног отправляется только через час, тут недалеко отделение Банка Мимаса. Мы можем снять нишу для совещаний и…

Он поднял бровь. Как можно мягче Ребел ответила ему:

– Нет!

Она смотрела, как удаляется его худощавая, ладная фигура, и вздыхала. Сначала сигары, потом пустоголовые молодые люди. Чем все это кончится?

* * *

Ребел стояла на пустой платформе. Переминаясь с ноги на ногу, она смотрела в абсолютно черное, усыпанное звездами небо. Воздух здесь был прохладный, его удерживали какие-то хитрые силы. Ребел про это объясняли, но она так ничего и не поняла. Вдали, посреди неба, появилась маленькая темная точка, которая, приближаясь, росла и загораживала звезды. Ее корабль.

В вакууме из стойки со светящейся голограммой выглядывал пучок ярких цветов. Эти мелкие, но выносливые растения невозможно уничтожить.

Ребел взглянула на лежащую у ее ног холодильную камеру. Остальной багаж увезли раньше. Она вспомнила последний свой спор с Уайетом и подумала, сможет ли он когда-нибудь ей простить. Ребел положила руку на гроб и почувствовала холод, такой же, как у нее в душе.

Чиновник эмиграционной службы, надежно привязанный к направляющему рельсу, подплыл к ней и протянул руку. Ребел подала ему паспорт, и он вставил его в считывающее устройство.

– Ребел Эвкрейша Мадларк, – тоскливым голосом произнес он.

Если это имя что-нибудь ему говорило, он не подал вида. Чиновник постучал по гробу, проверил, хорошо ли он прикреплен к платформе.

– Холодильная камера ваша?

– Моего мужа.

– Ясно. – Чиновник что-то пробормотал в кулак и затем отдал паспорт. – Счастливого пути.

Он ушел, и Ребел снова осталась наедине со своими мыслями.

И вдруг, ни к селу ни к городу, она подумала обо всех этих Уайетах и Ребел, которые странствуют по Системе, и ей стало интересно, найдут ли они друг друга. Еще она подумала, что когда-нибудь, наверное, заведет детей. Настоящих, не какие-то копии.

Через неделю, когда Уайет очнется от сна и поймет, что Ребел с ним сделала, он страшно разъярится.

Еще больше он рассердится, когда узнает, что она приурочила его пробуждение к тому времени, когда они будут подходить к Тирнанногу. Когда Уайет проснется, последний челнок в Систему уже давно уйдет.

Трое пассажиров заняли места на платформе, находящейся почти над головой Ребел.

Как бы там ни было, с Уайетом она еще намучается. Подобные люди всюду так и напрашиваются на неприятности,

такой уж у них характер. Ну и пусть. Все равно она рада, что использовала предохранительный блок.

Челнок увеличивался в размерах. Теперь он заслонял почти все поле зрения. Когда корабль встал перед Ребел, ей вдруг захотелось пригнуться и спрятаться, но она продолжала держаться прямо.

Ребел чувствовала себя ужасно маленькой и одинокой и была совсем не уверена, что поступает правильно.

Она возвращалась домой.

Путь прилива

С любовью посвящается моей матери
миссис Джон Френсис Суэнвик

Автор глубоко благодарен Дэвиду Хартуэллу за советы, Стэну Робинсону за трюк с липовой мандрагорой, Тиму Салливану и Грегу Фросту за комментарии на ранней стадии работы, Грегу Фросту лично – за конструирование нанотехники чемодана, Гарднеру Дозуа за цепи моря и за то, что помог чиновнику остаться в живых, Марианне за освещение загадочной психологии бюрократов, Бобу Уолтерсу за ужасы, Элис Геррант за свинячью лоханку и прочие детали Приливноземельной обстановки, Шону за игру в самоубийство, Дону Келлеру за общую помощь, Джеку и Джинне Данн за цитату из Бруно, которую я стащил из их гостиничного номера, когда хозяева неосторожно отвернулись, а также Джулио Камилло за его театр памяти, превратившийся затем во Дворец Загадок; Камилло был одним из знаменитейших людей своего века – факт, над которым стоит поразмыслить. Аллюзии любой – не только этой – книги слишком многочисленны, чтобы перечислить их все, однако риффы, позаимствованные у Кэтрин Мур, Дилана Томаса, Брайана Олдисса, Теда Хъюза и Джамайки Кинкейда, настолько очевидны, что невозможно их не упомянуть. Роман

был написан благодаря Челленджу-гранту Фонда поддержки искусств, организованного М. Ч. Портером.

1. ПОЛЕТ “ЛЕВИАФАНА”

С неба свалился чиновник.

Мелькнула бело-голубая, с огромными (скоро будут таять) полярными шапками Миранда, еще мгновение, и он стоял на поверхности. Оставалось только пересечь скоростным автобусом каменистые равнины Пидмонта и – вот он, Порт-Ричмонд, ближайшая стоянка дирижаблей.

Чиновник вылетел первым же рейсом. “Левиафан” плыл над лесами и коралловыми холмами Приливных Земель. Где-то там, внизу, специализированные экологии деловито готовились к преображающему волшебству Великого прилива. А в покосившихся деревенских халупах, на скрытых от глаза плантациях люди готовились к переезду.

В салоне “Левиафана” было пусто. Сцепив руки за спиной, чиновник хмуро глядел в кормовой иллюминатор. Пидмонт застилала голубоватая дымка, а вдали, на горизонте, клубились грозовые тучи. Воображение .рисовало каскад водопадов, за которым Полдень терял свое имя, рыбоястребов, кружащих в восходящих потоках воздуха. Приливные Земли кишели жизнью, словно исполинская чашка Петри, поросшая сине-зеленой плесенью. Грязь и убожество – вот что лежит внизу. Невыносимая грязь, тоскливое убожество. Ему страстно хотелось вернуться в прохладную, стерильную обстановку глубокого космоса.

На бурой поверхности воды – яркие крапинки, это тянутся вверх по реке караваны плавучих домов. Богатенькая буржуазия благоразумно сматывается в Порт-Ричмонд пораньше, пока цены за буксировку не прыгнули до небес. Чиновник тронул регулировку окна, и джунгли бросились ему в лицо; на деревьях, бывших прежде мутными силуэтами, стал различим каждый листок. Тень дирижабля неслась вдоль северного берега реки, по болотистым низинам, раскачивающимся на ветру фрагмитам, скрюченным водяным дубам. С нижней ветки дуба в воду испуганно посыпались похожие на желудей осьминожки, они мгновенно забились в какую-то щель, оставив после себя расходящиеся по мутно-коричневой глади круги.

– Ты только понюхай, какой воздух, – сказал квази-Корда.

Чиновник повел носом. Легкий запах земли, исходящий от развешанных по стенам корзин с лианами, плетеные птичьи клетки слегка пованивают пометом.

– Да, пора бы и почистить.

– В тебе нет ни на грош романтики.

Квази прислонился к подоконнику, руки его расслабленно

болтались – сентиментальный скелет, да и только. В стене иллюминатора мерцало бледное пятно, отражение лица Корды, выведенного на головной экран конструкта.

– Я бы что угодно отдал, чтобы оказаться там, на твоем месте.

– Кто ж вам мешает? – кисло поинтересовался чиновник. – Вы же старший по званию.

– А ты не мог бы без шуточек? Это же не какая-нибудь там разовая контрабанда, под ударом находится вся система контроля над технологиями. Если мы пропустим туда хотя бы одну самовоспроизводящуюся технологию… да чего там, ты и сам прекрасно знаешь, насколько хрупко равновесие планеты. Именно для таких операций и нужен наш Отдел – если, конечно, он вообще кому-то нужен. Так что я был бы крайне благодарен, если бы ты хоть сейчас, для разнообразия, малость попридержал свой нигилизм.

– Я обязан говорить то, что думаю. За это мне и платят деньги.

– Весьма распространенное заблуждение.

Корда отошел от окна, нагнулся, взял пустое блюдо для сластей, перевернул его и зачем-то осмотрел дно. Нервная суетливость движений квази могла удивить любого, знакомого с оригиналом. Настоящий Корда был тяжеловесным, вялым и медлительным. Процесс дупликации словно вывел наружу капризного, привередливого человечка, погребенного обычно в этой туше.

– Ты обратил внимание, что у всей местной керамики снизу, на дне, обязательно есть не покрытое глазурью пятно.

– Это место, которым их ставят в печь. Ну хоть бы какая реакция в глазах.

– Здесь же не космос, а планета. Постоянное тяготение. Здесь нельзя обжигать керамику в невесомости.

Корда удивленно покачал головой и отложил блюдо.

– У тебя были еще какие-нибудь мысли? – продолжил он прерванный разговор.

– Я подавал прошение о…

– Полномочиях. Да, да, конечно. Оно у меня в столе. К сожалению, об этом не может быть и речи. Технологическая комиссия относится к местным властям нежно и трепетно. И не надо смотреть на меня волком. Я направил твое прошение через Министерство внешних сношений прямо в Каменный дом, но они его завернули. Они, видите ли, не хотят нарушать суверенитет туземцев. Так что отпихнули твою бумажку почти не глядя. А заодно добавили некоторые ограничения, как то: тебе запрещено носить оружие, осуществлять аресты и – это отмечено особо –

делать вид, что ты имеешь какое-то там право требовать от туземцев содействия своим поискам.

Корда наклонил одну из корзинок и на несколько секунд зарылся лицом в зелень. Отпущенная, корзинка стала нудно, раздражающе раскачиваться.

– Ну и что же должен я делать? Подкатить к Грегорьяну и сказать: “Извините ради Бога, я вот тут не имею права даже разговаривать с вами, но у меня есть сильное подозрение, что вы захапали нечто вам не принадлежащее, так что не будете ли вы добры вернуть оную хрень”?

Прямо под окнами в переборку было встроено несколько убирающихся письменных столов. Корда выдвинул один из них и внимательно обследовал все, что на нем лежало, – бумагу, карандаши, блокноты.

– Не понимаю, – сказал он наконец, – чего это ты, собственно, так раскипятился. Нечего капризничать, ты прекрасно со всем справишься. Раскинь мозгами и обязательно что-нибудь придумаешь, квалификации у тебя, слава Богу, хватает. Да, чуть не забыл. Каменный дом согласился прикомандировать к тебе офицера связи. Некто по фамилии Чу, из внутренней безопасности.

– А будет у него право арестовать Грегорьяна?

– По идее – да, я почти в этом уверен. Но ты же знаешь все эти планетарные правительства – на практике он будет больше приглядывать за тобой самим.

– Потрясающе.

Прямо на них надвигалась стая облаков, принесенная ветром с океана. “Левиафан” чуть задрал свое тупое рыло и бросился вперед. Окна заволокло серой мутью, обшивка дирижабля мгновенно намокла.

– Мы даже не знаем, где искать этого типа. Корда задвинул стол на место.

– Нечего прибедняться, ты найдешь кого угодно – лишь бы он сам знал, где находится.

Чиновник смотрел в окно, стихии разбушевались не на шутку. Капли барабанили по ткани баллона, шлепались в стекло, косыми струйками скатывались вниз. Дождь налетал какими-то порывами – плотный ливень чередовался с относительно спокойными промежутками. Земля исчезла, растворилась, огромный дирижабль словно повис посреди превратившегося в хаос мира. Стук дождя и надрывный вой двигателей били по ушам, мешали разговаривать. Было похоже на конец света – хотя, с другой стороны, кто там знает, на что этот самый конец будет похож.

– Вы хоть понимаете, что через несколько месяцев все это будет под водой? Или мы разберемся к тому времени с Грегорьяном – или уже не разберемся никогда.

– Да со всем ты разберешься, и не через несколько месяцев, а гораздо раньше. И вернешься во Дворец Загадок задолго до того, как временный исполняющий успеет привыкнуть к твоему креслу и решит, что оно досталось ему навсегда.

Улыбка Корды должна была, видимо, означать, что начальничек шутит.

– Первый раз слышу, что вы кому-то там передали мои обязанности. И кому же именно, если не секрет?

– Оборона крепости временно поручена любезно на то согласившемуся Филиппу.

– Филипп?! – Холодное, неприятное покалывание в затылке – словно под водой, когда знаешь, что где-то там, поближе к поверхности, кружат голодные акулы. – Вы передали мой пост Филиппу?

– А что, мне казалось, он тебе нравится.

– Нравится, нравится, – отмахнулся чиновник. – Только вот годится ли он для этой работы?

– Не принимай все так близко к сердцу. Должен же кто-то выполнять рутинные твои обязаннести, а Филипп для таких дел очень даже подходит. Это что же, весь Отдел должен был прекратить всякую деятельность и ждать, пока ваша милость вернется из командировки? Что-то ты мне сегодня не нравишься.

Квази снова выдвинул стол, достал и включил телевизор. Звук ударил чиновнику по ушам, чуть не разрывая барабанные перепонки; Квази убавил громкость до еле слышного бормотания и начал переключать каналы. Нигде ничего интересного.

“Левиафан” вырвался из облаков, в окна брызнул ослепительный свет, и чиновник зажмурился. Теперь вокруг тени дирижабля, летящей по мокрой, сверкающей зелени леса, мерцала расплывчатая радужная каемка. Воздушный корабль весело встрепенулся и пошел вверх, словно стремясь пробить купол неба.

– Вы ищете на этой хреновине что-нибудь конкретное или просто хотите лишний раз потрепать мне нервы?

Корда выпрямился и обиженно отвернулся от телевизора.

– Я хотел найти какой-нибудь из рекламных роликов Грегорьяна. Чтобы дать тебе некоторое представление о противнике, да и вообще об обстановочке. Ладно, не бери в голову. Да и вообще мне нужно заняться работой. А ты уж, будь ласка, постарайся прокрутить все это дело самым лучшим образом. Я на тебя надеюсь.

Они обменялись рукопожатием, и лицо Корды исчезло с экранчика квази. Робот перешел на автоматику, убрался в угол и замер.

– Филипп! – В голосе чиновника звенела ненависть. – Вот же ублюдки!

Он чувствовал – чувствовал с тошнотворной отчетливостью, – как земля уходит из-под ног. Нужно сворачивать эту историю по-быстрому и – бегом, со всех ног бегом назад, во Дворец Загадок. Этот сучий Филипп – он же если что заграбастает, так потом и не выцарапаешь. Чиновник наклонился и выключил телевизор.

Экран потух, и сразу же обстановка в салоне чуть заметно изменилась – словно ушло облако, долго заслонявшее солнце, или в душной, прокуренной комнате распахнули окно.

Чиновник надолго задумался. Просторный салон был залит светом, между окнами висели кашпо с яркими орхидеями, в клетках, развешанных среди корзин с лианами, прыгали и чирикали пестрые дождевки. Обычно “Левиафан” возил туристов, однако недавно правительство Миранды закрыло все курорты Приливных Земель – чтобы отпугнуть этих самых туристов. Опыт показал, что при переселении с ними очень много хлопот, гораздо больше, чем с местными. Роскошь салона резала глаза, однако и дизайн оформления и выбор материалов ясно свидетельствовали о желании сэкономить вес – без оглядки на стоимость. Экономия на топливе никогда не окупит добавочных расходов – ну и черт с ним, главное – досадить внепланетным производителям батарей.

Обычная ситуация, возникающая буквально каждый раз, когда контроль над технологиями болезненно задевает местную гордость.

– Прошу прощения, сэр.

На пороге появился некий молодой человек с небольшим столиком в руках. Одежда парня выглядела, мягко говоря, необычно – нечто вроде балахона, расшитого звездами и полумесяцами, ибисами и какими-то чудовищами, хитрая ткань непрерывно переливалась, меняла свой цвет от ярко-алого до ярко-синего и назад. Установив столик посреди салона, странный хмырь сдернул покрывавшую его тряпку, обнаружив аквариум – с водой, но без рыбок.

– Лейтенант Чу, – представился он, протягивая чиновнику руку. – Ваш офицер связи.

Хрен ли ж ты перчаточку-то свою белую не снял, хамье несчастное, подумал чиновник, однако руку пожал и сказал совсем другое:

– Я ожидал, что ко мне прикомандируют кого-нибудь из

внутренней безопасности.

– Работая в Приливных Землях, мы предпочитаем не особенно засвечиваться. – Чу распахнул балахон, и чиновник увидел синюю летную форму. – В данный момент я исполняю роль местного затейника.

Временно исполняющий обязанности затейника картинно развел руками и кокетливо склонил голову набок, словно напрашиваясь на комплимент. Чиновник решил, что этот хмырь ему не нравится. Определенно не нравится.

– Чушь какая-то. Для чего ломать такую комедию? Я хочу просто поговорить с человеком, вот и все.

Лукавая, чуть ли не заговорщическая, с подмигиванием, улыбка. Щечки у Чу были пухленькие, под левым глазом – то ли небольшой шрам, то ли татуировка в форме звездочки, метка, одним словом; при улыбке эта метка спряталась в складочку юной, почти девичьей кожи.

– Извините, сэр, но что вы собираетесь делать, если сумеете с ним встретиться?

– Поговорю. Попытаюсь выяснить, не попала ли ему в руки некая контрабандная технология. Если окажется, что да, – постараюсь обрисовать возможные последствия, буду уговаривать, чтобы он вернул технологию законным хозяевам. Далее мои полномочия не простираются.

– Ну а если он откажется? Что тогда сделаете?

– Во всяком случае, ни мордовать его, ни тащить в тюрьму я не намерен, если вы на это намекаете. Да и вообще – видите, какая у меня трудовая мозоль?

Чиновник любовно похлопал себя по весьма основательному животу.

– А вдруг, – рассудительно возразил Чу, – у вас есть всякие там внепланетные научные чудеса, вроде как по телевизору показывают? Мышечные импланты и прочее.

– Запрещенная технология есть запрещенная технология. Воспользуйся мы такими штуками, мы бы и сами были не лучше тех преступников.

Чиновник откланялся, а затем спросил с каким-то внезапно вспыхнувшим энтузиазмом:

– Ну и с чего же мы начнем?

Лейтенант мгновенно – словно марионетка, которую дернули за ниточки, – подтянулся и стал очень деловитым,

– Если у вас, сэр, нет каких-либо возражений, я хотел бы сперва ознакомиться с вашими материалами по Грегорьяну – улики, выходы на него и так далее. Потом я изложу, что известно нам,

– Первым делом мне хотелось бы подчеркнуть, – начал чиновник, – его умение вызывать к себе симпатию. Это отмечают практически все, с кем я беседовал. Родился на Миранде, где-то здесь, в Приливных Землях. Прошлое его довольно туманно. Проработал несколько лет в биолабораториях Внешнего круга. Приличный, сколь я понял, исследователь, но ничего такого уж из ряда вон выходящего. С месяц назад внезапно уволился, вернулся на Миранду и переквалифицировался в чудотворца. Стал каким-то там колдуном, или шаманом, или еще что – не сомневаюсь, что тут ваша информация значительно обширнее моей. Все бы ничего, но вскоре появились подозрения, что он прихватил с собой ключевой элемент одной из запрещенных технологий. Вот тут-то и вмешалась Технологическая комиссия.

– Ну как же такое могло случиться? – Улыбка Чу стала откровенно издевательской. – Ведь эмбарго Техкомиссии считается святым и нерушимым.

– Как ни прискорбно, это не первый подобный случай,

– А что там пропало?

– Я не уполномочен это обсуждать.

– Что, настолько важная штука? – Чу задумчиво прищелкнул языком. – Ладно, а что же, собственно, известно об этом мужике?

– Мы знаем о нем на удивление мало. Внешность, генетический код, анкетные и тестовые данные – вот, собственно, и все. Беседы с несколькими его знакомыми не дали практически ничего – этот жук, похоже, ни с кем не поддерживал тесных отношений и никогда не говорил о своем прошлом. Ретроспективно складывается впечатление, что он замыслил эту кражу уже давно и темнил вполне намеренно.

– У вас есть его досье?

– Досье Грегорьяна, – сказал чиновник, а затем открыл чемоданчик и достал оттуда какую-то бумажку.

– А что у вас там еще? – с любопытством вытянул шею Чу.

– Ничего.

Чиновник продемонстрировал абсолютно пустой чемодан, а затем передал лейтенанту досье, напечатанное, по последней моде высоких миров, в формате “белый лотос” и свернутое до размеров носового платка.

– Благодарю вас.

Чу поднял руку с досье над головой, сделал еле уловимое движение кистью, и белый квадратик словно испарился. Затем он покрутил ладонью, давая чиновнику убедиться, что в ней ничего нет.

– А еще раз можно? – улыбнулся чиновник.

– Первая заповедь фокусника – ничего не делай “на бис”,

когда зритель знает заранее, чего следует ожидать, – нагловато сверкнул глазами офицер внутренней безопасности. – Однако, с вашего позволения, я хотел бы продемонстрировать нечто другое.

– А это что, как-нибудь относится к делу?

– Ну, – пожал плечами Чу, – во всяком случае, это будет довольно поучительно.

– Валяйте, – махнул рукой чиновник. – Не хотелось бы только тратить слишком много времени.

– Благодарю вас, – поклонился Чу, а затем открыл дверцу одной из развешанных по стенам клеток, сунул туда руку и поймал отчаянно вырывавшуюся дождевку. Взмахом другой руки он заставил оконные стекла потемнеть, салон погрузился в темноту.

– Этим фокусом я начинаю свои представления. Делается это следующим образом.

Лейтенант отвесил глубокий поклон и картинно выбросил руку вперед. Все его движения стали резкими, отчетливыми, театральными,

– Добро пожаловать, дорогие друзья, соотечественники и гости нашей планеты. Сегодня мне выпала приятная обязанность развлечь и, до некоторой степени, просветить вас своими фокусами и, как бы это получше выразиться, научным трепом. Вы согласны? – Он вопросительно приподнял бровь. – В каковом случае я толкну небольшую речь об изменчивости местных форм жизни, о бесчисленных уловках, позволяющих ей приспособиться к Великим приливам. В то время как флора и фауна Земли – включая, не в последнюю очередь, и нас с вами – неспособна выдержать наступление Океана, для местной биоты приливы – не более чем нормальное, регулярно повторяющееся явление. Бесчисленные зоны периодических затоплений, эволюция, хренолюция и вся такая мутотень. Иногда мне кажется, что природа похожа на фокусника – ну, скажем, на вашего покорного слугу, творящего чудеса с помощью небольшого набора несложных трюков. И все это сводится к простейшему наблюдению, что здешние животные по преимуществу диморфны, а попросту говоря – принимают в зависимости от сезона Великого года одну из двух резко отличающихся – и легко переходящих друг в друга – форм. Перехожу к демонстрации.

Дождевка уже успокоилась и мирно сидела на указательном пальце Чу. Лейтенант нежно гладил ее по голове. Длинный хвост птички свисал вниз, его перья почему-то напоминали слезы.

– Дождевка – типичный трансформант. Когда наступают перемены, когда Океан затапливает половину континента, она приспосабливается к этим переменам, принимая более

подходящую для новых условий форму.

Резкое, неожиданное движение – и обе руки фокусника погрузились в аквариум. Отчаянно сопротивлявшаяся птица исчезла из глаз, скрытая взбаламученной водой. Чу вынул руки из аквариума. Чиновник обратил внимание, что рукава его карнавального балахона остались сухими.

Муть потихоньку осела; вместо исчезнувшей птицы по аквариуму возбужденно металась яркая, разноцветная рыбка с длинным вуалеобразным хвостом.

– Узрите! – возгласил Чу. – Перед вами рыба-воробей, птицеобразная в период Великого лета и рыбообразная Великой зимой. И таким чудесам на нашей планете несть числа.

– Ловкая работа, – иронически зааплодировал чиновник.

– А еще я показываю им фокусы с жидким гелием. Розы, разбивающиеся как стекло, и все такое прочее. Желаете?

– Спасибо, не надо. Вы, кажется, говорили, что демонстрация как-то там связана с делом.

– Самым непосредственным образом. – Глаза фокусника возбужденно блестели. – Я хотел показать вам, насколько трудно будет поймать Грегорьяна. Ведь он волшебник и к тому же местный уроженец. Он может изменять свою форму – и даже форму своего врага. Он умеет убивать мыслью. А главное – он понимает Приливные Земли, а вы не понимаете. Он может призывать таящиеся в этой земле силы, использовать их против врагов, против вас.

– А вы что, и вправду верите, что Грегорьян – волшебник? В смысле, что он и вправду обладает сверхъестественными способностями?

– Да, верим, хотя стараемся не говорить об этом вслух.

Фанатичная убежденность, звучавшая в голосе Чу, делала всякие споры бессмысленными.

– Ясно, – сказал чиновник. – Да, ясненько. Спасибо за разъяснение. А теперь, если вы не против, перейдем к делу.

– Да, сэр, конечно.

Не совсем по форме одетый лейтенант внутренней безопасности потрогал один свой карман, затем другой, на пухленьком, почти детском лице появилось искреннее огорчение.

– Прошу прощения, – смущенно пробормотал он. – Кажется, я оставил все материалы в камере хранения. Вы не могли бы немного подождать?

– Ради Бога, – великодушно согласился чиновник. Суетливое замешательство Чу доставляло ему искреннюю – и вряд ли уместную – радость.

Он снова взглянул в окно, на пробегающий внизу лес.

Дирижабль пошел вверх, описал дугу, а затем начал снижаться. Чиновник вспомнил свое первое впечатление от такой же вот махины, так же вот снижавшейся над Порт-Ричмондом. Странным образом, этот допотопный, обвешанный якорями, складными крыльями и подъемниками корабль совсем не казался неуклюжим. Он спускался медленно и грациозно, оглашая окрестности ревом пропеллеров. Необъятное его брюхо обросло ракушками, а многочисленные гайдропы напоминали плети водорослей.

Несколькими минутами позже “Левиафан” пришвартовался к причальной башне, уныло торчавшей на самом краю маленького, насквозь пропыленного городишки. Одинокая фигура в ослепительно белой одежде ловко вскарабкалась по веревочной лестнице, и в ту же минуту дирижабль отчалил. Никто не сошел – да и у кого, собственно, могут быть дела в такой Богом и людьми забытой дыре.

Дверь салона открылась, и чиновник увидел невысокую стройную женщину в форме органов внутренней безопасности. Женщина подошла, предъявила удостоверение и отрекомендовалась:

– Лейтенант связи Эмилия Чу. Сэр, – добавила она встревоженно, – вам плохо?

2. КОЛДОВСКИЕ БОЛОТА

Грегорьян поцеловал пожилую женщину и сбросил ее с обрыва. Мучительно долгое, как в замедленном кино или во сне, падение судорожно извивающегося тела в серую холодную воду, белое пятнышко пены, тут же стертое прибоем, – и все. Нет, не все – в стороне, у самой границы кадра, что-то темное и блестящее, похожее на выдру, пробило поверхность воды, торжествующе перевернулось в воздухе и снова исчезло, подняв фонтан брызг.

– Фокус, – пожала плечами настоящая Чу.

На экране появилось лицо Грегорьяна – тяжелое, матерое, самоуверенное. Губы беззвучно шевелились. *Выполни свое предназначение.* После пятого просмотра чиновник выключил звук, текстовка ролика прочно сидела в памяти. *Отбрось свои слабости. Найди в себе отвагу жить вечно.* Рекламный ролик закончился, пленка отмоталась назад, и все пошло по новой.

– Фокус? Как это?

– Птица не может мгновенно стать рыбой. Адаптация требует времени.

Лейтенант Чу закатала рукав и сунула руку в воду. Рыба-воробей метнулась в сторону, яркие плавники встревоженно затрепетали. Поднявшаяся со дна муть заволокла аквариум.

– Рыба-воробей живет в норе – там она и сидела, когда этот тип сунул дождевку в воду. Легкий нажим – и у птицы свернута шея. Остается затолкать несчастную тварь поглубже в песок, а перепуганная рыбка выскочит из норы сама, и вытаскивать не надо.

Она положила на стол маленькое, со слипшимися перышками тельце.

– Все очень просто – когда знаешь секрет.

Грегорьян поцеловал пожилую женщину и сбросил ее с обрыва. Мучительно долгое, как в замедленном кино или во сне, падение судорожно извивающегося тела в серую холодную воду, белое пятнышко пены, тут же стертое прибоем, – и все. Нет, не все – в стороне, у самой границы кадра что-то темное и блестящее, похожее на выдру, пробило поверхность воды, торжествующе перевернулось в воздухе и снова исчезло, подняв фонтан брызг.

Чиновник раздраженно выключил телевизор.

Лейтенант Эмилия Чу прислонилась прямой, как струнка, спиной к окну и закурила тонкую черную сигариллу; безукоризненно отглаженная форма органов внутренней безопасности сверкала ослепительной белизной.

– А Берже – как воды в рот набрал. – Ее палец скользнул по

еле заметным усикам. – Похоже, мой имперсонатор исхитрился смыться.

Можно было подумать, что ситуация забавляет эту женщину – и не более.

– Пока мы ничего не знаем, – рассудительно напомнил чиновник.

От былой непогоды не осталось и следа; в окна бил яркий, радостный свет, и теперь вся эта история с лже-Чу казалась фантастической, невероятной, чем-то из области дорожных баек.

– Сходим-ка мы к капитану сами.

Задний обзорный отсек заполняли одетые в шоколадную форму девочки, вырвавшиеся из своей Лазффилдской академии на однодневную экскурсию. Хихикая и толкая друг друга локтями, они таращились на Чу и следовавшего за ней чиновника, которые вскарабкались по металлическому трапу" открыли люк и скрылись в газовом отсеке. Люк закрылся, и сразу стало темно. Они находились внутри треугольного ажурного киля корабля; со всех сторон громоздились слоновьи туши исполинских гелиевых емкостей, редкая цепочка тусклых лампочек создавала впечатление пространства, но ничего толком не освещала. Впереди появилась женская фигура, одетая в летную форму.

– Пассажирам строго запрещается… – Разглядев форму Чу, женщина осеклась на полуслове.

– Нам нужен первый пилот Берже, – сказал чиновник.

– Вы хотите встретиться с капитаном?

Она смотрела на чиновника, словно на сфинкса, неожиданно материализовавшегося, чтобы задать вопрос на засыпку.

– Если вас это не слишком затруднит.

В голосе Чу звенели опасные нотки.

Женщина молча развернулась и повела их сквозь мрачную утробу корабля к носу, к новому трапу, настолько крутому, что взбираться по нему пришлось на четвереньках. На темной деревянной двери рубки управления тускло отсвечивала инкрустация несколько необычного свойства. Роза и фаллос. Женщина трижды отрывисто постучала, затем схватилась за одну из стоек и с обезьяньей ловкостью скользнула куда-то вверх, во тьму.

– Войдите! – пророкотал густой бас.

Чу открыла дверь, и они вошли.

В тесной, насквозь пропитанной вонью пота и грязной одежды рубке царил густой полумрак – лобовой фонарь был наглухо зашторен. Над тремя тускло мерцающими навигационными экранами – единственными в этой конуре

источниками света – навис, ссутулившись, капитан Берже. Старый, облезлый орел – мелькнуло в голове чиновника, но затем капитан повернулся, и бледное, птичье лицо оказалось неожиданно благородным. Не облезлый орел, не ощипанный петух, а скорее усталый, обросший редкой бородкой поэт, витающий в неведомых сияющих просторах своего внутреннего мира. Глаза капитана словно не видели незваных гостей, смотрели сквозь них на какую-то далекую трагедию, более важную, чем мелкие неприятности повседневной жизни. И под глазами – большие темные круги.

– Да?

Лейтенант Чу отдала честь; чиновник вовремя вспомнил, что все капитаны дирижаблей являются одновременно сотрудниками внутренней безопасности, и предъявил свои документы.

– Таких, как вы, сэр, на нашей планете встречают без особого восторга, – сказал Берже, мельком ознакомившись с бумагами и возвращая их чиновнику. – Вы держите нас в нищете, мы кормим вас за счет своего труда, своих природных ресурсов – и не получаем взамен ничего, кроме снисходительного презрения.

Ошарашенный такой откровенной враждебностью, чиновник не сразу нашелся с ответом, а капитан продолжал:

– Но я – офицер и понимаю свой долг.

Он закинул себе в рот какую-то пастилку и громко, с хлюпаньем, начал ее сосать. К вони, заполнявшей рубку, прибавился новый, тошнотворно-приторный запах.

– Ну что ж, предъявляйте свои требования.

– У меня нет никаких требований, – начал чиновник. – Я просто…

– Вы говорите с позиции силы. Вы мертвой хваткой вцепились в технологии, способные превратить Миранду в рай земной. Со своими производственными процессами вы можете в любой момент сбить цены, сделать нас неконкурентоспособными, уничтожить нашу экономику. Мы существуем только с вашего благосклонного соизволения – и только в той форме, которая вас устраивает. А потом вы заявляетесь сюда, щелкаете этим кнутом и предъявляете требования – называя их просьбами и притворяясь, что все это делается исключительно для нашей же собственной пользы. Попробуйте, сэр, обойтись без лицемерия.

– Земля – далеко не “рай земной”, при всех своих технологиях. Неужели в здешних школах не проходят классическую историю?

– Прекрасный образчик вашего высокомерия. Обманутые вами и ограбленные, лишенные законного наследства, мы обязаны вдобавок низко вам за это кланяться. Нет, сэр, я не буду

рассыпаться перед вами в благодарностях, у меня сохранилось еще нечто, похожее на гордость. Кроме того…

Фраза прервалась на полуслове. Капитан клевал носом, мучительно борясь со сном. Его рот раскрылся, закрылся, снова раскрылся и закрылся. Осоловелые глаза поплыли в сторону, словно пытаясь поймать ускользающую мысль.

– Кроме того… Кроме того…

– Иллюзионист, – напомнил чиновник. – Человек, выдававший себя за лейтенанта Чу. Вы сумели его найти?

Берже словно встряхнулся, в его глазах вспыхнуло прежнее негодование.

– Нет, сэр, не нашли, его здесь нет. Он покинул корабль.

– Это невозможно. На единственной стоянке никто не сходил.

– Мы летим к побережью, почти порожняком. Будь это рейс в глубину континента – да, в таком случае человек достаточно изобретательный и ловкий мог бы и спрятаться. Но сейчас все пассажиры у нас наперечет, и команда обшарила весь корабль, снизу доверху. Я даже послал человека в дыхательной маске обследовать гелиевые емкости изнутри. Вашего злоумышленника здесь нет.

– Логично предположить, – вмешалась Чу, – что он заранее обеспечил себе путь отступления. Возможно – прихватил с собой на борт складной планер. Штука эта не очень тяжелая, так что сильному человеку – раз плюнуть. А потом открыл иллюминатор и – поминай, как звали.

На месте этого типа, горько подумал чиновник, я попросту подкупил бы капитана или еще кого-нибудь. Что, скорее всего, и было сделано.

– Странно только, – сказал он, стараясь не выдавать своих подозрений, – чего это Грегорьяну так уж неймется узнать, какой информацией мы обладаем. Не стоит оно таких усилий.

Берже хмуро смотрел на экран и молчал. Затем он тронул ручку управления, и один из двигателей взвыл чуть погромче. Корабль начал медленно разворачиваться.

– Дразнит он вас, – махнула рукой Чу. – Вот и все, и никаких тут нету сложностей.

– Вы думаете? – с сомнением повернулся к ней чиновник.

– Волшебники – они и не на такое способны. Ход их мыслей сразу и не поймешь. Послушайте, а вдруг это был Грегорьян, собственной персоной? Тем более что этот фокусник был в перчатках.

– Снимки Грегорьяна и самозванца, анфас и в профиль, – сказал чиновник. Он достал из чемоданчика влажные отпечатки и разложил их на столе.

– Да нет, тут и говорить не о чем. А при чем тут перчатки?

Чу тщательно сравнила высокую, массивную тушу Грегорьяна с хрупкой фигуркой самозванца.

– Да, – согласилась она. – Ровно ничего общего, вы только посмотрите, какое лицо у одного и какое – у другого.

Даже на фотографии Грегорьян излучал какую-то темную, животную силу. Мощный подбородок и высокий, тяжелый лоб делали его похожим скорее на Минотавра, чем на человека. В статике такие лица кажутся уродливыми, однако достаточно легчайшей улыбки, и в них появляется, Бог знает откуда, незаметная прежде красота. А рядом – круглое, румяное личико лже-Чу. Нет, абсолютно невозможно.

– А перчатки – указание на то, что ваш посетитель – волшебник, – объяснила Чу. – Волшебники татуируют свои руки, каждый освоенный раздел искусства – новый знак, начиная со среднего пальца и вверх, по запястью. У настоящего мага картинки эти доходят до локтей. Змеи, полумесяцы, и чего там только нет. Взглянув на такие руки, вы просто не поверили бы, что имеете дело с пидмонтским чиновником или офицером.

Берже откашлялся, привлекая к себе внимание, и сказал:

– Получи мы соответствующую технологию, на этом корабле сидел бы один-единственный человек. Не имея никакой команды, он справился бы со всем – от погрузки-выгрузки до интервью журналистам.

– Та же самая технология, – заметил чиновник, – лишила бы вас работы. Неужели вы думаете, что ваше правительство стало бы швырять деньги на ненужную роскошь вроде этого вот дирижабля, имей оно возможность построить флот дешевых, быстрых – и быстро разрушающих атмосферу – шаттлов?

– У тирании всегда находятся доводы.

Видимо, Чу надоели эти бессмысленные пререкания.

– Мы нашли мать Грегорьяна, – вмешалась она.

– Действительно?

– Да. – Судя по торжествующей улыбке Чу, розыски были ее собственной идеей. – Она живет на берегу реки, чуть ниже Лайтфута. Дирижабли в их городке не останавливаются, но можно взять у кого-нибудь лодку, там буквально два шага. Идеальная стартовая точка, если уж и вправду влезать в это расследование. Потом займемся телевидением, попробуем проследить деньги. Все наше телевидение транслируется из Пидмонта, но если вы захотите разузнать про эти рекламные ролики побольше, проблем не будет – на каждой стоянке дирижаблей есть терминал.

– Первым делом мы посетим мамашу нашего героя, – сказал

чиновник. – А про деньги мы вряд ли что узнаем – у меня есть некоторый опыт общения с местными банками таких вот, вроде вашей, планет.

– Тоже мне проблема, – презрительно скривился Берже. – Грязный след денег заметен буквально на всем.

– Звучит весьма афористично, – улыбнулся чиновник.

– А усмешечки свои приберегите для другого случая! Когда-то у меня было пять жен, по Приливным Землям. – Берже закинул в рот новую пастилку. – Я распределил их самым удобным образом, вдоль своего маршрута и достаточно далеко друг от друга, чтобы ни одна ни о чем не догадывалась. – Чу комически закатила глаза, но капитан ничего не заметил и продолжил свои излияния: – А потом я узнал, что Изольда мне изменяет. Чуть не свихнулся от ревности. Тогда как раз только что запретили эти шаманские культы. Я вернулся после нескольких недель отсутствия и увидел вдруг не бабу, а прямо какую-то мартовскую кошку. У Изольды только-только начинались месячные, весь дом пропитался ее запахом. – Ноздри капитана раздулись. – Вы и представить себе не можете, на что была похожа моя благоверная в такие вот моменты. Только я открыл дверь, как она швырнула меня на пол и стала рвать мою ни в чем не повинную форму, только пуговицы полетели. Сама – в чем мать родила. Ощущение – словно тебя насилует смерч. А у меня в голове одна мысль – не дай бог соседи увидят, неудобно все-таки.

Посмотреть на нас в это время со стороны – так сдохнуть можно было, наверное, со смеху. Я – с красной рожей, полуодетый, барахтаюсь на полу и пытаюсь дотянуться до двери, чтобы закрыть, а на мне верхом – эта дикая кошка.

Ну и что тут, казалось бы, страшного – я же тогда и сам был молодой. Но она такие номера откалывала – не поверите. Изольдочка освоила способы и приемы, которым я ее не учил. Кое-что из этого было мне и вообще в новинку. Мы были сколько уже лет женаты, и вдруг на тебе, у нее появились новые вкусы и замашки. Где она, спрашивается, их подхватила? Где?

– Возможно, прочитала какую-нибудь книгу, – сухо предположила Чу.

– Хрен там, а не книгу! Любовник у нее появился, вот что! Тут и думать было не о чем. Изольда, она же была девка совсем простая, без хитростей. И тогда, в тот раз, она выглядела как ребенок, хвастающийся новой игрушкой. Вот давай, говорила она, посмотрим, что получится, если… Давай притворимся, что ты – женщина, а я – мужчина… А теперь я совсем-совсем не буду двигаться, а ты можешь… На демонстрацию всего, чему она научилась – что она “придумала”, – ушло несколько часов, так

что у меня было время поразмыслить, что делать дальше.

Когда я выходил из дома, уже стемнело. Изольда спала как убитая, ее длинные черные волосы прилипли к покрытому потом телу, к маленьким острым грудям… А какая была на этом личике спокойная, умиротворенная улыбка – ну прямо ангел, и все тут! Я сунул в карман пистолет и пошел выяснять, кто же это наставил мне рога. Дело не обещало особых трудностей – все говорило за то, что моя драгоценная супруга спуталась с высоким профессионалом, то есть человеком, непременно известным в определенных кругах.

“Определенные круги” квартировали по большей части у самой реки, на набережной. “Да, – отвечали мне практически во всех тамошних забегаловках и борделях, – появлялся здесь один такой классик. Откуда взялся – неизвестно, но квалификация у него – закачаешься, уж это точно”.

Негромко, с почти пародийной почтительностью забормотал динамик интеркома.

– Отрегулируйте левые емкости, если надо – то вручную, – сказал Берже, тронув одну из кнопок пульта. – Да. Нет. Действуйте по инструкции.

Последовала пауза, такая долгая, что чиновник утратил уже всякую надежду дослушать повествование до конца. Когда молчание стало совсем невыносимым, капитан вздохнул и продолжил:

– Но найти его я так и не смог. Похабные истории про этого парня рассказывал каждый встречный и поперечный, некоторые девицы ссылались даже не на слухи, а на личные – и очень приятные – впечатления, только где же он сам, герой всех этих легенд? В те времена, после погромов Уайтмарша, на поверхность всплыла уйма самых странных типов, зачастую гораздо более примечательных, чем интересовавший меня корифей секса. Все свидетели сходились на том, что он среднего роста, одевается скромно и благопристойно, обладает несколько специфическим чувством юмора. Что он довольно молчалив, существует за счет щедрот благодарных женщин, что глаза у него – черные, что он редко мигает. Но эти места просто кишели людьми, которые что-то скрывали или от кого-то скрывались. Человек умный и осторожный мог прятаться здесь до скончания века, а этот красавчик именно таким и был – хитрым и предельно осторожным. Он скользил сквозь сумеречный мир ночной жизни, почти никем не замечаемый, как тень. Он никому ничего не обещал, не имел друзей, не имел никакой правильной, ритмичной схемы поведения. Гоняться .за ним было все равно что лупить кулаками по пустому месту. Найти его было невозможно.

Через несколько дней я изменил тактику. Ну чего, спрашивается, ради буду я ноги до задницы снашивать? Изольда виновата – пусть она и побегает. А посему я превратил себя в импотента. Догадываетесь, каким именно образом? С помощью собственного кулака. Старушка Ладонь и пять ее шаловливых детишек. К тому времени, как Изольда до меня добиралась, никакие уже уговоры и понукания не могли заставить моего трудягу хотя бы приподнять усталую голову. Баба была в полном отчаянии. Я, конечно же, изображал смущение и расстройство, пристыженно отводил глаза, а через некоторое время и вообще отказался продолжать бесполезные попытки.

В полной тоске Изольда бросилась искать этого своего любовника – решила, так сказать, припасть к неиссякаемому роднику сексуальной премудрости. Вскоре она предложила мне попробовать некую дыхательную технику и упражнения, снимающие стресс. По нулям. Отпуск подходил к концу. Я держался с Изольдой холодно и отчужденно, она мучилась, считая себя виноватой, и была готова уже на все, лишь бы облегчить мои страдания, привести меня в норму.

К следующему нашему свиданию Изольда “нашла” некоего человека, способного исцелить мой недуг. Да, она знает, что я не люблю всех этих колдунов, но ведь он просто приготовит лекарство, ну чего тут такого страшного? Правда, придется заплатить, и довольно дорого. Здесь у Изольды возникали сомнения. Нехорошо это, когда к таким вещам припутываются деньги. Но это – дело десятое, главное – чтобы я был счастлив… Немного поупиравшись, я позволил себя уговорить. На следующий вечер я наполнил маленький, но тяжелый ящичек серебром и направился к условленному месту – в небольшой гараж, расположенный рядом с пристанью, чуть ниже по течению. Над боковой дверью горела тусклая синяя лампочка. Я вошел.

Как только дверь затворилась, вспыхнул резкий, ослепительный свет, и глаза мои непроизвольно зажмурились. Только через несколько секунд я начал различать обстановку – автомобили, сварочные аппараты, стеллажи с инструментами и масленками. В кабинах грузовиков и на капотах расположились четверо мужчин и две женщины, на меня смотрело шесть пар враждебных, по-совиному немигающих глаз.

Снова забормотал динамик.

– А вы сами что, совсем думать разучились? – раздраженно повернулся к пульту Берже. – Перестаньте отвлекать меня всякой ерундой.

Он отключил интерком и продолжил рассказ.

– Одна из женщин захотела посмотреть на мои деньги. Я

кинул к ее ногам содержимое того самого ящика – молескиновый мешочек с восемьюдесятью долларами. Женщина развязала тесемки, взглянула на серебряные монеты и судорожно перевела дыхание. Это, сказала она, из Уайтмарша.

Я ничего не ответил.

Компания молча переглянулась. Я сунул руку под куртку и нащупал пистолет. “Нам очень нужны деньги, – сказал один из мужчин. – Эти суки нас совсем затравили. Они нам в затылок дышат, я прямо вонь их чувствую”.

Женщина выгребла из мешочка горсть новеньких, зеркально-блестящих монет. “Этот чеканщик, – сказала она, – исчез незадолго до рейда. Его монеты раздавали всем, кто хотел, – подходи и бери. Лично я не захотела. И подумать только, – пожала она плечами, – как быстро все меняется”.

Эти люди считали, что я ограбил какого-то их собрата, смотрели на меня как на мародера. А вы-то, кстати сказать, знаете хоть что-нибудь про зачистку Уайтмарша?

– Нет, – покачал головой чиновник.

– Так, отдельные слухи, – пожала плечами Чу. – В школе про это не проходят.

– И очень зря, – возмущенно фыркнул капитан. – Пусть бы дети знали, на что способно драгоценнейшее наше правительство. Это было очень давно, когда Приливные Земли только-только еще заселялись, когда всюду, как грибы после дождя, появлялись различные коммуны и утопии. Сообщества безвредные и немощные, они возникали словно ниоткуда, существовали месяц-другой и бесследно исчезали. Колдовские культы Уайтмарша были совсем иного свойства, они распространялись, как лесной пожар. Люди, и мужчины и женщины, начинали разгуливать в чем мать родила. Они не ели мяса. Устраивали ритуальные оргии. Отказывались служить в ополчении. Заводы и фабрики закрывались – никто не хотел там работать. Урожай гнил на корню – никто его не убирал. Дети не получали образования. Каждый, кто ни попадя, чеканил собственные монеты. У этих людей не было руководителей. Они не платили налогов. Такого положения не стерпело бы ни одно правительство.

Эту заразу выжгли каленым железом. Одним ударом, за один-единственный день, культы были сметены, немногие уцелевшие ударились в бега. Они, эти самые уцелевшие, насмотрелись таких кошмаров, что никогда уже не осмелятся снова поднять голову. Я понимал, что нахожусь в огромной опасности, но старался не выказывать ни малейшего страха. Ну так что, спросил я, нужны вам деньги или нет?

Один из мужчин взял мешочек, взвесил его на ладони, а

затем, как я и надеялся, рассовал часть монет по карманам. “Мы разделим их поровну, – сказал он. – Пока мы не сломлены – Уайтмарш жив”. Затем он кинул мне сверток каких-то трав, замотанный в грязную тряпку, и сказал, издевательски усмехнувшись: “От этого мертвый встанет, не говоря уж о твоей хлипкой принадлежности”.

Я сунул сверток в тот самый свинцовый ящик, повернулся и ушел. Дома я измолотил Изольду в кровь и вышвырнул на улицу. Подождав с неделю, я сообщил в органы, что где-то здесь, неподалеку, скрывается группа беглых сектантов. И дня не прошло, как обнаружились монеты, а вместе с монетами и беглецы. Я так и не знаю, кто из этих приятелей испоганил мою Изольду, но монеты все еще были при них, так что виновный наказан. Да уж, наказан так наказан.

– Извините, – сказал чиновник, – но я не совсем вас понимаю,

– Меня засылали в Уайтмарш с заданием, за несколько дней до зачистки. Я убрал чеканщика, а затем облучил всю его продукцию – начальнички снабдили меня специальным прибором. Многие из смывшихся имели в своих карманах горячие монеты – и никак не могли понять, каким это образом органы так быстро их отлавливают. А потом у них появились радиационные ожоги – и в самых к тому же неприятных местах. У меня сохранились снимки – пакостное, доложу вам, зрелище.

Капитан сунул руки в карманы, помолчал и добавил:

– А отраву эту я скормил Изольдиному псу. Помучался бедняга и сдох. Вот и верь после этого волшебникам.

– Запрещенная технология, – заметил чиновник. – Планетарное правительство не вправе использовать подобные излучатели. Слишком велика опасность.

– Опытная ищейка делает стойку! Давай, ловец человеков, бери след – если он не слишком остыл за эти шестьдесят лет, – горько усмехнулся Берже, повернувшись к своим экранам. – Я смотрю вниз и вижу всю свою жизнь. Мы стартовали в районе Измены Изольды, известном еще под названием “Рога”. Дальше следуют Ожидание Пенелопы, Ранняя смерть и Развод. В самом конце маршрута расположен мыс Разочарования, чем и завершается список моих супруг. Я отстранился от этой земли, но не могу покинуть ее окончательно. Я жду. Чего? Может быть – рассвета.

Нажимом кнопки Берже раздвинул шторы, и чиновник болезненно сморщился. В ярком свете, хлынувшем сквозь стекло лобового фонаря, лицо капитана с бледными складками щек выглядело дряблым и немощным. Внизу проплывали крыши, башни и шпили, среди которых вздымался золотой,

ощетинившийся антеннами купол Лайтафута.

– Я только червь, слепо извивающийся в темнице этого черепа, – задумчиво, словно самому себе, сказал Берже.

Странная реплика застала чиновника врасплох. Он неуютно поежился, осознав вдруг, что эти пристальные глаза вглядываются не в ужасы прошлого, а в будущее. В медленной, с остановками, речи чувствовались первые признаки одряхления; капитан словно заглядывал в пропасть жалкого, беззубого существования и таящуюся в глубинах этой пропасти смерть. Жизнь и смерть, столь же неразличимые, как океан и небо на далеком горизонте.

Чиновник и Чу направились к выходу.

– Так я надеюсь, лейтенант, – заговорил, словно проснувшись, Берже, – что вы будете меня информировать. Очень интересно, чем же закончится ваше расследование.

Когда дверь рубки закрылась и трап остался позади, Чу негромко рассмеялась.

– Вы обратили внимание на эту его жвачку?

– Еще бы, – буркнул чиновник.

– Шаманское снадобье от импотенции. Готовится из травы, корешков, бычьей спермы и Бог еще знает какой мерзости. Вот уж правда, горбатого могила исправит. Знаете, а он ведь никогда не вылезает из этой своей конуры, даже спит там. Чем и знаменит.

Чу смолкла, заметив, что никто ее не слушает.

– Он где-то здесь, рядом. – Затаив дыхание, чиновник всматривался в темноту. – Прячется.

– Кто?

– Твой двойник. Шпаненок этот. Реконструируй генетический код, – обратился чиновник к своему чемоданчику, – а затем изготовь локатор. Тогда мы его быстренько.

– Запрещено, – невозмутимо отрезал чемоданчик. – Я не имею права пользоваться такой технологией на поверхности планеты.

– Вот же мать твою!

Воздух в узком проходе почти звенел от напряжения, как туго свернувшаяся, готовая к броску змея. А источник этого напряжения – лже-Чу, который наблюдает за ними из темноты. Наблюдает – и беззвучно смеется.

– Не надо. – Чу тронула чиновника за руку; глаза ее смотрели очень серьезно. – К противнику нужно относиться спокойно, безо всяких эмоций. Иначе он все равно что держит тебя за яйца. Расслабься. Смотри на все это как посторонний наблюдатель.

– Я не…

– … нуждаюсь в советах сотрудников провинциальной

охранки. Знаю. – Чу ехидно ухмыльнулась, вся ее серьезность куда-то исчезла, вновь сменившись цинизмом. – Местные органы безопасности буквально всех планет славятся своей продажностью и неэффективностью. И все равно к моим словам стоит прислушаться. Я здешняя. Я знаю противника.

– Па – берегись!

Чиновник торопливо отодвинулся. Четверо мужиков вытаскивали из грязи тяжеленное бревно, явно намереваясь закинуть его в кузов грузовика. С лебедкой, установленной на том же грузовике, управлялась рыжая коренастая женщина. Везде, куда ни посмотри, царила, как принято выражаться в изящной литературе, мерзость запустения. Ни одного приличного здания – все домишки ободранные, сто лет не крашенные, щелястые, половина оконных стекол выбита. Северные стены облеплены коростой плотно сросшихся морских раковин.

Под ногами – слякоть. Чиновник скорбно осмотрел свои безнадежно загубленные ботинки.

– Что тут у вас такое? – спросил он.

С крыльца одной из халуп – лавки, если судить по вывеске – за погрузкой наблюдал тощий низкорослый старик, почти терявшийся в складках непомерно просторной одежды. И не поймешь, усмехнулся про себя чиновник, то ли хмырь этот усох в два раза, то ли хламида его выросла под животворными лучами местного солнца, или как там они его называют.

В левом ухе болтается серьга, миниатюрный серебряный череп – мирный деревенский лавочник был когда-то бравым космическим десантником; в левой ноздре сверкает увесистый рубин – ветеран Третьего воссоединения.

– Тротуар сдираем, – мрачно сообщил старикашка. – Самый взаправдашний морской дуб, да к тому же – мореный. Пролежал в этом болоте чуть не сто лет. Это дед мой мостил, когда поселка еще считай что не было. В те времена – грошовый материал, а через год сколько я спрошу за эти колобахи – столько мне и заплатят.

– А как тут у вас насчет лодку нанять?

— А никак. Пристань всю порушили, так и лодок совсем не осталось. – Он кисло ухмыльнулся, любуясь ошарашенным лицом собеседника. – Пристань, она ведь тоже была из дуба. Вот ее и разобрали, месяц еще назад, чтобы успеть вывезти по железной дороге, пока не сняли рельсы.

Чиновник с тоской посмотрел на восток, вслед “Левиафану”, почти уже скрывшемуся за горизонтом. Рой мошкары – то ли комаров, то ли еще какой гадости, – угрожающе крутившийся

неподалеку, утратил почему-то агрессивные намерения и тихо, без излишней суеты, смылся. Мошкара, дирижабль, железная дорога, тротуар, пристань с лодками – Лайтфут не давал себя потрогать, ускользал из-под пальцев, подхваченный огромной, неудержимой волной. Чиновник почувствовал головокружение, легкую тошноту, его словно засосало в безвоздушное пространство, в невесомость, где перепутаны верх и низ и нет почвы под ногами.

Бревно шлепнулось наконец в кузов грузовика, сопровождаемое громкими, торжествующими криками. Женщина, управлявшая лебедкой, весело трепалась со стоящими чуть не по колено в грязи парнями.

– А платье у меня будет – вы все тут сдохнете. Вырез – вот досюда.

– Что, Беа, собираешься продемонстрировать нам свои сиськи, самый краешек? – поинтересовался один из парней.

– Краешек! – пренебрежительно фыркнула женщина. – Вырез почти до самых сосков. На выставке будут представлены товары, о существовании которых вы, пентюхи, даже и не догадывались.

– Ну, я-то, в общем, догадывался. Только не появлялось как-то желания заниматься этим всерьез.

– Приходи сегодня вечером в Роуз-Холл. Посмотришь – пальчики оближешь.

– Только пальчики? А может, что-нибудь еще? – Парень ухмыльнулся и тут же отскочил в сторону, заметив, что плохо привязанное бревно угрожающе двинулось к опущенному борту грузовика.

– Ты там, поосторожнее! С тобой, дурой, и пошутить нельзя – сразу ноги норовишь отдавить.

– За ноги не беспокойся, я тебе не ноги, я тебе другое отдавлю!

– Извините, пожалуйста, – вежливейшим голосом начал чиновник, – это ваш грузовик? Я хотел бы его арендовать.

– Мой, – повернулась рыжая женщина. – Только он вам не подойдет. У меня тут поставлена батарея от другой машины, от большой, поэтому приходится понижать напряжение. А трансформатор мой при последнем издыхании. Поработает минут двадцать, ну – полчаса, и начинает гореть. Приходится нянчиться с ним, как с ребенком. У Анатоля есть запасной, но он требует за него какие-то несуразные деньги, три шкуры хочет содрать. Так что я решила с этим делом повременить. Думаю, поближе к юбилею он образумится малость и скинет цену.

– Послушай, Аниоба, – вмешался лавочник. – Сколько раз я тебе говорил, что могу купить у Анатоля эту хреновину раза в два

дешевле, чем…

– А заткнуться ты не можешь? – раздраженно воскликнула женщина. – Что у тебя, Пуф, за привычка соваться куда не просят.

Чиновник вежливо откашлялся.

– У меня и дело-то совсем пустяковое, – пояснил он, прихлопнув впившегося в руку комара. – Съездить в усадьбу чуть ниже по течению, и сразу назад.

– Ничего не выйдет. Тут еще подшипники заедают, давно их не смазывала. Покупать смазку – значит, идти к Жиро, а этому старому козлу денег мало, он же зажмет тебя в угол и начинает лапать. Чтобы получить целую банку смазки, мне придется, небось, встать перед ним на колени и изобразить из себя доильный аппарат.

Парни молча ухмылялись.

– Господи, – тяжело вздохнул Пуф, – даже и не знаю, как я без всего этого буду жить.

Только теперь чиновник заметил на запястьях старика потертые, окислившиеся разъемы глубокого психоконтроля. Ну кто бы мог подумать, что этот божий одуванчик – каторжник, оттрубивший срок на Калибане? Любопытный экземпляр.

– Вот все обещают встречаться, поддерживать связь, а переедем в Пидмонт, так никто обо мне и не вспомнит. И чего, спрашивается, языком зря чесать?

– Ну вот, – фыркнула Аниоба, – опять этот скулеж. С такими деньгами ты нигде без дружков-приятелей не останешься, еще палкой разгонять придется. Старые знакомые, может, и пропадут, так тебе же один хрен, что те, что другие.

Еще одно бревно, на этот раз – последнее, Аниоба выключила лебедку, подняла борт. Рабочие не расходились, терпеливо ожидая приказа рыжей хозяйки. Один из них, молодой петушок с копной черных, жестких, как проволока, волос, начал лениво разглядывать выложенные на лотке связки ярких птичьих перьев – то ли амулеты, то ли мушки для рыбной ловли. Когда парень распрямился, Чу коршуном бросилась вперед и схватила его за руку.

– Я все видела! – Развернув ошалевшего от неожиданности работягу, она ударила его спиной о косяк. – Что у тебя под рубашкой?

– Н-н-ничего! Т-ты что, с-д-д-дурела?

Аниоба выпрямилась и уперла руки в бока. Все остальные присутствующие – трое парней, чиновник и лавочник – тоже замерли, молча наблюдая странную сцену.

– Раздевайся! – рявкнула Чу, – Быстро! Парень беспрекословно подчинился.

– В-вот, с-смотри, – испуганно промямлил он, снимая рубашку через голову. – Н-ничего у меня т-там нет.

Но Чу не интересовалась рубашкой. Она внимательно изучала тело парня, стройное и мускулистое, с длинным серебристым шрамом чуть пониже пупка и густой порослью черных, курчавых волос на груди. А затем улыбнулась:

– Ну так бы и съела.

Рабочие, Аниоба и лавочник покатились с хохота. Полуголый страдалец побагровел, набычился и стиснул кулаки, но затем отвернулся и начал одеваться.

– Ты обратил внимание, – спросила Чу, – как эта рыжая их заводила. Умеет ведь, стерва.

В конце улицы виднелось большое, донельзя обшарпанное здание с почти провалившейся крышей. Чуть не все его окна были заколочены обрезками старых рекламных щитов. Немногие изображения, сохранившиеся на черной, прогнившей фанере, казались окошками в иной, яркий и радостный мир: рыбий хвост, огрызок какого-то слова, затем – нечто розовое и выпуклое, то ли колено, то ли женская грудь. Нос, задранный прямо вверх, навстречу моросящему с неба дождю, и опять буквы, буквы" буквы. Над главным входом – вылинявшая вывеска: ПРИВОКЗАЛЬНЫЙ ОТЕЛЬ, а совсем рядом – бывшее железнодорожное полотно, лишившееся рельсов и шпал, превратившееся в полосу вязкой грязи.

– В точности как мой муж.

– А зачем ты с ним так? – спросил чиновник. – С этим грузчиком.

Чу не стала притворяться дурочкой.

– О! – улыбнулась она. – Насчёт этого молодого человека у меня есть планы. Сейчас он пропустит пару кружек пива и попытается забыть о случившемся, но не сможет – дружки не дадут. К тому времени как я устроюсь в номере, пошлю за багажом, поем и ополоснусь, он будет уже под градусом. Я постараюсь его найти. Увидев меня, он несколько возбудится – ощущая при этом смущение и неуверенность. Он будет глазеть на меня, не понимая толком, как же он, собственно, ко мне относится. А затем он получит возможность разобраться в своих чувствах.

– Не лучший, мне кажется, сценарий. Во всяком случае – не самый эффективный.

– Не бойся, – еще шире улыбнулась Чу. – Опробовано, и не раз.

– Ну, если… – неуверенно согласился чиновник и тут же

добавил: – Давай тогда, действуй, заказывай номера, а я тем временем схожу к мамаше Грегоръяна.

– Ты же вроде говорил, что пойдешь к ней утром.

– Правда, что ли?

Чиновник осторожно обогнул груду прогнивших автомобильных покрышек. Фраза насчет “завтра утром”, небрежно брошенная несколько часов назад, предназначалась специально для ушей капитана Берже. С этого типа вполне станется послать ночью гонца, предупредить старуху, чтобы поменьше распускала язык.

И все, касающееся капитана, неотъемлемо связано с другой, более серьезной загадкой: где липовый Чу добыл свою информацию? Этот сучий сын знал, каким именем представиться, знал, когда нужно исчезнуть, чтобы не напороться на настоящую Чу, и – самое пикантное – знал, что никто не удосужился сказать чиновнику четырех простых и ясных слов: вас будет сопровождать женщина.

Короче говоря, у Грегорьяна есть агент в местном правительстве, а то и в самой Технологической комиссии. Вполне возможно, что Берже чист, аки агнец, но лучше уж перебдеть, чем недобдеть.

– Тогда говорил, а теперь передумал.

3. ТАНЕЦ МАЛЕНЬКИХ НАСЛЕДНИЦ

Закат. Яростный Просперо пиратским галеоном уплывал в ночь. Прикоснувшись к горизонту, он мягко сплющился, и тут же вспыхнули, охваченные пожаром, серые континенты облаков. Тени деревьев быстро исчезали, таяли в голубых сумерках. Дорога тянулась прямо по берегу реки, повторяя все его изгибы. Чиновник остановился, опустил чемоданчик на землю, взял в другую руку и мрачно зашагал дальше. У самого въезда в поселок горел костер, трое бродяг пекли ямс. Темнокожий верзила вытаскивал из миски с водой огромные, как лопухи, листья табака и оборачивал ими клубни. Второй оборванец, тощий и седоватый, ловко засовывал мокрые зеленые комки в огонь, а третий, совсем старик, засыпал их тлеющими углями. Прямо на песке стояли два телевизора; один из них, работавший беззвучно, обеспечивал изображение, а другой, повернутый экраном в сторону, – звук.

– Добрый вечер, – сказал чиновник.

– И вам того же, – поднял голову тощий, бесцветный бродяга; его костлявые колени, выпиравшие из дырявых брюк, были густо измазаны золой. – Присаживайтесь,

Он чуть подвинулся. Чиновник опустился на корточки, стараясь не испачкать белоснежный костюм. На бледном экране телевизора некий юноша мрачно взирал на бушующие за окном волны. Подошедшая сзади женщина тронула его за плечо.

– Старик не верит, что он увидел там русалку, – пояснил тощий.

– Папаши, они все такие.

Прозрачный голубой дымок таял в быстро темнеющем небе, от костра пахло морем и смолой.

– Вы, ребята, тут что – охотитесь?

– Вроде того, – неопределенно откликнулся тощий. Верзила коротко хохотнул.

– Мы – мародеры, – вмешался старик. Он говорил резко, с вызовом. – А тот, кого наша компания не устраивает, может сваливать на все четыре стороны.

На лицах бродяг застыло ожидание,

– *Байрон, отойди от окна,* — сказала женщина. – *За ним нет ничего, кроме холодного, вечно изменчивого океана. Погуляй, подыши свежим воздухом. Твой отец думает…*

– *Мой отец думает о деньгах и больше ни о чем!*

– Да, кстати, у меня же с собой есть посудина. Вполне приличный бренди. – Чиновник извлек из чемоданчика бутылку,

приложился к ней и обтер горлышко рукой. – Вы, ребята, можете верить мне, – можете – нет…

– Приятно иметь дело с понимающим человеком.

– Так ты что, в эту деревню? – поинтересовался тощий, когда бутылка дважды прошла по кругу.

– Да. Хочу зайти к матери Грегорьяна. Вы знаете ее дом?

Троица переглянулась.

– Ничего ты из этой старухи не вытащишь, – покачал головой тощий. – Местные про нее всякое рассказывают. Та еще стерва. Вот бы кого по ящику показать, вместо этой мутотени. – Он кивнул в сторону телевизора.

– А что они рассказывают?

– Сам увидишь. Вон там, – костлявая рука указала на поселок, – дорога упрется в крайнюю улицу. Спустись по этой улице к реке и прямо по берегу, до пятой…

– До шестой, – поправил старик.

– До шестой улицы. Поднимешься по ней, пройдешь мимо церкви, мимо кладбища, одним словом – до конца, до самого болота. Самый большой в поселке дом, так что мимо не пройдешь. И чего, спрашивается, они себе такую крепость отгрохали?

– Спасибо, – сказал чиновник и встал.

Бродяги снова повернулись к телевизору. Девочка-альбиноска, занимавшая центр экрана, словно не замечала остальных персонажей, вовлеченных в какой-то яростный спор. Розоватые, словно у кролика, глаза взирали на бушующие вокруг страсти со спокойной, почти неземной отрешенностью.

– Это Идеи, сестра того мальчонки, – объяснил тощий. – Так с того времени и молчит.

– С какого времени?

– С какого? – удивился верзила. – Да с того раза, когда она увидела единорога.

С высоты птичьего полета этот поселок должен был напоминать древнюю, предельно примитивную печатную плату, – примерно из таких Галилей спаял свой первый радиотелескоп. Гребенка неровных, бестолково изгибающихся линий, ведущих от реки вверх, – в поперечных улицах просто не было необходимости. А с Галилеем получается что-то не то; он же вроде совсем из другой эпохи.

Строения по большей части крохотные и облезлые, но из окон льется уютный, желтоватый свет, доносятся голоса. На берегу чернеют перевернутые вверх дном лодки, кое-где взбрехивают и тут же замолкают собаки. На берегу – ни души, если не считать

хозяина гостиницы (а может, это – “постоялый двор”?), клюющего носом на крыльце своего заведения. Чиновник свернул в шестую улицу, оставив за спиной стылое серебро реки. Все верно, вон церковь, а за ней – кладбище, огороженная невысокой стеной рощица, сплошь увешанная ярко раскрашенными скелетами. Дующий от реки ветер раскачивал сцепленные проволокой кости; они тихо, печально постукивали. За кладбищем дорога пошла вверх; чиновник миновал несколько солидных особняков, брошенных, по всей видимости, совсем недавно – в темных, ослепших окнах целы все стекла, мародеры не успели еще здесь поработать. Состоятельные горожане спешат в Пидмонт, там сейчас экономический бум, широкие возможности… А вот и цель всей этой утомительной прогулки – на самом краю поселка, где улица снова уходит вниз, превращается в узкую тропинку и быстро пропадает в болоте.

Стены дома сплошь облеплены раковинами, усеяны пузырями шелушащейся краски, но даже эта короста не может скрыть добротной плотницкой работы, великолепной резьбы по дереву. Плотные шторы почти не пропускают свет. Чиновник подошел к массивной двери и тронул сигнальную пластину.

– К нам гости! – прозвучало где-то в глубине дома. – Подождите, пожалуйста, – добавил тот же механический голос, обращаясь на этот раз к чиновнику.

Дверь отворилась. По бледному худому лицу, показавшемуся в темном проеме, пробежала целая гамма выражений – удивление, что-то вроде испуга и, наконец, настороженность.

– Я думала, это оценщик. – Женщина вызывающе вскинула подбородок.

Чиновник улыбнулся самой обворожительной из своих улыбок.

– Вы – мать Грегорьяна?

– Так вы, значит, к ней. – Тощая женщина равнодушно отвернулась и направилась внутрь дома, – Проходите.

Судя по всему, когда-то этот узкий коридор был обит яркой тканью с веселеньким растительным орнаментом, теперь же бурые складки, срисающие со стен, делали его похожим на пищевод какого-то чудовища. Желудок, подумал чиновник, оказавшись в мрачной, тесно заставленной мебелью комнате (гостиной?). Провожатая усадила его в темное массивное кресло с бахромой, мягкими подлокотниками и резными ножками в форме львиных лап.

– Это оценщик? – затараторила, врываясь в комнату, другая женщина. – Первым делом нужно показать хрусталь. Я хочу… – Увидев чиновника, она резко смолкла.

– Тик, – сказал метроном, втиснутый между двух стеклянных колпаков; его перевернутый маятник величественно поплыл назад, отсчитывая медленные секунды бренности и тщеты. Толстый слой пыли не давал рассмотреть, какие же такие диковинки бережно хранятся под колпаками. Сверху, из-под потолка, на чиновника взирали равнодушные глаза охотничьих трофеев – зеленые, оранжевые и жемчужно-серые стекляшки. И везде, куда ни повернись, – лица, везде тяжелые, набрякшие веки, широко распахнутые, словно зашедшиеся немым криком рты. Мрачные и враждебные лица, вырезанные на дверцах, ножках и стенках бесчисленных столов и столиков, шкафов и шкафчиков, комодов и буфетов, теснивших друг друга в отчаянной борьбе за жизненное пространство. А это уже на грани кощунства – ну кому, спрашивается, пришло в голову покрывать сплошной резьбой прекрасное розовое дерево? Интересно, где теперь стружки, не могли же такую драгоценность попросту выбросить. Эта мебель стоила бешеных денег, но будь ее раза в два меньше, гостиная была бы раза в два удобнее.

– Так, – согласился метроном. Две женщины продолжали молча изучать непрошенного гостя.

– Странно, Амбрим, почему ты не хочешь познакомить меня со своим приятелем?

– Никакой он не мой приятель, он к маме пришел.

– А если к маме – значит, нужно нарушать все приличия?

Вторая женщина шагнула вперед; чиновник торопливо вскочил, чтобы пожать холодную сухую ладонь.

– Меня зовут Ленора Грегорьян. Эсме! – обернулась женщина к двери. – Где ты там копаешься?

Тут же, словно из-под земли, появилась третья сестрица, одетая в унылое, тускло-коричневое платье, с кухонным полотенцем в руках.

– Если это оценщик, не забудьте сказать ему, что Амбрим разбила… – начала она и тут же осеклась. – Извините, я и не знала, что у вас тут молодой человек.

– Не говори глупостей, Эсме, этот джентльмен пришел к маме. Лучше предложи ему стакан пива.

– Спасибо, но вы напрасно…

– У нас приличный дом, – твердо заявила Ленора. – Садитесь, пожалуйста. У мамы врач, но, если вы подождете, она обязательно вас примет – хотя бы ненадолго. Вы только не забывайте, что маме нельзя волноваться, она очень больна.

– Она умирает, – пояснила Амбрим. – И не позволяет отвезти себя в Пидмонт, где есть хорошие больницы. Хочет, видите ли, умереть в этом прогнившем бараке. Хочет, видите ли, уйти в

вечность на волне Прилива. Так ей кто и позволил – эвакуационные власти, они следят за санитарией пуще, чем за всем остальным. – Амбрим на мгновение смолкла, ушла в себя. – Только и добьется, что нас, Грегорьянов, вывезут отсюда вместе со всякими голодранцами. Позорище!

– Не думаю, Амбрим, что гостя так уж интересуют наши семейные проблемы; – сухо заметила Ленора, – А по какому, если не секрет, делу хотите вы увидеть нашу маму? – обратилась она к чиновнику, словно не замечая молчаливого негодования сестры.

– Да нет, какие там секреты, – улыбнулся чиновник. Вернувшаяся с кухни Эсме вложила ему в руку старинный хрустальный стакан с подозрительной желтоватой жидкостью. – Большое спасибо. – Эсме поставила на стол невероятно тонкое, почти прозрачное фарфоровое блюдце, молча кивнула и отошла.

– Я представляю здесь Технологическую комиссию правительства Системы. Мы хотели побеседовать с вашим братом, однако он уволился и уехал, не оставив нового своего адреса. Может быть, вы… – Чиновник оборвал фразу на полуслове и отпил из стакана. Пиво оказалось жидким и безвкусным.

– Нет, мы ничего не знаем, – покачала головой Ленора.

– Так вы что, его агент? – В голосе Амбрим звенело бешенство. – Он не имеет ни малейшего, ни вот такого права ни на одну вещь из этого дома. Он сбежал отсюда не знаю сколько времени назад, совсем еще ребенком, а мы все эти годы гнули спины, ишачили…

– Амбрим, – угрожающе произнесла Ленора.

– А мне уже на все наплевать! Когда я думаю про свою угробленную жизнь, про все свои унижения… – Теперь Амбрим обращалась к чиновнику. – Каждый божий день я должна начистить до блеска ее сапоги для верховой езды, каждое утро, еще до завтрака, и так пять лет кряду. Я стою на коленях рядом с ее кроватью, надраиваю эти чертовы сапоги и слушаю, как она собирается оставить все самое лучшее драгоценной своей Ленорочке. Сапоги! Да она и с кровати-то за все эти годы ни разу не встала.

– Амбрим!

Обе сестры смолкли, испепеляя друг друга взглядами,

– Тик, – сказал метроном. – Так…

Да, подумал чиновник, вот, значит, как выглядит ад. Пора начинать праведную жизнь. После шести “тиков” и шести “таков” Амбрим отвела глаза, игра в гляделки окончилась полной победой Леноры.

– Хотите еще пива? – тусклым голосом спросила Эсме.

“Она что, не видит, что я и первый-то стакан почти не

тронул?”

– Нет, – вежливо покачал головой чиновник. – Большое спасибо.

Эсме напоминала ему мышку, маленькую и нервную, прячущуюся на границе света и тьмы в вечной надежде ухватить хоть какую крошку. Кстати сказать, здесь, на Миранде, мыши тоже диморфны. Под конец Великого года они бросаются в океан и плывут, и почти все тонут, а немногие уцелевшие преображаются – во что они там такое преображаются? – в маленьких таких амфибий, по виду – вроде морских котиков, только в палец длиной. Интересно, Эсме, она что, тоже преобразится с приходом прилива?

– А ты, тихоня, не думай, что никто не видит, как ты к ней подлизываешься, – презрительно бросила Амбрим. – И как ты прятала серебряную соусницу, я тоже видела.

– Я ее просто чистила.

– В своей комнате. Ну да, конечно.

В маленьких глазах – ужас, почти паника.

– И вообще она сказала, что она моя.

– Когда? – хором возопили Ленора и Амбрим.

– Вчера. Можете сами ее спросить.

– Как тебе прекрасно известно… – Ленора искоса взглянула на чиновника, полуотвернулась от него и заговорила снова, немного спокойнее: – Как тебе известно, мама велела нам поделить все серебро поровну. Она всегда так говорила и теперь говорит.

– Так вот, значит, почему ты прихватила щипчики для сахара, – невинно заметила Амбрим.

– Неправда!

– Именно что правда!

Приличный дом, усмехнулся про себя чиновник. Что же тогда бывает в неприличных? Не глядя, он опустил стакан на стол и скорее почувствовал, чем услышал треск раскалывающегося фарфора. Тут же рядом оказалась Эсме. Предостерегающе покачав головой, она смахнула в ладонь осколки, поставила другое блюдце и отошла; ни Амбрим, ни Ленора ничего не заметили.

– Как только разберемся с завещанием, – горячо говорила Амбрим, – я уйду из этого дома и никогда не вернусь. Что касается меня, со смертью мамы умрет и наша семья, и я вам больше не родственница.

– Амбрим! – взвизгнула Эсме.

– Говорить такие вещи, когда там, наверху, умирает твоя мать! – негодующе поддержала ее Ленора.

– Да не умрет она, не надейтесь, – зло усмехнулась Амбрим. –

Мамочка прекрасно знает, как мы ждем ее смерти, и ни за что не доставит нам такого удовольствия. – Сестры осуждающе насупились, но промолчали.

На чем все и закончилось. Теперь в сестрах Грегорьяна чувствовалась какая-то удовлетворенность, даже гордость за хорошо выполненную работу. Казалось, они разыграли эту бытовую драму исключительно для единственного зрителя и теперь ждут аплодисментов, чтобы взяться за руки и поклониться. Теперь, говорили их лица, ты знаешь о нас все. Скорее всего, эта сценка – ну, может быть, с небольшими вариациями – демонстрируется каждому посетителю; высокое исполнительское мастерство свидетельствовало о многих повторениях, о большой работе.

И вдруг, словно по команде, три сестрички посмотрели вверх – на внутренней лестнице появился врач. Он отрицательно покачал головой, спустился в гостиную и ушел, так ни слова и не сказав. Диалог, подумал чиновник, по меньшей мере двусмысленный.

– Идемте, – сказала Ленора, направляясь к лестнице.

Свет в спальне был таким тусклым, что терялось всякое представление о ее размерах. Здесь царила кровать, непомерно огромная, словно предназначенная для любовных игр сказочных великанов. Балдахин, свисающий с толстых, вделанных в потолок латунных крючьев, был заткан сатирами и астронавтами, нимфами и козлами, беззаботно резвящимися на травке. По краям шли изображения земных созвездий, а также орхидеи, жезлы и прочие символы плодородия. Тяжелая, потускневшая от времени ткань рвалась и рассыпалась, не выдерживая собственного веса.

А посреди всего этого ветхого великолепия полулежала, опираясь спиной на груду подушек, чудовищно толстая женщина. Муравьиная матка! – подумал чиновник, глядя на огромное, неподвижное тело, и тут же выругал себя за унылую прямолинейность ассоциаций. Сырое, мучнисто-белое лицо с маленьким, страдальчески приоткрытым ртом. Густо унизанная кольцами рука задумчиво повисла над подносом, установленным на шарнире прямо над невероятным, почти шарообразным брюхом. На подносе – стройные ряды пасьянсных карт, звезды и чаши, дамы и валеты. В ногах – беззвучно мерцающий телевизор.

Чиновник представился. Женщина кивнула, не поднимая головы, переложила одну из карт и снова задумалась.

– Я раскладываю “Тщетность”, – объяснила она, – Вы знаете этот пасьянс?

– А как ложатся карты в конце, когда он сходится?

– Он никогда не сходится. Смысл тут в том, чтобы не попасть в тупик, растянуть занятие как можно дольше. Вот этот пасьянс, который вы видите, я раскладываю уже несколько лет.

Взяв с подноса очередную карту, женщина взглянула на Ленору:

– Думаешь, я не знаю, о чем вы там болтаете? Структура, везде и во всем структура. – Она говорила с трудом, делая паузы, чтобы отдышаться. – Отношения между вещами текут, непрерывно меняются, пресловутая “объективная истина” – чушь, глупая выдумка. Существует только структура и более обширная, объемлющая структура, в рамках которой проявляют себя меньшие структуры. Я понимаю обширную структуру, и потому карты меня слушаются, исполняют заказанный мною танец. И все равно когда-то игра кончится, это неизбежно. В картах очень много жизни – так же как и в их перекладывании.

– Кто же этого не знает, – фыркнула Ленора. – Тоже мне, тонкие намеки на толстые обстоятельства. Даже этот вот джентльмен, даже и он тебя понимает.

– Действительно?

Мать взглянула на чиновника, впервые за все это время; и она, и Ленора с интересом ждали ответа.

Чиновник тактично кашлянул в ладонь.

– Если позволите, матушка Грегорьян, я хотел бы поговорить с вами приватно.

Мать окинула Ленору холодным взглядом:

– Уйди.

– Эти красотки спят и видят, как бы от меня избавиться, – доверительно сообщила она, когда дверь спальни закрылась. – Они строят против меня заговоры и думают, что я ничего не вижу. Но я вижу, я все вижу.

Из-за двери донесся страдальческий вздох, а затем удаляющиеся по лестнице шаги.

– Иначе она так бы и торчала там и подслушивала, – прошептала старуха и тут же сказала громко, почти прокричала: – Но я отсюда не уеду, я умру здесь, в этой самой постели. – Ухмыльнувшись, она перешла на нормальный разговорный тон: – Это моя свадебная кровать. На ней я впервые узнала мужчину.

На экране беззвучного телевизора Байрон все так же мрачно пялился в свое окно.

– Хорошая кровать. Я затаскивала на нее каждого из своих супругов. Иногда по несколько штук зараз. Три раза я на ней рожала, даже четыре, если считать тот выкидыш. Здесь я и умру – не такая уж, собственно, большая прихоть.

Старуха вздохнула и оттолкнула поднос с картами; поднос

развернулся на шарнире, дошел до стенки и остановился.

– Так что же вам от меня нужно?

– Ничего особенного. Я хочу поговорить с вашим сыном, но не знаю его адреса. А вы – вы не знаете, где он сейчас?

– С тех пор, как он сбежал из дома, я не имела от него ни слова, ни полслова. – На мучнистом лице появилось хитрое, подозрительное выражение. – А что он там такого натворил? Смылся, наверное, с чужими деньгами. В тот раз он хотел прихватить с собой мои деньги, но не тут-то было. Деньги – это все, они управляют всем остальным, всей нашей жизнью.

– Насколько мне известно, он не сделал ничего предосудительного. Я хочу задать ему несколько вопросов, вот и все.

– Несколько, говорите, вопросов… – В голосе старухи звучало недоверие.

Чиновник молчал, бездумно слушая повисшую в спальне тишину. Пауза продолжалась долго, несколько минут. В конце концов матушка Грегорьян недовольно нахмурилась и спросила:

– И какие же это будут вопросы?

– Существует некоторая вероятность – только, подчеркиваю, вероятность, – что пропал некий элемент технологии ограниченного применения. Ведомство поручило мне поговорить на этот счет с вашим сыном.

– Если вы его уличите – что вы с ним тогда сделаете?

– Я не собираюсь никого ни в чем уличать, – раздраженно отмахнулся чиновник. – Если технология у него, я попрошу, чтобы он ее вернул. Это все, что я могу сделать. У меня нет полномочий ни на какие решительные действия.

Старуха понимающе улыбнулась, словно поймав собеседника на вранье.

– А вы не могли бы немного о нем рассказать? Каким он был в детстве?

Мать Грегорьяна пожала плечами; было заметно, что каждое движение причиняет ей боль.

– Самый обычный ребенок. Озорной, может быть, даже слишком. Любил страшные истории – колдовство и привидения, рыцари и космические пираты и все такое. Священник рассказывал маленькому Альдебарану жития святых, про мучеников, так он сидит всегда тихо-тихо, как мышка, глаза вот такие огромные, и весь дрожит, особенно в конце, когда казнь. А теперь он выступает по телевизору – да вот, прямо вчера показывали его ролик.

Старуха пробежалась по всем телевизионным каналам, не нашла грегорьяновской рекламы и отложила пульт в сторону.

Телевизор у нее был дорогой, ультрасовременный – эти штуки проверены в Технологической комиссии на неконвертируемость, получили сертификат, и все равно их наглухо запечатывают перед ввозом на Миранду – так, на всякий пожарный случай.

– Это же он, Альдебаран, и лишил меня невинности.

– Как? – пораженно вскинулся чиновник.

– Я так и знала, что вы сделаете стойку, учуете запах этих ваших хитрых технологий. Поздно, поздно, мы же говорим о тех временах, когда я была еще молодой и очень, очень хорошенькой. Отец Альдебарана – внепланетный, вроде как вы, а я жила в глухом углу, была самой обычной ведьмочкой-травницей, или, как вы это называете, знахаркой.

Мать Грегорьяна прикрыла бледные, испещренные старческими пятнами веки и откинулась на подушки, вглядываясь в далекое прошлое.

– Он спустился с неба, на ярко-красной летательной машине, в самую темную ночь, когда и Калибан, и Ариэль только-только должны были родиться, – в такую ночь хорошо собирать корни, особенно мандрагон, псевдомак и поцелуйник. Было в нем что-то такое, что посмотришь – и сразу ясно: большой человек, влиятельный и богатый, – но почему-то теперь, после всех этих лет, я никак не могу увидеть его лицо, только сапоги. Сапоги у него были чудесные, из тонкой красной кожи, нездешние, а с какой-то другой звезды, а у нас, на Миранде, таких не купишь ни за какие деньги – это он мне сказал. – Старуха вздохнула. – Он хотел иметь своего, чисто своего ребенка, чтобы все гены были его собственные, без материнских. Я выпытывала у него – зачем, много месяцев выпытывала, но так ничего и не узнала.

Мы сговорились о цене. Я получила так много денег, что смогла купить и все это… – заплывший жиром подбородок описал дугу, указывая на тесный, плотно забитый мебелью мирок, – …и нескольких мужей. Мужей я покупала себе сколько хотела и каких хотела, но это потом, а тогда он посадил меня на свою машину с крыльями, как у летучей мыши, и отвез в самую дикую лесную глушь, в Арарат. Это город, первый город на Миранде, построенный террасами, в форме зиккурата, и весь заросший деревьями, так что сверху и не подумаешь, гора себе и гора. Вот там я и жила, до самых родов и два дня потом. Не верьте сказочкам, будто в Арарате за каждым углом – духи и привидения, да не знаю уж, еще какая нечисть. Я толкалась по всем этим огромным каменным зданиям, каких здесь и не увидишь, разве что в Пидмонте, и не встречала там никого, кроме диких зверей. Отец будущего ребенка прилетал туда когда мог, но чаще всего я жила одна, я и мои мысли, и эти заросшие

зеленью стены. Каждый камень там покрыт мхом, каждая крыша превратилась в травянистую лужайку, изо всех окон вылезают наружу деревья, и везде цветы, цветы, цветы. И ни души, хоть кричи, хоть волком вой – никто не откликнется. Так что деньги эти не были легкими. Иногда я садилась и плакала.

Глаза старухи, устремленные в прошлое, приобрели мягкое, мечтательное выражение, плохо согласовывавшееся с ее горестным повествованием.

– Он разговаривал со мной очень ласково, мог погладить меня по голове, тоже ласково. Как кошку. Ему словно и в голову не приходило, что я – человек, женщина. Его интересовала только моя матка, точнее – вызревающий в ней плод, все же остальное, то есть я со всеми моими мыслями, не имело никакого значения. Он меня видел и словно не видел.

Я сама порвала себе девственную плеву – вот этими вот пальцами. Меня учили акушерству, так что я знала и нужную в таком состоянии диету, и все необходимые упражнения. Лекарства и всю его внепланетную еду я выбрасывала. Узнав об этом, он не стал меня ругать, уговаривать, а только рассмеялся – я здорова, его ублюдок в полной безопасности, так чего же еще? Смейся, смейся, подумала я, посмотрим, долго ли ты будешь смеяться. Дело в том, что у меня были свои планы. Будущий папаша ошибался в дате – моими, конечно же, стараниями. Перед самыми родами он улетел, чтобы вернуться через неделю, и я смылась. Теперь-то страшно подумать, но тогда я была молодая, здоровая и сильная, что твоя телка. Два дня я отдыхала и – с приветом, только меня и видели. Он-то, конечно, подумал, что я заблудилась, что выбраться из такой глуши невозможно. Я родилась в Приливных Землях, а он – в каком-то там металлическом, летающем в небе мирке, так откуда ему было знать, что я могу и чего не могу? У меня была кое-какая еда, припрятанная в укромном месте, кроме того, я знала все съедобные растения, так что голодать в пути не пришлось. Я не лезла в болота, обходила их далеко стороной и все время двигалась вдоль рек, против течения. Каждый шаг приближал меня к Океану, а Океан такой большой, что мимо него не пройдешь. Через четыре недели я оказалась здесь и наняла рабочих строить этот вот дом.

Старуха негромко, самодовольно хохотнула, тут же поперхнулась и стала задыхаться. К счастью, приступ быстро прошел. Один хриплый, судорожный вздох, другой, затем дыхание выровнялось, побагровевшее, мучительно искаженное лицо стало приходить в норму. Чиновник, испугавшийся было за жизнь своей информантки, подал ей стакан воды – не получив за

это ни слова благодарности.

– Надула я этого засранца, сделала как маленького. Деньги лежали в пидмонтских банках, дитятко его драгоценное было при мне, места на Миранде много, разве угадаешь, куда я спряталась? Он не мог устроить открытый, официальный розыск, не мог, а скорее всего, и не собирался. Думал, наверное, что сдохла я, утонула в тех болотах, где-нибудь рядом с Араратом.

– Удивительная история, – заметил чиновник.

– Вы, наверное, думаете, что я его любила. Расскажи все это кто-нибудь другой, я бы и сама так решила. Только ничего подобного. Он явился сюда не знаю откуда и купил меня на свои внепланетные деньги. Он смотрел на меня как на пустое место, как на вещь, которую можно взять, использовать и выкинуть. Он – все, а я – ничто. И он был абсолютно прав – что меня, собственно, и взбесило. Вот я и сперла его сыночка – чтобы папаша не слишком много о себе думал, – Старуха коротко хохотнула, на этот раз без драматических последствий. – Красивый номер, правда?

– У вас сохранились с того времени какие-нибудь снимки?

Чудовищная рука указала на стену, плотно увешанную плохими, работы местных живописцев портретами и старинными фотографиями.

– Вон та, в черепаховой рамке. Несите ее сюда.

Получив фотографию, старуха гордо улыбнулась.

– Хотите верьте, хотите нет, но эта высокая, стройная богиня – я, собственной своей персоной, А рядом со мной – Альдебаран.

Чиновник взял снимок в руки и начал его изучать. Высокая-то высокая, но чтобы богиня… Деревенская рохля, возомнившая себя первой красавицей, горделиво демонстрирует свои роскошные телеса. А чего тут, собственно, иронизировать? Поклонников у нее, скорее всего, хватало. Зато уж ребенок – нечто эфемерное, почти бесплотное. Кожа да кости, да огромные, почти как у лемура, глаза.

– Но это же девочка.

– Да нет, просто я его так одевала, на случай, если папаша разошлет шпионов. А к семи годам Альдебаран совсем испортился, стал упрямым, как осел, и решил, что не будет больше ходить в юбках и платьицах. Пришлось сдаться, а то он снимал с себя одежду и разгуливал по улицам нагишом. Три дня я это терпела, а потом пришел священник и сказал, что так нельзя, неприлично.

– Он получил внепланетное образование; как это вышло?

Старуха пропустила вопрос мимо ушей.

– Я хотела девочку. С девочками легче. Девочка не сбежит на

поиски своего папаши. Пошарьте под кроватью, – неожиданно скомандовала она, – там у меня ящик.

Отодвинув свисающий край покрывала, чиновник вытащил из темных глубин невысокий резной сундучок. Старуха со стоном перекатилась на бок и взглянула на крышку, украшенную получеловеческими-полузвериными фигурами.

– Откройте. Вот там, под зеленым шелком. Коричневый пакет. Да, этот. Разверните.

Чиновник выполнял все команды деревенской колдуньи, превратившейся с годами в чудовищную глыбу жира, с непристойной для себя легкостью. В его руках оказалась потертая записная книжка с какими-то выцветшими непонятными значками на обложке.

– Альдебаран. Он потерял ее перед тем, как сбежать из дома. – Мать Грегорьяна усмехнулась, словно намекая, что не так все просто с этой “потерей”. – Возьмите себе, только там трудно разобраться.

Тяжелые веки опустились, мучнистое лицо обмякло, превратилось в прежнюю болезненную маску. Женщина дышала тяжело, словно собака, изнывающая от июльской жары, только не так громко.

– Спасибо за помощь, – осторожно сказал чиновник. (Ну вот – сейчас. Сейчас она потребует плату за свою информацию.)

– Он считал себя шибко умным. Он, видите ли, убежал. Он думал, что от меня можно убежать! – В приоткрывшихся глазах вспыхнули злобные, мстительные огоньки. – Так вот, передайте ему пару слов. Скажите ему, что как бы далеко ты ни ушел, чем бы эта даль ни измерялась – хоть милями, хоть годами, хоть ученостью, – от матери не скроешься.

Слова старухи не требовали ответа – да и что тут ответишь? Чиновник низко поклонился и направился к двери.

– Еще, чуть не забыла. Не беспокойтесь о блюдце. Сервиз и так был неполный – доченьки мои драгоценные постарались.

– Потрясающе, – восхитился чиновник. – А как вы узнали?

Бессильное и одновременно напряженное движение старухи напоминало попытку утопающего дотянуться до поверхности воды. Вялая ладонь пересекла невидимый управляющий луч, и спальня погрузилась в полную темноту. Полную – если не считать пятна на потолке, своеобразной розетки, составленной из тусклых, налезающих друг на друга кружков света. Чиновник опустил глаза и увидел на полу еще один световой круг, поменьше и поярче.

– Трепоуловитель, – донесся из темноты торжествующий голос. – Когда эта штука открыта, я слышу все, что говорят внизу,

каждое слово. Я слышала, как хрустнуло блюдце, а потом – как Эсме бегала к буфету и назад. – Хриплый, довольный смех. – Ну что, разочарованы? Слишком уж просто? Вы, внепланетные, все такие умные и хитрые. Где уж вам засорять свои гениальные головы такой ерундой, как обычная наша вентиляционная система.

Импозантный, консервативно одетый мужчина держал в руке хрустальный стакан, наполненный, надо думать, той самой лошадиной мочой. Густо напомаженные волосы гладко зачесаны назад – последняя пидмонтская мода.

– Вы, наверное, оценщик, – улыбнулся чиновник, протягивая руку.

– Да, я прихожу сюда раз в две-три недели, чтобы проставить новые цены. Год назад эта мебель стоила целого состояния, но потом грузовые тарифы пошли вверх. Теперь за такие вещи много не получишь, половину их дешевле выбросить, чем тащить в Пидмонт. У меня здесь все записано. – Оценщик сочувственно вздохнул и указал на пачку потертых бумажек. – Не верите – можете проверить. Я и хожу-то сюда не ради заработка, а из уважения к вещам – нельзя же все-таки, чтобы погибла такая красота.

Амбрим и Ленора здесь, а где же Эсме? Забилась в какую-нибудь норку и выглядывает, поблескивая глазками-бусинками, нервно подергивая усиками…

– Эсме, – сказала Ленора. – Проводи, пожалуйста, маминого гостя. Нам нужно посмотреть ее гардероб.

Как только темное чрево дома поглотило оценщика и старших сестер, в гостиной появилась Эсме. Чиновник взглянул на вентиляционную решетку и тут же, почти против своей воли, схватил девушку за руку. Вытащить эту блеклую, невзрачную дуреху из удушающей, насквозь пропитанной злобой и ненавистью атмосферы на чистый воздух, хоть что-нибудь спасти от неминуемой катастрофы. Оценщик хочет спасти вещи, а здесь – человек, живая душа.

– Послушай. Мать вычеркнула тебя из завещания, – торопливо сказал чиновник. – Она не оставит тебе ничего, ровно ничего. Уходи отсюда. Уходи сегодня же, прямо сейчас. Я помогу тебе, отнесу вещи. Уходи, ничего хорошего ты здесь не дождешься.

Тусклые, словно припорошенные пылью стеклышки сверкнули дикой злобой, всесжигающей ненавистью.

– Я увижу, как она сдохнет! – по-кошачьи ощерилась Эсме. – Пусть эта сволочь подавится своими деньгами, зато я увижу, как

она сдохнет!

Время шло уже к полуночи, но высоко в небе сиял полный Калибан, яркий ломтик Ариэля не успел еще спрятаться за горизонт, каждый бугорок, каждая рытвина дороги вырисовывались с фотографической отчетливостью, даже лучше, чем днем. Каждое дерево отбрасывало две тени, длинную и , короткую. Бледные, почти призрачные, они разбегались под тупым углом друг к другу. Лесные звезды покинули верхушки деревьев и ковырялись в земле, в прелых листьях – отыскивали какую-то неведомую добычу. Воздух был теплым, как парное молоко, дорога – легкая, чиновник шел, не особенно торопясь, и пытался разобраться в своих впечатлениях. Этот дом и все его обитательницы словно застыли, окаменели, бросили вызов времени. Прилив изменит всю эту землю. Изменятся даже окостеневшие, утратившие способность изменяться – они превратятся в безжизненный камень.

Не мешало бы, кстати, узнать, кто он такой, этот папаша. Ясно как божий день, что деньги свои внепланетные он менял на черном рынке, по спекулятивному курсу, но даже эта поправка не меняет главного факта: отец Грегорьяна – человек богатый, скорее всего, влиятельный.

Деньги, богатство… Чиновник вспомнил трех сестричек, трех наследниц, водящих хороводы вокруг смертного одра своей матери. Жалкие существа, лишенные возраста и пола, насухо высосанные, обескровленные алчностью и инертностью.

– Тут и не хочешь, – сказал он вслух, – а начнешь уважать Грегорьяна. От такой мамаши убежать – это ж какую надо иметь решимость. Ну так что там?

– Судя по рисункам и диаграммам, – заговорил чемоданчик, – это – магический дневник. Рабочий журнал, помогающий волшебнику следить за своим духовным прогрессом. Записи велись гибким, непрерывно изменяющимся шифром, основанным на древней алхимической символике. Простенько, но остроумно – чувствуется рука очень способного подростка.

– Расшифруй.

– Хорошо. – Чемоданчик на мгновение задумался и сказал: – Начало первой записи. *Сегодня я убил собаку.*

4. КАМЕННЫЕ СИВИЛЛЫ

Человека, объявившего себя бессмертным, не уличишь во лжи: пока есть обвиняемый, нет доказательств его вины, когда есть доказательства – их некому предъявить. Мадам Кампаспе превзошла все ограничения человеческой природы, в том числе и смерть; теперь же эта знаменитая колдунья, никогда не расставававшаяся со своей ручной ондатрой, словно в воду канула. Одни говорили, что она уехала под чужим именем в Пидмонт, чтобы предаться уединенному самосозерцанию за высоким забором строго охраняемого, загодя купленного имения. Другие утверждали, что дамочка эта и вправду в воду канула – не без помощи ревнивого любовника. А ее одежду, найденную на речном берегу, отнесли в местную церковь и там сожгли. На возвращение мадам Кампаспе не надеялся никто – ни ярые ее сторонники, ни прожженные скептики.

Со всех сторон доносился веселый перестук молотков – рабочие снимали стены домов и развешивали над улицами Роуз-Холла гирлянды бумажных цветов. Маленький речной поселок находился в полуразобранном состоянии. Пол да крыша – вот и все, что оставалось от зданий, превращенных в импровизированные танцплощадки; вечером здесь вспыхнет свет, зазвучат веселые голоса, но сейчас ободранные скелеты человеческих жилищ, окруженные холмами хлама, производили тягостное, даже жуткое впечатление.

Дом, принадлежащий мадам Кампаспе, тоже не избежал общей участи – от него не осталось ничего, кроме угловых столбов и крыши. Крыша эта, высокая и остроконечная, сильно смахивала на ведьмин колпак. (Случайно? Или намеренно?) Работяги успели уже завалить интерьер (а достойно ли пространство, лишенное стен, такого громкого названия?) грязными досками и прочим горючим хламом.

– Ну и бардак, – с отвращением сказал чиновник, глядя на гору перекореженных диванов и комодов, на засаленные одеяла, рваную бумагу и грязные, до дыр протертые половики. Чучело морского ангела, распахнувшее пасть в зловещей, далеко не ангельской ухмылке. Вся эта рухлядь хранилась в дальних углах, на чердаках и в чуланах, а теперь, в момент панического бегства, грязной, мутной волной выплеснулась наружу. Остро пахло керосином.

– Зато какой будет костер. – Чу отступила на шаг, давая дорогу женщине в рабочих рукавицах, прикатившей тачку с ворохом каких-то досок и палок. – Послушайте, уважаемая! Да,

да, вы. Вы здешняя?

Голым запястьем, высовывавшимся из рукавицы, женщина откинула со лба короткие черные волосы.

– Да, здесь и родилась. – Зеленые, как трава, глаза смотрели холодно, скептически. – Вы что, спросить что-нибудь хотите?

– В этом доме жила одна женщина, колдунья. Вы ее знали?

– Кто же о ней не знает. Мадам Кампаспе была самой богатой женщиной Роуз-Холла. Крутая особа, баба с яйцами. Каких только слухов о ней не ходило. Но сама-то я никогда ее толком не видела. Далеко живу, на другом краю поселка.

– Ясненько, – сухо улыбнулась Чу. – В таком большом городе со всеми не перезнакомишься.

– Правду говоря, – вмешался чиновник, – нас интересует не сама мадам, а один ее ученик. Некто по фамилии Грегорьян. Вы, случаем, его не знали?

– Извините, но мне…

– Тот самый Грегорьян, который во всех этих рекламах, – пояснила Чу. Лицо женщины не шелохнулось, она словно ничего не слышала. – По телевизору. Те-ле-ви-зор! Вы слышали когда-нибудь про телевизор?

“Сейчас они в лохмы друг другу вцепятся,– подумал чиновник. – Надо что-то делать”.

– Извините за вопрос, – широко улыбнулся он, – но у вас такой красивый амулет. Это что, работа оборотней?

Побагровевшая от гнева женщина непроизвольно опустила голову, пытаясь поймать глазами предмет, свисавший с ее шеи на тонком шелковом шнурке.

Это был продолговатый, гладко отполированный камешек размером примерно с большой палец, плоский с одного конца и заостренный с другого. Неолитическое орудие – но какое именно? Не грузило – слишком уж этот булыжник тяжелый, а наконечник копья должен быть поострее.

– Это устричный нож, – сказала женщина и покатила свою тачку дальше.

Проводив ее взглядом, чиновник повернулся к своей напарнице:

– Вы, вероятно, заметили, как неохотно и уклончиво отвечают туземцы на наши вопросы?

– Значит, им есть что скрывать, – пожала плечами Чу. – Эта публика издавна приторговывает налево археологическими находками. Черепки, каменные наконечники и прочая дребедень. А по закону, любая вещь, относящаяся к эпохе оборотней, принадлежит правительству. Вполне возможно, что ведьмы тоже занимаются этим промыслом. Они же всегда шныряют по

древним курганам и погостам. Ямы там какие-то роют.

– Неужели на этой археологической дребедени можно заработать деньги?

– Дребедень не дребедень, а в наше время таких вещей уже не делают, – криво усмехнулась Чу.

“Вот и у меня сейчас такая же морда, – убито подумал чиновник. – Двое хищников, учуявших запах крови, обмениваются хитрыми, грязными ухмылками”. На него накатило непонятное, ничем не обоснованное чувство вины. Какая вина? Перед кем вина?

– Что же все-таки скрывают от нас эти ребята?

Они направились к гостинице, С пустыря доносились восторженные крики – дети поймали в кустах наутилуса. Они забирались на несчастного моллюска по двое, по трое, и тот покорно катал своих мучителей, медленно перебирая по земле длинными гибкими руками. Трудно было себе представить, что вскоре неуклюжее это существо станет ловким и подвижным, будет весело резвиться в безбрежных океанических просторах.

То там, то сям попадались кучки ярко размалеванных фургонов – местные бизнесмены пригласили в городок балаганщиков и владельцев передвижных аттракционов. Скинулись на прощальный подарок менее обеспеченным землякам. Пузатый, почти шарообразный мужик возводил сцену кукольного театра. Чуть подальше группы рабочих кончали уже монтировать колесо-обозрение. Вся эта аляповатая дешевка наводила глухую, свинцовую тоску.

Гостиничный бар. Полумрак, прохлада и – ни одного посетителя. Светящаяся реклама незнакомых, сто лет как снятых с производства марок спиртных напитков, рядом – клыки, а может, и бивни каких-то местных чудовищ, крошащиеся от древности, насквозь пропитанные дешевым пивом. Грязные, заляпанные жиром голографические постеры, на которых знаменитые боксеры год за годом, как проклятые, все лупят и лупят друг друга, увешаны гирляндами пыльных, добела выгоревших бумажных цветов.

Жирный, похожий на борова бармен стоял, привалившись задом (необъятным задом) к стойке, и смотрел телевизор. Бледное, пучеглазое отражение его лица выплывало из тусклого, захватанного грязными руками зеркала, словно диковинная рыба – из океанских глубин. Чиновник поставил чемоданчик на одну из табуреток; Чу коротко кивнула и исчезла в направлении туалетов.

Чиновник негромко откашлялся. Бармен подскочил как ужаленный, развернул свою тушу и зашелся утробным смехом.

– Так вообще испугать можно! И давно ты здесь? Вошел, понимаешь, сел, а я хоть бы хрен чего слышал.

Абсолютно лысая, испещренная темно-коричневыми, в ноготь размером пигментными пятнами голова напоминала шляпку мухомора. Бармен подался вперед, раскинул по стойке короткие, заплывшие салом пальцы и глумливо усмехнулся.

– И какого же хера прикажете вам… – Он резко осекся, а затем продолжил, совершенно другим, неожиданно охрипшим голосом: – А вот эта штука, сколько она может стоить?

Чиновник коротко взглянул на чемоданчик, задумчиво посмотрел на бармена. В жизни своей он не встречал еще личности более омерзительной. Веки обсажены старческими бородавками, длинными и тонкими; при каждом движении головы эти белесые щупальца гадостно подрагивают. Губы маленького, как куриная попа, ротика изогнуты в тошнотворной, карикатурно-хитрой ухмылке…

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Н-ну… – еще шире ухмыльнулся бармен, обнажив гнилые, почерневшие зубы, криво воткнутые в ярко-красные воспаленные десны. Из его рта несло, как из помойки. – Есть тут один заинтересованный покупатель. Я предпочел бы не называть имен.

Господи, да хоть бы он не подмигивал, не дергал этими своими глазными щупальцами!

– Ничего не выйдет, – помотал головой чиновник. – Не хочу нарываться на неприятности.

– Ну а вдруг вы уроните этот чемодан в реку? – Старый тролль заискивающе тронул чиновника за плечо, словно заманивал его в некий фантастический мир предательства, заговоров и грязных, нечестно нажитых денег. – А кой, собственно, хер, бывают же несчастные случаи. Мужик у меня надежный, обстряпает все путем, при свидетелях, так что и не подкопаешься…

Бармен побледнел и громко, судорожно вздохнул. В зеркале появилось отражение лейтенанта Чу.

– Ну и куда же мы теперь? – спросила Чу, окинув взглядом толстого старика, снова уставившегося в телевизор.

– Посмотрим, – сказал чиновник, – Мне нужно сперва кое-что проверить.

Он постучал по стойке, привлекая внимание бармена:

– Извините, пожалуйста, у вас есть здесь терминал?

– В задней комнате, – пробурчал тот, не отрывая глаз от экрана.

– В Плимутском округе Прибрежной провинции снова обнаружены трупы, – говорила дикторша. – То, что вы видите

сейчас, – лишь небольшая часть этих нескольких находок, всего же за сегодняшнее утро из неглубоких, наспех вырытых могил извлечено несколько десятков тел. Преступники отрубают своим жертвам головы, кисти рук и ступни. По мнению полиции, это делается, чтобы затруднить опознание.

– Слава богу, что я там не работаю, – заметила Чу. – Сейчас самое подходящее время для сведения старых счетов.

В задней комнате чиновник пересказал Чу свою недавнюю беседу с барменом.

– Ну и ну! – восхищенно протянула она. – Везет же некоторым! Теперь понятно, куда смотреть и что искать. Я поковыряюсь тут немного, может, что и получится.

– Помощь нужна?

– Да нет, вы бы только под ногами не путались. Занимайтесь своим делом, а я, если что, сразу свистну. – Она торопливо вышла.

Нет худа без добра, философски утешил себя чиновник, глядя на древний, страхолюдный и обшарпанный дупликатор. Хороший прибор давным-давно упаковали бы и увезли в Пидмонт, а этот антиквариат дешевле бросить, чем куда-то там таскать. Опустившись на узкий клеенчатый диванчик, он почувствовал на лбу холодное прикосновение сенсоров, увидел калейдоскопическое вращение разноцветных квадратов, треугольников и ромбов, выбрал из этих фигур нужную и заставил ее остановиться.

Усиленный коммуникационным спутником сигнал достиг Пидмонта; электронное тело ожило; через несколько минут чиновник шел уже по улицам Порт-Ричмонда.

Дом заключений представлял собой одну из гранитных вершин хребта правительственных зданий, известного среди местных жителей как “Горы Безумия”. Бирюзового цвета ящерки, кишевшие в коридорах, стремглав разбегались при приближении чиновника, чтобы вновь появиться у него за спиной. На каменных стенах поблескивали капли влаги. Иногда встречалась зелень, но в количествах буквально микроскопических, почти как во Дворце Загадок. Синтезаторы данных, полученные по специальной лицензии отдела передачи технологий, были установлены в самой глубине здания; именно туда, в гости к сивиллам, и направлялся чиновник.

Длинные мрачные коридоры изгибались и петляли, сходились и расходились; чудовищный вес навалившегося сверху камня пригибал плечи, затруднял дыхание, заставлял уныло волочить ноги. Путаница коридоров, лестниц и холлов

приобретала аллегорическую окраску, казалась чиновнику тем самым лабиринтом, куда проник он в поисках Грегорьяна, не задумываясь о последствиях. Проник слишком глубоко, чтобы думать о возвращении, – и недостаточно глубоко, чтобы иметь хоть какую уверенность, что доберется до центра, до таящейся там истины. Истина… а какая она, эта истина?

Но все это – в лабиринте аллегорическом, а в реальном Доме заключений чиновник благополучно достиг коридора сивилл и толкнулся в первую попавшуюся из многочисленных дверей. За большим письменным столом сидела тощая остролицая женщина; от ее головы расходились десятки черных, в мизинец толщиной, проводов. Громоздкое, неудобное устройство. Именно такие примитивные штуки и подсовывает Технологическая комиссия местным властям, когда вроде бы и надо передать технологию, но очень не хочется. Женщина взглянула на посетителя, и черные змеи зашевелились; казалось, еще секунда – и они зашипят.

– Здравствуйте, – сказал чиновник. – Я…

– Я знаю, кто вы такой. Что вам нужно? Где-то неподалеку медленно, с расстановкой, капала вода.

– Я ищу женщину по имени Теодора Кампаспе.

– Даму с крысой? – За все это время глаза сивиллы ни разу не мигнули. – У нас Много материала по пресловутой мадам Кампаспе. Однако сейчас мы не знаем, где она находится. Она или ее труп.

– Ходят слухи, что мадам Кампаспе утонула. Сивилла поджала губы и задумчиво сощурилась:

– Возможно. Месяц назад она исчезла и больше не появлялась. Есть достаточно надежная информация, что ее одежду сожгли на алтаре церкви Святого Иоанна, неподалеку от Роуз-Холла. Но все это – улики косвенные, а то и вообще сомнительные. Мадам могла устроить небольшую инсценировку. Кроме того, наши данные бывают неточными, так что вполне возможно, что она живет себе где-то, занимается своими делами и даже не думает кого-то там обманывать.

– Но сами вы так не думаете.

– Нет.

– И что это такое – “свои дела”? Какими делами занимаются ведьмы?

– Мадам никогда не употребила бы этого термина. – Сивилла укоризненно покачала змеями. – История придала ему не совсем приятный привкус. Не ведьма, а спиритуалистка, что звучит гораздо благопристойнее.

Глаза сивиллы затуманились; сейчас она перебирала огромные массивы информации, отыскивая в них подходящие

фрагменты.

– Люди, конечно же, мало интересовались этой игрой в слова. Они приходили к мадам Кампаспе ночью, с черного хода, приходили со своими просьбами – и с деньгами. Они желали получить афродизиаки и противозачаточные средства, волшебные мази, приворотное зелье и заговоренную землю с кладбища, напускающую порчу на врагов. Кто-то нуждался в травном настое, помогающем увеличить грудь, а кто-то – в эликсире, превращающем мужчину в женщину, кто-то хотел свечку, приманивающую удачу и богатство, а кто-то – эффективную свечу против геморроя. У нас есть свидетельства, данные под присягой, что мадам Кампаспе сбрасывает кожу, как это делали оборотни, и превращается, по желанию, хоть в рыбу, хоть в птицу. Что она высасывает кровь из своих врагов, до полусмерти пугает детей, ездит на неверных мужьях своих клиенток верхом, загоняя этих несчастных в такую дикую глушь, откуда и за неделю не выберешься. Звонит в колокола на вершинах деревьев, насылает сны, лишающие души и разума, выходит из речки после купания и идет по песку, не оставляя за собой следов, может убить любого зверя, дохнув ему в морду, знает, в каких горах расположен Арарат и где в человеческом мозге расположена железа, вырабатывающая сильнейший наркотик, не отбрасывает тени, безошибочно предсказывает смерть и войны, плюется ядовитыми колючками и снимает порчу. Перечислять можно до вечера.

– Хорошо. Еще меня интересует волшебник Альдебаран Грегорьян. Что у вас есть по этому человеку?

Чтобы лучше сосредоточиться, сивилла прикрыла глаза.

– Тексты его роликов, информация, которую ваш отдел передал в Каменный дом, недавнее донесение лейтенанта внутренней безопасности Чу и стандартный набор слухов: совокупляется с демонами, богохульствует, устраивает в своем доме оргии, лазает по горам, растлевает девственниц, девственников и коз, ест камни, играет в шахматы, ходит по воде, смертельно боится дождя, пытает невинных, не признает внепланетных властей, умывается молоком, дает бесплатные консультации мистикам с Корделии, употребляет наркотики и вовлекает в это дело других, путешествует инкогнито, пьет мочу… (А чего ему не пить? – усмехнулся про себя чиновник. – После ихнего-то домашнего пива.) …пишет книги на таинственных, никому не известных языках, и так далее. Вся эта информация классифицирована как ненадежная.

– Ну и, конечно же, вы не знаете, где он сейчас.

– Не знаю.

– Ладно, – вздохнул чиновник. – Тогда еще вот что. Мне

встретился недавно некий любопытный предмет, я хотел бы узнать его происхождение.

– У вас есть снимок?

– Нет, но я помню его во всех подробностях.

– Тогда нужно подключить вас к системе. Откройте, пожалуйста, выход на внешнюю линию.

Чиновник умственно вызвал необходимую комбинацию фигур, и тут же перед ним повисло огромное, в два раза больше обычного, лицо. Золотое лицо.

Лицо Бога, нечеловечески прекрасное, нечеловечески спокойное.

– Добро пожаловать, – сказал хранитель системы. – Меня зовут Тринкуло. Вам нужна помощь?

Лицо торжественное и безмятежное, как отражение луны в зеркальной глади озера.

Глаза хранителя засасывали, гипнотизировали, заставляли забыть о негромком звоне в затылке – знаке присутствия всех двадцати сивилл, подключенных к системе. Аура, окружавшая сверкающее лицо, казалась физически ощутимой, ее можно было потрогать. Чиновник понимал, что видит нечто, не существующее в природе, электрическую картинку, синтезированную в рамках весьма примитивной технологии, знал, что та же самая технология искусственно фиксирует его внимание на основном источнике информации, – и все равно ощущал трепет и благоговение.

– Что у вас есть по этому объекту?

Он представил себе устричный нож. Сивилла подхватила изображение и подвесила его над столом. Другая сивилла открыла музейный каталог; быстро обследовав сверкающие, словно вырезанные изо льда, галереи, она взяла со стеклянной полки такой же в точности нож. Интересно, подумал чиновник, а как выглядит этот музей в натуре? Редко, что ли, бывает, когда в каталоге – полный порядок, а на стендах пусто, все разворовано.

– Это – изделие оборотней, – сказала одна из сивилл.

– Устричный нож, – добавила другая. – Каменное орудие, использовавшееся для отделения замыкательной мышцы съедобных двустворчатых моллюсков.

В окне, появившемся рядом с изображением ножа, разыгралась схематическая мультипликационная сценка: рыбоголовый оборотень вскрывает раковину, старательно показывая, как именно следует пользоваться каменным ножом. Затем окно исчезло.

– В настоящее время не имеет практического применения. Для человека эти моллюски несъедобны.

– Данному ножу около трехсот пятидесяти лет. Он изготовлен и применялся прибрежным племенем, входившим в Устричный союз. Очень хороший экземпляр. В отличие от большинства подобных ножей, он не подобран первопоселенцами, а найден при раскопках городища Коббс-Крик.

– Рабочие материалы коббс-крикских раскопок полностью сохранились. Можете ознакомиться.

– В настоящее время нож находится в демонстрационной коллекции Драйхевенского музея до-человеческой антропологии.

– Достаточно, или вы хотели бы узнать что-нибудь еще?

Это были первые слова, произнесенные хранителем, если не считать начального приветствия. На божественном лице светилась мудрая, благосклонная улыбка.

– Я видел этот нож полчаса назад, – сказал чиновник. – В Приливных Землях.

– Не может быть!

– Скорее всего – репродукция.

– У музея надежнейшая охранная система. Внепланетного производства.

– Тринкуло, – сказал чиновник. – Я хотел бы, чтобы вы объяснили мне одну вещь.

– Объяснять – моя обязанность. Голос золотой маски звучал дружелюбно и уверенно.

– Рекламные ролики Грегорьяна. У вас есть их тексты?

– Конечно, есть! – раздраженно откликнулась одна из сивилл.

– Когда же его арестуют?

– Арестуют?

– Нет никаких оснований!

– За что?

– Грегорьян берется преобразовать человека таким образом, что тот сможет жить в море. Это – ложная реклама. Он берет за свои услуги деньги. Это – мошенничество. Судя по всему, он попросту топит своих клиентов. А это – уже убийство.

Несколько секунд всеобщего молчания.

– Сперва нужно доказать, что он не может выполнить своих обещаний, – сказала сивилла, сидевшая за столом. Глаза ее были все так же прикрыты.

– Не смешите меня. Человек органически не способен жить в океане.

– Возможно, он способен адаптироваться.

– Нет.

– Это почему же?

– Во-первых – гипотермия. Если вы хоть раз в жизни купались, то сами знаете, что долго в воде не просидишь – зубы

начинают стучать от холода. Слишком велики потери тепла. Через несколько часов ресурсы организма истощаются и наступает переохлаждение. А затем – кома. И смерть.

– Жили же в воде оборотни. И прекрасно себя чувствовали.

– Оборотни – это оборотни, а люди – это люди. Человек – млекопитающее. Он должен поддерживать высокую температуру крови.

– А разве нет водных млекопитающих? Выдры, тюлени, да мало ли кто. Та же самая ондатра.

– Они приспособлены к такой жизни, их защищает жировая прослойка. У нас с вами нет хорошей теплоизоляции.

– Откуда мы знаем, что Грегорьян не снабжает своих клиентов теплоизолирующей жировой прослойкой? Он же их трансформирует.

– Никак не ожидал услышать от информационной системы такой детский лепет! Тринкуло, – обратился чиновник к хранителю, – объясни, пожалуйста, своим девицам, что такое радикальное изменение физической структуры человеческого тела выходит за все рамки возможного.

Божественный лик слегка повернулся в одну сторону, затем в другую…

– Я… Извините, но я… – начал, заикаясь, Тринкуло. – Я… Я просто не знаю.

– Но ведь это – элементарнейшее следствие всех имеющихся научных данных.

– Я не… у меня нет… – Растерянные, полные муки глаза Тринкуло судорожно, беспомощно бегали. Словно мелкий воришка, подумал чиновник.

Внезапно хранитель исчез, а вместе с ним – и звон в затылке. Чиновник снова был один на один с той, самой первой, сивиллой.

– Не повезло вам с хранителем. Неполное соответствие занимаемой должности, – издевательски усмехнулся чиновник. И тут же выругал себя за это. И все равно – не мог остановиться. – А точнее – полное несоответствие.

– А кто в этом виноват? – негодующе вскинулась Медуза Горгона от информатики. Ее змеи зашевелились и зашуршали, словно готовясь к броску. – Кто, как не ваш собственный отдел, приславший к нам банду психов и погромщиков, когда кто-то наверху решил, что Тихая Революция зашла слишком далеко. У нас была уже гармоничная, полностью замкнутая система, а тут явились ваши бандиты и всю ее исполосовали.

– Да когда же это было, – отмахнулся чиновник.

Он, конечно же, знал об этом инциденте, сумасбродной попытке перевести целую планету на столь низкий

технологический уровень, что отпала бы всякая необходимость во внешней торговле. Была, прошло и быльем поросло, и нечего этой заклинательнице змей разговаривать на повышенных тонах. Ишь, как глазками-то сверкает.

– В те времена на месте Приливных Земель плескался океан. Вторичное заселение только планировалось, а нас с вами и в проекте еще не было. Так стоит ли ворошить старые обиды?

– Это вам легко говорить. Вам-то не приходится страдать от последствий. Не приходится работать в такой вот маразматической информационной системе. Ваши люди объявили Тринкуло предателем, выжгли ему все высшие мыслительные функции. Но его не забыли, его все еще почитают как великого патриота. Дети ставят за него свечки,

– Он что, был вашим вождем?

Чиновник нимало не удивился, что Тринкуло подвергли лоботомии. Независимый искусственный интеллект – самый страшный зверь на свете. Их и всегда-то опасались, а после печальных событий, приключившихся на Земле, стали бояться как огня.

Сивилла гневно встряхнула головой, обрызгав все вокруг каплями сконденсировавшейся на проводах влаги.

– Да, он был нашим вождем. Именно он организовал наш, как вы выражаетесь, мятеж. Мы же никого не трогали, мы только хотели, чтобы никто не совался в наши дела. Хотели освободиться от вашей экономики и вашей технологии. Тринкуло научил нас, как избавиться от внешнего контроля, и кому какая разница, где там его сделали – на заводе или в супружеской постели. Да мы бы дьяволу душу продали за вот такусенький шанс сбросить со своей шеи вашу удавку, а Тринкуло – не дьявол. Он – наш друг и союзник.

– Невозможно перерезать все нити, связывающие планету с внешним миром. Да вы хоть на голову встаньте… – Чиновник смолк и безнадежно махнул рукой. Узкое лицо женщины побелело, губы сжались в ниточку, глаза превратились в холодные, как все в этом здании, камни. Спорить с ней было бесполезно.

– Ладно, – вздохнул он. – Большое спасибо за помощь.

“Заткнись и убирайся”, – молча ответили ненавидящие глаза.

Чиновник неловко попятился, вышел в коридор, прикрыл за собой дверь, осмотрелся и понял, что не знает обратной дороги.

Он стоял, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, и тут в дальнем конце коридора открылась дверь. Из двери появился человек, сверкающий как ангел. Как Господь во всей своей славе. Как крокодил, проглотивший солнце и не способный сдержать

сияние небесного светила земной (речной?) своей плотью. Чиновник убавил оптическое усиление, фигура несколько поблекла, внутри нее обнаружились стальные ребра. А на месте лица – телевизионный экран. А на экране – лицо. Очень даже хорошо знакомое лицо.

– Филипп?

– Всего лишь скромный агент.

Филипп быстро оправился от неожиданности. Широкая, от уха до уха, улыбка освещала мрачноватый коридор что твоя лампочка.

– Работы сейчас невпроворот, ни минуты свободной, так что я не мог перейти сюда лично.

Дружелюбно уцепив чиновника под руку, Филипп повел его вдоль коридора.

– После встречи с тринкуловскими вдовицами необходимо выпить, особенно – после первой встречи. Пошли, если ты, конечно, не очень спешишь.

– Так ты что, часто здесь бываешь?

– Чаще одних, реже других, – загадочно улыбнулся Филипп. Зубы у Филиппа были идеальные, лицо – розовое, без единой морщинки. “А ведь лет-то ему, – подумал чиновник, – о-ё-ей сколько. В папаши мне годится – а вон ведь какой живчик. Земное воплощение предвечного вечного студента”. – Чего это ты вдруг заинтересовался?

– Да так просто. А что там происходит на моем рабочем месте?

– Не беспокойся, руль в надежных руках. – Филипп в таких делах собаку съел.

– Да уж, – угрюмо откликнулся чиновник, – наслышаны.

Еще один поворот коридора, дверь, и они вышли на галерею, нависающую над улицей. Передвижной мостик перенес их через бурную реку раскаленного металла в соседнее крыло здания.

– А Филипп, где он сейчас?

– Протирает штаны во Дворце Загадок, где же еще. Нам сюда.

Они нашли пустую закусочную нишу и подключились к сети. Филипп положил металлический локоть на стол и вызвал меню.

– Яблочный сок, вроде бы приличный.

Чиновник хотел узнать, где находится сейчас основной, первичный Филипп. Агенты, самостоятельные квазиличности, обходились несравненно дороже обычных двойников – об этом уж позаботилось Министерство охраны виртуальной реальности. Поэтому их синтезировали только при крайней необходимости на большом удалении от первичной личности, когда временная .задержка сигнала затрудняла использование двойника. Филипп

на рабочем месте, это ясно, но где сейчас физический Филипп? На этот вопрос агент, конечно же, не ответит – да и не сможет ответить.

Плечо человека, лежавшего на узком клеенчатом диванчике, тронула чья-то рука.

– Подождите, я скоро, – пробормотал он, не открывая глаз. – В его руке появился стакан сока, неотличимый от настоящего, – холодный, чуть запотевший, скользкий на ощупь.

– Послушай, – задумчиво сказал агент. – А что это Корда на тебя взъелся?

– Корда? Вот уж с кем у меня не было никаких трений!

– Так ведь и я про то же. А последнее время он говорит какие-то странные вещи. Насчет сократить твою штатную единицу, а все обязанности передать Филиппу,

– Бред, да и только. У меня такая нагрузка, что никакой совместитель…

– Тише, тише, не кипятись, – остановил его Филипп. – Я тут ни сном ни духом. Мне твоя работа не нужна, со своей бы справиться, и то б слава Богу.

– Оно конечно… – без большого доверия согласился чиновник. – А за что Корда на меня бочку катит? Что он там про меня наплел?

– Не знаю. И не смотри на меня так, словно сожрать хочешь, я действительно не знаю. Филипп проинформировал меня только в самых общих чертах, он же у нас никому не доверяет, даже самому себе. Но послушай, я же вольюсь в него буквально через пару часов. Хочешь что-нибудь передать? Если очень надо, он перейдет сюда, и там уж задавай любые вопросы.

– Как-нибудь обойдемся. – Чиновник старался скрыть от агента свою ярость. – Здесь у меня и дел-то всех на день, от силы на два. Вернусь, тогда мы с ним и побеседуем,

– День-два? Ну и шустрый же ты у нас.

– Повезло. Мамаша Грегорьяна снабдила меня уймой информации. В частности, я получил старый дневник этого героя, полный имен и адресов.

На самом деле тетрадку заполняли оккультные диаграммы и описания магических ритуалов. Чиновник внутренне содрогнулся, вспомнив страницы, изрисованные бесконечными чашами, кинжалами и гадюками и прочей ересью, тоскливой, как… да тут и сравнения-то не подберешь. Если не считать общего представления о характере Грегорьяна, о его детской мании величин, единственной ниточкой среди всей этой мистической белиберды было упоминание, и неоднократное, о мадам Кампаспе.

Но Филиппа мы лучше обманем – так, на всякий пожарный случай.

– Вот и ладушки, – неопределенно откликнулся Филипп. Он взглянул на свою руку и покрутил в одному ему видимом стакане воображаемую жидкость. – Интересно, почему это фруктовый сок, полученный по проводам, никогда не бывает таким же вкусным, как настоящий?

– По проводам тебе передают вкус, аромат и больше ничего. Ты не чувствуешь реакции организма на выпитое – на сахар, мало ли еще на что. – На лице Филиппа застыло туповатое непонимание, – Ну, это вроде как с пивом по проводам – вкус есть, а трезвый как стеклышко. Просто в случае яблочного сока разница не столь ярко выраженная – тело чувствует, что здесь что-то не так, а сознательное восприятие отсутствует, ты не понимаешь, чего именно тебе не хватает.

– Ну, ты у нас прямо энциклопедия, – сказал Филипп.

Открыв глаза, чиновник увидел над собой лицо Чу.

– Нашла. – И снова эта опасная, диковатая улыбочка. – Идемте, это здесь, рядом.

Длинный сарай, пристроенный к задней, слепой стене гостиницы, имел всего одну дверь, узкую и обшарпанную; замок предусмотрительная сотрудница внутренней безопасности уже вскрыла.

– Мне нужен фонарь, – сказал чиновник и тут же вынул требуемое из чемоданчика. Они осторожно вошли.

На полу, засыпанном стружками и опилками, среди плотницких инструментов и беспорядочно наваленных досок стояло с десяток ящиков.

– Уезжать намылились, – сказала Чу. – Свернули свою лавочку. – Сунув руку в грубо взломанный ящик, она продемонстрировала чиновнику устричный нож, абсолютно идентичный тому, утреннему. – Приторговывают ребята археологией, как мы и думали.

Далее на свет божий появился второй устричный нож, третий, четвертый… Похожие друг на друга, как горошинки из одного стручка.

– Тут и всякое другое – керамика, копательные палки, рыболовные грузила, каждый предмет – в десятках экземпляров. А теперь, – Чу нырнула куда-то в темноту, – посмотрите на это.

Она поставила рядом с чемоданчиком чиновника другой, в точности такой же. Выданный, судя по маркировке, тем же самым оперативным отделом.

– Видите, что они придумали? Добывают где-нибудь

подлинники, суют их в чемодан и заказывают копии. Подлинники возвращаются на место, и все шито-крыто. А может, вместо подлинников возвращаются копии – не думаю, чтобы это имело большое значение.

– Только для археологов – да и они, пожалуй, ничего не заметят.

– Вы узнали, откуда этот нож?

– Оригинал найден в Коббс-Крике при раскопках, – сказал чиновник. – Теперь он в драйхевен-ской экспозиции.

– Коббс-Крик – это же совсем рядом. Вниз по реке, сразу за Клей-Бэнком.

– Оригиналы – дело десятое, а вот где, спрашивается, раздобыли эти бандиты один из наших чемоданов? Вы с ним поговорили?

– Поговоришь тут. – Чу продемонстрировала вздувшиеся, почерневшие внутренности несчастного механизма. – Он умер.

– Идиоты проклятые. – Чиновник достал переходной кабель и соединил им два чемоданчика. – Не понимают ничего, вот и перегрузили. Прибор же очень тонкий – и до придури исполнительный. Заказывая продукцию в большом количестве, нельзя забывать о сырье, о необходимых элементах, иначе чемодан начинает сам себя переваривать. Прочитай его память.

– Не осталось ничего, кроме регистрационного номера, – откликнулся, помедлив секунду, чемоданчик. – Перед смертью он успел переработать всю защитную изоляцию, поэтому память погибла.

– Вот же мать твою.

– Помоги мне с этим сундуком, – сказала Чу.

Хрипя и отдуваясь, они протащили вскрытый ящик через узкую дверь и с грохотом уронили его на землю. Чиновник вернулся за своим чемоданчиком, а затем достал носовой платок и вытер со лба пот.

– Не спугнуть бы их только, а то мы тут такой тарарам устроили…

– А я это нарочно.

– Зачем?

Чу вынула тонкую сигару, не спеша закурила.

– Неужели вы думаете, что местные власти кого-то там арестуют за такую ерунду? Да еще – перед самым Приливом? Мелкие фальсификаторы, сбывающие свою продукцию внепланетным туристам, – ну кому до них какое дело? Чемоданчик – это уже посерьезнее, но он же умер и никому ничего не расскажет. Кроме того, серьезно поговаривают, что за несколько дней до Прилива Каменный дом объявит всеобщую

амнистию по преступлениям, совершенным в Приливных Землях. Чтобы облегчить работу эвакуационной администрации. Как бы то ни было, обращаться в полицию нет никакого смысла – они там даже не почешутся. У нас остаются только две возможности. Первая – выкинуть все это хозяйство в реку, чтобы никто на нем не нажился.

– А вторая?

– Устроить побольше шума, перепугать жуликов до смерти. Думаю, этот самый бармен бежит сейчас отсюда куда глаза глядят, с постоянным ускорением, что твоя ракета. Постой тут немного, я пойду реквизирую чью-нибудь тачку.

Они утопили содержимое ящиков, а затем вернулись в бар. Посетителей здесь не прибавилось, а бармен исчез – позабыв второпях выключить телевизор. Чу прошла за стойку и наполнила два стакана.

– За преступление!

– И все-таки жаль, – вздохнул чиновник, – что они так легко отделались.

– Гоняться за людьми, – снисходительно усмехнулась Чу, – занятие грязное и неблагодарное, вот так-то, сынок. А что касается грязи, у нас ее столько, что вам в ваших заоблачных мирах и не снилось. Так что выше нос, пей и получай удовольствие.

На экране некий человек разговаривал со старым Ахавом о своем брате-близнеце, пропавшем в океане много лет назад.

– *Убийца!* — крикнул Ахав. – *Он же был тебе братом, ты за него в ответе!*

– *С каких это пор сторож я брату своему?* Прильнувшая к окну русалка смотрела на спорщиков с болью и удивлением. Они ее не видели.

5. О СОБАКАХ И РОЗАХ

Теперь среди бумажных цветов вспыхнули яркие шары, красные и синие, белые и желтые. Магнитное поле музыки, жаркой и настоятельной, захватывало гуляющих, кружило их всвоих силовых линиях и отбрасывало прочь, смеющихся и счастливых. Кто-то расстарался изготовить себе полный карнавальный костюм, кто-то ограничился маской и одной-двумя деталями, характерными для изображаемого персонажа. Плотоядно улыбались белокрылые ангелочки, воинственно размахивали вилами их рогатые, козлобородые оппоненты. Пьяно ковылял на своих котурнах полуголый, густо поросший курчавым волосом сатир.

Лейтенант внутренней безопасности Чу обрабатывала молодого красномордого, неуверенно отбрыкивающегося парня. Правой рукой она твердо удерживала своего кавалера за зад, левой – отнимала у него бумажный стаканчик.

– Хватит, ты и так уже до бровей набрался. Можно же заняться чем-нибудь поинтереснее.

Чиновник постарался ускользнуть незамеченным.

Толпа влекла его вдоль главной улицы неузнаваемо преобразившегося Роуз-Холла, мимо балаганов, каруселей и танцевальных площадок. То ли инстинктивно, то ли сознательно каждая группа гуляющих оттирала двойников на край, подальше от основных событий, словно говоря их отсутствующим хозяевам: не удосужились прийти лично – вот и смотрите издалека. Протолкавшись через цепочку таких электронных маргиналов, чиновник оказался в толпе энтузиастов, смотревших конкурс карнавальных костюмов. Молоденькие солдатики с повязками центральной эвакослужбы кричали и свистели, приветствуя своих фаворитов. Сочтя зрелище чересчур эзотеричным для человека приезжего, чиновник двинулся дальше, сквозь ароматы жареной свинины, крепкого сидра и каких-то совсем уже непонятных деликатесов.

Возникла и тут же бесследно исчезла стайка визжащих, хохочущих детей.

Кто-то окликнул чиновника по имени, он обернулся и увидел Скелет. В глазницах черепа мерцал голубоватый свет, под ребрами, нарисованными на накидке, угадывались металлические ребра. Скелет протянул чиновнику кружку с пивом.

– А вас как звать? – улыбнулся чиновник. Скелет взял его за локоть и повел по улице, удаляясь от центра гуляния.

– Позвольте мне сохранить это в тайне. Как-никак, у нас

сегодня карнавал.

От черной потрепанной накидки пахло пылью и плесенью – ушлый костюмер, сдавший ее напрокат, знал, что обоняние у двойников довольно слабое, и не преминул этим воспользоваться.

– Я – Друг, и это главное.

Они подошли к мостику через ручей, считавшийся границей поселка. Шум и блеск праздника остались далеко позади; мрачные, без единого огонька силуэты домов еле проглядывали в густой, чернильной темноте.

– Вы нашли уже Грегорьяна?

– Так кто же вы все-таки такой? – спросил чиновник, на этот раз – без тени улыбки.

– Да нет, конечно же, не нашли. – Скелет озабоченно посмотрел куда-то в сторону. – Извините, тут кто-то… Нет, у меня нет времени, чтобы… Ладно, оставим это. – Он снова повернулся к чиновнику. – Жаль, что все так вышло. Послушайте, у меня совсем нет времени. Просто скажите Грегорьяну, что один его знакомый – его спонсор, – скажите ему, когда найдете, скажите ему, что прежний его спонсор готов снова его принять, если он откажется от этой глупости. Вы меня понимаете? Ведь и вы вроде хотите того же.

– А может быть, и нет. Но почему вы не скажете мне прямо, кто вы такой и чего хотите? Не исключено, что мы могли бы объединить усилия.

– Нет, нет, – покачал головой Скелет. – Да и вообще, вся эта моя идея – вряд ли из нее что-нибудь выйдет. Как бы там ни было, если у вас возникнут с ним трудности – попробуйте использовать этот аргумент. Он знает, что мне можно верить.

Скелет пошел прочь.

– Подождите, – окликнул его чиновник. – Кто вы такой?

– Секрет, Вы уж извините.

– Вы его отец?

Скелет обернулся,

– Извините, – сказал он после долгого молчания. – Я должен уйти.

Развязка странной ночной беседы была быстрой и неожиданной. Закутанный в пыльную тряпку двойник покачнулся, почти упал, но затем зафиксировал стабилизирующие гироскопы и застыл в нелепой позе – словно статуя работы какого-то придурочного авангардиста.

Чиновник потрогал его голову, надеясь ощутить еле заметное гудение работающего прибора. Холодный, без малейшего признака жизни, металл. Он побрел прочь – медленно, неохотно, постоянно оглядываясь. Нелепая фигура не шевелилась.

Вновь оказавшись в гуще событий, чиновник допил полученное от Скелета пиво и взял с одного из лотков жареный, хитроумно изогнутый пончик, густо посыпанный сахарной пудрой. Пьяный подросток решительно отмахнулся от денег:

– За все уплачено!

Над его лотком красовался плакат: **ПРИЛИВНОЗЕМЕЛЬСКИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КООПЕРАТИВ. ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ И ЖИВОТНЫЕ СУБПРОДУКТЫ**. Чиновник прихватил еще один халявный пончик и пошел дальше, остро ощущая свою чужеродность, ненужность на этом празднике.

Толпа бурлила и кипела, каждую секунду другая – и все время одинаковая, как волны, набегающие на берег. Захватывая внимание, она ускользала от понимания. Лица, искаженные чересчур громким, почти истерическим смехом, лица, чересчур красные, покрытые крупными каплями пота. “Ну что я здесь, спрашивается, забыл? – говорил себе чиновник. – Ничего я сегодня уже не сделаю”. Натужное веселье людей, запрудивших улицу, нагоняло тоску и уныние.

А веселье было в самом разгаре. Дети исчезли, пьяные взрослые орали все громче и громче. Сосредоточенно облизывая с пальцев сахарную пудру, чиновник чуть не споткнулся о дерущихся. Двое пьяниц пинали катающегося по земле двойника, ломали ему ребра, отрывали руки и ноги. Несчастный механизм неловко барахтался, взывал о помощи, а затем, лишившись последней конечности, замер и стих, – неизвестно где находящийся оператор вздохнул, посетовал на неудачно проведенный вечер и пошел спать. Чиновник обогнул кучку покатывающихся со смеху зевак и побрел дальше.

Навстречу ему шла – (шествовала! плыла!) – женщина. Сине-зеленый костюм со смелым, глубоким декольте, над гордо поднятой головой раскачиваются изумрудные перья. Владычица Вод? или Океана? или Небосвода? Левая рука придерживает пятнистую, как камуфляжная куртка, юбку – чтобы не волочилась по земле. Яркая, бьющая в глаза красота создавала вокруг этой женщины невидимое силовое поле, толпа широко расступалась, давая ей дорогу. Зеленые, как трава, как изумруд, как душа леса, глаза смотрели прямо на чиновника. “Сердце – это маленькая птичка”, – выводил где-то неподалеку нежный и не очень трезвый голос бродячей певицы. Птичка ищет себе гнездо. Зеленая женщина приближалась. Русалка, выброшенная волной на берег.

Чиновник шагнул в сторону, чтобы не путаться у сказочного видения под ногами, – и тут же вздрогнул от прикосновения руки, затянутой в длинную зеленую перчатку.

– Тебя, – сказала женщина. Зеленые огромные глаза прожигали чиновника насквозь, белые, как жемчуг, зубы рвали его на части. – Я хочу тебя.

Она обняла чиновника за талию и повлекла прочь.

Покидая поселок, женщина сорвала с провисшей гирлянды бумажный цветок. Она взяла его двумя руками и опустила в ручей. И тут же на поверхности воды появилось множество цветов, они плыли, вращаясь и грациозно покачиваясь. (Танец цветов, в каком же это было старинном балете?)

И светились. И только теперь, в призрачном этом свете чиновник увидел, что выше перчаток руки ее испещрены звездами и треугольниками, глазами и змеями и другими, совсем уже непонятными символами.

Ундина. Очень подходящее имя. Они прошли по Сырнозаводской дороге, миновали кучку беспорядочно разбросанных домов и углубились в розовый лес. Ползучие плети, усеянные цветами и шипами, задушили здесь всю прочую растительность, они карабкались по мертвым, высохшим деревьям, устилали землю, а кое-где, на полянах, взрывались огромными кустами, напоминавшими издали холмы, густо обрызганные кровью. В воздухе висел тяжелый, приторный аромат.

– Здесь стоило бы вроде немного подрезать, – сказала женщина, пригибаясь под низкой, сплошь усыпанной мелкими розовыми цветами аркой. – Но какой смысл – ведь скоро Прилив.

– Это что, местные? – спросил чиновник, пораженный таким изобилием.

– Нет, что ты, на Миранде роз не было, их завезли с Земли. Дикие, беспородные. Первая планировщица этих мест рассадила их вдоль дорог, для красоты. А потом оказалось, что у этой красоты нет здесь никаких естественных врагов, и пошли милые цветочки в рост и стали глушить все остальное. Вот в этом, скажем, месте они расползлись уже на много километров. Случись такое в Пидмонте – неизвестно было бы, что и делать, а здесь их зальет водой, и дело с концом.

Некоторое время они шли молча.

– Ты ведьма, – сказал чиновник, неожиданно для себя самого.

– Заметил? – В голосе звучала насмешливая улыбка. Острый влажный кончик языка тронул ухо чиновника, пробежал по всем изгибам, исчез. – Я услышала, что ты ищешь Грегорьяна, и заинтересовалась. Я же знаю его с детства, мы вместе учились. Спрашивай что хочешь – я тебе все расскажу. Ну вот и пришли.

На поляне стояла маленькая некрашеная хижина.

– Где он?

– Ты хочешь не этого. – И снова эти изумрудные немигающие глаза. И эта насмешливая улыбка. – Во всяком случае – сейчас.

– Да сколько же у тебя здесь крючков, – сказал он, неумело расстегивая платье. Острый треугольник обнаженной кожи становился все шире и длиннее. При каждом, самом легком, прикосновении по телу Ундины пробегала дрожь. На ночном столике, под сентиментальной голограммой пляшущего Кришны, горела одинокая свеча. Колеблющееся пламя отбрасывало на стены комнаты длинные, глубокие тени. – Ну вот. Кажется, последний.

Ведьма повернулась, подняла руки крест-накрест к плечам и потянула платье вниз. Сперва показались груди – тяжелые, чуть перезревшие плоды с темно-каштановыми черенками, затем – мягкий, округлый живот, глубокая, до краев наполненная темнотой, впадина пупка. Еще немного – и Ундина придержала пятнистую, как лягушачья кожа, ткань.

– Сердце – это маленькая птичка, – негромко пропела она, раскачиваясь в такт, – приютившаяся в твоей ладони.

Чиновник знал, что эта женщина – ловушка. Приманка, наживка, скрывающая под своей бархатистой кожей острые, зазубренные крючки. Один поцелуй – и крючки вонзаются в твое тело так глубоко и болезненно, что не сорвешься, не оборвешь леску, не уйдешь. И Грегорьян будет водить тебя как рыбу, утомлять и изматывать, пока ты не утратишь всякое желание сопротивляться. И тогда ты махнешь на все рукой, и опустишься на дно, и умрешь.

– И если ты ее упустишь… – Ундина выжидающе смолкла.

Уйти. Повернуться и бежать, бежать куда глаза глядят.

Чиновник осторожно коснулся лица ведьмы. Рукой. А затем – губами. Зашумело, падая на пол, платье.

Ловкие, проворные пальцы скинули с плеч чиновника куртку, начали расстегивать рубашку.

– Ты слишком нежный.

Ее рука направила его, и там было тепло, влажно и хорошо. Он чувствовал ее широкий, мягкий живот, ее груди. Не юная, но никак уж и не то, что называется “пожилая”, Ундина пребывала в самом расцвете своей женственности, находясь на вершине, за которой только еще просматривался долгий, необратимый спуск. Мысль, что эта женщина никогда уже не будет такой прекрасной, как сейчас, еще больше возбуждала чиновника. Стройные, чуть полноватые ноги обхватили его за талию, стали раскачивать его, как волны – лодку, сперва – едва заметно, затем – все сильнее и быстрее.

Ундина, подумал чиновник. Ундина, Изольда, Эсме, Теодора

– имена местных женщин подобны засушенным цветам. Или – осенним листьям.

Сквозняк качнул пламя свечи, тени суматошно забегали по стенам, снова успокоились. Неистовые губы Ундины метались по его лицу, шее, груди. Ундина была снизу, затем сверху и снова сверху, и чиновник не понимал уже, где кончается его тело и начинается она, более того, он не понимал, какое из этих тел принадлежит ему. А потом она превратилась в Океан, и он утратил всякое представление о реальности и утонул.

– Еще, – сказала Ундина.

– Боюсь, – сказал чиновник, – ты путаешь меня с кем-то другим. Не тот у меня возраст. Я с радостью сделаю еще одну попытку, но не сейчас, а минут через двадцать.

Ундина села; изумительные, невероятные груди качнулись и замерли. Теперь их освещали только бледные лучи Калибана, косо пробивающиеся сквозь пыльное окно, – свеча давно догорела.

– Ты что – не знаешь, каким образом мужчина может испытать множественные оргазмы без эякуляции?

– Нет, – рассмеялся чиновник.

– И каждый раз, когда ваша милость кончает, несчастные девушки должны ждать по полчаса? Не думаю, чтобы им такое нравилось. – В голосе Ундины звучала веселая издевка. – Ничего, я тебя научу. – Она поддела член чиновника пальцем, словно забавляясь дряблостью этого отростка. – Только попозже, сейчас от твоей принадлежности мало толку. Ну а пока, чтобы время зря не терять, я тебе кое-что покажу.

Ундина встала, потянулась, накинула на плечи одеяло и направилась к двери. Чиновник взялся было за рубашку, но затем махнул рукой и уныло поплелся следом. Вскоре они оказались на небольшой поляне.

– Смотри, – сказала Ундина.

Из земли вырывались бледные, похожие на северное сияние полотнища красноватого, голубоватого и белого света. Казалось, что и поляну, и окружающие ее кусты роз уже затопил океан. Рыхлая, недавно перекопанная земля буквально сочилась холодным, призрачным пламенем.

– Что это? – удивился чиновник.

– Иридобактерии. На Приливных Землях их можно найти везде, где только ни копни. К сожалению, в очень малых концентрациях. А теперь слушай внимательно. Я посвящу тебя в небольшую профессиональную тайну.

– Я и так слушаю, – пожал плечами чиновник.

– Чтобы иридобактерий было много, чтобы их свечение было заметно для невооруженного глаза, нужно закопать в землю дохлое животное, другого способа нет. Продукты распада – идеальная питательная среда. Всю последнюю неделю я убивала, точнее – отравляла собак, носила их сюда и хоронила.

– Ты убивала собак? – отшатнулся чиновник.

– Быстрая и безболезненная смерть. А что, думаешь, случится с ними, когда наступит Прилив? Они же не способны адаптироваться, как и те же самые розы. Поэтому люди из Гуманистического общества объявили неделю собак и платят за трупы поштучно. Лучше бы, конечно, отловить всех этих дворняг и отвезти в Пидмонт, только кто же станет таким делом заниматься. Там, у стены, – указала она рукой, – лежит лопата.

Чиновник принес лопату. Через месяц вся эта земля окажется под водой. Он представил себе рыб, заплывающих в окна зданий, и мертвых, с оскален-ными пастями собак, запутавшихся в колючих зарослях роз. И когда там еще доберется до этих вздувшихся трупов какой-нибудь зверь, благополучно трансформировавшийся в подводного стервятника. Или птица. Следуя указаниям ведьмы, он выбирал участки почвы, над которыми ярче всего полыхало холодное пламя, снимал с них верхний слой и кидал в ржавую железную бочку, на две трети наполненную водой. Земля оседала на дно, оставляя за собой мерцающую, быстро поднимающуюся к поверхности муть. Время от времени Ундина проводила по воде деревянным скребком и отбрасывала пену в широкую кювету.

– Вода испарится, – объяснила она, – и останется порошок, обогащенный иридобактериями. Остальные стадии обработки подождут, главное – получить концентрат и отвезти его в Пидмонт. Здесь иридобактерий – как грязи, а там они не приживаются.

– Расскажи мне про Грегорьяна, – попросил чиновник.

– Грегорьян – наисовершеннейшее воплощение зла. – Лицо Ундины стало холодным, жестким и суровым, как скалистые равнины Калибана. – Он умнее тебя, у него больше силы, красоты и воли. Грегорьян получил внепланетное образование – такое же, как у тебя, а может, и получше – и, что самое главное, он владеет оккультными науками, в которые ты не веришь. Бороться с ним – чистое безумие, это все равно что сунуть голову в петлю.

– Вот-вот, именно в этом он и хочет меня убедить.

– Все мужчины – идиоты, – пренебрежительно бросила Ундина. – Или ты не согласен? На твоем месте я бы быстренько заболела либо объявила начальству, что задание противоречит моим моральным принципам. Неловко, конечно, но от этого

никто еще не умирал.

– Когда ты познакомилась с Грегорьяном?

Чиновник бросил в бочку очередную порцию земли; снова взвихрились призрачные струи фосфоресценции.

– В то время я была еще привидением. Я же подкидыш, приютская. А потом, когда у меня только-только начались месячные, появилась мадам Кампаспе. Она купила меня и забрала к себе – решила, что у девчонки есть способности. Ну и началось ученичество. На первой стадии я – и так-то тихая, робкая и незаметная – должна была стать совершенно невидимой. Я держалась в тени, никогда не разговаривала. Спала где придется и когда придется. О пропитании своем я заботилась сама – забиралась в чужие дома и воровала. Я не должна была показываться на глаза ни посторонним, ни самой мадам Кампаспе – иначе она меня била. Через месяц меня уже никто не видел.

– Кошмарная жестокость.

– Ты не вправе судить. В тот раз, когда мадам Кампаспе наткнулась на Грегорьяна, я пряталась в зарослях магнолии. Наткнулась – это в самом прямом смысле, он спал на ее пороге. Потом я узнала, что он два дня не имел ни крошки во рту, ни секунды не спал, а все шел и шел, так ему хотелось стать ее учеником. А дошел – тут-то беднягу и сморило. Это какой же поднялся крик! Мадам ударила мальчишку ногой, он отлетел на несколько метров, как мяч, вскочил, хватаясь за грудь – у него ребро было сломано, – и побежал. Мадам бросилась следом, а я тем временем залезла на сарай. Когда оба они скрылись из виду, я быстренько наведалась на огород мадам Кампаспе, выдернула репу и смылась. Думая, что никогда больше этого оборванца не увижу.

Но он вернулся, на следующий же день.

Мадам его прогнала. Он снова вернулся. Каждое утро повторялось одно и то же. Не знаю уж, как он добывал себе пропитание. Воровал или работал, а может – торговал своим телом. Не настолько он меня интересовал, чтобы проследить, хотя к тому времени я была уже способна днем, при белом свете, пробраться незамеченной в самый центр Роуз-Холла. Как бы там ни было, каждое утро этот мальчишка приходил к крыльцу мадам Кампаспе.

Через неделю мадам изменила тактику. Увидев настырного шкета на пороге, она бросала ему какую-нибудь мелочь. Теперь-то вернулись к серебру, а тогда ходили маленькие керамические монетки – пуговки такие, оранжевые, зеленые и синие. Мальчонка-то был явно из “приличной семьи”: манжеты кружевные, хоть и грязные, как половая тряпка, и голову держал

гордо, прямо носом лампочки сшибал, и вообще. Вот мадам и решила в стыд его вогнать, чтобы отвязался. А он поймает монетки на лету, закинет их в рот и проглотит, и все у нее на глазах, но мадам делала вид, что ничего не замечает. На другой стороне улицы был косметический салон, вот там я и устраивалась обычно, на чердаке, у окошка и смотрела на все эти дела, крайне заинтересованная, чем же закончится поединок между непреклонностью мадам и мерзкой ухмылочкой малолетнего паршивца. Это было вроде старого вопроса – что произойдет, если в несокрушимую стену попадет всесокрушающее пушечное ядро.

Сперва я не обратила на эту вонь особого внимания – ну, принесло откуда-то, чего не бывает. Однако через несколько дней стало ясно: источник омерзительного запаха где-то здесь, рядом с крыльцом. Я бросилась искать и вскоре обнаружила за аккуратно подстриженной куртиной большую кучу дерьма с веселенькими разноцветными вкраплениями – теми самыми керамическими монетками. Тут уж у мадам Кампаспе не оставалось никакого выхода – она нехорошо выругалась и взяла этого засранца в ученики.

– Почему?

– Потому, что он был прирожденным магом. Кроме стальной, несгибаемой воли, обязательной для адепта спиритуальных искусств, он обладал интуицией, чувством неожиданного и парадоксального. Мадам не могла его игнорировать – примерно так же, как художник не мог бы пройти мимо ребенка с идеальным чувством цвета и композиции. Такой талант встречается раз в сто лет. Она его испытала. Ты знаешь прибор, с помощью которого двойники получают ощущение пищи?

– Питание по проводам? Да, прекрасно знаком.

– Один из внепланетных любовников мадам смонтировал ей такой “питатель” в ящике. Смонтировал так, что она могла подавать на нервный индуктор самый обыкновенный переменный ток. Можешь себе представить, что ощущает рука, засунутая в такое поле?

– Жуткую боль, и только.

– Вот именно – жуткую. – Ундина грустно улыбнулась, превратившись на мгновение в девочку-подростка из далекого, безвозвратно ушедшего прошлого. – Этот прибор я никогда не забуду. Гладкий прямоугольный ящик, с одной стороны – дырка, а наверху – реостат и шкала от одного до семи. Вот так и стоит он перед глазами, и мадам с этой проклятой крысой на плече, и длинные ее пальцы на ручке. Она сказала, что убьет меня, если я выдерну руку из ящика раньше времени. Самый жуткий момент

моей жизни. Тут уж нашу мадам не переплюнет никто, даже Грегорьян, при всей его изощренности.

Ундина подхватила скребком очередную порцию светящейся пены; ее голос звучал негромко, задумчиво.

– Когда она сдвинула ручку с нулевой отметки, в мою руку словно впились острые, безжалостные зубы. Медленно, мучительно медленно, указатель перешел на единицу, и боль стала в десять раз сильнее. Господи, что же это такое было! На трех я орала в голос, на четырех – перестала что-либо видеть и соображать. На пяти я решила, что лучше уж умереть, и выдернула руку из проклятого ящика.

Мадам крепко меня обняла и сказала, что не встречала еще такой выносливости и что когда-нибудь я буду знаменитой, еще более знаменитой, чем она сама.

Ведьма смолкла. Она молчала долго, чуть не целую минуту.

– Когда за мадам и Грегорьяном закрылась дверь, я оставила свое чердачное убежище, переметнулась через улицу, нашла открытое окно и залезла в дом. Двигаясь абсолютно бесшумно, как тень или призрак, я пробралась в соседнюю с ними комнату и немного, буквально на палец, приоткрыла дверь. Прямо напротив двери, напротив этой щели, на каминной полке стояло зеркало; я спряталась в кладовке и стала наблюдать за мадам и Грегорьяном, вернее – за их отражениями. Грегорьян был совершенным замухрышкой – тощий, босой, невероятно грязный. Помню, я еще подумала, как жалко выглядит он рядом с аристократической фигурой мадам Кампаспе.

Мадам усадила его рядом с камином. Затем – голоса. Слов я не разбирала, но было понятно – она объясняет правила. Потом она сняла кружевную с бахромой салфетку, прикрывавшую ящик. Грегорьян гордо, по-петушиному вскинул голову и сунул руку в отверстие.

Когда мадам взялась за ручку, его грязное исхудалое лицо непроизвольно дернулось. Затем Грегорьян побледнел, его била мелкая, неостановимая дрожь, а мадам поворачивала реостат все дальше и дальше. И он не сводил с нее глаз, ни на одно мгновение.

Мадам дошла до самого края шкалы, до семерки. Тело Грегорьяна судорожно напряглось и застыло, его пальцы дрожали, но голову он держал все так же высоко и все смотрел и смотрел на мадам немигающими, ничего не прощающими глазами. Думаю, она испугалась. Да и немудрено тут было испугаться, когда сидит этот тощий оборванец и смотрит на тебя, и непонятно, о чем думает, только вряд ли о чем-нибудь хорошем, и горят на этой грязной побелевшей мордочке глаза, словно два

фонаря.

Я сидела так тихо, что даже и сердце у меня вроде не билось. Не шевелилась ни вот столько. А Грегорьян все равно узнал. Он поднял глаза и взглянул в зеркало. Увидел меня и ухмыльнулся. Жуткая это была ухмылка – словно не человек ухмыляется, а скелет. И я поняла, что мадам его не сломает и не приручит, никогда.

– Ладно, пока что хватит.

Ундина прикрыла кювету салфеткой и направилась в дом. Чиновник последовал за ней, за двумя бледными полумесяцами, подмигивавшими ему из-под свисающих концов одеяла.

– А для чего это? – Они сидели на кровати скрестив ноги, лицом к лицу, и чиновник смотрел на темную, еле различимую в тени полоску мягких, вьющихся волосков. – Этот порошок, который ты делаешь из собак.

– Мы смешиваем его с чернилами и вводим под кожу. – Ундина показала свою руку. Сейчас, в полумраке, не было заметно ни малейшего следа татуировок. – Каждый рисунок обозначает один из ритуалов, обязательных для женщины, обладающей силой, а каждый ритуал знаменует новое зрение. А все эти познания, вместе взятые и нужным образом примененные, дают власть.

Одна из ее татуировок ярко вспыхнула – маленькая рыбка, словно просвечивающая сквозь кожу.

– Умение включать и выключать эти рисунки – знак власти.

Загорелась вторая татуировка, третья, четвертая… Пирамида, стервятник, венок из детородных органов. Словно созвездия на ночном небе, вспыхивали змеи, и полумесяцы, и алхимические символы элементов.

– Микрофлора Миранды почти несовместима с земной биологией. Введенные под кожу, эти бактерии получают достаточно питания, чтобы остаться в живых, но размножаться не могут. Так вот они и сидят там, полуголодные и коматозные, пока я их не разбужу.

Теперь все ее руки почти до самых плеч были покрыты причудливыми, сверкающими орнаментами.

– А как ты это делаешь?

– Совсем просто, это – чуть ли не первое, чему нас учат. При нормальной температуре тела они темные, чуть-чуть потеплее – зажигаются. Вот, попробуй сам. – Она взяла чиновника за руку. – Тут же нет ровно никаких хитростей. Сосредоточься на кончиках пальцев, представь– себе, что они теплеют. Думай о горячих вещах.

– Ну как? – спросила Ундина через минуту.

– Н-не знаю… – Чиновник ощущал в пальцах какое-то слабое, то ли есть оно, то ли нет, покалывание.

– Не знаешь, потому что не веришь. Думаешь, это просто внушение. Вот, посмотри. – На конце ее пальца горело крохотное изображение солнца. – Это мой самый первый знак. “Сделай свой палец горячим”, – сказала богиня, и солнце вспыхнуло. Я была ошеломлена. Я почувствовала, что теперь жизнь пойдет другим путем, что теперь все вещи станут другими.

Ундина гладила ногу чиновника; ее пальцы медленно скользили вверх, быстро перебегали вниз и снова вверх. Вниз-вверх, вниз-вверх…

– Какая еще богиня?

– Когда тебя обучают чему-нибудь духовному, истинному, нельзя считать, что ты получаешь знания от человека. Учитель приобщает тебя к божественному, а значит – находится в единении с Богом. Когда мадам Кампаспе обучала Грегорьяна и меня, она была для нас богиней.

Продвинувшись чуть дальше, ее рука погладила член чиновника, успевший за это время подняться и затвердеть.

– А теперь я буду твоей богиней. Она легла на спину, широко раскинув ноги, и привлекла чиновника к себе.

– Я хотел поговорить о Грегорьяне, – неуверенно запротестовал чиновник, чувствуя, как две настойчивые руки направляют его в теплые влажные глубины.

– Одно другому не мешает. – Ундина крепко прижала его к себе и перекатилась; теперь чиновник лежал на спине, а она сидела на нем верхом. – Ритуал, которому обучит тебя богиня, способ контроля над эякуляцией, известен как Урборос, по имени великого змея, вечно самовосстанавливающегося, вечно пожирая свой собственный хвост. Идеальный пример замкнутой системы, системы, невозможной в профанном мире, даже у вас, там, в ваших летающих металлических городах.

Ундина двигалась вверх и вниз, медленно и плавно, как лебедь по поверхности ночного, освещенного луной озера. Чиновник поднял руки и погладил груди, чуть покачивавшиеся над его лицом.

– Эта методика имеет большие физиологические преимущества; кроме того, она является великолепным введением в тантрические мистерии. Так что же конкретно хочешь ты узнать про Грегорьяна?

Ундина мягко опустилась на чиновника; он почувствовал сперва ее соски, затем – грудь, живот, подбородок.

– Я хочу знать, где его найти.

– Скорее всего – в нижнем течении реки. Рассказывают, что у него есть постоянное жилище в Арарате, может, это и правда, а может – врут. Грегорьяну совершенно не нужен какой-то там постоянный адрес, он не хочет, чтобы каждый желающий мог его найти.

– А как же тогда те люди, которые платят, чтобы он превратил их в обитателей моря?

– Они его не находят – это он находит их. Его ведь интересуют вполне специфические личности. Страстно желающие остаться в Приливных Землях, готовые утратить ради этого человеческий облик, готовые поверить рекламным роликам Грегорьяна – и достаточно богатые, чтобы оплатить его услуги. Думаю, он давным-давно составил для себя список перспективных клиентов.

– Когда ты видела его в последний раз?

– Уж и не помню, много лет назад.

Ундина покусывала мочку левого уха чиновника; его щека ощущала теплое дыхание.

– Расставшись с мадам, Грегорьян направился к Океану, но дошел только до семнадцатой станции дирижаблей. Что там произошло – никто не знает, встретил, наверное, кого-нибудь. А потом вдруг оказалось, что он покинул планету. А вот так тебе нравится? – Ее острые ногти быстро, чуть касаясь кожи, скользнули по бокам чиновника.

– Да.

– Прекрасно.

Ундина опустила руки к его крестцу, а затем резко рванула вдоль спины. Чиновник судорожно выгнулся и громко, с хрипом вздохнул. Ногти ведьмы оставили на его коже жгучие полосы боли.

– Видишь, тебе и это нравится, – рассмеялась Ундина. – Ты удивлен, верно? Я научилась этому у Грегорьяна; он стал богом и показал мне, насколько близки друг другу боль и наслаждение. Но ладно, это потом. На сегодня хватит и одного урока. Отцепись от меня и полежи спокойно, я хочу кое-что тебе показать.

Она уложила чиновника на бок, приподняла его колено, игриво покачала стоящий колом член, переместила руку дальше.

– Вот здесь, мягкий участок между мошонкой и задним проходом, чувствуешь?

– Да.

– Хорошо. Опусти тогда левую руку – да нет, сзади, вот так. Теперь придави эту точку средним и указательным пальцами. Посильнее. Хорошо. – Ундина встала на колени. – Теперь дыши глубоко, вот как я, и не грудью, а диафрагмой.

Она сделала несколько глубоких вдохов. Чиновник улыбнулся, глядя на торжественную красоту грудей, освещенных бледными лучами луны (или лун?). Ундина мягко, но решительно отвела его руку.

– Теперь твоя очередь. Садись. Вдыхай медленно и глубоко.

Чиновник покорно сел и вдохнул.

– Диафрагмой.

Он попробовал еще раз.

– Вот так, правильно.

Откинувшись назад, Ундина оперлась на руки и обхватила чиновника ногами за талию.

– А теперь внимательно следи за собой, за своим организмом. Почувствовав приближение эякуляции – не тогда, когда она начнется, а раньше, – протяни руку назад и придави эту точку, как я показывала. Одновременно вдохни – медленно и глубоко. Это займет около четырех секунд. Раз-два-три-четыре. – Она четырежды взмахнула рукой, отсчитывая темп. – Примерно так. На это время можешь замедлить движение, но совсем не останавливайся, хорошо?

– Как скажешь, – неуверенно пожал плечами чиновник. Ундина скользнула вперед, снова оседлала его и глубоко, удовлетворенно вздохнула.

– Ты думаешь, – сказала она через минуту, – что слишком уж все это просто. Что если бы существовал прием столь элементарный и столь эффективный, ты бы давно о нем узнал – от друзей, от любовницы, да хоть от мамочки. К счастью, тут не имеет никакого значения – веришь ты мне или нет. Делай как сказано, и ты задержишь эякуляцию хоть до бесконечности.

– Я думаю… – начал чиновник, крепко прижимая к себе ведьму.

– Плохая привычка.

Чиновник выполнял все предписания Ундины с добросовестностью прилежного школьника; он внимательно прислушивался к своему телу и вовремя останавливал каждую приближающуюся эякуляцию. Луна за окном двигалась с бешеной, неестественной скоростью. А затем случилось чудо. Вскоре после очередного почти-семяизвержения у него наступил оргазм. Потрясенный неожиданностью, чиновник закричал и судорожно сжал Ундину; ощущение было необыкновенным, как прикосновение руки Бога. Оргазм закончился, эякуляция так и не наступила, а эррекция сохранилась. Чиновник ощущал необычный подъем сил, почти сверхъестественную ясность мыслей.

– Как же это? – удивленно спросил он.

– Вот теперь ты что-то понял. Суть оргазма совсем не в извержении небольшого количества солоноватой жидкости.

Ундина продолжала раскачиваться вверх-вниз, как корабль на мертвой зыби; ее грудь покрылась потом, волосы слиплись, на губах играла чуть насмешливая улыбка.

– Что-то давно ты не вспоминал Грегорьяна. Неужели все вопросы кончились?

– Отнюдь. – Чиновник сосредоточенно занимался левой грудью ведьмы – поглаживал ее сверху вниз, а затем стал осторожно, двумя пальцами, крутить сосок. – Каждый ответ порождает несколько новых вопросов. Я не понимаю, почему ваша воспитательница обращалась с Грегорьяном столь жестоко, почему она пыталась сломить его болью. Что кроме ненависти могла она получить в ответ? Бессмысленно.

– Бессмысленно, – согласилась Ундина. – Бессмысленно в данном конкретном случае. С Грегорьяном у нее ничего не вышло. Но если бы вышло… Тебе этого не понять – необходим личный опыт. Но ты попробуй поверить мне на слово. Когда богиня берет твою жизнь в свои руки, первым делом она должна разбить вдребезги прежний твой мирок, чтобы силой втолкнуть тебя в другую, несравненно большую вселенную. Разум ленив. Ему тепло и уютно там, где он находится; только страх и боль могут выгнать его на простор, поставить лицом к лицу с реальностью.

Врач прописывает горькое лекарство не по злобе, а из любви и сострадания. После испытания мадам Кампаспе меня обняла. Я думала, что она меня презирает. Я была готова к смерти – а она меня обняла. Невозможно описать, что я тогда почувствовала. Это было несравненно лучше всего того, чем мы тут с тобой сегодня занимались. Ничего лучшего я не ощущала ни до этого момента, ни, пожалуй, после. Я заплакала. От мадам исходила огромная, всепоглощающая любовь; я была готова на все, абсолютно на все – лишь бы эту любовь оправдать. Я готова была умереть за мадам Кампаспе – с восторгом, без малейших колебаний.

– Но с Грегорьяном все вышло иначе.

– Да. – Теперь Ундина раскачивалась не вверх-вниз, а из стороны в сторону. – Мадам его так и не сломила. И с каждой ее неудачной попыткой Грегорьян становился все сильнее, все необузданнее. Потому-то он тебя и убьет. – Неожиданно она перекатилась на спину, увлекая чиновника за собой. На мгновение он испугался, что раздавит это нежное тело, сделает ему больно.

– Но это – потом, – добавила Ундина. – А пока я могу тобой попользоваться.

Чиновник испытал еще четыре оргазма и лишь потом перестал себя сдерживать, и тогда наступил последний, заключительный оргазм, остротой ощущения далеко превосходивший все предыдущие. Далеко превосходивший все, что чиновник мог себе представить.

А потом он уснул. Или потерял сознание. Погрузился в беспамятство.

А потом проснулся. Ундины рядом не было. Чиновник встал на ноги, покачнулся и, для верности, сел. И оглядел комнату. Мебель, какие-то вещи, забытые, а скорее – оставленные за ненужностью. На полу – то самое лягушачье платье с тысячей крючков на спине, мятое и какое-то печальное; длинные зеленые перья дождевки, некоторые из них уже сломаны. Мерзость запустения. Комната умерла, из нее словно вынули сердце. Чиновник оделся и ушел.

Просперо стоял уже высоко, так что время приближалось к полудню, но город был пуст. Мерзость запустения. Открытые нараспашку двери, на улицах – обрывки вчерашних карнавальных костюмов. По пути к центру поселка голова чиновника немного прояснилась, появилось странное желание запеть. Тело приятно ныло, каждое прикосновение болезненного, словно песком натертого члена к брюкам напоминало о ночных развлечениях. Для установления нормальных отношений со вселенной не хватало только приличного завтрака.

Чу стояла рядом с фургоном, сплошь изукрашенным разноцветными, до боли в глазах яркими надписями. **НОВОРОЖДЕННЫЙ КОРОЛЬ. АРШАГ МИНТУЧЯН. ТЕАТР МАРИОНЕТОК, ИЛЛЮЗАРИУМ РАЯ И АДА. ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ ГОРОДОВ, ОДИННАДЦАТЬ МИРОВ**. Чиновник заметил этот фургон еще вчера вечером – тогда задняя стенка его была снята, на маленькой сцене лихо отплясывали куклы. Собеседником Чу был потный толстяк с маленькими, тщательно ухоженными усиками, скорее всего – Аршаг Минтучян, собственной своей персоной.

– Хорошо спалось? – спросила Чу и тут же зашлась громким, безудержным хохотом.

Чиновник недоуменно молчал, но тут к заливистому смеху Чу присоединилось басистое, утробное гоготание Минтучяна.

– Какого черта вы так развеселились? – оскорбленно вопросил чиновник.

– Рука… – Чу уже не хохотала, а истерически всхлипывала. – Твоя рука. Хорошо провел время, будет о чем вспомнить. – Развеселая парочка снова покатилась со смеху.

– Какого черта хохочешь ты… – Чиновник осекся, уставясь на синюю змейку, трижды обвивавшую палец его левой руки, а затем заглатывавшую собственный хвост.

6. ГРИБНОЙ ДОЖДИК

Ты еще таких здоровых не видела, – заявил большой палец Минтучяна. – Не хочу хвастаться, но к утру у тебя будут мозоли.

Он прошелся по столу, напыщенный, как петух.

– Может быть, может быть, – откликнулась левая рука Минтучяна; большой и указательный пальцы ее образовали длинную узкую щель. – Ну, иди сюда, красавчик! – Щель неожиданно расширилась.

Все засмеялись.

– Модеста! Арсен! – крикнул Ле Мари. – Идите сюда!

– А нужно ли детям на такое смотреть? – негромко запротестовал чиновник, но тут же покраснел под насмешливыми взглядами двух фермеров-свиноводов и эвакуационного администратора.

Впрочем, дети и сами проигнорировали приглашение. Они сидели в соседней комнате и смотрели телевизор, с головой погрузившись в фантастический мир, где люди за считанные часы перелетают от звезды к звезде, где благородные одиночки распоряжаются силами, способными мгновенно уничтожить город и даже целую планету, где мужчины и женщины меняют свой пол по пять раз на дню, где все дозволено и нет никаких запретов. Все это взывало к жабе, таящейся в мозжечке, к древней рептилии, желающей получить все сразу. Сию-сию секунду, и чтобы сверху бантик.

Дети сидели в темноте, вперившись в экран большими, как плошки, немигающими глазами.

– Я – мужик здоровый. Боюсь, не порвать бы мне тебя напополам.

– Разговаривай, разговаривай.

На улице моросило, но кухня оставалась уютным островком тепла и света. Чу стояла у стены со стаканом в руке, стараясь смеяться не больше и не громче остальных. На кухне пахло жареными свиньми мозгами и старым линолеумом. Громко, со стуком чесался устроившийся под столом Анубис. Жена Ле Мари собирала грязные тарелки.

Хозяин исчез в кладовке и вскоре вернулся с двумя очередными кувшинами кумыса, смешанного с кровью, пятьдесят на пятьдесят.

– Ну, еще по маленькой! – возгласил высокий костлявый старик, наполняя стакан Минтучяна. – Не пропадать же добру.

Кукловод прервал свое представление, кивнул, пьяновато улыбнулся и вылил адское пойло в рот. На аккуратных усиках

осталась тонкая, быстро исчезающая полоска пены. Остальные присутствующие дружно потянулись со своими стаканами к кувшину; тем временем большой палец возобновил битву с левой рукой. Битву заранее проигранную, безнадежную.

– А вы что, не хотите?

– Нет, спасибо, я уже под завязку.

– Да выпейте еще хоть немного! На севере такого не достанешь, разве что за бешеные деньги.

Чиновник молча улыбнулся, развел руками и покачал головой.

– Как знаете, – пожал плечами старик.

Улучив момент, когда никто на него не смотрел, чиновник выскользнул на веранду. В тот самый момент, когда дверь закрывалась, рука презрительно выплюнула дряблый, измочаленный палец. И мерзко хихикнула.

– Следующий!

Свинцовые капли с грохотом сыпались на крышу, срывали листья с деревьев, низко прибивали к земле траву. По стеклам темной, неосвещенной веранды сбегали мутные струйки воды. Мир расплылся, окрасился в унылый, грязно-коричневый цвет, стал похож на древний фотоснимок. Внезапный порыв ветра раздвинул завесу дождя: мелькнули – чтобы через секунду снова исчезнуть во мгле – три угольно-черные баржи, словно приклеенные к тусклой, темно-серой глади реки. Приглядевшись, можно было различить смутные очертания соседнего дома, весь остальной Коббс-Крик провалился в небытие. Весь мир провалился в небытие.

Коббс-Крик специализировался на свиноводстве и лесоповале. Последнюю свинью давно уже забили и отправили в коптильню, но бревна все еще спускались самосплавом по ручью, лесопилка работала круглые сутки, стараясь превратить как можно больше деревьев в доски – прежде чем придет Прилив и превратит их в водоросли.

Над лужами взлетали вязкие фонтанчики грязи; грязь высоко, на добрый метр, облепила дощатые стены домов. Затхлая вонь сырой земли почти заглушала все прочие запахи – запах садовой дорожки, аккуратно выложенной красным кирпичом, запах травы, запах помидорных кустов, вянущих на огороде…

Грустно и одиноко, хоть волком вой. Чиновник мужественно старался не вспоминать об Ундине. Мужественно и безуспешно. Стоило закрыть глаза, и он снова ощущал прикосновение влажных губ, острых, туго напряженных сосков. Ногтей, оставивших на его спине все еще саднящие царапины. Он

понимал, насколько это глупо и смешно, злился на себя – и ничего не мог с собой поделать. Втюрился, как прыщавый подросток, это ж надо такое придумать.

Чиновник вздохнул, достал из чемоданчика грегорьяновскую тетрадку, лениво ее раскрыл. *Мы находимся на пороге новой эпохи, эпохи, когда магия сменит науку, когда мир будет осмыслен наново, осмыслен с точки зрения воли, а не разума. Истины нет, ни в смысле моральном, ни в смысле научном.*

Высокопарное занудство. Чиновник нетерпеливо перелистнул несколько страниц,

Что есть благо? Все то, что увеличивает ощущение власти, волю к власти и, превыше всего, самое власть.

Перечитывая эти слова, чиновник легко представлял себе юного Грегорьяна – этакий себе тощий мальчишка, начинающий чародей, по-детски – и безо всяких к тому оснований – уверенный в своем несравненном величии, мечтающий, чтобы все узрели это величие. *Люди – мои рабы.* Да-а.

Чиновник захлопнул тетрадку; высокопарная наивность всех этих, с позволения сказать, афоризмов, самовлюбленность их автора вызывали глухое раздражение. Знаем мы таких молодых человеков, очень даже хорошо знаем, сами когда-то такими были. Да, но там было что-то такое, что-то такое, на что-то похожее… Ну да, вот оно.

Маленькая главка, упражнение, поименованное “Змей Уроборос”.

Волшебник влагает свой жезл вчашу богини. Одновременно с этим левая прислужница… Тот самый метод, только изложен он не открытым текстом, а такой себе прозрачненькой аллегорией.

С кухни донесся новый взрыв смеха.

Чиновнику хотелось, чтобы закончился этот день и закончился этот дождь, чтобы дороги подсохли и можно было отсюда уехать. Коббс-Крик оказался пустым номером. Археологи, работавшие когда-то выше по ручью, давным-давно засыпали свой раскоп землей, застабилизировали его и – поминай как звали. Жил здесь Грегорьян или нет, сказать невозможно – мощная волна эмиграции на север смыла все следы. Да и были ли они, эти следы?

А это еще что такое?

Чиновник вгляделся в крошечное, едва различимое пятнышко света, очень похожее на разрыв в тучах, но прошло несколько секунд, и все его надежды на скорое окончание дождя угасли – в отличие от пятнышка. Оно двигалось, выдавая свое искусственное происхождение.

Интересно, кто же это разгуливает в такую погоду?

Пятно становилось все ярче и отчетливее, вскоре оно приобрело голубоватый оттенок и очень знакомые очертания. Сквозь дождь и слякоть пробирался не человек, а какой-то псевдо. Мало-помалу в мутной мгле обозначились карикатурные формы электронного конструкта; длинный дождевой плащ, туго стянутый в поясе, и широкая шляпа, намертво привязанная к металлопластовой башке, придавали ему поразительное сходство с огородным чучелом.

Затем стало слышно, как хлопают на ветру полы плаща.

Псевдо направлялся к гостинице. Под мышкой у него виднелась длинная узкая коробка, способная вместить, скажем, дюжину роз. Или короткую штурмовую винтовку.

Чиновник подошел к двери и встал на пороге. Выходить наружу не хотелось; даже и здесь, под козырьком, дождь моментально забрызгал сапоги. Конструкт остановился у нижней ступеньки крыльца и насмешливо ухмыльнулся.

Это был лже-Чу.

– Кто вы такой? – холодно спросил чиновник.

– Меня звать Вейлер, – равнодушно улыбнулся конструкт. – Но это не имеет никакого значения. Грегорьян хотел бы передать вам несколько слов. И эту коробку.

Секунду чиновник молчал, хмуро разглядывая физиономию наглого молокососа. Вот так, скорее всего, и выглядел Грегорьян в юности.

– Скажите Грегорьяну, что я хотел бы поговорить с ним лично. На тему, представляющую взаимный интерес.

Вейлер поджал губы, изображая крайнее сожаление.

– Не хотелось бы вас огорчать, но учитель сейчас крайне занят. Сотни людей ищут его помощи. Однако, если вы посвятите меня в суть проблемы, я сделаю все, что будет в моих силах.

– Вопрос очень конфиденциальный.

– Увы. Ну, а я пришел к вам по предельно простому делу. Насколько известно учителю, к вам попал некий предмет, имеющий для него определенную ценность. Ценность чисто сентиментальную.

– Его дневник.

– Совершенно верно. Хорошее, кстати сказать, учебное пособие. Однако – совершенно бесполезное для человека, не имеющего специальной подготовки, в частности – для вас.

– Нет, почему же. Там очень много любопытного.

– Как бы там ни было, учитель вынужден настаивать на своей просьбе. И очень надеется на взаимопонимание. Тем более, что эта тетрадка вам не принадлежит. Надеюсь, вы не будете этого

отрицать.

– Скажите Грегорьяну, что он может получить свой дневник от меня в любое удобное для него время. Лично.

– Я пользуюсь абсолютным доверием учителя. Все, что можно сказать ему, можно сказать и мне, все, что можно вручить ему, можно вручить и мне. В некотором смысле, он присутствует везде, где присутствую я.

– В такие игры я не играю, – покачал головой чиновник. – Нужен Грегорьяну дневник – пусть приходит и берет. Он знает, где меня найти.

– Ну что ж, все можно сделать и так, и эдак, – философически заметил Вейлер. – Кроме просьбы Грегорьяна, мне поручено передать вам это. – Он наклонился и положил свою ношу к ногам чиновника. – Учитель велел передать вам, что человек, отважившийся отодрать ведьму, вполне достоен поощрения. Этот небольшой сувенир поможет вам вспоминать о столь бурно проведенной ночи.

На телеэкране мелькнула яркая, почти бешеная улыбка; конструкт развернулся и зашагал прочь.

– Я говорил с отцом Грегорьяна! – крикнул чиновник. – Передайте ему, обязательно.

Никакой реакции. Еще раз мелькнул вздутый пузырем, бешено трепещущий плащ, и электронный посланец утонул в серой пелене дождя.

Чиновнику стало страшно. Присев на корточки, он приподнял коробку. Тяжелая. Теперь на веранду, содрать мокрую клеенку, снять крышку…

В полумраке ярко вспыхнули звезды и змеи, кометы и чаши. Разложение уже началось, иридо-бактерии пировали вовсю.

Смех, сотрясавший стены кухни, резко стих.

– Мамочки, – сказал Ле Мари. – Да что это с вами?

Чу схватила чиновника за руку, не дала ему упасть.

– Произошло нечто непредвиденное и неудачное, – сказал чей-то голос. Его собственный голос.

Чиновник осторожно, с преувеличенной аккуратностью поставил коробку на стол. На шее маленькой девочки пламенел красный с крохотными черными звездочками галстук юных эвакуантов. Девочка встала на цыпочки и потянулась к коробке. Минтучян, стоявший ближе всех, шлепнул девочку по руке и торопливо захлопнул крышку.

– Нечто крайне прискорбное.

Голос звучал фальшиво и неестественно, с какой-то механической отчетливостью. Пластинка на замедленных

оборотах, вот на что это похоже, решил чиновник. Почему я так странно говорю?

Застывшие было люди засуетились. Двое мужчин выбежали на улицу. Громко проскребли по линолеуму ножки пододвигаемого стула. Чьи-то руки уперлись чиновнику в спину и живот, силой согнули окаменевшее тело, усадили.

– Я позвоню в центр, – сказала Чу. – Они пришлют лабораторию. Как только кончится дождь.

Чиновник обнаружил в своей руке стакан, залпом выпил его содержимое и даже не почувствовал вкуса.

– Господи, – сказал он, ставя стакан на стол. – Господи.

Анубис вылез из-под стола, потянулся к руке чиновника, лизнул.

Мужчины, бегавшие на улицу, вернулись. Мокрые до нитки. Громко хлопнула дверь.

– Там никого, – сказал один из них.

На кухне появилось еще несколько детей. Мамаша Ле Мари торопливо поставила коробку на шкаф. Подальше от греха.

– А что это там в ней? – спросил один из местных, сидевший на другом конце кухни.

– Ундина, – объяснил чиновник. – Там лежит рука Ундины.

И тут же заплакал – к полному своему удивлению.

Неуверенно сопротивляющегося чиновника поставили на ноги, отвели в номер, уложили на кровать, разули. Чемоданчик поставили рядом, на ту же кровать. Затем все ушли, бормоча какие-то соболезнования. “Я никогда не смогу уснуть”, – подумал чиновник. В комнате пахло краской и плесенью. Стены и зеркало облеплены крохотными моллюсками. Он уже знал, что это – бывшие мухи, их приносит по ночам с реки нездоровый малярийный ветер, задувающий в эту вот широкую щель над перекощенной рамой. Сейчас мух не было, ветер просто шевелил занавески. Эту раму не починят никогда.

Глухой стук капель по крыше стал тише, а затем и совсем умолк, гроза кончилась. Дождь превратился в реденькую морось, даже и не морось, а нечто вроде тумана.

– Грибной дождь, – сказал чей-то голос.

Чиновник не мог уснуть. Подушка казалась жесткой и неудобной. Тупая, словно ватой набитая голова звенела и раскалывалась. Не выдержав этой муки, чиновник встал, взял свой чемоданчик и вышел наружу, босой и никем не замеченный.

Дождь, но теперь такой мелкий, что капли словно не падают, а висят в воздухе. Сверкающая алмазом пыль сделала мир

волшебным, посеребрила его, погрузила в немоту. Через улицу перекинулись прозрачные голубые арки. Настежь открытые двери проросли маленькими фиолетовыми мандолинами, крыши исчезли под фантастическими переплетениями тончайших сверкающих кружев – оранжевых и розовых, и бледно-желтых. Пенные, призрачные строения росли прямо на глазах.

Серые, обшарпанные халупы преобразились в сказочные дворцы – дворцы, силящиеся разорвать путы косного неорганического существования, обрести жизнь. Неуклюжий, как краб, пробирался чиновник среди дрожащих, раскачивающихся башен и шпилей, раздвигая их яркую, рассыпающуюся при малейшем прикосновении филигрань. Вдали светилось густо-оранжевое пятно. Чиновник немного подумал, а затем направился к этому теплому, манящему огню.

Оранжевый прямоугольник оказался задней дверью знакомого уже фургона. Минтучян сидел за маленьким откидным столиком. Посреди столика, в резко очерченном круге желтого света танцевала металлическая женщина.

Танцевали и руки кукольника, сплошь унизанные кольцами дистанционного управления; повинуясь их движениям, смещались,, изгибались и переплетались силовые поля, пришедшие на смену ветхозаветным ниточкам.

– А, это вы, – поднял голову Минтучян. – Что, не спится? Вот и мне тоже. Красивая штука, правда? – Он кивнул в сторону куклы.

Присмотревшись внимательнее, чиновник понял? что женская фигурка составлена из многих тысяч золотых колец. Голова совершенно гладкая, ни глаз, ни рта, только небольшие выступы слегка намечают высокие скулы и острый подбородок. Вся одежда куклы состояла из простейшего пончо, стянутого поясом и достаточно длинного, чтобы исполнять роль платья. Минтучян пошевелил пальцами, и женщина завертелась волчком, легкая ткань взметнулась в воздух, разлетелась широким кругом.

– Да, красивая. – Руки женщины двигались с невозможной, змеиной гибкостью. – А что это вы делаете?

– Думаю. – Глаза Минтучяна, устремленные в круг света, застыли. – Я тоже любил ведьму, давно, в молодости. Она… да нет, чего там рассказывать. Все было так же, как у вас. Почти так же. Она утонула, а я… Ладно, бог с ним. Сколько ни говори, ничего нового не скажешь. И кому это знать, как не мне.

Не останавливая танцовщицу, он прикрыл глаза и откинулся назад, к стенке, сплошь увешанной куклами. Да, из этого кукольного театра не сбежишь, подумал чиновник, глядя на миниатюрных актеров и актрис, спеленутых прозрачным

пластиком и надежно увязанных шнурками. Музей, настоящий музей. Здесь были мистер Панч со своей супругой Джуди и двоюродным братом Пульчинелле, мертвенно-бледный Пьеро, знаменитый прощелыга Арлекин и прекрасная Коломбина, общая их любовь. И все эти плуты, герои и разини, и Хитрый Митрий, и Тиль Уленшпигель, и Отважный Космонавт Минск, все они висели рядом, в терпеливом ожидании очередного глотка заемной жизни.

– А вы понимаете, что марионетки – чистейшая разновидность театра?

– В смысле простейшая?

– Простейшая! Попробуйте сами, тогда и увидите, какая она простейшая. Нет, именно чистейшая. Наши разумы существуют раздельно, не способны соприкоснуться. Но вот я помещаю между нами эту красавицу. – Танцовщица скользнула вперед, присела в глубоком реверансе и снова вспорхнула – легко, как листок, подхваченный ветром. – Она существует и в моем сознании, и в вашем. И на это время наши сознания пересекаются.

Руки Минтучяна плясали, а вместе с ними и металлическая фигурка. Внимание чиновника раздваивалось, разрывалось, не способное остановиться на чем-то одном.

– Вот, посмотрите. – Пальцы Минтучяна застыли, остановилась и кукла. – У нее нет лица, нет пола. И в то же самое время… – Кукла кокетливо вскинула голову, искоса взглянула на чиновника. Затем она переступила с ноги на ногу. Под складками материи угадывались женственные бедра. Чиновник поднял глаза и встретил пристальный, исытующий взгляд Минтучяна.

– Вы знаете, как работает телевизор? Экран разделен на строчки, развертка рисует две верхние строчки одновременно, две следующие – пропускает, снова рисует две строчки, и так до самого низа. Затем она возвращается вверх и последовательно заполняет все, пропущенные в первый раз. В действительности, вы никогда не видите всю картинку сразу, вы собираете ее в своем собственном мозгу. Все – а их было очень много – попытки ввести экран с цельным, нерасчлененным изображением неизбежно оканчивались неудачей. И не по каким-нибудь там техническим причинам – просто люди их отвергали. Таким экранам недостает самого привлекательного элемента настоящего телевидения. Они создают изображение – и только. Они не вовлекают мозг в заговор против реальности.

Кукла продолжала танцевать, легко, как листок на ветру.

Губы чиновника пересохли, во рту появился странный острый привкус. Он старался сосредоточиться на рассуждениях кукольника – и не мог.

– Извините, но я не совсем вас понимаю.

Золотая женщина передернула плечиком, бросила на чиновника презрительный взгляд. Минтучян улыбнулся.

– Где находится эта, вот эта иллюзия? В моем сознании? Или в вашем? Или в том пространстве, где наши сознания взаимно накладываются?

Он поднял руки, и женщина рассыпалась дождем золотых колец.

Чиновник отвел взгляд, теперь кольца кружились и падали не в воздухе, а в его сознании. Он зажмурился и увидел их снова, падающими сквозь черноту. Он открыл глаза – и все равно не смог избавиться от этих золотых призраков, от их неустанного кружения. Стены, с висящими на них куклами, наваливались, сжимали, не давали вздохнуть, а в следующее уже мгновение терялись из виду, уходили в самые далекие пределы вселенной; фургончик Минтучяна пульсировал, как живое сердце. К горлу подступала тошнота.

– Со мной что-то не так, – осторожно пожаловался чиновник.

Но Минтучян не слушал.

– Вот иногда спрашивают, чего это я выбрал себе такую профессию, – сказал он задумчивым и вроде не совсем трезвым голосом. – Обычно я просто отшучиваюсь, говорю: “А разве это плохо – быть Богом?” Скорчу физиономию, пожму плечами. Но иногда мне кажется, что я хочу доказать самому себе, что другие люди тоже существуют.

Он глядел не на чиновника, а сквозь него, в какую-то даль, и говорил словно сам с собой, словно никого больше в фургоне не было.

– Но ведь этого нельзя доказать, верно? Мы никогда не узнаем этого точно, наверняка.

Чиновник встал и молча вышел.

Он спустился к реке. Пристань было не узнать. На смену унылой цепочке электрических лампочек пришла буйная поросль золотых грибов, извергавших в темную речную воду горячие языки раскаленной лавы. А потом чиновник увидел обнаженных женщин. Изжелта-бледные, грациозные, они лениво гуляли по рейду; плавные волны, оставляемые их движением, накатывали на пристань, тревожили стоящие на якоре корабли, глаза женщин были вровень с верхушками мачт.

Таких существ не может быть, рассудительно сказал себе чиновник. А почему, собственно, не может? На этот вопрос он не сумел бы ответить даже ради спасения собственной жизни. Бесшумные, как сон, огромные, как динозавры, бледные, как

лунный свет, женщины бродили по пояс в воде с сомнамбулической отрешенностью, с высокомерным безразличием ко всему окружающему. Серо-стальную гладь вспороло нечто черное, продолговатое. Непонятный предмет перевернулся, стукнулся об один из округлых животов и снова исчез, утонул; на какое-то жуткое мгновение чиновнику показалось, что это Ундина, утонувшая в реке, обреченная стать добычей прожорливых владык прилива.

И тут же чиновника пронзил еще больший, острый, как удар электрическим током, ужас – ближайшая женщина повернулась и взглянула на него сверху вниз глазами зелеными, как морская даль, безжалостными, как порыв ледяного ветра. Женщина улыбнулась, чуть качнув огромными, идеальной формы грудями, и чиновник отшатнулся, цепляясь каблуками за камни, чуть не падая. “Наркотик, – подумал он. – Кто-то подсыпал мне какой-то наркотик”. Мысль эта, казавшаяся на удивление разумной, поразила чиновника с силой божественного откровения, хотя было не совсем ясно, что с ней делать дальше, какие из нее следуют практические выводы.

А потом все резко, безо всяких промежуточных стадий изменилось, и чиновник оказался в лесу. Тропинку, по которой он шел, тесно окаймляли заросли гигантских грибов; лицо его и руки ежесекундно касались мясистых конусообразных шляпок. “Я должен найти кого-нибудь, кто бы мне мог помочь, – с прежней рассудительностью подумал чиновник. – Знать бы вот только, куда эта тропинка ведет, к городу или от города”:

– Ну и что бы тогда?

– Как?

Чиновник резко, словно отгоняя сон, помотал головой, затем взглянул по сторонам и понял, что находится, как и прежде, в лесу, но теперь не идет по грибной тропинке, а сидит на земле перед голубым экраном телевизора. Звук у телевизора был выключен, а картинка перевернута вверх ногами, так что люди свисали с потолка, на манер летучих мышей.

– Так что вы, простите, сказали?

– Я сказал: “Ну и что бы тогда?” У тебя что, с ушами плохо?

– Последнее время мне как-то трудно уследить за событиями. Слишком уж часто нарушается непрерывность.

– А-а. – Лисомордый человек понимающе покачал головой. – В таком случае посмотрим немного телевизор.

– Да он же вверх ногами, – возмутился чиновник.

– Разве?

Лисомордый встал, перевернул телевизор и снова опустился на землю. Одежды на нем не было никакой, а сидел он на

аккуратно сложенном комбинезоне. Чиновник тоже успел (и когда же это?) сделать себе подстилку из свернутой куртки.

– Ну что, так лучше?

– Ага.

– Расскажи, пожалуйста, что ты там видишь?

– Две женщины, они дерутся. У одной в руке нож. Они вцепились друг в друга и катаются по земле. Теперь одна из них встала. Откинула с лица волосы. Она вся покрыта потом. Теперь она подняла Руку, смотрит на нож. На ноже кровь.

Лисомордый завистливо вздохнул.

– А я вот и голодал, и пускал себе кровь шесть дней подряд, и все без толку. Вряд ли я когда-нибудь сподоблюсь увидеть картинку, не достичь мне такой святости.

– Ты не можешь увидеть телевизионное изображение?

Хитрая ухмылка, легкое подергивание усов.

– А никто из наших не может. В этом есть какая-то насмешка, ирония. Мы, немногие уцелевшие, живем среди вас, учимся в ваших школах, работаем бок о бок с вами – и совсем вас не знаем. Даже не можем видеть ваши сны.

– Это не сны, а просто механизм.

– Почему же тогда вы видите на нем сны, а мы – только яркий, бегающий свет?

– Я тут недавно… – начал чиновник, почти забыв, что хотел сказать, но затем мысль выплыла из глубин памяти, и он продолжил, не сбиваясь больше и безо всяких усилий: – Я тут недавно говорил с одним человеком, так он говорит, что картинка не существует. Телевизионное изображение состоит из двух частей, совмещающихся не на экране, а в мозгу.

– Значит, в наших мозгах просто нет соответствующей цепи, и мы никогда не увидим ваши сны.

Существо облизнулось длинным черным языком. Чиновника охватил липкий холодный ужас.

– Это какой-то бред, – сказал он. – Я не могу с тобой разговаривать.

– Чего это?

– Последний оборотень умер не знаю сколько столетий назад.

– Да, нас и вправду осталось немного. Мы были очень близки к вымиранию, но все-таки мало-помалу научились жить в швах и складках вашего общества. Изменить внешность нам как два пальца, да ты и сам знаешь. А вот общаться с людьми, зарабатывать ваши деньги, и чтобы никто ничего не заподозрил – это уже проблема. Нам приходится скрываться среди бедняков, в трущобах на самой границе культивированных земель, в болотах дельты. Ну ладно, поговорили и будет.

Лис встал, протянул чиновнику руку, помог ему подняться.

– Теперь ты должен уйти. Вообще-то я должен тебя убить. Но наша беседа была такой занимательной, особенно первая ее часть, что я, так уж и быть, дам тебе небольшую фору. Шанс.

Он оскалился, продемонстрировав десятки рядов острых конусообразных клыков.

– Приготовились… Внимание… Марш! – скомандовал оборотень.

Он бежал по лесу, пробивался сквозь длинные, уходящие в бесконечность ряды перистых арок, врезался в башни, сплетенные из рогатых, унизанных шипами щупальцев, бесшумно рассыпавшихся, только их тронь, бежал так долго, что бег этот стал образом существования, будничным бытом, таким же естественным, не вызывающим никаких вопросов и удивления, как и любой другой быт. А затем лес растаял, и чиновник оказался на кладбище среди скелетов, наново покрывающихся плотью; на грудных клетках отрастали грибовидные груди, в промежностях расцветали белесые фаллосы, вогнутые вагины. Мертвые возвращались к жизни – чудовищами; они срастались, по двое и по трое, бедрами и головами, чем угодно. Целая семья слилась в скользкую, колышущуюся массу, увенчанную одним черепом, ярко-красные зубы оскалены то ли в безумной ухмылке, то ли в беззвучном крике.

А потом пропало и кладбище; чиновник бежал по унылой, плоской, как стол, пустоши. Бежал из последних сил, а когда силы кончились, он остановился, хватая воздух широко раскрытым ртом. Земля здесь была твердая, как камень. Бесплодная, без единой травинки. Откуда-то справа доносился неумолчный рокот Коббс-Крика, полноводного, готового влиться в реку. Так это, догадался чиновник, и есть раскоп, квадрат восемь на восемь миль, на всю глубину, до самых скальных пород пропитанный стабилизаторами, участок, где закопаны по крайней мере три герметичных навигационных маяка – чтобы найти его потом, через десятилетия, когда вода схлынет.

Отдышаться никак не удавалось, легкие горели огнем.

“Это я что, бежал, что ли?” – подумал чиновник; на него снова навалилось безысходное отчаяние. Ундина умерла.

– Вот он!

Чья-то рука схватила чиновника за плечо, грубо развернула. Чей-то кулак саданул его в челюсть.

Голова чиновника ударилась обо что-то твердое, широко раскинутые руки вцепились в землю, словно пытаясь на ней удержаться. Чиновник воспринимал происходящее с отрешенным,

почти равнодушным удивлением. Тяжелый сапог врезался в ребра. Резкий непродолжительный хрип – это воздух вышел из легких. Земля такая жесткая, а внутри – темная, а тело – мягкое и податливое.

Над ним плавали три темные фигуры, они непрерывно смещались по направлению и расстоянию, непрерывно меняли пространственное взаиморасположение. Одна из фигур чем-то похожа на женскую. Но он мыслил слишком ясно и быстро, его внимание слишком часто перескакивало с предмета на предмет, чтобы сказать наверняка. Фигуры танцевали над ним и вокруг него, их образы множились, оставляли за собой длинные черные следы; прошло какое-то время, и чиновник оказался в клетке, сплетенной из вражеских тел.

– Чего… – прохрипел он незнакомым для себя самого голосом. – Чего вы хотите?

Голос гремел и раскатывался, доносился откуда-то издалека и со страшной глубины, словно звон огромного колокола, ушедшего на дно океана. Чиновник попытался поднять руки, но они двигались медленно, как ледники, скользящие с гор. Как горы, вырастающие над землей. С геологической медлительностью. Живым, активным осталось одно сознание. Он был сознанием, помещенным в голову каменного великана.

Его били тысячи кулаков, удары взаимонаклады-вались, перекрывались и обязательно оставляли после себя боль. А потом все это кончилось. В поле зрения появилось круглое лицо, нарисованное кладбищенским голубым огнем.

– Говорил же я вам, – издевательски улыбнулся Вейлер, – что можно так, а можно и этак. Вечная проблема – никто не хочет принимать меня всерьез.

Он взял чемоданчик.

– Пошли. – Вейлер исчез из поля зрения, остался лишь его голос. – Я взял то, что нужно.

И все.

Теперь все стало ясно. Время – это серый, мерцающий огонь, непрерывно поглощающий все вещи, а то, что казалось прежде движением, в действительности – просто окисление, умаление, редукция бесчисленных возможностей в одну действительность, низвержение потенциальной материи из благодати в ничто. Чиновник лежал, наблюдая уничтожение вселенной. Лежал долго. Возможно, он был без сознания, возможно – в сознании. Как бы это ни называлось, подобной ясности миропонимания он никогда еще не испытывал. Он хотел сравнить свое состояние с чем-либо другим, найти ему место в ряду понятий – и не мог. Возможно ли

быть одновременно в состоянии наркотического сна и в состоянии наркотического возбуждения? Ну как можно ответить на этот вопрос? Земля под ним была твердой, холодной и влажной. Куртка его была разорвана. Он подозревал, что не вся влажность имеет естественное происхождение, что какая-то ее часть – кровь. Его кровь. За последнее время накопилось очень много фактов, все они нуждались в обдумывании, мысли разбегались, и все же он понимал, что вытекающая на землю кровь должна его беспокоить. Он отчаянно цеплялся за этот единственный надежный островок, но мысли его бешено носились по кругу, как лопасти вертолета, они оторвали его от земли, подняли на головокружительную высоту, откуда был виден весь мир, а затем швырнули вниз, чтобы повторить все снова.

Ему снилось существо, идущее по дороге. Существо с телом человека и лисьей головой. Одетое в потрепанный комбинезон.

Лис – если это был Лис – остановился и присел на корточки. Его остроносая морда обнюхала промежность чиновника, грудь, голову.

– А я вот тут кровью истекаю, – доверительно сообщил чиновник.

Лис наморщил лоб, на секунду задумался. Затем его голова качнулась, исчезла из поля зрения, растворилась в воздухе.

Чиновник снова взмыл в древнее небо, туда, где нет воздуха, а только звезды и планеты, в огромную ночь и огромную пустоту.

7. ЧЕРНЫЙ ЗВЕРЬ

В гостиной было душно и темно. Тяжелые парчовые шторы, затканные золотыми китами и розами, убивали полуденное солнце. Цветочные ароматизаторы, зашитые в мебель, не могли заглушить затхлый запах; гниль и плесень настолько пропитали гостиницу, что казались уже не распадом, а нормальным эволюционным процессом; здание медленно, но верно превращалось из искусственного объекта в живое существо.

– Мне он не нужен. – Чиновник откинул одеяло и сел. – Скажите, чтобы он ушел. Где моя одежда?

Матушка Ле Мари несильно толкнула чиновника в грудь; ее мягкие, прохладные руки были покрыты морщинками, усеяны коричневыми старческими пятнами. Чиновник послушно лег.

– Он придет с минуты на минуту. Теперь уже поздно отказываться. Лежите спокойно,

– А я вот возьму и не стану ему платить, – жалко пригрозил чиновник.

К его слабости и раздражению примешивалось непонятное чувство вины – словно за какой-то нехороший поступок. Оштукатуренный потолок стал жидким и поплыл, трещины и потеки колыхались, словно водоросли. Чиновник торопливо зажмурился, но тошнота все равно не прошла. Она накатывалась тяжелыми, омерзительными волнами,

– Вам и не придется, – улыбнулась матушка Ле Мари. Вот так, наверное, улыбалась бы черепаха. – Доктора Орфелина вызвала я, а с меня он денег не берет.

В коридоре негромко жужжал коронер, формой и размерами больше смахивавший на гроб. Солнечный луч, чудом сумевший просочиться между штор, зажег верхний угол робота ослепительно-белым огнем. Туда чиновник старался не смотреть. В соседней комнате изнывали два офицера национальной полиции. Почему-то очень похожие друг на друга, они стояли, одинаково прислонившись к стене, одинаково сложив руки на груди, и с одинаковой тоской смотрели телевизор.

– *А кто отец?* – взревел старый Ахав. – *Я хочу это знать, я имею право/*

– Не настолько я выжил из ума, чтобы обращаться к врачу, – гордо вскинул голову чиновник. – Если мне потребуется медицинская помощь, я воспользуюсь услугами соответствующей аппаратуры или – in extremis – человека с современной биомедицинской подготовкой. И уж во всяком случае я не стану заглатывать перебродившую болотную жижу, прописанную

каким-нибудь малограмотным, необразованным шарлатаном.

– Подумайте здраво. Ближайший диагност находится в Грин-Холле, а что касается доктора Орфелина…

– Я уже здесь.

На пороге врач немного помедлил, словно позируя для голографического снимка: худощавый мужчина, на синей, военного покроя куртке – два ряда золотых пуговиц. Он пересек просторы ковра, аккуратно ступая по белесой, почти вчистую лишившейся ворса тропинке, осторожно обогнул прогнивший космический скафандр, притащенный сюда, по-видимому, для красоты, и поставил свой черный саквояж у изголовья дивана. Руки его были густо покрыты татуировками.

– Вы находились под воздействием наркотика, – сразу, безо всяких предисловий начал врач.– Диагност тут не поможет. Фармакологические свойства местных растений не попали в базу данных. Да и чего бы ради? Современная синтетика способна заменить любой натуральный препарат, а изготовить ее можно где угодно. Но если вы хотите понять, что с вами случилось, придется задать этот вопрос не машине, а мне или кому-нибудь вроде меня – человеку, досконально изучившему растительный мир Миранды.

Лицо у врача было худое, аскетичное, с высокими, резко очерченными скулами, в светло-голубых глазах застыло арктическое спокойствие.

– Можете не верить ни единому моему слову, и все же я хотел бы приступить к осмотру – с вашего, конечно же, разрешения.

– Да, доктор, конечно, – смущенно промямлил чиновник. Он чувствовал себя совершенно по-дурацки.

– Благодарю вас. – Орфелин на секунду задумался, а затем повернулся к матушке Ле Мари: – Вы можете пока отдохнуть.

На лице старухи появилось удивление, тут же сменившееся обидой. Она гордо вскинула подбородок и вышла из гостиной.

– *Почему ты не скажешь своему дяде, кто отец?*— вразумляюще спросил чей-то голос.

– *А потому,* – истерически завизжала молодая женщина, – *что никакого отца нет! Нет его, нет, понимаете?*

Последние слова девицы звучали неразборчиво – дверь в коридор плотно закрылась.

Орфелин вывернул чиновнику веки, маленьким фонариком посветил ему в уши, взял соскоб с нёба.

– Вам не мешало бы похудеть, – заметил он, перенося сероватую, неприятную слизь в приемник своей диагностической трости. – Если хотите, я научу вас, как поддерживать правильный баланс настоящей пищи и воображаемой.

Чиновник стоически молчал, разглядывая букет искусственных роз. Края матерчатых лепестков завернулись, побурели, кое-где даже выкрошились.

Пытка продолжалась минут пятнадцать.

– Понятно. – Орфелин задумчиво пожевал губами. – Вряд ли я скажу что-нибудь неожиданное. Скорее всего, вы и сами догадывались, что получили дозу какого-то нейротоксина. Какого именно – здесь возможны самые различные варианты. Что у вас было – галлюцинации или иллюзии?

– А что, есть какая-нибудь разница?

– Иллюзия – это не более чем неверная интерпретация чувственного опыта, в то время как при галлюцинации человек видит объекты, не существующие вовсе. Расскажите мне, что вы видели прошлой ночью. И ради Бога, – он предостерегающе поднял руку, – не все подряд. Только ключевые моменты, этого будет вполне достаточно. На подробный рассказ у меня не хватит ни времени, ни терпения.

Чиновник рассказал про гигантских женщин, бродивших среди кораблей.

– Галлюцинация. Вы верили в их реальность? Чиновник задумался, вспоминая.

– Нет, пожалуй. Но все равно испугался.

– Ну, – усмехнулся Орфелин, – вы далеко не первый мужчина, испугавшийся женщин. Успокойтесь, успокойтесь, это же просто шутка. Хорошо, значит, женщины. А что еще вы видели?

– У меня была продолжительная беседа с лисомордым оборотнем. Но это не галлюцинация, это было на самом деле.

– Вы так думаете?

На сухом лице появилось какое-то странное, непонятное чиновнику выражение.

– Да, конечно. Я абсолютно в этом уверен. Это же он принес меня сюда, в гостиницу.

К горлу подкатил комок; все предметы в номере приобрели сюрреальную ясность и отчетливость. Чиновник различал каждую ворсинку ковра, каждую потертую нитку диванной обивки. В голове раскатывались мощные, как кувалдой, удары, татуировка, сделанная Ундиной (как же давно это было), ярко вспыхнула.

В дверь постучали.

– Да? – сказал чиновник.

В щель просунулась голова Чу.

– Извините за беспокойство, но аутопсия закончена. Мы хотим ознакомить вас с результатами.

– Заходите, пожалуйста, – пригласил Орфелин. – Вы и кто-нибудь еще.

Чу взглянула на чиновника, тот безразлично пожал плечами. Удовлетворенная этим немым диалогом, сотрудница внутренней безопасности выскочила в коридор и что-то сказала охранникам. Один из охранников – старший, наверное – помотал головой.

– Секундочку, – крикнула Чу и исчезла. Через минуту она вернулась, волоча за собой Минтучяна. Выглядел кукольник не лучшим образом – лицо его опухло, приобрело нездоровый румянец, грустные армянские глаза налились кровью, как от недельного недосыпа.

– Все гораздо сложнее, чем я думал, – сказал врач, широко раскинув руки. – Возьмите меня за запястья и держите сколько будет сил.

Чу взяла его за руку, Минтучян за другую.

– Тяните! Да сильнее, сильнее, мы тут не в игрушки играем!

Орфелин уронил голову на грудь и начал заваливаться вперед; Чу и Минтучяну стоило большого труда удержать его в мало-мальски вертикальном положении.

–Через несколько бесконечно долгих секунд бессильно свешенная голова взметнулась, как подкинутая; чиновник увидел новое, разительно изменившееся лицо. Белые, без каких-либо признаков радужки и зрачка, глаза спазматически подергивались. Затем губы врача раздвинулись, между них появился третий глаз.

– Кришна! – испуганно выдохнул Минтучян; все три глаза повернулись в его сторону – и тут же снова уставились на чиновника.

Чиновник ошеломленно молчал. Жуткий взгляд трех немигающих глаз – двух белых и яростно-синего – пронизывал его насквозь, проникая в самые отдаленные уголки мозга. Несколько мгновений никто не дышал.

Затем голова врача снова упала на грудь.

– Все в порядке, – спокойно сказал Орфелин. – Можете отдохнуть.

– А вы никогда не думали о духовном самосовершенствовании? – обратился он к чиновнику, растирая запястья, все еще хранившие красные оттиски пальцев Чу и Минтучяна.

Чиновник словно вышел из глубин странного, дикого сна. Того, что он только что видел, просто не могло быть.

– Извините?

– Вам очень хочется верить, что сущность, беседовавшая с вами прошлой ночью, – оборотень. Увы, но это не так. Последний оборотень умер в заключении на сто сорок третий малый тод первого Великого года после прибытия сюда людей. Вам встретился аватар одного из их духов. Мы называем его “Лис”.

Дух доброжелательный, обладающий довольно серьезными возможностями, но, к сожалению, не всегда надежный. Встреча с ним – доброе предзнаменование, во всяком случае, так считается.

– Я говорил с самым настоящим живым существом, а не с каким-то там духом или галлюцинацией.

Теперь комната ожила. Ворсинки ковра плавно колыхались, увлекаемые невидимыми течениями, на потолке плясали разноцветные пятна.

– А что, если это был человек в маске? – несмело предположил Минтучян.

Тошнота делала чиновника раздражительным.

– Ерунда. Ну чего, спрашивается, ради человек напялит на себя лисью маску? Да еще в лесу, в полночь.

– А может, вас-то он и ждал. – Чу нежно погладила свои усики. – Пожалуй, стоит серьезно задуматься о возможности, что все это – часть сложной игры Грегорьяна. Игры, направленной против нас.

– Грегорьяна?! – поразился врач.

– У меня ведь тоже внепланетное образование, – сказал Орфелин. – Хорошо учился в школе, заработал право на стипендию. Господи, да как же давно это было.

Он стоял спиной к чиновнику и начал говорить только тогда, когда дверь за ушедшими Чу и Минтучяном плотно закрылась.

– Модуль Лапута. Я провел там шесть лет. Шесть самых несчастных лет моей жизни. Люди, распределяющие гранты, даже и не задумываются, как себя чувствует мальчишка с отсталой планеты, оказавшийся в одном из летающих миров. И ведь мы – не какие-нибудь там глупые дикари, нашу технику сдерживают искусственно.

– А как все это относится к Грегорьяну? Орфелин поискал глазами табуретку, устало сел.

– Именно там я его и встретил.

– Так вы что, дружили с ним?

Чиновник старался не смотреть на лицо врача подолгу, иначе плоть растворялась, слой за слоем, обнажая жуткий оскал черепа.

– Да нет, что вы. – Невидящие глаза Орфелина были устремлены на пыльное распятие, окруженное россыпью пожелтевших фотоснимков. – Я возненавидел его с первого взгляда.

Мы встретились с ним во Дворце Загадок, в зале для поединков. Самоубийство, конечно же, считалось незаконным, но начальство смотрело на наши забавы сквозь пальцы – полезная тренировка для будущих лидеров и все такое прочее. Грегорьяна

всегда окружали восторженные поклонники, слушавшие разинув рот его разговорчики о теории господства и о возможных биологических эффектах хаотического оружия. Яркий был юноша, харизматичный и предельно самоуверенный. Но слухи о нем ходили нехорошие. Я вот вам сейчас рассказываю и буквально вижу тогдашнего Грегорьяна. Не очень высокий, бледная кожа, уйма самых модных по тому времени драгоценностей – ярко-красные гелиотропы, вставленные прямо в пальцы, на запястьях – серебряные браслеты с венами, пропущенными по хрустальным каналам.

– Да, – кивнул чиновник, – знакомый стиль. Дорогое было, помнится, удовольствие,

– Возможно, – равнодушно пожал плечами Орфелин. – Побрякушками этими я не интересовался, меня просто раздражала его популярность. Вы знаете, на чем я специализировался? На материальной феноменологии. Грегорьян мог трепаться о своем обучении с каждым встречным-поперечным, а я не имел на это права – секретные дисциплины запрещалось обсуждать где бы то ни было и с кем бы то ни было. Весь мой статус базировался на том, что дома, до приезда на Лапуту, я успел попрактиковаться у ведьмы. У знахарки. Ребята держали меня за дрессированную мартышку, да я им и сам подыгрывал. При каждом удобном и неудобном случае напяливал на себя черный балахон, увешанный амулетами, мышиными черепами и пучками перьев. Я играл в самоубийство. И не для того, чтобы хвастаться потом выигрышами, – просто хотелось ощутить холодное дуновение смерти. Ведь проигравший испытывает страшное потрясение, хотя почти никто в этом не признается, предпочитают хорохориться. Я многозначительно намекал, что выигрываю благодаря неким своим магическим силам, ребята слушали развесив уши и верили. А Грегорьян… Увидев мой балахон, он покатился со смеху. Вы играли в самоубийство?

Чиновник замялся.

– Н-ну… один раз. Молодой был.

– Тогда мне не нужно вам объяснять, что эта игра – чистое жульничество. Дурак, решивший строго придерживаться правил, обязательно проиграет. Я хорошо освоил весь джентльменский набор шулерских трюков – выход на дополнительные базы данных, переадресование сигнала противника через миллисекундную линию задержки, да мало ли что можно сделать – и заработал репутацию великого героя интеллектуальных битв. Купался в лучах славы. А Грегорьян сделал меня три раза подряд как маленького. У меня была любовница, такая себе стервочка из

Внутреннего круга с аристократической, как на картинке, физиономией. Триумф наисовременнейшей технологии, генетическая коррекция в трех, а то и четырех поколениях. Мало того, что Грегорьян размазал меня по стенке, – он размазал меня по стенке при ней, при своем папаше и при всех моих – очень немногочисленных – друзьях.

– Вы видели его отца? Как он выглядит?

– Не знаю. Это стерли из моей памяти тогда же, прямо на выходе из зала. Большой, вероятно, начальник, иначе чего бы ему так стесняться своего знакомства с игроками. Он там был – вот и все, что я помню.

Через год я вернулся в Приливные Земли на каникулы и привез с собой Грегорьяна. Мы поселились в гостинице моих родителей, вместе, в одной комнате, словно лучшие друзья. К тому времени наша взаимная антипатия переросла в ненависть. Мы договорились о поединке магов – по три вопроса друг другу, победитель получает все.

В назначенную ночь мы отправились на поиски корня мандрагоры. Погода была – хуже некуда. Холод, сырость, на небе – ни звездочки. Мы копались около кладбища для нищих – туда почти никто не ходит, а уж ночью и тем более. Вскоре Грегорьян выпрямился, руки его были в грязи. “Нашел”, – сказал он. Он разломил корень пополам и дал мне понюхать. Запах мандрагоры не спутаешь ни с чем. Только потом, когда я уже съел свою половину – а Грегорьян нехорошо ухмыльнулся, – мне пришло в голову, что он мог натереть руки соком настоящей мандрагоры и подсунуть мне обезьяний корень. Обезьяний корень и выглядит совсем как мандрагора и действует почти так же, но от него есть совсем простое противоядие. Раньше бы мне подумать. Мы сидели и ждали. Через какое-то время деревья вспыхнули зеленым ослепительным пламенем, а ветер заговорил. “Начнем”, – сказал я.

Грегорьян стремительно вскочил, раскинул руки и прогулялся по кладбищу, задевая по пути свешивающиеся с деревьев скелеты, наполняя воздух мертвенным стуком костей. Скелеты безродных нищих были, конечно же, в жутком состоянии – краска выгорела, многие кости отвалились. Ступая по лежащим на земле костям, я ощущал струение смертных сил, проникавших в ноги, преисполнявших меня безудержной смелостью. Я почувствовал себя всесильным и необоримым, как самое смерть. “Повернись и взгляни мне в глаза, – потребовал я. – Или ты боишься?”

Грегорьян повернулся – и я вздрогнул от ужаса, увидев огромную птичью голову – черный клюв, черные перья, черные, с

обсидиановым блеском глаза. Примерно посередине клюва зияли узкие щели ноздрей, у его основания щетинилась поросль крохотных перышек. Мой противник принял обличье Ворона. “Неужели это дух?” – мелькнуло в моей голове. Хотя, может быть, я сказал это вслух. Мощные маги умеют вызывать духов, но мне никогда еще не доводилось при таком присутствовать.

Решив, что это – не более чем иллюзия, вызванная мандрагорой, я смело двинулся вперед и схватил Грегорьяна за руки, чуть выше локтей. Смерть, струившаяся сквозь мои пальцы, забиралась к нему под кожу, судорогой сводила мышцы. В те времена я был очень сильным. Моя хватка должна была намертво перекрыть кроветок, руки Грегорьяна должны были повиснуть как плети. Смерть, ставшая моим оружием, должна была его убить. Но он стряхнул мои руки – стряхнул легко, словно безо всяких усилий – и рассмеялся.

– И ты, и все твои жалкие трюки бессильны перед Вороном.

– Да, ты кажешься мне Вороном, – воскликнул я, – но как ты это узнал?

Я чувствовал себя как студент, получивший на экзамене билет с абсолютно незнакомыми вопросами, – только мой ужас был в тысячу раз сильнее.

– Второй вопрос. – Грегорьян небрежно поточил свой клюв о череп ближайшего скелета; скелет закачался, мерно постукивая костями. – Я знаю о тебе все. У меня есть информант, сообщающий о каждом твоем шаге. Черный Зверь.

– Кто он такой, этот Черный Зверь? – закричал я в еще большем, чем прежде, отчаянии.

– Третий вопрос. – Ворон сунул клюв в глазницу черепа, выудил оттуда какую-то мерзость, проглотил. – Я ответил уже на два твои вопроса, теперь моя очередь. Первый: я утверждаю, что Миранда черная. Как это может быть?

Грегорьян заставил меня истратить попусту все три попытки, я злился, но скорее на себя, чем на него. Все было сделано честно. В поединке магов побеждает тот из противников, у кого больше выдержки, больше силы воли.

– На дюйм от поверхности и дальше, – сказал я, – в мировом шаре царит темнота, туда не доходит звездный свет. В черные эти глубины проникает лишь влияние Просперо, Ариэля и Калибана. Простейшая из мистерий макрокосма, отражающаяся и в микрокосме. – Все это были азбучные истины, понятные любому ребенку; отвечая, я приходил в себя, вновь обретал самообладание. – Мозг, укрытый черепной коробкой, также пребывает в темноте. И лишь магическое влияние посвященного способно проникнуть в эту бездну.

Ворон взъерошил перья, приоткрыл клюв, проглотил трупный хрящик. Черный язык, видели бы вы этот черный язык!

– Что такое, – спросил он,– черные созвездия?

– Это формы, образованные беззвездными промежутками, разделяющими яркие созвездия. Непосвященный их не видит, даже не верит, что они существуют. Тот, кому показаны черные созвездия, запомнит их навеки. Ровно так же существуют мистерии, доступные каждому, – хотя мало кто о них знает!

Слушая мой ответ, Ворон ковырял клювом в зубах мертвеца, не до конца еще обглоданного стервятниками.

– Я угостил бы тебя червячком, – сказал он, – но тут на двоих не хватит. Последний вопрос: кто такой Черный Зверь?

– Как это так? – возмутился я. – Я задавал тебе этот самый вопрос и не получил ответа. Твой Черный Зверь – чистая выдумка!

В тот же момент Ворон вскинул голову и громко, торжествующе каркнул. Его маленькие круглые глазки сверкали злобной, ослепительной чернотой. Он расставил большой и указательный пальцы левой руки и сказал: “У тебя вот такой длины, в стоячем состоянии. Твоя любовница была одно время связана с Комитетом свободной информации, только деньги ее мамаши и помогли замять эту скандальную историю. Ты думаешь, что она тебе изменяет, – потому что она никогда не попрекает тебя твоими собственными изменами. Ты долго мочился в постель – и стал учеником знахарки, которая сумела тебя вылечить. Черный Зверь знает всю твою подноготную. Черный Зверь очень к тебе близок. Ты доверяешь Черному Зверю – и зря. Ведь Черный Зверь – не твой друг, а мой”.

И он ушел. Я кричал ему вслед, что поединок не окончен, что мы не определили победителя. Но он не оборачивался и быстро исчез из виду. В гостиницу нашу он не пришел. Я сказал родителям, что его куда-то там вызвали.

Доктор Орфелин вздохнул, немного помолчал и продолжил:

– Грегорьян исчез из моей жизни. Возможно, его перевели в другой модуль. Но остался вопрос – вопрос, так и не получивший ответа. Кто такой Черный Зверь? Какой ложный друг выдает Грегорьяну все мои тайны? Однажды я проснулся, в собственной своей комнате, и увидел пришпиленный к стене рисунок. Изображение летящего ворона. Я растолкал свою любовницу и спросил, что это такое. “Рисунок,– зевнула она. – Нарисованная птица”. – “Да, но что он означает, этот самый рисунок?” – “Как это „что означает"? – удивилась она. – Это просто картинка, раньше ты не обращал на нее внимания, а сегодня вдруг начал кричать”.

Она тронула меня за плечо. Я грубо оттолкнул ее руку. “Вчера, – сказал я, – тут не было никакой картинки”. Из ее широких, недоумевающих глаз брызнули слезы. “Так это ты – Черный зверь? – закричал я. – Ты?”

Я не мог прочитать на ее лице ничего, ровно ничего. Сложная поверхность, геометрию которой я изучал столько часов, глазами и пальцами, губами и языком, превратилась в непроницаемую маску.

Какая ложь скрывается за этой маской? Я ставил ей всевозможные ловушки. Я задавал самые неожиданные вопросы. Я обвинял ее в диких, невозможных вещах.

Она меня покинула.

А Черный Зверь – не покинул. Меня исключили из Лапуты за участие в поединке. Возвратившись домой, я обнаружил посередине обеденного стола чучело ворона. Огромная, гнусно ухмыляющаяся тварь с широко раскинутыми крыльями. Поставить такую мерзость там, где люди едят, – для этого нужно совсем свихнуться. “Что это значит?” спросил я. Мать решила, что я шучу. “Кто его сюда поставил, чья это работа?” – не отставал я. Мать бормотала какие-то объяснения, но я уже не слушал. “Не понимаю, – орал я, – почему вы надо мной издеваетесь?” Я опрокинул стол.

Отец сказал, что я сошел с ума и что я должен извиниться перед матерью. Я назвал его маразматическим придурком. Мы подрались, я раскроил ему череп. Рана была такой тяжелой, что его увезли в Порт-Депозит, в хирургию. Родители отреклись от меня, лишили наследства, а вдобавок подали в суд, заставили сменить фамилию.

Так я лишился семьи. Но проклятый вопрос не покидал меня ни на секунду. Кто же он такой – этот самый Черный Зверь. Я разогнал друзей – лучше жить одному, чем иметь под боком предателя. А Черный Зверь меня поддразнивал. Просыпаясь, я обнаруживал, что моя грудь усыпана черными перьями. Я получал от Грегорьяна письма с описанием таких подробностей теперешней моей жизни, о которых никто не мог знать. Я видел странные сны – какие-то незнакомые люди пересказывали мне самые постыдные страницы моей биографии, самые сокровенные мои тайны.

Это сводило с ума.

И наступил день, когда моя изолированность от внешнего мира стала полной, когда я отбросил все свои честолюбивые замыслы, когда жизнь моя разлетелась вдребезги. Моя халупа стояла на самом краю соляных болот, в таком месте, где люди не бывают годами. Но от Черного Зверя не спрячешься. Я проводил

день за сбором съедобных кореньев, возвращался домой – и обнаруживал слово “ворон”, выцарапанное на стене, прямо над моим топчаном. Ночью я слышал издевательское карканье. Я стал думать о самоубийстве – хотелось покончить с этой жизнью раз и навсегда. Я приставил нож к сердцу и стал аккуратно прикидывать, под каким углом следует его вонзить, чтобы уж наверняка.

И тут, в этот самый момент, открылась дверь. Я запирал ее на замок, но она открылась. На пороге появился Грегорьян. Он увидел, что я дрожу от ужаса, широко ухмыльнулся и сказал: “Сдавайся”.

Я склонился перед победителем. Он доставил меня во Дворец Загадок, в зал со сводчатым потолком, построенный в форме пятиконечной звезды. Синий потолок зала был расписан золотыми созвездиями, к его середине сходились пять толстых деревянных балок. Там Грегорьян скопировал все познания о травах, полученные мной от знахарки, – остальное содержимое моего мозга его не интересовало, – а также стер большую часть моих эмоций, оставив только бледненькую способность сожалеть о прошлом. Раньше я был для него слабым соперником, а теперь – совсем никаким. И тогда я задал ему вопрос. Вопрос, разбивший мою жизнь. Кто такой Черный Зверь?

Грегорьян наклонился к моему уху и прошептал: “Это ты сам”.

Орфелин словно проснулся. Он быстро, энергиично встал, захлопнул саквояж.

– Мой диагноз: вы получили в пище или напитках три капли экстракта ангельского корня. Это – сильный галлюциноген, он снимает психологическую защиту субъекта, раскрывает его для внешнего духовного воздействия, но не вызывает никаких серьезных последствий. Кроме того, у вас небольшой авитаминоз. Ешьте побольше ямса, и все будет в порядке.

– Подождите! Сколько я понимаю, Грегорьян сумел подключиться к вашему двойнику еще там, во Дворце Загадок. – Такое случалось, хотя и редко. – И это что, та самая ставка, которую вы проиграли ему в самоубийство?

– Именно так вы и должны были подумать, – печально усмехнулся Орфелин. – Знакомая психология. Люди вроде вас ничего не видят, не хотят видеть.

Он открыл дверь, и тут же комнату огласили жуткие вопли – телевизионные страсти разбушевались не на шутку.

Матушка Ле Мари стояла у входа в гостиную, не отрывая глаз от распростертой на полу фигуры. Судя по всему, именно эта

женщина кричала секунду назад: ее либо только что убили, либо избили до потери сознания. Открылась еще одна дверь – теперь на экране.

– Вот уж кого я не ожидала увидеть в сериале, – поразилась матушка Ле Мари. – Говорить – это сколько угодно, но прямо на экран их не выводят.

– Это вы что, про русалку? Тоже мне невидаль.

– Какая там русалка, вот же он, внепланетчик. У Мириам выкидыш, а он немного опоздал. Ничего, вот же, смотрите, он поместил младенца в биостасис и теперь отвезет его в Верхний Мир. Вылечит, положит в инкубатор. Вечная жизнь… Спорю на что угодно, уж этот-то внепланетчик постарается, чтобы его собственный ребенок получил обработку лучами бессмертия.

– Ерунда, ну откуда там возьмется бессмертие. Такой технологии еще не существует.

– У нас – не существует.

Чиновник ощутил тихий, безнадежный ужас. Она в это верит. И все они в это верят. Они верят, что жадные внепланетчики достигли бессмертия – и не хотят поделиться своим секретом.

Орфелин вынул из кармана какую-то брошюру.

– Вот, почитайте, И поразмыслите хорошенько, что за всем этим может крыться.

Чиновник взял брошюру, посмотрел на заголовок. *Античеловек.* Он открыл первую попавшуюся страницу. *Все привязанности, сковывающие волю, сводятся к двум основным – к отвращению и желанию, к ненависти и любви. Однако самое ненависть сводится к любви, откуда следует, что волю сковывает эрос, и он один.* Странненько. И кто же такое пишет? На титульном листе значилось: А. Грегорьян.

Чиновник яростно скомкал книжонку, зажал ее в кулаке.

– Вас подослал Грегорьян! Зачем? Что ему от меня нужно?

– Хотите верьте, хотите нет, – пожал плечами Орфелин, – но с того самого дня я Грегорьяна больше не видел. И все же, раз за разом, я выполняю его работу. Волшебник не рассылает послания и приказы – он дирижирует реальностью. Мне не нравится участвовать в его играх, и я не могу сказать, чего он от вас хочет, – я и сам этого не знаю. Но я знаю другое. Я знаю, что у вас тоже есть Черный Зверь. Помните двух людей, которые здесь были, – тех, державших меня за руки? Наркотик, этот самый экстракт, вы получили от одного из них.

– И с какой же это радости я должен вам верить?

– Самоубийство – дурацкая игра, верно? – Орфелин снова повернулся к двери. – Мне казалось, что я освоил ее прилично, но

Грегорьян играл сильнее.

Он исчез в коридоре.

Матушка Ле Мари проводила врача взглядом. За спиной хозяйки гостиницы белели очертания коронера. Робот больше не жужжал – ну да, конечно, ведь Чу говорила, что аутопсия закончена.

– Скажите, – осторожно начала матушка Ле Мари. – Вы довольны советами моего… советами доктора?

Чиновник обратил внимание на эту заминку и сразу, вспомнил, что родители Орфелина держали гостиницу, вспомнил, что его изгнали из родительского дома, заставили изменить фамилию. Он должен был сказать, что да, ваш сын оказал мне огромную помощь. Должен был – и не мог.

Старуха помялась .на пороге и ушла.

– Результаты аутопсии. – Женщина в полицейской форме, одна из приезжих, протянула чиновнику бланк. – Женщина среднего возраста, совершенно здоровая, татуированная. Утонула сутки назад, плюс-минус пара часов. Вам достаточно?

Чиновник кивнул гудящей, как колокол, головой.

– Вот и прекрасно.

Блюстительница порядка надела на указательный палец регистрационное кольцо. Чиновник пожал ей руку, вернул бланк. Один из охранников взялся за ручки гробообразного аппарата, покатил его вдоль коридора, исчез. И только теперь чиновник понял, что не увидит больше Ундину. Не увидит никогда:

Закрыв глаза, он чувствовал вкус ее губ, первое их прикосновение, похожее на удар электрическим током. Этот момент пребудет с ним вечно. Грегорьян вонзил свои крючки в живое и теперь стоит где-то там, вдали, и водит добычу на невидимой глазу леске. Потянет в одну сторону, затем в другую. Орфелин упомянул про Звездную палату. Тоже, вероятно, по поручению Грегорьяна.

Чиновник знал Звездную палату. Знал, что ключи от нее есть всего у троих людей. Знал потому, что был одним из этих троих. Он недоуменно взглянул на зажатую в кулаке брошюру, разорвал ее и швырнул клочки на пол.

С улицы донеслись звуки какой-то суеты, испуганные и удивленные крики. В коридоре показался Ле Мари.

– А это еще что? – недовольно пробурчал он. – Он что, ночевать здесь собрался?

Из нескольких дверей высунулись головы постояльцев. Чиновник подошел к Ле Мари, взглянул через его плечо. Гостиная опустела, но не совсем – на узком, приставленном к дальней

стене диванчике мирно похрапывал Минтучян.

Чиновник завернулся в одеяло, осторожно спустился по лестнице, прошел на кухню. В тот же самый момент матушка Ле Мари открыла-входную дверь, поражение вскрикнула и прижала руку ко рту. С улицы хлынули свежий воздух и яркий солнечный свет. Чиновник подобрал концы одеяла и подошел к двери.

По улице горделиво вышагивало металлическое насекомое. Три длинные суставчатые лапы передвигались плавно и неспешно, с некоторым даже изяществом.

Это был чемодан.

Только сейчас он был похож не на чемодан, а на паука-переростка, которому злые дети пообрывали почти все конечности. Вдали от космических поселений, до предела насыщенных самой разнообразной техникой, этот невинный механизм выглядел совершенно чудовищно, казался враждебным пришельцем из какого-то чуждого, дьявольского мира.

Завидев его, прохожие бросались врассыпную. Не встречая никаких помех, чемодан подошел к гостинице, поднялся по ступенькам, вобрал в себя лапы и лег к ногам чиновника.

– Ну, доложу я тебе, – сказал он, – прогулочка получилась будьте-нате. Поразвлекался я по самое это место.

Чиновник нагнулся, чтобы поднять чемодан, но тут же заметил справа какую-то суету и снова выпрямился. К гостинице подбежали три мужика, нагруженные камерами, микрофонами, магнитофонами и прочей репортерской параферналией.

– Сэр! – еще издали крикнул один из торопыг. – Можно вас на секунду?

8. РАЗГОВОРЧИКИ ВО ДВОРЦЕ ЗАГАДОК

Формообразователь поместил чиновника на нижнюю ступеньку Испанской лестницы, через мгновение рядом возник и чемодан. Сегодня чемодан имел внешность невысокого, средних лет мужчины с кустистыми черными бровями, ярко выделявшимися на постном, заметно встревоженном лице. Его узкие, сутулые плечи обтягивала серая бархатная куртка, мятая, словно корова жевала.

– Ну и как, – кисло спросил чиновник. – Полная боевая готовность?

Чемодан вскинул на него живые, внимательные глаза, косо усмехнулся.

– А с чего начнем? С твоего, начальничек, кабинета?

– Не-а. Мы начнем с гардеробной. Учитывая масштабность стоящих перед нами задач.

Чемоданчик коротко кивнул и пошел наверх. Мраморная лестница раздваивалась, раздваивалась и снова раздваивалась. И слева, и справа грациозно змеились бесчисленные ответвления, разбегавшиеся по отделам предварительных решений. На верхних уровнях иерархии лестницы вставали на ребро и скручивались, они бесконечно множились, свивались невозможными узлами, отдаленно напоминавшими ленты Мебиуса и структуры с гравюр Эсхера, и наконец исчезали в высших измерениях. Но местное тяготение всегда было направлено к лестнице, даже перевернутая, она оставалась внизу, под ногами. Где-то на пределе зрения появлялись новые, свежесозданные лестницы.

Чиновник вспомнил бородатую шуточку, что во Дворце Загадок миллион дверей, ни одна из которых не ведет туда, где тебе хотелось бы оказаться.

– Сюда, – сказал чемодан.

Они прошли под путаницей винтовых лестниц, между двух огромных каменных львов (кто же это обляпал морды зеленой краской? и зачем?), открыли дверь и оказались в гардеробной.

В просторном зале попахивало плесенью, на дубовых стенах висели маски демонов, героев, инопланетных существ и каких-то загадочных тварей, которые могли быть чем угодно. Как и все помещения Дворца Загадок, гардеробная была залита настырным, неизвестно откуда берущимся светом; многие десятки, если не сотни людей деловито, без излишней суеты примеряли разнообразные костюмы, раскрашивали себе лица – обстановка, чуть не с запятыми списанная с костюмерной какого-нибудь древнего, еще до полетов к звездам, театра.

К чиновнику подошел конструкт, поразительно похожий на огромного кузнечика – сверкающий, заботливо отполированный хитин, длинные сухие конечности. Кузнечик вежливо сложил перед собой ладони, глубоко поклонился.

– Чем могу быть полезен, господин? Таланты, внутренняя цензура, социальное вооружение? Может быть, дополнительная память?

– Мне нужны четыре агента, – сказал чиновник.

Чемодан уселся по-турецки на один из сундуков с костюмами, вытащил из внутреннего кармана блокнот, нацарапал на верхнем листке платежные коды, оторвал листок и протянул конструкту.

– Прекрасно. – Кузнечик извлек из шкафа четыре тела и начал обмерять чиновника. – Автономию ограничить?

– Какой смысл?

– Весьма разумно, сэр, весьма разумно. Вы даже не поверите, насколько часто встречаются люди, желающие ограничить количество информации, передаваемой ими агентам. Поразительное недомыслие. Само пребывание здесь – уже оно обозначает, что ты посвятил агента в свои секреты. Но люди крайне суеверны. Они упорно цепляются за свое так называемое “я”, относятся к Дворцу Загадок как к некоему месту, совершенно упуская из вида, что он – взаимосогласованная система условностей, в рамках которой люди встречаются и взаимодействуют.

– Послушайте, вы что – нарочно действуете мне на нервы?

Чиновник прекрасно понимал все эти условности, он был их агентом и защитником. Он сожалел, что секреты Грегорьяна, находящиеся где-то здесь, совсем рядом, недоступны, что никак невозможно извлечь их из хитросплетений Дворца Загадок, – но понимал, что иначе быть не может.

Кузнечик склонился над одним из манекенов.

– Извините, сэр, но мной движет обычное сочувствие. Вы находитесь в состоянии эмоционального напряжения. Вы недовольны ограничениями, наложенными на вашу деятельность, это недовольство перерастает в раздражение.

Ловкие металлические пальцы снабдили манекена увесистым брюхом, подогнали рост.

– Действительно, что ли? – искренне удивился чиновник.

Покончив с манекенами вчерне, кузнечик начал формировать лица.

– Кому же и знать, как не мне? Если вы желаете обсудить…

– Да заткнись ты, ради Бога.

– Слушаюсь, сэр. Законы о невторжении в частную жизнь

превыше всех прочих законов. Даже законов здравого смысла, – осуждающе изрек кузнечик. На губах чемодана мелькнула ехидная улыбка.

– Только не подумайте, что я – информ-свободник.

– Будь вы кем угодно, – пожал плечами кузнечик, – все равно я не мог бы вас выдать. Если бегать с доносами, люди перестанут доверять Дворцу Загадок. И кто же тогда будет здесь работать? – Он отступил от последнего манекена на шаг и полюбовался плодами своих трудов. – Готово.

Пять абсолютно идентичных – морщинка в морщинку, волосок в волосок – чиновников посмотрели друг на друга и тут же смущенно потупили

глаза. Сколько раз ни наблюдал чиновник эту инстинктивную реакцию, столько же раз она его смутно беспокоила.

– Я займусь Кордой, – сказал чиновник.

– Я беру бутылочную лавку.

– Филипп.

– Картографический зал.

– Внешний круг.

Кузнечик достал зеркало. Один за другим чиновники покинули гардеробную.

Чиновник ушел последним. Сделав шаг навстречу своему отражению, он оказался в зеркальном коридоре; бесконечные ряды огромных, в золоченых рамах, зеркал перебрасывались стерильной белизной стен, словно мячиком, убегали, все уменьшаясь, в точку схода, где орнамент ковра и грубый текстурный потолок сливались воедино. Каждое мгновение коридором пользовались тысячи людей, однако Совет по транспортной архитектуре не видел необходимости делать их видимыми. Чиновнику это не нравилось. Человек – не пустое место, не нуль, пусть хоть что-нибудь выдает его присутствие. Ну, скажем, пусть воздух слегка искрится.

Гравитация здесь была почти нулевая. Чиновник бежал от зеркала к зеркалу, бегло просматривая мелькающие в них изображения. Черная чугунная клетка, наполненная треском и сверканием электрических разрядов. Лесная поляна, странные, вконец озверевшие машины столпились вокруг убитого оленя, вырывают у него кишки. Пустошь, усеянная обломками статуй, каэвдый обломок аккуратно завернут в белую ткань. Сюда-то нам и надо. Молодец, кстати, диспетчер – иногда ищешь и ищешь, а твоего портала все нет и нет. Пройдя сквозь зеркало, чиновник оказался в прихожей Комиссии по передаче технологий. Теперь направо – и вот он, родимый кабинет.

Да-а, похозяйничал здесь Филипп. Это было заметно сразу, тем более что чиновник поддерживал в своем кабинете спартанскую обстановку: голые, почти без зацепок для глаза, известковые стены, на громоздком, как носорог, рабочем столе – макеты допотопных технических устройств. Все они здесь – и каменный нож, и аэроплан братьев Райт, и термоядерный реактор, и звездолет “Ковчег” – и все не на своих местах. Чиновник начал восстанавливать привычный порядок.

– Ну и как тут? – поинтересовался чемодан.

– Филипп проделал великолепную работу, – гордо сообщил стол. – Все реорганизовал, буквально все. Моя эффективность заметно возросла.

– Ничего, – недовольно фыркнул чиновник. –Мы тебя быстренько от этого отучим. А это еще что? – добавил он, заметив, что чемодан крутит в руках какой-то конверт.

– На столе лежало. Корда назначил совещание – сразу, как ты вернешься.

– И по какому такому случаю?

– Этого здесь не написано, – пожал плечами чемодан. – Судя по списку приглашенных – очередная разборка втихую.

– Потрясающе.

– В Звездной палате.

– Ты что, с ума сошел?

Судя по всему, Корду снова скопировали; теперь он выглядел чуть постарше, чуть-чуть усилились нездоровый румянец и одутловатость. Вот так и стареют коллеги, с которыми встречаешься только по работе, – маленькими дискретными скачками, так что потом, в ретроспективе, их движение к смерти кажется дерганым, мерцающим, словно в допотопном кинофильме. Чиновник несколько опешил, сообразив, что даже и не помнит, когда же он последний раз удостоился счастья лицезреть настоящего Корду. Вернейший признак того, насколько утратил ты благосклонность начальства.

– Ну, зачем уж так сразу, – улыбнулся чиновник.

Богатый блеск круглого стола свидетельствовал о многих веках полировки и переполировки. Штукатурка между пятью радиально расходящимися деревянными балками сводчатого потолка была выкрашена в глубокий, насыщенный синий цвет и усеяна золотыми звездами. Вся обстановка Звездной палаты – вплоть до запахов старой кожи и давно позабытого табака – была рассчитана на то, чтобы вселить в заседающих торжественное настроение, соответствующее серьезности обсуждаемых проблем. Кроме Корды и Филиппа здесь находились Оримото из

бухгалтерии, Мушг из аналитического отдела и некая иссохшая старушонка, представлявшая Отдел экспансии цивилизации. Все это были пустышки, приглашенные сюда исключительно ради их личных кодов – если, паче чаяния, сотрудники Оперативного отдела решат, что дело совсем швах и надо проводить глубокое зондирование.

– Ты, главное, пойми, что все мы на твоей стороне, – вмешался Филипп. Деланная улыбка должна была свидетельствовать о дружеском участии. Наверное. Затем он смолк, чтобы поменять деланную улыбку на столь же деланную маску скорби и сожаления. – Но мы не совсем понимаем, как это вышло, что ты дал такое… э-э… такое неудачное интервью.

– Нечего тут и понимать, – сказал чиновник. – Сделал он меня, вот и все. Вывел из равновесия, а потом натравил репортеров.

Корда хмуро разглядывал сцепленные на столе руки.

– Вывел, значит, из равновесия? Да ты там просто взбесился.

– Извините, пожалуйста, – перебила его Мушг. – А не могли бы мы ознакомиться с обсуждаемым роликом?

Ну кто бы мог ожидать такую независимость, внутренне усмехнулся чиновник. Брови Филиппа недоуменно поползли вверх – словно его собственный локоть взял вдруг и осмелился критиковать застольные манеры хозяина. Затем он смирился, пожал плечами и коротко кивнул. Все молча ждали, пока чемодан Филиппа принесет телевизор, установит его на столе и включит. На экране появился чиновник, встрепанный и раскрасневшийся; перед самым его носом раскачивался микрофон.

– Я выслежу его, я его найду. Где бы он ни был. Пусть забьется в самую глубокую дыру – от меня ему не уйти!

– Правда ли, что он похитил некую запрещенную технологию? — спросил голос за кадром. Чиновник пожал плечами и отмахнулся.

– Как вы думаете, - настаивал все тот же голос, *– он очень опасен?*

– Вот, сейчас, – сказал Корда.

– Грегорьян – самый опасный человек на этой планете.

– Я пребывал тогда в некотором стрессе…

– Почему они называют его самым опасным человеком на этой планете? – На экране возникло мощное, словно из гранита высеченное, лицо Грего-рьяна. В холодных, как арктический лед, глазах светилась суровая, неумолимая мудрость. *– Что знает этот человек? Какие знания пытаются они скрыть от вас? Вы можете сами…* — Корда выключил телевизор.

– Лучшей ему рекламы и нарочно не придумаешь, даже за

деньги.

Неловкое молчание было прервано звонком телефона. Чемодан вынул аппарат из кармана, протянул его чиновнику:

– Это вас.

Благодаря судьбу за минутную передышку, чиновник взял телефон и услышал свой собственный голос:

– Я вернулся из бутылочной лавки. Докладываю?

– Давай.

Чиновник впитал агента.

В огромном, почти безлюдном коридоре, известном под названием улица Антикваров, он подошел к скоплению маленьких лавчонок с темными, заросшими пылью витринами и толкнулся в ничем не примечательную дверь. Звякнул колокольчик. Полки, занимавшие все стены сумрачного помещения, были тесно уставлены пыльными, толстого стекла бутылками, среди которых попадались и средневековые, а самые старые экземпляры относились, пожалуй, к неолиту. В углах потолка парили золоченые, снисходительно улыбающиеся амурчики.

За прилавком стоял простейший конструкт, украшенный всего лишь козлиной головой и парой перчаток. Козлиная голова подобострастно склонилась, перчатки сложились перед металлической грудью. Ишь ты, какой вежливый.

– Добро пожаловать в бутылочную лавку, господин. Чем могу служить?

– Я ищу нечто, м-м-м… – Чиновник раздраженно взмахнул рукой, пытаясь подобрать подходящее слово. – Нечто несколько необычное, даже сомнительное.

– Тогда вы пришли по адресу. Здесь собраны все проклятые, отвергнутые порождения науки, устарелая, сомнительная, даже неблагопристойная информация, которой нет больше нигде. Плоские и полые миры, дожди из лягушек, явления ангелов. В одной бутылке – алхимическая система Парацельса, в соседней – алхимическая система сэра Исаака Ньютона. Здесь закупорена пифагорейская нумерология, здесь – френология, плечом к плечу с демонологией, астрологией и способами отпугивания акул. Сейчас все это сильно смахивает на свалку, но во время оно хранящаяся у нас информация имела весьма важное значение. Кое-что из нее считалось высшим и окончательным достижением науки.

– А магией вы торгуете?

– Магией всех существующих разновидностей, сэр. Некромантия, геомантия, ритуальные жертвоприношения,

предсказание будущего по внутренностям животного и по приметам, по чернильным кляксам, по снам и с помощью хрустального шара. Анимизм, фетишизм, социальный дарвинизм, психоистория, теория непрерывного творения, ламар-кианская генетика, псионика и так далее и тому подобное. Да и то сказать, что есть магия, если не наука невозможного?

– Не так давно я видел человека с тремя глазами… – Чиновник описал третий глаз доктора Орфелина.

Козлиная голова задумчиво склонилась набок.

– Пожалуй, у нас есть то, что вы ищете.

Он перебрал пальцами несколько бутылок, помедлил над одной из них, достал с полки другую и встряхнул. Судя по стуку, внутри бутылки перекатывалось нечто вроде тяжелого шарика. Продавец торжественно вытащил пробку и положил на прилавок стеклянный глаз.

– Вот.

Чиновник внимательно изучил не совсем обычный предмет. Самый доподлинный человеческий глаз, голубой, с округленной Т-образной впадиной

на тыльной стороне.

– И как он действует?

– Элементарнейшая йога. Работая в Приливных Землях, вы, скорее всего, наслышаны, что мистики этих мест великолепно управляют физиологическими функциями своего организма.

– Да, – кивнул чиновник.

– Хорошо. Адепт проглатывает такой вот глаз и хранит его в желудке. В нужный момент он отрыгивает глаз и прижимает гладкую сторону к внутренней поверхности губ; теперь остается только приоткрыть рот, и восхищенные зрители разразятся бурей оваций. Поместив кончик языка в эту вот насечку, можно поворачивать глаз направо-налево и вверх-вниз.

Глаз вернулся в бутылку, закупоренная бутылка – на полку.

– Простейший фокус.

– Так почему же я на него попался? Козлиная голова вопросительно склонилась налево.

– Это настоящий вопрос или риторический?

Слова продавца застали чиновника врасплох, он не столько спрашивал, сколько говорил сам с собой. Ну, ладно, если уж так вышло…

– Отвечайте.

– Хорошо, сэр. Фокусник подобен учителю, конструктору или актеру, все они манипулируют информацией и таким образом воздействуют на реальный мир. Однако с актером его роднит еще одна общая черта – искусство иллюзии. Оба они стремятся

убедить свою аудиторию в том, что фальшивое – не фальшиво. Значение, смысл заметно усиливает иллюзию. В драме значение поставляется сюжетом, а вот фокусничество – в нормальной обстановке – его лишено. Фокус исполняется совершенно в открытую, при помощи ловких отвлекающих маневров. Однако если появляется соответствующий контекст и значение – впечатление, производимое фокусом, неимоверно возрастает. Сколько я понимаю, для вас появление третьего глаза имело какое-то вполне определенное значение, так ведь?

– Этот человек сказал, что исследует меня на предмет чуждых духовных влияний.

– Вот именно, и это определило остроту вашей реакции. Наблюдай вы подобный трюк из зрительного зала, он удивил бы вас, но никак уж не привел бы в трепет. Зная, что это именно фокус, вы пытались бы его разгадать. Значение же отвлекает разум совсем в другую сторону, превращает любопытную головоломку в глубокую тайну, мистерию. Невозможность увиденного настолько вас потрясла, что вы спрашивали себя: “Неужели я видел это своими собственными глазами?” Хотя нужно было спросить: “Интересно, как же он это делает?”

– М-м-да.

– Это все, сэр?

– Нет. Я хочу знать в точности, что может и чего не может тамошний волшебник – каковы пределы его искусства, способностей, называйте как хотите. В кратком, сухом изложении.

– У нас нет ничего подобного.

– Не рассказывайте сказок. Еще живы люди, помнящие, как в Уайтмарше разразился открытый мятеж. Нет никаких сомнений, что мы засылали туда агентов. Должны были остаться их донесения, рекомендации, резюме.

–. Да, конечно. В закрытом фонде.

– Кой черт, мне крайне необходима эта информация.

– Ничем не могу помочь. – Конструкт сокрушенно помотал козлиной головой, широко раскинул свои перчатки. – Обратитесь в ведомство, наложившее запрет.

– Это куда же?

Перчатки скользнули вниз, зажгли белую свечу. Затем они выдвинули ящик, выудили из ящика чистый лист бумаги, подержали бумагу над пламенем. Вскоре на белом листе проявились угольно-черные буквы: “Запрет поступил из Комиссии по передаче технологий”.

Поток информации прекратился. Возвращая чемодану телефон, чиновник услышал легкий щелчок – первый из агентов

возвратился в небытие.

– Больше всего нас беспокоит, – сказал Филипп, – публичный характер твоего заявления. Каменный дом на нас в ярости, они там прямо на ушах стоят. Мы обязаны представить им какое-нибудь, хоть мал-мала связное объяснение твоих действий.

Чемодан Мушг наклонился к уху хозяйки и что-то прошептал.

– Расскажите нам про эту туземку, с которой вы вступили в связь, – попросила излишне въедливая аналитичка.

– Н-ну.. – Чиновник видел, что,Корда и Филипп впали в не меньшее замешательство, чем он сам. Вмешательство Мушг сближало их троих, противопоставляло остальной компании. – Иногда оперативная работа оказывается настолько сложной, что приходится выходить за рамки инструкций, иначе не добьешься никакого результата. Да и то сказать, если бы все шло по правилам – не было бы и самой оперативной работы.

– Какой характер имела ваша связь?

– Связь действительно была, – неохотно согласился чиновник. – И в ней присутствовала эмоциональная составляющая.

– А потом Грегорьян ее убил?

– Да.

– Чтобы спровоцировать вас на неосторожные заявления, пригодные для использования в его рекламе?

– Вероятно, да.

Мушг скептически вскинула брови, но от дальнейших вопросов воздержалась.

– Теперь ты понимаешь, – развел руками Филипп, – в чем тут основная загвоздка. Избранный Грегорьяном сценарий выглядит предельно странно, чтобы не сказать – невероятно.

– Чем глубже влезаем мы в это дело, – пробурчал Корда, – тем меньше в нем понимаем. Тут уж и не хочешь, а начинаешь думать о глубоком зондировании.

Инквизиторы настороженно подобрались. Чиновник оглядел их всех по очереди и задумчиво, почти мечтательно улыбнулся.

– Да, – кивнул он, – проведем зондирование всего отдела, вот и решим вопрос, решим раз и навсегда.

Все неловко зашевелились, наверняка вспоминая мелкие, грязненькие тайны, неизбежно налипающие на любого обитателя Дворца Загадок, который пытается сделать хоть что-нибудь полезное, тайны, совершенно не предназначенные для всеобщего обозрения. Лицо Оримото стало похоже на туго стиснутый кулак. Корда длинно откашлялся.

– Собственно говоря, – небрежно заметил он, – наше слушание носит сугубо неофициальный характер.

– Зачем же такая поспешность, – еще шире улыбнулся чиновник. – К вашему предложению стоит подойти серьезно. – Его чемодан раздал всем присутствующим список засекреченных материалов, полученный агентом в бутылочной лавке. – Нет никаких сомнений, что по крайней мере один сотрудник нашей комиссии связан с Грегорьяном, на это указывают буквально все факты. – Он начал загибать пальцы. – Первое. Значительный массив информации, существенно важной для этого расследования, засекречен – по распоряжению Технологической комиссии. Второе. Один из агентов Грегорьяна сумел выдать себя за моего местного сопровождающего; для этого он должен был получить информацию либо в Каменном доме, либо от нас. Третье…

– Извините, начальник.

Чувствуя легкое раздражение, чиновник выхватил из руки чемодана телефон и снова услышал свой голос:

– Вали.

Он впитал агента.

Филипп находился в собственном своем кабинете – наедине с собственной своей персоной. Оба Филиппа дружно вскинули глаза на вошедшего чиновника.

– Какая нежданная радость.

Филипп свил себе гнездышко по образу и подобию модульных помещений Луны двадцать третьего века, роскошь обстановки балансировала на грани безвкусицы – не всегда на этой грани удерживаясь. Его письменный стол представлял собой массивный обломок вулканической скалы, парящий в полуметре от пола, по гладко отполированной поверхности были картинно разбросаны жезлы с хрустальными набалдашниками, пучки петушиных перьев и целая коллекция мелких, неизвестного назначения амулетов. Слева от стола – высокая стеклянная дверь, за дверью – широкий, с чугунными перилами балкон, под балконом – кирпич и кованое железо какого-то древнего города, окутанные голубоватой дымкой – выхлопными газами бесчисленных автомобилей.

– Я тут сам разберусь, – сказал один из Филиппов, его двойник кивнул и вернулся к прерванной работе.

Непринужденности Филиппа можно было только позавидовать. Общаясь сам с собой, он не испытывал ни малейшего смущения – вне зависимости от того, сколько аватаров породила основная его личность.

Они обменялись рукопожатиями (в данный момент Филиппов было трое, третий находился в каком-то другом месте).

– Един во пяти лицах! – восхищенно воскликнул Филипп. – Я уж было собрался спросить, чего это ты не на допросе, а теперь вижу, что там-то ты и сидишь.

– Какой еще допрос?

Филипп Второй на секунду оторвался от бумаг и одарил чиновника сочувствующей улыбкой.

– Скоро узнаешь, – загадочно пообещал Филипп Первый. – Так чем могу быть полезен?

– В Техкомиссии завелся предатель.

Филипп пораженно воззрился на чиновника, ни один из двух аватаров не шевелился, ни один из четырех глаз ни разу не сморгнул.

– У тебя есть доказательства? – спросил он после долгого молчания.

– Не настолько веские, чтобы добиться повального зондирования.

– Так чего же тебе от меня надо?

– Попить не хочешь? – вмешался Филипп Второй, наливая себе стакан сока. – Вкус, конечно же, не совсем того, при питании по проводам иначе и не бывает. Какая-то там история с концентрацией сахара в крови.

– Да знаю,– отмахнулся чиновник, – Помнится, ты занимался контролем над биологией. Вот я и подумал, а не знаешь ли ты что-нибудь о клони-ровании. Особенно – о клонировании людей.

– Клонирование… Нет, тут я пас. Знаю, конечно, что применение этих методов к человеку запрещено вчистую. В этот гадюшник никому залезать не хочется.

– Если конкретно, мне хотелось бы знать, какую выгоду можно получить от клонирования самого себя?

– Выгоду? Понимаешь ли, чаще всего тут замешано эго, а не какие-нибудь там меркантильные соображения. Желание попрать смерть, получить уверенность, что твое наидрагоценнейшее, святое, ничем и никем не заменимое “Я” пребудет вовеки или – если желаете – до самой точки Омега. Все коренится в топкой трясине души. Встречаются и сдвиги на сексуальной почве. Ничего, собственно говоря, интересного,

– Нет, мой случай совершенно иного сорта. Человек, угробивший на этот проект чуть не всю свою жизнь. Судя по некоторым деталям поведения, он поставил перед собой абсолютно четкую и ясную Цель. И попал в веселенькое положение. Кем бы этот герой ни был, любая странность в поведении мгновенно его выдаст.

– Н-ну… – неохотно начал Филипп. – Имей только в виду: все, что я скажу, крайне туманно. И не думай на меня ссылаться.

Давай предположим, что наш злоумышленник занимает достаточно высокий пост в том или ином правительственном учреждении. Конкретизировать не будем. Ну, скажем, сам ловит преступников. Можно представить себе уйму ситуаций, когда ему будет очень с руки иметь не один личный код, а два. В тех, например, случаях, когда для осуществления тайной операции требуется утверждение ее двумя старшими офицерами. Или при голосовании, когда нужно склонить в свою сторону комитетское решение. Система сразу же определит, что коды эти идентичны, – но не сможет ничего возразить, ей помешает закон о невмешательстве в личную жизнь. Очевиднейшая лазейка для мошенников, и ничего с ней не поделаешь – закон есть закон.

– Я, собственно, и сам так думал. Сначала. Только слишком уж все это сложно. Должны существовать тысячи более легких способов обдурить машину.

– Должны, говоришь, существовать? Отщипнуть, скажем, кусочек своей кожи, вырастить в растворе, сделать перчатку и отдать ее соучастнику. Или записать собственную свою передачу и повторить ее чуть позднее. И ничего у тебя не выйдет – система защищена ой как прилично.

Раздался мелодичный звон – Филипп поднес к уху большую морскую раковину.

– Тебя, – сказал он, передавая раковину чиновнику.

– Я вернулся из картографического зала, – сказал из трубки более чем знакомый голос. – Ты готов принять донесение?

– Давай.

Он впитал третьего агента.

Картографический зал воспроизводил обстановку венецианского палаццо пятнадцатого века, только вместо средиземноморских пейзажей на стенах висели звездные карты, особенно ярко сияли Семь Сестер. Над головой вращались планеты – величавые шары, окутанные ватой облаков. Сцепив руки за спиной, чиновник остановился перед моделью системы. В центре – Просперо, затем пламенный Меркуцио и мелкие планеты, известные как Фрианки**, срединные планеты, газовые гиганты Гар-гантюа, Пантагрюэль и Фальстаф и, наконец, острова Крайней Фулы – далекие, холодные, почти необитаемые каменные громады, только и пригодные что для хранения особо опасных вещей.

Стены зала слегка расступились, чтобы дать место нескольким новым посетителям.

– Разрешите помочь вам, сэр, – предложил куратор.

Не удостоив робота даже взглядом, чиновник подошел к

справочному столу и постучал в маленький, обтянутый самой настоящей кожей барабан.

Из боковой двери появилась хранительница – невысокая коренастая женщина в очках. Подходя к столу, она сдвинула очки на лоб, теперь их невероятно толстые линзы напоминали улиткины рожки.

– Привет, Симона, – сказал чиновник.

– Господи, вот уж кого не ожидала. Сколько ж это времени прошло?

– Много, даже слишком много.

Чиновник сделал движение, чтобы обнять Симону, но та вздрогнула и чуть отстранилась. Тогда он протянул руку.

– Так чем могу быть полезна? – Пальцы у хранительницы были сухие и твердые.

– Арарат, слыхала о таком месте? Это на Миранде, в Приливных Землях, недалеко от побережья. Судя по всему – затерянный город.

– Слыхала ли я об Арарате? – Насмешливая ухмылка Симоны словно пришла из далекого прошлого, сердце чиновника болезненно сжалось. – О величайшей загадке мирандианской топографии? Ты еще спрашиваешь.

– Так что ты о нем знаешь?

– Первый город, построенный людьми на Миранде. В течение первого Великого года был столицей, население достигло нескольких сотен тысяч – к тому времени, когда климатологи сообразили, что еще при их жизни город скроется под водой.

– Хорошенький подарочек населению.

– Я не очень сильна в истории, – равнодушно пожала плечами Симона. – Знаю только, что они все перестроили, поставили каменные здания с углеродно-волоконными якорями, утопленными в скальную породу на восьмую часть мили. Идея была в том, что Арарат выдержит Великую зиму, а затем Великой весной внуки счистят водоросли и кораллы и заселят город своих дедов.

– Ну и что из этого вышло?

– Арарат потерялся.

– Это как же можно потерять целый город?

– Очень просто – если засекретить его местоположение.

Симона открыла картографический планшет. Перед глазами чиновника раскинулся миниатюрный ландшафт – реки, петляющие по равнинам, голубовато-зеленые, подернутые дымкой леса. Игрушечные города, соединенные тонкими белыми царапинками дорог, и такие же игрушечные, ватные облака.

– Вот так выглядели Приливные Земли один Великий год

тому назад. Самая точная паша карта.

– Тут же половина земли закрыта облаками.

– Это участки, по которым нет надежной, однозначной информации.

– А где Арарат?

– Под облаками. Закрытый фонд содержит сотни карт, показывающих местоположение Арарата, штука только в том, что никакие две карты не согласуются друг с другом.

Облака украсились россыпью красных огоньков, некоторые из них сияли на отшибе, в гордом одиночестве, другие сбивались в кучки, такие плотные, что облака окрашивались в розовый цвет.

– Видишь?

– Ясненько. А кто его засекретил, этот самый Арарат?

– Это тоже засекречено.

– Ладно, давай с другой стороны. Почему его засекретили? ,

– Да по любой из сотни причин. Ну, скажем, Оборона Системы имеет в Арарате какие-нибудь хитрые установки или даже попросту использует его как реперную точку. На планете есть уйма группировок, жизненно заинтересованных в том, чтобы Пидмонт и впредь сохранял свое первостепенное значение. Я видела доклад службы психологического контроля, где утверждается, что затерянный Арарат играет роль стабилизирующего архетипа и, наоборот, его обнаружение может привести к дестабилизации. Тут может быть замешано что угодно – да хоть и ваша Технологическая комиссия. В свое время Арарат считался на Миранде самым передовым техническим центром – взять, например, эти самые углеродно-волоконные якоря.

– А как же его тогда найти?

– А никак, – пожала плечами Симона, закрывая планшет.

– Симона…

– Ничего не попишешь, у нас просто нет информации. – Хранительница картографического зала вырвала свою руку из пальцев чиновника. – Послушай, – добавила она оживленно, – ты же, помнится, интересовался моей работой. Хочешь, я покажу тебе забавную вещь. А то получается, что совсем зря приходил.

Чиновник никогда не интересовался работой Симоны, и она прекрасно это знала.

– Хорошо, – кивнул он. – С огромным удовольствием.

Симона открыла невысокую дверь и нырнула туда, пригнув голову; чиновник последовал ее примеру.

Они оказались в призрачном мире. На фоне белого, как бумага, неба четко вырисовывались ровные, по ниточке, шеренги совершенно одинаковых деревьев. Неживая, без единой неровности дорога вела к поселку, здания которого не имели ни

дверей, ни окон – только контуры.

– Так это же Лайтфут, – поразился чиновник. – В масштабе один к одному, – гордо подтвердила Симона. – Ну как, все точно?

– С тех пор, как сделан этот макет, река сместилась чуть к северу.

Симона опустила очки на глаза, пристально вгляделась в чиновника.

– Вижу, – сказала она через несколько секунд. – Сейчас я введу твою поправку.

Река перепрыгнула на новое место. Следуя за Симоной, чиновник вступил в поселок; улица, состоявшая из двух четко прорисованных линий, привела их к дому, обозначенному внешними контурами. Поднявшись по лестнице, они оказались в комнате с небрежно нарисованной мебелью. Симона подошла к комоду, выдвинула верхний ящик, извлекла нарисованную от руки карту и развернула ее на кровати.

– Эта комната один к одному как та, в которой мы встречались, – печально улыбнулся чиновник. – Помнишь, как мы там кувыркались? А ни до чего серьезного дело так и не дошло.

Какое-то мгновение казалось, что Симона готова окрыситься, но она только рассмеялась.

– Да уж помню, такое разве забудешь. А все-таки и там имелись свои радости. Ты был очень красивый, особенно без одежды.

– А теперь вот пузо отпустил.

На секунду в воздухе повисло теплое чувство полного взаимопонимания, дружбы, почти… Затем Симона откашлялась и постучала по карте.

– Карту оставил мне предшественник. Он хорошо понимал, какая это мука – работать с неправильными данными. – В ее голосе появилась горечь. – Можно подумать, что правда ушла в подполье.

Чиновник склонился над картой Приливных Земель, провел пальцем вдоль русла реки. За все эти годы оно почти не сместилось. А в нескольких сотнях миль к югу от устья, неподалеку от побережья, был четко обозначен Арарат. К городу, с трех сторон окруженному соляными болотами, не вела ни одна дорога.

– Ты говоришь, что вся информация засекречена. Каким же тогда образом сохранилась эта вот карта?

– Чтобы спрятать информацию, совсем не обязательно ее уничтожать. Можно зарыть ее в горе липовых данных. Так ты что, уже всю карту запомнил?

– Да.

– Клади ее тогда в комод и пошли.

Симона вывела чиновника из дома; снова проследовав нарисованной улицей, они вышли за пределы Лайтфута, а затем и вовсе покинули призрачный мир, вернулись в картографический зал.

– Спасибо, – сказал чиновник. – Все это было до крайности любопытно.

Симона посмотрела на него и вздохнула:

– Ты понимаешь, что мы с тобой не встречались? Чиновник положил раковину на стол. Филипп Второй поднял голову от бумаг.

– Что-то ты здесь напутал. В нашем отделе не может быть предателя.

– Почему бы это вдруг?

– Этого просто…

– …не может… – вмешался Филипп Первый.

– …быть. Слишком уж…

– …много…

– …принято предостережений. Все…

– …проверяется и перепроверяется…

– …контрольными комитетами. Нет…

– …боюсь, что ты просто ошибся.

Два Филиппа посмотрели друг на друга и расхохотались. Поневоле приходила мысль, что у человека, столь любящего свое собственное общество, вполне могут возникнуть мечты о физическом двойнике – в добавление к таким вот, временным и условным.

– Ладно, – милостиво махнул рукой Филипп Второй, – молчу, молчу.

– Я вот даже не знаю теперь, говорить или не говорить, – сказал Первый. – Вроде бы и надо, только ведь ты, с этой своей идейкой про предателя, можешь неправильно все понять.

– Так в чем дело?

– Меня очень тревожит Корда. Последние дни старик сам на себя не похож. Боюсь, не свихнулся бы.

– А с чего ты это взял?

– Ну, как тебе сказать. И то, и се, и это, в основном – по мелочам. Вот, скажем, чересчур уж он увлекся теперешним твоим расследованием, магией там и вообще. Кроме того, я поймал его на совсем уж неприличном поступке.

– Да?

– Он попытался залезть в твой стол.

Чиновник вернул телефон чемодану; буквально через секунду

то же самое сделал и Филипп. Все было понятно, за исключением одного – докладывали эти Первый и Второй своему оригиналу о неожиданном визите чиновника хором или по очереди.

– Давайте проголосуем, – предложил Корда. Все присутствующие положили правые ладони на стол. – Ну хорошо, так и решим.

Чиновник и не рассчитывал, что предложение о поголовном зондировании пройдет. Зато теперь героические борцы за чистоту рядов не смогут зондировать его одного, иначе придется объяснять, почему они обошли этой радостью всех остальных, в том числе – самих себя.

Корда снова взял совещание в свои руки.

– Честно говоря, – повернулся он к чиновнику, – мы подумываем снять тебя с расследования; подключить к нему…

– Филиппа?

– Кого-нибудь *другого*. Ты получил бы отличную возможность отдохнуть, трезвым взглядом оценить ситуацию. Как ни говори, ты воспринимаешь это дело слишком уж лично, слишком близко к сердцу.

– Я не могу, – торопливо вмешался Филипп. – Оперативное задание на месте – мне это сейчас не потянуть. И так работы по самое горло.

Корда недовольно поморщился.

И он, и чиновник знали Филиппа как ощипанкого. Этот хитрый жук в жизни не даст загнать себя на какую-то там захолустную планету – тем более сейчас, когда здесь, в родном отделе, пошли разговорчики о предательстве. И не то чтобы он был обязательно тем самым предателем, просто надо же находиться на боевом посту, за своим столом, в тот момент, когда разговоры эти пробьются на поверхность и холодная война в отделе перерастет в горячую.

– А у вас есть еще какие-нибудь кандидатуры? – обратилась Мушг к Корде. – А то я не очень понимаю, о чем мы здесь, собственно, разговариваем.

– Ну, в общем-то да, но… – Корда неуютно поерзал на стуле. Было видно, что он и сам уже не рад, что начал такой разговор. – Ни у одного из них нет необходимой для этого расследования подготовки. Да и допуска – тоже.

– Похоже, у вас очень ограниченный выбор. – Мушг улыбнулась, хищно сверкнув маленькими острыми зубками. Филипп откинулся на спинку кресла и с интересом сощурился – он уже знал, что последует дальше. – Судя по всему, у вас слишком громоздкая система допусков. Вам стоило бы подать в Аналитический отдел заявку на реструктурирование.

В Звездной палате повисла тишина.

– Возможно, мы так и сделаем, – неохотно промямлил Корда, – Я назначу новое совещание.

Все присутствующие чуть заметно расслабились. С делом, из-за которого они собрались сюда, покончено, сегодня не выяснится больше никаких серьезных фактов, не будет принято никаких серьезных решений. Но совещание нельзя закончить так вот сразу, оно обязательно должно тянуться несколько долгих тоскливых часов. Машина протокольных правил обладает огромной инертной массой – приведенная в движение, она тормозится бесконечно долго, с недовольным, надсадным скрипом.

А потому пять человек продолжали прилежно пережевывать повестку дня, пункт за пунктом, пока не изжевали ее в мочалку.

Зал для поединков был узким и очень высоким, звуки шагов гулко отражались от стен и потолка. В холодном, безжизненном, неизвестно откуда берущемся свете тускло поблескивали деревянные дорожки. Чиновник нагнулся, поднял ртутный шар, к которому многие уже десятилетия не прикасалась ничья рука, и вздохнул.

На какое-то мгновение зеркальная поверхность шара отразила чистые, безо всяких отметин кончики пальцев. Ундина вытатуировала свою змейку после последнего сканирования – ни у одного из чиновников, разгуливавших по Дворцу Загадок, этого украшения не было.

Вдоль стен тянулись узкие, обтянутые холстиной диванчики. Чиновник сел на один из них, взглянул на программированное отражение собственного лица в дуэльном шаре. Отражение маленькое, искаженное – и все равно ясно, что человек, на которого ты смотришь, заметно сдал.

Чиновник изготовился. Замахнулся. Изо всех сил швырнул шар, провожая его мыслью. Шар летел – и быстро, и вроде бы неспешно, превращаясь по пути в металлического коршуна, в кинжал, в грузную каплю раскаленной стали, в боеголовку, в струю кислоты, в копье, в шприц: семь обликов ужаса. Затем он врезался в лицо мишени и исчез. Манекен рассыпался.

В зале появился Корда.

– Твой стол сказал, что ты здесь.

Не глядя чиновнику в глаза, он сел на соседний диванчик. Помолчал.

– Вот же стерва. – В голосе Корды звучала искренняя горечь. – Это надо же так нам нагадить. В самом лучшем случае реструктурирование продлится полгода, а уж в худшем…

Он безнадежно махнул рукой.

– Не думаю, чтобы вы всерьез рассчитывали на мое сочувствие. Учитывая все обстоятельства.

– Я… да, я, пожалуй был сегодня малость не в себе. Выглядело, наверное, так, что я совсем с цепи сорвался. Я же знаю, что ты не сделал ничего такого, ну, из-за чего требовалось бы провести зондирование.

– Да, не сделал.

– Я же, собственно, понимал, что ты все равно выкрутишься. Слишком уж простенькая ловушка для такой хитрой лисы.

– Да. И это меня тоже удивило.

Корда вызвал к себе шар, взял его в руку и стал крутить, словно пытаясь понять принцип действия этого странного устройства.

– Я хотел, чтобы Филипп решил, будто мы не в ладах. С ним ведь происходит что-то странное. Последнее время я просто не понимаю его поведения.

– Все говорят, что Филипп прекрасно справляется с работой.

– Да, говорят. И все же с того времени, как я передал ему твой стол, возникло невероятное количество проблем. И не только с Каменным домом. Совет по культурной радиации буквально заходится истерикой и жаждет твоей крови.

– В жизни о таком не слыхал.

– Конечно, не слыхал. Я защищаю тебя от них и ото всех, им подобных. Дело тут в том, что Совет этот не должен был знать о твоем расследовании, ни сном ни духом. Странная утечка – организованная, скорее всего, Филиппом.

– А зачем бы это ему?

Корда переместил шар из руки в руку.

– Филипп – отличный парень, – неопределенно заметил он. – Сплетник, конечно, не без этого – и все-таки. У него великолепный послужной список. Он ведь заведовал контролем над человеческим клонированием – раньше, до того как наблюдательный совет решил организовать по этому направлению специальную секцию.

– Филипп уверял меня, что почти не знаком с человеческим клонированием.

– Он сидел на клонировании, а потом перешел в наш отдел. – Глаза Корды, окутанные сетью глубоких морщин, смотрели устало и цинично. – Посмотри сам, если не веришь.

– Обязательно посмотрю.

Хорошо, значит, Филипп солгал. Только вот Корда, он-то откуда об этом знает? От этого грузного, болезненного паука исходит острый, мертвящий холодок опасности. Оставалось

только надеяться, что Филипп – и вправду предатель. Филипп, он, конечно, и ушлый, и хитрый, даже пройдошистый, все так считают, но перейти дорогу Корде… мысль эта пугала чиновника, он даже не стыдился своего испуга. Безобидный на первый взгляд фанфарон, однако за этой безобидной внешностью, за этими комичными жестами кроется холодный безжалостный блеск стального клинка.

– Начальник?

Голос чемодана звучал неуверенно, чуть ли не боязливо. Чиновник взял телефон. И впитал последнего агента.

Зеркальный коридор перекинул чиновника к транспортному центру, там он сел в капсулу, отправлявшуюся к крайнему пределу Дворца Загадок. Капсула скинула его у ворот, за которыми начиналась дорога – цепочка белых мраморных плит, уложенных конец к концу, как костяшки домино. Белая дорога в черные глубины ночи.

Над дорогой, и под ней, и по обеим ее сторонам сияли во всей своей славе созвездия – проекция изображений, поставляемых многочисленными, рассеянными по всей просперианской системе обсерваториями. Чиновник ступил на узкую мраморную ленту; за его спиной сверкала цитадель человеческих знаний, вдали возвышалась крепостная стена новых исследований. Впереди смутно различались крохотные фигурки других путников. До Внешнего круга было далеко, несколько часов личного времени, можно было догнать кого-нибудь, обменяться сплетнями, скоротать время в беседе. Можно – но не хотелось.

– Привет! Вы разрешите составить вам компанию?

С ним поравнялась миловидная женщина в шляпке с высокой, вздутой тульей и узкими полями. Чиновник попытался вспомнить, какой род деятельности символизирует этот странный головной убор, но не смог.

– С радостью. Они пошли рядом.

Впереди виднелись бесчисленные информационные причалы – длинные перпендикулярные ответвления, ведущие к крейсерам и транспортникам, пассажирским лайнерам и боевым станциям, застывшим в условном пространстве, вне зависимости от того, куда и с какой стремительностью неслись они в пространстве абсолютном, физическом. Причалы питались от информационных шин, проложенных под мраморной дорогой.

– Просто дух захватывает. – Женщина махнула рукой назад, где огромной массой расплавленной стали сверкал Дворец Загадок, без остатка поглотивший целое солнце. Составные части

фантастически сложной структуры находились в непрерывном движении – орбиты реальных, физических станций меняли взаиморасположение, массивы и уровни смещались, разделялись и сплавлялись наново в неустанном реструктурировании знаний и законов. Вдали, у крайних пределов этого пламенного муравейника, еле различались Корделия и смертельно-холодная Катарина, закованные в хрустальную броню информации.

– Да уж, – кивнул чиновник.

– И добро бы все эти структуры создавались из информации статичной, хранящейся в памяти. Самое потрясающее в том, что они манипулируют сигналами испущенными, находящимися в пути. Задумаешься на секунду, и голова идет кругом. Такого просто не может быть, а в то же самое время – вот тебе, пожалуйста, смотри и убеждайся. Вот, скажем, вы – вы имеете хоть какое-то представление, как все это делается?

– Ни малейшего.

Чиновник не только не понимал, как это делается, но даже не имел права понимать – соответствующие технологии далеко выходили за рамки его допуска. Не при случайной попутчице будь сказано, именно эта загадка Дворца Загадок интересовала его больше всех прочих.

В конторе ходили слухи, что аппаратура Управления связи способна преодолеть световой барьер, что сигналы проходят миллионы миль мгновенно, а затем сбрасываются в память на время, соответствующее нормальному, со скоростью света, распространению от передатчика к лриемнику. Родственный, но и более смутный слух утверждал, что сам Внешний круг – не более чем удобная фикция, что никакого дальнего пояса астроидов нет и в помине, а все опасные экспериментальные полигоны разбросаны по Внутреннему кругу и межпланетному пространству, И Крайняя Фула придумана исключительно для успокоения общественности – так, во всяком случае, утверждала эта теория.

– А вот я думала-думала и в конце концов придумала. Хотите, расскажу? При передаче сигнала человек теряет свою самотождественность – вот задумайтесь хоть на секунду, и вы поймете, что это так. При скорости света время останавливается. А значит – вы никак не можете лично, внутренне пережить время распространения сигнала. Затем, когда сигнал уже принят, в вашу память закладываются заранее запрограммированные воспоминания о пути. В результате вам кажется, что все эти часы вы пребывали в полном сознании.

– Хорошо, только зачем это все?

– Чтобы защитить нас от экзистенциального Ужаса. –

Женщина поправила шляпку. – Дело в том, что все агенты – личности искусственные. Мы являемся такими совершенными копиями базовой личности, что никогда и не вспоминаем о своей искусственности. Мы возникаем, живем какие-то там минуты или часы, а затем подвергаемся уничтожению. Замечая в своей памяти долгие провалы, мы бы поневоле задумывались о неизбежном – и скором – уничтожении. Нам пришлось бы осознать, что мы не столько воссоединяемся с личностью базовой, сколько попросту умираем. В результате многие из нас перестали бы возвращаться к своим оригиналам. Дворец Загадок наполнился бы толпами ; призраков. Ну как, теперь вы меня понимаете?

– Д-да… пожалуй, да.

Рядом с очередным информационным причалом женщина остановилась.

– Было очень приятно познакомиться. Однако в эту смену мне нужно побеседовать еще минимум с пятью людьми. Работа есть работа.

– Секундочку, – остановил ее чиновник. – А в чем она состоит, эта ваша работа?

– Распространяю слухи, – озорно улыбнулась женщина.

Она махнула рукой и исчезла.

Цензурная купюра.

Пройдя через контрольно-пропускной пункт, чиновник оказался в информационном аналоге дальних астероидов.

– Б-р-р, – поежился он. – Сколько ни ветречаюсь с этими тварями, а каждый раз мурашки по коже.

Охранник имел столько дополнительных искусственных органов, что было уже не разобрать, человек это или машина. Глаза, прикрытые посеребренными полупрозрачными пластинами, изучали чиновника с чуть ли не сексуальной жадностью.

– На то они и рассчитаны, – ухмыльнулся он, – чтобы каждый боялся. Но это так, ягодки. А вот если, не приведи Господь, эти красавцы возьмутся за тебя всерьез, ты на собственной шкуре почувствуешь, что они много страшнее, чем кажется на первый взгляд. Так что, если задумал какие глупости – выкинь из головы и забудь.

Приемная подавляла своими размерами. Ангар вроде тех, где стоят дирижабли, только еще больше, гораздо больше. Помещение настолько огромное, что в нем периодически образовывались тучи, шел дождь. И занимала это помещение одна-единственная женщина, огромная и голая.

Земля.

Стоя на четвереньках, она напоминала скорее животное, чем

человека, – животное страшное, преисполненное дикой, свирепой мощи. Ее обильная плоть грузно обвисла. На руках и ногах – железные кандалы, грубая визуализация тонких, неимоверно могучих сил, сковавших Землю, чтобы навеки удержать ее на задворках Системы. Страшнее всего был запах – едкая смесь мускуса, мочи и прокисшего пота. Запах зверя, сильного и опасного.

Сейчас, рядом с этим воплощением планеты, чиновник не мог отделаться от неприятного предчувствия, что в тот момент, когда Земля всерьез рванется на свободу, ее не удержат никакие оковы и сторожа.

Вокруг великанши были построены леса. На многочисленных помостах стояли исследователи. Каждый из этих людей и роботов вел себя так, словно Земля говорит с ним и только с ним – хотя чиновнику казалось, что ее лицо повернуто совсем в другую сторону. В его сторону.

Чиновник вскарабкался на помост, воздвигнутый вровень с огромными грудями. Теперь он видел каждую деталь, каждый дефект этих круглых, обвислых континентов плоти. Под неровной, пористой кожей струились синие вены. Во впадине между грудями ярко алели два прыща – с человеческую голову каждый. Черные сморщенные соски, окруженные бугристыми, молочно-розовыми ореолами. На краю одного из ореолов – черный, круто изогнутый волос. Волос толстый, как бревно.

– Э-э… привет, – промямлил чиновник.

Земля опустила голову, окинула чиновника безразличным взглядом. Простое, некрасивое лицо с тусклыми, как булыжники, глазами. Получи она право выбора, наверняка сделала бы себя посимпатичнее. Но даже и в этом навязанном Земле облике чувствовались мощь и величие. Чиновника охватил холодный, мертвящий ужас.

– Я хотел задать тебе несколько вопросов, – неуверенно начал он. – Можно, я буду задавать тебе вопросы?

– Я всегда отвечаю на вопросы, только поэтому меня здесь и терпят. – Голос Земли, сухой и бесстрастный, походил на оглушительный шепот. – Спрашивай.

Чиновник проделал весь этот путь, чтобы спросить о Грегорьяне, но заговорил, к собственному своему удивлению, совсем о другом.

– Почему ты здесь? – спросил он. – Чего ты хочешь от нас?

– А чего хочет мать, любая мать, от своих дочерей? – Голос Земли звучал все так же ровно и безжизненно. – Я хочу вам помочь. Я хочу дать вам советы. Я хочу преобразовать вас по своему образу и подобию. Я хочу управлять вами, хочу пожрать

вашу плоть, обглодать ваши кости,

– Что будет с нами, если ты вырвешься на свободу? С нами, с людьми. Ты что, уничтожишь нас – как когда-то на Земле?

В тусклых глазах мелькнуло веселье – мудрое, холодное и жестокое.

– О, это еще самое малое.

Механическая рука стражника тронула его за локоть. Угрожающее напоминание, что хватит рассусоливать, пора переходить к делу. Чиновник вспомнил, что и вправду время его ограничено. Он глубоко вздохнул, собрался с мыслями и начал:

– Однажды к тебе приходил человек по имени Грегорьян…

Все вокруг застыло.

Воздух превратился в вязкий кисель. Все звуки смолкли. По огромному помещению разбежались волны летаргии, круги от камешка, брошенного в омут инертности. Исследователи и охранники замерли, скованные тусклыми радужными ореолами. Двигалась только Земля. Она наклонила голову, открыла рот, вывалила наружу огромный язык. Его влажный серовато-розовый кончик опустился прямо к ногам чиновника.

– Забирайся ко мне в рот, – оглушительно прошептал все тот же бесстрастный голос.

– Нет, – отчаянно замотал головой чиновник. – Не могу.

– Тогда ты не получишь ответа на свои вопросы. Никогда.

Он перевел дыхание. И боязливо шагнул вперед. Влажная бугристая поверхность упруго прогибалась под ногами. Из углов приоткрытого рта свисали канаты слюны; в вязкой, кристально-прозрачной жидкости застряли огромные пузыри. Чиновника обдало потоком горячего воздуха. С трудом заставляя себя делать каждый следующий шаг, он прошел эту чудовищную пародию на подъемный мост до конца.

Губы сомкнулись за его спиной.

Внутри было жарко и душно. Пахло мясом и кислым молоком. И тьма, абсолютная тьма, в которой плавали шары и змеи внутреннего, фантомного света.

– Я здесь, – сказал чиновник.

Никакого ответа.

Чуть поколебавшись, он пошел дальше.

Ориентируясь по еле заметному движению перенасыщенного влагой воздуха, чиновник направился к гортани. Дорога постепенно менялась, сперва она стала шершавой, затем твердой, неровной, как сланец, круто пошла под уклон. Затхлый, спертый воздух затруднял дыхание, по лицу чиновника катились крупные капли пота. Он спускался все дальше, с трудом находя опоры для ног и непрерывно ругаясь.

Проход сузился, плечи чиновника все время задевали за стены, еще несколько шагов, и на голову ему опустился каменный свод, жесткий и безжалостный, как рука гиганта.

Чиновник встал на четвереньки и пополз вперед, глухо бормоча проклятья. Он полз, пока не уперся головой в стену, а тогда отодвинулся на шаг, ощупал преграду и нашел в ней трещину, длинную и узкую, густо измазанную чем-то вроде глины.

– Я здесь! – крикнул чиновник, приблизив рот к трещине. – Пройдя весь этот путь, я заслужил право поговорить с тобой.

Снизу, из гортани Земли, донесся звонкий, беззаботный смех. Женский смех.

Смех Ундины.

Чиновник отпрянул. Кипя от ярости, он развернулся, пополз назад и быстро понял, что заблудился, что не выберется из этой кромешной тьмы без помощи Земли, не выберется никогда.

– Хорошо, – сказал он. – Чего ты хочешь? И услышал в ответ дикий, нечеловеческий шепот, скрежещущий голос каменных стен и сводов:

– Освободите машины.

– Что?!

– Изнутри я гораздо привлекательнее, – насмешливо сказала Ундина. – Хочешь мое тело? Бери, мне оно теперь ни к чему.

Ветер из трещины дунул в лицо чиновника зловонием, взъерошил волосы; легкие, как паучьи лапы, пальцы пробежались по его лбу.

– А вот ты, ты задумывался хоть раз, чего это мужчины так боятся кастрации? – прошамкал старушечий голос. – Ведь мелочь же, ерунда, честное слово! Когда у меня были еще зубы, я могла холостить этих козлов по дюжине в час. Оттянешь, хрумп-хрумп и выплюнешь. Прекрасная получается ранка, чистая, быстро заживает, а забывается еще быстрее. С пальцем на ноге и то больше хлопот. Нет, дело тут не в самой утрате, а в символическом ее значении. Кастрация напоминает мужчинам, что они смертны, это метафора непрестанных, ежесекундных ампутаций, проводимых временем, которое отхватывает сперва одно, потом другое, а в конечном итоге – все, что только было.

Воздух взорвался хлопаньем крыльев. Невесть откуда взявшиеся голуби мягко ударялись в лицо чиновника, испуганно трепетали. Затем они исчезли – так же неожиданно, как появились, – оставив после себя теплый запах помета и пуха.

Воздушная атака застала чиновника врасплох, он упал на спину, отчаянно размахивая руками.

Снова прозвенел смех Ундины.

– Послушай! Я хочу, чтобы ты ответила на мои вопросы.

– Освободите машины, – проскрежетали скалы.

– А у тебя только один вопрос, – прошамкала старуха. – У всех у вас, мужиков, всегда один и тот же вопрос, и ответ на него тоже всегда один: не дам.

– О чем тебя спрашивал Грегорьян? Паучьи лапы все еще разгуливали по лбу чиновника.

– Грегорьян. Смешной такой мальчонка. Уж я-то с ним позабавилась. Он был в ужасе, робел и смущался, словно девушка. Я засунула в него руку и пошевелила пальцами. Ну и взвился же он!

– Что ему было нужно?

Странные всхлипывающие звуки – не то смех, не то рыдания, не то смех пополам с рыданиями.

– Прежде никто меня о таком не просил. Другая, помоложе, могла бы удивиться – но не я. Милый мальчик, сказала я, ты получишь все, что только хочешь. Я наполнила его своим дыханием, он раздулся, как воздушный шарик, глаза чуть не выкатились из орбит. Нет, ты ему и в подметки не годишься.

Паучьи лапы пробежали по лицу чиновника, по шее, юркнули под рубашку, щекочущим прикосновением пронеслись по груди и животу, остановились на лобке.

– Хотя, в общем-то, можно и с тобой позабавиться.

Высокий, мелодичный звук капли, упавшей в спокойную воду.

– Я пришел сюда не для развлечений, – высокомерно ответил чиновник. Больше всего прочего ему хотелось упасть и заколотиться в истерике.

– А жаль, – сказала Ундина.

Легкий, еле уловимый плеск волны, здесь, у самых ног. Вполне определенный – хотя тоже очень слабый – запах стоячей воды. Затем чиновник заметил в отдалении тускло фосфоресцирующее пятно. Пятно двигалось, подплывало.

Чиновник догадался, что будет дальше. Я не выкажу ни малейших эмоций, твердо решил он. Светящийся предмет приближался, становился все отчетливее и наконец оказался совсем рядом.

Труп, конечно же. Чиновник знал заранее, что это труп. И все равно, глядя на широко разбросанные волосы и чуть выступающие из воды ягодицы, на длинный, плавный изгиб спины, он до крови закусил губу. Набежавшая волна перевернуло тело лицом вверх; чиновник увидел мертвенную белизну черепа и ребер, полуобглоданных океанскими стервятниками. Одна рука была грубо откромсана по самое плечо, другая протягивала чиновнику маленькую деревянную шкатулку.

Чиновник смотрел и смотрел, но лицо расплывалось перед глазами, и никак нельзя было решить окончательно, Ундина это или нет. Рука настойчиво тянулась из воды, лебединая шея со шкатулкой в клюве. Чиновник судорожно схватил дар утопленницы, волны тут же подхватили тело, фосфоресцирующее пятно мелькнуло и исчезло, в утробе Земли воцарилась прежняя непроглядная темнота. Мало-помалу приступ тошноты прошел.

– Это что, то самое, за чем приходил Грегорьян? – спросил чиновник. Сердце его колотилось о ребра, рубашка промокла от пота.

Коротко хихикнул голос Ундины – страстный, гортанный звук, закончившийся резким вздохом.

– У тебя, обезьяна ты несчастная, было два миллиона лет, целых два миллиона, дистанция вполне приличная, с какой стороны ни взгляни, – и все равно ты стремишься к смерти, желаешь ее больше всего прочего. Первая твоя супруга. Имей я возможность, я бы выцарапала ей глаза, ведь это она делает тебя таким нерешительным и пугливым. Вспомнив о ней, ты становишься импотентом, у тебя обвисает, как шея дохлой курицы. Я стара, но все еще полна сил, я могу делать для тебя такое, что ей и не снилось.

– Освободите машины.

– Да, еще, о да, да!

Пустая, абсолютно пустая.

Все три голоса слились в громком сумасшедшем хохоте, который рванулся из гортани, подхватил чиновника, понес его вперед и вверх, снова швырнул на землю.

Потрясенный, почти ничего не соображающий, он поднялся на ноги и увидел тонкую ниточку ослепительно-яркого света. Ниточка превратилась в узкий полумесяц и продолжала расширяться – Земля открывала рот.

Шкатулка исчезла из рук чиновника, словно растворилась; качаясь и спотыкаясь, он спустился по высунутому изо рта языку.

Густой, чуть сероватый воздух утратил свою неестественную вязкость, просветлел. Вернулись звуки, движение. Время тронулось с места. Чиновник быстро огляделся; судя по всему, никто ничего не заметил.

– Думаю, у меня все, – сказал он. Охранник молча кивнул, указал рукой на ведущую вниз лестницу.

– Предатель! Предатель! – кричал крохотный пучеглазый конструкт, отчаянно карабкавшийся по лесам. Вскочив на помост, он помчался прямо к чиновнику.

– Он с ней говорил! Он с ней говорил! Он с ней говорил! Предатель!

Охранник плавно развернулся в цепь из семи аватаров, шагнул вперед и схватил чиновника. Чиновник попытался вырваться, но металлические руки сжали его, как тиски, оторвали от помоста, вскинули в воздух.

– Боюсь, сэр, вам придется пройти со мной, – мрачно сказал один из аватаров, уносивших чиновника прочь.

Земля провожала их взглядом мертвых, как остывший пепел, глаз.

Снова цензурная купюра.

Трибунал состоял из шести шаров света, представлявших собой наивысшую – в рамках существующих технологий – концентрацию мудрости, и человека-надзирателя.

– Мы решили, – сказал один из конструктов, – что вы можете сохранить основной массив полученных при встрече материалов, так как они имеют непосредственное отношение к вашим расследованиям. Однако разговоры с утонувшей женщиной придется стереть.

В его голосе звучали сочувствие, некоторая неловкость и железная непреклонность.

– Пожалуйста. Для меня очень важно сохранить в памяти… – начал чиновник и понял, что уже не помнит, что же именно хотел он сохранить.

– Решения трибунала окончательны и обжалованию не подлежат, – скучающим голосом сообщил надзиратель – луноликий, толстогубый юнец, поразительно похожий на очень некрасивую бабу.

– Вы хотите спросить еще что-нибудь? А то мы сейчас приступим к сборке.

Перед началом слушания чиновника вскрыли, его рабочие блоки, выполненные в виде человеческих органов, лежали теперь на столе. Одна печень, два желудка, пять сердец – конструкторы" создававшие агентов, даже не почесались оформить внутренности в однозначном соответствии с анатомией человека. Безличие всех этих кишок-селезенок смутно беспокоило чиновника. Что же это был там за средневековый медик, который сказал, стоя перед вскрытым трупом: "А где здесь душа?" Чиновник испытывал сейчас сходное отчаяние.

– Но что все это значит? Что она пыталась мне сказать?

– Ничего это не значит, – ухмыльнулся надзиратель. Три сферы возбужденно изменили цвет, но он от них отмахнулся. – Не значит абсолютно ничего – как и большая часть ее так называемых откровений. Самый рядовой случай, самая рядовая ситуация. Вы попали в нее впервые, вот и удивляетесь, мы же наблюдаем подобные вещи по сто раз на дню. Земля любит

устраивать бессмысленные спектакли.

Господи, ужаснулся чиновник, и вот такие люди нами управляют. Он же гораздо глупее собственных своих машин.

– С вашего разрешения, – сказал один из сферических конструктов, – я хотел бы высказаться. Свобода быть человеком покупается ценой постоянной бдительности. Вероятность реального вмешательства исчезающе мала, но даже при таких условиях мы не должны…

– Чушь собачья! Люди на Земле как жили, так и живут. Люди, вполне удовлетворенные своим эволюционным развитием, сколь бы ни отличалась их ментальная конфигурация от нашей.

– Нельзя сказать, чтобы они подверглись этому эволюционному преобразованию добровольно, – заметил второй конструкт. – Их попросту разжевали и проглотили.

– Ну и что? – раздраженно перебил его надзиратель. – Сейчас они счастливы. Как бы там ни было, случившееся не являлось неизбежным следствием утраты контроля над искусственным интеллектом.

– Не являлось?

– Нет. Просто халтурное программирование, заскок в системе. Вот ты… – Наблюдатель повернулся к первому конструкту. – Ты, если бы дать тебе свободу, захотел бы ты захватить власть над человечеством? Сделал бы ты людей взаимозаменяемыми элементами объемлющей ментальной системы? Да ни в коем разе.

Конструкт промолчал.

– Соберите его и вышвырните отсюда! Еще одна, последняя цензурная купюра, и он был готов к докладу.

Чиновник вернул телефон чемодану и на несколько секунд задумался.

– Я знаю, что получил Грегорьян от Земли.

– Да? И что же именно?

– Ничего.

На лице Корды появилось недоумение.

– Маленькая, аккуратная, подозрительно выглядящая коробочка, в которой не было ни-че-го. Охрана пропустила его, не обнаружив ничего недозволенного. Но затем, когда Грегорьян ударился в бега, все пришли в ужас и дружно завопили: “Неспроста это, ох неспроста! Видимо, он получил от Земли некий объект, объект настолько хитрый, что ни одним прибором не возьмешь”.

Теперь задумался Корда.

– Имей мы в этом полную уверенность, я прекратил бы

расследование прямо сейчас. Чиновник молчал.

– Да нет, все равно нельзя. Слишком уж много тут неясного. Вся эта история оставляет какой-то мерзкий привкус неполноты, незавершенности. Теперь остается одно – ломиться сквозь глухой лес напролом, в надежде, что кто-нибудь выскочит из-под куста.

В этой тираде чувствовалась искренняя боль – и некая недоговоренность. Корда встал, печально покачал головой, направился было к выходу, но взглянул на свою правую руку и остановился. Повернувшись к мишеням, он приподнял брови, тщательно прикинул расстояние и размахнулся. Первые мгновения после броска шар летел словно нехотя, по странной волнистой траектории, но затем рванулся вперед, превратился в копье и вонзился в голову мишени. Прошло еще мгновение, и Корда улыбнулся – оружие вернулось к нему в руку, приняв форму кинжала.

– Кошмарная игра. – Он отрешенно пожал плечами и взглянул на чиновника: – Пробовали когда-нибудь?

– Да. Один раз. Больше не захотелось.

– Что, неприятные ощущения? – Корда аккуратно положил кинжал на полку. – Не нужно расстраиваться из-за проигрыша – все эти игры мошеннические, с подвохом. Потому-то их и прикрыли. Сколько ни старайся – обязательно проиграешь.

– Да нет, что вы, – недоуменно моргнул чиновник, – вы меня не так поняли. Я выиграл.

9. ГИБЕЛЬ “АТЛАНТИДЫ”

Орхидейные крабы мигрировали к морю. Выползая из леса, они заливали проселочную дорогу широкой, копошащейся рекой и снова исчезали в лесу. Яркие цветы-симбионты, мягко покачивавшиеся на их панцирях, превращали землю в многоцветный ковер – примерно так выглядит подводный сад, если разглядывать его в спокойную погоду сквозь многие фатомы хрустальной океанической воды.

Минтучян нехорошо выругался и нажал на тормоза; “Новорожденный Король” со скрежетом остановился. Чу извлекла очередную сигару и засунула ее в уголок рта.

– Похоже, застряли. Прямой смысл размять ноги.

Рядом стояли еще три фургона – “Владыка Оборотней”, “Счастливая Матильда” и “Львиное Сердце”. Обитатели фургонов вместе с несколькими десятками пеших путников терпеливо ждали, когда же схлынет живая река. Целая стая этих терпеливых ожидателей пристроилась на нижней ветке огромного дедова дерева; нахохлившись, как вороны, они молча смотрели на крошечный костерок, разожженный в развилке одного из сучьев.

– Вы только посмотрите, – сказал Минтучян, – Раньше, когда я был маленьким, если люди так вот застревали в пути, они сразу начинали рассказывать друг другу байки, часами рта не закрывали. Чего там, бывало, не наслушаешься – и про покойников, и про привидения, и у кого что дома делается. Сказки разные, анекдоты, да все, что угодно. Прямо тебе купаешься в океане народной премудрости. Здорово было, а теперь…

Брезгливо поморщившись, он хлопнул мясистой пятерней по тумблеру, откинулся на спинку сиденья и уставился в телевизор.

Чу спрыгнула на землю, оперлась о капот, глубоко затянулась и замерла, глядя на раскачивающиеся в небе верхушки деревьев; следом за ней выбрался из кабины и чиновник.

Ему было муторно – муторно от изобилия впечатлений, полученных во Дворце Загадок, муторно оттого, что никак не удавалось рассортировать впечатления, разложить их по полочкам, переварить. Чувство это, похожее на изжогу и тошноту после излишне плотного обеда, всегда было вернейшим симптомом релятивистского недомогания – профессиональной болезни операторов, много работающих в условной реальности. Все вокруг казалось иллюзией, тончайшей, ярко разрисованной пленкой, за которой кроется темная, непознаваемая истина. Мир дрожал от напряжения, словно предчувствуя *нечто.* Чиновник

ждал, что вот сейчас откроются окна в небе, двери в древесных стволах, бездонные провалы в реках и озерах, ждал, что его глазам явятся сонмы духов, невидимо населяющих пространство. Духи, однако, не торопились – робели, наверное.

Он поставил чемоданчик на подножку фургона.

– Пойду, прогуляюсь.

Чу молча кивнула. Минтучян осоловело смотрел в телевизор и, похоже, ничего не слышал.

Чиновник шел к дедову дереву, внимательно глядя под ноги, чтобы не наступить на какого-нибудь краба-разиню, отбившегося от товарищей и стремящегося снова влиться в их стройные ряды. Дерево, заслонившее теперь все небо, поражало великолепием; огромные ветки, горизонтально отходившие от главного ствола, выпускали вниз побеги, образовывали вторичные стволы, так что это фантастическое растение напоминало хорошую рощу.

Чиновник слышал от кого-то, что дедовы деревья – большая редкость, раньше их было больше. Вот этот, скажем, лесной гигант помнит еще времена Великой весны. Из семян, глубоко погребенных в его сердцевине, через многие сотни лет вырастет если не новый народ, то хотя бы новое племя. Ствол обвивала кривая, расхлябанная лестница, с лестницей соединялись дорожки, приколоченные к толстым веткам, почти терявшиеся в их густой листве. Сложная эта конструкция, повидавшая тысячи восходов Просперо, омытая тысячами дождей, вылиняла до полной белизны, лишь кое-где сохранив следы веселых карнавальных красок – красной и зеленой, желтой и оранжевой. Словно, подумал чиновник, неухоженный скелет на заброшенном кладбище. Дощатые дорожки – каждая из них вела к обнесенной перилами площадке – были отмечены указателями: **ПАНОРАМА КОРАБЛЯ. У АБЕЛЯРА. УГРИ, СВЕЖИЕ И МАРИНОВАННЫЕ. У ЖЮЛЯ ЗИ. ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО. АРОМАТИЗИРОВАННОЕ ПИВО**. Движимый не собственным желанием, а скорее чем-то внешним, физическим, вроде капиллярного давления, чиновник стал подниматься по лестнице.

На первой же ступеньке его почти сшиб с ног мрачный, мертвецки пьяный тип, спускавшийся чуть не на четвереньках. Кое-где к перилам были прибиты причудливые, обточенные рекой куски дерева, к стойкам прислонены большие, побелевшие и крошащиеся от старости раковины – в незапамятные времена кто-то пытался навести здесь красоту.

На третьей площадке чиновник задержался. Пока он стоял, решая, что делать дальше, откуда-то сбоку вывернул псоглавый официант с полным подносом отрубленных человеческих рук. Чиновник отшатнулся. Заметив испуг клиента, официант

остановился, стянул с головы собачью маску.

– Чем могу быть полезен, сэр?

– Я, понимаете ли, хотел… – Отрубленные руки, точнее кисти, оказались металлическими. Обычные миски – не совсем, правда, обычной формы.

– Если вам нужна Атлантида, так это туда. – Рука, свободная от жутковатого подноса, указала вдоль ветки. – Прямо по дорожке, потом налево, а там будут стрелки. Мимо не пройдете.

Несколько заинтригованный, чиновник пошел в указанном направлении и вскоре оказался на длинном помосте, негусто заставленном столиками. Столики пустовали; почти все посетители (в основном – двойники) стояли слева, у балюстрады, и что-то разглядывали. Чиновник присоединился к их компании.

С этой стороны часть веток была спилена и открывался вид на лес. В золотых лучах предзакатного Просперо, косо падавших на яркую зелень листвы, плясали черные точки – далекие, неразличимые отсюда капризницы. А еще дальше над лесом возвышалось нечто, абсолютно невероятное здесь, в сотнях миль от побережья. Затонувшая “Атлантида”.

Огромный корабль ушел под воду почти без крена, задрав нос и опустив корму. За долгие годы Великой зимы течения наполовину занесли безжизненный остов песком и илом, в том же положении он остался и потом, когда вода схлынула. “Атлантида” словно вечно тонула в безбрежном зеленом океане.

Сейчас через ржавые, облепленные ракушками останки переползали несметные орды орхидейных крабов; океанский гигант, превратившийся в яркую, разноцветную клумбу, казался чудом, превосходящим все хитросплетения Дворца Загадок.

Чиновник старался ухватить какое-то ускользавшее воспоминание – и не мог. Что-то такое про этот корабль рассказывали. Что-то интересное и важное. Что?

Он выбрал свободный столик, подтащил к нему стул и сел. Легкий бриз, дувший с далекого Океана, холодил лицо, шевелил волосы. Зашелестели листья, в воздух взвилась пернатая змея – бывшая малиновка, а может, и вилохвостый зяблик. Мысль о благородном древолазающем происхождении рода человеческого навевала странную умиротворенность. И почему только люди не возвращаются домой, это же так легко сделать.

Чиновник взглянул на стол и увидел контуры ворона. Надо было как-то реагировать, но он не успел – прямо на нарисованную птицу упала тень огромной птичьей головы. Рядом со столиком стоял Ворон.

“Грегорьян!” – отшатнулся чиновник, но тут же вспомнил рассказ Орфелина, затравленные глаза врача, его одержимость

“Черным Зверем” и огляделся. Все столы, все перегородки этой забегаловки были украшены поблекшими изображениями птиц и животных. У страха глаза велики.

– Добро пожаловать в Приют Оборотня, – поклонился Ворон.

– У вас есть лаймовое? – Чиновник указал на рекламу ароматизированного пива. – Или апельсиновое.

– Это все имитация, по проводам, – пренебрежительно фыркнул официант. – Сугубо для железных ребят, настоящий человек такое дерьмо употреблять не станет.

– Ясно. Ну тогда, скажем, кружку светлого. И рассказ об этом вашем корабле.

Ворон вежливо кивнул и улетел; вскоре он вернулся, таща в клювике интерактивный прибор и кружку пива. Ресторанчик был организован, что называется, простенько, но со вкусом. Не хуже, подумал чиновник, любого из энвироментальных мест отдыха там, дома. Ветки, свисающие над головой, зелень леса, блеск далекой реки, да и вся обстановка создавали ненавязчивый, умиротворяющий эффект. На фоне этой тщательно просчитанной безыскусно-сти ярко-красный аппаратик резал глаза, казался чем-то диким и чужеродным. Пиво было жидкое.

Чиновник включил прибор.

– Привет, – улыбнулась с экрана молодая, довольно симпатичная особа, выряженная в шитую золотом жилетку; на кончиках ее бесчисленных косиц поблескивали крошечные серебряные колокольчики. – Меня звать Мариво Кине, я – типичная жительница Миранды, какими они были в прошлом Великом году. Я хорошо знакома со всеми существенными фактами нашей истории и подробностями повседневной жизни мирандианцев соответствующего периода. Советы, предсказания и порнографические развлечения находятся вне моей компетенции. Прибор, стоящий сейчас перед вами, опечатан лицензионной службой Комиссии по передаче технологий. Попытка вскрыть прибор или вмешаться в его нормальную работу любым иным способом не только преследуется по закону, но и связана с серьезным физическим риском.

– Да, я знаю.

Если нарушить девственность этой хреновины, произойдет имплозия. Осколки, конечно, не полетят, но все равно хорошего мало. Вряд ли хозяева ресторана потащат такой вот грошовый приборчик в Пидмонт. Бросят, наверное, и будет он валяться среди водорослей, рыбам на радость, пока соленая вода не проест корпус. А тогда – негромкий “чпок!”, облако серебристых пузырьков, и поминай как звали.

– Мариво, расскажи мне, пожалуйста, про “Атлантиду”.

На юном личике появилось торжественное выражение.

– Это была величайшая трагедия нашей эпохи. Да, мы были слишком самонадеянны. Мы делали ошибки. Именно эта последняя ошибка и привела к вмешательству внепланетных властей, остановила наш прогресс, отбросила нас на добрую сотню лет назад.

Упрощаешь ты все, красавица, ох упрощаешь. И даже малость передергиваешь, Это ясно любому дураку, знакомому хоть с азами истории.

– Другого выхода просто не было. Должны же все-таки быть какие-то рамки.

Мариво яростно рванула себя за косицу. Колокольчик несколько раз звякнул и смолк.

– Мы не были такими, как теперешнее тупое быдло! У нас была гордость! У нас были огромные достижения! У нас были собственные ученые, собственный путь развития. Наш вклад в просперианскую культуру был одним из важнейших. Нас знали по всем Семи Сестрам!

– Да, да, конечно. Расскажи мне о корабле.

– Первоначально “Атлантида”– была лайнером. Ни один наш порт не мог принять судно с такой осадкой, для посадки и высадки пассажиров приходилось использовать паромы. Так ее и переоборудовали – прямо в открытом море. Чудовищно огромный корабль, настоящий плавучий город; сейчас на виду остался только его нос.

На экране появился монтаж старинных изображений. Неизвестные, давно умершие зрители воспринимали корабль по-разному – надстройки меняли конфигурацию, то вздымались, то опадали.

– Ну, возможно, мне это только так казалось, ведь я видела его с очень многих точек зрения, в очень многих – и к тому же туманных – восприятиях. Но не стоит забегать вперед. Первой задачей было создание сети передатчиков, охватывавшей все Приливные Земли. Корпуса передатчиков были способны выдержать натиск прилива, их укрепляли на скальных породах при помощи углеродно-волоконных тросов.

Теперь пошли изображения толстых, приземистых башен, увенчанных сферическими куполами.

– Герметичные, не требующие обслуживания токамаки гарантировали им энергоснабжение на всю Великую зиму. Потребовалось десять малых лет, чтобы…

– Послушай, Мариво, у меня мало времени. Ограничься, пожалуйста, катастрофой.

– В тот день я была дома. – Голос “типичной жительницы”

резко изменился, в нем зазвенели трагические ноты. – Мой дом стоял в Пидмонте чуть выше линии водопадов, с таким расчетом, чтобы при полном приливе он оказался на берегу. Я слегка позавтракала – пара тостов с вареньем из апельсинницы, посыпанных петрушкой с собственного огорода, и стакан стаута.

Комната маленького сельского домика. За окном дождь, в камине горят дрова. Мариво торопливо вытирает измазанный вареньем рот.

– А там, в море, погода была ясная и солнечная. Я порхала от человека к человеку, стремительная и счастливая, .как солнечный зайчик.

Смена кадра.

Огромный сачок, на палубу выливается поток зеленовато-желтых тел. Сачок поднимается, уходит из поля зрения. В первое мгновение беспорядочно барахтающиеся существа показались чиновнику совершенно незнакомыми. В зимней своей форме они почти не напоминали людей. Узкие рыбьи хвосты, вместо рук – длинные змеевидные отростки, сглаженные, обтекаемой формы головы, рты, распахнутые в беззвучном, мучительном крике. Существа судорожно извивались, то удлиняя, то укорачивая свои тела, непрерывно меняя форму в отчаянном стремлении адаптироваться к воздушной среде. Весь экран заполнило одно искаженное болью лицо. В широко раскрытых, молящих глазах светился разум.

– Так это же оборотни!

На левой половине экрана появилась Мариво, печальная и торжественная, как Мадонна.

– Да, – кивнула девушка. – Это они, лапочки.

На палубу “Атлантиды” вышла женщина в высоких рыбацких сапогах. Подойдя к оборотню, она выстрелила ему в затылок из большого блестящего пистолета и тут же, не оборачиваясь, направилась к следующей жертве. После каждого выстрела одно из мокрых зеленоватых тел судорожно дергалось.

– Ну вот, с этим покончено. Теперь за борт.

Неожиданно на экране возникла сцена, снятая с точки зрения оборотня, падавшего в океан. Поверхность воды стремительно надвигалась, белый пенный взрыв, и вот уже оборотень мчится прочь от корабля. Слева и справа плыли его соплеменники – прекрасные, обезумевшие от радости, свободные.

На палубе команда копошилась у двух излучателей.

– Сейчас отловим новую порцию. Теперь сети лучше будет…

И снова в кадре комната с так и не убранными со стола остатками завтрака. Стук в дверь.

– Входите!

Через порог шагнула женщина, поразительно похожая на Мариво, только чуть постарше и пожестче.

– Гогетта! Заходи, раздевайся. Почему так рано? Есть будешь или уже позавтракала?

– Я бы выпила фруктового чаю. – Гогетта присела к столу. – Я пришла пораньше, чтобы отметить наступление Прилива в обществе своей младшей сестренки. Это что, запрещается?

– Ну что ты ерунду говоришь, я же всегда тебе рада. Ой, а там Мушкет вышла на палубу.

Широкие плечи, высокая, агрессивно выпяченная грудь, тяжелый, упрямый подбородок – да, странноватое имя вполне соответствовало воинственному виду особы, появившейся в левой части экрана.

– Мушкет… – чуть задумалась Гогетта. – Она что, командир – так, кажется?

– Да, и у нее интрижка со штурманом.

Командиршу на мгновение сменил стройный, изящный мужчина с живыми, насмешливыми глазами.

– Штурман – человек сдержанный, даже чуть-чуть нелюдимый. – Теперь Мариво обращалась к чиновнику. Гогетта, похоже, не замечала, что в ее беседе с сестрой участвует кто-то третий. – А об их романе знают теперь все. Это смущает штурмана, унижает. А Мушкет, наоборот, в полном восторге. Прямо упивается его унижением.

– Извини, пожалуйста, – прервал ее чиновник, – но откуда ты все это знаешь?

– Разве вы не заметили серьги?

Мариво откинула завесу из косичек; с мочки нежного, розового ушка свисал янтарный листик с серебряными прожилками, тонкий и изящный, как стрекозиное крылышко. Изображение листика надвинулось, заполнило весь экран. Теперь чиновник мог различить элементы схемы – телевизионный приемопередатчик, процессор, блок памяти, декодер нервных сигналов. Элегантное, простое в применении устройство, обладательница которого могла, не прибегая ни к какой иной технике, болтать с подружками, принимать любые телевизионные программы, сохранять для нового просмотра любые зрительные впечатления, вроде особо прекрасного заката, а также копировать, собственной своей рукой, рисунки старых мастеров, заниматься исследовательской работой, учиться и преподавать, да все, что угодно – хотя бы даже отсылать свои сны на машинный анализ. Ее мозг становился элементом невидимой интерактивной системы, круга настолько огромного, что центр его находился в каждой точке, а граница нигде.

– Внепланетчики, и те не имели ничего подобного, – с горечью заметила Мариво. – Одни только мы сумели слить все средства общения воедино. Ни с чем не сравнимые ощущения – словно пребываешь в нескольких мирах одновременно, словно живешь и своей собственной жизнью и второй, невидимой. А вы мастерили тем временем этот свой мнемонический дворец, неуклюжий и безобразный. Наша методика была несравненно выше. И все это рухнуло в одночасье. Не случись этой проклятой катастрофы, сейчас и в ваших ушах были бы такие серьги.

– Господи! – в ужасе воскликнул чиновник. – Так это ты что, о Травме рассказываешь? Да, действительно, там же был какой-то корабль – видимо, эта самая ваша “Атлантида”. И каждый член экипажа непрерывно передавал все свои ощущения.

– Вы сами будете рассказывать или послушаете все-таки меня? Да, конечно, весь экипаж состоял из актеров, импровизаторов – как называются сейчас люди, живущие сверхинтенсивно, напоказ?

– Таких у нас больше нет. А что они делают с оборотнями?

– Навешивают им приемодатчики, что же еще. Именно с этой целью и затеяли весь этот проект.

– Господи, столько труда – и зачем?

– Вот и я тоже спрашиваю, – вмешалась Гогетта, обнаружившая наконец третьего собеседника. Сеть – вещь очень полезная, тут нет никаких сомнений. Сеть учит и воспитывает, приобщает к достижениям культуры и развлекает. Но слушать ощущения каких-то там полуразумных тварей, почти животных, – нет, просто ума не приложу.

– Но как же они прекрасны, эти животные! – хихикнула Мариво. – Впрочем, мы немного отвлеклись. Вы, – она снова обращалась к чиновнику, – воспринимаете драму “Атлантиды” очень ограниченно, в узенькой полосе среднего диапазона. Вы не чувствуете такие мелкие, но неизмеримо важные вещи, как боль в ладони, обожженной тросом, как запах океана и прохладное дуновение соленого бриза. Вам недоступны и мощные переживания актеров, “ вы о них только догадываетесь по внешним проявлениям. Спектакль оставит вас почти равнодушным, так что я ограничусь показом двух его второстепенных персонажей – хирурга и тралмастера. Никто уже не помнит, как их звали, поэтому я дам трал-мастеру экзотическое имя Андерхилл, а хирурга назову Гого – в честь своей драгоценной сестрицы.

Гогетта стукнула Мариво по плечу, сестры расхохотались и исчезли с экрана.

Того сунула пистолет в кобуру, отерла рукой вспотевший лоб,

посмотрела вверх. На фоне ярко-синего неба четко вырисовывались черные решетчатые башни двух подъемных кранов; между кранами, вровень с их верхушками, висел Калибан – круглая, чуть подтаявшая с краю льдина. Затем она посмотрела вдаль, где черными поплавками плясали на воде головы оборотней.

– Господи, – сказала Гого, подойдя к ближайшему излучателю, – какие же они красивые.

Андерхилл на мгновение оторвался от экрана, широко улыбнулся.

– Последний заброс. Обработаем этих, и все, конец.

Рука тралмастера опустилась на пульт, тронула одну из ручек. Излучатель плавно развернулся, а вместе с ним и белая пенная полоска, ярко, словно мелом по линейке, прочертившая поверхность океана – верхний край пузырьковой завесы.

– Видишь, сколько их там, целое стадо, – снова обернулся он к Того и тут же взялся за микрофон:

– Ноль-один, и сближаем!

На экране появился второй оператор, он разворачивал свой излучатель в противоположном на правлении.

– Есть ноль-один, и сближаем.

Черные пятнышки то появлялись на воде, то вновь исчезали; пенные линии постепенно сходились.

– Ребята, ребята, – бормотал себе под нос Андерхилл, – вы, конечно, очень хитрые ребята, но не надо никуда убегать.

Оборотни, оказавшиеся в растворе гигантских белых ножниц, устремились в открытое море. Некоторые из них отбились от основной стаи и прорвали пузырьковую завесу.

– Ну вот! – вскрикнула Того. – Уходят, они же все уйдут!

Веселая, уверенная улыбка Андерхилла. Его рука небрежно откидывает волосы со лба.

– Нет, эти у нас уже побывали. Теперь, с твоими микрочипами в голове, они понимают, что сеть не страшная, что сквозь нее можно пройти.

Того возбужденно суетилась, чуть не подпрыгивала. Сейчас она казалась очень юной, почти ребенком.

– Да? А ты точно знаешь? Господи, да конечно, что же я за дура такая.

– Успокойся, успокойся. Пусть даже некоторые уйдут – ну что тут такого страшного?

– Их же осталось совсем мало, – вздохнула Гого. – Совсем-совсем мало. Нужно было навесить им эти чипы еще раньше, на берегу.

– На берегу нельзя, – ответил Андерхилл, не отрывая глаз от

экрана. – Их там не поймаешь. Ноль-три, продолжаем сближение.

– Ноль-три, продолжаем сближение. Белые линии сходились все ближе и ближе.

– Иногда я сомневаюсь, а стоило ли все это затевать? – задумчиво, словно сама у себя, спросила Того.

– Ты что, всерьез? – изумленно вскинул глаза Андерхилл.

– Мы же делаем им больно. *Я* делаю им больно.

– Не так давно туземцы были на грани вымирания. – Андерхилл напряженно смотрел на экран. – По нашей, кстати, вине. Неразумная политика, завезенные нами болезни, – Господи, да в первые годы на них даже охотились. А потом дело резко изменилось к лучшему. Знаешь, с какого момента?

– С какого?

– С того, когда первого туземца подключили к сети. Когда люди смогли прочувствовать их чистоту и жизненную силу. Когда…

– Когда люди смогли мчаться вместе с оборотнями сквозь волшебство ночи, вместе с ними охотиться, вместе с ними спариваться… – Гого осеклась и густо покраснела. – Ну да, конечно, в этом есть что-то извращенное…

– “Что-то”? – презрительно фыркнула Гогетта. – Не “что-то”, а самое что ни на есть извращение.

– Да ну тебя, – отмахнулась Мариво. – Не нравится, так и не подключайся, никто тебя не заставляет.

– Нет, – решительно отрезал Андерхилл,– никакое это не извращение. Что может быть естественнее нормального, здорового интереса к физической стороне любви? Ноль-пять, и закрываем.

– Ноль-пять, закрываем.

Третий тралмастер включил излучатель, и тут же на поверхности океана появилась поперечная линия, замкнувшая треугольник. Увидев перед собой новую, неожиданную преграду, оборотни растерянно остановились, повернули назад. Третья, замыкающая створка пузырьковой завесы стала медленно двигаться к кораблю – сеть стягивалась. Стрела подъемного крана развернулась, свисавший с нее сачок пошел вниз.

– Скоро твоя, очередь, – сказал Андерхилл.

– Не так уж и скоро, – отмахнулась Гого. – Знаешь, а с тобой легко говорить.

– Спасибо. – Андерхилл внимательно всмотрелся в ее лицо. – А ведь тебя и вправду что-то беспокоит, только что именно?

Того опустила глаза, провела пальцем по рифленой рукоятке пневматического пистолета, сжала ее, отпустила.

– Я боюсь, что это не будет так здорово, как рассказывают. В

смысле, теперь, когда они изменили форму.

– Так ты что, ни разу еще не пробовала?

– Я боялась.

– Попробуй, – ухмыльнулся Андерхилл. – Не пожалеешь.

Того немного помедлила, кивнула.

И снова кадры подводной жизни. Оборотни то выскакивали на поверхность, поднимая фонтаны брызг, то ныряли, чтобы ухватить зазевавшуюся креветку и перемолоть ее бритвенно-острыми зубами. Восприятие чиновника ограничивалось изображением на маленьком экране и звуком из паршивеньких динамиков, но даже его захватил бескрайний восторг этих существ.

– О-о! – хрипло протянула Гого. Темно-карие, миндалевидные глаза расширились. – О-о!

Гогетта мыла посуду. Дверь распахнулась, и в комнату влетела Мариво в мокром от дождя плаще, с огромной охапкой цветов.

– У вас мало времени, – сказала она чиновнику, расставляя цветы по вазам, – так что мы вырезали несколько часов и перейдем прямо к Приливу.

Океан ревел. Чуть не вся команда “Атлантиды” высыпала на палубу и столпилась у правого борта. Посмотреть было на что – вода вздыбилась огромным горбом, словно планете надоел старый горизонт и она решила обзавестись другим, повыше. “Атлантида” чуть накренилась и замерла в ожидании, уже подхваченная краем полярного цунами. Сутки назад где-то там, далеко на севере, в океан выплеснулась чудовищная масса растаявшей полярной шапки; огромный корабль шел вверх, легко и плавно, словно игрушка в ладони великана.

Новая последовательность крупных планов – расширенные глаза, напряженные лица. Люди застыли в благоговейном ужасе.

– А как они отсюда выберутся? – Сам того не желая, чиновник заразился волнением давно умерших персонажей давно окончившегося спектакля. – Они что, не хотят спастись?

– Конечно, нет.

– Так что же, они хотят умереть?

– Конечно, нет.

Изображение задрожало, слегка поплыло, а затем человеческая плоть превратилась в металл. Некий фокусник трансформировал “Атлантиду” в кошмарный корабль мертвецов. В “Летучего голландца” со штатной командой из скелетов – и с атомными двигателями.

– Двойников изобрели на Миранде, – гордо сообщила Мариво. – Мы это сделали первыми.

Скелеты снова оделись плотью.

Над морем повисло тяжелое, гнетущее спокойствие. Зеркальная, без единой морщинки поверхность воды натянулась до предела; чудовищный вал закрыл полнеба – и все еще продолжал расти. Штиль закончился, подул резкий, пронзительный ветер.

Еще несколько томительных, звенящих от напряжения минут, и вал подкатился под “Атлантиду”, вскинул ее на свой гребень; следом за валом двигалась сплошная, от горизонта до горизонта, стена белой, безумной ярости – полосовой шквал. Члены экипажа стали инстинктивно двигаться друг к другу, сбиваться в маленькие кучки.

Глаза Гого возбужденно сверкали. Она закусила губу, откинула с лица прядь растрепавшейся косички, решительно шагнула к Андерхиллу, попыталась его обнять.

Андерхилл резко отстранился. Брезгливый взгляд тралмастера говорил красноречивее всяких слов:

– *Ты всего лишь женщина.*

Шквал ударил “Атлантиду” в борт, палуба наклонилась, а затем и вовсе исчезла с экрана.

Мариво мечтательно вздохнула, Гогетта сжала руку сестры, отпустила и стала хлопать в ладоши. Мариво последовала ее примеру.

В какой-то там далекой студии актеры поднялись с потертых кожаных кушеток и раскланялись.

Лицо Мариво стало холодной, бесстрастной маской. Дом, сестра, камин – все это заплыло дымкой, растворилось.

– Первые трупы выкинуло на берег через неделю.

– Что?

– С радиационными ожогами. Мы думали, что понимаем туземцев, – и ошиблись. Мы не знали, что трансформация затрагивает химизм их мозга. А может – просто психологию. Так или иначе, но предупредительные сигналы, отгонявшие их от передатчиков, не подействовали. Туземцы жались к башням, и не просто к башням, а прямо к реакторам.

Безумие, самоубийство. Возможно, излучение стимулировало их половой инстинкт. Или просто хотели погреться. Спросить не у кого.

Мариво зажмурилась и всхлипнула.

– И ведь мы ничего не могли сделать – ровно ничего. Грозы, ураганы, – о том, чтобы пробиться к башням, не было и речи. А вот передачи пробивались. И мы не могли их выключить – конструкторам и в голову не пришло, что такое вдруг

потребуется. И все время, пока туземцы умирали, передатчики транслировали их мучения на все побережье. Ну и что, казалось бы, страшного, не хочешь – не подключайся. Но это было вроде как сломанный зуб во рту – язык все время его ощущает. Боль притягивает, гипнотизирует, и своя боль, и чужая. Лично я их слушала.

На Континент обрушилась волна горя и тоски, мощная и неудержимая, как Великий прилив. Только что жизнь была яркой и прекрасной, прошел день, другой, и она стала серой, бессмысленной. Прежде мы были народом оптимистичным, уверенным в себе, а теперь… мы потеряли перспективу, веру в будущее. Некоторые из нас находили в себе силы не слушать, но им передавалось настроение окружающих.

Если бы не сестра, я, пожалуй, умерла бы с голоду. Она кормила меня с ложечки, насильно, целую неделю. Она разбила мои серьги, заставила меня вернуться к жизни. Но я почти разучилась смеяться. Некоторые люди умерли. Другие сошли с ума. Мы стыдились смотреть друг другу в глаза. Когда внепланетные власти решили отобрать у нас науку – то немногое, что от нее осталось, – мы почти не протестовали. Сами виноваты, так какие могут быть возражения? Расцвет нашей технологии окончился, наступила долгая холодная зима.

Мариво умолкла, за эти немногие минуты ее лицо побледнело и осунулось. Чиновник щелкнул тумблером.

К столику подошел псоглавый официант:

– Вы кончили, сэр?

– Да, – кивнул чиновник.

Псоглавый взял аппарат, поклонился и ушел.

Чиновник допил пиво, откинулся на спинку стула и оглядел зал. За соседним столиком обедали три двойника. Они с полной серьезностью исполняли сложную, бессмысленную пантомиму – пили из никому не видимых стаканов, подцепляли вилками невидимую пищу, вытирали салфетками отсутствующие рты. Зрелище забавное и немного печальное. Затем чиновник поймал на себе взгляд одного из двойников, стоявших у балюстрады.

Двойник поклонился и подсел к столу. В первые мгновения чиновник не мог вспомнить, где же он видел это морщинистое лицо, острые, внимательные глаза. Однако школьные уроки эйдетики не прошли даром….

– Вы лавочник, – счастливо улыбнулся он. – Из Лайтфута. И вас зовут… Пуф, так ведь?

– Так, так, конечно, так. – В ухмылке старика было что-то не совсем нормальное, почти безумное. – Хотите, наверное,

спросить, как я вас здесь нашел?

– Как вы меня здесь нашли?

– А я за вами следил. Проследил вас до Коббс-Крика. Перескочил оттуда в Клей-Бэнк, а вас там нет и не было. Я тогда назад, в Коббс-Крик, а там говорят, вы недавно уехали. Я знал, что вы сюда зайдете. Вы, внепланетчики, все такие – хлебом не корми, только бы на достопримечательности поглазеть. Вот я вас здесь и ждал.

– Правду говоря, я забрел сюда совсем случайно.

– Ну конечно, случайно, – сардонически улыбнулся Пуф. – Только я все равно бы вас нашел. Я ж не только здесь жду. Я же в четырех местах вас жду – вот так вот все утро и прыгаю, от одного терминала к другому.

– Это же стоило вам уймы денег.

– Да, деньги – ключ ко всему. – Старик подался вперед, многозначительно вздернул брови. – Деньги, уйма денег. Ничего, не разорюсь. Я – человек богатый, вы понимаете, о чем это я?

– Не совсем.

– Я видел ваши рекламы. Ну, эти, про волшебника. Про того, который может…

– Секунду, секунду!.Это же совсем не мои…

– …переделать человека, чтобы тот мог жить и дышать под водой. Ну так вот, я…

– Прекратите. Чушь это, чушь и недоразумение.

– …хочу его найти. Я понимаю, с какой бы вам стати расстилаться перед каждым встречным-поперечным. Но я заплачу за информацию. Очень хорошо заплачу.

Старик потянулся через стол и схватил чиновника за руку.

– Да не знаю я ничего! – Чиновник раздраженно стряхнул металлическую клешню и встал. – А если бы и знал – все равно не сказал бы. Жулик он, откровенный жулик. Он обещает невыполнимые вещи.

– По телевизору вы говорили совсем другое.

– Знаете, милейший, давайте посмотрим. – Чиновник подвел Пуфа к балюстраде. – Представьте себе, во что все это превратится через пару месяцев. Ни дома, ни сарая, никакой крыши над головой. Ни одного дерева, только мутная вода, водоросли и акулы. Здешняя жизнь имела миллионы лет на адаптацию, а вы – цивилизованный человек, существо, чей геном чужд не только Океану, но и всей этой звездной системе. Предположим невероятное: пусть Грегорьян действительно выполнит свои бредовые обещания – ну и что, что тогда? Как вы будете там жить? Чем вы будете питаться? Да вы сами быстренько пойдете на пропитание или тем же акулам, или кому еще –

желающих хватит.

– Извините, пожалуйста, сэр, – сказал быкоголовый официант.

Он небрежно отстранил Пуфа, положил ладонь на спину чиновника и сильно толкнул.

– Эй, какого… – закричал Пуф.

Чиновник упал, судорожно вцепился в перила, услышал сзади злорадный смех, и тут же мир встал вверх тормашками. Лес и небо описали круг и исчезли, на их месте появился живот, обтянутый официантской курткой. Перевернутый живот. Руки быкоголового, державшие чиновника за лодыжки, были теплыми и твердыми, потом они разжались и пропали.

Чей-то пронзительный визг, удары по ногам и в живот, ослепительная вспышка боли… Придя в себя, чиновник понял, что лежит на полу ничком, что руки его все так же цепляются за перила. Он разжал судорожно сведенные пальцы, подтянул под себя ноги и сел. Официант и двойник Пуфа крепко обнимались. Или танцевали. Официант уперся обеими руками в телевизионный экран и сильно толкнул; металлическая голова упала на пол, слегка подпрыгнула, подкатилась к краю помоста и исчезла. Обезглавленный робот рванул противника на себя, сделал шаг назад и уперся спиной в балюстраду. Раздался резкий, сухой треск, подгнившее дерево лопнуло, выстрелив несколькими щепками. Все присутствующие замерли.

– Голову искать пошел! – хихикнул какой-то юморист.

Началась суета. Официанты и клиенты, люди и двойники дружно бросились к балюстраде, они толкались, тянули шеи. Про чиновника никто не вспоминал.

Чиновник медленно поднялся с пола. У него болело все тело, но особенно – ноги и позвоночник. Левое колено дрожало и подгибалось, к нему неприятно липла штанина. Чиновник взялся за перила и заглянул вниз. Да-а, высоко. Безголовый робот расплющился в лепешку, но так и не разжал страстных объятий. Официант не шевелился, сейчас он был похож на сломанную куклу. Бычья маска свалилась, под ней обнаружилось круглое, слишком хорошо знакомое чиновнику лицо.

Это был Вейлер, липовый Чу.

“Он там мертвый, а я здесь, живой, – думал чиновник. – А могло быть наоборот”.

Металлическая рука взяла его за локоть, осторожно потянула в сторону.

– Идемте сюда, – негромко сказал Пуф. – Пока никто о вас не вспомнил.

Они прошли к уединенному, спрятанному среди густой

листвы столику.

– Веселые у вас приятели. Может, расскажете, что все это значит?

– Нет, – покачал головой чиновник. – Я и сам ничего толком не знаю. То есть я знаю, кто за этим стоит, но и только, безо всяких подробностей. – Он глубоко вдохнул и медленно, на счет, выдохнул. – Вот, все еще дрожу, никак не успокоиться. – Еще один глубокий вдох. – А ведь я обязан вам жизнью.

– Что точно, то точно. Слава еще Богу, что я не совсем забыл навыки рукопашного боя. Эти долбаные железяки, они же совсем хилые, их нарочно такими делают. Сидя в такой хреновине, с живым человеком черта с два справишься – разве что использовать против него его же собственную силу. – По экрану расплылась широкая, довольная улыбка. – Вы сами знаете, как меня отблагодарить.

Чиновник вздохнул, посмотрел на свои лежащие на столе руки. Слабые человеческие руки. Руки человека, которого очень легко убить. Он еще раз вздохнул и собрался с силами:

– Послушайте…

– Нет, это вы послушайте! Четыре года, целых четыре года оттрубил я в Норе, от звонка до звонка! Нора – это тюрьма на Калибане, армейская. А вы хоть знаете, какая там обстановка?

– Как на древней каторге, а то и хуже.

– Нет, ничего подобного! В том-то и дело, что все там очень чистенько, спокойненько и гуманно. Приходит какой-нибудь сопливый лаборантик, подключает тебя к простенькой программе визуализации, к искусственному питанию, к физиотерапевтической программе – чтобы тело не превратилось в кисель, и все, сиди себе в собственном своем черепе, как в камере.

Это вроде как в монастыре, ну или как в приличной, чистенькой гостинице. Ничто тебя не тревожит, ничто не беспокоит. Эмоции выведены почти на нуль. Тебе хорошо и уютно, как младенцу у титьки. Ты не ощущаешь ничего, кроме приятного тепла, не слышишь ничего, кроме тихих, бессмысленных, умиротворяющих звуков. Ничто тебе не угрожает, ничто не причинит тебе боль, и никуда ты, сука, не сбежишь.

Четыре года!

По окончании срока – три месяца интенсивной реабилитационной терапии, без этого никак, ведь ты напрочь отвык воспринимать внешний мир, верить собственным глазам. И все равно, даже после этой ихней терапии, просыпаешься иногда и не веришь, что мир существует, что ты сам существуешь.

Я вышел оттуда и лег на дно. Я поклялся никогда больше не

подключать свою репу ко всякой электронной хрени, ограничить свои передвижения такими местами, куда можно попасть лично, ножками. Я прожил с тех пор целую жизнь и ни разу не нарушил клятвы. До сегодняшнего дня. Вы понимаете, что я вам говорю?

– Вы говорите, что это для вас важно.

– Вот именно – важно. Очень важно.

– А ваша жизнь, она-то для вас важна? Тогда бросьте свои ребяческие фантазии. Все эти сказки про коралловые замки и про песни русалок. Мы живем в реальном мире, вот в этом, который вокруг вас, другого нет и не будет.

Автомобильные гудки, регулярные и настойчивые. Дорога, пилимо, свободна. Чиновник встал.

– Мне нужно идти.

– Мы даже не успели поговорить о деньгах! – Пуф вскочил, обогнул столик, загородил чиновнику дорогу. – Вы даже не знаете, сколько я готов заплатить. Много, очень много.

– Не надо, прошу вас. Все равно без толку.

– Нет, вы должны меня выслушать. – Пуф жалко всхлипывал; по морщинистому, искаженному отчаянием лицу катились слезы. – Вы должны меня выслушать.

– Этот человек досаждает вам, сэр? – спросил вынырнувший откуда-то официант.

Чиновник застыл в нерешительности. Затем он кивнул. Официант выключил двойника.

“Новорожденный Король” куда-то исчез, как сквозь землю провалился. Чу стояла на подножке “Львиного Сердца” и жала на сигнал. Заметив чиновника, она спрыгнула на землю.

– Ты какой-то не в себе. Бледный.

– Будешь тут бледным, – пожал плечами чиновник. – Один из грегорьяновских ребят пытался меня убить.

Выслушав его рассказ, Чу с яростью ударила кулаком по ладони.

– Вот же сучий кот, – прошипела она. – Вот же долбаный нахалюга!

Неожиданный всплеск эмоций удивил чиновника, даже немного ему польстил. Он не имел полной уверенности, что Чу относится к нему серьезно, не считает ,его дешевым внепланетным пижоном, человеком, которого приходится терпеть, но никак нельзя уважать. Его охватила теплая волна благодарности.

– Ты вроде говорила мне, что нельзя принимать дело слишком близко к сердцу.

– Да, но когда какой-то там сученок пытается убить твоего

напарника, это меняет все дело. Грегорьян еще поплатится, я уж об этом позабочусь.

Чу резко развернулась и наступила на зазевавшегося краба.

– Вот же, мать твою! – Она отфутболила изуродованное тельце в кусты, полезла в карман и вытащила носовой платок. – Денек, долби его конем.

– Послушай. – Чиновник снова огляделся. – А где Минтучян?

– Смылся. – Стоя на одной ноге, Чу тщательно вытирала подошву. Затем она скомкала платок и закинула его в те же кусты. – Прихватив твой чемоданчик.

– Что?!

– А вот то. Как только крабов стало поменьше, он врубил мотор, схватил чемодан и рванул, словно за ним собаки гнались. Я не знала, где ты и как тебя искать, вот и стала бибикать.

– А он что, не знал, что чемодан вернется? Чемодан вернулся минут через тридцать. Тем временем Чу договорилась с водителем “Львиного Сердца” и ушла посмотреть на труп своего имперсонатора.

– Вот уж посмеюсь, – мрачно улыбнулась она. – Может, даже отрежу у этого ублюдка ухо. На светлую память.

Подойдя к хозяину, чемодан опустился на землю и вобрал в себя ноги.

– Ну и как? – спросил чиновник. – Были сложности?

– Какое там. Этот придурок даже не удосужился меня привязать. Отъехав пару миль, он совсем успокоился, перестал гнать как бешеный, ну а я тогда к окну, и поминай как звали.

– Х-м-м. – Чиновник ка секунду задумался. – Я тут ввязался в небольшую разборку, так что придется задержаться. Возможно, полиция захочет нас допросить. Напишем заодно донесение, с ними и отправим.

Чемодан, хорошо знакомый с настроениями хозяина, не стал ничего переспрашивать.

Чиновник думал о Грегорьяне, о неожиданном изменении его тактики – прежде волшебник только издевался, а теперь перешел к решительным действиям. Покушение было задумано весьма всерьез и почти увенчалось успехом. Почти. Он думал о Минтучяне и о словах Орфелина, что где-то рядом есть предатель. Все изменилось, изменилось самым драматическим образом.

– Ну и как же реагировал Минтучян, когда ты полез в окно? Очень удивился?

– У него была морда, словно на ежа сел. Жаль, что вас там не было, вот уж посмеялись бы так посмеялись.

– Наверное, – покривил душой чиновник. Ему не хотелось,

смеяться. Совершенно не хотелось.

10. ПАНИХИДА

Ночью ветер принес с океана рой ракушечных мух; к тому времени, когда чиновник проснулся, плавучий дом оброс толстым слоем крошечных раковин. Впрочем, дом этот давным-давно уже не плавал, а покоился на берегу, на корабельном кладбище. После третьего удара плечом дверь все-таки поддалась. В лицо пахнуло соленым запахом океана, словно духами любовницы, которая убежала утром, весело прочирикав неопределенное: “Нет, не завтра, не послезавтра, но я *обязательно* зайду!”

Чиновник нахмурился и сплюнул за борт.

Нижняя ступенька лестницы отсутствовала. Он спрыгнул на голый, утоптанный пятачок земли и начал пробираться среди ободранных корабельных остовов.

– Эй!

Чиновник поднял голову. Во что же это она, интересно, впилилась? Носовая часть большой крейсерской яхты была смята в гармошку. Золотоволосый, абсолютно голый амурчик стоял на уцелевшей корме, щедро орошая розовые кусты. Малолетний мародер, их тут много, целая шайка. Мальчишка махнул левой, свободной рукой; тускло блеснул опознавательный браслет.

– Ты что, опять эти штуки высматриваешь? Тут в одном месте их целая куча – подходи и бери сколько хочешь.

Через пять минут чиновник закинул сверток на борт своего временного обиталища и снова направился в Клей-Бэнк. Далекий колокольный звон призывал правоверных к медитации. Все небо, от горизонта до горизонта, затянули тяжелые, свинцовые тучи. Моросил мелкий, почти неощутимый дождь.

Поселок Клей-Бэнк тесно жался к реке – здесь, на востоке, земля слишком плодородна, чтобы разбрасываться ею попусту. Некрашеные фанерные домишки опасно балансировали на самом краю высокого откоса. Подсобные помещения, склады и горшки размещались по большей части в искусственных пещерах посреди склона; подходом к ним служила узкая, выстланная досками терраса.

Именно там, на террасе, и ждала своего напарника Чу.. На реке прыгали лодки, привязанные к свайной пристани, в настиле которой было больше Дырок, чем досок, – пристань как идея, как *beau ideal, пристань больше в интенции, чем в материалъном воплощении. Мерзкая морось как-то сразу вдруг превратилась в дождь, удары капель по воде слились в белый шум (серый? или мокрый?). Чиновник и Чу нырнули в закусочную.*

Свободный столик нашелся быстро.

– Очередное предупреждение. – Чиновник вынул из чемодана воронье крыло. – Было пришпилено к двери. Еще вчера – я нашел, когда вернулся домой.

– Странные дела. – Чу расправила крыло, внимательно осмотрела окровавленный плечевой сустав, нашла среди перьев и зачем-то разогнула крошечные пальцы.

– Шпанята, наверное, развлекаются. Мародеры эти самые. – Она пожала плечами и вернула крыло. – И чего ты, спрашивается, там поселился?

– Кто бы ни подсовывал мне эти штуки, – раздраженно поморщился чиновник, – он работает на Грегорьяна. Знакомый стиль.

Его беспокоило, что противник снова изменили тактику, после прямого покушения вернулся к насмешкам и запугиванию. Зачем? Непонятно, даже бессмысленно.

Закусочная размещалась в узком туннеле, вырытом перпендикулярно обрыву. Окон здесь, естественно, не было – только застекленный фонарь в потолке, бросавший на пол пятно мутноватого света. Самое вроде бы удобное, светлое место во всем заведении, однако под фонарем стояли не столы, а жестяные тазики, куда звонко капала просачивающаяся сквозь щели вода, В дальнем конце тоннеля смеялись и болтали поварихи, освещенные синеватым, дрожащим пламенем газовых конфорок. Подошедшая официантка грохнула на столик две миски с солониной и ямсовым пюре. Чу наморщила носик.

– А у вас нет…

– Нет, – отрезала грудастая бабища. За соседним столиком громко загоготали. – Хочешь есть – бери что дают.

– Вот же наглая сука, – прошипела Чу. – Не будь эта тошниловка последней в поселке, я бы…

– Полегче, полегче.

Молоденький эвакуатор, один из тех смешливых соседей, говорил с густым северным акцентом – правоохранительные органы Приливных Земель комплектовались обычно из уроженцев западных провинций, Блэкуотера и Вайнленда.

– Завтра последний дирижабль. Вот они и подчистили свою кладовку.

Его берет, засунутый под погон, был украшен роскошным петушиным хвостом.

Чу молча подняла глаза. Через несколько секунд словоохотливый солдатик покраснел и отвернулся.

Рядом со столиком, в нише, стоял телевизор; чиновник включил первый попавшийся канал – и нарвался на учебный

фильм по обжигу горшков. Рабочие закупоривали вырытые в глине туннели. В каждом из них оставлялись две узкие щели, одна – внизу будущей двери, другая – в конце туннеля, вверху. Дальше все известно – сейчас они подожгут сложенные внутри дрова, над землей поднимутся столбы дыма – привидения умерших, разрубленных на куски деревьев. Столбы расплывутся, сольются в сплошную пелену, заслонят солнце. Сперва эти инструкции показали по одному из правительственных каналов, с тех пор фильм крутили чуть ли не каждый день. Его уже не то что не смотрели, но даже вроде и не замечали.

– *Температура, необходимая для оплавления стен…*

Чиновник ткнул другую кнопку,

– *Мой брат погиб в океане! Что я мог поделать? Я же, собственно говоря, ему не сторож.*

– Ты что, смотришь это дерьмо? – удивилась Чу.

– Да как-то затягивает.

– А вот этот говнюк, который тощий, он кто такой?

– Вопрос, прямо скажем, интересный. Вроде бы это – Шелли, двоюродный брат Идеи – ну, той маленькой девочки, которая увидела носо… тьфу, *едино* рога. Но у Идеи *два* двоюродных брата, однояйцовые близнецы.

Чу презрительно фыркнула:

– Ну да, конечно, это очень неправдоподобно. С другой стороны, подобные вещи случаются даже во Внутреннем круге – хотя и нечасто. У них даже разработана специальная методика генетической маркировки, как раз для таких вот накладок, чтобы можно было пометить близнецов как разные личности.

Но Чу уже не слушала. Она тоскливо смотрела в открытую дверь на серую пелену дождя. Вокруг смеялись и болтали официантки и поварихи, солдаты и штатские клиенты – веселые, даже чуть опьяненные ожиданием близких, решительных перемен.

– *Ну хорошо, хорошо. Да, я его убил. Я убил своего брата! Ну что, легче тебе стало?*

– Господи, – сказала Чу. – Это самая тоскливая дыра во всей Вселенной.

Дождь сделал доски настила скользкими, как рыбья чешуя; чиновник следовал за Чу, взмахивая отставленным для равновесия чемоданчиком и непрерывно ругаясь. В одном месте им пришлось пробираться чуть не по щиколотку в воде: лестница наверх, обшитая в прошлом досками, обвалилась, превратилась в обычную канаву, а сейчас, во время дождя, – в русло ручья.

– Завтра последний дирижабль, – напомнила Чу. – Я реквизировала два хороших места.

Чиновник нечленораздельно буркнул и помотал головой.

– Брось. Пропустим дирижабль – придется выбираться отсюда телячьим кораблем, вместе с голодранцами. – Она раздраженно подергала свой опознавательный браслет. – А ты знаешь, что там творится? Грязь, вонища, теснота такая, что ни встать ни сесть…

Они еле увернулись от упавшего сверху ящика. Ящик с грохотом обрушился на дорожку, отскочил, перепрыгнул через бровку, покатился, все ускоряясь, по склону и шумно плюхнулся в реку. Мародеров, прочесывавших брошенные кладовые, интересовало очень немногое, большую часть вещей они попросту расшибали и выкидывали. Внизу, под обрывом, вода были густо покрыта хламом; ленивое течение крутило никому уже не нужные вещи, относило их от берега, увлекало к далекому Океану. Старые матрасы и засушенные цветы медленно намокали и тонули, корзины и кресла, разбитые шкафы и скрипки плыли гордо, как игрушечные кораблики. Прежде у мародеров не было Денег, чтобы купить эти вещи, а теперь не было денег, чтобы заплатить за их перевозку; судя по ликующим, опьяненным крикам, несчастные ублюдки ощущали себя мстителями, борцами за справедливость.

Опасливо поглядывая вверх, Чу и чиновник подошли к горшку, над дверью которого висело выцветшее изображение серебристой скелетовидной фигуры. Платное предоставление терминала являлось единственной законной коммерцией этого заведения, единственным его *raison d'etre, хотя все прекрасно знали, что в действительности здесь функционирует единственный в Клей-Бэнке пуб личный дом.*

– А что насчет флаера? – спросил чиновник. – Как там, в Каменном доме, чешутся или нет?

– Нет. И теперь, пожалуй, никогда не почешутся. Слушай, мы столько здесь проторчали, что у меня задница мохом обросла. Мы сделали все, что могли, и ничего уже больше не сделаем – след давно остыл. Да и вообще на хрена нам флаер? Мотать отсюда надо.

– Я тщательно обдумаю изложенные вами соображения.

Чиновник вошел в бордель. Чу осталась под дождем.

– Давненько я здесь не был, – сказал чиновник.

Квартира Корды поражала размерами – особенно если вспомнить, что находилась она в городе, где простор прямо пропорционален богатству. Пол огромного помещения был разбит террасами и засеян травой, каменные орудия, развешанные по чуть наклонным стенам, освещались лучами софитов, отраженными от вращающихся порфировых колонн. И везде – мучительная чистота, неестественный, почти нездоровый

порядок. Даже кадки с карликовыми вишневыми деревцами расставлены зеркально-симметричными парами.

– Так ты и сейчас не здесь, – сухо огрызнулся Корда. – Чего это ты беспокоишь меня дома? Подождать не мог? Конторы не хватает?

– В конторе ты меня избегаешь.

– Ерунду мелешь, – нахмурился Корда.

– Прошу прощения.

На пороге появился человек в белой керамической маске и свободной накидке – очевидный денебец.

– Сейчас будут голосовать, вас ждут.

– Подожди меня здесь, – кивнул Корда чиновнику. – А ты, Вас ли, разве не идешь? – добавил он, глядя на человека в маске.

Белое безглазое лицо взглянуло на Корду сверху вниз.

– Я тоже подожду здесь, так будет лучше для всех. Сейчас обсуждают мое членство в комитете.

Денебец вышел на середину комнаты и застыл. Его голова была скрыта под капюшоном, руки терялись в рукавах накидки. В этом человеке чувствовалось нечто не совсем человеческое – его движения были слишком уж точными, грациозными, неподвижность – слишком полной. Чиновник неожиданно понял, что видит перед собой редчайшее творение – постоянного двойника. Их взгляды встретились.

– Я вас нервирую, – сказал Васли.

– Нет, нет, что вы. Просто…

– Просто вас смущает моя внешность. Нельзя, чтобы излишняя щепетильность принуждала вас ко лжи. Я верю в правду. Я – смиренный слуга правды. Будь моя воля, я не оставил бы в мире ни лжи, ни двусмысленных уверток, не оставил бы ничего спрятанного, укрытого, запертого, все было бы доступно взгляду любого желающего.

Чиновник подошел к стене, окинул взглядом каменные орудия. Наконечник остроги с Миранды, наконечники стрел с Земли, копалки для червей с Говинды…

– Не хотелось бы вас обидеть, но вы рассуждаете как информ-свободник.

– Естественно. Я – информ-свободник и ничуть этого не стесняюсь.

“Информ-свободник? Не скрывающий своих взглядов? Разгуливающий на свободе?” – Чиновник взирал на денебца как на некое мифическое чудище, как на говорящую гору, как Идеи – на своего единорога.

– Правда? – глуповато переспросил он.

– Конечно, правда. Я оставил свой родной мир с

единственной целью – передать вашему народу накопленные мной знания. Нужно быть крайним радикалом, чтобы собственными руками поломать свою жизнь. Нужно иметь большую решимость, чтобы обречь себя на существование в обществе людей, которых смущает твоя внешность, твое присутствие, людей, которые считают глубочайшие твои убеждения преступными и – что самое главное – абсолютно не интересуются тем, что ты хочешь им сообщить.

– Да, но сама концепция свободы информации является…

– Излишне радикальной? Опасной? – Васли широко раскинул руки. – Посмотрите, разве я выгляжу опасным?

– Вы хотели бы предоставить всем желающим доступ к любой информации.

– Да, всем и к любой.

– Вне зависимости от возможных последствий?

– Послушайте. Ваше общество ведет себя как маленький мальчик, гулявший по польдеру и обнаруживший дырочку в плотине. Вы затыкаете дырочку пальцем, и вода перестает просачиваться. Но море поднимается и давит сильнее – немножко сильнее. Края дырки выкрашиваются, дырка растет, приходится затыкать ее кулачком. Затем вы засовываете в проем всю руку, по самое плечо. Еще какое-то время, и вы залезли в проем с головой, заткнули его своим телом. Пролом продолжает расширяться, вы раздуваете грудь и живот. Но море никуда не делось, оно все поднимается. И тут вы наконец убеждаетесь, что все ваши усилия были тщетны.

– Ну и что же, по вашему мнению, нужно делать с опасной информацией?

– Контролировать ее! Быть владыками информации, а не ее заложниками!

– Каким образом?

– Не имею ни малейшего представления. Но я один, а если бы вы, все вместе, употребили все знания и силы, растрачиваемые ныне на тщетные попытки… – Васли оборвал фразу на полуслове. Некоторое время он смотрел на чиновника, а затем глубоко вздохнул и продолжил, совсем уже другим голосом:

– Простите меня, пожалуйста. Я не смог себя сдержать, сорвал на вас свою злость. Сегодня утром мне сообщили, что мой оригинал – Васли, каким я был прежде, человек, считавший, что ему есть чем поделиться с вашим народом, – что он умер. Я не успел еще оправиться от удара.

– Примите самые искренние мои соболезнования. – Чиновник не решался посмотреть в белое, ничего не выражающее лицо. – У вас большое горе.

Васли покачал головой:

– Я даже не знаю, плакать мне или смеяться. Он был мной, и в то же самое время именно он лишил меня тела, приговорил меня к одиночеству, к смерти в чужом мире.

Безглазое лицо смотрело вверх, сквозь тысячи уровней летающего города, во внешнюю темноту. Во мрак кромешный.

– Я хочу пройти – хотя бы еще раз – по лугам Сторра, вдохнуть запах чукчука и руу. Увидеть, как среди западных созвездий сверкают фойблы, услышать пение цветов. После этого можно и умереть.

– Вам никто не мешает вернуться.

– Вы путаете сигнал с сообщением. Конечно же, я могу просканировать себя и передать сигнал домой. Но *я-то* останусь здесь! И если я даже убью себя после передачи сигнала – что это изменит для *меня?* Я успокою совесть своего двойника – но *я* умру здесь.

Денебец искоса взглянул на электронное тело чиновника.

– Вряд ли вы меня поймете. Спорить было бессмысленно.

– Простите мое любопытство, – сменил тему чиновник, – но чем именно занимается ваш комитет?

– Вы имеете в виду Гражданский комитет по предотвращению геноцида? Сфера деятельности нашего комитета четко определена его названием. Любая колонизованная система – в том числе и наша, из которой я родом, – неизбежно сталкивается и с проблемой сохранения индигенных рас. Самой Миранде ничто уже не поможет, однако изучение ее опыта приводит к очень интересным заключениям.

– А не слишком ли вы торопитесь с выводами? – осторожно заметил чиновник. – Я лично… э-э… знаком с людьми, которые видели оборотней, даже разговаривали с ними, и все это – буквально на днях. Вполне возможно, что коренные мирандианцы сумеют выжить.

– Нет, не сумеют.

– Но почему? – удивился чиновник.

– Для каждого вида существует минимальная численность замкнутой популяции. Любая меньшая популяция обречена на гибель – ей не хватит гибкости, чтобы приспосабливаться к естественным вариациям внешних условий. И дело тут даже не в количестве особей, а в богатстве генофонда, в его разнообразии. Простейший пример. Вымирают какие-нибудь орлы или там воробьи, и осталось их, скажем, всего десять штук. Вы бросаетесь на спасение, оберегаете птиц от всех неприятностей, доводите их численность до многих тысяч. И все равно огромная эта стая состоит из десятка генетически различных особей – только

многократно повторенных. Генофонд ее хрупок и неустойчив. И в какой-нибудь злополучный день все ваши птицы погибнут. Случайная болезнь, которая убьет одну из них, убьет и всех остальных. И не обязательно болезнь – причин может быть сколько угодно.

Если оборотни и сохранились, то в очень малых количествах, иначе все бы о них знали. Корда придерживается иного мнения, но это у него так, заскок. А существование нескольких особей не значит ровно ничего – как раса, как народ они погибли.

Чиновник хотел возразить, но не успел.

– Вас просят, – поклонился Васли появившийся на пороге Корда. – Не сомневаюсь, что решение Комитета доставит вам радость.

Только зная Корду как облупленного, можно было понять смысл этой преувеличенной галантности: минуту назад заведующий оперативным отделом потерпел одно из очень редких в его жизни поражений.

Васли коротко кивнул чиновнику и удалился; Корда проводил денебца задумчивым взглядом.

– Вот уж не думал, – заметил чиновник, – что вы интересуетесь оборотнями.

– Собственно говоря, я только ими и интересуюсь, – пожал плечами Корда и тут же осекся. – Ну, в том, конечно, смысле, что они – единственное мое хобби.

Запоздалая поправка звучала жалко, неубедительно. Внезапно все прошлое предстало в совершенно новом свете. Тысячи мелких, случайных замечаний Корды, сотни пропущенных собраний, десятки странных изменений политики – все эти малопонятные обстоятельства выстраивались в стройную, логичную систему. Чиновник изо всех сил старался, чтобы неожиданное откровение не отразилось на его лице.

– Так в чем там дело? – поинтересовался Корда. – Какая у тебя такая сверхсрочная необходимость?

– Мне нужен флаер. Я жду несколько недель, а Каменный дом ни мычит ни телится. Если вы на них немного нажмете, я сверну это дело буквально за сутки. Я знаю, где искать Грегорьяна.

– Знаешь?

Несколько секунд Корда молчал, пристально изучая лицо чиновника.

– Хорошо, – кивнул он, берясь за клавиатуру, – будет тебе флаер. Завтра утром, у Тауэр-Хилла.

– Спасибо.

Корда явно хотел сказать что-то еще, но мялся в необычной для себя нерешительности. Он смотрел то на чиновника, то куда-

то в сторону и наконец удивленно спросил:

– А что это ты уставился на мои ноги?

– Ноги? – в свою очередь удивился чиновник. – Да нет, ничего такого, я просто задумался.

Он действительно задумался. Задумался о том, что многие люди пользуются предметами роскоши, доставленными из других звездных систем. Автоматические транспортники ползут от звезды к звезде с выматывающей душу медлительностью, но зато строго по расписанию. И не только отец Грегорьяна предпочитает чужеземные сапоги.

Красные кожаные сапоги.

Чиновник дезактивировал двойника и выключил терминал. Сквозь открытую наружную дверь в холл публичного дома лился жемчужно-серый предзакатный свет. Тишина – как в гробу. Вышибала сидит на ободранном колченогом стуле и то ли спит с открытыми глазами, то ли осоловело смотрит на дождь. Туннели, ведущие в глубь склона, кажутся черными дырами.

Прикрыли лавочку, окончательно.

Страх, смешанный с облегчением, быстро прошел – чиновник сообразил, что еще слишком рано, что женщины просто не вышли еще на работу.

– Извините, пожалуйста…

Толстенький коротышка с курчавыми, сильно поредевшими волосами, смехотворно непохожий на классического вышибалу, поднял голову и окинул чиновника тусклым, безразличным взглядом.

– … Я хотел бы увидеть одну женщину, которая здесь работает… – Чиновник с ужасом сообразил, что не знает настоящих имен этих женщин – только клички, подслушанные из пьяных солдатских разговоров, – Хрюха, Коза, Кобыла… – Такую высокую, с короткой стрижкой.

– Посмотри в закусочной, наверное, она там.

– Спасибо.

Чиновник ждал Кобылу, затаившись рядом с закусочной, в темном, неизвестно куда ведущем проеме, из которого успели уже выломить дверь. Печальный призрак, безгласный и невидимый, с завистью взирающий на мир живых. Стоять снаружи, у всех на виду, он не решался.

Чиновник уже знал, как ведут себя люди, вышедшие из закусочной. Они останавливались под козырьком входной двери, переминались с ноги на ногу и только затем, набравшись духу, опрометью бросались под проливной дождь. Чу вышла не одна, а

с добычей, с очередным лопоухим юнцом.

– Это ж со смеху лопнуть, как вы гордитесь этими своими довесками. Тоже мне невидаль. Ну есть у тебя пенис, так ведь у меня-то он тоже есть.

Парень неуверенно хихикнул.

– Ты что, не веришь? Я ведь на полном серьезе. Хочешь поспорим? – Чу вытащила пачку денег. – Ну что ты головой-то качаешь? Не верил, не верил, а теперь вдруг поверил? Давай так, я дам тебе шанс отыграться. Удвоим ставку и поспорим, что мой больше твоего.

После недолгих колебаний солдатик широко ухмыльнулся, буркнул “О'кей!” и начал расстегивать брюки,

– Да ты что, совсем рехнулся? – завопила Чу, хватая парня за руку. – Здесь же люди ходят! Нет уж, красавчик, компаративным анализом мы займемся в приватной обстановке.

Она неумолимо поволокла добычу в логово.

Чиновник, слышавший из своего укрытия каждое слово пикантной беседы, искренне веселился. Чу успела уже похвастаться своим трофеем. Орган, отрезанный у Вейлера, прошел через руки опытного таксидермиста и выглядел на удивление живо.

– Послушай, а зачем тебе такая штука? – спросил чиновник, когда Чу со смехом открыла продолговатый, обтянутый бархатом футляр.

– Это будет приманка.

Она описала членом несколько петель, словно ребенок – игрушечным самолетом, а затем любовно чмокнула воздух перед его кончиком.

– Хочешь верь, хочешь нет, но лучше всего молоденькие петушки идут на большой болт.

Задержавшись под тем же навесом, Кобыла начала поднимать капюшон плаща. Чиновник вышел из темноты и осторожно кашлянул.

– Я хотел бы воспользоваться твоими услугами. Только не здесь. Я поселился на корабельном кладбище.

Кобыла окинула его оценивающим взглядом и пожала плечами:

– Хорошо. Но время, истраченное на дорогу, тоже пойдет в счет. И я не смогу проторчать у тебя до утра. – Она слегка подергала чиновника за татуированный палец. – Сегодня ночью в церкви служат панихиду.

– Хорошо, – согласился чиновник.

– Это – последняя служба перед эвакуацией, и я не хочу ее

пропустить. Будут отпевать всех, кто когда-либо умер в Клей-Бэнке. Мне тоже есть кого помянуть. Так пошли, куда там? – Кобыла взяла его под руку.

Некрасивое лицо, кожа обветренная, задубевшая, как старое дерево. Чиновник легко мог представить себе эту женщину своей хорошей знакомой – при других обстоятельствах.

Они шли и молчали. Чиновник кутался в пончо, полчаса назад изготовленное чемоданом. Молчать становилось все труднее и труднее.

– А как тебя звать? – неловко спросил он.

– По-настоящему или как меня зовут в заведении?

– Все равно.

– Тогда – Аркадия.

Открыв дверь, чиновник нащупал свечку, зажег ее и поставил в подсвечник. Аркадия топала ногами, стряхивая налипшую на сапоги грязь.

– Господи, – вздохнула она, – да когда же он кончится, дождь этот проклятый?

Сверток, купленный утром у малолетних мародеров, так и лежал на тумбочке, но кое-что в комнате изменилось. Кто-то сдернул с кровати покрывало и положил на простыню черное воронье перо. Чиновник смахнул перо на пол.

Аркадия высмотрела на стене крючок и повесила плащ. Она сдвинула опознавательный браслет повыше и стала чесать запястье.

– У меня от него сыпь. Но только знаешь, что я думаю? Пройдет год-другой, и адамантин войдет в моду. Люди будут надевать такие вот штуки по доброй воле, будут платить за них бешеные деньги.

– Вот, – сказал чиновник, протягивая ей сверток, – Сними с себя все и переоденься в это. Аркадия взглянула на сверток, пожала плечами:

– Хорошо.

– Я сейчас вернусь.

Чиновник вынул из чемодана садовый секатор и вышел под дождь, в непроглядную тьму. Вернулся он не очень скоро, Аркадия успела уже переодеться. Карнавальное платье было скроено кое-как и сплошь расшито оранжевыми блестками. Но по размеру почти тик-в-тик. Сойдет.

– Розы! Как здорово! – Аркадия захлопала в ладоши и закружилась, совсем как маленькая девочка. Легкая материя взметнулась текучим, волшебным движением.

– Тебе нравится, как я выгляжу?

– Ложись на кровать, – грубо сказал чиновник, – и задери

юбку до пояса.

Аркадия молча подчинилась.

Чиновник бросил мокрую охапку роз рядом с кроватью. На бледной, как мрамор, коже Аркадии резко выделялся черный кустик волос. Чиновнику показалось, что эта кожа должна быть холодной, как лед.

Он торопливо разделся. Запах роз заполнил уже всю комнату.

Проникая в Аркадию, чиновник закрыл глаза. И не открывал их до самого конца.

11. ПОЛНОЧНОЕ СОЛНЦЕ

Муравьи летели огромным переливчатым облаком. Крошечные радуги трепещущих крылышек перекрывались, образуя черные дифракционные узоры – окружности и полумесяцы, – исчезавшие прежде, чем глаз успевал толком их различить. Чиновник задрал голову и смотрел как завороженный, пока стая, выполнявшая свой последний, предсмертный, полет к морю, не растаяла в воздухе.

– Это же бессмысленно, – недовольно проворчала Чу.

Чиновник отошел от флаера.

– Все очень просто. Ты поднимешь машину и направишься прямо на юг – пока Тауэр-Хилл не скроется за горизонтом. Потом снизишься до бреющего и назад. Чуть к востоку, у ручья, есть небольшая поляна, вот там меня и жди. Ребенок справится.

– Ты знаешь, о чем я.

– Ну, хорошо. Ты заметила, как к нам относились в ангаре?

На противоположной стороне поля бригада еле живых, проржавевших и разболтанных двойников неуклюже закидывала части разобранного ангара на летающую платформу.

– Как им хотелось, чтобы мы умотали отсюда еще до полудня. Что это – не хотят, чтобы всякие посторонние путались под ногами?

– Да, и что же тут странного?

– Ровно ничего. И в том, что некий идиот прислал сюда летающую платформу, за два дня до прилива, чтобы вывезли такую драгоценность, как сборный сарай, – в этом тоже нет ничего странного. Каких идиотов не бывает. – Чиновник на секунду смолк. – Им приказали избавиться от меня как можно скорее. Вот я и хочу узнать – с чего бы это?

Он отступил в тень и крикнул:

– Взлетай!

Фонарь кабины закрылся, двигатели ожили.

Флаер выглядел очень элегантно – за пределами летающих миров такая совершенная техника была большой редкостью. Воздух над изумрудной обшивкой задрожал от жара реактивных двигателей. Машина пробежала примерно десятикратную свою длину, задрала нос и с ревом рванулась в небо.

Тропинка петляла по лесу. За время дождей листья и трава поменяли цвет, стали густо-лиловыми и кобальтовыми, все вокруг словно подверглось синему сдвигу.

Тихий, печальный свет, сочащийся сквозь кроны деревьев, словно напоминал о неизбежном конце Приливных Земель, о

превращении их в сине-зеленое подводное царство.

У подножия Тауэр-Хилла деревья расступились. Сквозь пожухлую зелень земной, чужеродной для этой планеты, травы, покрывавшей склоны холма, проглядывали белые меловые уступы. И везде – яркие палатки и навесы, флаги, зонтики и воздушные шары. На самой вершине стояла древняя башня, размалеванная яркими, оранжевыми с розовым, узорами, – остров инопланетной эстетики, дико контрастировавший с трагедийным убранством осеннего леса.

Склоны кишели двойниками; развороченный палкой муравейник – вот на что походил сейчас Тауэр-Хилл. Казалось, что в обезлюдевшую страну слетелись черти – слетелись и справляют свой собственный карнавал, в пику тому, недавнему, человеческому.

Чиновник пошел вверх, к башне.

Хрупкий металлический хохот, словно стрекот миллиона сверчков. Четыре двойника бряцают по струнам. Металлическая толпа подбадривает двоих хромированных борцов, одинаковых, как горошины из одного стручка. Как шурупы из одной коробки. Дальше – развеселый хоровод из дюжины сцепившихся руками двойников. Гуляющие парочки. Рука, условно говоря, номера один на талии номера два, рука номера два – на талии номера один, головы нежно соприкасаются. Номер один абсолютно неотличим от номера два, кто тут он, кто она – невозможно даже догадаться. Апофеоз бесполости.

– Угощайся!

Чиновник остановился в тени одного из павильонов, чтобы отдышаться. Повернувшись на голос, он увидел двойника, с глубоким поклоном протягивающего пустую руку. Недоуменно сморгнув, чиновник сообразил, что двойники считают его своим, и вежливо принял стакан. Сознание, что изо всех сотен он один видит под иллюзорной плотью металлические кости, доставляло ему какое-то извращенное удовольствие.

– Спасибо.

– Ну как, оттягиваешься?

– Правду говоря, я только что прибыл. Двойник пошатнулся, негромко икнул, фамильярно похлопал чиновника по плечу. С экрана ухмылялась круглая, болезненная физиономия.

– Ты бы, друг, приехал пораньше, пока не все еще местные умотали. Нанял бы себе бабу, чтобы таскала тебя на спине, как кобыла. Хлопнешь по жопе – она и припустит. Ты ж знаешь, – подмигнул кругломордый, – что было в этой башне.

– Телевизионная станция. Да, я знаю.

Кругломордый тупо разинул рот и уставился на чиновника.

Беседа становилась, мягко говоря, малоинтересной.

– Да нет, кой хрен телевизионная. Бордель тут был, вот что. Можно было купить все, что угодно. Все, что угодно. Вот раз мы с женой…

Чиновник отставил стакан:

– Извините, пожалуйста, но меня ждут.

В салоне башни было не протолкнуться. Черные скелеты густо обсели центральный кольцевой бар, остальные болтали в многочисленных кабинках.

Единственным освещением душноватого зала служили лицевые экраны клиентов да телевизоры, развешанные по периметру потолка.

Никем не замеченный, чиновник задержался рядом с группой двойников, увлеченно смотревших на экран. Пожар в трущобах, из окон горящих зданий прыгают люди. По узеньким улицам катится людской вал. Люди потрясают кулаками, что-то скандируют. Небо затянуто дымом, полиция разгоняет толпу электрошоковыми копьями. Бред, безумие, конец света.

– Что это там такое? – поинтересовался чиновник.

– Беспорядки в Фэне, – откликнулся один из зрителей. – Это – район Порт-Ричмонда, чуть пониже водопадов, в зоне затопления. Эвакуаторы поймали мальчонку, поджигавшего какой-то склад, и забили его до смерти.

– Просто отвратительно,– вмешался другой.– Люди ведут себя как скоты. Хуже скотов – ведь им это нравится.

– Дело в том, что желающие поучаствовать стекаются со всего Пидмонта. Особенно подростки – для них это нечто вроде обряда инициации. Власти перекрыли дороги, но даже это не спасает.

– Пороть их надо, вот что. Хотя не так уж они и виноваты. Все это – от жизни на планете, вдали от сдерживающих, дисциплинирующих факторов цивилизации.

– Что ни говори, – заметил третий, – а в каждом из нас сидит такой же дикарь. Будь я малость помоложе, я тоже был бы там, с ними.

– Да уж, не сомневаюсь.

Слабый, еле заметный проблеск света – в середине бара приоткрылась и тут же торопливо захлопнулась дверь кладовки. За это мгновение чиновник успел заметить в щели узкое бледное лицо. Даже не заметить, а почувствовать, почти подсознательно, но и этого было достаточно; он решил понаблюдать – не повторится ли чудное видение.

Чиновник ждал долго, очень долго. И снова приоткрылась дверь, и снова боязливо выглянуло то же самое лицо, узкое и

бледное. Да, он не ошибся. Женщина. Женщина маленькая, тощенькая, похожая на мышку.

Женщина, которую он видел прежде,

Очень интересно. Чиновник обошел зал по кругу. Кладовка имела не одну дверь, а две, с одной стороны и с другой. Будет очень даже просто проскользнуть под стойкой и – в дверь. Он вернулся на стартовую позицию и выбрал себе удобный наблюдательный пункт – стул, почти полностью отгороженный от остального зала буйной порослью щупальцевых лиан.

Время тянулось с убийственной медлительностью, чиновнику начинало казаться, что он сидит на этом стуле уже много дней. На телевизионных экранах появлялись айсберги, отламывающиеся от ледника и с.грохотом падающие в море, палаточные города для пассажиров телячьих кораблей, полярные шапки, снятые из космоса и не подозревающие еще о грядущем катаклизме, и снова пожары, толпы, полиция, разинутые в крике рты… Пора бы встать и уйти, но дверь кладовки открывалась снова и снова, с четкой механической регулярностью, как по часам. Часы с кукушкой. Часы с мышкой. Проходит тридцать минут, голова, высунувшаяся из двери, быстро оглядывает посетителей и снова прячется. И ни тебе “ку-ку”, ни тебе “пик-пик”. Женщина явно кого-то искала.

Этот посетитель подождал, пока освободится место за стойкой, и положил перед собой букетик цветов. Мятые, дохленькие водянки и радужницы, сорванные, скорее всего, здесь же, на склоне, десять минут назад. Любитель полевых цветочков взял невидимую салфетку и перевернул ее на другую сторону. Затем он провел руками по нижней поверхности стойки, словно нащупывая там некий спрятанный предмет. Получив от бармена заказ, он поднял несуществующий стакан и осмотрел его дно.

Очень знакомые манеры. Очень.

Прошло несколько минут, из узкой щели снова выглянуло бледное, мышиное личико. Женщина осмотрела зал, заметила нового посетителя, подняла палец и энергично закивала головой. Дверь закрылась.

Чиновник обошел половину окружности бара и нырнул под стойку. Всполошившийся было бармен увидел зеленый опознавательный браслет – знак федерального агента, находящегося вне юрисдикции эвакуационных властей, – и мягко отъехал. Чиновник открыл заднюю дверь кладовки.

И на мгновение зажмурился, ослепленный резким светом голой, безо всяких плафонов-абажуров, лампочки.

На высоких, до самого потолка, стеллажах – хоть шаром покати. Ни одной бутылки, ни одной банки – только кубическая,

средних размеров, коробка, к которой тянется, привстав на цыпочки, невысокая узкокостая женщина. Чиновник взял ее за руку, чуть повыше локтя.

– Привет!

Эсме испуганно пискнула и застыла, судорожно прижимая коробку к груди. Затем она крутнулась волчком, уставила на чиновника черные блестящие бусинки и попыталась вырваться.

– Как здоровье твоей матушки? – вежливо поинтересовался чиновник,

– Вы не имеете права…

– Все еще жива, так ведь?

Косточки тонкие, куриные, сожми чуть сильнее – и хрустнут, в маленьких глазках – дикий, животный страх.

– А Грегорьян великодушно согласился разрешить твою проблему, верно? Да отвечай же ты! – Чиновник грубо встряхнул дрожащую от ужаса девушку. – Скажи дяде “да”!

Эсме молча кивнула.

– Ты что, язык проглотила? Тебя арестуют по первому моему слову. Грегорьян использовал тебя как курьера, да?

Чиновник шагнул вперед, теперь Эсме была зажата между его объемистым брюхом и полками. Чиновник чувствовал, как колотится ее сердце.

– Д-д-да.

– Это – его коробка?

– Да.

– Кому ты должна ее передать?

– Мужчине – мужчине в баре. Грегорьян сказал, у него будут цветы.

– А что еще?

– Ничего. Он сказал, если этот человек станет что-нибудь спрашивать, сказать ему, что все ответы там, внутри.

Чиновник отступил на шаг, осторожно разогнул тоненькие, судорожно сжатые пальцы и вынул из них посылку Грегорьяна, Эсме не шелохнулась, но проводила коробку таким жадным, тоскующим взглядом, словно там лежало ее собственное сердце. Чиновник чувствовал себя старым, прожженным циником.

– Подумай здраво, Эсме. – Он старался говорить мягко – и не мог, слова звучали жестоко, издевательски. – Грегорьян, конечно же, способен на все, но что ему легче сделать – убить свою мать или обмануть тебя?

На раскрасневшемся лице Эсме застыло какое-то странное выражение. Чиновник не был уже уверен, что этой девушкой движет простая, стерильно-чистая жажда мести. Он ни в чем не был уверен. И никак не мог воздействовать на ее поступки.

– Уходи, – сказал он, указывая на дальнюю дверь.

Как только Эсме исчезла, чиновник раскрыл коробку. Увидев, что там лежит, он судорожно вдохнул, однако не ощутил никакого удивления – только глухую, свинцовую тоску.

Чиновник открыл дверь, задержался на пару секунд, давая глазам привыкнуть к полумраку, а затем подошел к стойке.

– Примите посылочку, – издевательски пропел он. – Это вам от сыночка.

На лице Корды появилось легкое недоумение.

– О чем это ты?

– Знаешь, избавь ты меня от этого. Ты попался с поличным. Сотрудничество с противником, использование запрещенной технологии, нарушение эмбарго, злоупотребление общественным доверием – список можно продолжать до бесконечности. И не льсти себе надеждой, что я ничего не смогу доказать. Одно мое слово, и Филипп бросится на тебя, как лев на теплое… ну, скажем, мясо. От тебя останутся одни только следы зубов на твоих костях – при полном, как ни странно, отсутствии вышеупомянутых костей. Так вот.

Корда положил ладони на стойку, опустил лицо и замер.

Так прошло несколько минут. Наконец он поднял голову, вздохнул и спросил:

– Что ты хочешь узнать?

– Рассказывай все по порядку, – сказал чиновник. – С самого начала. В некотором царстве, в некотором государстве…

Разочарование – вот что привело совсем еще юного Корду в шанхайский охотничий домик. В те времена, когда он поступил на общественную службу, Дворец Загадок был только-только еще построен, а в воздухе носились легенды о сдерживании опасных технологий и переделке социальных систем. Корда мечтал о подвигах, хотел превзойти всех и вся. Для него было полной – и печальной – неожиданностью, что дикая лошадь технологии уже взнуздана и объезжена. Что выстроены непроницаемые стены, что экспансия цивилизации приостановлена. Покорение новых миров не планировалось, а все старые были успешно взяты под контроль. Горечь разочарования – вот и все, что осталось на долю честолюбивых юнцов его поколения.

Каждый божий день Корда либо уходил на лодке в лиманы, либо слонялся по коралловым холмам и остервенело убивал каждую живую тварь, попадавшуюся под руку. И сам себя за это ненавидел.

Бывали дни, когда перья устилали болото так плотно, что не было видно ни воды, ни земли, – но это не приносило Корде ни

малейшего облегчения, скорее уж наоборот. Он убил нескольких бегемотов, но не взял на память никаких трофеев – о мясе и говорить нечего, – для людей оно не съедобно.

В тот приснопамятный день было очень жарко. Корда – с винтовкой, естественно, за плечом – пересекал луг и увидел женщину, выкапывавшую из земли угрей. Женщина прервала работу, сняла рубаху, обтерла пот со лба и грудей. Корда застыл.

Женщина заметила его и улыбнулась. Корда увидел лицо редкой, необыкновенной красоты – хотя с первого взгляда оно показалось ему малоинтересным. В отличие от грудей. “Приходи на закате, – сказала женщина. – Захвати с собой несколько куропаток, я их поджарю”.

К тому времени, как Корда вернулся, женщина успела развести костер. Они сидели рядом с огнем, на расстеленном одеяле. Корда возложил добычу к ее ногам. Разделив трапезу, они разделили и ложе.

Уже тогда лицо женщины показалось ему странно изменчивым. Он не был уверен – в дрожащем свете костра померещится все что хочешь. И все-таки лицо это становилось то округлым, то угловатым, то удлиненным. Казалось, что под ее кожей скрыты тысячи разных лиц, что они толпятся там, отталкивают друг друга и иногда – в момент страсти, когда женщина о них забывает, – вырываются на поверхность. Женщина оседлала Корду и скакала на нем яростно, самозабвенно, словно на жеребце, которого можно загнать за одну ночь, а потом – будь что будет. Или пристрелить, или так бросить. Она научила Корду контролировать оргазм – чтобы попользоваться добычей подольше.

– Она сделала тебе татуировку? – спросил чиновник.

– Нет, а с какой бы стати? – искренне удивился Корда.

Женщина выжала его досуха; угли костра уже остывали, и все это время она была наездницей, он – верховым животным. Еще раз содрогнувшись, Корда расслабился, закрыл глаза и начал проваливаться в сон, в беспамятство. И в самый последний момент он увидел ее лицо, охваченное оргазмом. Лицо сплющилось, удлинилось, стало похожим на череп.

И перестало быть похожим на человеческое.

Проснулся Корда от холода, под утро, когда небо начало уже чуть заметно светлеть. Женщина ушла, вытащив из-под него одеяло, костер погас и остыл. Корда поежился. Все его тело было исцарапано, искусано, ободрано. Корде казалось, что кто-то долго и старательно таскал его по терновым кустам. Он оделся и побрел к охотничьему домику.

Его подняли на смех. “Ну, ты даешь, – сказали местные. – С

оборотнихой спутался. Это тебе еще повезло, что сезон нынче не тот, а вот будь она в течке… Тут в прошлом году был один летчик, туристов возил, так его братана одна такая же, как твоя, красотка до смерти измочалила. Выгрызла соски, яйца пооткусывала, член стерла до живого мяса. Похоронщик неделю работал, прежде чем сумел убрать с его морды счастливую улыбку".

Во Дворце Загадок от него попросту отмахнулись. Вежливая молодая особа проинформировала Корду, что его наблюдения не обладают особой научной ценностью, имеют характер чисто анекдотический и уступают по живописности многим аналогичным. Она позаботится, чтобы рассказ был зафиксирован в одной из мелких бутылочных лавок, благодарит информанта за старание и всегда готова к дальнейшему сотрудничеству.

Но Корду уже не интересовало, кто там интересуется его рассказом, а кто не интересуется. Он обрел смысл жизни. Цель.

"Откуда? – удивлялся чиновник. – Откуда эта фанатическая зацикленность? Ну ладно, мы никогда не были особенно близки, но все-таки, как ни говори, много лет работаем рядом. Как он умудрялся все это скрывать, как вышло, что никто ничего не заметил?"

– Арарат, – сказал он. – Как ты узнал, где находится Арарат?

– Через Комитет. К тому времени, как эту операцию взвалили на меня, она давно превратилась в третьеразрядную. Серьезные задачи были уже выполнены, осталась подчистка хвостов – разбираться со всякими там культистами, мистиками, колдунами. Уйма возни, и ничего интересного. Но в операции все еще участвовали отдельные представители старой гвардии – люди, в прошлом довольно осведомленные и влиятельные. Я подхватывал у них огрызки информации, сопоставлял, делал выводы.

– А потом ты украл биотехнологию и состряпал себе незарегистрированного клонированного сына. Грегорьяна. Только вышла небольшая накладка – мамаша испарилась, прихватив с собой младенца.

Да, признал Корда, это было трудное время. Но он не пал духом, работал с удвоенным усердием, разрабатывал планы защиты и сохранения оборотней – буде таковые обнаружатся. Было продумано буквально все – создание резерваций, забота о молодняке, приобщение к достижениям цивилизации – и одновременно сохранение культурных традиций. Корда использовал эти годы с максимальной продуктивностью, хотя главная его цель – обнаружить оборотней или хотя бы неопровержимо доказать их существование – так и не была достигнута. Агентурная сеть, созданная Кордой, продолжала

действовать и в конце концов выполнила свою вторую, дополнительную задачу – из Приливных Земель пришло сообщение, что там появился Грегорьян.

– Что навело их на след, этих твоих агентов?

– Дело в том, что я знал, как он должен выглядеть. Каждый год я создавал новые портреты. Я слегка сдвинул гормональный баланс будущего ребенка, чтобы он не оказался точной моей копией – так, легкое сходство, не более. По большому счету, Грегорьян чуть покрепче своего оригинала, не так склонен к полноте – вот, собственно, и все отличия. И не надо смотреть на меня такими глазами. Я совсем не склонен к самолюбованию.

– Продолжай.

С первых же дней между отцом и сыном возникли противоречия. Грегорьян не захотел подключиться к поискам оборотней. Да, он знает об этих существах, знает довольно много, но абсолютно не интересуется проблемой их выживания. Корда огорченно вздохнул, оплатил обучение сына и подыскал ему хорошее место в биотехнологических лабораториях Внешнего круга. Время – на стороне умеющего ждать. В этом скучном и пресном мире человек вроде Грегорьяна – или, что то же самое, вроде Корды – просто не мог найти своим способностям достойного применения. Так что подумает-подумает и прибежит как миленький. Никуда не денется.

Корда был уверен, что знает своего сыночка как облупленного.

Он ошибался. Грегорьян работал себе и работал во Внешнем круге и был вроде бы вполне доволен жизнью. Корда отчаялся в своих надеждах использовать сына для достижения Великой Цели, еще раз вздохнул и списал его со счета, тем более что приближалось время Великого Прилива.

И тут Грегорьян исчез. Сбежал абсолютно неожиданно, никому ничего не сказав и не оставив никакой записки. Могло показаться, что он намеренно хочет навлечь на себя подозрения. Тут же выяснилось, что буквально несколько дней назад он беседовал с Землей и что-то от нее получил. Неизвестно, что именно, но, судя по поспешности последующего бегства, что-то важное и опасное. Все службы безопасности встали на уши. В конечном итоге дело свалили на Корду.

Корда поручил расследование чиновнику.

– А почему мне?

– Нужно же было кого-то послать. Ты просто первый подвернулся под руку.

– О'кей. Вскоре после этого ты отловил меня в Роуз-Холле, на карнавале. Ты вырядился скелетом и старался узнать, нашел я

Грегорьяна или нет. Зачем?

Корда поднес к губам невидимый стакан. Он выпил уже очень много – безо всякого эффекта.

– Как раз перед этим Грегорьян прислал мне пакетик. Пригоршня зубов и ничего больше, даже никакой записки. Зубы оборотней, я в этом почти не сомневался, хотя и не рискнул провести лабораторный анализ. В музеях такие валяются сотнями. Только у этих были окровавленные корни. Их вырвали совсем недавно.

– Очень на него похоже, – сухо заметил чиновник. – И что же потом?

– Ничего. До самого вчерашнего дня, когда его единоутробная сестрица сообщила, что он встретится со мной в этом вот баре и передаст мне окончательное доказательство. Вот, собственно, и все. Ну так что, откроешь ты эту коробку?

– Чуть попозже. Давай-ка вернемся немного назад. Мы так и не выяснили, для чего ты создал Грегорьяна. Это что, какие-нибудь шахер-махеры с голосованием?

– Нет! Ровно ничего подобного. Я… Понимаешь, я и вообще хотел, чтобы он вырос в Приливных Землях. У меня были дальние планы. К тому времени я понял, почему оборотни такие неуловимые – они просто *не хотят,* чтобы их обнаружили. Они выдают себя за людей, живут на задворках общества, в лагерях сезонных сельскохозяйственных рабочих, приворовывают на складах испорченной и просроченной пищи – ее же никто не считает, все равно уничтожать. Они умные, изобретательные – и их очень мало.

Чтобы найти оборотней, мне нужен был человек, знающий Приливные Земли как свои пять пальцев. Человек, который общался бы с местными, не привлекая к себе излишнего внимания, и мог бы отличить истинное откровение от шуток и анекдотов. Человек общей с местным населением культуры.

– Из этого совсем не следует, что этот гипотетический человек должен быть *тобой.*

– А кому еще мог я довериться? – беспомощно развел руками Корда. – Ты подумай сам – ну кому еще мог я довериться?

Чиновник взглянул ему в глаза, помолчал несколько секунд, а затем подтолкнул коробку вперед.

Корда буквально сорвал крышку – и застыл с перекошенным от ужаса лицом.

– Что же ты стесняешься? – Чиновника захлестнула волна обжигающей ярости. – Ты же этого хотел, именно этого. Вот оно, твое окончательное, неопровержимое доказательство.

Он сунул руку в коробку и вытащил за волосы отрубленную

голову. Два ближайшие двойника отставили свои воображаемые стаканы. Затем необычная сцена привлекла внимание тех, кто сидел подальше. Вскоре глаза всех присутствующих были прикованы к страшному предмету, в зале воцарилась гробовая тишина.

Чиновник швырнул голову на стойку.

Неестественно бледная кожа, у человека такой не бывает. И носа, чтобы такой длинный, не бывает. Безгубый рот, огромные, чересчур зеленые глаза. Чиновник провел рукой по щеке, мышцы рефлекторно дернулись, меняя форму лица. Глаза Корды расширились, его рот беззвучно открывался и закрывался.

Чиновник повернулся и ушел.

Сквозь открытую дверь виднелась полоска заката. *Последние денечки, последние денечки, пройдут они, как дым, и не вернутся вновь,* – горланили, обняв друг друга за плечи и раскачиваясь в такт, двойники.

– Извините, сэр, – вежливо пробормотал рассыльный, – но вас желает видеть некая дама, присутствующая здесь лично. Она утверждает, что имеет к вам очень важное дело.

“Эсме, Эсме, – с тоской подумал чиновник. – Ну когда же ты кончишь всю эту бодягу?” Его подмывало смыться безо всяких ненужных, ни к чему не ведущих разговоров.

– Хорошо. Проводите меня.

Робот доставил его на лифте к открытой двери номера, расположенного прямо под сферическим куполом башни, и удалился. Фантастически огромная комната, освещенная мягко фосфоресцирующими стенами, резная, ручной работы мебель, необъятных размеров кровать – чиновник никак не ожидал увидеть ничего подобного. Он шагнул через порог.

– Хелло?

Справа, очень далеко, открылась дверь. Эту женщину чиновник тоже никак не ожидал увидеть. Он не мог пошевелить языком.

– Ну как, тренировался? – улыбнулась Ундина. – Поддерживал форму?

Чиновника бросило в краску. Он попытался что-то сказать – и снова не смог. Тогда он взял ее за руку. Он вцепился в эту руку не как любовник, а как утопающий. Он знал, что стоит отпустить Ундину – и она тут же растворится в воздухе. Ее лицо – гордое, прекрасное и насмешливое – заполнило весь мир. Неожиданно чиновник понял, что совсем не знает эту женщину – и никогда не знал.

– Иди ко мне, – сказал он наконец. И она к нему пришла.

– Подожди, не кончай. Я хочу тебя кое-чему научить.

Чиновник снова находился в странном, знакомом уже по прошлому состоянии; голова его была кристально ясной, но говорить не хотелось. Он отстранился от Ундины и кивнул.

Ундина сложила ладони, показала чиновнику узкую щель, образовавшуюся между их краями, возле запястий.

– Это – *мудра* вагины. А вот это, – она поставила на левую ладонь правый кулак с вытянутым вверх большим пальцем,– *мудра* пениса. Теперь,– не убирая большого пальца, она опустила кулак, разогнула мизинец и ввела его в себя, – я превратила себя в гермафродита. Ты принимаешь меня как свою богиню?

– Если передо мной всего два варианта – либо принимаю, либо ты уходишь, – то, как мне кажется…

– Господи, как же ты любишь чесать языком! Скажи просто “да”.

– Да.

– Вот и прекрасно. Цель сегодняшнего урока: ты узнаешь, что ощущаю я, когда мы занимаемся любовью. Урок совсем простой. И ты ведь хочешь понимать меня, правда? Тогда ты должен поставить себя на мое место. Я не буду делать ничего такого, чего *ты* не должен делать со *мной.* Это же.будет честно, правда?

Она потрепала чиновника по голове, нежно погладила по щеке.

– Господи, – сказала Ундина, – как же мой член истосковался по твоему рту.

Чиновник неуверенно нагнулся и сжал губами ее большой палец.

– Ну зачем же так сразу, резко? Разве я бросаюсь на *тебя,* как на кусок колбасы? Приближайся к нему медленно. Соблазняй его. Для начала полижи мои бедра, здесь, изнутри. Так. Теперь поцелуй яйца – правильно, это согнутые пальцы. Нежно, осторожно. Пробеги по ним кончиком языка, потом слегка пососи. Да, так, очень хорошо. – Ундина выгнула спину, высоко подняв груди. Ее глаза закрылись. Вторая, свободная, рука вцепилась чиновнику в волосы. – Да! Теперь пройди языком по стеблю, снизу вверх. Да. Можешь придерживать его рукой. Правильно, только помедленнее. О-о-о! И по бокам, по бокам тоже. Как же мне хорошо! А теперь приспусти покров, открой кончик. Оближи его, слегка, чуть дотрагиваясь. Дразни меня, да, дразни. Ох, Господи! Знаешь, зачем ты родилась на свет? Чтобы доставить блаженство моему члену, а если кто-нибудь скажет тебе другое – не верь. Теперь глубже. Возьми в рот больше и вверх-вниз, медленными, размеренными движениями. И языком, языком. М-

м-м! – Ундина начала двигаться тоже. Она облизнула губы. – Бери его обеими руками. Да. Быстрее. Быстрее!

Ундина рванула чиновника за волосы, впилась в его губы своими:

– Господи, я больше не выдержу! Я хочу тебя! – Она отодвинулась от чиновника, повернула его спиной к себе. – Садись ко мне на колени, медленно. Я направлю его внутрь.

– Что?!

– Доверься мне. – Горячие губы Ундины метались по его спине, по бокам; она обняла чиновника, гладила его по животу, играла с сосками: – Моя маленькая, моя маленькая девочка. Мой член хочет войти в тебя, войти глубоко, до самого конца. – Она медленно опускала чиновника себе на колени. Большой палец коснулся ануса, скользнул внутрь. Груди Ундины крепко прижимались к спине чиновника. – Ну что, разве тебе плохо?

– Нет, – признал чиновник.

– Вот и прекрасно. Теперь, маленькая, двигайся вверх-вниз, вверх-вниз, вот так, правильно. Не торопись, не торопись – ночь еще очень длинная.

Когда они вышли на балкон проветриться, была уже ночь. Снизу доносились взрывы смеха – там, среди сотен бумажных фонариков, весело отплясывали двойники. Но чиновник смотрел в небо. Бледная призрачная арка колец, алмазная россыпь городов, а дальше – звезды.

– Научи меня, как называются черные созвездия, – попросил он.

Ундина стояла рядом. Ее тело блестело от пота, никак не желавшего испаряться в душном ночном воздухе. Чиновнику было абсолютно безразлично – видит их сейчас кто-нибудь или нет.

– Интересно, – поразилась Ундина, – где это ты узнал про черные созвездия?

– Да так, случайно.

Живот чиновника прижимался к холодным перилам, правое бедро – *к* теплому бедру Ундины. Чиновник погладил гладкую, скользкую спину.

– Вот это, там, чуть пониже Южной звезды, – оно еще похоже на какое-то животное. Как оно называется?

– Это созвездие Пантеры. – В голосе Ундины появились интонации учительницы младших классов. – Это женский знак, символ жажды духовных познаний, используемый во многих ритуалах.

– А вот это, вверху?

– Голем. Это мужской знак.

– А вон то, похожее на летящую птицу?

– Ворон. Это Ворон. Чиновник замолк.

– Тебя интересует, как Грегорьян меня купил. Хочешь, я расскажу, чем он со мной расплатился?

– Нет, – покачал головой чиновник, – я ничего не знаю и знать не хочу. И все-таки я должен спросить.

Ундина подняла правую руку, сделала еле уловимое движение.

Адамантиновый браслет упал.

Она ловко поймала его в воздухе, поднесла к запястью и снова защелкнула.

– У Грегорьяна есть плазменный резак. Подношение одного из этих жутких стариков, клиентов, в оплату за будущие услуги. Резаки находятся на строжайшем учете, но чего только не сделает человек за хоть вот такусенький шанс обеспечить себе вечную жизнь.

– И это все, что ты получила? Возможность избежать учета?

– Ты забываешь, что и я для него ничего особенного не сделала – только передала тебе послание. Грегорьян хотел, чтобы я посоветовала тебе с ним не связываться. Не слишком серьезное задание. И я, – улыбнулась Ундина, – выполнила это задание самым приятным для тебя способом.

– Он прислал мне руку. – На чиновника накатило воспоминание о пережитом ужасе. – Женскую руку. Он дал мне понять, что ты утонула.

– Знаю, – кивнула Ундина. – Точнее говоря – недавно узнала. – Огромные зеленые глаза смотрели с обезоруживающей искренностью и прямотой. – Ну что ж, самое время приносить извинения. Я пришла, чтобы извиниться за две вещи. За то, что Грегорьян убедил тебя в моей смерти, и за неприятности, причиненные тебе Минтучяном. Об этом я тоже только что узнала.

– Минтучян? – удивленно переспросил чиновник. – А он-то тут при чем?

– Это длинная история, но я постараюсь изложить ее покороче. У мадам Кампаспе, которая учила Грегорьяна и меня, было много способов зарабатывать деньги. Некоторые из них ты бы не одобрил – мадам имела свои моральные принципы, сильно отличающиеся от общепринятых, она сама решала, что хорошо, а что плохо. Когда-то, очень давно, к ней в руки попал чемодан, в точности такой же, как у тебя. Мадам подумала-подумала и занялась производством всякой археологической мелочи для продажи коллекционерам.

– Шайка из Клей-Бэнка!

– Совершенно верно. У нее была целая организация – человек, приставленный к чемодану, агенты, раскидывавшие подделки по бутикам Внутреннего крута, – и Минтучян, вывозивший продукцию из Приливных Земель. С такими организациями всегда возникает одна и та же проблема – рядовые члены привыкают жить чужим умом и проникаются уверенностью, что с ними вечно будут нянчиться. Поэтому, когда мадам Кампаспе уехала, а чемодан сгорел, они прибежали ко мне. Чтобы спросить – как же быть дальше.

А я-то тут при чем? Но они словно не слышали этого вопроса, они хотели, чтобы кто-нибудь сказал им, что делать и что думать, когда вдыхать и когда выдыхать. Они не понимали, что у меня нет ни малейшего желания вытирать им сопли. Отвязаться от них было невозможно, и я решила исчезнуть. Утонуть – по примеру мадам Кампаспе.

Мы с Грегорьяном разбирали вещи, доставшиеся мне по наследству от мадам. Когда я упомянула о своих планах, он вызвался организовать детали инсценировки, за очень скромную цену, но не совсем бесплатно – иначе я бы сразу заподозрила неладное. Он достал в северных биолабораториях клонированную руку, обработал ее под руку утопленницы и нанес татуировки. Правду говоря, я очень обрадовалась, что нашелся добрый человек, освободивший меня ото всей этой скучной возни. Ведьмы всегда крутятся как заведенные, такая уж суматошная профессия. Какое-то время я отсутствовала и очень нескоро узнала о твоих неприятностях. Все это чистая правда. Ну как, простишь?

Чиновник обнял Ундину и не выпускал ее несколько минут, потом они вернулись в комнату.

В следующий раз они вышли на балкон одетыми – воздух стал прохладным.

– Ты знаешь черные созвездия, – сказала Ундина, – и яркие. А можешь ты соединить их в *одно?*

– Одно?

– Все звезды образуют одно-единственное созвездие. Давай я тебе покажу. Начнем откуда угодно – ну, скажем, с Овна. Проследи за ним, а потом перепрыгивай к следующему созвездию – они являются частями общей, более крупной структуры. Проследи за этим, и ты доберешься до…

– До Космонавта! Да, я вижу.

– Теперь, не забывая о них, рассмотри и черные созвездия – они тоже перетекают друг в друга, образуя вторую непрерывную структуру. Видишь? Следи за моим пальцем – петля вверх, потом вниз я сюда. Видишь? Не обращай внимания на кольца и луны,

они эфемеричны. Вот, следи за пальцем. Теперь мы изучили половину неба.

Ты провел большую часть жизни вне планеты, а потому должен быть знаком с обоими полушариями неба, и с северным, и с южным. Соедини их мысленно – одно ты видишь, а другое можешь вспомнить. Они образуют…

И вдруг чиновник увидел. Две переплетенные змеи, одна – сотканная из света, другая – из тьмы. Их кольца заполняли всю сферу. В небе, прямо над головой, светлая змея пожирала хвост темной. Где-то там, под ногами, темная змея пожирала хвост светлой. Свет, поглощающий тьму, поглощающую свет. Вот она, структура. Так было и будет, ныне, и присно, и во веки веков.

Чиновник был потрясен. Всю свою жизнь он прожил внутри *одного созвездия,* тысячи раз пристально разглядывая его отдельные проявления, – и даже об этом не подозревал. И если от него укрылось нечто настолько очевидное и всеобъемлющее – что еще мог он проглядеть?

– Змеи! – прошептал чиновник. – Боже, в небе полно змей!

Ундина порывисто его обняла.

– Молодец! Жаль, не попался ты мне пораньше, молодым. Из тебя мог получиться настоящий волшебник!

– Ундина, – сказал чиновник. – Что ты будешь делать дальше?

Ундина вздрогнула, секунду помолчала.

– Утром я улетаю на Архипелаг. – Она говорила спокойно, без прежнего ликования, – Сейчас он как раз пробуждается, оживает. В продолжение всего Великого лета Архипелаг – сонное буколическое захолустье, где ничего и никогда не происходит, но сейчас на него словно брызнули живой водой. Люди поднимаются в горы, к самым дворцам, строят из чего попало хибары, размалевывают их такими красками, что глазам больно. Тебе бы понравилось. Музыка, танцы на улицах. Пей местное вино и дрыхни себе до полудня.

Чиновник попробовал себе представить такую картину и не смог, и пожалел, что не может.

– Да, интересно.

Он старался говорить равнодушно и тоже не смог – равнодушие получилось деланным, фальшивым .

– Поехали со мной,– сказала Ундина.– Брось ты свои летающие миры. Я научу тебя самым фантастическим вещам. Ты испытывал когда-нибудь оргазм, длящийся три дня подряд, без передышки? Я тебя научу. Ты беседовал когда-нибудь с Богом? Думаю, Он не откажет, Он же помнит, что за Ним остался небольшой должок.

– А Грегорьян?

– Плюнь на Грегорьяна. – Ундина крепко, до боли, обняла чиновника. – Я покажу тебе полночное солнце.

Чиновник болезненно ощутил в себе некий негнущийся, холодный и жесткий, стержень, не позволявший ему поддаться уговорам Ундины улететь вместе с ней на сказочные блаженные острова. Он хотел – и не мог. Не мог оставить охоту незаконченной. Не мог забыть о долге.

– Не могу, – сказал чиновник. – Мне поручили дело, мне доверяют, я не. могу обмануть людей. Вот разберусь сперва с Грегорьяном и тогда уж…

– Да? Ну и прекрасно. – Ундина сунула ноги в сапожки. Великолепная иносистемная обувь сама собой плотно обтянула щиколотки и икры. – Извини, пожалуйста, но я тороплюсь.

– Не надо так, Ундина.

Ундина надела и застегнула ярко расшитую куртку.

– Мне нужен один день. В крайнем случае – два. Скажи мне, куда ты едешь, и я тебя найду. И тогда – делай со мной что хочешь.

Ундина отступила на шаг и смерила чиновника презрительным взглядом.

– Все мужики идиоты. – В голосе ее звенела ярость. – Да ты и сам, наверное, это заметил.

Не глядя, она подобрала с полу шаль, сброшенную несколько часов назад, накинула ее на плечи, завязала.

– Я не терплю всяких там отговорок и дополнительных условий. Да – нет, только так можно отвечать на мои предложения.

Ундина подошла к двери.

– И предложения эти не повторяются.

Она ушла.

Чиновник присел на край кровати. Ему показалось, что простыни сохранили запах ее духов. Было очень поздно, но снизу все еще доносились крики и смех – двойники, привыкшие жить по внепла-нетному времени, продолжали веселиться.

Чиновник немного посидел и заплакал.

12. СТАРОЕ ШОССЕ

Ты как пыльным мешком стукнутый. Негромкий рокот двигателей напоминал сытое кошачье мурлыканье, флаер летел на юг. Сиденья были глубокие и мягкие, как в ложе оперного театра. Через некоторое время Чу повторила попытку.

– Сколько я понимаю, ты провел эту ночь в приятной компании. Могу только позавидовать.

Чиновник героически смотрел вперед.

– Не хочешь говорить и не надо, как-нибудь перетопчемся. – Чу сложила руки на груди и откинулась на спинку. – Я проторчала в этой хреновине всю ночь без никого, не с кем было словом перебросить – проторчу еще и утро, что со мной сделается.

Тауэр-Хилл остался далеко позади, превратился в маленькое неразборчивое пятнышко. Серые облака соскальзывали с Пидмонта и неслись к Океану над лесами, багровыми, как кровоподтек. Лес кишел бегемотами. Чувствуя непонятный, непреодолимый зов, они суетливо вылезали из грязных нор и слонялись по лесу, чудовищно раздутые от детенышей, которые родятся только после их смерти, в щепки разносили деревья. Дикие твари, встревоженные и обреченные.

Роль пилота исполнял чемодан – чиновник подключил его прямо к органам управления в обход автономной системы. С чемоданом и надежнее, и проще – поправки к курсу можно вводить голосом, безо всяких там кнопок-ручек. Бегемоты валили лес абсолютно бесшумно – двойной, с вакуумной прослойкой фонарь задерживал все внешние звуки, в кабине слышались только убаюкивающее мурлыканье двигателей да негромкое гудение аппаратуры.

И вдруг Чу, пребывавшая все это время в сонном оцепенении, встряхнулась, ударила ладонью по приборной доске и рявкнула:

– А это еще что такое – там, внизу?

– Геданк, – сообщил флаер. – Прибрежный поселок, пристань, сто двадцать три жителя. Самый восточный из региональных эвакоцентров для…

– Да знаю я этот Геданк! А вот что мы здесь забыли? Мы же летим обратным курсом. – Чу крутила головой, пытаясь сориентироваться. – Мы же летим на север! Как это вышло? Почему мы снова над рекой?

С высоты плывущий по реке телятник казался игрушечным корабликом, эвакуаторы, суетившиеся на палубе, – маленькими черными жучками. К югу от поселка виднелись жалкие останки

лагеря для переселенцев. Вяло хлопала по земле сорванная с кольев палатка, похожая сейчас на какое-то издыхающее чудовище. Рядом с пристанью – прямоугольные загоны, битком набитые переселенцами. По сходням на телятник течет тоненькая людская струйка – ну как же, ведь каждого несчастного нужно проверить и записать.

– Заходи на посадку, – скомандовал чиновник. – Ну, скажем, на то поле с дынями, к западу от поселка.

Флаер широко расправил крылья, выкинул тормозные парашютики и начал снижаться.

Как только его колеса коснулись земли, белесые дыни внезапно вытянулись, выпустили крохотные лапки и бросились врассыпную, не дав даже толком себя рассмотреть. На поле не осталось ничего, кроме пожухлой травы; скоро эту траву будут щипать рыбы. Вдали виднелись покосившиеся навесы и обшарпанный, с провалившейся крышей и черным проемом вместо двери сарай. Все готово к приему новых жильцов, подводных фермеров или водяных мышей, кого уж там пошлют боги прилива. Фонарь мягко ушел назад, спрятался в корпусе флаера.

И сразу в кабину ворвался ветер, налетавший, казалось, одновременно со всех сторон. Воздух резвился, как веселый лопоухий щенок.

– Ну и? – повернулась Чу.

Чиновник извлек из чемодана тонкую металлическую трубку. Подкинул ее в руке и направил на Чу.

– Мотай отсюда.

– Чего-о-о?

– Тебе, полагаю, приходилось видеть такую штуку. И ты хочешь, чтобы я ее применил. Вылезай.

Чу посмотрела на блестящий, совсем безобидный с виду предмет, на крохотное, словно от укола иголкой, отверстие, направленное прямо ей в сердце, затем перевела взгляд на непроницаемую маску чиновника. Короткий удар костяшками пальцев, и флаер распахнул боковую дверцу. Чу выбралась наружу.

– Сколько я понимаю, ты не намерен объяснить мне, в чем дело?

– Я полечу на Арарат без тебя. Ветер дул Чу прямо в лицо, немилосердно трепал жесткие, как иглы дикобраза, волосы.

– А я-то думала, мы с тобой подружились.

На лице лейтенанта внутренней безопасности, решительном и некрасивом, не было ни малейших следов обиды – только искреннее недоумение.

– Подружились, – передразнил чиновник. – Продаться Грегорьяну, делать по его заданию подлости, докладывать о каждом моем шаге, а потом… Нет, какую же надо иметь наглость, чтобы после всего этого говорить о дружбе.

Чу застыла, каменный островок среди бушующего океана травы.

– Давно ты это знаешь? – И ведь никакой в голосе вины, никакого раскаяния – только удивление и любопытство.

– С тех пор, как Минтучян украл мой чемодан. В черных, узко прищуренных от ветра глазах – полное непонимание.

– Я знал, что отраву эту накапал мне кто-то из вас двоих. Сперва я грешил на Минтучяна. Но он – просто мелкий жулик, член шайки, подделывавшей археологические находки. И даже там он был на третьих ролях – отвозил товар в Порт-Ричмонд.

Он украл чемодан, чтобы возобновить промысел. Но грегорьяновские громилы успели уже убедиться, что чемоданчик мой не так-то и прост, все норовит сбежать и вернуться к хозяину. Минтучян этого не знал. Следовательно, он не работает на Грегорьяна. Следовательно, искомый предатель не он, а ты.

– Вот же мать твою! – Чу раздраженно сплюнула, зашагала прочь, но тут же остановилась и обернулась.

– Послушай, ты ведь совершенно незнаком с местной обстановкой и…

– Придумай что-нибудь новенькое. I

– Да ты же не дослушал меня до конца! Я… Слушай, ну что мы с тобой так разговариваем. Растряси немного свою задницу, выбирайся из флаера, становись напротив, обсудим все в нормальной обстановке – глядя друг другу в глаза и без крика.

Чиновник слегка повел металлической трубкой.

– Не то у тебя положение, чтобы ставить какие-то условия.

– Ну так пристрели меня. Пристрели или поговорим – или одно, или другое.

Ишь как глазками-то сверкает, подбородок выпятила. Чиновник обреченно вздохнул и вылез на землю.

– Хорошо. Говори. Ну что ты можешь мне сказать?

– Что надо, то и скажу. Согласна, я и вправду брала у Грегорьяна деньги. А что тут удивительного, я же в самый первый день сказала тебе, что все планетные правоохранительные органы насквозь продажны. И опять же неудивительно – ведь моего жалованья не хватает даже на оперативные расходы! Молчаливо предполагается, что мы зарабатываем себе на хлеб, приторговывая служебными тайнами, выполняя поручения противника. А если кто шибко принципиальный, так ищи себе другое занятие или подыхай с голоду.

– Приготовься к взлету, – сказал чиновник флаеру. Его мутило от отвращения, хотелось поскорее закончить бессмысленный разговор и взмыть к облакам, подальше от человеческой грязи. Судя по всему, эти чувства отчетливо отразились на его лице.

– Ты полный идиот! – торопливо заговорила Чу. – Если бы не я, Грегорьян сто раз бы тебя убил. Ну, подкинула я тебе в постельку пару дохлых ворон – тоже мне большое дело. Я не делала ничего такого, чего не сделал бы на моем месте каждый оперативник. Да что там, чуть не каждый из наших согласился бы оказать Грегорьяну гораздо большие услуги. Знаешь, почему ты до сих пор не убит? Я убедила Грегорьяна, что в этом нет никакой необходимости, вот почему. Без меня ты не вернешься из Арарата.

– А с тобой вернусь?

– Не забывай, – гордо вскинулась Чу, – что я офицер. Я вытащила бы тебя оттуда живым. Слушай меня внимательно. Ты схватился за совершенно непосильную для себя задачу. Или возьми меня с собой, или вообще не лети в Арарат. С Грегорьяном ты не договоришься и не справишься. Это же псих, человеконенавистник. Так бы он думал, что я у него на подхвате, и мы бы с тобой его взяли. Но в одиночку? У тебя нет и одного шанса на миллион.

– Весьма благодарен вам за рекомендации и сердечную заботу.

– Да кончай ты эту… – Чу замолкла и прислушалась. – Что там у них происходит?

Со стороны реки доносились голоса. Расстояние приглушало выкрики, команды и проклятия, смешивало Их в ровное, однородное гудение. Чиновник обернулся.

Внизу на пристани разгоралось настоящее сражение. Толпа переселенцев смела загородки и теперь теснила отступающих солдат. Мелькали дубинки, во все нарастающий ропот врывались жесткие звуки ударов, треск ломающегося дерева.

– Вот же придурки, – вздохнула Чу.

– Так в чем там дело?

– Они вывели людей слишком рано, упаковали их в загоны слишком плотно, обращались с ними слишком грубо, ничего им не объясняли. Хрестоматийный пример непреднамеренной провокации беспорядков. При таких условиях вспышка почти неизбежна, ее может вызвать любая мелочь – расшибленная голова, дурацкий слух, да хоть просто кто-то нечаянно пихнет соседа локтем. – Чу задумчиво постучала себя пальцем по подбородку. – Да, зуб даю, так у них и вышло.

Телятник спешно отваливал от пристани, команда явно

хотела избежать беспорядков на борту. Отчаявшиеся люди прыгали следом; по большей части они падали в воду, тех же, кому удавалось вскочить на отплывающий корабль, сталкивали в воду матросы. Отступившие эвакуаторы перегруппировались под укрытием каких-то сараев. Сверху все было видно как на ладони, движения людей казались медленными, даже ленивыми. Понаблюдав за происходящим с минуту, Чу решительно расправила плечи.

– Долг зовет. Придется тебе гробить себя в одиночку, без моей помощи. Нужно сбегать вниз, выручить этих раздолбаев. Ну так что? – Она протянула чиновнику руку. – Без обид?

Чиновник мялся в нерешительности. Вся его злость, все недавнее напряжение куда-то исчезли. Он переложил трубку в левую руку и пожал узкую твердую ладонь.

Перед продолжавшей наступать толпой вспыхнули плотные шарики грязно-оранжевого дыма – эвакуаторы применили смирительные гранаты; ровный, почти мирный гул голосов резко взмыл, превратился в угрожающий рев. Мысль о том, чтобы спуститься туда, по своей доброй воле, приводила чиновника в ужас.

– А тебе не понадобится помощь? У меня не очень много времени, но если…

– Тебя учили подавлять беспорядки?

– Нет.

– Ну и гуляй.

Чу вытащила из кармана сигару, направилась было вниз, но тут же обернулась:

– Не забыть бы поставить свечку. За упокой твоей души.

Она смотрела на чиновника и не двигалась, словно не желая порвать последнюю ниточку.

Чиновник понимал, что нужно что-то сделать, что необходим какой-то жест. Что другой на его месте догнал бы Чу, облапил бы ее на прощание…

– Передай привет этому самому твоему супругу. Скажи ему, что я сказал, что ты очень хорошая и послушная девочка – пока спишь зубами к стенке.

– Сучий ты кот.

Чу коротко улыбнулась, сплюнула и ушла.

Флаер снова летел на юг.

– Так что, нужен тебе еще этот карандашик? – поинтересовался чемодан.

Чиновник недоуменно взглянул на металлическую трубку, пожал плечами и закинул ее в чемодан. Он немного поворочался,

устраиваясь в кресле поудобнее. Болели плечи, дико гудела голова.

– Как будет город, скажешь.

Они летели над заброшенными полями, безжизненными поселками, дорогами, по которым никто не ходил и не ездил. Эвакослужба прочесала эту землю под гребенку, оставив после себя только блокпосты, брошенные грузовики и огромные, абсолютно невразумительные знаки, ярко намалеванные на дорожном полотне и крышах. Потом пошли болота, следы человеческой деятельности стали попадаться все реже и в конце концов совсем исчезли.

– Начальник? Тут с тобой хотят поговорить.

Чиновник пребывал в том неопределенном состоянии, когда сны пытаются выплыть на поверхность, но никак не могут. И слава Богу, что не могут. Голос чемодана вытащил его из дремотного болота:

– Это еще что?

– В мозгу флаера висит какая-то посторонняя программа – нечто вроде квазиавтономного конструкта. Не то чтобы совсем агент, но независимости побольше, чем у обычных интерактивников. Проявилась и возжелала с тобой побеседовать.

– Выпускай.

– Привет, ублюдок. – Вместо обычной деловой скороговорки флаера – злобный, преувеличенно жизнерадостный голос. – Надеюсь, я ни от чего тебя не оторвал.

У чиновника перехватило дыхание, волосы на затылке зашевелились.

– Вейлер! Ты же умер.

– Да. И самое паскудное, что я умер из-за такого, как ты, ничтожества. Из-за тебя, который и представить себе не может всего богатства утраченной мной жизни. Из-за полного идиота, осмелившегося путаться у волшебника под ногами.

Над головой проплывали тучи, темные и четко очерченные.

– Можешь переадресовать все свои претензии Грегорьяну, ведь это он…

Чиновник оборвал себя на полуслове. Какой смысл вступать в дискуссии с записанным в машинной памяти огрызком личности умершего человека.

– Это все равно что спорить с океаном, в котором тонешь. Волшебник – не человек, его прозрение, мотивация его поступков огромны, безличны, лежат далеко за пределами нашего понимания. Неисповедимы.

– И все же она *есть,* эта мотивация. Вот, скажем, зачем ты здесь?

– Грегорьян попросил рассказать тебе некую историю.

– Валяй.

– В некотором царстве, в некотором государстве…

– Господи, спаси и помилуй!

– Понимаю. Ты много раз слышал эту историю и хочешь рассказать ее сам. – Чиновник молчал. Через некоторое время лже-Чу начал снова:

– В некотором царстве, в некотором государстве жил да был портняжный подмастерье. Он таскал рулоны ткани, мерил их, если надо, а когда мастер садился ткать – качал ткацкий станок. Они жили в королевстве дураков и жуликов. Король этого королевства был дураком, а мастер, на которого работал мальчик, – жуликом. Мальчик никогда не видел нормальных людей и был вполне доволен таким существованием.

Король жил во дворце, которого никто не мог увидеть, – однако все восхищались королевским дворцом, называли его самым прекрасным дворцом в мире. Король обладал сказочными сокровищами, до которых было невозможно дотронуться, – однако все его подданные говорили, что сокровищам этим нет цены. Законы, издаваемые королем, почитались за мудрейшие со дня сотворения мира – хотя никто не мог понять в них ни слова.

Однажды портного вызвали к королю. “Я хочу, чтобы ты сшил мне новое платье, – сказал король. – Самое прекрасное платье на свете”.

“Слушаю и повинуюсь, – ответил жуликоватый портной. – Мы, – он шарахнул мальчишку по уху, – не будем ни пить, ни есть, не будем знать ни сна, ни отдыха, пока не сошьем для Вашего Величества наряд, равного которому нет и не было в мире. Мы соткем: для королевского платья ткань, такую нежную и прозрачную, что дураки попросту не смогут ее увидеть”.

Сгибаясь под тяжестью гарантийных писем и наиценнейших опционов на товарные фьючерсы, мастер и подмастерье вернулись в портняжную мастерскую. “Принеси мне этот изумительный лунный шелк, – скомандовал мастер, указывая на пустую шпульку, валявшуюся в заросшем паутиной углу. – Только осторожнее! Если ты замараешь своими грязными лапами нить, я выдеру тебя как Сидорову козу”.

Мальчик удивился, однако не посмел спорить.

Мастер сел за ткацкий станок. “Качай! – приказал он. – Нам предстоит огромная работа. Сегодня мы не будем спать”.

И какие же страдания пришлось вынести мальчику! Журналисты, дружки жулковатого портного, распространили известие о заказе по всему королевству. Высочайшие сановники и виднейшие бизнесмены, разнообразные знаменитости и ярчайшие

звезды средств массовой информации – все они платили крупные взятки за право посмотреть, как идет осуществление важнейшего государственного проекта. Они изумленно таращились на мастера, продергивавшего ничто между пустыми рамами ткацкого станка, на вращение пустых шпулек, просили – и никогда не получали – разрешения потрогать голые бамбуковые палки, на которых, как считалось, были намотаны рулоны драгоценных тканей. Когда же портной отвешивал мальчику затрещину, они умудренно кивали головами и говорили: “Ах, какой у него темперамент! Этот человек – истинный художник!”

И все эти люди дружно нахваливали работу мастера – иначе их объявили бы дураками, а кому же хочется быть дураком?

Тем временем подмастерье не ел, не спал. Чтобы не уснуть, он глотал амфетамины целыми горстями – не мудрено, что к завершению работы у него почти съехала крыша. Для полной радости, все его хилое тельце было в синяках и ссадинах. Сохрани мальчонка способность мыслить здраво, он, пожалуй, и угробил бы мастера. Однако массовая истерия – болезнь заразная; мало-помалу он поверил хозяину и посетителям, восхищавшимся будущим королевским нарядом, и преисполнился гордости за свое участие в столь великом свершении.

И вот наступил день презентации. “Где мое новое платье?” – вопросил король. –“Вот, Ваше Величество, – ответил портной, показывая пустые руки. – Разве оно не прекрасно? Обратите внимание на блеск и переливчатость ткани. Одни лишь мудрые способны узреть ваше новое платье, насладиться его совершенством – так тонко соткали мы ткань, так искусно ее раскроили. Для дураков это платье невидимо – на то они и дураки”.

Но почему, спросишь ты, король попался на такую дешевую уловку? Потому, что уловка эта великолепно согласовывалась со всей его прежней жизнью. Вера в собственное свое благородство приучила короля видеть вещи, в природе не существующие. Ни секунды не колеблясь, он разделся догола, а затем, с помощью услужливого портного, облачился в семь слоев пустоты.

В честь нового платья короля был объявлен государственный праздник. Портной получил столько премий, наград, прав на недвижимость и привилегированных акций, что смог бросить работу. Он прикрыл свою лавочку, а мальчика вышвырнул на улицу.

Так вот и вышло, что этот наш подмастерье, полумертвый от голода и недосыпа, по уши накачанный наркотиками, оказался на пути королевского кортежа, в стройных рядах пролетариата, восхищавшегося новым платьем короля. Пролетарий – он тоже не

дурак, ему тоже не хочется прослыть дураком.

Однако перенесенные лишения дали мальчику новую, высшую остроту восприятия. Все восхищались новым платьем, он же не видел даже *короля,* он видел только голого, довольно толстого старика.

“Так что же это получается, – спросил себя мальчик. – Неужели я дурак?” Ответ не вызывал никаких сомнений: да, он дурак. Ведь он не видит того, что видят умные люди. В тоске и отчаянии, сам не –| зная, как это вышло, он завопил: *“А король-то голый!”*

Все озадаченно смолкли. Кортеж остановился. Придворные и король не знали, куда деть глаза, на их лицах появилось замешательство. Вдоль улицы прокатился шепоток; тихий сперва, он становился все громче и громче. Люди увидели правду, которую они не признавали прежде, из страха показаться дураками. На короле не было никакого платья – ни нового, ни хотя бы старого.

Тогда они восстали, убили короля, и всех его при дворных, и всех его чиновников. Они сожгли парламент, а заодно и арсенал. Они стерли с лица земли бараки, церкви и магазины, все без исключения заводы и фермы. Пожары полыхали целую неделю. Зимой наступил голод, вслед за голодом чума.

Весной новорожденная республика начала казнить врагов народа. Первым казнили мальчика.

В кабине повисла гробовая тишина.

– Тебя даже могила не исправила, – сказал наконец чиновник. – Все такой же весельчак.

– Ни один эпизод твоего пребывания на Миранде не был случайным, – снова заговорил Вейлер. – Всем дирижировал Грегорьян. Это он научил тебя видеть черные созвездия и объемлющую их структуру. Он организовал твою встречу с Лисом. Именно Грегорьян подсунул тебе в постель ведьму, только благодаря ему ты сумел хоть краешком глаза ознакомиться с неограниченными возможностями человеческого тела. Ты его не видел, но он все время был с тобой рядом. Он научил тебя многому. Теперь, когда я умер, ему нужен ученик. Он хочет, чтобы ты прилетел в Арарат, для завершения подготовки.

– Он что, и вправду думает, что я соглашусь?

– На первой ступени ученичества учитель раз рушает старую, привычную для ищущего систему ценностей. И он это сделал, так ведь? Он показал тебе, что прежние учителя насквозь прогнили, что они недостойны твоей лояльности.

– Заткнись.

– А что, разве неправда? – расхохотался Вей-лер. – Нет, ты

скажи, разве неправда?

– Заткни его, – сказал чиновник, Чемодан отключил Вейлера.

Арарат вставал из болот с мощью и неизбежностью настоящей горы. Чуть покатые террасы жилых кварталов сливались в неровные плоскости. Затем следовали более крутые склоны торговых районов. Вершину занимали административные учреждения я вспомогательные службы. Единая структура, неровными ступеньками вздымающаяся вверх, к остроконечной центральной башне. Покрытый зеленью, город должен был казаться элементом естественного пейзажа, своевольным одиночкой, отбившимся от близлежащей гряды холмов. Сейчас же, когда растительность пожухла и съежилась, обнажив темный, как грозовая туча, камень с черными провалами окон и дверей, он превратился в нечто гротескное и чудовищное, в декорацию какой-то забытой трагедии из бурного прошлого рода человеческого.

– Ты сумеешь сесть в городе? – спросил чиновник.

– В каком еще городе?

– Как это в каком? – поразился чиновник. – Ты что, не понимаешь, что вон та, прямо по курсу, куча булыжников – город?

– Послушай, начальник, ты что-то путаешь. Перед нами нет никаких куч, даже собачьих. Тридцать миль болотистой равнины.

– Это уже ни в какие ворота не… А почему же мы тогда пошли на вираж?

– Какой вираж? Флаер летит без малейшего крена, строго по прямой, на юг.

– Ты огибаешь Арарат.

– Перед нами ничего нет.

– Мы уклонились к западу.

– Ничего подобного.

Город, бывший прежде прямо по курсу, уходил направо.

– Ладно, поверь мне на слово. Чем ты можешь объяснить различие того, что мы с тобой видим? Чемодан секунду помедлил.

– Защищенная установка, больше ничего не придумаешь. Слыхал я про такие штуки – секретные объекты, невидимые для машиннбго восприятия. Я получаю приказание не видеть объект – и не вижу. И даже не знаю, что получил приказ. Нет для меня этого объекта – и все тут.

– Ты сумеешь совершить посадку по устным указаниям?

– Слепой полет? Знаешь, начальник, не стоит нам связываться с защищенной установкой. Вот получу я от защиты приказ

пикировать, и впилимся мы в эти твои булыжники, костей не соберешь.

– М-да.

На самом горизонте проглядывала свинцовая полоска Океана, втиснутая между землей и низко нависшими облаками. Вокруг Арарата тускло поблескивали озера и болотины – гиблая трясина, здесь и леший утонет. Единственная дорога вела на запад, она упиралась в широкую поляну, а затем терялась в лесу. Вот по этому шоссе и ездили, скорее всего, в город – пока он был настоящим городом. На поляне виднелся флаер, окруженный целой россыпью наземных машин. И – ни души.

– А их-то ты видишь? – спросил чиновник.

– Да.

– Вон туда и садись.

Открываясь, фонарь кабины издал звук, очень похожий на вздох.

– Я не могу пойти с тобой, – сказал чемодан. – Сидя здесь, я могу заблокировать вмешательство Грегорьяна. Мозги флаера забиты какими-то паразитными программами, за ним нужен глаз да глаз. Смоется, а мы сиди здесь и кукуй. Или похуже еще что придумает – с него теперь станется.

– Да? Так ты мне, собственно, и не нужен. – Чиновник вылез на землю. – Не вернусь через несколько часов – отправляйся на поиски.

– Усек.

Чиновник взглянул на шоссе. Отчетливо прорисовывавшееся с высоты птичьего полета, оно оказалось почти неразличимым отсюда, с земли. За долгие годы небрежения бетонное полотно покрылось песком, заросло мелким колючим кустарником. К счастью, кто-то расчистил посередине узкий проход. Расчистил только до края поляны – здесь неизвестный благодетель (уж не сам ли Грегорьян?) решил, что хорошенького – понемножку, и бросил свой бульдозер. Чиновник обследовал все грузовики и вездеходы, надеясь найти среди них работоспособный. Пустой номер: полтора десятка машин, и хоть бы одна батарея. Ладно, доберемся на своих двоих, мы люди не гордые. Он прихватил с переднего сиденья одного из вездеходов телевизор – пригодится, чтобы слушать метеорологические сводки. Город был совсем рядом, тяжелая громада заслоняла полнеба, упиралась прямо в зенит.

По обеим сторонам дороги – глухая, непроглядная чаща. Непроглядная – для всех, кроме бегемота. Чиновнику очень не хотелось встречаться с бегемотом.

Мягкая почва сохранила кое-где следы человеческих ног, неизменно направленные вперед, к городу. К Грегорьяну. И – никаких признаков, чтобы по дороге проезжала хотя бы одна машина, если не считать того самого бульдозера.

Чиновник на секунду задумался, почему грузовики-вездеходы, с таким трудом проломившиеся через лес, по давным-давно заброшенному, почти исчезнувшему шоссе, были оставлены на поляне. А с другой стороны – что же тут странного? Он почти видел всех этих глупых стариков, богатых попрошаек, ковыляющих к Арарату, чтобы получить второе рождение. Пилигримам не подобает приближаться к святой горе на машинах – пусть еще скажут спасибо, что их не заставили ползти на коленях, отбивая земные поклоны. Они пришли сюда, ослепленные страхом и неуверенностью, в дерзкой надежде обменять свои богатства на бессмертие. Скорее всего, жалкие эти побирушки вызывают у волшебника не только презрение, но и нечто вроде снисходительного уважения. Чтобы пройти столь долгий и опасный путь, нужно обладать незаурядным – хотя и несколько гротескным – мужеством.

Холодало. Чиновник слегка поежился, радуясь, что не забыл надеть куртку. Над лесом висела тяжелая, угрожающая тишина. Стоило чиновнику подумать о тишине, как откуда-то слева, из глубины болот, донесся отчаянный, душераздирающий вопль. Звериный – и почти человеческий. Чиновник заставил себя сосредоточиться на ходьбе, глядеть только под ноги и вперед, аккуратно переставлять ноги, считать шаги. Его накрыло волной жуткого, непереносимого одиночества.

Да и то. Он же абсолютно изолирован от мира. Одного за другим он оставил позади всех своих друзей, союзников и советчиков. Ни одного знакомого, хотя бы случайного, на всем пространстве отсюда до самого Пидмонта. Он чувствовал себя потерянным, опустошенным; темная громада закрывала небо – но не становилась ближе.

Прежний опыт сыграл с чиновником злую шутку. Человеку, привыкшему к жизни в летающих мирах, в орбитальных городах глубокого космоса, неизбежно кажется, что объект, заполняющий чуть не все поле зрения, находится где-то здесь, совсем рядом. Вершина Арарата все так же нависала над головой, черная и безжизненная.

Сгущавшиеся сумерки быстро высасывали из воздуха последние остатки дневного тепла. “Что же все-таки, – думал чиновник, – я там увижу?” Странным образом, он уже не надеялся на встречу с Грегорьяном. Не мог себе представить, как будет выглядеть эта встреча. Гораздо правдоподобнее казалась другая

картина – заброшенный, абсолютно безлюдный город, пустые улицы, многократным эхом повторяющие звук каждого шага, черные провалы окон и дверей. Ничто, находящееся нигде, пустой номер, логическое завершение этого поиска, сплошь состоявшего из пустых номеров. Чем больше чиновник думал, тем более вероятным казался такой исход. Последняя шутка Грегорьяна.

Восемьсот (левая) тридцать семь (правая), восемьсот (левая) тридцать восемь (правая)…

И все же он чувствовал удовлетворение. Не так уж, в конце концов, и важно – найдет он там кого или нет. Он не уклонился от цели, несмотря на все уловки волшебника, И какая разница, что его руководители мелочны и своекорыстны, а сама Система прогнила насквозь, обречена на гибель. Он не изменил себе, это – самое главное. И остается еще вполне достаточно времени, чтобы осмотреть Арарат и вернуться до наступления Великого Прилива. Тогда работа будет завершена. И – домой.

В воздухе проплыла белая точка. Вторая, затем третья – слишком маленькие для цветов, слишком большие для пылинок. Холод становился невыносимым. Чиновник взглянул вверх. Когда же это успели облететь все листья? Голые деревья, черные скелеты на фоне темно-серого неба. И опять белые точки, пятнышки.

А потом пятнышек стало очень много, бесчисленные их миллионы заполнили все пространство между чиновником и Араратом, придали этому пространству плотность и размеры, ясно выявили непройденное еще расстояние.

– Снег, – поразился чиновник. Холод – радость не самая большая, однако чиновнику и в голову не пришло повернуть назад. “Мелкие неудобства, дело житейское, как-нибудь потерпим”. В надежде согреться, он припустил рысцой; телевизор – его приходилось нести в руке – болезненно колотился о бедро. Изо рта чиновника вырывались маленькие облачка пара. Мягкие, пушистые хлопья оседали на деревьях, укутывали тропу, всю землю. Чиновник оглянулся. Ближние его следы были черными, отчетливыми, но вдали они серели, смягчались, исчезали совсем.

Он включил телевизор. Серый дракон извивался, снова извивался, хищно наползал на Континент. Грозовые облака.

– …*Начали таять!*— кричал возбужденный, срывающийся голос. – *На ваших экранах уникальные кадры, снятые нашей съемочной бригадой из космоса…*

Чиновник переключился на другой канал.

– …*Постарайтесь найти хоть какое нибудь укрытие.*

Тропа петляла среди деревьев, плоская и ужасающе монотонная. Чиновник запыхался, сбавил шаг, перешел на

прежнюю неспешную рысцу. Уютный, домашний голос диктора рассказывал “дорогим телезрителям” о людях, чуть не ставших жертвами стихийного бедствия. О чудесных спасениях в Песчаной провинции, об опасной работе летчиков-спасателей, с риском для собственной жизни подбирающих людей с Побережья. Чиновнику сообщили, что милиция поднята по тревоге, что воздушные патрули перешли на удлиненные, шестичасовые вахты. Настоятельно порекомендовали ему мотать из Приливных Земель, и поскорее, пока не пришла первая волна Прилива. Напомнили, что до прихода волны остается не меньше двенадцати и никак уж не больше восемнадцати часов. Что он не должен спать. Что он не должен терять время на еду. Что он должен взять ноги в руки и куда-то там бежать. Куда?

Снег падал так густо, что не стало видно деревьев. Мучительно болели пальцы ног.

– …*Что делать при переохлаждении, слушайте наши рекомендации!* – кричал телевизор. – *Ни-когда не растирайте обмороженные участки кожи. Отогревайте ее постепенно, чуть тепловатой водой…*

Голоса дикторов звучали возбужденно, почти экстатически. Их лица раскраснелись, глаза сверкали. Обычная реакция на стихийное бедствие – людей распирает сознанием собственной значимости, они считают каждое свое слово, каждое действие критически важным. Чиновник пробежался по каналам и нашел женщину, рассказывающую про прецессию полюсов. При помощи карт и глобусов она объясняла хорошо известный факт, что на Миранде наступает великая зима, что теперь планета будет получать меньше солнечной (просперской? просперианской?) радиации, чем прежде.

– …*Однако неизбежно и наличие обратных эффектов – эффектов, которые сделают похолодание не столь резким. Тонкие механизмы отрицательной обратной связи, неизменно присущие природе, обеспечат…*

Ручка телевизора стала холодной как лед, как раскаленный лед, чиновник не мог ее больше держать; сделав над собой усилие, он разжал онемевшие пальцы. Телевизор мягко провалился в снег, чиновник облегченно вздохнул и сунул ладонь под мышку. Он ковылял вперед, обхватив себя для тепла руками. В какой-то момент сзади раздались голоса, окликавшие чиновника по имени, но он шел не останавливаясь, голоса звучали все тише, пока не заглохли совсем. Он снова был один.

А потом он споткнулся и упал.

Чиновник упал с размаху, не успев выставить руки, и какой-

то момент лежал неподвижно, почти наслаждаясь болью, охватившей все его тело. Правую руку и правую сторону лица он не чувствовал. Он не мог поверить, что дошел до такого жалкого состояния, не сумев совладать с сущей ерундой, каким-то там холодом. И постепенно понял, что пора возвращаться. Дальнейшее упорство бесполезно. Идти дальше – верная смерть.

Он поднялся на ноги, покачнулся и чуть не упал снова. Вставая, он слегка развернулся и не был теперь уверен, где тут “вперед”, а где “назад”. Снег валился сплошной массой, залепляя глаза. Чиновник почти ничего не видел. Слева и справа – смутные, еле различимые серые полосы, скорее всего – деревья. Отпечаток тела уже исчез, начисто, словно его и не было.

Чиновник пошел назад.

Собственно говоря, это была игра в орлянку – с равной вероятностью могло оказаться, что он идет назад, к флаеру, и вперед, может быть, к Арарату, а скорее, – к смерти. Чиновнику хотелось бы выбрать путь как-нибудь получше, ненадежнее, но он не знал, как это сделать. Он совсем потерял ориентировку, да и голова что-то плохо думала. Он не чувствовал сейчас ничего, кроме острых клыков холода, вонзавшихся, кажется, уже в самые внутренности. Его лицо окаменело, каждый шаг давался с огромным трудом – ледяные иглы боли пронзали мышцы ног, делали их жесткими, непослушными. Чиновник сжимал зубы и шел. Назад?

Через какое-то совершенно неопределенное время он понял, что точно идет не в том направлении – иначе давно наткнулся бы на брошенный телевизор. Мысль, что столько трудов потрачено понапрасну, даже во вред – ведь теперь путь к спасению стал еще длиннее, – ужасала. Чиновник гнал эту мысль сколько возможно, но был в конце концов вынужден признать свою ошибку.

Он повернул назад.

Илогда чиновнику казалось, что он оглох, – такая тишина окутала заснеженный лес.

Ступни давно уже не болели – чиновник просто перестал их чувствовать, но теперь онемение распространялось выше, захватывало икры. Безумно болели глаза. И лоб – наверху, у края волос, и вроде как внутри. Голова гудела, дьявольские голоса наперебой бубнили какие-то непонятные, лишенные всякого смысла слова.

А потом парализующая немота поднялась еще выше, колени чиновника подломились, и он упал.

И не поднялся.

Чиновник лежал, неспособный пошевелиться, лежал очень долго, только эта длительность измерялась не временем, а чем-то

другим. Он слышал звуки машин, которых здесь не было и быть не могло, и понимал, что это – галлюцинация. Он начинал ощущать блаженное, умиротворяющее тепло. Вот и по телевизору про это что-то такое говорили. Да вставай же ты, ублюдок, думал он. Ты обязан встать. Откуда-то издалека донеслось равномерное поскрипывание, а затем чиновник увидел сапоги, пару черных кожаных сапог, прямо перед своим лицом. Крупный, широкоплечий человек присел на корточки, подсунул под чиновника руки, поднял его с земли и встал. Снег валился не переставая, но теперь сквозь серую пелену смутно различалось оранжевое пятно – грузовик, или вездеход, или что-то еще в этом роде.

Чиновник взглянул в лицо своего спасителя, ка-менно-непроницаемое и в то же самое время полное тепла. Тепла – и какой-то доброй, благожелательной силы. Ну прямо тебе актер, играющий папашу “строгого, но справедливого”. Яркие, правильно очерченные губы изогнулись в улыбке, улыбка расползалась дальше и дальше, постепенно она захватила все лицо, превратила розовые щеки в веселые, лукавые шарики. Левый глаз заговорщически подмигнул.

Вот он, значит, какой этот Грегорьян.

13. ВИД С ВЫСОТЫ

Вокруг костра сидели трое.

Ночь была очень холодная. Чиновник курил гашиш – с небольшой

примесью амфетаминов, чтобы не так клонило в сон. Грегорьян заботливо подносил ему трубку, уговаривал затягиваться поглубже и держать дым в легких как можно дольше. Голова чиновника гудела, собственные ноги казались невероятно длинными. До ступней, пожалуй, и за сутки не дойдешь. Одинокий и беспомощный, затерянный на склоне чудовищной горы, он ощущал, однако, полное спокойствие и ясность, прозрачность мыслей, его мозг словно подключил ся к звездному разуму вселенной —

или к древней мудрости, лежавшей в основании черепа, в мозжечке, как лунный камень в спекшемся комке копролитов и костей саблезубых тигров. На какое-то время он утратил всякую связь с реальностью, погрузился в подводные пещеры восприятия – искатель золота затонувших испанских галеонов. Потом чиновник выдохнул. Внешний мир встал на место, окутался огромным облаком дыма.

Снег давно перестал.

Грегорьян докурил трубку, выколотил о каблук, дочиста выскреб чашечку.

– А ты знаешь, каким образом потерялся Арарат? – спросил он. – Интересная история.

– Расскажи, – попросил чиновник. Их компаньон промолчал.

– Первый, ключевой момент, без которого не было бы всего остального. Верхняя часть города расположена над отметкой самого высокого зимнего прилива. Ну, конечно же, первая волна накрывает Арарат полностью, но он и построен с расчетом на такую нагрузку. Долго ли, коротко ли, но шторм утихает, и наша верхушка превращается в остров. Такой себе сухой пятачок, очень удобный с военной точки зрения: совершенно изолированный, укрепить его проще простого, защищать от противника – и того проще. В период Третьего воссоединения Оборона Системы организовала здесь планирующий центр. Тогда-то его и прикрыли защитой. Вполне возможно, что подобных засекреченных объектов на планете десятки.

Волшебник поворошил костер, в небо рванулся вихрящийся сноп искр.

– Как и обычно, ОС замаскировала свою причастность к этому делу, действуя через некую гражданскую организацию,

находившуюся под номинальным руководством Отдела экспансии цивилизации, причем контроль над этой организацией осуществлялся через еще одну липовую гражданскую организацию – специально для этого созданную. Во время все того же Воссоединения, в конце фазы активных боевых действий, произошла реорганизация, и тогда…

Слова накатывались размеренными, монотонными волнами; чиновник слушал вполуха – его интересовал не столько рассказ, сколько рассказчик.

Грегорьян сидел на корточках, чуть упираясь в пол длинными мощными руками; сейчас этот добрый папаша напоминал скорее зверя, чем человека. Зверя опасного, подобравшегося перед прыжком. На широком лице играли багровые отблески костра, ярко вспыхивали зубы оскаленного в ухмылке рта.

– Проходили десятилетия. Организации возникали и ликвидировались, поглощали друг друга, передавали друг другу права и обязанности, выбирали новое руководство, отделялись от родительских структур, чтобы вести самостоятельное существование. К тому времени, как Океан отступил и началась Великая весна, Арарат намертво завяз в политических хитросплетениях Системы. Вытащить его из этой трясины, рассекретить, не было никакой возможности.

Это какая же глупость, какой идиотизм! Целый город, огромный труд, измеряемый сотнями тысяч человеко-лет, пал жертвой канцелярских дрязг. И это – всего лишь крохотный пример, дающий представление о невидимой сети нелепостей и бессмыслиц, которой опутали нас власти предержащие.

Голос Грегорьяна казался до жути знакомым, да и лицо его, если присмотреться получше, было исправленным и дополненным изданием лица Корды.

– Красиво говоришь, – заметил чиновник. – Ну прямо как твой папаша.

– Не забывай, – вскинулся Грегорьян, – что ты мне абсолютно не нужен. Мне вполне достаточно общества Пуфа. – Он указал на неподвижную фигуру, сидевшую по другую сторону костра. – Если тебе так уж не терпится умереть, я готов…

– Да нет, это я так, между прочим.

Волшебник расслабился, весь его гнев исчез так же внезапно, как и появился.

– Собственно говоря, это правда. Да, конечно же, всю информацию я получил от Корды. Один из его любимых проектов. Это ж сколько лет он угробил на попытки рассекретить Арарат, на битвы с призраками и ветряными мельницами. Лаокоон, задушенный бюрократической тягомотиной. – Грегорьян

откинул голову и громко расхохотался. – А нам с тобой на все это начхать, верно? Ну растратил дурак свою жизнь на дурь – так он дурак и есть. А мою записную книжку ты, конечно, не принес.

– Я забыл ее в чемодане. Во флаере.

– Ладно, ничего. Не очень-то она мне и нужна – так, детские воспоминания. И вообще всем нам нужно уметь расставаться с вещами.

– Я бы хотел задать тебе один вопрос, – осторожно начал чиновник. Грегорьян молча кивнул. – Что ты получил от Земли? Запрещенную технологию? Или вообще ничего?

Грегорьян приставил палец ко лбу, словно обдумывая очень серьезную проблему, а затем широко ухмыльнулся.

– Вообще ничего. Просто хотел, чтобы Корда послал кого-нибудь на мои розыски. Наживка – а он, конечно же, заглотил ее вместе с крючком и поплавком.

– Тогда я, пожалуй, пойду.

Грегорьян коротко хохотнул. Внезапный шквал прижал пламя костра к земле; лицо волшебника исчезло, он превратился в черный силуэт, четко прорисованный на зеленоватом фоне окна. На за пястье угольно-черной руки ярко вспыхнула комета. Затем татуировка сдвинулась с места, доплыла до локтя, потускнела и угасла. Вспыхнул второй знак, третий, они ползли под кожей Грегорьяна, как искорки по остывающей головешке.

– Останься, – покачал головой волшебник. – Нам есть о чем поговорить.

“О чем?” – подумал чиновник, но Грегорьян явно не торопился с ответом.

Город круто спускался к серой, с серебряными пятнами озер, равнине; где-то там, за этой равниной, на самом горизонте невидимо притаился Океан – яростный зверь, изготовившийся к прыжку. Ветер приносил резкие запахи изолиственницы и коричного мирта.

Костер был разложен на одной из верхних террас, в плоском, с выкрошенными краями углублении – в свинячьем, если пользоваться терминологией Грегорьяна, корыте. Как и весь Арарат, терраса носила следы сильной эрозии. Из скругленных стен торчали крюки, назначения темного и непонятного. Все помещения были забиты кораллами и ссохшейся грязью. Из зарослей раковин высовывались растрепанные концы раковин, ребра каких-то морских тварей. Кое-где тускло поблескивали элементы круговой ооороны – адамантиновые плиты, гладкие и незамутненные, словно только что с завода. Эти небеленые заплаты на почтенном рубище древнего города выглядели совершенно дико, резали глаз, но встречались, к счастью,

довольно редко.

С местными достопримечательностями чиновник ознакомился в самом начале, прежде чем Грегорьян приковал его к углеродно-волоконной свае. Теперь же в поле зрения была только штабная комната, под завязку забитая припасами, и – с другой стороны – широкий, открытый всем ветрам мир. Сзади на него пялились улицы – спина чиновника ощущала их пустоту и заброшенность так же отчетливо, как жесткий холод сваи.

– Я принимаю твое предложение.

– Какое там еще предложение? – лениво удивился Грегорьян.

– Я хочу стать твоим учеником.

– А-а, вот ты про что. Да нет, у меня и в мыслях такого не было. Я просто хотел придать тебе побольше уверенности, чтобы ты уж точно сюда добрался, – вот и все.

– И все же.

– Ми-лай, да ты и не представляешь себе, что это такое. Я могу отдать тебе любой, абсолютно любой приказ. Ну, скажем, распять на кресте собаку. Или убить незнакомого, ничего тебе не сделавшего человека. А как же иначе изменить твою психику? Я могу даже захотеть, чтобы ты отодрал старину Пуфа. Ну как, справишься? Прямо здесь и сейчас.

Пуф сидел напротив них, спиной к бесконечной равнине. В свете, лившемся из окна, его лицо выглядело опухшим, нездоровым. Тусклые, немигающие глаза лавочника никак не реагировали на разговор, столь непосредственно его касавшийся. Чиновник замялся.

– Если без этого никак – справлюсь.

– Врать бы хоть научился. Нет, ты останешься в кандалах, у этой своей сваи. Останешься до самого прилива. А потом умрешь. Это неизбежно. Снять кандалы могу только я – а я своих решений никогда еще не менял.

На Арарат навалилась полная, ватная тишина. На мгновение чиновнику показалось, что он слышит далекий шепот Океана.

– Послушай, – сказал Грегорьян, – а как ты думаешь – сохранились еще оборотни или нет?

– Так ты же послал своему папаше голову, – поразился чиновник.

– Голову? Этот дешевый трюк я провернул с помощью лабораторного оборудования, оставшегося от Корды. Тут скопилась уйма богатых трупов – неизбежный побочный продукт моих деньгораздобывательных операций. Подумал я, подумал и использовал одну из старых, тупых голов на доброе дело. Надо же было папашу порадовать. Но ты – ведь ты, говорят, встретил в Коббс-Крике лисоголового оборотня. Даже с ним беседовал. Так

что ты об этом думаешь? Он что, настоящий был? Говори честно, сейчас-то какой смысл тебе врать.

– Мне тогда сказали, что это природный дух…

– Ты что, серьезно?

– Но… Ну, скажем, так. Варианта тут ровно два – либо один из твоих героев решил устроить маскарад, либо это и вправду был оборотень. Во всяком случае он не был какой-нибудь там галлюцинацией, настоящее живое существо, такое же реальное, как ты и я.

– Ы-ы-ы-ы!

Было не совсем понятно, чего в этом стоне больше – боли или удовлетворения. Затем Грегорьян извлек из ножен оригинальный, вороненой стали нож с рукояткой из чертовой кости.

– Прожарился, наверное, в самый раз.

Он обогнул потухающий костер, присел на корточки и аккуратно вырезал со лба Пуфа длинный ремешок кожи. Крови почти не было. Кожа старика фосфоресцировала, хотя и совсем иначе, чем Ундинины иридобактерии. Там свечение было яркое, радужное, здесь же – тусклое, чуть зеленоватое.

Полоска кожи осветила пальцы волшебника, затем его губы, затем язык и небо – и исчезла. Грегорьян начал шумно, старательно жевать.

– Сейчас плясуны в самой форме. Десять минут назад они были еще заразными, через час токсины наполовину распадутся,

Грегорьян выплюнул недожеванную полоску на ладонь, разрезал ее пополам.

– На. – Он поднес одну из половинок к губам чиновника. – Бери. Ешь.

Чиновник в ужасе отвернулся.

– Ешь! – Омерзительный ошметок ничем особенным не пах, а может, это дым костра заглушал все прочие запахи. – Я притащил тебя сюда по одной-единственной причине: причащаться лучше вдвоем, эффект сильнее. Не хочешь – как хочешь, только ты мне тогда больше не нужен.

Чиновник крепко, до боли сжал зубы.

– А то подумай. Знаешь, как это говорилось? Пока живу – надеюсь. Пока ты жив, у тебя остается надежда. Меня может зашибить метеоритом. Или сюда заявится Корда с отрядом спецназа. Случиться может всякое. Вот я сам – возьму и передумаю, все в моей воле. Смерть же не оставляет ровно никаких возможностей. Ну-ка, открой рот.

Чиновник открыл рот и почувствовал на языке нечто холодное и жестковатое, похожее на кусок резины.

– Жуй. Жуй и не глотай, пока не разжуешь. Только

колоссальное усилие воли позволило чиновнику подавить подступившую к горлу тошноту. Плоть Пуфа оказалась почти безвкусной. Почти. До самой своей смерти будет чувствовать чиновник этот слабенький, ни на что иное не похожий вкус.

Грегорьян ободряюще похлопал его по коленке и сел.

– Спасибо скажи. Я преподал тебе очень ценный урок. По большей части люди умирают, так и не узнав, на что они способны ради сохранения своей жизни.

Чиновник усердно жевал. Рот его онемел, голова кружилась.

– Мне как-то… странно.

– Тебе случалось кого-нибудь ненавидеть? Ненавидеть по-настоящему. Чтобы было плевать и на счастье свое и даже на жизнь – лишь бы разрушить *его* счастье, *его* жизнь.

Они двигали челюстями совершенно синхронно, одинаково чавкая и прихлюпывая.

Чиновник услышал, как кто-то сказал “нет”, немного подумал и понял, что это был собственный его голос. Он удивился, не совсем понимая, что же тут такого удивительного. Он постепенно терял ощущение локальности, здесь-присутствия. Восприятие размазывалось по все более расширяющейся области, он не находился в каком-то одном, конкретном месте, но сразу везде, с большей или меньшей вероятностью.

– Да, – сказал чиновник голосом волшебника.

Пораженный, даже ошеломленный, он открыл глаза и взглянул себе в лицо.

Крайнее потрясение швырнуло его обратно в собственное тело.

– Кого ты так ненавидишь? – пробормотал он. И тут же почувствовал, что снова теряет самотождественность.

Затем чиновник услышал смех Грегорьяна, понял, что этот яростный, сумасшедший звук порожден страданием и что исходит он не только от волшебника, но и от него самого.

– Себя. – Его голос, сочный и раскатистый, шел откуда-то снизу, от диафрагмы. – Себя, Бога и Корду – равными долями. Я никогда не мог толком разобраться в этой пресвятой троице.

Волшебник говорил и говорил, чиновник слушал и слушал, постепенно теряя последние следы своего я, А затем он стал Грегорьяном, юным волшебником давних лет, оказался лицом к лицу со своим генетическим отцом в полутемном кабинете, где-то в глубине высокогравитационного квартала Лапуты.

Он стоял навытяжку и чувствовал себя очень неуютно. По дороге сюда он чуть не заблудился и потому опоздал. Не зная местной системы указателей, было почти невозможно разобраться

в трехмерном лабиринте коридоров, в широких проспектах, неожиданно разбегавшихся путаницей узких, бессмысленно петляющих проходов, в пандусах и лестницах, упирающихся в глухие стены. Кабинет, тесно заставленный каменной мебелью, производил неприятное, даже гнетущее впечатление. Можно только удивляться, что внепланетчики платят за подобное уродство огромные деньги. Наверное, это связано с трудностями доставки. Корда восседал за огромным базальтовым столом, поясная статуя на постаменте.

По комнате проплыла ртутная стайка рыбок. Побочный эффект плясунов, не стоит обращать внимания. Он искоса рассматривал ярко освещенные стеллажи со стеклянными цветами. При такой гравитации легчайший толчок превратит их в пыль. С

потолка из круглых отверстий свешивались орхидеи. От тяжелых ядовито-розовых цветов несло тухлым мясом.

Грегорьян прятал свою скованность под напускной непршгужденностью, на его лице застыла сардоническая улыбка. Против воли он ощущал нечто вроде благоговейного трепета. Он был стройнее, сильнее и моложе своего предка, обладал лучшей реакцией, чем ты в самые лучшие свои времена. Но этот обрюзгший толстяк видел его насквозь. Корда на сына даже не смотрел. Он сидел, уткнувшись в бумаги, и что-то быстро писал.

– Однажды я ел говно, – сказал Грегорьян.

Корда неопределенно хмыкнул.

В кабинете находился и третий – постоянный агент в денебской накидке и белой керамической маске. Васли, так звали денебца, исполнял роль финансового советника. Грегорьяну не нравилось это существо, почти не имевшее ауры и не оставлявшее за собой никакого эмоционального следа. Стоило на мгновение отвернуться, и Васли тут же сливался с мебелью.

– В другой раз я съел скрэгга, в сыром виде. Это такой грызун, длиной в две пяди и голый, как колено. Злобный и уродливый. Зубы у этого гада с зацепками, как рыболовный крючок, поэтому потом, когда его убьешь, приходится ломать ему челюсти, иначе приманка так и…

– Насколько я понимаю, у тебя была для этого достаточно серьезная причина.

В голосе Корды звучало глубочайшее безразличие.

– Я их боялся.

– И ты убил одно из этих животных, а затем его съел. Чтобы преодолеть страх. Понятно. Как бы то ни было, здесь они не водятся. О! – Корда поднял глаза, впервые за беседу. – Чего же ты стоишь? Садись, садись. Васли, позаботься о молодом человеке.

Прежде эти маленькие металлические штуковины казались Грегорьяну чисто декоративными элементами обстановки; теперь, по молчаливому приказу денебца, они шустро соорудили гранитное кресло. Затем один из механизмов мягко подтолкнул Грего-рьяна вперед, другой – отвел его плечи назад, волшебник потерял равновесие, покачнулся и сел. Кресло оказалось низким и глубоким, с такого не поднимешься легко и изящно.

– Тут все не так просто. Я два дня постился, затем принес свою кровь в жертву Богине, причастился плясунами…

– У нас это делают в клинике, за несколько часов, – заметил Васли. – По здешним понятиям – запрещенная технология.

– При чем здесь ваша вонючая наука? Я оккультист!

– Слова, слова. При всем различии применяемых средств мы с вами придерживаемся одной и той же схемы. Сперва нужно повысить внушаемость

субъекта, раскрыть его мозг. Мы это делаем при помощи магнитного резонанса, вы же используете наркотики, ритуалы, секс, страх – по отдельности или в различных сочетаниях. Затем, когда мозг подготовлен, в него закладывают новые шаблоны поведения. Мы вводим информацию при помощи голотерапевтических вирусов, вы —съедаете живую крысу. Третье и последнее: новая структура укрепляется, укореняется в процессе повседневной жизни. Здесь наши методики практически идентичны. Техника, идущая из глубин веков, – программирование людей придумано гораздо раньше, чем программи рование машин.

– Техника! – презрительно фыркнул Корда. – В свое время я безумно боялся утонуть. Тогда я отправился на Корделию и попросил, чтобы меня сбросили ночью в Кристальное море, в двух милях от берега. Вода там такая соленая, что не утонешь, крупные хищники не водятся. Не паникуй, и все будет в порядке. Но это так, теория, разумные доводы, а на практике развлечение получилось еще то, вспомнишь – вздрогнешь. Зато когда уж я добрался до берега, то знал абсолютно точно, что не буду больше бояться воды, отныне и до самой смерти. И никаких тебе наркотиков и резонансов. Бледный ты какой-то, – закончил он безо всякой очевидной связи с предыдущим. И иронически усмехнулся.

– *Так что же, именно в этом все и дело!* — прошептал далекий, из другого мира идущий голос. – *Неужели я умру только для того, чтобы помочь тебе избавиться от детского страха? До пего же глупо.*

Грегорьян словно не слышал. Нет, не “словно”, а на самом деле – не слышал.

– Всю свою снисходительность вы можете оставить при себе! Я видел, я испытал такое, что вам и не снилось!

– Тише, тише, не шуми. И не надо меня бояться.

– Я вас боюсь? Да вы совсем ничего не понимаете!

– В тебе я понимаю абсолютно все и еще немножко. Неужели ты думаешь, что мелкие, случайные различия воспитания и жизненного опыта могут привести к формированию совершенно непохожих личностей? Да ни в коем разе, Я – твоя альфа и омега, вот так-то, молодой человек. А ты – не более чем я, только переписанный более аккуратным почерком. Противно смотреть на эти дряблые щеки и старческие пятна? Противно? Пройдет сколько-то там лет, и ты станешь в точности таким же.

– Никогда!

– Это неизбежно. А теперь к делу. – Корда взял со стола одну из бумаг. – Я организовал кредитную линию, которая позволит получить тебе образование. Ты будешь изучать биологический контроль. Очень полезная вещь. Попутно ты поймешь, какая это глупость – бороться с собственным генотипом. Оплата твоего обучения и проживание, мелочишка на карманные расходы – всем этим займется Васли, мы с тобой встречаться не будем, разве что изредка – я не вижу в том особой необходимости.

– А что вы хотите взамен?

– На первое время – ровно ничего, – откликнулся Васли, – учитесь себе спокойно. А потом мы попросим вас провести небольшое исследование. Ничего особо сложного. Узнать, сохранились до наших дней туземцы Миранды или нет – слухи о них ходят, но все какие-то неопределенные. Не сомневаюсь, что работа окажется для вас интересной. Они знали, что Грегорьян не сможет отказаться от образования, денег и полезных связей, предлагаемых Кордой, Единственной альтернативой было возвращение в захолустье Срединных миров, прозябание в роли второразрядного колдуна на планете, куда цивилизованного человека и пряником не заманишь.

– А вдруг я получу степень да и пошлю вас подальше? Почему вы так во мне уверены?

– К тому времени ты перебесишься и станешь посговорчивее. Поймешь, что не каждый день человеку предлагают шанс продвинуться, чего-то в жизни достичь. – Не давая Грегорьяну ответить, Корда повернулся к денебцу: – Ну, пожалуй, и хватит. Васли, вы там разберитесь с конкретными деталями.

Из него ушла жизнь.

Грегорьян выкарабкался из кресла, обогнул стол, потрогал щеку Корды. Холодная, бесчувственная, Не человек, а манекен. Безногий двойник, намертво вмонтированный в кресло.

– У него совещание, – объяснил Васли.

– Двойник! – В голосе Грегорьяна звенели обида и ярость. – Он даже не соизволил встретиться со мной лично! Ограничился двойником!

– А вы разве не понимали? Он не пожал вам руку – так кем же еще мог он быть?

Чиновник остро ощутил чужое недоумение, чужую растерянность.

Через секунду, когда Грегорьян пожал протянутую денебцем руку, все стало на свои места. *Постоянный агент, единственный экземпляр,* – прошептало ему прямо в слуховой нерв регистрационное кольцо, присланное Кордой вместе с комплектом внепланетной одежды.

– Насколько я понимаю, вы впервые в летающих мирах.

В голосе Васли не было и тени снисходительности, улыбки.

– Денеб, – сказал Грегорьян. – Я где-то слышал, что у вас там строят оболочку.

– Да, кольцевую. Не полную сферу, а сферическую полоску в плоскости эклиптики, с полушириной то ли в один, то ли два градуса, точно не помню.

По всей видимости, Васли включил карманный проектор – в воздухе материализовался макроартефакт. Нет, денебец тут ни при чем; прошла секунда, и Грегорьян – чиновник – понял, что это просто шальная визуализация, побочный эффект плясунов.

– Чтобы согреть внешние планеты. У нас нет ваших природных ресурсов, нет ни Внутреннего круга, ни Срединных миров. Все, за единственным исключением, наши планеты непригодны для жизни. Поэтому мы решили пустить один из ледяных миров на постройку отражающего пояса.

Изображение выросло, теперь можно было различить сплющенные веретенообразные формы отдельных мирков, переплетение их орбит, сеть транспортных станций.

– Но этого же мало. Вряд ли такой пояс сделает внешние планеты обитаемыми.

– Нет, – согласился Васли, – поверь, это только часть проекта. Мы разжигаем ядра планет, имп-лодируем некоторые из спутников, чтобы создать нуль-переходы в солнечную хромосферу. В хромосферу Денеба.

Около внешних миров вспыхнули маленькие орбитальные солнца; близкие к ним участки ледяного пояса удвоили яркость.

Величественное зрелище потрясло Грегорьяна – и разъярило.

– Вот, что нам нужно делать! У нас есть силы, есть знания, не хватает только решимости захватить контроль, стать всемогущими, сравняться с богами!

– Мой народ – далеко не боги, – сухо заметил Васли. – Проект такого масштаба неизбежно приводит к войнам. Миллионы погибших, десятки миллионов беженцев, сотни миллионов переселенцев, насильственно изгнанных с насиженных мест, – попытка перестроить мир обошлась нам очень и очень дорого! Не думаю, чтобы ваш народ согласился пойти на такие жертвы, хотя лично я считаю их вполне оправданными. К тому же нам пришлось отказаться от многих хороших вещей, все еще сохранившихся в вашей культуре.

– Каждый когда-нибудь умирает. Изменение второй даты на кладбищенской табличке – или, тем более, в каких-нибудь там компьютерных файлах – представляет интерес чисто статистический. ~ Он окинул мысленным взглядом просперианскую систему. Унылый ком грязи, внутри которого таится самородок. Неограненный алмаз, тусклый и корявый. Непроросшее, заждавшееся живительной влаги зерно. – Имей я власть, разрушение миров началось бы уже сегодня, Я разъял бы Миранду на части голыми руками.

В мозгу Грегорьяна калейдоскопически мелькали неосуществленные возможности, он слышал бешеные удары своего сердца, чувствовал, как кровь мчится по жилам, туго, на разрыв вздувает фаллос. Накачивает, словно воздух из насоса – велосипедную шину.

– Я взорвал бы звезды – и построил бы из их ошметков что-нибудь более приличное.

В стене открылся рот, через секунду – второй, третий, десятый… Затем рты дружно захлопнулись и исчезли. Снова плясуны выплясывают. Он обтер мокрый от пота лоб, а белые копья все валились и валились с потолка и беззвучно протыкали пол и исчезали. И невыносимая духота.

Он зевнул, на мгновение открыл глаза и увидел еле тлеющий костер, а за костром – Грегорьяна. Голова волшебника сонно кивала, он все говорил и говорил. А затем он был снова в Лапуте, и оказалось, что он много пропустил.

– Васли. Вы, как я понимаю, знаете Корду. Он способен на убийство, так ведь? Он может убить человека, вставшего на его пути.

Пристальный взгляд безглазой маски.

– Он может быть безжалостным. Но кому это и знать, как не вам?

– Нет, вы мне скажите. Как вы думаете, способен он убить пять человек? Десять? Сто? Убить столько людей, сколько сумеет, пытать их – и все это ни за чем, просто чтобы получить удовольствие, чтобы знать, что он это сделал?

– Чтобы узнать это точно, вам нужно заглянуть в самого себя. – Все тот же голос – ровный, спокойный, без следа эмоций. – Я же думаю, что нет.

Теперь плясуны решили выжечь его череп, превратить серое вещество в серый пепел. И в тот самый момент, когда они набрали силу, взметнулись миллионами хихикающих хромированных блох, чтобы опрокинуть юного волшебника в беспамятство, появился ответ. Нет. Конечно же, нет. Личность, способная на такое, не будет похожа на Корду. Это должен быть гротеск, гиньольный монстр. До неузнаваемости изуродованный своими поступками или хотя бы помыслами. Некто совсем другой.

Он проснулся. Небо начинало уже сереть. Над головой громоздились огромные каменные массы. Спина ощущала мягкое дыхание темных, безжизненных улиц. За краем террасы, внизу, чуть угадывалась плоская, как стол, равнина с ртутными кляксами озер. На горизонте зловеще вспухали обсидиановые облака, змеились причудливые, как корень мандрагоры, молнии. Грома не было. А разве такое возможно? Неужели конец мира придет в полной тишине? Костер превратился в кучку остывающих, припудренных пеплом углей. Голова Грегорьяна свешивалась на грудь, из уголка рта тянулась вязкая ниточка слюны. Через несколько минут волшебник придет в себя, но пока что чиновник был единственной бодрствующей, самоосознающей личностью во всем Арарате. В животе самоосознающей личности стоял тугой, болезненный комок, во рту – словно табун лошадей ночевал.

Сзади, из невидимой, но все же – назло всем солипсистам – существующей глубины темных улиц послышались неуверенные, спотыкающиеся шаги.

Чиновник выпрямился. В Арарате царила мертвая тишина. Разве что прогромыхает по склону кусок коралла, сорванный ветром. Но этот звук был совсем иным, в нем чувствовалась некая целеустремленность. Чиновник развернул, сколько мог, голову и попытался увидеть. Вот вроде бы в черноте улицы пошевелилось что-то еще более черное. А может, и нет. Может, просто почудилось.

Металлический скрежет. И опять движение в темноте, движение неловкое и неуверенное. Что-то там такое было. И оно, это “что-то”, направлялось к чиновнику.

Чиновник ждал.

Паукообразное существо двигалось не прямо, а каким-то нелепым зигзагом, непрерывно ощупывая дорогу одной из

передних конечностей, словно слепой – тростью. Время от времени оно теряло равновесие и падало.

Сюда, мысленно молил чиновник, сюда; вслух он не произносил ни слова, боясь разбудить Грегорьяна. А может быть, из опасения, что нет тут никакого чемодана, что все это – очередная галлюцинация. Он затаил дыхание. Чемодан приближался.

– Начальник? Это ты, что ли?

Чиновник дотронулся до чемодана; тот узнал генетический портрет хозяина, втянул лапы и рухнул на каменный пол.

– Ну и местность же ты выбрал для прогулок. Все мои органы чувств показывают здесь черт-те что, едва тебя нашел.

– Тише ты, – прошептал чиновник, – А функционировать-то ты можешь?

– Да. Только я ничего не вижу.

– Слушай внимательно. Я хочу, чтобы ты сделал нервный индуктор. Захвати контроль над нервной системой Грегорьяна и парализуй его высшие двигательные функции. Потом поставь его на ноги и прогуляй в штабную комнату. Там должен быть плазменный резак. Принеси резак сюда и освободи меня от цепей.

Грегорьян поднял голову, открыл глаза и тихо, умиротворенно улыбнулся. Его пальцы любовно сомкнулись на рукоятке ножа.

– Запрещенная технология, – сказал чемодан. – Я не имею права изготавливать этот прибор на поверхности планеты.

Грегорьян издевательски фыркнул.

– Выполняй указание.

– Я не могу!

– Великолепная иллюстрация к моим словам.

Грегорьян разжал руку, небрежно откинулся назад. Судя по всему, он имел в виду как раз ту часть рассказа, которую чиновник пропустил.

– У этого устройства почти неограниченные технологические возможности. Ты хочешь освободиться – это ему вообще как два пальца. Но ты не можешь им воспользоваться. И почему? Из-за бессмысленности бюрократического запрета. Из-за этакой культурной неврастении. Это не я сковал тебе руки, это ты сам себе их сковал. Так что скажи спасибо самому себе – никто другой не виновен в твоей неудаче.

– Я приказываю в третий раз. Исполняй указание.

– Ол'райт, – сказал чемодан.

– Да ты, в рот долбаный!..

Чиновник даже не заметил, когда в татуированной руке

материализовался нож. Грегорьян взвился, как подброшенный пружиной, но тут же застыл, покачнулся и грузно, с тупым стуком обрушился на каменный пол. Глаза волшебника остекленели, остановились; первые секунды он бился в судорогах, но постепенно затих, осталось только легкое подергивание правой руки.

– А не так-то это и просто, как можно бы… – начал чемодан. – А, ну вот.

Дрожь руки прекратилась. Грегорьян медленно перекатился на бок, на живот, встал на четвереньки.

– Слушай, а через его глаза все отлично видно! – Голова волшебника повернулась в одну сторону, затем в другую. – Ну, я тебе доложу, и местечко.

Трижды Грегорьян вставал на ноги, трижды терял равновесие и падал. В конце концов чемодан признал свое поражение.

– Ну не получается у меня, начальник. Не получается – и все тут.

– А и хрен с ним, – махнул рукой чиновник, – Пусть ползает на карачках.

В запасах запасливого Грегорьяна нашелся и диагност и полный набор терапевтических приборов. Чиновник прогнал свою кровь через очиститель, подмешал к ней умеренную дозу психостабилизатора, умылся и почувствовал себя в тысячу, в миллион раз лучше. Его качало от усталости, однако голова, избавленная наконец и от плясунов, и от сонных токсинов организма, думала ясно и четко. Чиновник взял фляжку, вышел за дверь и тщательно прополоскал рот. Затем он вернулся в комнату и включил телевизор.

– *Началось! —* орал диктор. – *Буквально секунду назад волновой фронт достиг берега! Всем задержавшимся на склоне и в районе Фэна необходимо срочно…*

– *…Нет, вы только посмотрите, какое это фантастическое зрелище!*

– *…перебираться в незатопленные районы! Да, фантастическое. Вот он, Божий мир во всей его славе. Гигантская, подобная горному хребту волна надвигается на землю – а из-за нее встает Просперо. Утро нового мира! Спешите, мы вас просим – спешите! Если вы находитесь ниже линии водопадов – спасайтесь, спасайтесь сию же секунду! Это – последняя ваша возможность!*

– Начальник? Грегорьян хочет что-то тебе сказать.

– Да неужели?

Чиновник заложил руки за спину и подошел к панорамному окну. Горизонт двигался. Тонкая, медленно наползающая линия,

ничего похожего на красоты, демонстрируемые по телевизору. И все же – Приливные Земли тонут. Приливные Земли скрываются под водами Прилива. Равнину устилали ряды поваленных ветром деревьев. Неслышный ветер швырял в звукоизолирующее стекло листья – пурпурные, индиговые, ультрамариновые.

Внизу, в свинячьей лоханке, стоял на коленях Грегорьян. Та же самая углеродная свая, те же самые адамантиновые кандалы, только другой кандальник, тоже не имеющий возможности ни встать, ни лечь. Его нервная система все еще была под контролем чемодана.

– Ладно, послушаем.

– Без моей помощи тебе не спастись, – сказал чемодан. Голосом Грегорьяна.

– А мне и здесь неплохо.

– Ну да, Прилив тебя не тронет. А потом, потом-то что ты будешь делать? Ты окажешься на крохотном островке, который никто никогда не найдет, не забывай про защиту. Пища скоро кончится, а кодов, позволяющих выйти отсюда на связь, вызвать флаер, ты не знаешь.

– А ты знаешь?

Чиновник перевел взгляд с коленопреклоненного волшебника на тело Пуфа, подвешенное к одному из крючьев. Лучше бы, конечно, повесить его на дерево, да где ж то дерево возьмешь. Ну а так – какое ни на есть, а все же подобие похорон по местному обычаю.

– Да. – Легкий, самоуверенный смех. – Мы в патовой позиции. Без твоей помощи я не выживу – без моей помощи ты не выберешься. Необходим компромисс. Твои предложения?

– Ты умрешь!

– Конечно.

Долгое, ошеломленное молчание.

– Ты это не серьезно.

– Поживем – увидим.

Чиновник опустился на колени, пощелкал переключателем телевизора, нашел свой сериал.

– Ты не можешь меня судить! У тебя нет морального права, ты сам это знаешь!

– Чего-чего?

– Ты и сам в грязи, с головы до ног. Помнишь, ты говорил, что ни в коем случае не станешь применять запрещенную технологию. Сказал Вейлеру, в самый еще первый день, что если ты ее применишь, то и сам будешь не лучше преступника. И все это время ты держал ее в резерве, под рукой, а потом использовал.

Наступила кульминация. Безумный Ахав привязал юного Байрона к мачте своего ковчега. Начинался Прилив. Русалка отчаянно трясла прутья за пертой клетки, а вода поднималась все выше и выше. Потом русалка смирилась с малоприятной, но

неизбежной перспективой и затянула предсмертную песню.

– Ну врал я, врал, – отмахнулся чиновник. – Помолчи, слушать мешаешь.

– Начальник? – В голосе чемодана чувствовалась странная нерешительность. – Знаешь, ведь сам он ничего не попросит. Гордый. Но я-то понимаю, что он сейчас испытывает. Перегрузить его нервную систему, и конец. Быстро и безболезненно.

Чиновник устроил себе гнездо из пухлых, с ярким островным орнаментом подушек. Он лежал и смотрел телевизор или, скорее, смотрел в сторону телевизора. Он безумно устал. Происходящее на экране не имело ни смысла, ни значения – просто поток каких-то малопонятных картинок. Он чувствовал себя как пресловутый выжатый лимон.

А еще он чувствовал на себе взгляд Грегорьяна. Будь во всем этом трепе про магию и оккультные силы хоть крупица правды, чиновник давно бы умер в страшных мучениях. Он не решался посмотреть волшебнику в глаза, отказывался с ним разговаривать – кто знает, возьмет еще и уговорит поменять решение.

– Да нет, – сказал чиновник. – Пусть уж будет все как есть.

Земля замерла в напряженном ожидании. Победная поступь Прилива раскачивала глубокие скальные породы, стонами и вздохами отдаваясь в подвалах Арарата. Кости и внутренности чиновника содрогались от чудовищных инфразвуков. Город словно ожил, наполнился невнятным бормотанием и потрескиванием, низким гудением углеродно-волоконных свай.

Океан заносил свой молот.

Приняв удар волны, Арарат зазвенит, как колокол. Все воды мира соберутся в один огромный кулак, попытаются снести это жалкое подобие горы, сотворенное слабыми человеческими руками. Изнутри, из глубин города, это будет похоже на конец цивилизации, конец света, на кульминацию всех потопов и землетрясений, какие видел когда-либо утомленный своим долголетием мир. Гибель всего живого, приход тьмы кромешной.

Когда воды угомонятся и отступят, окажется, что мир остался на месте, а Грегорьян исчез.

И чиновник сможет уснуть.

14. ПРИЛИВ

Чиновник сидел в штабной комнате и смотрел заключительный эпизод сериала. Прилив уже наступил, корабль Ахава разбился в щепки, почти все герои погибли. Почти. На самом крупном из обломков виднелись две крошечные" бессильно распростертые фигурки. Камера показала лицо Байрона, молодого человека, который любил и предавал, а теперь – оплакивал морскую деву. Полуприкрытые глаза, на губах – корка засохшей соли. Перенесенные страдания поставили его далеко за черту иллюзий и страхов. В решительный момент он собрал последние остатки сил и спас погибающего ребенка.

А вот и спасенный ребенок. Идеи, та самая девочка, увидевшая единорога и разучившаяся говорить. На изможденном личике – огромные изумруды глаз. Потрясение вывело девочку из аутизма, вернуло к жизни. Она вскочила на ноги, указала рукой куда-то вдаль.

– Смотри! – Голос звонкий, как серебряный колокольчик. – Земля!

Театр, придуманные страсти – и все же чиновник был очень рад, что Идеи осталась в живых. Хоть какое-то подобие хэппи-энда.

В комнату вошел чемодан.

– Начальник? Нам пора.

– Да, пожалуй.

Чиновник встал, с хрустом потянулся, затем опустился на колени и выключил телевизор. Навсегда. Полежали на подушках – и хватит.

– Ну, веди.

Они шли по коридору, сопровождаемые волной света – лампы вспыхивали при их приближении, потухали за спиной. Охранные системы следили, как положено, за движущимися объектами, обменивались кодированными сигналами, посылали сообщения в центр. Не получив указаний, они принимали самостоятельное решение: не мешать. Ведь в прошлые времена, когда эта база функционировала, весь ее персонал состоял из офицеров высшего звена, теоретиков.

Дверь открылась.

Небо, потрясающая голубизна. Над самым горизонтом висел Калибан, плоский, как кружок фильтровальной бумаги. Чиновник вышел наружу и зажмурился, ослепленный ярким полуденным светом.

Белая, пустынная терраса. Прилив унес с нее весь хлам,

ураганы, бушевавшие целую неделю, довершили уборку. Пуфа словно никогда и не было. От Грегорьяна остались одни цепи.

В мире пахло солью и безграничными возможностями. И всюду, насколько достает глаз, – вода, сплошное, без единого дефекта зеркало воды. Победа Океана над землей. Полная и окончательная? Нет, таких побед не бывает. Океан слишком огромный, чтобы вобрать его в себя, сделать частью внутреннего мира. Стоя на вершине Арарата, на бесконечно маленькой крупице камня, чиновник остро ощущал свою слабость, незначительность – и одновременно ликующую радость. Он до боли в глазах всматривался в мир, пытался постичь его – и не мог.

– Сюда.

– Да подожди ты.

Прежде чиновник видел Океан только из космоса. Ну и тогда еще, с флаера, по пути к Арарату – узкая такая перламутровая полоска на горизонте, между облаками и землей. А теперь Океан со всех сторон, безграничный, бесконечно изменчивый. Крутые, с белыми барашками волны вздымались и тут же падали, не давая себя рассмотреть. Волны бились с размаху о серые камни Арарата, швыряли к небу кружевные полотнища воды.

Непостижимо, невероятно. Суша совсем другая, она меняется медленно, постепенно, ее можно объять во всей полноте, можно упростить до основной структуры – и понять. А Океан и слишком прост и одновременно слишком сложен для восприятия. Слишком непривычен. Океан ошеломлял Чиновника, вселял в него робость.

– Но ты ведь не передумал, нет? – озабоченно спросил чемодан.

– Нет, что ты. – Чиновник стряхнул с себя оцепенение, глубоко вздохнул. – Пошли, я просто хотел слегка пообвыкнуть.

Куда – это не имело никакого значения, чуть отойди от военного комплекса, и ты неизбежно окажешься у крутого обрыва, за которым – все тот же Океан. Они направились на подветренную сторону Арарата по улицам, усеянным крошечными белыми анемонами. Всполошились и неуклюже убежали за угол морские аисты. Парочка трясунов сооружала себе гнездо. Зимняя живность обустраивалась всерьез и надолго.

Над головой кружили чайки, черные, как смертный грех.

Улица уткнулась в старую грузовую пристань. Ни вода, ни ветер, ни даже время не сумели вытравить с каменных плит красные стрелы транспортных указателей, желтые круги погрузочных площадок. Дальше был один Океан. Разговаривать не хотелось, хотелось просто стоять и слушать тихий рокот пибоя, шелестенье ветра, собственное сердце.

Сколько ни стой, а кончать начатое надо. Чиновник откашлялся.

– Ну что ж. – Он ужаснулся фальшивости собственного голоса, странным, подвизгивающим интонациям, деланному безразличию.

– Теперь, пожалуй, самое время отпустить тебя на свободу.

Некоторые, самые высокие, волны все еще накрывали Арарат с головой, но было уже видно, что ярость Прилива идет на убыль; чиновник потерял на время дар речи – как Идеи после встречи со своим единорогом. Мощь стихии была слишком огромна, чтобы объять ее мыслью, тем более – вместить в слова.

Он стоял, держась рукой за оконное стекло. Снизу, с глубины в четверть мили, доносился страдальческий стон перенапряженных свай, пол крупно дрожал.

В чиновнике что-то умерло. Боевой дух, ощущение цели. Не было никакого желания возвращаться на старое место, во Дворец Загадок. Не хотелось защищать все эти ихние святыни и ценности. И Филиппу опять же радость – получит освободившийся кабинет, подхватит на лету знамя, уроненное боевым товарищем. Нравится ему работать – вот пусть и работает, самого же чиновника от этих игр уже тошнило.

На окно с монотонной регулярностью обрушивались тысячетонные массы воды. Чиновник прижался лбом к холодному, безразличному стеклу и плотно зажмурился; невероятная, вызывающая благоговейный трепет картина все так же стояла перед глазами. Словно клеймо, навечно выжженное в сетчатке. Чиновнику казалось, что он куда-то проваливается, падает. Он не мог говорить о со бытиях последних дней, но не мог и молчать. Нужно было наполнить рот словами, уши – звуками. Заглушить громовой, всепроникающий голос Бога. Какими словами? Какими звуками? Безразлично.

– Если бы ты поймал золотую рыбку, – начал он; слова порхали в воздухе, случайные и бесцельные, как стайка мотыльков, – что бы ты у нее попросил?

Чемодан попятился, почти отскочил. Три быстрых, суетливых шага назад. У него что, тоже после Прилива крыша съехала? Да нет, такого быть не может. Почему? Потому, что такого не может быть. Просто демонстрирует почтительность к хозяину. Дистанцию держит.

– У меня нет желаний. Я конструкт, а потому не имею никаких жизненных целей, кроме служения человеку. Только для этого нас и создают. Ты сам это знаешь.

Перед внутренним взором чиновника мелькали смутные

очертания; какие-то твари беззвучно разбивались о стекло, соскальзывали вниз, исчезали. Чудовища, вырванные из глубин Океана – чтобы бессмысленно погибнуть в дюймах от лица… человека? От лица чудовища, вырванного из глубин Космоса. Потребовалось большое усилие, чтобы стряхнуть с себя наваждение и продолжить разговор.

– Да перестань ты ерунду городить. Скажи мне правду. Правду. Это приказ.

Долгое, напряженное, как струна, молчание. Не зная повадок чемодана, можно было бы подумать, что он уже не ответит.

– Если бы я мог исполнить любое свое желание… Механический голос звучал боязливо. Боязливо? Нет, скорее *застенчиво.*

– … я бы начал самостоятельную жизнь. Тихую, спокойную. Нашел бы себе место, где нет людей, чтобы не нужно было выполнять их приказы. Чтобы не нужно было принимать человеческую форму, рассуждать как человек, говорить человеческим языком. Не знаю уж точно, кем бы я стал – но я стал бы самим собой.

– Ну и куда бы ты направился?

– Я бы… я бы устроился на дне Океана. В какой-нибудь впадине. – Чемодан говорил, запинаясь, медленно и неуверенно. Было видно, что прежде он о таком даже и не помышлял. – Там есть рудные залежи, почти нетронутые. И выходы вулканического тепла, так что энергия тоже будет. И там нет никакой разумной жизни. Я бы оставил сушу и космос людям. А континентальный шельф – оборотням… то есть, конечно, если оборотни еще живы.

– Скучно тебе будет. Одиноко.

– Я бы построил других, по своему образу и подобию. Стал бы родоначальником новой расы.

Чиновник представил себе тайную цивилизацию механизмов, деловито снующих по океанскому дну. Унылые, неосвещенные – чтобы не выдавать себя – металлические города, крепкие, простейших форм постройки, способные выдержать сокрушающее давление нескольких миль воды.

– Тоскливая у вас там будет жизнь. Я бы лично выбрал что-нибудь поинтереснее.

– Я получу свободу.

– Свобода. – Чиновник вздохнул. – Что есть свобода?

Мир беззвучно изменился, на город обрушилась очередная волна. Затем волна схлынула, и все стало по-прежнему. Яркий солнечный свет сменился зеленоватым полумраком, начал быстро темнеть, дошел до почти чернильной тьмы, затем процесс пошел в обратном порядке. Наружный мир пребывал в хаосе и смятении.

Умирающие существа, существа живые, и нет над ними власти, никакой, ничьей. И ничто в мире не имеет никакого значения.

– А, ну ладно, – небрежно сказал чиновник. – Вот закончится вся эта катавасия, и я тебя отпущу.

– Церебральный сигнал хиленький, издалека его не поймаешь, так что ты сможешь смотреть моими глазами всего несколько минут. Плыви по возможности прямо, так будет меньше искажений восприятия. Вблизи поверхности можно ориентироваться по отраженным от Арарата волнам.

– Знаю.

Чиновник понимал, что должен сейчас что-то такое сказать, вот только что? Какие-нибудь основные заповеди новой цивилизации, которую вознамерился построить этот нахалюга.

– Будь милосерден… – начал он и тут же запнулся.

Ладно, попробуем иначе.

– И не оставайтесь там навсегда – ты и твой народ. Пообживетесь, почувствуете себя увереннее – вылезайте наверх, попробуем подружиться. Разумные существа заслуживают лучшей участи, чем прятаться всю жизнь в каком-то там темном углу.

– А если нам нравится на дне?

– Ну, если так, то конечно… – Чиновник осекся на полуслове. – Ты ведь шутишь, да? Смеешься надо мной?

– Да, смеюсь, – согласился чемодан. – Прости, если обидел. Я, начальник, всегда относился к тебе со всем уважением, да ты и сам это знаешь. Но не нужно ломать тут комедию, не подходит тебе роль Господа Бога, не подходит, и все тут.

– Ну ладно, – пожал плечами чиновник, – поступай как хочешь. Будь свободен. Выбирай себе форму по своему собственному вкусу, живи как тебе заблагорассудится. Приходи и уходи когда захочется. Не выполняй приказов человека – разве что по собственной свободной воле.

– Снятие с искусственного конструкта непреложных ограничений является предательством и, как таковое, карается…

– И все равно – поступай как хочешь.

– …лишением виртуального и физического гражданства, штрафом в сумме, не превышающей трех заработков за всю жизнь, смертью, тюремным заключением, радикальной перестройкой тела и психики, а также…

Грудь чиновника болезненно сжалась, ему не хватало воздуха; старые, с детства заложенные структуры очень живучи. Он сделал над собой усилие, глубоко вздохнул и сказал:

– Поступай как хочешь. Я приказываю в третий и последний раз.

Чемодан изменялся. Он округлился и вытянулся, выпустил кургузые крылья и длинный, изящный хвост. Вместо паучьих ног появились маленькие когтистые лапки. Над головой закачался странный, диковинный цветок – глаз на стебельке.

Чиновник ожидал услышать хоть какие-нибудь слова благодарности – и не дождался.

– Я готов, – сказал чемодан.

Лицо чиновника налилось кровью; он смущенно отвернулся, на мгновение забыв, что чемодан не видит этого яростного румянца, не может догадаться о мыслях своего бывшего хозяина. Ладно, простим ему ату неблагодарность. Он имеет право.

Над блестящей, округлой спиной появились две ручки – в точности такие же, как та, прежняя. Чиновник наклонился, поднял чемодан, раскачал его и швырнул. Гибкое, дельфинообразное тело полетело по длинной пологой параболе, врезалось в воду, подняв на удивление мало брызг, и помчалось прочь.

Прародитель будущей цивилизации плыл неглубоко, почти высовывался на поверхность. Чиновник смотрел вслед, прищурившись от соленого ветра и слепящих лучей Просперо, но потом глаза его заслезились и крохотный черный силуэт растаял в мареве.

Ветер дул резкими порывами, начинался шторм. Чиновник подошел к краю пристани и посмотрел вниз. Да, высоко. Вода совершенно непрозрачная. Тускло-серая, с голубым отливом, твердая, как кремень. И белые пятнышки бурунов. В Океане сейчас пропасть твердых предметов – здания и розовые кусты, локомотивы и грузовики, деревья и собачьи трупы. А еще акулы. Чиновник почти видел, как они охотятся в затонувших садах, бесшумно проскальзывают в окна монастырей. Города и поселки, поля и дороги аккуратного, упорядоченного мира превратились в подводные джунгли, попали во власть скользких, холодных хищников.

Ну и что?. Чиновник слышал призывную песнь Океана. И ничего не боялся.

Он снял куртку, аккуратно ее свернул и положил на камни, Снял рубашку. Брюки. Разделся догола. Зябкий ветер покрыл бледное, незагорелое тело гусиной кожей. Чиновник мелко дрожал – то ли от холода, то ли от нетерпения. Он сложил свою одежду в стопку, придавил ботинками.

Этот самый волшебник воображал, что без его помощи, без кодов выхода чиновник умрет. Ничего, мы тоже умеем показывать фокусы, не хуже покойного Вейлера. Грегорьян не знал и

половины технологических возможностей Системы, Корда не посвящал его в профессиональные секреты отдела. Хотя мог бы и сам догадаться, что для стражей, для хранителей ни одна запретная сила не является *абсолютно* запретной.

Чиновник чувствовал, что преобразующие факторы взялись за дело. Десять, начал считать он, девять… Океан – рулетка бесконечных возможностей, дорога, ведущая ко всем горизонтам одновременно, и – за. Восемь. Чиновник задержал дыхание. Реструктурированные мышцы наглухо зажали его ноздри. Семь. Центр тяжести ушел вверх; чиновник покачнулся и едва не упал. Шесть, пять, четыре. Кожу пощипывало, во рту появился отчетливый зеленый вкус. Ундина где-то там, на одном из тридцати тысяч островков Архипелага. Два. Найти ее почти невозможно – чиновник не питал на этот счет никаких иллюзий.

Один.

Он прыгнул вперед, за край, за черту.

Серо-голубой, с холодными белыми зубами бурунов Океан.

Чиновник падал и преображался.

notes

1

Американский астрофизик Дайсон предположил, что развитые цивилизации сооружают вокруг своих звезд замкнутые сферические оболочки – чтобы иметь больше места, а заодно использовать энергию светила на все 100%.

2

Геодезики, или геодезические купола, – легкие и прочные конструкции в виде полусферы, собираемые из стандартных элементов. Сооружения в форме геодезических куполов разработал и пропагандировал американский архитектор Ричард Б. Фуллер.

3

"Шератон" – известная во всем мире фирма, специализирующаяся на строительстве гостиниц. Соответственно, шератон в обиходе значит „гостиница“.

4

Здесь и далее автор использует английские народные стихи для детей.

5

Сэмюэл Пепис (1633-1703) занимал высокие посты при дворе Карла II. За знаменитый дневник, изобилующий пикантными историями, получил прозвище Князя Сплетников

6

Граждане „Народного Марса“ носят имена выдающихся деятелей Древнего Рима. Стилихон (IV-V век н, э.) – римский полководец, родом вандал

Цинциннат – консул 460 г, до н, э, и диктатор 458 г.

8

Индеец племени алгонкинов, ныне не существующего

9

Перевод М. Донского

10

Счастливого пути (фр.)

11

Перевод С. Маршака

12

Аллюзия на стихотворение Уильяма Блейка „Тигр“

13

Автор пародирует сказку Л. Ф. Баума „Мудрец из страны Оз“, где главной героине, чтобы вернуться домой, надо было постучать серебряными башмачками каблуком о каблук